Сочиненія
САЛТЫКОВА.

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/bwb_Y0-BIL-238_6

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

М. Е. САЛТЫКОВА

[Н. ЩЕДРИНА]

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1894.

М. Е. Салтыковъ

[Н. Щедринъ]

СКАЗКИ

[1880—1885 гг.]

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

[1884 — 1886 гг.]

НЕДОКОНЧЕННЫЯ БЕСѢДЫ

[1873—1884 гг.]

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1894.

2268

СОДЕРЖАНІЕ.

Сказки.

	стр.
1. Премудрый пискарь	1
2.—Самоотверженный заяцъ	6
3.—Бѣдный волкъ	12
4.—Карась-идеалистъ	18
5.—Добродѣтели и Пороки	29
6.—Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель	36
7.—Игрушечнаго дѣла людишки	39
8.—Чижиково горе	71
9.—Вѣрный Трезоръ	87
10.—Недреманное око	94
11.—Дуракъ	99
12.—Сосѣди	109
13.—Здравомысленный заяцъ	116
14.—Либералъ	124
15.—Баранъ-Непомнящій	130
16.—Коняга	135
17.—Кисель	141
18.—Праздный разговоръ	142
19.—Деревенскій пожаръ	148
20.—Путемъ-дорогою	156
21.—Гіена	160
22.—Приключеніе съ Крамольниковымъ	164
23.—Христова ночь	174
24.—Рождественская сказка	179
25.—Воронъ-челобитчикъ	189
26.—Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ.	199
27.—Пропала совѣсть	206
28.—Дикій помѣщикъ	218

Пестрыя письма.

	стр.
ПИСЬМО I.	229
„ II.	237
„ III.	251
„ IV.	275
„ V.	309
„ VI.	336
„ VII.	358
„ VIII.	377
„ IX.	399

Недоконченныя бесѣды.

Глава I.	417
„ II.	430
„ III.	441
„ IV.	456
„ V.	485
„ VI.	504
„ VII.	517
„ VIII.	528
„ IX.	544
„ X.	563—568

I.

СКАЗКИ

[1880—1885 гг.]

1.—Премудрый пискарь.

Жилъ былъ пискарь. И отецъ, и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы вѣки въ рѣкѣ прожили, и ни въ уху, ни къ щукѣ въ хайло̀ не попали. И сыну тоже заказали. „Смотри, сынокъ,—говорилъ старый пискарь, умирая:—коли хочешь жизнью жуировать, такъ гляди въ оба!“

А у молодого пискаря ума палата была. Началъ онъ этимъ умомъ раскидывать и видитъ: куда ни обернется—вездѣ ему матъ. Кругомъ, въ водѣ, все большія рыбы плаваютъ, а онъ всѣхъ меньше; всякая рыба его заглотать можетъ, а онъ никого заглотать не можетъ. Да и не понимаетъ: зачѣмъ глотать? Ракъ можетъ его клешней пополамъ перерѣзать, водяная блоха—въ хребетъ впиться и до смерти замучить. Даже свой братъ пискарь—и тотъ какъ увидитъ, что онъ комара изловилъ, цѣлымъ стадомъ такъ и бросится отнимать. Отнимутъ и начнутъ другъ съ дружкой драться, только комара задаромъ растреплютъ.

А человѣкъ?—что̀ это за ехидное созданіе такое! какихъ каверзъ онъ ни выдумалъ, чтобъ его, пискаря, напрасною смертью погублять! И невода, и сѣти, и верши, и ворота̀, и наконецъ... уду! Кажется, что̀ можетъ быть глупѣе уды?—Нитка, на ниткѣ крючокъ, на крючкѣ—червякъ или муха надѣты... Да и надѣты-то какъ?.. въ самомъ, можно сказать, неестественномъ положеніи! А между тѣмъ именно на уду всего больше пискарь и ловится!

Отецъ-старикъ не разъ его насчетъ уды предостерегалъ, „Пуще всего берегись уды!—говорилъ онъ:—потому что хоть и глупѣйшій это снарядъ, да вѣдь съ нами, пискарями, что̀ глупѣе, то̀ вѣрнѣе.

Бросятъ намъ муху, словно насъ же приголубить хотятъ: ты въ нее вцѣпишься—анъ въ мухѣ-то смерть!"

Разсказалъ также старикъ, какъ однажды онъ чуть-чуть въ уху не угодилъ. Ловили ихъ въ ту пору цѣлою артелью, во всю ширину рѣки неводъ растянули, да такъ версты съ двѣ по дну волокомъ и волокли. Страсть, сколько тогда рыбы попалось! И щуки, и окуни, и головли, и плотва, и гольцы, — даже лещей-лежебоковъ изъ тины со дна поднимали! А пискарямъ такъ и счетъ потеряли. И какихъ страховъ онъ, старый пискарь, натерпѣлся, покуда его по рѣкѣ волокли — это ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Чувствуетъ, что его везутъ, а куда—не знаетъ. Видитъ, что у него съ одного боку — щука, съ другого — окунь; думаетъ: вотъ-вотъ, сейчасъ, или та, или другой его съѣдятъ, а они—не трогаютъ... „Въ ту пору не до ѣды, братъ, было!" У всѣхъ одно на умѣ: смерть пришла! а какъ и почему она пришла — никто не понимаетъ. Наконецъ стали крылья у невода сводить, выволокли его на берегъ и начали рыбу изъ мотни въ траву валить. Тутъ-то онъ и узналъ, что такое уха. Трепещется на пескѣ что-то красное; сѣрыя облака отъ него вверхъ бѣгутъ: а жарко таково, что онъ сразу разомлѣлъ. И безъ того, безъ воды тошно, а тутъ еще поддаютъ... Слышитъ — „костеръ", говорятъ. А на „кострѣ" на этомъ черное что-то положено, и въ немъ вода, точно въ озерѣ, во время бури, ходуномъ ходитъ. Это „котелъ", говорятъ. А подъ-конецъ стали говорить: вали въ „котелъ" рыбу—будетъ „уха"! И начали туда нашего брата валить. Шваркнетъ рыбакъ рыбину — та сначала окунется, потомъ, какъ полоумная, выскочитъ, потомъ опять окунется — и присмиритъ. „Ухи", значитъ, отвѣдала. Валили-валили сначала безъ разбора, а потомъ одинъ старичокъ глянулъ на него и говоритъ: „Какой отъ него, отъ малыша, прокъ для ухи! пущай въ рѣкѣ поростетъ!" Взялъ его подъ жабры, да и пустилъ въ вольную воду. А онъ, не будь глупъ, во всѣ лопатки — домой! Прибѣжалъ, а пискариха его изъ норы ни жива, ни мертва выглядываетъ...

И что же! сколько ни толковалъ старикъ въ ту пору, что такое уха и въ чемъ она заключается, однако и по-днесь въ рѣкѣ рѣдко кто здравыя понятія объ ухѣ имѣетъ!

Но онъ, пискарь-сынъ, отлично запомнилъ поученія пискаря-отца, да и на усъ себѣ намоталъ. „Надо глядѣть въ оба,—сказалъ

онъ себѣ: а не то какъ разъ пропадешь!“ —и сталъ жить да поживать. Первымъ дѣломъ нору для себя такую придумалъ, чтобъ ему забраться въ нее было можно, а никому другому — не влѣзть! Долбилъ онъ носомъ эту нору цѣлый годъ, и страху въ это время принялъ, ночуя то въ илѣ, то подъ водянымъ лопухомъ, то въ осокѣ. Наконецъ однако выдолбилъ на славу. Чисто, аккуратно — именно только одному помѣститься впору. Вторымъ дѣломъ насчетъ житья своего рѣшилъ такъ: ночью, когда люди, звѣри, птицы и рыбы спятъ — онъ будетъ моціонъ дѣлать, а днемъ — станетъ въ норѣ сидѣть и дрожать. Но такъ какъ пить-ѣсть все-таки нужно, а жалованье онъ не получаетъ и прислуги не держитъ, то будетъ онъ выбѣгать изъ норы около полдёнъ, когда вся рыба ужъ сыта, и Богъ дастъ, можетъ быть, козявку-другую и промыслитъ. А ежели не промыслитъ, такъ и голодный въ норѣ заляжетъ, и будетъ опять дрожать. Ибо лучше не ѣсть, не пить, нежели съ сытымъ желудкомъ жизни лишиться.

Такъ онъ и поступалъ. Ночью моціонъ дѣлалъ, въ лунномъ свѣтѣ купался, а днемъ забирался въ нору и дрожалъ. Только въ полдни выбѣжитъ кой-чего похватать — да что въ полдень промыслишь! Въ это время и комаръ подъ листъ отъ жары прячется, и букашка подъ кору хоронится. Поглотаетъ воды — и шабашъ!

Лежитъ онъ день-деньской въ норѣ, ночей не досыпаетъ, куска не доѣдаетъ, и все-то думаетъ: „кажется, что я живъ? ахъ, что-то завтра будетъ?“

Задремлетъ, грѣшнымъ дѣломъ, а во снѣ ему снится, что у него выигрышный билетъ, и онъ на него двѣсти тысячъ выигралъ. Не помня себя отъ восторга, перевернется на другой бокъ — глядь, анъ у него цѣлыхъ полрыла изъ норы высунулось... Что еслибъ въ это время щуренокъ по близости былъ! вѣдь онъ бы его изъ норы-то вытащилъ!

Однажды проснулся онъ и видитъ: прямо противъ его норы стоитъ ракъ. Стоитъ неподвижно, словно околдованный, вытаращивъ на него костяные глаза. Только усы по теченію воды пошевеливаются. Вотъ когда онъ страху набрался! И цѣлыхъ полдня, покуда совсѣмъ не стемнѣло, этотъ ракъ его поджидалъ, а онъ тѣмъ временемъ все дрожалъ, все дрожалъ.

Въ другой разъ, только-что успѣлъ онъ передъ зорькой въ нору

воротить, только-что сладко зѣвнулъ, въ предвкушеніи сна—глядитъ, откуда ни возьмись, у самой норы щука стоитъ и зубами хлопаетъ. И тоже цѣлый день его стерегла, словно видомъ его однимъ сыта была. А онъ и щуку надулъ: не вышелъ изъ норы, да и шабашъ.

И не разъ, и не два это съ нимъ случалось, а почесть что каждый день. И каждый день онъ, дрожа, побѣды и одолѣнія одерживалъ, каждый день восклицалъ: „слава тебѣ, Господи! живъ!“

Но этого мало: онъ не женился и дѣтей не имѣлъ, хотя у отца его была большая семья. Онъ разсуждалъ такъ: „Отцу шутя можно было прожить! Въ то время и щуки были добрѣе, и окуни на насъ, мелюзгу, не зарились. А хотя однажды онъ и попалъ-было въ уху, такъ и тутъ нашелся старичокъ, который его вызволилъ! А нынѣче, какъ рыба-то въ рѣкахъ повывелась, и пискари въ честь попали. Такъ ужъ тутъ не до семьи, а какъ бы только самому прожить!“

И прожилъ премудрый пискарь такимъ родомъ слишкомъ сто лѣтъ. Все дрожалъ, все дрожалъ. Ни друзей у него, ни родныхъ: ни онъ къ кому, ни къ нему кто. Въ карты не играетъ, вина не пьетъ, табаку не куритъ, за красными дѣвушками не гоняется—только дрожитъ да одну думу думаетъ: „слава Богу! кажется, живъ!“

Даже щуки, подъ-конецъ, и тѣ стали его хвалить: „вотъ кабы всѣ такъ жили—то-то бы въ рѣкѣ тихо было!“ Да только онѣ это нарочно говорили; думали, что онъ на похвалу-то отрекомендуется—вотъ-молъ я! тутъ его и хлопъ! Но онъ и на эту штуку не поддался, а еще разъ своею мудростью козни враговъ побѣдилъ.

Сколько прошло годовъ послѣ ста лѣтъ—неизвѣстно, только сталъ премудрый пискарь помирать. Лежитъ въ норѣ и думаетъ: „слава Богу, я своею смертью помираю, такъ же, какъ умерли мать и отецъ“. И вспомнились ему тутъ щучьи слова: „вотъ кабы всѣ такъ жили, какъ этотъ премудрый пискарь живетъ“... А нутка, въ самомъ дѣлѣ, что бы тогда было?

Сталъ онъ раскидывать умомъ, котораго у него была палата, и вдругъ ему словно кто шепнулъ: „вѣдь этакъ, пожалуй, весь пискарскій родъ давно перевелся бы!“

Потому что для продолженія пискарьяго рода прежде всего нужна семья, а у него ея нѣтъ. Но этого мало: для того, чтобъ пискарья семья укрѣплялась и процвѣтала, чтобъ члены ея были здо-

ровы и бодры, нужно, чтобъ они воспитывались въ родной стихіи, а не въ норѣ, гдѣ онъ почти ослѣпъ отъ вѣчныхъ сумерекъ. Необходимо, чтобъ пискари достаточное питаніе получали, чтобъ не чуждались общественности, другъ съ другомъ хлѣбъ-соль [illegible] и другъ отъ друга добродѣтелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь можетъ совершенствовать пискарью породу и не дозволитъ ей измельчать и выродиться въ снѣтка.

Неправильно полагаютъ тѣ, кои думаютъ, что лишь тѣ пискари могутъ считаться достойными гражданами, кои, обезумѣвъ отъ страха, сидятъ въ норахъ и дрожатъ. Нѣтъ, это не граждане, а по меньшей мѣрѣ безполезные пискари. Никому изъ нихъ ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни безчестія, ни славы, ни безславія... живутъ, даромъ мѣсто занимаютъ, да кормъ ѣдятъ.

Все это представилось до того отчетливо и ясно, что вдругъ ему страстная охота пришла: „вылѣзу-ка я изъ норы да гоголемъ по всей рѣкѣ проплыву!“ Но едва онъ подумалъ объ этомъ, какъ опять испугался. И началъ, дрожа, помирать. Жилъ — дрожалъ, и умиралъ — дрожалъ.

Вся жизнь мгновенно передъ нимъ пронеслась. Какія были у него радости? кого онъ утѣшилъ? кому добрый совѣтъ подалъ? кому доброе слово сказалъ? кого пріютилъ, обогрѣлъ, защитилъ? кто слышалъ объ немъ? кто объ его существованіи вспомнитъ?

И на всѣ эти вопросы ему пришлось отвѣчать: никому, никто.

Онъ жилъ и дрожалъ — только и всего. Даже вотъ теперь: смерть у него на носу, а онъ все дрожитъ самъ не знаетъ, изъ-за чего. Въ норѣ у него темно, тѣсно, повернуться негдѣ; ни солнечный лучъ туда не заглянетъ, ни тепломъ не пахнётъ. И онъ лежитъ въ этой сырой мглѣ, незрячій, изможденный, никому ненужный, лежитъ и ждетъ: когда же, наконецъ, голодная смерть окончательно освободитъ его отъ безполезнаго существованія!

Слышно ему, какъ мимо его норы шмыгаютъ другія рыбы — можетъ быть, какъ и онъ, пискари — и ни одна не поинтересуется имъ. Ни одной на мысль не придетъ: дай-ка, спрошу я у премудраго пискаря, какимъ онъ манеромъ умудрился слишкомъ сто лѣтъ прожить, и ни щука его не заглотала, ни ракъ клешней не перешибъ, ни рыболовъ на уду не поймалъ? Плывутъ себѣ мимо, а можетъ быть и не

знаютъ, что вотъ въ этой норѣ премудрый пискарь свой жизненный процессъ завершаетъ!

И что̀ всего обиднѣе: не слыхать даже, чтобъ кто-нибудь премудрымъ его называлъ. Просто говорятъ: „слыхали вы про остолопа, который не ѣстъ, не пьетъ, никого не видитъ, ни съ кѣмъ хлѣба-соли не водитъ, а все только распостылую свою жизнь бережетъ?“ А многіе даже просто дуракомъ и срамцо̀мъ его называютъ и удивляются, какъ такихъ идоловъ вода терпитъ.

Раскидывалъ онъ такимъ образомъ своимъ умомъ и дремалъ. То-есть, не то что дремалъ, а забываться ужъ сталъ. Раздались въ его ушахъ предсмертные шоноты, разлилась по всему тѣлу истома. И привидѣлся ему тутъ прежній соблазнительный сонъ. Выигралъ будто бы онъ двѣсти тысячъ, выросъ на цѣлыхъ полъ-аршина и самъ щукъ глотаетъ.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, цѣликомъ изъ норы и высунулось.

И вдругъ онъ исчезъ. Что̀ тутъ случилось—щука ли его заглотала, ракъ ли клешней перешибъ, или самъ онъ своею смертью умеръ и всплылъ на поверхность—свидѣтелей этому дѣлу не было. Скорѣе всего,—самъ умеръ, потому что какая сласть щукѣ глотать хвораго, умирающаго пискаря, да къ тому же еще и *премудраго?*

2.—Самоотверженный заяцъ.

Однажды заяцъ передъ волкомъ провинился. Бѣжалъ онъ, видите ли, неподалеку отъ волчьяго лóгова, а волкъ увидѣлъ его и кричитъ: „заинька! остановись, миленькій!“ А заяцъ не только не остановился, а еще пуще ходу прибавилъ. Вотъ волкъ въ три прыжка его поймалъ, да и говоритъ: „За то, что ты съ перваго моего слова не остановился — вотъ тебѣ мое рѣшеніе: приговариваю я тебя къ лишенію живота посредствомъ растерзанія. А такъ какъ теперь и я сытъ, и волчиха моя сыта, и запасу у насъ еще дней на пять хватитъ, то сиди ты вотъ подъ этимъ кустомъ и жди очереди. А можетъ быть... ха-ха... я тебя и помилую!“

Сидитъ заяцъ на заднихъ лапкахъ подъ кустомъ и не шевельнется.

Только объ одномъ думаетъ: черезъ столько-то сутокъ и часовъ смерть должна придти. Глянетъ онъ въ сторону, гдѣ находится волчье лѣгово, а оттуда на него свѣтящее волчье око смотритъ. А въ другой разъ и еще того хуже: выйдутъ волкъ съ волчихой и начнутъ по полянкѣ мимо него погуливать. Посмотритъ на него, и что-то волкъ волчихѣ по-волчьему скажетъ, и оба зальются: ха-ха! И волчата тутъ же за ними увяжутся; играючи, къ нему подбѣгутъ, ласкаются, зубами стучатъ... А у него, у зайца, сердце такъ и закатится!

Никогда онъ такъ не любилъ жизни, какъ теперь. Былъ онъ заяцъ обстоятельный, высмотрѣлъ у вдовы, у зайчихи, дочку и жениться хотѣлъ. Именно къ ней, къ невѣстѣ своей, онъ и бѣжалъ въ ту минуту, какъ волкъ его за шиворотъ ухватилъ. Ждетъ, чай, его невѣста, думаетъ: „измѣнилъ мнѣ косой!“ А можетъ быть, подождала-подождала, да и съ другимъ... слюбилась... А можетъ быть и такъ: играла, бѣдняжка, въ кустахъ, а тутъ ее волкъ... и слопалъ...

Думаетъ это бѣдняга и слезами такъ и захлебывается. Вотъ онѣ, заячьи-то мечты! жениться разсчитывалъ, самоваръ купилъ, мечталъ, какъ съ молодой зайчихой будетъ чай-сахаръ пить, и вмѣсто всего —куда угодилъ! А сколько, бишь, часовъ, до смерти-то осталось?

И вотъ сидитъ онъ однажды ночью и дремлетъ. Снится ему, будто волкъ его при себѣ чиновникомъ особыхъ порученій сдѣлалъ, а самъ, покуда онъ по ревизіямъ бѣгаетъ, къ его зайчихѣ въ гости ходитъ... Вдругъ слышитъ, словно его кто-то подъ бокъ толкнулъ. Оглядывается — анъ это невѣстинъ братъ.

— Невѣста-то твоя помираетъ, — говоритъ. — Прослышала, какая надъ тобой бѣда стряслась, и въ одночасье зачахла. Теперь только объ одномъ и думаетъ: „неужто я такъ и помру, не простившись съ ненаглядымъ моимъ!“

Слушалъ эти слова осужденный, и сердце его на части разрывалось. За что? чѣмъ заслужилъ онъ свою горькую участь? Жилъ онъ открыто, революцій не пушалъ, съ оружіемъ въ рукахъ не выходилъ, бѣжалъ по своей надобности — неужто-жъ за это смерть? Смерть! подумайте, слово-то вѣдь какое! И не ему одному смерть, а и ей, сѣренькой заинькѣ, которая тѣмъ только и виновата, что его, косого, всѣмъ сердцемъ полюбила! Такъ бы онъ къ ней и полетѣлъ, взялъ бы ее, сѣренькую заиньку, передними лапками за ушки, и все бы миловалъ да по головкѣ бы гладилъ.

— Бѣжимъ! — говорилъ между тѣмъ посланецъ.

Услыхавши это слово, осужденный на минуту словно преобразился. Совсѣмъ ужъ въ комокъ собрался и уши на спину заложилъ. Вотъ-вотъ прянетъ — и слѣдъ простылъ. Не слѣдовало ему въ эту минуту на волчье логово смотрѣть, а онъ посмотрѣлъ. И закатилось заячье сердце.

— Не могу, — говоритъ: — волкъ не велѣлъ.

А волкъ между тѣмъ все видитъ и слышитъ, и потихоньку по-волчьи съ волчихой перешептывается: должно быть, зайца за благородство хвалятъ.

— Бѣжимъ! — опять говоритъ посланецъ.

— Не могу! — повторяетъ осужденный.

— Что вы тамъ шепчетесь, злоумышляете? — какъ гаркнетъ вдругъ волкъ.

Оба зайца такъ и обмерли. Попался и посланецъ! Подговоръ часовыхъ къ побѣгу — что, бишь, за это по правиламъ-то полагается? Ахъ, быть сѣрой заинькѣ и безъ жениха, и безъ братца — обоихъ волкъ съ волчихой слопаютъ!

Опомнились косые — а передъ ними и волкъ и волчиха зубами стучатъ, а глаза у обоихъ въ ночной темнотѣ, словно фонари, такъ и свѣтятся.

— Мы, ваше благородіе, ничего... такъ, промежду себя... землячокъ провѣдать меня пришелъ! — лепечетъ осужденный, а самъ такъ и мретъ отъ страху.

— То-то „ничего“! знаю я васъ! пальца вамъ тоже въ ротъ не клади! Сказывайте, въ чемъ дѣло?

— Такъ и такъ, ваше благородіе, — вступился тутъ невѣстинъ братъ: — сестрица моя, а его невѣста, помретъ, такъ проситъ, нельзя ли его проститься съ нею отпустить?

— Гм... это хорошо, что невѣста жениха любитъ, — говоритъ волчиха. — Это значитъ, что зайчатъ у нихъ много будетъ, корму волкамъ прибавится. И мы съ волкомъ любимся, и у насъ волчатъ много. Сколько по волѣ ходятъ, а четверо и теперь при насъ живутъ. Волкъ, а, волкъ! отпустить, что-ли, жениха къ невѣстѣ проститься?

— Да вѣдь его на послѣ-завтра ѣсть назначено...

— Я, ваше благородіе прибѣгу... я мигомъ оборочу... у меня это... вотъ какъ Богъ святъ прибѣгу! — заспѣшилъ осужденный, и

чтобы волкъ не сомнѣвался, что онъ *можетъ* мигомъ оборотить, такимъ вдругъ молодцомъ прикинулся, что самъ волкъ на него залюбовался и подумалъ: „вотъ кабы у меня солдаты такіе были!“

А волчиха пригорюнилась и молвила:

— Вотъ, поди-жъ ты! заяцъ, а какъ свою зайчиху любитъ!

Дѣлать нечего, согласился волкъ отпустить косого въ побывку, но съ тѣмъ, чтобы какъ разъ къ сроку оборотилъ. А невѣстина брата аманатомъ у себя оставилъ.

— Коли не воротишься черезъ двое сутокъ къ шести часамъ утра,—сказалъ онъ:—я его вмѣсто тебя съѣмъ; а коли воротишься —обоихъ съѣмъ, а можетъ быть... ха-ха... и помилую!

Пустился косой какъ изъ лука стрѣла. Бѣжитъ, земля дрожитъ. Гора на пути встрѣчается—онъ ее „на уру“ возьметъ; рѣка —онъ и броду не ищетъ, прямо вплавь такъ и чешетъ; болото — онъ съ пятой кочки на десятую перепрыгиваетъ. Шутка ли? въ тридевятое царство поспѣть надо, да въ баню сходить, да жениться („непремѣнно женюсь!“ ежеминутно твердилъ онъ себѣ), да обратно, чтобы къ волку на завтракъ попасть...

Даже птицы быстротѣ его удивлялись, — говорили: „вотъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ пишутъ, будто у зайцевъ не душа, а паръ—а вонъ онъ какъ... улепетываетъ!“

Прибѣжалъ наконецъ. Сколько тутъ радостей было—этого ни въ сказкѣ не сказать, ни перомъ описать. Сѣренькая заинька, какъ увидѣла своего ненаглядного, такъ и про хворь позабыла. Встала на задніе лапки, надѣла на себя барабанъ, и ну лапками „кавалерійскую рысь“ выбивать — это она сюрпризъ жениху приготовила. А вдова-зайчиха такъ просто засовалась совѣмъ: не знаетъ, гдѣ усадить нареченнаго зятюшку, чѣмъ накормить. Прибѣжали тутъ тетки со всѣхъ сторонъ, да кумы, да сестрицы—всѣмъ лестно на жениха посмотрѣть, а можетъ быть и лакомаго кусочка въ гостяхъ отвѣдать.

Одинъ женихъ словно не въ себѣ сидитъ. Не успѣлъ съ невѣстой намиловаться, какъ ужъ затвердилъ:

— Мнѣ бы въ баню сходить да жениться поскорѣе!

— Что больно къ спѣху западобилось?— подшучиваетъ надъ нимъ зайчиха-мать.

— Обратно бѣжать надо. Только на одинъ сутки волкъ и отпустилъ.

Разсказалъ онъ тутъ, какъ и что. Разсказываетъ, а самъ горькими слезами разливается. И воротиться-то ему не хочется, и не воротиться нельзя. Слово, вишь, далъ; а заяцъ своему слову—господинъ. Судили тутъ тетки и сестрицы—и тѣ въ одинъ голосъ сказали: — Правду ты, косой, молвилъ: не давши слова — крѣпись, а давши—держись! никогда во всемъ нашемъ заячьемъ роду того не бывало, чтобы зайцы обманывали!

Скоро сказка сказывается, а дѣло промежду зайцевъ еще того скорѣе дѣлается. Къ утру косого окрутили, а передъ вечеромъ онъ ужъ прощался съ молодой женой.

— Безпремѣнно меня волкъ съѣстъ,—говорилъ онъ:—такъ ты будь мнѣ вѣрна. А ежели родятся у тебя дѣти, то воспитывай ихъ строго. Лучше же всего отдай ты ихъ въ циркъ: тамъ ихъ не только въ барабанъ бить, но и въ пушечку горохомъ стрѣлять научатъ.

И вдругъ, словно въ забытьи (опять, стало-быть, про волка вспомнилъ), прибавилъ:

— А можетъ быть, волкъ меня... ха-ха... и помилуетъ!

Только его и видѣли.

Между тѣмъ покуда косой жуировалъ да свадьбу справлялъ, на томъ пространствѣ, которое раздѣляло тридевятое царство отъ волчьяго логова, великія бѣды приключились. Въ одномъ мѣстѣ дожди пролились, такъ что рѣка, которую за сутки раньше заяцъ шутя переплылъ, вздулась и на десять верстъ разлилась. Въ другомъ мѣстѣ король Аронъ королю Никитѣ войну объявилъ и на самомъ заячьемъ пути сраженіе кипѣло. Въ третьемъ мѣстѣ холера проявилась—надо было цѣлую карантинную цѣпь верстъ на сто обогнуть... А кромѣ того, волки, лисицы, совы—на каждомъ шагу такъ и стерегутъ.

Уменъ былъ косой: заранѣе такъ разсчиталъ, чтобы три часа у него въ запасѣ оставалось; однако, какъ пошли одни за другими препятствія, сердце въ немъ такъ и похолодѣло. Бѣжитъ онъ вечеръ, бѣжитъ полъ-ночи; ноги у него камнями изсѣчены, на бокахъ отъ колючихъ вѣтвей шерсть клочьями виситъ, глаза помутились, у рта кровавая пѣна сочится, а ему вонъ еще сколько бѣжать осталось! И все-то ему другъ аманатъ, какъ живой, мерещится. Стоитъ онъ теперь у волка на часахъ и думаетъ: „черезъ столько-то часовъ милый зятекъ на выручку прибѣжитъ!“ Вспомнитъ онъ объ этомъ

— и еще шибче припуститъ. Ни горы, ни долы, ни лѣса, ни болота — все ему нипочемъ! Сколько разъ сердце въ немъ разорваться хотѣло, такъ онъ и надъ сердцемъ власть взялъ, чтобы безплодныя волненія его отъ главной цѣли не отвлекали. Не [illegible] теперь, не до слезъ; пускай всѣ чувства умолкнутъ, лишь бы друга изъ волчьей пасти вырвать!

Вотъ ужъ и день заниматься сталъ. Совы, сычи, летучія мыши на ночлегъ потянули; въ воздухѣ холодкомъ пахну́ло. И вдругъ все кругомъ затихло, словно помертвѣло. А косой все бѣжитъ и все одну думу думаетъ: „неужто-жъ я друга не выручу?“

Заалѣлъ востокъ; сперва на дальнемъ горизонтѣ слегка на облака огнемъ брызнуло, потомъ пуще и пуще, и вдругъ — пламя! Роса на травѣ загорѣлась; проснулись птицы денныя, поползли муравьи, черви, козявки; дымкомъ откуда-то потянуло, во ржи и въ овсахъ словно шопотъ пошелъ, слышнѣе, слышнѣе... А косой ничего не видитъ, не слышитъ, только одно твердитъ: „погубилъ я друга своего, погубилъ!“

Но вотъ наконецъ гора. За этой горой — болото, и въ немъ — волчье лóгово... Опоздалъ, косой, опоздалъ!

Послѣднія силы напрягаетъ онъ, чтобъ вскочить на вершину горы... вскочилъ! Но онъ ужъ не можетъ бѣжать, онъ падаетъ отъ изнеможенія... неужто-жъ онъ такъ и не добѣжитъ?

Волчье лóгово передъ нимъ какъ на блюдечкѣ. Гдѣ-то вдали на колокольнѣ бьетъ шесть часовъ, и каждый ударъ колокола словно молотомъ бьетъ въ сердце измученнаго звѣрюги. Съ послѣднимъ ударомъ волкъ поднялся съ лóгова, потянулся и хвостомъ отъ удовольствія замахалъ. Вотъ онъ подошелъ къ аманату, сгребъ его въ лапы и запустилъ когти въ животъ, чтобы разодрать его на двѣ половины: одну для себя, другую для волчихи. И волчата тутъ; обсѣли кругомъ отца-матери, щелкаютъ зубами, учатся.

— Здѣсь я! здѣсь! — крикнулъ косой, какъ сто тысячъ зайцевъ вмѣстѣ. И кубаремъ скатился съ горы въ болото.

И волкъ его похвалилъ.

— Вижу,—сказалъ онъ,—что зайцамъ вѣрить можно. И вотъ вамъ моя резолюція: сидите, до поры, до времени, оба подъ этимъ кустомъ, а впослѣдствіи я васъ... ха-ха... помилую!

3.—Бѣдный волкъ.

Другой звѣрь навѣрное тронулся бы самоотверженностью зайца, не ограничился бы обѣщаніемъ, а сейчасъ бы помиловалъ. Но изъ всѣхъ хищниковъ, водящихся въ умѣренномъ и сѣверномъ климатахъ, волкъ всего менѣе доступенъ великодушію.

Однакожъ не по своей волѣ онъ такъ жестокъ, а потому, что комплекція у него каверзная: ничего онъ, кромѣ мясного, ѣсть не можетъ. А чтобы достать мясную пищу, онъ не можетъ иначе поступать, какъ живое существо жизни лишить. Однимъ словомъ, обязывается учинить злодѣйство, разбой.

Нелегко ему пропитаніе его достается. Смерть-то вѣдь никому не сладка, а онъ именно только со смертью ко всякому лѣзетъ. Поэтому кто посильнѣе—самъ отъ него обороняется, а иного, который самъ защититься не можетъ, другіе обороняютъ. Частенько-таки волкъ голодный ходитъ, да еще съ помятыми боками вдобавокъ. Сядетъ онъ въ ту пору, подниметъ рыло кверху и такъ пронзительно воетъ, что на версту кругомъ у всякой живой твари, отъ страху да отъ тоски, душа въ пятки уходитъ. А волчиха его еще тоскливѣе подвываетъ, потому что у нея волчата, а накормить ихъ нечѣмъ.

Нѣтъ того звѣря на свѣтѣ, который не ненавидѣлъ бы волка, не проклиналъ бы его. Стономъ стонетъ весь лѣсъ при его появленіи: „проклятый волкъ! убійца! душегубъ!“ И бѣжитъ онъ впередъ да впередъ, голову повернуть не смѣетъ, а въ догонку ему: „разбойникъ! живорѣзъ!“ Уволокъ волкъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, у бабы овцу — баба-то и о сю пору слезъ не осушала: „проклятый волкъ! душегубъ!“ А у него съ тѣхъ поръ маковой росинки въ пасти не было: овцу-то сожралъ, а другую зарѣзать не пришлось... И баба воетъ, и онъ воетъ... какъ тутъ разберешь?

Говорятъ, что волкъ мужика обездоливаетъ; да вѣдь и мужикъ тоже, какъ обозлится, куда лютъ бываетъ! И дубьемъ-то онъ его бьетъ, и изъ ружья въ него палитъ, и волчьи ямы ростъ, и капканы ставитъ, и облавы на него устраиваетъ. „Душегубъ! разбойникъ!—только и раздается про волка въ деревняхъ: „послѣднюю корову зарѣзалъ! остатнюю овцу уволокъ!“ А чѣмъ онъ виноватъ, коли иначе ему прожить на свѣтѣ нельзя?

И убьешь-то его, такъ проку отъ него нѣтъ. Мясо—негодное, шкура жесткая—не грѣетъ. Только и корысти-то, что вдоволь надъ нимъ, проклятымъ, натѣшишься да на вилы живьемъ поднимешь: пускай, гадина, капля по каплѣ кровью исходитъ!

Не можетъ волкъ, не лишая живота, на свѣтѣ прожить—вотъ въ чемъ его бѣда! Но вѣдь онъ этого не понимаетъ. Если его злодѣемъ зовутъ, такъ вѣдь и онъ зоветъ злодѣями тѣхъ, которые его преслѣдуютъ, увѣчатъ, убиваютъ. Развѣ онъ понимаетъ, что своею жизнью другимъ жизнямъ вредъ наноситъ? Онъ думаетъ, что живетъ—только и всего. Лошадь—тяжести возитъ, корова—даетъ молоко, овца—волну, а онъ—разбойничаетъ, убиваетъ. И лошадь, и корова, и овца, и волкъ—всѣ „живутъ", каждый по своему.

И вотъ нашелся однакожъ между волками одинъ, который долгіе вѣки все убивалъ да разбойничалъ, и вдругъ, подъ старость, догадываться началъ, что есть въ его жизни что-то неладное.

Жилъ этотъ волкъ смолоду очень шибко и былъ однимъ изъ немногихъ хищниковъ, который почти никогда не голодалъ. И день, и ночь онъ разбойничалъ, и все ему съ рукъ сходило. У пастуховъ изъподъ носу барановъ утаскивалъ; во дворы по деревнямъ забирался; коровъ рѣзалъ; лѣсника однажды до смерти загрызъ; мальчика маленькаго, у всѣхъ на глазахъ, съ улицы въ лѣсъ унесъ. Слыхалъ онъ, что его за эти дѣла всѣ ненавидятъ и клянутъ, да только лютѣй и лютѣй отъ этихъ покоровъ становился.

— Послушали бы, что̀ въ лѣсу-то дѣлается, — говорилъ онъ: —нѣтъ той минуты, чтобы тамъ убійства не было, чтобъ какая-нибудь звѣрюга не верезжала, съ жизнью разставаясь,—такъ неужто-жъ на это смотрѣть?

И дожилъ онъ такимъ родомъ, промежду разбоевъ, до тѣхъ лѣтъ, когда волкъ ужъ „матерымъ" называется. Отяжелѣлъ маленько, но разбои все-таки не оставилъ; напротивъ, словно бы даже полютѣлъ. Только и попадись онъ нечаянно въ лапы къ медвѣдю. А медвѣди волковъ не любятъ, потому что и на нихъ волки шайками нападаютъ, и частенько-таки слухи по лѣсу ходятъ, что тамъ-то и тамъ-то Михайло Иванычъ оплошалъ: въ клочки сѣрые вороги шубу ему разорвали.

Держитъ медвѣдь волка въ лапахъ и думаетъ: „Что̀ мнѣ съ нимъ, съ подлецомъ, дѣлать? ежели съѣсть—съ души сопретъ; ежели

такъ задавить да бросить—только лѣсъ запахомъ его надали заразишь. Дай, посмотрю: можетъ быть, у него совѣсть есть. Коли есть совѣсть, да поклянется онъ впередъ не разбойничать—я его отпущу".

— Волкъ, а, волкъ! — молвилъ Топтыгинъ: — неужто у тебя совѣсти нѣтъ?

— Ахъ, что вы, ваше степенство!—отвѣтилъ волкъ: — развѣ можно хоть одинъ день на свѣтѣ безъ совѣсти прожить!

— Стало быть, можно, коли ты живешь. Подумай: каждый божій день только и вѣстей про тебя, что ты или шкуру содралъ, или зарѣзалъ—развѣ это на совѣсть похоже?

— Ваше степенство! позвольте вамъ доложить! долженъ ли я пить-ѣсть, волчиху свою накормить, волчатъ воспитать? какую вы на этотъ счетъ резолюцію изволите положить?

Подумалъ-подумалъ Михайло Иванычъ,—видитъ: коли положено волку на свѣтѣ быть, стало-быть и прокормить онъ себя право имѣетъ.

— Долженъ,—говоритъ.

— А вѣдь я кромѣ мясного—ни-ни! Вотъ хоть бы ваше степенство къ примѣру взять: вы и малинкой полакомитесь, и медкомъ отъ пчелъ позаимствуетесь, и овсеца пососете, а для меня ничего этого хоть бы не было! Да опять же и другая вольгота у вашего степенства есть: зимой, какъ заляжете вы въ берлогу, ничего вамъ, кромѣ собственной лапы, не требуется. А я и зиму, и лѣто — нѣтъ той минуты, чтобы я о пищѣ не думалъ! И все объ мясцѣ. Такъ какимъ же родомъ я эту пищу добуду, коли прежде не зарѣжу или не задушу?

Задумался медвѣдь надъ этими волчьими словами, однако все еще попытать хочетъ.

— Да ты бы,—говоритъ,—хоть полегче, что-ли...

— Я и то, ваше степенство, сколько могу, облегчаю. Лисица—та зудитъ; рванетъ разъ—и отскочитъ, потомъ опять рванетъ — и опять отскочитъ... А я прямо за горло хватаю—шабашъ!

Еще пуще задумался медвѣдь. Видитъ, что волкъ ему правдуматку рѣжетъ, а отпустить его все еще опасается: сейчасъ онъ опять за разбойныя дѣла примется.

— Раскайся, волкъ!—говоритъ.

— Не въ чемъ мнѣ, ваше степенство, каяться. Никто своей

жизни не ворогъ, и я въ томъ числѣ; такъ въ чемъ же тутъ моя вина?

— Да ты хоть пообѣщай!

— И обѣщать, ваше степенство, не могу. Вотъ [illegible]—та вамъ что̀ хотите обѣщаетъ, а я—не могу.

Что̀ дѣлать! Подумалъ, подумалъ медвѣдь, да наконецъ и рѣшилъ.

— Пренесчастнѣйшій ты есть звѣрь—вотъ что̀ я тебѣ скажу! —молвилъ онъ волку.—Не могу я тебя судить, хоть и знаю, что много беру на душу грѣха, отпуская тебя. Одно могу прибавить: на твоемъ мѣстѣ я не только бы жизнью не дорожилъ, а за благо бы смерть для себя почиталъ! И ты надъ этими моими словами подумай!

И отпустилъ волка на всѣ четыре стороны.

Освободился волкъ изъ медвѣжьихъ лапъ и сейчасъ опять за старое ремесло принялся. Стонетъ отъ него лѣсъ, да и шабашъ. Повадился въ одну и ту же деревню; въ двѣ, въ три ночи цѣлое стадо зря перерѣзалъ—и нѝшто ему. Заляжетъ съ сытымъ брюхомъ въ болотѣ, потягивается да глаза жмуритъ. Даже на медвѣдя, своего благодѣтеля, войной пошелъ, да тотъ, по счастію, во̀-время спохватился да только лапой ему издали погрозилъ.

Долго ли, коротко ли онъ такъ буйствовалъ, однако и къ нему наконецъ старость пришла. Силы убавились, проворство пропало, да вдобавокъ мужичокъ ему спинной хребетъ полѣномъ перешибъ; хоть и отлежался онъ, а все-таки ужъ на прежняго удальца-живорѣза непохожъ сталъ. Кинется въ догонку за зайцемъ—а ногъ-то ужъ нѣтъ. Подойдетъ къ лѣсной опушкѣ, овечку изъ стада попробуетъ унести —а собаки такъ и скачутъ-заливаются. Подожметъ онъ хвостъ, да и бѣжитъ съ пусто̀мъ.

— Никакъ я ужъ и собакъ бояться сталъ?—спрашиваетъ онъ себя.

Воротится въ логово и начнетъ выть. Сова въ лѣсу рыдаетъ да онъ въ болотѣ воетъ—страсти Господни, какой поднимется въ деревнѣ переполохъ!

Только промыслилъ онъ однажды ягненочка и волочётъ его за шиворотъ въ лѣсъ. А ягненочекъ-то самый еще несмысленочекъ былъ; волочётъ его волкъ, а онъ не понимаетъ. Только одно твердитъ:— Что̀ такое? что̀ такое?

— А я вотъ покажу тебѣ, что̀ такое... мммерррзавецъ!—остервенился волкъ.

— Дяденька! я въ лѣсъ гулять не хочу! я къ мамѣ хочу! не буду я, дяденька, не буду!—вдругъ догадался ягненочекъ, и не то заблеялъ, не то зарыдалъ: — ахъ, пастушокъ, пастушокъ! ахъ, собачки! собачки!

Остановился волкъ и прислушивается. Много онъ на своемъ вѣку овецъ перерѣзалъ, и всѣ онѣ какія-то равнодушныя были. Не успѣетъ ее волкъ ухватить, а она ужъ и глаза зажмурила, лежитъ не шелохнется, словно натуральную повинность исправляетъ. А вотъ и малышъ — а поди какъ плачетъ: хочется ему жить! Ахъ, видно, и всѣмъ эта распостылая жизнь сладка! Вотъ и онъ, волкъ — старъ-старъ, а все бы годковъ еще съ сотенку пожилъ!

И припомнились ему тутъ слова Топтыгина: „на твоемъ бы мѣстѣ я не жизнь, а смерть за благо для себя почиталъ“. Отчего такъ? Почему для всѣхъ другихъ земныхъ тварей жизнь — благо, а *для него* она—проклятіе и позоръ?

И, не дождавшись отвѣта, выпустилъ изъ пасти ягненка, а самъ побрелъ, опустивъ хвостъ, въ логово, чтобы тамъ на досугѣ умомъ раскинуть.

Но ничего ему этотъ умъ не выяснилъ, кромѣ того, что̀ онъ ужъ давно зналъ, а именно: что никакъ ему, волку, иначе прожить нельзя, какъ убійствомъ и разбоемъ.

Легъ онъ плашмя на землю и никакъ улежать не можетъ. Умъ —одно говоритъ, а нутро—чѣмъ-то другимъ загорается. Недуги, что-ли, его ослабили, старость ли въ раззоръ раззорила, голодъ ли измучилъ, только не можетъ онъ прежней власти надъ собой взять. Такъ и гремитъ у него въ ушахъ: „проклятый! душегубецъ, живорѣзъ!“ Что̀ жъ въ томъ, что онъ за собой вольной вины не знаетъ? вѣдь проклятій-то все-таки не заглушишь! Охъ, видно, правду сказалъ медвѣдь: только и остается, что руки на себя наложить!

Такъ вѣдь и тутъ опять горе: звѣрь вѣдь онъ—даже рукъ на себя наложить не умѣетъ. Ничего самъ собой звѣрь не можетъ: ни порядка жизни измѣнить, ни умереть. Живетъ онъ словно во снѣ, и умретъ—словно во снѣ же. Можетъ быть, его псы растерзаютъ или мужикъ подстрѣлитъ; такъ и тутъ онъ только захранитъ да корчей

его на мгновенье сведетъ—и духъ вонъ. А откуда и какъ пришла смерть—онъ и не догадается.

Вотъ развѣ голодомъ онъ себя изведетъ... Нынче онъ ужъ и за зайцами гоняться пересталъ, только около птицъ ходитъ. Поймаетъ молодую ворону или витютня—только этимъ и сытъ. Такъ даже и тутъ прочіе витютни хоромъ кричатъ: „проклятый! проклятый! проклятый!“

Именно проклятый. Ну, какъ-таки только затѣмъ жить, чтобы убивать и разбойничать? Положимъ, несправедливо его проклинаютъ, нерезонно: не своей волей онъ разбойничаетъ,—но какъ не проклинать? Сколько онъ звѣрья на своемъ вѣку погубилъ! сколько бабъ, мужиковъ обездолилъ, на всю жизнь несчастными сдѣлалъ!

Много лѣтъ онъ въ этихъ мысляхъ промучился; только одно слово въ ушахъ его и гремѣло: „проклятый! проклятый! проклятый!“ Да и самъ себѣ онъ все чаще и чаще повторялъ: „именно проклятый! проклятый и есть; душегубъ, живорѣзъ!“ И все-таки, мучимый голодомъ, шелъ на добычу, душилъ, рвалъ и терзалъ...

И началъ онъ звать смерть. „Смерть! смерть! хоть бы ты освободила отъ меня звѣрей, мужиковъ и птицъ! Хоть бы ты освободила меня отъ самого себя!“—день и ночь вылъ онъ, на небо глядючи. А звѣри и мужики, слыша его вой, въ страхѣ вопили: „душегубъ! душегубъ! душегубъ!“ Даже небу пожаловаться онъ не могъ безъ того, чтобъ проклятья на него со всѣхъ сторонъ не сыпались.

Наконецъ смерть сжалилась-таки надъ нимъ. Появились въ той мѣстности „лукаши“ *), и сосѣдніе помѣщики воспользовались ихъ прибытіемъ, чтобы устроить на волка охоту. Лежитъ однажды волкъ въ своемъ логовѣ и слышитъ — зовутъ. Онъ всталъ и пошелъ. Видитъ: впереди путь вѣхами означенъ, а сзади и сбоку мужики за нимъ слѣдятъ. Но онъ уже не пытался прорваться, а шелъ, опустивъ голову, на встрѣчу смерти...

И вдругъ его ударило прямо между глазъ.

— Вотъ она... смерть-избавительница!

---

*) „Лукаши“—мужички изъ Великолуцкаго уѣзда Псковской губерніи, которые занимаются изученіемъ привычекъ и нравовъ лѣсныхъ звѣрей и потомъ предлагаютъ охотникамъ свои услуги для облавъ.

4. – Карась-идеалистъ.

Карась съ ершомъ спорилъ. Карась говорилъ, что можно на свѣтѣ одною правдою прожить, а ершъ утверждалъ, что нельзя безъ того обойтись, чтобъ не слукавить. Что именно разумѣлъ ершъ подъ выраженіемъ: „слукавить“ —неизвѣстно, но только всякій разъ, какъ онъ эти слова произносилъ, карась въ негодованіи восклицалъ:

— Но вѣдь это подлость!

На что ершъ возражалъ:

— Вотъ ужо увидишь!

Карась—рыба смирная и къ идеализму склонная: не даромъ его монахи любятъ. Лежитъ онъ больше на самомъ днѣ рѣчной заводи (гдѣ потише) или пруда, зарывшись въ илъ, и выбираетъ оттуда микроскопическихъ ракушекъ для своего продовольствія. Ну, натурально, полежитъ, полежитъ, да что-нибудь и выдумаетъ. Иногда даже и очень вольное. Но такъ какъ караси ни въ цензуру своихъ мыслей не представляютъ, ни въ участкѣ не прописываютъ, то въ политической неблагонадежности ихъ никто не подозрѣваетъ. Если же иногда и видимъ, что отъ времени до времени на карасей устраивается облава, то отнюдь не за вольнодумство, а за то, что они вкусны.

Ловятъ карасей по преимуществу сѣтью или неводомъ; но чтобы ловля была удачна, необходимо имѣть снаровку. Опытные рыбаки выбираютъ для этого время сейчасъ вслѣдъ за дождемъ, когда вода бываетъ мутна, и затѣмъ, заводя неводъ, начинаютъ хлопать по водѣ канатомъ, палками и вообще производить шумъ. Заслышавъ шумъ и думая, что онъ возвѣщаетъ торжество вольныхъ идей, карась снимается со дна и начинаетъ справляться, нельзя ли и ему какъ-нибудь пристроиться къ торжеству. Тутъ-то онъ и попадаетъ во множествѣ въ мотню, чтобы потомъ сдѣлаться жертвою человѣческаго чревоугодія. Ибо, повторяю, караси представляютъ такое лакомое блюдо (особенно изжаренные въ сметанѣ), что предводители дворянства охотно потчуютъ ими даже губернаторовъ.

Что касается до ершей, то это рыба уже тронутая скептицизмомъ и притомъ колючая. Будучи сварена въ ухѣ, она даетъ безподобный бульонъ.

Какимъ образомъ случилось, что карась съ ершомъ сошлись,— не знаю; знаю только, что, однажды сошедшись, сейчасъ же заспорили. Поспорили разъ, поспорили другой, а потомъ и во вкусъ вошли, свиданія другъ другу стали назначать. Сойдутся гдѣ-нибудь подъ водянымъ лопухомъ и начнутъ умныя рѣчи разговаривать. А плотва-бѣлобрюшка рѣзвится около нихъ и ума-разума набирается.

Первымъ всегда задиралъ карась.

— Не вѣрю, — говорилъ онъ: — чтобы борьба и свара были нормальнымъ закономъ, подъ вліяніемъ котораго будто бы суждено развиваться всему живущему на землѣ. Вѣрю въ безкровное преуспѣяніе, вѣрю въ гармонію и глубоко убѣжденъ, что счастіе — не праздная фантазія мечтательныхъ умовъ, но рано или поздно сдѣлается общимъ достояніемъ!

— Дожидайся!—иронизировалъ ершъ.

Ершъ спорилъ отрывисто и неспокойно. Это—рыба нервная, которая повидимому помнитъ не мало обидъ. Накипѣло у нея на сердцѣ... ахъ, накипѣло! До ненависти покуда еще не дошло, но вѣры и наивности ужъ и въ поминѣ нѣтъ. Вмѣсто мирнаго житія она повсюду распрю видитъ, вмѣсто прогресса—всеобщую одичалость. И утверждаетъ, что тотъ, кто имѣетъ претензію жить, долженъ все это въ разсчетъ принимать. Карася же считаетъ „блаженненькимъ“, хотя въ то же время сознаетъ, что съ нимъ только и можно „душу отводить“.

— И дождусь! — отзывался карась: — и не я одинъ, всѣ дождутся. Тьма, въ которой мы плаваемъ, есть порожденіе горькой исторической случайности: но такъ какъ нынѣ, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, можно эту случайность по косточкамъ разобрать, то и причины, ее породившія, нельзя уже считать неустранимыми. Тьма —совершившійся фактъ, а свѣтъ —чаемое будущее. И будетъ свѣтъ, будетъ.

— Значитъ, и такое, по твоему, время придетъ, когда и щукъ не будетъ?

— Какихъ такихъ щукъ? — удивился карась, который былъ до того наивенъ, что когда при немъ говорили: „на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ“, то онъ думалъ, что это что-нибудь въ родѣ тѣхъ никсъ и русалокъ, которыми малыхъ дѣтей пугаютъ, и, разумѣется, ни крошечки не боялся.

— Ахъ, фофанъ ты, фофанъ! Міровыя задачи разрѣшать хочешь, а о щукахъ понятія не имѣешь!

Ершъ презрительно пошевеливалъ плавательными перьями и уплывалъ во-свояси; но, спустя малое время, собесѣдники опять гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ сплывались (въ водѣ-то скучно), и опять начинали диспутировать.

— Въ жизни первенствующую роль добро играетъ, — разглагольствовалъ карась:—зло—это такъ, по недоразумѣнію допущено, а главная жизненная сила все-таки въ добрѣ замыкается.

— Держи карманъ!

— Ахъ, ершъ, какія ты несообразныя выраженія употребляешь! „Держи карманъ“!—развѣ это отвѣтъ?

— Да тебѣ, по настоящему, и совсѣмъ отвѣчать не слѣдуетъ. Глупый ты—вотъ тебѣ и сказъ весь!

— Нѣтъ, ты послушай, что я тебѣ скажу. Что зло никогда не было зиждущей силой—объ этомъ и исторія свидѣтельствуетъ. Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а зиждущей силой являлось только добро. Оно устремлялось на помощь угнетеннымъ; оно освобождало отъ цѣпей и оковъ, оно пробуждало въ сердцахъ плодотворныя чувства; оно давало ходъ пареніямъ ума. Не будь этого во истину зиждущаго фактора жизни—не было бы и исторіи. Потому что вѣдь, въ сущности, что такое исторія? Исторія—это повѣсть освобожденія, это разсказъ о торжествѣ добра и разума надъ зломъ и безуміемъ.

— А ты, видно, доподлинно знаешь, что зло и безуміе посрамлены?—подтрунивалъ ершъ.

— Не посрамлены еще, но будутъ посрамлены — это я тебѣ вѣрно говорю. И опять-таки сошлюсь на исторію. Сравни, что нѣкогда было, съ тѣмъ, что есть,—и ты безъ труда согласишься, что не только внѣшніе пріемы зла смягчились, но и самая сумма его примѣтно уменьшилась. Возьми хоть бы нашу рыбную породу. Прежде насъ во всякое время ловили, и преимущественно во время „хода“, когда мы, какъ одурѣлые, сами прямо въ сѣть лѣземъ; а нынче именно во время „хода“-то и признается вреднымъ насъ ловить. Прежде насъ, можно сказать, самыми варварскими способами истребляли — въ Уралѣ, сказываютъ, во время багренія, вода на многія версты отъ рыбьей крови красная стояла, а нынче — шабашъ. Не-

воды да верши, да уды—больше чтобы ни-ни! Да и объ этомъ еще въ комитетахъ разсуждаютъ: какіе неводы? по какому случаю? на какой предметъ?

— А тебѣ, видно, не все равно, какимъ способомъ въ уху попасть?

— Въ какую такую уху?—удивлялся карась.

— Ахъ, прахъ тебя побери! Карасемъ зовется, а объ ухѣ не слыхалъ! Какое же ты послѣ этого право со мной разговаривать имѣешь? Вѣдь чтобы споры вести и мнѣнія отстаивать, надо, по малой мѣрѣ, съ обстоятельствами дѣла напередъ познакомиться. О чемъ же ты разговариваешь, коли даже такой простой истины не знаешь: что каждому карасю впереди уготована уха? Брысь!.. заколю!

Ершъ ощетинивался, а карась быстро, насколько позволяла его неуклюжесть, опускался на дно. Но черезъ сутки друзья-противники опять сплывались и новый разговоръ затѣвали.

— Намеднись въ нашу заводь щука заглядывала,—объявлялъ ершъ.

— Та самая, о которой ты намеднись упоминалъ?

— Она. Приплыла, заглянула, молвила: „чтой-то будто ужъ слишкомъ здѣсь тихо! должно быть, тутъ карасямъ водъ?“... И съ этимъ уплыла.

— Что же мнѣ теперича дѣлать?

— Изготовляться—только и всего. Ужъ, какъ приплыветъ она, да уставится въ тебя глазищами, ты чешую-то да перья подбери поплотнѣе, да прямо и полѣзай ей въ хайло!

— Зачѣмъ же я полѣзу? Кабы я былъ въ чемъ-нибудь виноватъ...

— Глупъ ты — вотъ въ чемъ твоя вина. Да и жиренъ вдобавокъ. А глупому да жирному и законъ повелѣваетъ щукѣ въ хайло лѣзть!

— Не можетъ такого закона быть!—искренно возмущался карась.—И щука зря не имѣетъ права глотать, а должна прежде объясненія потребовать. Вотъ я съ ней объяснюсь, всю правду выложу. Правдой-то я ее до седьмого пота прошибу.

— Говорилъ я тебѣ, что ты фофанъ, и теперь то же самое повторю: фофанъ! фофанъ! фофанъ!

Ершъ окончательно сердился и давалъ себѣ слово на будущее

время воздержаться отъ всякаго общенія съ карасемъ. Но черезъ нѣсколько дней—смотришь—привычка опять взяла свое.

— Вотъ кабы всѣ рыбы между собой согласились...—загадочно начиналъ карась.

Но тутъ ужъ и самого ерша брала оторопь. „О чемъ это фофанъ рѣчь заводитъ?“ думалось ему: „того гляди, провретъся, а тутъ головель неподалеку похаживаетъ. Ишь, и глаза въ сторону, словно не его дѣло, скосилъ, а самъ, знай, прислушивается“.

— А ты не всякое слово выговаривай, какое тебѣ на умъ взбредетъ! — убѣждалъ онъ карася: — не для чего пасть-то разѣвать; можно и шепоткомъ, что̀ нужно, сказать.

— Не хочу я шептаться,—продолжалъ карась невозмутимо,— а говорю прямо, что ежели бы всѣ рыбы между собой согласились, тогда...

Но тутъ ершъ грубо прерывалъ своего друга.

— Съ тобой, видно, гороху наѣвшись, говорить надо! — кричалъ онъ на карася и, навостривши лыжи, уплывалъ отъ него восвояси.

И досадно ему да и жалко карася было. Хоть и глупъ онъ, а все-таки съ нимъ однимъ по душѣ поговорить можно. Не разболтаетъ онъ, не предастъ—въ комъ нынѣче качества-то эти сыщешь? Слабое нынѣче время, — такое время, что на отца съ матерью надѣяться нельзя. Вотъ плотва, хоть и нельзя о ней прямо что-нибудь худое сказать, а все-таки, того и гляди, не понимаючи, сболтнетъ! А объ головляхъ, язяхъ, линяхъ и прочей челяди и говорить нечего! За червяка присягу подъ колоколами принять готовы! Бѣдный карась! ни за грошъ онъ между ними пропадетъ!

— Посмотри ты на себя,—говорилъ онъ карасю: — ну, какую ты, неровенъ часъ, оборону изъ себя представить можешь? Брюхо у тебя большое, голова малая, на выдумки негораздая, ротъ—чутошный. Даже чешуя на тебѣ — и та не серьезная. Ни проворства въ тебѣ, ни юркости—какъ есть увалень! Всякій, кто хочетъ, подойди къ тебѣ и ѣшь!

— Да за что же меня ѣсть, коли я не провинился?—по прежнему упорствовалъ карась.

— Слушай, дурья порода! Ѣдятъ-то развѣ „за что“? Развѣ потому ѣдятъ, что казнить хотятъ? Ѣдятъ потому, что ѣсть хочется

— только и всего, И ты, чай, ѣшь. Не пòпусту носомъ-то въ илѣ роешься, а ракушекъ вылавливаешь. Имъ, ракушкамъ, жить хочется, а ты, простофиля, ими мамонъ съ утра до вечера набиваешь. Сказывай: какую такую онѣ вину передъ тобой сдѣлали [illegible] ихъ ежеминутно казнишь? Помнишь, какъ ты намеднись говорилъ: „вотъ кабы всѣ рыбы между собой согласились“... А что̀ еслибы ракушки между собой согласились — сладко ли бы тебѣ, простофилѣ, тогда было?

Вопросъ былъ такъ прямо и такъ непріятно поставленъ, что карась сконфузился и слегка покраснѣлъ.

— Но ракушки—вѣдь это...—пробормоталъ онъ смущенно.

— Ракушки—ракушки, а караси—караси. Ракушками караси лакомятся, а карасями—щуки. И ракушки ни въ чемъ неповинны, и караси невиноваты, а и тѣ и другіе должны отвѣтъ держать. Хоть сто лѣтъ объ этомъ думай, а ничего другого не выдумаешь.

Спрятался послѣ этихъ ершовыхъ словъ карась въ самую глубь тины и сталъ на досугѣ думать. Думалъ-думалъ, и между прочимъ ракушекъ ѣлъ да ѣлъ. И что больше ѣстъ, то больше хочется. Наконецъ однакожъ додумался.

— Я не потому ѣмъ ракушекъ, чтобъ онѣ виноваты были — это ты правду сказалъ, — объяснилъ онъ ершу: — а потому я ихъ ѣмъ, что онѣ, эти ракушки, самой природой мнѣ для ѣды предоставлены.

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Никто не сказалъ, а я самъ, собственнымъ наблюденіемъ, дошелъ. У ракушки не душа, а паръ; ее ѣшь, а она и не понимаетъ. Да и устроена она такъ, что никакъ невозможно, чтобъ ее не проглотить. Потяни рыломъ воду, анъ въ зобу у тебя ужъ видимо-невидимо ракушекъ кишитъ. Я и не ловлю ихъ — сами въ ротъ лѣзутъ. Ну, а карась — совсѣмъ другое. Караси, братъ, отъ десяти вершковъ бываютъ. — такъ съ этакимъ старикомъ еще поговорить надо, прежде нежели его съѣсть. Надо, чтобъ онъ серьезную пакость сдѣлалъ—ну, тогда, конечно...

— Вотъ какъ щука проглотитъ тебя, тогда ты и узнаешь, что̀ надо для этого сдѣлать. А до тѣхъ поръ лучше помалчивалъ бы.

— Нѣтъ, я не стану молчать. Хоть я отъ роду щукъ не видывалъ, но только могу судить по разсказамъ, что и онѣ къ голосу

правды не глухи. Помилуй-скажи: можетъ ли такое злодѣйство статься! Лежитъ карась, никого не трогаетъ, и вдругъ, ни дай, ни вынеси за что̀, къ щукѣ въ брюхо попадаетъ? Ни въ жизнь я этому не повѣрю.

— Чудакъ! да вѣдь намеднись на глазахъ у тебя монахъ цѣлыхъ два невода вашего брата изъ заводи вытащилъ... Какъ ты думаешь: любоваться, что-ли, онъ на карасей-то будетъ?

— Не знаю. Только это еще бабушка на̀-двое сказала, что̀ съ тѣми карасями сталось; и́но ихъ съѣли, и́но въ сажалку посадили. И живутъ они тамъ припѣваючи на монастырскихъ хлѣбахъ!

— Ну, живи, коли такъ, и ты, сорви-голова!

Проходили дни за днями, а диспутамъ карася съ ершомъ и конца было не видать. Мѣсто, въ которомъ они жили, было тихое, даже слегка зеленою плесенью подернутое, самое для диспутовъ благопріятное. О чемъ ни калякай, какими мечтами ни задавайся — безнаказанность полная. Это до такой степени ободрило карася, что онъ съ каждымъ сеансомъ все больше и больше тонъ своихъ экскурсій въ область эмпиреевъ повышалъ.

— Надобно, чтобъ рыбы любили другъ друга! — ораторствовалъ онъ:—чтобы каждая за всѣхъ, а всѣ за каждую—вотъ когда настоящая гармонія осуществится!

— Желалъ бы я знать, какъ ты съ своею любовью къ щукѣ подъѣдешь!—расхолаживалъ его ершъ.

— Я, братъ, подъѣду!—стоялъ на своемъ карась:—я такія слова знаю, что любая щука въ одну минуту отъ нихъ въ карася превратится!

— А нутка, скажи!

— Да просто спрошу: знаешь ли, молъ, щука, что̀ такое добродѣтель и какія обязанности она въ отношеніи къ ближнимъ налагаетъ?

— Огорошилъ, нечего сказать! А хочешь, я тебѣ за этотъ самый вопросъ иглой животъ проколю?

— Ахъ, нѣтъ! сдѣлай милость, ты этимъ не шути!

Или:

— Только тогда мы, рыбы, свои права сознаемъ, когда насъ съ малыхъ лѣтъ въ гражданскихъ чувствахъ воспитывать будутъ!

— А на кой тебѣ ладъ гражданскія чувства понадобились?

— Все-таки...

— То-то „все-таки“. Гражданскія-то чувства только тогда ко двору, когда передъ ними просторъ открытъ. А что же ты съ ними, въ тинѣ лежа, дѣлать будешь?

— Не въ тинѣ, а вообще...

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, монахъ меня въ ухѣ захочетъ сварить, а я ему скажу: не имѣешь, отче, права безъ суда такому ужасному наказанію меня подвергать!

— А онъ тебя, за грубость, на сковородку, либо въ золу въ горячую... Нѣтъ, другъ, въ тинѣ жить, такъ не гражданскія, а остолопьи чувства надо имѣть — вотъ это вѣрно. Схоронился гдѣ погуще и молчи, остолопъ!

Или еще:

— Рыбы не должны рыбами питаться, — бредилъ на-яву карась. — Для рыбьяго прод вольствія и безъ того природа многое множество вкусныхъ блюдъ уг товала. Ракушки, мухи, черви, пауки, водяныя блохи; наконецъ—раки, змѣи, лягушки. И все это добро, все на потребу.

— А для щукъ на потребу караси,—отрезвлялъ его ершъ.

— Нѣтъ, карась самъ себѣ довлѣетъ. Ежели природа ему не дала оборонительныхъ средствъ, какъ тебѣ, напримѣръ, то это значитъ, что надо особливый законъ, въ видахъ обезпеченія его личности, издать!

— А ежели тотъ законъ исполняться не будетъ?

— Тогда надо внушеніе распубликовать: лучше, дескать, совсѣмъ законовъ не издавать, ежели оные не исполнять.

— И ладно будетъ?

— Полагаю, что многіе устыдятся.

Повторяю: дни проходили за днями, а карась все бредилъ. Другому за это хоть щелчокъ бы въ носъ дали, а ему—ничего. И растабарывалъ бы онъ такимъ родомъ аридовы вѣки, если бы хоть крошечку поостерегся. Но онъ ужъ такъ о себѣ возмечталъ, что совсѣмъ изъ разсчета вышелъ. Припускалъ да припускалъ, какъ вдругъ къ нему головель съ повѣсткой: назавтра, дескать, щука изволитъ въ заводь прибыть, такъ ты, карась, смотри! чуть свѣтъ отвѣтъ держать явись!

Карась однакожъ не оробѣлъ. Во-первыхъ, онъ столько разнообразныхъ отзывовъ о щукѣ слышалъ, что и самъ познакомиться съ ней любопытствовалъ; а во-вторыхъ онъ зналъ, что у него такое магическое слово есть, которое, ежели его сказать, сейчасъ самую лютую щуку въ карася превратитъ. И очень на это слово надѣялся.

Даже ершъ, видя такую его вѣру, задумался, не слишкомъ ли онъ ужъ далеко зашелъ въ отрицательномъ направленіи. Можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ щука только того и ждетъ, чтобы ее полюбили, благой совѣтъ ей дали, умъ и сердце ея просвѣтили? Можетъ быть, она... добрая? Да и карась, пожалуй, совсѣмъ не такой простофиля, какимъ по наружности кажется, а, напротивъ того, съ разсчетцемъ свою карьеру облаживаетъ? Вотъ завтра явится онъ къ щукѣ да прямо и ляпнетъ ей сущую правду, какой она отъ роду ни отъ кого не слыхивала. А щука возьметъ да и скажетъ: за то, что ты мнѣ, карась, самую сущую правду сказалъ, жалую тебя этою заводью; будь ты надъ нею начальникъ!

Приплыла на утро щука, какъ пить дала. Смотритъ на нее карась и дивится: какихъ ему про щуку сплётокъ ни наплели, а она —рыба какъ рыба! Только ротъ до ушей да хайло такое, что какъ разъ ему, карасю, пролѣзть.

— Слышала я,—молвила щука:—что очень ты, карась, уменъ и разглагольствовать мастеръ. Хочу я съ тобой диспутъ имѣть. Начинай.

— Объ счастіи я больше думаю, — скромно, но съ достоинствомъ отвѣтилъ карась.— Чтобы не я одинъ, а всѣ были счастливы. Чтобы всѣмъ рыбамъ во всякой водѣ свободно плавать было, а ежели которая въ тину спрятаться захочетъ, то и въ тинѣ пускай полежитъ.

— Гм... и ты думаешь, что такому дѣлу статься возможно?

— Не только думаю, но и всечасно сего ожидаю.

— Напримѣръ: плыву я, а рядомъ со мною... карась?

— Такъ что же такое?

— Въ первый разъ слышу. А ежели я обернусь да карася-то... съѣмъ?

— Такого закона, ваше высокостепенство, нѣтъ; законъ говоритъ прямо: ракушки, комары, мухи и мошки да послужатъ для рыбъ пропитаніемъ. А кромѣ того позднѣйшими разными указами къ пищѣ

сопричислены: водяныя блохи, пауки, черви, жуки, лягушки, раки и прочіе водяные обыватели. Но не рыбы.

— Маловато для меня. Головель! неужто такой законъ есть?— обратилась щука къ головлю.

— Въ забвеніи, ваше высокостепенство!—ловко вывернулся головель.

— Я такъ и знала, что не можно такому закону быть. Ну, а еще ты чего всечасно, карась, ожидаешь?

— А еще ожидаю, что справедливость восторжествуетъ. Сильные не будутъ тѣснить слабыхъ, богатые — бѣдныхъ. Ты, щука, всѣхъ сильнѣе и ловче — ты и дѣло на себя посильнѣе возьмешь; а мнѣ, карасю, по моимъ скромнымъ способностямъ, и дѣло скромное укажутъ. Всякій для всѣхъ, и всѣ для всякаго — вотъ какъ будетъ. Когда мы другъ за дружку стоять будемъ, тогда и подкузьмить насъ никто не сможетъ. Неводъ-то еще гдѣ покажется, а ужъ мы драло! Кто подъ камень, кто на самое дно въ илъ, кто въ нору или подъ корягу. Уху-то пожалуй-что, видно, бросить придется!

— Не знаю. Не очень то любятъ люди бросать, то, что имъ вкуснымъ кажется. Ну, да это еще когда-то будетъ. А вотъ что: такъ значитъ, по твоему, и я работать должна?

— Какъ прочіе, такъ и ты.

— Въ первый разъ слышу. Поди проспись!

Проспался ли, нѣтъ ли карась, но ума у него во всякомъ случаѣ не прибавилось. Въ полдень опять онъ явился на диспутъ, и не только безъ всякой робости, но даже противъ прежняго веселѣе.

— Такъ ты полагаешь, что я работать стану, и ты отъ моихъ трудовъ лакомиться будешь?—прямо поставила вопросъ щука.

— Всѣ другъ отъ дружки... отъ общихъ, взаимныхъ трудовъ...

— Понимаю: „другъ отъ дружки“... а между прочимъ и отъ меня... гм! Думается однакожъ, что ты это зазорныя рѣчи говоришь. Головель! какъ, по нынѣшнему, такія рѣчи называются?

— Сицилизмомъ, ваше высокостепенство!

— Такъ я и знала. Давненько я ужъ слышу: бунтовскія, молъ, рѣчи карась говоритъ! Только думаю: дай, лучше сама послушаю... Анъ вотъ ты каковъ!

Молвивши это, щука такъ выразительно щелкнула по водѣ хвостомъ, что какъ ни простъ былъ карась, но и онъ догадался.

— Я, ваше высокостепенство, ничего, — пробормоталъ онъ въ смущеніи:—это я по простотѣ...

— Ладно. Простота хуже воровства, говорятъ. Ежели дуракамъ волю дать, такъ они умныхъ со свѣту сживутъ. Наговорили мнѣ о тебѣ съ три короба, а ты — карась какъ карась, —только и всего. И пяти минутъ я съ тобой не разговариваю, а ужъ до смерти ты мнѣ надоѣлъ.

Щука задумалась и какъ-то такъ загадочно на карася посмотрѣла, что онъ ужъ и совсѣмъ понялъ. Но, должно быть, она еще послѣ вчерашняго обжорства сыта была, и потому зѣвнула и сейчасъ же захрапѣла.

Но на этотъ разъ карасю ужъ не такъ благополучно обошлось. Какъ только щука умолкла, его со всѣхъ сторонъ обступили головли и взяли подъ караулъ.

Вечеромъ, еще не успѣло солнышко сѣсть, какъ карась въ третій разъ явился къ щукѣ на диспутъ. Но явился уже подъ стражей и притомъ съ нѣкоторыми поврежденіями. А именно: окунь, допрашивая, покусалъ ему спину и часть хвоста.

Но онъ все еще бодрился, потому что въ запасѣ у него было магическое слово.

— Хоть ты мнѣ и супротивникъ,—начала опять первая щука: —да, видно, горе мое такое: смерть диспуты люблю! Будь здоровъ, начинай!

При этихъ словахъ карась вдругъ почувствовалъ, что сердце въ немъ загорѣлось. Въ одно мгновеніе онъ подобралъ животъ, затрепыхался, защелкалъ по водѣ остатками хвоста и, глядя щукѣ прямо въ глаза, во всю мочь гаркнулъ:

— Знаешь ли ты, что̀ такое добродѣтель?

Щука разинула ротъ отъ удивленія. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его.

Рыбы, бывшія свидѣтельницами этого происшествія, на мгновенье остолбенѣли, но сейчасъ же опомнились и поспѣшили къ щукѣ —узнать, благополучно ли она поужинать изволила, не подавилась ли. А ершъ, который ужъ заранѣе все предвидѣлъ и предсказалъ, выплылъ впередъ и торжественно провозгласилъ:

— Вотъ они, диспуты-то наши, каковы!

5.—Добродѣтели и Пороки.

Добродѣтели съ Пороками изстари во [illegible]. Пороки жили весело и ловко свои дѣла обдѣлывали, а Добродѣтели жили посѣрѣе, но за то во всѣхъ азбукахъ и хрестоматіяхъ какъ примѣръ для подражанія приводились. А втихомолку между тѣмъ думали: „вотъ кабы и намъ, подобно Порокамъ, удалось хорошенькое дѣльце обдѣлать!“ Да, признаться сказать, подъ шумокъ и обдѣлывали.

Трудно сказать, съ чего у нихъ первоначально распря пошла и кто первый задралъ. Кажется, что Добродѣтели первыя начали. Порокъ-то шустрый былъ и на выдумки гораздый. Какъ пошелъ онъ, словно конь бѣрзый, пространство ногами забирать, да въ парчахъ, да въ шелкахъ по бѣлу-свѣту щеголять — Добродѣтели-то за нимъ и не поспѣли. И не поспѣвши, огорчились. „Ладно, — говорятъ,— щеголяй, нахалъ, въ шелкахъ! Мы и въ рубищѣ отъ всѣхъ почтены будемъ!“ А Пороки имъ въ отвѣтъ: „И будьте почтены съ Богомъ!“

Не стерпѣли Добродѣтели насмѣшки и стали Пороки на всѣхъ перекресткахъ кастить. Выйдутъ въ рубищахъ на распутіе и пристаютъ къ прохожимъ: „Не правда ли, господа честные, что мы вамъ и въ рубищѣ милы?“ А прохожіе въ отвѣтъ: „Ишь васъ, салопницъ, сколько развелось! проходите, не задерживайте! Богъ подастъ!“

Пробовали Добродѣтели и къ городовымъ за содѣйствіемъ обращаться. „Вы чего смотрите? совсѣмъ публику распустили! вѣдь она, того и гляди, по уши въ Порокахъ погрязнетъ!“ Но городовые знай-себѣ стоятъ да Порокамъ подъ козырекъ дѣлаютъ.

Такъ и остались Добродѣтели ни-при-чемъ. только пригрозили съ досады: „вотъ погодите! ушлютъ васъ ужо за ваши дѣла на каторгу!“

А Пороки между тѣмъ все впередъ да впередъ бѣгутъ, да еще и похваляются. „Нашли, — говорятъ, — чѣмъ стращать — каторгой! Для насъ-то еще либо будетъ каторга, либо нѣтъ, а вы съ самаго рожденья въ ней по уши сидите! Ишь, злецы! кости да кожа, а глаза, посмотри, какъ горятъ. Щелкаютъ на пирогъ зубами, а какъ къ нему приступиться—не знаютъ!“

Словомъ сказать, разгоралась распря съ каждымъ днемъ больше и больше. Сколько разъ даже до открытаго боя дѣло доходило, но

и тутъ фортуна почти всегда Добродѣтелямъ измѣняла. Одолѣютъ Пороки и закуютъ Добродѣтели въ кандалы; „сидите, злоумышленники, смирно!“ И сидятъ, покуда начальство не вступится да на волю не выпуститъ.

Въ одну изъ такихъ баталій шелъ мимо Иванушка-Дурачокъ, остановился и говоритъ сражающимся:

— Глупые вы, глупые! изъ-за чего только вы другъ друга увѣчите! вѣдь первоначально-то вы всѣ одинаково *свойствами* были, а это ужъ потомъ, отъ безалаберности да отъ каверзы людской, Добродѣтели да Пороки пошли. Одни свойства понажали, другимъ вольный ходъ дали—колесики-то въ машинѣ и поиспортились. И воцарились на свѣтѣ смута, свара, скорбь... А вы вотъ что сдѣлайте: обратитесь къ первоначальному источнику—можетъ быть, на чемъ-нибудь и сойдетесь!

Сказалъ это и пошелъ путемъ-дорогой въ казначейство подать вносить.

Подѣйствовали ли на сражающихся Иванушкины слова, или пороху для продолженія битвы недостало, только вложили бойцы мечи въ ножны и задумались.

Думали впрочемъ больше Добродѣтели, потому что у нихъ съ голоду животы подвело; а Пороки, какъ протрубили трубы отбой, такъ сейчасъ же по своимъ прежнимъ канальскимъ дѣламъ разбрелись и опять на славу зажили.

— Хорошо ему про „свойства“ говоритъ,—первое молвило Смиренномудріе:—мы и сами не плоше его эти „свойства“ знаемъ! Да вотъ одни свойства въ бархатѣ щеголяютъ и на золотѣ ѣдятъ, а другія въ затрапезѣ ходятъ да по цѣлымъ днямъ не ѣвши сидятъ. Иванушкѣ-то съ полàгоря: онъ набилъ мамонъ мякиной—и правъ; а насъ вѣдь на мякинѣ не проведешь — мы знаемъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Да и что за „свойства“ такія проявились!—встревожилось Благочиніе: — нѣтъ ли тутъ порухи какой? Всегда были Добродѣтели и были Пороки, сотни тысячъ лѣтъ это дѣло ведется и сотни тысячъ томовъ объ этомъ написано, а онъ, натко, сразу рѣшилъ: „свойства“! Нѣтъ, ты попробуй, приступись-ка къ этимъ сотнямъ тысячъ томовъ, такъ и увидишь, какая отъ нихъ пыль столбомъ полетитъ!

Судили, рядили и наконецъ разсудили: Благочиніе правду сказало. Сколько тысячъ вѣковъ Добродѣтели числились Добродѣтелями, и Пороки — Пороками! Сколько тысячъ книгъ объ этомъ написано, какая масса бумаги и чернилъ изведена! Добродѣтели всегда одесную стояли, Пороки — ошуюю: и вдругъ, по дурацкому Иванушкину слову, отъ всего откажись и назовись какими-то „свойствами“! Вѣдь это почти то же, что отъ правъ состоянія отказаться и „человѣкомъ“ назваться! Просто-то оно, конечно, просто, да вѣдь иная простота хуже воровства. Подпитко спроста-то коснись, анъ съ перваго же шага въ такое несмѣтное множество капкановъ попадешь, что и голову тамъ, пожалуй, оставишь!

Нѣтъ, о „свойствахъ“ думать нечего, а вотъ компромиссъ какой-нибудь сыскать — или, какъ по-русски зовется, фортель — это, пожалуй, дѣльно будетъ. Такой фортель, который и Добродѣтели бы возвеселилъ, да и Порокамъ бы по нраву пришелся. Потому что вѣдь и Порокамъ подчасъ жутко приходится. Вотъ намеднись Любострастіе съ поличнымъ въ банѣ поймали, протоколъ составили, да въ ту же ночь Прелюбодѣяніе въ одномъ бѣльѣ съ лѣстницы спустили. Вольномысліе-то давно ли пышнымъ цвѣтомъ цвѣло, а теперь его съ корнемъ вырвали! Стало-быть, и Порокамъ на фортель пойти небезвыгодно. — Милостивые государи! милостивыя государыни! не угодно ли кому предложить: у кого на примѣтѣ „средствице“ есть?

На вызовъ этотъ прежде всѣхъ выступилъ древній старичокъ, Опытомъ называемый (есть два Опыта: одинъ порочный, а другой добродѣтельный: такъ этотъ — добродѣтельный былъ). И предложилъ онъ штуку: „Отыщите, — говоритъ, — такое сокровище, которое и Добродѣтели бы уважило, да и отъ Пороковъ было бы не прочь. И пошлите его парламентёромъ во вражескій лагерь“.

Стали искать и, разумѣется, нашли. Нашли двухъ бобылокъ: Умѣренность и Аккуратность. Обѣ на задворкахъ въ добродѣтельскихъ селеніяхъ жили, сиротскій надѣлъ держали, но торговали корчемнымъ виномъ и потихоньку Пороки у себя принимали.

Однако первый блинъ вышелъ комомъ. Бобылки были и мало представительны, и слишкомъ податливы, чтобъ выполнить возложенную на нихъ задачу. Едва появились онѣ въ лагерѣ Пороковъ, едва начали капитель разводить: „помаленьку-то покойнѣе, а потихоньку — вѣрнѣе“, какъ Пороки всѣмъ скопищемъ загалдѣли:

— Слыхали мы-ста прибаутки-то эти! давно вы съ ними около насъ похаживаете, да не въ коня кормъ! Уходите съ Богомъ, бобылки, не проѣдайтесь!

И какъ бы для того, чтобы доказать Добродѣтелямъ, что ихъ на кривой не объѣдешь, на всю ночь закатились въ трактиръ „Самаркандъ“, а подъ утро, расходясь оттуда, поймали Воздержаніе и Непрелюбысотвореніе, и поступили съ ними до такой степени низко, что даже татары изъ „Самарканда“ дивились: хорошіе господа, а что̀ дѣлаютъ!

Поняли тогда Добродѣтели, что дѣло это серьезное и надо за него настоящимъ манеромъ взяться.

Произросло между ними въ ту пору существо средняго рода, ни ракъ, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалеръ, а всего помаленьку. Произросло, выровнялось и расцвѣло. И было этому межеумку имя тоже средняго рода: *Лицемѣріе*...

Все въ этомъ существѣ было загадкою, начиная съ происхожденія. Сказывали старожилы, что однажды Смиреніе съ Любострастіемъ въ темномъ корридорѣ спознались, и отъ этого произошелъ плодъ. Плодъ этотъ Добродѣтели сообща выкормили и выпоили, а потомъ и въ пансіонъ къ француженкѣ Комильфо̀ отдали. Догадку эту подтверждалъ и наружный видъ Лицемѣрія, потому что хотя оно ходило не иначе, какъ съ опущенными долу глазами, но прозорливцы не разъ примѣчали, что по лицу его частенько пробѣгаютъ любострастныя тѣни, а поясница, при случаѣ, даже очень нехорошо вздрагиваетъ. Несомнѣнно, что въ этомъ наружномъ двоегласіи въ значительной мѣрѣ былъ виноватъ пансіонъ Комильфо̀. Тамъ Лицемѣріе всѣмъ главнымъ наукамъ выучилось: и какъ „по стрункѣ ходить“, и какъ „водой не замутить“, и какъ „безъ мыла въ душу влѣзть“; словомъ сказать, всему, что̀ добродѣтельное житіе обезпечиваетъ. Но въ то же время оно не избѣгло и вліянія канкана, которымъ и стѣны, и воздухъ пансіона были пропитаны. Но кромѣ того мадамъ Комильфо̀ еще и тѣмъ подгадила, что сообщила Лицемѣрію подробности объ его родителяхъ. Объ отцѣ (Любострастіи) сознавалась, что онъ былъ мове-тонъ и дерзкій — ко всѣмъ щипаться лѣзъ! Объ матери (Смиреніе) — что она хотя не имѣла блестящей наружности, но такъ мило вскрикивала, когда ее щипали, что даже и нерасположенные къ щипанію Пороки (каковы Мздоимство, Любоначаліе,

Унынie и проч.)—и они не могли отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Вотъ это-то среднее существо, глаза долу опускающее, но и изъподъ закрытыхъ вѣкъ блудливо окрестъ высматривающее, и выбрали Добродѣтели, чтобъ войти въ переговоры съ Пороками, и такой общій modus vivendi изобрѣсти, при которомъ и тѣмъ, и другимъ было бы жить вольготно.

— Да ты по нашему-то умѣешь ли?—вздумало-было предварительно проэкзаменовать его Галантерейное Обращеніе.

— Я-то?—изумилось Лицемѣріе:—да я вотъ какъ...

И не успѣли Добродѣтели опомниться, какъ у Лицемѣрія ужъ и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянчикъ на щечкахъ играетъ... дѣвица, да и шабашъ!

— Ишь, дошлая! Ну, а по ихнему, по порочному... какъ?

Но Лицемѣріе даже не отвѣтило на этотъ вопросъ. Въ одинъ моментъ оно учинило нѣчто ни для кого явственно невидимое, но до такой степени достовѣрное, что Прозорливство только сплюнуло: тьфу!

И затѣмъ всѣ одинаково рѣшили: написать у нотаріуса Бизяева общую довѣренность для хожденія по всѣмъ добродѣтельскимъ дѣламъ и вручить ее Лицемѣрію.

Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ: какъ ни горько, а пришлось у Пороковъ пардону просить. Идетъ Лицемѣріе въ ихній подлый вертепъ и отъ стыда не знаетъ, куда глаза дѣвать. „Вездѣто нынче это паскудство развелось!“ жалуется оно вслухъ, а мысленно прибавляетъ: „ахъ, хорошо Пороки живутъ!“ И точно, не успѣло Лицемѣріе съ версту отъ добродѣтельской резиденціи отойти, какъ ужъ со всѣхъ сторонъ на него разливнымъ моремъ пахнуло. Смѣхи, да пляски, да игры — стонъ отъ веселья стоитъ. И городъ какой отмѣнный Пороки для себя выстроили: просторный, свѣтлый, съ улицами и переулками, съ площадями и бульварами. Вотъ улица Лжесвидѣтельства, вотъ площадь Предательства, а вотъ и Срамной бульваръ. Самъ Отецъ Лжи тутъ сидѣлъ и изъ лавочки клеветой распивочно и на-выносъ торговалъ.

Но какъ ни весело жили Пороки, какъ ни опытны они были во всякихъ канальскихъ дѣлахъ, а, увидѣвши Лицемѣріе, и они ахнули. Съ виду—ни дать, ни взять, сущая дѣвица; но точно ли сущая—

этоог и самъ чортъ не разберетъ. Даже Отецъ Лжи, который думалъ, что нѣтъ въ мірѣ той подлости, которой бы онъ не произошелъ,—и тотъ глаза вытаращилъ.

— Ну, говоритъ: — это я объ себѣ напрасно мечталъ, будто вреднѣе меня на свѣтѣ никого нѣтъ. Я — что! вотъ онъ, настоящій-то ядъ, гдѣ! Я больше нахаломъ норовлю — оттого меня хоть и не часто, а все-таки отъ времени до времени съ лѣстницы въ три шеи спускаютъ; а это сокровище, коли прильнетъ, — отъ него ужъ не отвертишься! Такъ тебя опутаетъ, такъ окружитъ, что покуда всѣ соки не вызудитъ—не выпуститъ!

Тѣмъ не менѣе, какъ ни великъ былъ энтузіазмъ, возбужденный Лицемѣріемъ, однако и тутъ безъ розни не обошлось. Пороки солидные (аборигены), паче всего дорожившіе преданіями старины, какъ напримѣръ: Суемудріе, Пустомысліе, Гордость, Человѣконенавистничество и проч., не только сами не пошли на встрѣчу Лицемѣрію, но и другихъ остерегали.

— Истинный порокъ не нуждается въ прикрытіи, — говорили они,—но самъ свое знамя высоко и грозно держитъ. Что существенно-новаго можетъ открыть намъ Лицемѣріе, чего бы мы отъ начала вѣковъ не знали и не практиковали? — Положительно ничего. Напротивъ, оно научаетъ насъ опаснымъ изворотамъ и заставитъ насъ ежели не прямо стыдиться самихъ себя, то во всякомъ случаѣ показывать видъ, что мы стыдимся. Caveant consules! До сихъ поръ у насъ было достаточно твердыхъ и вѣрныхъ послѣдователей, но вѣдь они, видя наши извороты, могутъ сказать: должно быть, и впрямь Порокамъ туго пришлось, коль скоро они сами отъ себя отрицаться должны! И отвернутся отъ насъ, вотъ увидите — отвернутся.

Такъ говорили заматерѣлые Пороки-Катоны, не признававшіе ни новыхъ вѣяній, ни обольщеній, ни обстановокъ. Родившись въ навозѣ, они предпочитали задохнуться въ немъ, лишь бы не отступить отъ старооотеческихъ преданій.

За ними шла другая категорія Пороковъ, которые тоже не выказывали особеннаго энтузіазма при встрѣчѣ съ Лицемѣріемъ, но не потому однако, чтобы послѣднее претило имъ, а потому, что они уже и безъ посредства Лицемѣрія состояли въ секретныхъ отношеніяхъ съ Добродѣтелями. Сюда принадлежали: Измѣна, Вѣроломство, Пре-

дательство, Наушничество, Ябеда и проч. Они не разразились кликами торжества, не рукоплескали, не предлагали здравицъ, а только подмигнули глазомъ: милости просимъ!

Какъ бы то ни было, но торжество Лицемѣріе было обезпечено. Молодежь, въ лицѣ Прелюбодѣянія, Пьянства, Объяденія, Распутства, Мордобитія и проч., сразу созвала сходку и встрѣтила парламентера такими овaціями, что Суемудріе тутъ же нашлось вынужденнымъ прекратить свою воркотню навсегда.

— Вы только мутите всѣхъ, старые пакостники! — кричала старикамъ молодежь.—Мы жить хотимъ, а вы унынiе наводите! Мы въ хрестоматію попадемъ (это въ особенности льстило), въ салонахъ блистать будемъ! насъ старушки будутъ любить!

Словомъ сказать, почва для соглашенія была сразу найдена, такъ что когда Лицемѣріе, возвратившись во-свояси, отдало Добродѣтелямъ отчетъ о своей миссіи, то было единогласно признано, что всякій поводъ для существованія Добродѣтелей и Пороковъ, какъ отдѣльныхъ и враждебныхъ другъ другу группъ, устраненъ навсегда. Тѣмъ не менѣе, старую номенклатуру упразднить не рѣшались—почемъ знать, можетъ быть, и опять понадобится?—но положили употреблять ее съ такимъ разсчетомъ, чтобы всѣмъ было видимо, что она прикрываетъ собой одинъ только прахъ.

Съ тѣхъ поръ пошло между Добродѣтелями и Пороками гостепріимство великое. Захочетъ Распутство побывать въ гостяхъ у Воздержанія, возьметъ подъ ручку Лицемѣріе, — и Воздержаніе уже издали, завидѣвъ ихъ, привѣтствуетъ:

— Милости просимъ! покорно прошу! У насъ про васъ...

И наоборотъ. Захочетъ Воздержаніе у Распутства постненькимъ полакомиться, возьметъ подъ ручку Лицемѣріе, — а у Распутства ужъ и двери настежъ:

— Милости просимъ! покорно прошу! У насъ про васъ...

Въ постные дни постненькимъ потчуютъ, въ скоромные —скоромненькимъ... Одной рукой крестное знаменіе творятъ, другой — неистовствуютъ. Одно око горѣ возводятъ, другимъ — непрестанно вожделѣютъ. Впервые Добродѣтели сладости познали, да и Пороки не остались въ убыткѣ. Напротивъ, всѣмъ и каждому говорятъ: „никогда у насъ такихъ лакомствъ не бывало, какими теперь подходя жируемъ?“

А Иванушка-Дурачокъ и о сю пору не можетъ понять: отчего добродѣтели и пороки такъ охотно помирились на лицемѣріи, тогда какъ гораздо естественнѣе было бы сойтись на томъ, что и тѣ, и другіе суть „свойства“ — только и всего!

---

6. — Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель.

Жилъ-былъ газетчикъ и жилъ-былъ читатель. Газетчикъ былъ обманщикъ — все обманывалъ, а читатель былъ легковѣрный — всему вѣрилъ. Такъ ужъ изстари повелось на свѣтѣ: обманщики обманываютъ, а легковѣрные вѣрятъ. Suum cuique.

Сидитъ газетчикъ въ своей берлогѣ и знай-себѣ обманываетъ да обманываетъ. „Берегитесь! — говоритъ: — дифтеритъ обывателей коситъ!“ „Дождей, — говоритъ, — съ самаго начала весны нѣтъ — того гляди, безъ хлѣба останемся!“ „Пожары деревни и города истребляютъ!“ „Добро казенное и общественное врозь тащатъ!“ А читатель читаетъ и думаетъ, что газетчикъ ему глаза открываетъ. „Такая, — говоритъ, — ужъ у насъ свобода книгопечатанія: куда ни взгляни — вездѣ либо дифтеритъ, либо пожаръ, либо неурожай“...

Дальше — больше. Смекнулъ газетчикъ, что его обманы по сердцу читателю пришлись — началъ еще пуще поддавать. „Никакой, — говоритъ, — у насъ обезпеченности нѣтъ! не выходи, — говоритъ, — читатель на улицу: какъ разъ въ кутузку попадешь!“ А легковѣрный читатель идетъ гоголемъ по улицѣ и приговариваетъ: „Ахъ, какъ вѣрно газетчикъ про нашу необезпеченность выразился!“ Мало того: другого легковѣрнаго читателя встрѣтитъ и того спроситъ: „А читали вы, какъ прекрасно сегодня насчетъ нашей необезпеченности газетчикъ продернулъ?“ — Какъ не читать! — отвѣтитъ другой легковѣрный читатель: — безподобно! Нельзя, именно нельзя у насъ по улицамъ ходить — сейчасъ въ кутузку попадешь!“

И всѣ свободой книгопечатанія не нахвалятся. „Не знали мы, что у насъ вездѣ дифтеритъ, — хоромъ поютъ легковѣрные читатели: — анъ оно вонъ что!“ И такъ имъ отъ этой увѣренности на душѣ легко стало, что скажи теперь этотъ самый газетчикъ, что дифтеритъ былъ, да весь вышелъ — пожалуй, и газетину его перестали бы читать.

А газетчикъ этому радъ, потому для него обманъ — прямая выгода. Истина-то не всякому достается — поди, добивайся! — пожалуй, за нее и десятью копѣечками со строчки не отбояришься! То-ли дѣло обманъ! Знай, пиши да обманывай — [illegible] со строчки — цѣлые вороха обмановъ со всѣхъ сторонъ тебѣ нанесутъ!

И такая у газетчика съ читателемъ дружба завелась, что и водой ихъ не разольешь. Что больше обманываетъ газетчикъ, то больше богатѣетъ (а обманщику чего же другого и нужно!); а читатель, что больше его обманываютъ, то больше пятаковъ газетчику несетъ. И распивочно, и на-выносъ—всяко газетчикъ копѣйку зашибаетъ!

„Штановъ не было! — говорятъ про него завистники; — а теперь, смотрите, какъ козыряетъ!“ „Льстеца себѣ панялъ! разсказчика изъ народнаго быта завелъ! Блаженствуетъ!“

Пробовали-было другіе газетчики истиной его подкузьмить — авось, дескать, и на нашу приваду подписчикъ побѣжитъ — такъ куда тебѣ! Не хочетъ ничего знать читатель, только одно и твердитъ:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ...

Долго ли, коротко ли такъ дѣло шло, но только нашлись добрые люди, которые пожалѣли легковѣрнаго читателя. Призвали обманщика-газетчика и говорятъ ему: „Будетъ съ тебя, безстыжій и невѣрный человѣкъ! До сихъ поръ ты торговалъ обманомъ, а отнынѣ —торгуй истиной!“

Да, кстати, и читатели начали понемножку отрезвляться, стали цыдулки газетчику посылать. Гулялъ, дескать, я сегодня съ дочерью по Невскому, думалъ на Съѣзжей ночевать (дочка даже бутербродами, на случай, запаслась,—говорила: „ахъ, какъ весело!“), а вмѣсто того благополучно оба воротились домой... Такъ какъ же, молъ, такой утѣшительный фактъ съ вашими передовицами объ нашей необезпеченности согласовать?

Натурально, газетчикъ, съ своей стороны, только того и ждалъ. Признаться сказать, ему и самому надоѣло обманывать. Сердце-то у него давно уже къ истинѣ склонялось, да что же подѣлаешь, коли читатель только на обманъ клюетъ! Плачешь да обманываешь. Теперь же, когда къ нему со всѣхъ сторонъ съ ножемъ къ горлу пристаютъ, чтобъ онъ истину говорилъ—что-жъ, онъ готовъ! Истина такъ истина, чортъ

побери! Обманомъ два каменныхъ дома нажилъ, а остальные два каменные дома приходится истиной наживать!

И началъ онъ каждый день читателя истиной донимать! Нѣтъ дифтерита да и шабашъ! И кутузокъ нѣтъ, и пожаровъ нѣтъ; если же и выгорѣлъ Конотопъ, такъ послѣ пожара онъ еще лучше выстроился. А урожай, благодаря наступившимъ теплымъ дождямъ, оказался такой, что и сами ѣли-ѣли, да наконецъ и нѣмцамъ стали подъ столъ бросать: подавись!

Но что̀ всего замѣчательнѣе — печатаетъ газетчикъ только истину, а за строку все пять копѣекъ платитъ. И истина въ цѣнѣ упала съ тѣхъ поръ, какъ стали ею распивочно торговать. Выходитъ, что истина, что обманъ—все равно, цѣна грошъ. А газетные столбцы не только не сдѣлались оттого скучнѣе, но еще больше оживились. Потому что вѣдь ежели благорастворѐніе воздуховъ вилотную раздѣлывать начать—это такая картина выйдетъ, что отдай все да и мало!

Наконецъ читатель окончательно отрезвился и прозрѣлъ. И прежде ему недурно жилось, когда онъ обманъ за истину принималъ, а теперь ужъ и совсѣмъ отъ сердца отлегло. Въ булочную зайдетъ—тамъ ему говорятъ: „надо-быть современемъ хлѣбъ дешевъ будетъ“; въ курятную лавку заглянетъ—тамъ ему говорятъ: „надо-быть современемъ рябчики ни по чемъ будутъ“!

— Ну, а покудова какъ?

— Покудова рубль двадцать копѣчекъ за пару!

Вотъ какой, съ Божьею помощью, поворотъ!

И вотъ однажды вышелъ легковѣрный читатель франтомъ на улицу. Идетъ, „въ надеждѣ славы и добра“, и тросточкой помахиваетъ: знайте, молъ, что отнынѣ я вполнѣ обезпеченъ!

Но на этотъ разъ, какъ на грѣхъ, произошло слѣдующее:

Не успѣлъ онъ нѣсколько шаговъ сдѣлать, какъ случилась юридическая ошибка, и его посадили въ кутузку.

Тамъ онъ цѣлый день просидѣлъ не ѣвши. Потому что хоть его и потчивали, но онъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, да только молвилъ: „вотъ они, урожаи-то наши, каковы!“

Тамъ же онъ схватилъ дифтеритъ.

Разумѣется, на другой день юридическая ошибка объяснилась,

и его выпустили на поруки (неровенъ случай, и опять понадобится). Онъ возвратился домой и умеръ.

А газетчикъ-обманщикъ и сейчасъ живъ. Четвертый каменный домъ подъ крышу подводитъ и съ утра до вечера объ одномъ думаетъ: чѣмъ ему напредки легковѣрнаго читателя ловчѣе обманывать: обманомъ или истиною?

7.—Игрушечнаго дѣла людишки.

Въ 184* году я жилъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній Россіи. Жилъ, т.-е. состоялъ на службѣ, какъ это само собой разумѣлось въ то время. И при этомъ всякія дѣла дѣлалъ: возлежалъ на лонѣ у начальника края, танцовалъ котильонъ съ губернаторшей, разговаривалъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ о величіи Россіи и совмѣстно съ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ плакалъ горючими слезами, когда послѣдній удостовѣрялъ, что будущее принадлежитъ окружнымъ начальникамъ. И что всего важнѣе — ужасно сердился, когда при мнѣ называли окружныхъ начальниковъ эмиссарами Пугачева. Однимъ словомъ, проводилъ время не весьма полезно.

Въ то время вблизи губернскаго города процвѣталъ (а быть можетъ, и теперь процвѣтаетъ) уѣздный городокъ Любезновъ, куда я частенько-таки ѣзжалъ, во-первыхъ, потому что праздная времени было пропасть, а во-вторыхъ потому, что тамъ служилъ въ качествѣ городничаго мой пріятель, штабсъ-капитанъ Вальяжный, а у него жила экономка Аннушка. Эта Аннушка была премилая особа, и признаюсь, когда мнѣ случалось пить у Вальяжнаго чай или кофе, то очень пріятно было думать, что предлагаемый напитокъ разливала дѣвица благоутробная, а не какая-нибудь пряничная форма. Но впрочемъ только и всего. Хотя же и былъ на меня доносъ, будто бы я ѣзжу въ Любезновъ для „лакомства“, но въ виду моей безпорочной службы это представляло такъ мало вѣроятія, что самъ его превосходительство собственноручно на доносѣ написалъ: „не вѣрю; пусть ѣздитъ“.

Подобно тому какъ у любого отца семейства всегда бываетъ особенно-надежное чадо, о которомъ родители говорятъ: „этотъ не выдастъ!“ — подобно сему и у каждаго губернатора бываетъ свой излюбленный городъ, который его превосходительство называетъ своею „гвардіей“ и относительно котораго сердце его не знаетъ никакихъ тревогъ. О такихъ городахъ ни въ губернаторской канцеляріи, ни въ губернскомъ правленіи иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ слыхомъ не слыхать. Исправники въ нихъ — непьющіе; городничіе — такіе, что двѣ рюмки вставши, да три передъ обѣдомъ, да три передъ ужиномъ — и сами говорятъ: „баста!“; городскіе головы — такіе, что только о томъ и думаютъ, какъ бы новую пожарную трубу пріобрѣсти или общественный банкъ устроить, а обыватели — трудолюбивые, къ начальству ласковые и къ уплатѣ податей склонные.

Къ числу такихъ веселящихъ начальственныя сердца муниципій принадлежалъ и Любезновъ. Я помню, губернаторъ даже руки потиралъ, когда заводили рѣчь объ этомъ городѣ. „За Любезновъ я спокоенъ! Любезновцы меня не выдадутъ!“ — восклицалъ его превосходительство, и все губернское правленіе, въ полномъ составѣ, вторило: „Да, за Любезновъ мы спокойны! Любезновцы насъ не выдадутъ!“ За то, бывало, какъ только придетъ изъ Петербурга циркуляръ о принятіи пожертвованій на памятникъ Ѳеофану Прокоповичу или на стипендію имени генералъ-маіора Мардарія Отчаяннаго, такъ тотчасъ же первая мысль: поскорѣе дать знать любезновцамъ! И точно: не успѣетъ начальство и оглянуться, какъ исправникъ Миловзоровъ уже шлетъ 50 коп., а городничій Вальяжный — цѣлыхъ 75 коп. Тогда какъ изъ Полоумнова городничій съ тоскою доноситъ, что, по усиленному его приглашенію, пожертвованій на означенный предметъ поступила всего 1 копѣйка... Да еще испрашиваетъ въ разрѣшеніе предписанія, какъ съ оной копѣйкой поступить, потому-де что почтовая контора къ пересылкѣ деньги принимаетъ лишь въ круглыхъ суммахъ!

Любезновъ былъ городокъ небольшой, но настолько опрятный, что только развѣ въ самую глухую осень, да и то не на всѣхъ его улицахъ, можно было увязнуть. Въ немъ былъ общественный банкъ, исправная пожарная команда, бульваръ на берегу рѣки Любезновки, небольшой каменный гостиный дворъ, соборъ, двѣ мощеныя улицы — однимъ словомъ, все, что̀ можетъ веселить самое прихотливое на-

чальническое сердце. Но главнымъ украшеніемъ города былъ городской голова. Этотъ замѣчательно дѣятельный человѣкъ цѣлыхъ пять трехлѣтій не сходилъ съ головства, и въ теченіе этого времени неуклонно задавалъ пиры губернскимъ властямъ [illegible]—кидалъ подачки. Съ помощью этой внутренней политики онъ и самъ держался на мѣстѣ, и въ то же время содержалъ любезновское общество въ дисциплинѣ, подходящей къ ежовымъ рукавицамъ. И вотъ, быть можетъ, благодаря этимъ послѣднимъ, въ Любезновѣ процвѣли разнообразнѣйшія мастерства, которыя сдѣлали имя этого города извѣстнымъ не только въ губерніи, но и за предѣлами ея.

Этотъ блестящій результатъ былъ однакожъ достигнутъ не безъ труда. Есть преданіе, что Любезновъ нѣкогда назывался Буяновымъ, и что кличка эта была ему дана именно за крайнюю необузданность его обывателей. Было будто бы такое время, когда любезновцы проводили время въ гульбѣ и праздности, и всѣ деньги, какія попадали имъ въ руки, „крамольнымъ обычаемъ“ пропивали и проѣдали; когда они не токмо не оказывали начальству должныхъ знаковъ почитанія, но одного изъ своихъ градоначальниковъ продали въ рабство въ сосѣдній городъ (см. „Сѣверныя народоправства“, соч. Н. И. Костомарова). Даже и до-днесь наиболѣе распространенныя въ городѣ фамильныя прозвища свидѣтельствуютъ о крамольническомъ ихъ происхожденіи. Таковы, напримѣръ, Изувѣровы, Идоловы, Строптивцевы, Вольницыны, Непройменовы и т. д. Такъ что нѣсколько странно видѣть какого-нибудь Идолова, котораго предокъ когда-то градоначальника въ рабство продалъ, а нынѣ потомокъ постепенными мѣрами до того доведенъ, что готовъ для увеселенія начальства самъ себя въ рабство задаромъ отдать.

Къ счастію для Буянова, случилось сряду четыре удачныхъ и продолжительныхъ головства, которыя и положили конецъ этой неурядицѣ. Первый изъ этихъ удачныхъ градскихъ головъ далъ городу раны, второй—скорпіоны, третій—согнулъ въ бараній рогъ, а четвертый познакомилъ съ ежовыми рукавицами. И независимо отъ этого всѣ четверо прибѣгали и къ мѣрамъ кротости, неослабно внушая приведеннымъ въ изумленіе гражданамъ, что человѣкъ рожденъ для трехъ цѣлей: во-первыхъ, дабы пребывать въ непрерывномъ трудѣ; во-вторыхъ, дабы снимать передъ начальствомъ шапку, а въ-третьихъ,—лить слезы. Повторяю: результатъ оказался блестящій.

Изувѣровы, вмѣсто того, чтобы заниматься „противодѣйствіями“, занялись изобрѣтеніемъ perpetuum mobile, и въ ожиданіи, покуда это дѣло выгоритъ, работали самокаты и дѣлали какія-то особенныя игрушки, которыя „чуть не говорятъ“. Идоловы, прекративъ „филантропіи“, избрали спеціальностью сборку деревянныхъ часовъ, которые въ сутки показывали двое сутокъ, но и за всѣмъ тѣмъ, какъ образчикъ русской смекалки, могли служить поводомъ для размышленій о величіи Россіи. Строптивцевы, бросивъ „революціи“, изобрѣли такія шкатулки, до которыхъ нельзя было дотронуться, чтобы по всему дому не пошелъ гвалтъ и звонъ; а одинъ изъ Непройменовыхъ, занявшійся торговлей муравьиными яйцами (для кормленія соловьевъ), до того осмѣлился, что написалъ даже диссертацію „О сравнительной плотности муравьиныхъ яицъ“ и, отославъ оную въ надлежащее ученое общество (вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ, что недоимокъ за нимъ не состоитъ), получилъ за сіе дипломъ на званіе члена-соревнователя.

И вотъ, когда городъ совсѣмъ очистился отъ крамолы и всѣ старыя недоимки уплатилъ, когда самый послѣдній изъ мѣщанъ настолько углубился въ свою спеціальность, что буйствовать стало ужъ некогда, а впору было платить дани и шапки снимать—случилось нѣчто торжественное и чудное. Обыватели, созванные на вѣче (это было послѣднее вѣче, послѣ котораго вѣчевой колоколъ былъ потопленъ въ рѣкѣ) городскимъ головой Вольницынымъ, принесли публичное покаяніе, а затѣмъ, въ порывѣ чувствъ, единогласно постановили: просить высшее начальство, дабы имя Буянова изъ географіи Арсеньева исключить, а городъ ихній возродить къ новой жизни подъ именемъ Любезнова...

Нужно ли прибавлять, что ходатайство сіе было уважено?

Повторяю: въ 184* году Любезновъ ни о какихъ „народоправствахъ“ уже не думалъ, а просто принадлежалъ къ числу городовъ, осужденныхъ радовать губернаторскія сердца. А такъ какъ времена были тогда патріархальныя, то члены губернскаго синклита частенько-таки туда ѣзжали, во-первыхъ, чтобы порадоваться на трудолюбивыхъ и ласковыхъ мѣщанъ, а во-вторыхъ, чтобы попить и поѣсть у гостепріимнаго головы. Слѣдуя общему настроенію умовъ, ѣздилъ туда и я.

Однажды пріѣзжаю прямо къ другу моему, Вальяжному, и уже

на лѣстницѣ слышу, что въ городнической квартирѣ происходитъ что-то не совсѣмъ обычное. Отворяю дверь и вижу картину. Городничій стоитъ посреди передней, издавая звуки и простирая длани (съ рукоприкладствомъ или безъ онаго—завѣрить не могу), а противъ него стоитъ, прижавшись въ уголъ, довольно пожилой мужчина, въ синемъ кафтанѣ тонкаго сукна, съ виду степенный, но блѣдный и какъ бы измученный съ лица. Очевидно, это былъ одинъ изъ любезновскихъ гражданъ, который до того ужъ проштрафился, что даже голова нашелъ находящіяся въ его рукахъ мѣры кротости недостаточными и препроводилъ виновнаго на воздѣйствіе предержащей власти.

— Степанъ Степанычъ! голубчикъ!—воскликнулъ я, привѣтствуя дорогого хозяина: — а мы-то въ губерніи думаемъ, что въ Любезновѣ даже самое слово: „расправа“ упразднено!

— Да... вотъ...—сконфузился-было Вальяжный, но тотчасъ же поправился и, обращаясь къ стоявшимъ тутъ „десятникамъ“, присовокупилъ:—Эй! бѣгите въ лавку за Твердолобовымъ, да судья чтобы... Въ бостончикъ!—обратился онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Отлично. Милости просимъ! А я—вотъ только кончу!

И покуда я разоблачался (дѣло было зимой), онъ продолжалъ судъ.

— Говори! почему ты не хочешь съ женой „жить“?

Вальяжный остановился на минуту и укоризненно покачалъ головой. Подсудимый молчалъ.

— И баба-то какая... Давеча пришла... печь-печью! Да съ этакой бабой... конца-краю этакой бабѣ нѣтъ! А ты!! Ахъ ты, ахъ!

Но подсудимый пролжалъ молчать.

— Да ты знаешь ли, что даже въ книгахъ сказано: „мужъ иже жены своея“...—хотѣлъ-было поучить отъ писанія Вальяжный, но запнулся и опять произнесъ:—ахъ-ахъ-ахъ!

Мѣщанинъ продолжалъ переминаться съ ноги на ногу, но на лицѣ его постепенно выступало какое-то безконечно-тоскливое выраженіе.

— Говори! что жъ ты не говоришь?

— Что же я, вашескородіе, скажу?

— Будешь ли „жить“ съ женой какъ слѣдуетъ... какъ законъ велитъ? Говори!

Подсудимый нѣсколько секундъ помолчалъ и наконецъ вдругъ заметался.

— Вашескородіе! Мнѣ не токма что говорить, а даже думать... увольте меня, вашескородіе!

— А коли такъ—маршъ въ холодную! И завтра чтобы безъ разговоровъ! А будешь разговаривать—такъ вспрысну, что до новыхъ вѣниковъ не забудешь! Маршъ!

И помахавъ (чтобъ крѣпче было) у подсудимаго подъ носомъ указательнымъ перстомъ, Вальяжный приказалъ его увести, и затѣмъ, обратившись ко мнѣ, протянулъ обѣ руки и воскликнулъ:

— Ну, вотъ, вы и къ намъ! очень радъ! очень радъ! Аннушка! чаю!

До бостона я съ полчаса спорилъ съ Вальяжнымъ. Онъ говорилъ, что „есть въ законахъ“—я говорилъ, что „нѣтъ въ законахъ“. Послали за письмоводителемъ—тотъ отвѣтилъ на-двое: „самъ не видалъ, а, должно быть, гдѣ-нибудь да есть“. Аннушка, вслушавшаяся въ нашъ разговоръ, тоже склонялась въ пользу того мнѣнія, что гдѣ-нибудь да должно быть: „потому, ежели они теперича въ бракѣ, какіе же это будутъ порядки, если жена своево положенія отъ мужа получать не будетъ“. Даже подоспѣвшій къ бостону судья—и тотъ сказалъ, что нужно гдѣ-нибудь въ примѣчаніяхъ поискать, потому что иногда гдѣ не чаешь, тамъ-то именно и обрѣтешь сокровище. Кончилось тѣмъ, что Вальяжный приказалъ письмоводителю къ завтраму отыскать законъ, и въ заключеніе прибавилъ:

— А ночь онъ пускай въ холодной посидитъ! Тамъ что еще окажется, а ему—наука!

Въ теченіе вечера дѣло хотя и недостаточно, но все-таки слегка для меня объяснилось. Обвиняемый былъ любезновскій мѣщанинъ, Никаноръ Сергѣевъ Изувѣровъ, имѣвшій въ городѣ лучшую игрушечную мастерскую. Человѣкъ трезвый, трудолюбивый и послушливый, онъ представлялъ собой идеалъ обывателя, какимъ ему передъ Богомъ и страшнымъ Его судомъ предстать надлежитъ. Слава объ его мастерствѣ доходила нѣкоторымъ образомъ даже до столицъ, потому что всякій заѣзжій по дѣламъ службы столичный чиновникъ

или офицеръ считалъ своею обязанностью поощрить „самородка“ и пріобрѣсти у него нѣсколько особенно хитрыхъ игрушечныхъ механизмовъ. Говорили, что онъ не игрушки дѣлаетъ, а „настоящихъ деревянныхъ человѣчковъ“. И еще говорили, что если бы всѣхъ самородковъ, въ нѣдрахъ земли русской скрывающихся, откопать, то вышла бы такая каша, которой врагамъ Россіи и во вѣкъ бы не расхлебать.

Изувѣровъ до сорока лѣтъ прожилъ одиноко съ старухой-матерью. Всецѣло углубившись въ свою спеціальность, онъ повидимому даже не ощущалъ потребности въ обществѣ жены; но лѣтъ пять тому назадъ старуха-мать умерла, и Изувѣрова попуталъ бѣсъ. Некому было шти сготовить, некому—заплату на штаны положить. Онъ затосковалъ и началъ-было даже попивать. Въ это время подъ руку подвернулась двадцати-пятилѣтняя дѣвица Матрена Идолова, рослая, рыхлая, какъ будто нарочно созданная, чтобы горшки изъ печи ухватомъ таскать. Изувѣровъ рѣшился. Онъ даже радовался, что у него будетъ жена сильная, печь-печью; думалъ, что при сильной бабѣ въ домѣ больше порядку будетъ. Но, увы! Матрена съ первыхъ же шаговъ заявила наклонность не столько къ тасканію горшковъ изъ печи, сколько къ тому, чтобы мужъ велъ себя относительно ея какъ дамскій кавалеръ. И такъ какъ Никаноръ Сергѣевъ повидимому къ роли дамскаго угодника чувствовалъ призваніе очень слабое, то немедленно же обнаружилась полнѣйшая семейная неурядица, а подъконецъ дѣло дошло и до разбирательства полиціи.

Разумѣется, на другой день письмоводитель доложилъ, что „въ законахъ нѣтъ“. Но, кромѣ того, оказалось и еще кое-что, а именно, что даже „вспрыснуть“ Изувѣрова нельзя, такъ какъ законъ на этотъ разъ гласилъ прямо, что мѣщане, яко образованные, отъ тѣлесныхъ воздѣйствій освобождаются. Поэтому Изувѣрова тогда же выпустили, а женѣ его Вальяжный объявилъ кратко: „закона нѣтъ“.

Результатъ этотъ я отчасти приписываю себѣ. Конечно, я былъ тутъ орудіемъ случайнымъ и даже страдательнымъ, но все-таки, въ качествѣ чиновника изъ губерніи, въ извѣстной мѣрѣ олицетворялъ авторитетъ. Я убѣжденъ, что не наткнись я на сцену и не возбуди вопроса о томъ, есть ли въ законѣ или нѣтъ, никто (и всѣхъ меньше самъ Изувѣровъ) и не подумалъ бы объ этомъ. Никаноръ Сергѣевъ не только высидѣлъ бы въ холодной свое „положонное“, но навѣрное

былъ бы и „вспрыснутъ“. Много-много еслибы Вальяжный передъ „вспрыснутіемъ“ сказалъ бы: „а ну, образованный, ложись!“ Это былъ бы единственный компромиссъ, который онъ допустилъ бы въ свидѣтельство, что въ городническомъ правленіи дѣйствительно имѣется шкапъ, въ которомъ, въ качествѣ узника, заключенъ законъ.

Къ стыду моему я долженъ сознаться, что, очень часто слыша о необыкновенныхъ способностяхъ Изувѣрова, я до сихъ поръ еще ни разу не полюбопытствовалъ познакомиться съ произведеніями его мастерства. Поэтому теперь, когда, помимо его репутаціи, меня заинтересовала самая личность „самородка-механика“, я счелъ уже своею обязанностью посѣтить его и его заведеніе.

Домикъ, въ которомъ жилъ Изувѣровъ, стоялъ въ одной изъ пригородныхъ слободъ и почти ничѣмъ не отличался отъ сосѣднихъ домовъ. Такой же чистенькій, словно подскобленный, такъ же о трехъ окнахъ и съ такимъ же маломѣрнымъ дворомъ. Вообще мастерскія и ремесленныя слободы Любезнова были распланированы и обстроены съ изумительнымъ однообразіемъ, такъ что сами граждане въ шутку говаривали: „точно у насъ каторга!“ Въ домикахъ съ утра до ночи шла неусыпающая дѣятельность; всѣ работали: и взрослые, и подростки, и малолѣтки, и мужескъ и женскъ полъ; за то улицы стояли пустынныя и безмолвныя.

Я засталъ хозяина въ мастерской одного. Изувѣровъ принялъ меня съ какимъ-то робкимъ радушіемъ и показался мнѣ чрезвычайно симпатичнымъ. Лицо его, изжелта-блѣдное и слегка изнуренное, было очень привлекательно, а въ особенности пріятно смотрѣли большіе сѣрые глаза, въ которыхъ отъ времени до времени проблескивало глубоко-тоскливое чувство. Тѣло у него было совсѣмъ тщедушное, такъ что сразу было видно, что ему на роду написано: не быть исправнымъ кавалеромъ. Плечи узкія, грудь впалая, руки худыя, безволосыя, явно непривычныя къ тяжелой работѣ. Когда я вошелъ, онъ стоялъ въ одной рубахѣ за верстакомъ, и суетливо заторопился надѣть армякъ, который висѣлъ возлѣ на гвоздикѣ. На верстакѣ лежала кукла, сдѣланная вчернѣ. Плѣшивая голова безъ глазъ; вмѣсто груди и живота двѣ пустыя коробки, предназначенныя для помѣщенія механизма; деревянные остовы рукъ и ногъ съ обнаженными шалнерами.

Я, конечно, видалъ въ своей жизни великое множество раззорен-

ныхъ куколъ, но какъ-то онѣ никогда не производили на меня впечатлѣнія. Но тутъ, въ этой насыщенной „игрушечнымъ дѣломъ“ атмосферѣ, меня вдругъ охватило какое-то щемящее чувство, не то чтобы грусть, а какъ бы оторопь. Точно я вошелъ въ какое-то совсѣмъ оголтѣлое царство, гдѣ все въ какой-то отупѣлой безнадежности застыло и онѣмѣло. Это послѣднее обстоятельство было въ особенности тяжко, потому что нѣмота именно заключаетъ въ себѣ что-то безнадежное. Такъ что мнѣ ужасно жалкимъ показался этотъ человѣкъ, который осужденъ проводить жизнь въ этомъ застывшемъ царствѣ, смотрѣть въ просверленные глаза, начинять всякой чепухой пустыя груди и направлять всю силу своей изобрѣтательности на то, чтобы руки, приводимыя въ движеніе замаскированнымъ механизмомъ, не стучали „по деревянному“, а плавно и мягко, какъ у ханжей и клеветниковъ, ложились на перси, слегка подправленныя тряпкой и ватой и, „для натуральности“, обтянутыя лайкой.

— Какъ живете?—привѣтствовалъ я хозяина.

— Тихо-съ. Смирно у насъ здѣсь-съ. Прохоръ Петровичъ (голова) такую въ нашемъ городѣ тишину завелъ, что, кажется, кабы не стучалъ станокъ — подумалъ бы, что и самъ-то умеръ.

— Скучно?

— Не скучно-съ, а какъ будто совсѣмъ нѣтъ ничего: ни скуки, ни веселости—одна тишина-съ. Всѣ мы здѣсь на равныхъ правахъ состоимъ, точно веревка скрозь продернута. Одинъ утромъ проснулся, за веревку потянулъ — и всѣ проснулись; одинъ за станокъ сталъ — и всѣ стали. Порядокъ-съ.

— Что-жъ, это хорошо. Порядокъ и притомъ тишина, — это прежде всего. Оттого и начальники, глядя на васъ, радуются; оттого и недоимокъ на васъ нѣтъ. А при семъ весьма возможно, что и порочныя наклонности ваши, не встрѣчая питанія...

Къ счастію, я поперхнулся на этомъ словѣ, и когда откашлялся, то потерялъ нить, и такимъ образомъ учительное настроеніе какъ-то само собой оставило меня.

— Вы, сказывали мнѣ, игрушечнымъ мастерствомъ занимаетесь? И притомъ какія-то особенныя, отличнѣйшія куклы работаете?

— Хвалить себя не смѣю, а, конечно, стараюсь доходить. Весь вѣкъ промежду куколъ живешь, все молчишь, все думаешь... Думаешь да думаешь — и вдругъ-это кукла передъ тобой какъ живая

стоитъ! Ну, натурально, потрафить хочется... А въ этомъ разѣ, ужъ само собой, одной тряпкой да лайкой мудрено обойтись!

— Значитъ, вы отчасти и въ скульптуру вдаетесь?

— Не знаю, сударь, какъ на это вамъ доложить. По моему, я куклу работаю,—только, разумѣется, потрафить стараюсь. Скажемъ теперича хоть такъ: желаю я куклу-подъячаго сдѣлать — какъ съ этимъ быть? Разумѣется, можно и такъ: взялъ чурбашокъ, намѣтилъ на немъ глаза, носъ, губы, напялилъ камзолишко да штанишки — и снесъ на базаръ продавать по гривеннику за штуку. А можно и иначе. Можно такъ сдѣлать, что этотъ самый подъячій разговаривать будетъ, мимику руками разводить.

— Вотъ какъ!

— Да и это, позвольте вамъ доложить, еще не самый конецъ. И подъячіе тоже разные бываютъ. Одинъ подъячій — мздоимецъ; другой — мзды не емлетъ, но лакомству преданъ; третій — руками впередъ безъ резону тычетъ; четвертый — только объ томъ думаетъ, какъ бы ему мужичка облагодѣтельствовать. Вотъ изволите видѣть: только четыре сорта назвалъ, а ужъ и тутъ четыре особенныя куклы понадобились.

— Такъ что еслибы всѣхъ сортовъ подъячихъ въ кукольномъ видѣ представить, такъ они, пожалуй, всю мастерскую бы вашу заполонили?

— Мудренаго нѣтъ-съ. Или, напримѣръ, женскій родъ— сколько тутъ для кукольнаго дѣла матеріалу сыщется! Однѣхъ „щеголихъ“ десятками не сосчитаешь, а сколько безстыжихъ, закоснѣлыхъ, оглашенныхъ, сколько такихъ, которыя всю жизнь зря мотаются и ни къ какому бездѣлью пристроить себя не могутъ! Да вотъ она-съ! извольте присмотрѣть!—вскрикнулъ онъ, указывая въ окошко: – это сосѣдка наша, госпожа Строптивцева, по улицѣ мостовой идетъ! Мужъ у нея часовымъ мастерствомъ занимается, такъ она за него, вишь, устала, погулять вышла! Извольте взглянуть—чѣмъ не кукла-съ?

Дѣйствительно, по другой сторонѣ улицы проходила молодая женщина нѣсколько страннаго, какъ бы забвеннаго вида. Идетъ, руками машетъ, головой болтаетъ, ногами переплетаетъ. Не то чего-то ищетъ, не то припоминаетъ: чего, вишь, я ищу?

— Вотъ этакую-то куклу, да ежели ейный секретъ какъ слѣ-

дуетъ услѣдить—стоитъ ли за ней посидѣть, спрошу васъ, или нѣтъ? А многіе ли, позвольте спросить, изъ нашего брата, игрушечниковъ, понимаютъ это? Бо́льшая часть такъ думаетъ: насовалъ тряпки, лайкой обтянулъ да платьемъ прикрылъ—и готовъ женскій полъ! Да вотъ позвольте-съ! у меня и образчикъ отличнѣйшій въ этомъ родѣ найдется—не угодно ли полюбопытствовать!

Онъ подошелъ къ стеклянному шкапу и вынулъ оттуда довольно большую и цѣнную куклу. Кукла представляла собой богато-убранную „новобрачную“, въ кринолинѣ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, украшенномъ серебрянымъ шитьемъ и кружевными тряпочками. Личико у нея было восковое, съ нѣжнымъ румянчикомъ на щекахъ; глазки—фарфоровые; волосы на головѣ—желтенькіе. Съ головы до полу спускался длинный тюлевый вуаль.

— Полковникъ здѣсь у набора былъ,—объяснилъ Изувѣровъ: —такъ онъ заведеніе мое осматривалъ, а впослѣдствіи мнѣ эту куклу изъ Петербурга въ презентъ прислалъ. Какъ, сударь, по вашему, дорого эта кукла стоитъ?

— Да рублей двадцать, двадцать-пять.

— Вотъ видите-съ. Мнѣ этакой суммы и не выговорить, а по моему вся ей цѣна, этой куклѣ—грошъ!

— Что́ такъ?

— Пустая кукла—вотъ отчего-съ. Что она есть, что нѣтъ ея—не жалко. Сейчасъ ты у нея голову разбилъ—и безъ головы хороша; платье изорвалъ—другое сшить можно. Ишь у нея глазки-то зря болтаются! ни́ она съискоса взглянуть ими, ни́ кверху ихъ завести—ничего не можетъ. Пустая кукла—только и всего!

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣвши внимательно щегольскую петербургскую куклу, я и самъ убѣдился, что это пустая кукла. Дадутъ ее ребенку въ руки, сейчасъ же онъ у нея голову скуситъ—и подѣломъ. Однакожъ я все-таки попытался хоть немного смягчить приговоръ Изувѣрова.

— Послушайте! да вѣдь это „новобрачная“!—сказалъ я: —чего жъ вы хотите отъ нея?

— Ежели, вашескородіе, насчетъ ума это изволите объяснять, такъ позвольте вамъ доложить, хоть и трудно отъ „новобрачной“ настоящаго ума ожидать, однако ежели нѣтъ у нея ума, такъ хоть простота должна быть! А у этой куклы даже и простоты настоящей

нѣтъ. Почему она „новобрачная“? на какой предметъ и въ какомъ градусѣ состоитъ?—Какіе отвѣты она на эти вопросы можетъ дать? Что уваль-то у ней на головѣ, въ знакъ непорочности, положенъ? такъ вѣдь его можно и снять-съ! Что тогда она будетъ? „новобрачная“ или просто пологрудая баба, которая наготою своею глаза прохожимъ людямъ застелить хочетъ?

— Да развѣ можно отъ нея отвѣтовъ требовать, коль скоро она „новобрачная“? вѣдь она и сама вѣроятно о себѣ ничего сказать не съумѣетъ.

— Бываетъ съ ними, конечно, и это-съ. Бываютъ промежду ихней сестры такія, что объ чемъ ты съ ней ни заговори, она все только цѣловаться лѣзетъ... Такъ вѣдь нужно, чтобы и это было сразу понятно. Чтобы всякій, какъ только взглянулъ на нее, такъ и сказалъ: вотъ такъ баба... ахъ-ахъ-ахъ! А то — натко! Нацѣпилъ уваль и думаетъ, что дѣло сдѣлалъ! Этакія-то куклы у насъ на базарѣ по гривеннику штука продаютъ. Вонъ ихъ, чурбашковъ, сколько въ углу навалено!

— Такъ вы, значитъ, и простую куклу работаете?

— Безъ простой куклы намъ пропитаться бы нечѣмъ. А настоящую куклу я работаю, когда досугъ есть.

— И это интересуетъ васъ?

— Извѣстно, кабы не было занятно, такъ лучше бы чурбашки работать; по крайности, полтинниковъ больше въ карманѣ водилось бы. А отъ этихъ отъ „человѣчковъ“ и пользы для дому не видишь, да неровенъ часъ и отъ тоски, пожалуй, пропадешь съ ними.

— Тоска-то съ чего же?

— Съ того самаго и тоска, что тебѣ вотъ „дойти“ хочется, а дѣло показываетъ, что руки у тебя коротки. Хочется тебѣ, напримѣръ, чтобъ „подъячій“... ну, разсердился бы что-ли... а онъ, замѣсто того, только „гнѣвается“! Хочется, чтобы онъ сегодня—одно, а завтра другое; а онъ съ утра до вечера все одну и ту же канитель твердитъ! Хочется, чтобы у „человѣчковъ“ твоихъ поступки были, а они только руками машутъ!

— Еще бы вы чего захотѣли: чтобы у куколъ поступки были!

— Знаю, сударь, что умнаго въ этомъ хотѣньи мало, да вѣдь хотѣть никому не заказано — вотъ горе-то наше какое! Думаешь: сейчасъ взмахну и полечу! а „человѣчекъ“-то вцѣпился въ тебя, да

и не пускаетъ. Какъ всталъ онъ на свою линію, такъ и не сходитъ съ нея. Я даже такую механику придумалъ, что людишки мои изъ лица краснѣютъ—анъ и изъ этого проку не вышло. Пустишь-это въ лицо ему карминцу, думаешь: вотъ сейчасъ онъ [illegible]!—а онъ „гнѣвается", да и шабашъ! А нынѣче и еще фортель приспособилъ: сердца имъ въ нутро вкладывать началъ, да ужъ напередъ знаю, что и изъ этого только проформа выйдетъ одна.

И онъ показалъ мнѣ цѣлую связку крошечныхъ кукольныхъ сердецъ, изъ которыхъ на каждомъ мелкими-мелкими буквами было вырѣзано: „цѣна сему серцу Адна копек."

— Такъ вотъ какъ поживешь этта съ ними: ума у нихъ—нѣтъ, поступковъ — нѣтъ, желаній — нѣтъ, а на мѣсто всего — одна видимость, ну, и возьметъ тебя страхъ. Того гляди, зарѣжутъ. Сидишь посреди этой нѣмоты и думаешь: Господи! да куда же настоящіе-то люди попрятались?

— Ахъ, голубчикъ, да вѣдь и въ заправской-то жизни развѣ много такихъ найдется, которыхъ можно „настоящими" людьми назвать?

— Вотъ, сударь, вотъ. Это одно и смиряетъ. Взглянешь кругомъ: все-то куклы! вездѣ-то куклы! не есть конца этимъ куклам! Мучатъ! тиранятъ! въ отчаянность, въ преступленіе вводятъ! Вѣрите ли, иногда думается: Господи! кабы не куклы, вѣдь десятой бы доли злыхъ дѣлъ не было противъ того, что теперь есть!

— Гм... отчасти это, пожалуй, и такъ.

— Вполнѣ вѣрно-съ. Потому настоящій человѣкъ — онъ впередъ глядитъ. Онъ и боль всякую знаетъ, и огорченіе понять можетъ, и страхъ имѣетъ. Осмотрительность въ немъ есть. А у куклы —ни страху, ни боли—ничего. Живетъ какъ забвенная, ни у ней горя, ни радости настоящей, живетъ да душу изнимаетъ — и шабашъ! Вотъ хоть бы эта самая госпожа Строптивцева, которую сейчасъ изволили видѣть—хоть распотроши ее, ничего въ ней, окромя тряпки и прочаго кукольнаго естества, найти нельзя. А сколько она съ помощью этой тряпки злодѣяніевъ надѣлаетъ, такъ, кажется, всю жизнь ее судить, такъ и еще на цѣлую такую же жизнь останется. Такъ вотъ какъ разсудишь это порядкомъ — и смиришься-съ. Лучше, молъ, я къ своимъ деревяннымъ людишкамъ уйду, не-чѣмъ съ живыми куклами пропадать буду!

— Съ деревянными-то людишками, стало быть, повадньe?

— Какъ же возможно-съ! Съ деревяннымъ „человѣчкомъ“ я — какой хочу, такой разговоръ и поведу. А коли надоѣлъ, его и угомонить можно: ступай въ коробку, лежи! А живую куклу какъ ты угомонишь? она сама тебя изведетъ, сама твою душу вынетъ, всю жизнь тебѣ въ сухоту обратитъ!

Изувѣровъ высказалъ это страстно, почти съ ненавистью. Видно было, что онъ зналъ „живую куклу“, что она, пожалуй, и теперь, въ эту самую минуту, невидимо изводила его, вынимала изъ него душу и скулила надъ самымъ его ухомъ.

— У насъ, сударь, въ здѣшнемъ земскомъ судѣ хорошій человѣкъ служитъ,— продолжалъ онъ: — такъ онъ, какъ ему чуточку въ голову вступитъ, сейчасъ ко мнѣ идетъ. „Изувѣровъ,— говоритъ,— исправникъ одолѣлъ! празднословитъ съ утра до вечера — смерть! Сдѣлай ты мнѣ такую куклу, чтобы я могъ съ нею, замѣсто исправника, разговаривать!“

— А любопытно было бы исправника вашей работы видѣть— есть у васъ?

— Матеріалу покуда у насъ, вашескородіе, еще не припасено, чтобы господъ исправниковъ въ кукольномъ видѣ изображать. А впрочемъ и то сказать: невелику бы забаву и господинъ секретарь получилъ, если бы я его капризъ выполнилъ. Сегодня онъ позабавился, сердце себѣ утолилъ, а завтра ему и опять къ той же живой куклѣ на расправу идти. Тяжело, сударь, очень даже тяжело промежду куколъ на свѣтѣ жить!

Онъ помолчалъ съ минуту, вздохнулъ и прибавилъ:

— Отецъ дьяконъ соборный не однажды говаривалъ мнѣ: „Прямой ты, Изувѣровъ, дуракъ! И отъ живыхъ людишекъ на свѣтѣ житья нѣтъ, а онъ еще деревянныхъ плодитъ!“

Изувѣровъ опять умолкъ, и на этотъ разъ повидимому даже усомнился, правильно ли онъ поступилъ, сообщивъ разговору философическое направленіе. Онъ застѣнчиво ходилъ около верстака и полою армяка сметалъ съ него опилки и стружки.

— А не покажете ли вы мнѣ своихъ „людишекъ“? — попросилъ я.

— Помилуйте! отчего-же-съ!— отвѣтилъ онъ: — даже за честь

почту-съ! Да вотъ, позвольте, для начала хоть господъ „подъячихъ“ вамъ отрекомендовать.

— А нутка, господинъ коллежскій ассесоръ, вотъ-съ! — воскликнулъ Изуверовъ, вынимая изъ картонки куклу и становя ее на верстакъ.

Передо мною стоялъ „человѣчекъ“ величиною около пяти вершковъ; лицо и части тѣла его были удовлетворительно соразмѣрны; голова, руки и ноги свободно двигались. Типъ подъячаго былъ схваченъ положительно хорошо. Волоса на головѣ—черные, тщательно прилизанные, съ завиточками на вискахъ и съ кокомъ надъ лбомъ; лицо, вздернутое кверху, самодовольное, съ узкимъ лбомъ и выдающимися скулами; глаза маленькіе, подвижные и блудливые, съ сильнымъ бликомъ; щеки одутловатыя, отливающія желтизною и въ выдающихся мѣстахъ какъ бы натертыя кирпичикомъ (вмѣсто румянца); губы пухлыя, красныя, масляныя, точно сейчасъ послѣ принятія жирной пищи; подбородокъ бритый и порѣзанный; кой-гдѣ по лицу разсѣяны прыщи. Одѣтъ въ вицъ-мундиръ сѣраго казинета, съ краснымъ казинетовымъ же воротникомъ, и притомъ нѣсколько страннаго покроя: съ узенькими-узенькими фалдочками, падающими почти до земли; при вицъ-мундирѣ сѣренькіе штанишки, коротенькіе и отрепанные; карманы вездѣ глубокіе, способные вмѣстить содержаніе сумы нищаго, возвращающагося домой послѣ удачнаго сбора „кусковъ“. Въ петлицѣ виситъ серебряной фольги медаль съ надписью: „за спасеніе погибающихъ“. Бедра крутыя, женскаго типа; брюшко круглое, какъ комочекъ, и весело колеблющееся, какъ будто въ немъ еще продолжаютъ трепыхаться только-что заглотанныя живьемъ куры и другая живность. Одну руку онъ утвердилъ фертомъ на бедрѣ, другую—засунулъ въ карманъ брюкъ, какъ бы нѣчто въ оный поспѣшно опуская; ноги сложилъ ножницами. Вообще всей своей фигурой онъ напоминалъ ножницы, опрокинутыя острымъ концомъ внизъ. И хотя я не могъ доподлинно вспомнить, гдѣ именно я эту личность видѣлъ, но несомнѣнно, что гдѣ-то она мнѣ встрѣчалась и даже нерѣдко.

— Мздоимецъ?—спросилъ я.

— Онъ самый-съ; какъ на вашъ взглядъ-съ?

— Недуренъ. Только, признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ вы его въ сѣрый вицъ-мундиръ одѣли, да еще съ краснымъ

воротникомъ? Вѣдь такой формы, сколько мнѣ извѣстно, не существуетъ?

— Для цензуры-съ. Ежели бы я въ настоящій вицъ-мундиръ его нарядилъ — куда бы я съ нимъ сунулся-съ? А теперь съ меня взятки гладки-съ. Тамъ какъ хочешь разумѣй, а у меня одинъ отвѣтъ: партикулярный, молъ, человѣкъ,—только и всего.

— Ну, а зачѣмъ вы его коллежскимъ ассесоромъ прозвали?

— Тоже для цензуры-съ. Пріѣзжалъ ко мнѣ, позвольте вамъ доложить, въ мастерскую человѣкъ одинъ—онъ въ Петербургѣ чиновникомъ служитъ—такъ онъ мнѣ сказывалъ, что тамъ свыше коллежскаго ассесора представлять въ кукольномъ видѣ не дозволяется, а до коллежскаго ассесора будто бы можно. Вотъ я съ тѣхъ поръ и поставилъ себѣ за правило эту самую норму брать.

— Правильно. Ну, такъ покажите мнѣ теперь вашего коллежскаго ассесора, какъ онъ дѣйствуетъ.

— Сейчасъ, вашескородіе. Мы ему сперва-на-перво экзаментъ учинимъ. Сказывай, коллежскій ассесоръ: взятки любишь?

— Пàпп-и-пà!—вдругъ совершенно отчетливо крикнулъ „человѣчекъ“.

Я даже вздрогнулъ. Какъ-то удивительно непріятно поражалъ голосъ, которымъ были произнесены эти звуки. Точно попугай въ сосѣдней комнатѣ крикнулъ, да еще въ старозавѣтныхъ помѣщичьихъ домахъ приживалки и попадьи такимъ голосомъ говаривали, когда желали веселить своихъ благодѣтелей.

— Это значитъ: люблю-съ,—пояснилъ Изувѣровъ,—и, вновь обращаясь къ „коллежскому ассесору“, продолжалъ: — Большую, поди, мзду любишь?

— Пàпп-и-пà!

— Такую, чтобъ ограбить? до тла чтобы?

— Пàппà! пàппà! пàппà!

Троекратно произнеся этотъ возгласъ, коллежскій ассесоръ выказывалъ чрезвычайное волненіе: вращалъ глазами, кивалъ головой, колыхалъ животомъ и хлопалъ руками по бедрамъ, точь-въ-точь какъ бьетъ крыльями птица, которая неожиданно налетѣла на разсыпанный кормъ. Мнѣ показалось, что даже было одно мгновеніе, когда онъ покраснѣлъ...

— Вотъ вы говорили, что ваши „человѣчки“ поступковъ не

имѣютъ,—сказалъ я:—а посмотрите, какой неподдѣльный восторгъ вашъ коллежскій ассесоръ выказываетъ!

— То-то и есть, что не вполнѣ, вашескородіе! — возразилъ Изувѣровъ: — и руками онъ хлопаетъ, и глазами [illegible] — это дѣйствительно; а въ лицѣ все-таки настоящей алчности нѣту! Вотъ у насъ въ магистратѣ секретарь служитъ, такъ тотъ, какъ взятку-то увидитъ, даже изъ себя весь помертвѣетъ! И взглядъ у него помутится, и руки затрясутся, и слюна на губахъ. Ну, а мой до этого не дошелъ-съ.

— Мнѣ кажется, что вы черезъ-чуръ ужъ скромны, Никаноръ Сергѣичъ. По моему мнѣнію, и вашъ „подъячій“—мерзавецъ хоть куда!

— Нѣтъ, сударь, что̀ ужъ! Дальше—лучше увидите доказательства, что не напрасно я недоволенъ имъ. А покуда позвольте мнѣ экзаментъ продолжать. — Ну, коллежскій ассесоръ, сказывай! Что большую мзду ты любишь—это мы знаемъ, а какъ насчетъ малой мзды—пріемлешь?

— Пàпп... вззз...

„Человѣкъ“ какъ будто спохватился и запищѣлъ. Признаться, я подумалъ, не испортился ли въ немъ механизмъ, но Изувѣровъ поспѣшилъ разувѣрить меня.

— Это значитъ: пріемлю и малую мзду, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сорвать больше нечего.—Ну, а какъ ты насчетъ того скажешь, чтобы, напримѣръ, совсѣмъ безъ мзды дѣло рѣшить?

— Вззззз...

Коллежскій ассесоръ не только запищѣлъ, но даже закружился. Лицо у него совсѣмъ налилось красною жидкостью; глаза блудливо бѣгали въ орбитахъ. Вообще было видно, что самая идея рѣшить дѣло безъ мзды можетъ довести его до изступленія.

Даже Изувѣровъ возмутился такою наглостью и строго покачалъ головой.

— Какъ посмотрю я на тебя, мздоимецъ, — сказалъ онъ: — такъ ты жаденъ, такъ жаденъ, что, кажется, отца родного за взятку продать готовъ?

— Пàпп-пà! пàпп-пà! пàпп-пà!

— А подъ судъ за это попасть хочешь?

— Вззззз...

— Не любишь? Конечно!.. Кому подъ судъ попасть хочется! Какой ни на есть пансіонъ, хоть грошъ, а все-таки заслужить лестно! Ты, поди, ужъ и деревнюшку для себя присмотрѣлъ?

— Пàпп-пà!

— Наберешь взятковъ, женишься, уѣдешь въ вотчину, станешь дѣтокъ здблить, крестьянъ на барщину гонять, въ праздники на крылосѣ за обѣдней подпѣвать!

— Пàпп-пà!

— И вдругъ кондрашка!?

— Вззззз...

— Не любишь? Ничѣмъ его такъ, вашескородіе, огорчить нельзя, какъ ежели о смертномъ часѣ напомнить. Ну, ладно, коллежскій ассесоръ! Покуда что, а мы тебя теперь съ однимъ человѣчкомъ сведемъ...

Изувѣровъ отыскалъ другую картонку и вынулъ оттуда „мужика“.

Мужикъ былъ совсѣмъ настоящій и повидимому даже зажиточный. Борода длинная съ сильною просѣдью; волосы, обильно вымазанные коровьимъ масломъ; на плечахъ — синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, на ногахъ — совсѣмъ новенькіе лапти. Изъ-за пазухи у него высовывались куры, гуси, утки, индюшки, поросята, а въ одномъ изъ кармановъ торчала даже цѣлая корова. Изувѣровъ поставилъ его сначала подъдаль отъ коллежскаго ассесора.

— Ну что, мужичокъ! виноватъ?

— Мм-му-у!

— А коли виноватъ — становись, значитъ, на колѣнки!

Онъ поставилъ мужика на колѣни и обратилъ лицомъ къ коллежскому ассесору.

— Ползи!

Мужикъ поползъ и остановился передъ здоимцемъ. Коллежскій ассесоръ сначала отвернулъ голову въ сторону, притворяясь, будто не видитъ просителя; но послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ: „мм-му-у!“ — постепенно началъ взглядывать по направленію виноватаго и наконецъ вдругъ плотоядно и пронзительно взвизгнулъ:

— Пàпп-пà!

И тотчасъ же вырвалъ у мужика изъ-пазухи гуся, котораго тутъ же, при неистовомъ гоготаніи птицы, живьемъ и сожралъ.

— Кланяйся же! кланяйся, мужичокъ! — поощрялъ Изувѣровъ:—проси прощенья... вотъ такъ! виноватъ, молъ, ваше высокородіе! не буду!

— Мму-у-у! мму-у-у! мму-у-у! — твердилъ мужичокъ.

Поощренный этимъ, коллежскій ассесоръ словно остервенился. Откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ и нѣкоторое время стоялъ въ этой позѣ, какъ бы разглядывая свою жертву; потомъ началъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, наливаясь при этомъ кровью, и наконецъ со всѣхъ ногъ бросился на мужика и принялся его теребить и грабить. Все это было продѣлано до такой степени живо, что у меня даже волосы встали дыбомъ. Мздоимецъ повытаскалъ изъ-за пазухи мужика всѣхъ курятъ, выволокъ изъ кармана за рога корову, потомъ вывортилъ другой карманъ и нашелъ тамъ свинью, которая со страху сейчасъ же опоросилась десятью поросятами, и при всякой находкѣ восклицалъ:

— Пàпп-пà! пàпп-пà! пàпп-пà!

Мужикъ же въ умиленіи вторилъ ему:

— Мму-у-у!!

Наконецъ мздоимецъ отцѣпился, и мужикъ, думая, что вина ему ужъ прощена, тоже началъ проворно становиться на ноги. Однакожъ не тутъ-то было. Коллежскій ассесоръ опять что-то вспомнилъ (и повидимому самое важное) и энергично замахалъ руками, указывая мужику на лапти. Мужикъ сконфузился, какъ будто его уличили въ плутнѣ; затѣмъ безпрекословно опустился на полъ и сталъ разувать онучи и лапти. Все время, покуда происходилъ процессъ разуванія, мздоимецъ внимательно слѣдилъ за виноватымъ и лукаво улыбался, какъ бы говоря: надуть хотѣлъ... негодяй!! И точно: по мѣрѣ того, какъ развертывались мужиковы онучи, изъ нихъ во множествѣ сыпались бѣленькіе и желтенькіе кружочки.

— Это крестовики и полуимперіальчики-съ! — пояснилъ Изувѣровъ.

Коллежскій ассесоръ остервенился вновь. Въ одно мгновеніе ока бросился онъ на виноватаго, обшарилъ съ головы до ногъ, обралъ деньги, снялъ съ мужика армякъ и даже отнялъ мѣдный гребень, висѣвшій у него на поясѣ.

— Пàпп-пà! пàпп-пà! пàпп-пà! — восклицалъ онъ въ восхищеніи.

— Мму-у-у!—вторилъ ему мужикъ.

— Ну, вотъ, теперь вставай!—рѣшилъ Изувѣровъ, становя мужика на ноги.

Мужикъ былъ сильно помятъ, но повидимому нимало не огорченъ. Онъ понималъ, что исполнилъ свой долгъ, и только потихоньку встряхивался.

— Доволенъ?—обратился къ нему Изувѣровъ.

— Мму-у-у!

— Ну, то-то! теперь твое дѣло — вѣрное, и дома всѣмъ такъ говори: „теперь, молъ, меня хоть съ кашею ѣшь, хоть на куски рѣжь—мое дѣло вѣрное!“ Ну-ну! добро, полѣзай опять въ картонку да обростай до будущаго раза!

Онъ ухватилъ мужика поперекъ туловища и уложилъ его обратно въ картонку.

— Этотъ мужичокъ у меня для „представленій“ служитъ,— объяснилъ мнѣ Изувѣровъ: — самъ по себѣ онъ персоны не обозначаетъ, а коли ежели силу души кому показать нужно, такъ складнѣе парня не сыскать! А засимъ позвольте вашескородіе попросить: не угодно ли будетъ вамъ ужъ отъ себя вопросы господину коллежскому ассесору предложить?

— Какіе же вопросы?

— Что̀, сударь, вздумаете, то̀ и спросите. Увидите, по крайности, какую силу онъ передъ вами выкажетъ.

— Извольте! Что̀ бы, напримѣръ?.. Ну, напримѣръ: понимаешь ли ты, коллежскій ассесоръ, какое значеніе слово „правда“ имѣетъ?

Молчаніе.

— А Бога... боишься?

Молчаніе.

— Ну, что̀ бы еще?.. на пользу ближнему послужить не прочь?

Опять и опять молчаніе. Я въ недоумѣніи взглянулъ на Изувѣрова.

— Не понимаетъ-съ,—объяснилъ онъ кратко.

— То-есть, какъ же это не понимаетъ? кажется, вопросы не очень мудреные?

— И не мудреные, а онъ отвѣтить не можетъ. Нѣтъ у него „добродѣтельнаго“ разговора—и шабашъ! все воровство, да подлости, да грабежъ только на умѣ! Вообще, позвольте вамъ доложить,

сколько я ни старался добродѣтельную куклу сдѣлать—никакъ не могу! Мерзавцевъ — сколько угодно, а что касается добродѣтели, такъ, кажется, экого слова и въ заводѣ-то въ этомъ царствѣ нѣтъ!

— Да вѣдь это впрочемъ и естественно. Возьмите даже живую куклу—развѣ она понимаетъ, что̀ такое добродѣтель?

— Не понимаетъ—это вѣрно-съ. Да, по крайности, она хоть лицемѣрить можетъ. Спросите-ка, напримѣръ, нашего магистратскаго секретаря: боишься ли ты Бога!—такъ онъ, пожалуй, даже въ умиленіе впадетъ! Ну, а мой коллежскій ассесоръ—этого не можетъ.

— Это, я полагаю, отъ того, что, въ сущности, вашъ „коллежскій ассесоръ“ добродѣтельнѣе, нежели магистратскій секретарь — вотъ и все. А попробуйте-ка вы „добродѣтельные“ разговоры съ точки зрѣнія лицемѣрія повести — тогда я увѣренъ, что и вашъ „мздоимецъ“ не хуже магистратскаго секретаря на всякій вопросъ отвѣтитъ.

Идея эта—сама по себѣ очень простая—сдѣлать доступною для негодяя добродѣтель, обративъ ее, при посредствѣ лицемѣрія, въ подлость—повидимому не приходила до сихъ поръ въ голову Изувѣрову. Даже и теперь онъ не сразу понялъ: какъ это такъ? сейчасъ была добродѣтель... и вдругъ будетъ подлость!! Но въ концѣ концовъ метаморфоза, разумѣется, объяснилась для него вполнѣ.

— А вѣдь я, вашескородіе, попробую! — сказалъ онъ, робко взглядывая на меня.

— Разумѣется, попробуйте! И я увѣренъ, что успѣхъ будетъ полный.

— Вѣдь я тогда, вашескородіе, пожалуй, и госпожу Строптивцеву вполнѣ сработать могу?

— Еще бы! Да вотъ, постойте: попробуемте даже сейчасъ съ вашимъ „мздоимцемъ“ опытъ сдѣлать. Поставимте ему вопросъ по новому—что̀ онъ намъ скажетъ?

И, обращаясь къ куклѣ, я формулировалъ вопросъ такъ:

— Слушай, мздоимецъ! Что ты не понимаешь, что̀ значитъ правда—это мы знаемъ. Но еслибы, напримѣръ, на пирогѣ у головы кто-нибудь разговоръ о правдѣ завелъ, вѣдь и ты, поди, съумѣлъ бы притвориться: одною, молъ, правдою и свѣтъ божій милъ?

„Коллежскій ассесоръ“ взглянулъ на насъ съ недоразумѣніемъ

и нѣсколько мгновеній какъ бы соображалъ, стараясь понять. И вдругъ пронзительно и радостно крикнулъ:

— Папп-па! папп-па! папп-па!

Новая кукла, „Лакомка“, съ внѣшней стороны оказалась столь же удовлетворительною, какъ и „Мздоимецъ“. „Лакомка“ былъ „человѣкъ“ неизвѣстныхъ лѣтъ, въ напудренномъ парикѣ, съ косичкою назади и букольками на вискахъ, въ костюмѣ петиметра восемнадцатаго столѣтія, какъ ихъ изображаютъ на дешевенькихъ гравюрахъ, украшающихъ стѣны провинціальныхъ гостинницъ. Лицо полное, румяное, улыбающееся, губы сочныя, глаза съ поволокою. Одной рукой онъ зажималъ трехъ-угольную шляпу, другую—держалъ наотмашь, какъ бы посылая въ пространство воздушный поцѣлуй. Сзади его стояли ширмы, на которыхъ сусальнаго золота буквами было написано: „пріютъ сладкихъ адахнавеній“; сбоку были поставлены другія ширмы съ надписью: „вхотъ для прелесницъ“. Вообще было замѣтно поползновеніе устроить такую обстановку, которая сразу указывала бы на постыдный характеръ занятій дѣйствующаго лица.

— Тоже состоитъ на службѣ?—спросилъ я.

— Помилуйте! пряжку имѣетъ-съ!

Послѣ этого предварительнаго объясненія „Лакомка“, по данному знаку, учащенно замахалъ свободной рукой, то прижимая ее къ сердцу, то поднося къ губамъ. И въ то же время, какъ бы повинуясь какому-то тонкому психологическому побужденію, одну ногу поднялъ.

— Это онъ женскій полъ чуетъ! — объяснилъ мнѣ Никаноръ Сергѣичъ, покуда „Лакомка“, что есть мочи, кричалъ:

— Мамм-чка! мамм-чка! мамм-чка!

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ призывъ, занавѣска, скрывающая „входъ для прелестницъ“, заколыхалась. Я ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ войдетъ какая-нибудь вѣтренная маркиза, но, къ удивленію моему, вошла... старуха!.. И не маркиза, а старая мѣщанка, въ отрепанномъ платьишкѣ, съ платкомъ на головѣ, и даже повидимому добродѣтельная. Лицо у нея сморщилось, глаза слезились, подбородокъ трясся, носъ выказывалъ признаки затяжного насморка, во рту

не было видно ни одного зуба. Она держала въ рукахъ прошеніе и тотчасъ же бросилась на колѣни передъ „Лакомкой“, какъ бы оправдываясь, что у нея ничего нѣтъ, кромѣ безплодныхъ воспоминаній о добродѣтельно проведенной жизни.

Сначала „Лакомка“ какъ бы не вѣрилъ глазамъ своимъ, но потомъ ужасно разгнѣвался.

— Вззз...—шипѣлъ онъ злобно, топая ногами и изо всей силы потрясая крошечнымъ колокольчикомъ.

— Ишь, Искаріотъ, ошалѣлъ!—шепнулъ мнѣ Изувѣровъ, повидимому принимавшій въ старухѣ большое участіе. — Онъ, вашескородіе, у насъ по благотворительной части попечителемъ служитъ, такъ бабья этого нѣсть конца что къ нему валитъ. И чтобы онъ, расподлецъ, хворости или старости на помощь пришелъ — ни въ жизнь этому не бывать! Вотъ хоть бы старуха эта самая! Колькой ужъ годъ она въ богадѣльню просится, и все пользы не видать!

Покуда Изувѣровъ выражалъ свое негодованіе, на звонъ колокольчика прибѣжалъ сторожъ, и между дѣйствующими лицами произошла такъ-называемая „комическая“ сцена. „Лакомка“ бросился съ кулаками на сторожа, сторожъ съ тѣмъ же оружіемъ—на старуху; съ головы у старухи слетѣлъ шлыкъ, и она, обозлившись, ущипнула „Лакомку“ въ жирное мѣсто. Тогда сторожъ и „Лакомка“ окончательно разсвирѣпѣли и стали тузить старуху уже соединенными силами. Однимъ словомъ, вышло что-то неестественное, сумбурное и невеселое, и я былъ даже доволенъ, когда добродѣтельную старуху наконецъ вытолкали.

— Вззз...—потихоньку шипѣлъ „Лакомка“, оправляясь передъ зеркаломъ и съ трудомъ овладѣвая охватившимъ его волненіемъ.

Мало-по-малу однакожъ все пришло въ порядокъ; сторожъ скрылся, а „Лакомка“, успокоенный, всталъ въ прежнюю позу и вновь, что есть мочи, закричалъ:

— Мамм-чка! мамм-чка! мамм-чка!

На этотъ разъ изъ-за занавѣски показалась молодая женщина. Но такъ какъ чувство изящнаго было не особенно развито въ Изувѣровѣ, то красота вошедшей „прелестницы“ отличалась какимъ-то совсѣмъ особеннымъ характеромъ. Все въ ней, и лицо, и тѣло заплыло жиромъ; краски не то выцвѣли, не то исчезли подъ густымъ слоемъ неумытости и заспанности. Одѣта она была маркизой восемнад-

цатаго столѣтія, въ короткомъ платьѣ, сдѣланномъ изъ лоскутковъ старыхъ оконныхъ драпри, въ фижмахъ, и почти до пояса обнажена. Несмотря, однакожъ, на непривлекательность „прелестницы“, „Лакомка“ даже шляпу изъ рукъ выронилъ при видѣ ея: такъ она пришлась ему по вкусу!

— Индюшка-съ!—шепнулъ мнѣ Изувѣровъ.

Дѣйствительно, остановившись передъ „Лакомкой“, „прелестница“ какъ-то жалобно и съ разстановкой протянула:

— П-пля! п-пля! п-пля!

На что „Лакомка“ немедленно возопилъ:

— Курлы-рлы-рлы! Кур-курлы!

Началась мимическая сцена обольщенія. Какъ ни глупа казалась „Индюшка“, но и она понимала, что безъ предварительной игры ходатайство ея не будетъ уважено. А ходатайство это было такого рода, что человѣку, получающему присвоенное отъ казны содержаніе, нельзя было не призадуматься надъ нимъ. А именно,—требовалось, чтобъ „Лакомка“, забывъ долгъ и присягу, соединился съ внутреннимъ врагомъ, сдѣлалъ изъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій тайное убѣжище, въ которомъ могли бы укрываться неблагонадежные элементы и оттуда безнаказанно сѣять крамолу. Понятно, что „Индюшка“ должна была пустить въ ходъ всѣ доступныя ей чары, чтобы доставить торжество своему преступному замыслу.

Мы, видѣвшіе на своемъ вѣку появленіе и исчезновеніе безчисленнаго множества вольнолюбивыхъ казенныхъ вѣдомствъ,—мы ужъ настолько притупили свои чувства, что даже не понимаемъ, какимъ образомъ казенное вѣдомство можетъ превратиться въ убѣжище неблагонадежныхъ элементовъ. „Лакомка“ повидимому и самъ не вполнѣ понималъ, въ чемъ именно заключается опасность, а только смутно сознавалъ, что шагъ, который ему предстоитъ, можетъ имѣть роковыя послѣдствія для его карьеры. И подъ гнетомъ этого предчувствія потихоньку вздрагивалъ.

Сцена обольщенія продолжалась. „Индюшка“ закатывала глаза, сгибала станъ, потрясала бедрами, а „Лакомка“ все стоялъ, вперивъ въ нее смутный взоръ, и вздрагивалъ. Что происходило въ это время въ душѣ его? Понялъ ли онъ наконецъ? приходилъ ли въ ужасъ отъ дерзости преступной незнакомки, или же наивно обдумывалъ: спа-

чала часокъ-другой пріятно позабавлюсь, а потомъ и отошлю со сторожемъ въ полицію на дальнѣйшее распоряженіе...

Какъ бы то ни было, но въ виду этихъ колебаній „Индюшка“ рѣшилась на крайнюю мѣру: начала всею горстью [illegible] себѣ бедра, томно при этомъ выкрикивая:

— П-ля! п-ля! п-ля!

Тогда онъ не выдержалъ. Забывъ долгъ службы, весь въ мылѣ, онъ устремился къ обольстительницѣ и ухватилъ ее поперекъ таліи... Признаюсь, я ужасно сконфузился. „Пріютъ сладкихъ отдохновеній“ находился такъ близко, что я такъ и думалъ: вотъ-вотъ сейчасъ будетъ скандалъ. Но Изувѣровъ угадалъ мои опасенія и поспѣшилъ успокоить меня.

— Не извольте опасаться, вашескородіе! недолжнаго ничего не будетъ!—сказалъ онъ въ ту минуту, когда повидимому ничто уже не препятствовало осуществленію крамолы.

И дѣйствительно, вдругъ откуда ни возьмись... мужикъ!! Это былъ тотъ же самый мужичина, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ фигурировалъ и у „Мздоимца“, — но какъ онъ въ короткое время обросъ! Опять на немъ былъ синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ; опять изъ-за пазухи торчалъ цѣлый запасъ куръ, утокъ, гусей и проч., а изъ кармана, ласково мыча, высовывала рогатую голову корова; опять онучи его кипѣли млекомъ и медомъ, т.-е. сребромъ и златомъ... И опять онъ былъ виноватъ!

Онъ вбѣжалъ какъ угорѣлый, бросился на колѣни и замеръ.

— Это онъ по ошибкѣ-съ!—объяснилъ Изувѣровъ:—ему опять надлежало къ „Мздоимцу“ отъявиться, а онъ этажемъ ошибся, да къ „Лакомкѣ“ попалъ!

И разсказалъ при этомъ анекдотъ, какъ однажды сельскій попъ, пріѣхавъ въ губернскій городъ, повезъ къ серебренику старое серебро на приданое дочери подновить, да тоже этажемъ ошибся, и вмѣсто серебреника—къ секретарю консисторіи влопался.

— И такимъ родомъ воротился во-свояси уже безъ серебра,— прибавилъ Изувѣровъ въ заключеніе.

Первую минуту и „Лакомка“, и „Индюшка“ стояли въ оцѣпенѣніи, точно сейчасъ проснулись. Но вслѣдъ затѣмъ оба зашипѣли, бросились на мужика и начали его тузить. На шумъ прибѣжалъ, разумѣется, сторожъ, и тоже сталъ направо и налѣво тузить. Опять

произошла довольно грубая „комическая“ сцена, въ продолженіе которой дѣйствующія лица до того перемѣшались, что начали угощать тумаками безъ разбора всякаго, кто подъ руку попадетъ. Мужика, конечно, вытолкали, но въ общей свалкѣ, къ моему удовольствію, исчезла и „Индюшка“.

„Лакомка“ остался одинъ и задумчиво поправлялъ передъ зеркаломъ слегка вывихнутую челюсть.

Несмотря на принятые побои, онъ однакожъ не унялся, и какъ только поврежденная челюсть была вправлена, такъ сейчасъ же и даже умильнѣе прежняго зазѣвалъ:

— Мамм-чка! мамм-чка! мамм-чка!

Впорхнула довольно миловидная субретка (тоже по рисункамъ XVIII столѣтія), скромно сдѣлала книксенъ и, подавая „Лакомкѣ“ книжку, мимикой объяснила:

— Барышня приказали кланяться и благодарить; просятъ, нѣтъ ли другой такой же книжки—почитать?

Увы! къ величайшему моему огорченію, я долженъ сказать, что на оберткѣ присланной книжки было изображено: „Сочиненія Баркова. Москва. Въ университетской типографіи. Печатано съ разрѣшенія Управы Благочинія“.

Я такъ растерялся при этомъ открытіи, что даже посовѣстился узнать фамилію барышни.

Между тѣмъ „Лакомка“, бережно положивъ принесенный томъ на столъ, устремился къ субреткѣ и ущипнулъ ее. Произошла мимическая сцена, по выразительности своей не уступавшая таковымъ же, устраиваемымъ на театрѣ города Маріуполя Петипà.

— Еще ничего я отъ васъ не видѣла,—говорила субретка,—а вы ужъ щиплетесь!

Тогда „Лакомка“, смекнувъ, что передъ нимъ стоитъ дѣвица разсудительная, безъ потери времени вынулъ изъ шкапа банку помады и фунтъ каленыхъ орѣховъ и повергъ все это къ стопамъ субретки.

— А ежели ты будешь мнѣ соотвѣтствовать,—прибавилъ онъ, тѣлодвиженіями,—то я, подобно сему, и прочія мои сокровища не замедлю въ распоряженіе твое предоставить!

„Субретка“ задумалась, нѣкоторое время даже разсчитывала что-то по пальцамъ и наконецъ сказала:

— Ежели къ сему прибавишь еще полтинникъ, то — согласна соотвѣтствовать.

Весь этотъ разговоръ произошелъ ужасно быстро. И такъ какъ не было причины предполагать, чтобы и [illegible] заставила себя ждать (я видѣлъ, какъ „Лакомка“ уже началъ шарить у себя въ карманахъ, отыскивая требуемую монету), то я со страхомъ помышлялъ: ну, ужъ теперь-то навѣрное скандала не миновать!

Но гнусному сластолюбцу было написано на роду обойтись въ этотъ день безъ „лакомства“. Въ ту минуту, когда онъ простиралъ уже трепетныя руки, чтобы увлечь новую жертву своей ненасытности, за боковой кулисой послышались крики, и на сцену ворвалась цѣлая толпа женщинъ. То были старыя „Лакомкины“ прелестницы. Я счелъ ихъ не меньше двадцати штукъ; всѣ онѣ были въ разнообразныхъ одеждахъ, и у каждой лежало на рукахъ по новорожденному ребенку.

— П-ля! п-ля! п-ля!—кричали онѣ разомъ.

„Лакомка“ на минуту какъ бы смутился. Но сейчасъ же оправился и, обращаясь въ нашу сторону, съ гордостью произнесъ, указывая на младенцевъ:

— Таковы результаты моей попечительной дѣятельности за минувшій годъ!

Этимъ представленіе кончилось.

Послѣ этого Изувѣровъ разыгралъ передо мной еще два „представленія“: одно—подъ названіемъ „Наказанный гордецъ“, другое —„Неразсудительный Выдумщикъ“, или: „Сдѣлай милость, остановись!“. Я впрочемъ не буду въ подробности излагать здѣсь сценарій этихъ представленій, а ограничусь лишь краткимъ разсказомъ ихъ содержанія.

Пьеса „Наказанный Гордецъ“ начиналась тѣмъ, что коллежскій ассесоръ появился въ телѣгѣ, запряженной тройкой лихихъ лошадей, и съ чрезвычайной быстротой проскакалъ нѣсколько круговъ по верстаку. Едва въѣхалъ онъ на сцену, какъ во всю мочь заоралъ: „го-го-го!“, объявилъ, что ѣдетъ на усмиреніе, и далъ ямщику тумака въ спину. На немъ было форменное пальто съ свѣтлыми пуговицами и фуражка съ кокардой на головѣ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ мѣ-

шокъ съ выбитыми, по разнымъ административнымъ соображеніямъ, зубами, а правую имѣлъ въ готовности. Несмотря на захватывающую духъ ѣзду, онъ ни на минуту не переставалъ гоготать, мѣрно ударяя ямщика въ спину, вылущивая ему зубы и лишая волосъ. Наконецъ частныя членовредительства повидимому показались ему мало дѣйствительными, и онъ рѣшилъ покончить съ ямщикомъ разомъ. Снялъ съ него голову и бросилъ ее въ кусты. Почуявъ свободу, лошади бѣшено рванули впередъ, и я ужъ предвидѣлъ минуту, когда телѣга и ея утлый сѣдокъ будутъ безжалостно растрепаны; но, къ счастію, станція была уже близко. Повинуясь инстинкту, лошади, какъ вкопанныя, остановились передъ станціоннымъ столбомъ и тотчасъ же всѣ три поколѣли. Покуда „Гордецъ“ скакалъ послѣднія полъверсты, я замѣтилъ, что на станціонномъ дворѣ происходило какое-то чрезвычайно-суетливое движеніе; но когда тройка подскакала и раздалось раскатистое „го-го-го!“, то никто на этотъ окликъ не отвѣтилъ. „Гордецъ“, закинувъ голову назадъ, ходилъ взадъ и впередъ, держа въ рукахъ часы и твердо увѣренный, что черезъ минуту новая перекладная будетъ подана. Но урочная минута прошла, и никакого движенія не проявилось. Тогда „Гордецъ“ удивленно оглядѣлся кругомъ, и унылая картина предстала очамъ его...

Почтовый дворъ стоялъ одиноко въ лѣсу и внутри его все словно умерло. Какіе-то таинственные звуки доносились со двора, не то шопотъ, не то фырканье, да слышно было, что гдѣ-то вдали, въ лѣсной чащѣ, аукается лѣшій. „Гордецъ“ отлично понялъ, что тутъ кроется противодѣйствіе властямъ, и сейчасъ же бросился на розыски. Дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ онъ вытащилъ за шиворотъ изъ потаенныхъ убѣжищъ писаря и четверыхъ ямщиковъ. И по мѣрѣ того, какъ вытаскивалъ, немедленно лишалъ ихъ жизни даже безъ допроса. Когда же лишилъ жизни послѣдняго ямщика, то вновь возопилъ: „го-го-го!“, думая, что теперь-то ужъ непремѣнно выѣдетъ готовая перекладная. Однако и на этотъ окликъ никто не явился. Тогда, внѣ себя отъ гнѣва, онъ поймалъ пѣтуха и оторвалъ ему голову; потомъ, завидѣвъ бѣгущую собаку, погнался за ней, догналъ и разорвалъ на части. Но и это не помогло.

Между тѣмъ времени прошло не мало; на землю спустились сумерки, и въ глубинѣ лѣса показалось стадо голодныхъ волковъ. Впервые въ головѣ „Гордеца“ блеснула мысль, что еслибъ онъ не

заботился много объ огражденіи прерогативъ власти, то вѣроятно въ эту минуту преспокойно продолжалъ бы путь и, можетъ быть, доѣхалъ бы ужъ до мѣста. А волки между тѣмъ, почуявъ убіенныхъ, подходили все ближе и ближе и подняли наконецъ такой надрывающій душу вой, что даже вороны, облѣпившіе, въ чаяніи пира, сосѣднюю сосну, поняли, что тутъ взятки гладки, и, съ шумомъ снявшись съ дерева, полетѣли дальше.

Мракъ сгущался, волки выли, лѣсъ начиналъ гудѣть... Долго крѣпился „Гордецъ“, все думалъ: „не можетъ этого быть!“—но наконецъ заплакалъ. Плакалъ онъ много и горько, плакалъ безнадежно, какъ человѣкъ, который неожиданно понялъ, сколько жестокаго, сатанински-безсмысленнаго заключаетъ въ себѣ актъ лишенія жизни. И, плача, вспоминалъ папеньку, маменьку, братцевъ, сестрицъ и горько взывалъ къ нимъ: „гдѣ вы?“ Потомъ обратился мыслью къ начальникамъ и тоже вопіялъ: „гдѣ вы?“ И среди этой агоніи слезъ—кощунствовалъ, говорилъ: „а вѣдь управлять и опустошать — не одно и то же!“

Но тутъ совершилось нѣчто ужасное. Стая волковъ настолько приблизилась, что совершенно заслонила собой „Гордеца“. Еще минута—и на порогѣ станціоннаго дома валялась одна фуражка, украшенная кокардою...

Содержаніе „Неразсудительнаго Выдумщика“ было нѣсколько сложнѣе.

Нѣкоторый коллежскій ассесоръ, получивъ власть, вдругъ почему-то сообразилъ, что она дана ему не напрасно. А такъ какъ начальники, облекшіе его властью, ничего ему на этотъ счетъ не объяснили, то онъ началъ додумываться самъ. Думалъ-думалъ и наконецъ выдумалъ: власть дается для искорененія невѣжества. „Ужъ больше столѣтія, — сказалъ онъ себѣ, — какъ коллежскіе ассесоры искореняютъ русское невѣжество, а толку все нѣтъ. Отчего? А оттого, сударь мой, что не всѣ коллежскіе ассесоры въ одинаковой силѣ дѣйствуютъ. Много есть между ними мздоимцевъ, много прелюбодѣевъ, много зубосокрушителей и очень мало настоящихъ искорепителей невѣжества. Начнетъ истинный искоренитель искоренять, а невѣжество возьметъ да за полтинникъ откупится. А надо такъ на невѣжество нажать, чтобъ ему вздоху не было, чтобъ куда оно ни сунулось—вездѣ ему матъ“.

И какъ только рѣшилъ про себя „Выдумщикъ“, какая ему задача предстоитъ, такъ сѣлъ за письменный столъ, да съ тѣхъ поръ и не выходитъ оттуда. Не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ—все „неразсудительныя“ выдумки выдумываетъ.

Строчитъ съ утра до вечера; но такъ какъ онъ и самъ не понимаетъ, что̀ строчитъ, то все выходитъ у него безъ связи, вразбродъ. То вдругъ, съ большого ума, покажется: оттого въ Россіи невѣжество, что община по рукамъ и по ногамъ мужика связываетъ, — и вотъ готовъ проектъ: общину упразднить. То вдругъ мелькнетъ: оттого царствуетъ невѣжество, что въ деревняхъ хорошихъ племенныхъ жеребцовъ нѣтъ,—немедленно таковыхъ пріобрѣсти! Или вздумается: истинное основаніе русскому невѣжеству полагаютъ кабаки—сейчасъ резолюція: кабаки закрыть, а вмѣсто оныхъ повсемѣстно открыть торговлю печатными пряниками. А наконецъ и еще: куда были бы мы просвѣщеннѣе, еслибъ мужики сѣяли на поляхъ, вмѣсто ржи, персидскую ромашку, а на огородахъ, вмѣсто рѣпы, морковь! И опять резолюція: дать знать, кому вѣдать надлежитъ, и т. д.

Но бѣда въ томъ, что невѣжество упорно. Недостаточно сказать ему: въ видахъ твоего искорененія, необходимо упразднить общину. Надо, кромѣ того, еще сдѣлать его способнымъ къ воспріятію этой истины. Иначе, пожалуй, оно и того не пойметъ, съ какой стати его невѣжествомъ зовутъ и зачѣмъ непремѣнно понадобилось его искоренить. Какимъ же образомъ добиться, чтобы невѣжество сдѣлалось способнымъ къ воспріятію? Думалъ-думалъ коллежскій ассесоръ, и наконецъ хоть и съ болью въ сердцѣ, но пришелъ къ заключенію, что самое лучшее средство — это экзекуція! Конечно, — разсудилъ онъ самъ съ собою,— это то же самое, что̀ въ древности называлось „поронцами“, но вѣдь одно другого дороже: или церемониться, или достигать! Поронцы такъ поронцы!

И вотъ, сидитъ онъ да неразсудительность свою не уставаючи тѣшитъ, а по дорогѣ солдатики въ рога трубятъ, а въ рощицѣ волостные начальники вѣники рѣжутъ, а на селѣ мужичокъ кричитъ: „вашескородіе! не буду!“ Слышитъ эти крики „Выдумщикъ“, но нѣкоторое время дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ. Однакожъ наконецъ и онъ видитъ, что притворяться непонимающимъ дольше нельзя. Вскочитъ, приложитъ руку къ сердцу и скажетъ въ свое оправданіе:

„знаю, милые, что нынѣ вамъ больно, но надѣюсь, что впослѣдствіи вы сами поймете, сколь сіе было для васъ полезно!“

И что̀ всего ужаснѣе — не только неподкупенъ, но и неумолимъ. Сколько разъ мужички всѣмъ міромъ ходили. [illegible], на колѣняхъ проспли — не внемлетъ и не пріемлетъ. „Глупенькіе! — говоритъ: — стерпится — слюбится, а послѣ вы меня же благодарить будете!“

Такъ у нихъ до сихъ поръ колесомъ дѣло и идетъ. Онъ неразсудительныя выдумки выдумываетъ, они — вопіютъ: „вашескородіе! не будемъ!“ Ромашку персидскую посѣяли, а клопы пуще прежняго одолѣли; о племенныхъ жеребцахъ докучали, а начальство, по недоразумѣнію, племенныхъ поросятъ прислало; кабаки закрыли — корчемщиковъ развели.

Одна только община о сю пору цѣла стоитъ: видно, ужъ самъ Богъ ее бережетъ!

Подъячіе были исчерпаны. Только и додумался Изувѣровъ до этихъ четырехъ типовъ, да, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ только ихъ и было въ тогдашнее несложное время. Я впрочемъ былъ очень этому радъ. Несмотря на то, что мое посѣщеніе длилось не больше двухъ часовъ, я чувствовалъ какую-то чрезвычайную усталость. И не только физическую, но и нравственную. Какъ будто ощущеніе оголтѣнія, о которомъ я говорилъ выше, мало-по-малу заползло и въ меня самого, и все внутри у меня онѣмѣло и оскудѣло.

Я не мало на своемъ вѣку встрѣчалъ живыхъ куколъ, и очень хорошо понимаю, какую отраву онѣ вносятъ въ человѣческое существованіе; но на этотъ разъ чувство нѣмоты произвело на меня такое угнетающее впечатлѣніе, что я готовъ былъ вытеритъ безчисленное множество живыхъ куколъ, лишь бы уйти изъ міра „людишекъ“. Даже госпожа Стронтивцева, возвращавшаяся въ это время по улицѣ домой, — и та показалась мнѣ „умницей“.

Мнѣ кажется, разгадка этого чувства угнетенности заключается въ томъ, что живыхъ куколъ мы встрѣчаемъ въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, которыя не позволяютъ имъ всегда оставаться вполнѣ цѣльными, вѣрными своему кукольному естеству. А сверхъ того онѣ живутъ хотя и скудною, но все-таки живою жизнью, въ которой

имѣются нѣкоторые, общіе людскому роду, инстинкты и вожделѣнія. Словомъ сказать, — принимаютъ участіе въ общей жизненной драмѣ. Тогда какъ деревянные людишки представляются намъ какъ-то наянливо сосредоточенными, до тупости послѣдовательными и вполнѣ изолированными отъ какихъ-либо осложненій, вызываемыхъ наличностью живого инстинкта. Участвуя въ общей жизненной драмѣ, въ перемежку съ другими такими же куклами, живая кукла уже потому одному дѣйствуетъ не такъ вымогательно, что назойливость ея отчасти умѣряется разными жизненными нечаянностями. Деревянные людишки и этого отпора не встрѣчаютъ. У нихъ въ запасѣ имѣется только одна струна, но они бьютъ въ эту струну съ безпрепятственностью и регулярностью, доводящими мыслящаго зрителя до отчаянія.

Правда, Изувѣровъ утверждаетъ, что его „людишекъ“ можно легко угомонить, такъ какъ живая кукла сама, дескать, вынетъ изъ тебя душу и заставитъ проклинать часъ твоего рожденія. Положимъ, что это и такъ; но въ такомъ случаѣ стоитъ ли интересоваться этими людишками, стоитъ ли тратить на нихъ свою жизнь? И не правъ ли былъ соборный дьяконъ, укорявшій Изувѣрова: „и отъ живыхъ людишекъ отбою на свѣтѣ нѣтъ, а ты еще деревянныхъ плодишь!“

Но сверхъ того, ежели хорошенько вникнуть въ дѣло, то Изувѣровъ окажется неправъ и въ другомъ. Онъ слишкомъ презрительно, свысока отозвался о присланной изъ Петербурга „новобрачной“, слишкомъ поспѣшилъ назвать ее „пустою“ куклой. Во-первыхъ, чтобы сдѣлать такую куклу, не нужно ни задумываться, ни изобрѣтать, ни мнить себя геніемъ, а достаточно обладать нѣкоторымъ навыкомъ, имѣть подъ рукой достаточное количество тряпокъ и лайки и умѣть со вкусомъ распорядиться наружными украшеніями. А во-вторыхъ, какъ „новобрачная“, эта кукла положительно не оставляетъ ничего желать. Изувѣровъ спрашиваетъ: „на какой предметъ? и въ какомъ градусѣ?“ — странные вопросы! Да на всякій предметъ и во всякомъ градусѣ — вотъ и все.

Природа благосклонна; люди — злѣе. Природа не допускаетъ строго-послѣдовательнаго пустоутробія; люди, напротивъ, слишкомъ охотно настаиваютъ на этой послѣдовательности. Еслибъ природа хотѣла быть до конца жестокою, она награждала бы живыхъ людишекъ тѣмъ же идіотскимъ упорствомъ побужденій и движеній, какимъ на-

граждаетъ Изувѣровъ своихъ деревянныхъ людишекъ. Вотъ тогда было бы ужасно, ужасно, ужасно—въ полномъ смыслѣ этого слова! Ни угомонить куклу, ни уйти отъ нея нельзя! сиди и ежемгновенно чувствуй, какъ она вынимаетъ изъ тебя душу! и не шелохнись, потому что всякій протестъ, всякое движеніе вызываютъ новую жестокость, новую невыносимую боль!

Но, можетъ быть, жизнь ужъ и созидаетъ такихъ людишекъ? Можетъ быть, въ тѣхъ безчисленныхъ принудительныхъ сферахъ, которыя со всѣхъ сторонъ сторожатъ человѣка, совсѣмъ не въ рѣдкость тѣ потрясающія „кукольныя комедіи“, въ которыхъ живая кукла попираетъ своей пятой живого человѣка? Можетъ быть, Изувѣровъ является совсѣмъ не изобрѣтателемъ, а только блѣднымъ копіистомъ того, что уже давно изобрѣтено жизнью?

Кто возьметъ на себя смѣлость утверждать, что это не такъ? И кто не согласится, что изъ всѣхъ тайнъ, раскрытіе которыхъ наиболѣе интересуетъ человѣческое существованіе, „тайна куклы“ есть самая существенная, самая захватывающая?

8.—Чижиково горе.

Канарейку за Чижика замужъ выдали и свадьбу на славу справили. Въ магазинѣ „Забава и Дѣло“ купили новенькую кирку; за пастора ученый Снигирь былъ; Скворцы величальныя пѣсни пѣли, а для наблюденія за порядкомъ полиціймейстеръ отрядъ Кончиковъ прислалъ. Чуть не со всего лѣса птицы слетѣлись на молодыхъ поглазѣть, да и почтенныхъ гостей нашлось довольно. У Чижа былъ шаферомъ Зябликъ, у Канарейки—Соловей. Самъ Ястребъ къ невѣстѣ въ посажёные отцы набивался, но родители, подъ благовиднымъ предлогомъ, отъ этой чести уклонились и пригласили глухого Тетерева, того самаго, который еще при царѣ Горохѣ, во вниманіе къ дряхлости и потерѣ памяти, въ сенатъ посаженъ былъ.

И молодые, и родители, и поѣзжане — всѣ были веселы. Чижикъ выступалъ гордо и предвкушалъ; Канарейка перебирала носикомъ перышки; родители думали: „ну, слава Богу, одну дочку

сбыли!“ А поѣзжане мечтали о той горѣ конопляпаго сѣмени, маринованныхъ комаровъ, вареныхъ въ сахарѣ мухъ и проч., которую имъ предстояло уничтожить на новоселыи у Чижика. Только Ворона-вѣщунья безъ пути каркала: „не будетъ проку отъ этого брака! не будетъ! не будетъ! не будетъ!“

Хотя между людьми ворона и слыветъ глупою, однако птицы отлично знаютъ, что ежели она каркаетъ, то, значитъ, есть у нея на то основаніе. И точно: едва раздалось воронье карканье, какъ Кукушка первая прокуковала: „ку-ку! какъ бы и въ самомъ дѣлѣ по вѣщуньиному не сбылось?“ А за нею слѣдомъ въ томъ же смыслѣ свиснули: Синичка, Горихвостка, Пѣночка...

И всѣ начали всматриваться въ молодыхъ, начали припоминать. Обратились къ интимной исторіи этихъ двухъ существъ, за минуту передъ тѣмъ связавшихъ другъ друга неразрывными узами: вспомнили ихъ наклонности, вкусы, привычки. И, какъ и водится, въ результатѣ вышла картина.

Чижикъ былъ малый простодушный и добрый, имѣлъ три характеристическія особенности: неприхотливость, аккуратность и домовитость. Сверхъ того онъ былъ и немолодъ, хотя надежда, что, въ случаѣ чего, онъ еще можетъ за себя постоять, не покидала его. Всю жизнь онъ служилъ въ интендантскомъ вѣдомствѣ, дослужился тамъ до майорскаго чина и тамъ же образовалъ свой умъ и сердце. Взятокъ онъ не бралъ (царство хищенія кончилось), однако нелицепріятными дѣйствіями успѣлъ-таки скопить капиталецъ. Однажды ему удалось пріобрѣсти, по случаю, хорошую партію канареечнаго сѣмени, и вотъ тогда-то въ головѣ у него блеснула мысль: „женюсь на Канарейкѣ и буду жену и дѣтей канареечнымъ сѣменемъ кормить!“ Отца и матери онъ, еще слѣткомъ будучи, лишился, наслѣдства никакого не получилъ, а потому охотно выставлялъ на видъ, что солиднымъ своимъ положеніемъ въ обществѣ обязанъ единственно самому себѣ. Даже ведёрко съ водой онъ выучился таскать самоучкою.

Таковъ былъ умственный и нравственный обликъ новобрачнаго. Особенныхъ поводовъ для симпатій онъ, конечно, не представлялъ, но съ легальной точки зрѣнія—это былъ обыватель, какого лучше не надо.

Въ наружности его тоже не замѣчалось ничего обольстительнаго

или блестящаго; напротивъ, вся его фигура поражала несомнѣнною будничностью и заурядностью. Даже Воробьи смѣялись, какъ онъ, желая сказать дѣвицѣ комплиментъ, потряхивалъ фалдочками и пущалъ глаза въ-раскосъ. Да и комплименты [illegible] у него неинтересные: либо интендантскій анекдотъ разскажетъ, либо похвастается, что какъ бы дешево ни просилъ съ него извозчикъ, онъ ему всегда пятачкомъ меньше даетъ, а ежели время терпитъ, то и пѣшкомъ дойдетъ.

— И вотъ, благодареніе Богу,—обыкновенно заканчивалъ онъ:—не только себя могу прокормить, но и семью-съ.

Родителямъ такія рѣчи очень нравились, и они такъ усердно ловили его въ свои силки, что однажды чуть было совсѣмъ не удавили. Но дочки-дѣвицы называли его „интендантскою холерою“ и при появленіи его мгновенно разлетались, хотя маменьки и приказывали имъ: „ресте!“ И онъ не только не оскорблялся этими дѣвичьими поступками, но даже успокоивалъ родителей, говоря:

— Ничего-съ, я привыкъ-съ. Это въ нихъ дѣвичье-съ. Когда я въ интендантскомъ вѣдомствѣ служилъ, такъ одна Трясогузочка была-съ. Ну, такая, доложу вамъ,— отдай все да и мало! И тоже на первыхъ порахъ: хи-хи, да ха-ха! Я ей говорю: „познакомимтесь, мамзель!“ а она: „ахъ, нѣтъ, вы противный!“ Словомъ сказать, я за ней, она — отъ меня! Туда-сюда... настигъ-съ! И что-же-съ: впослѣдствіи даже хвалила!

— Такъ вотъ вы, Иванъ Иваповичъ, какой!—шутили родители:—чего добраго, дѣтей у васъ на сторонѣ нѣтъ ли?

— Навѣрное сказать не могу, но поручиться не смѣю-съ. Природную слабость въ свое время въ совершенствѣ выполнилъ-съ. Вообще я насчетъ этого такъ полагаю: излишествъ допускать не слѣдуетъ, но въ пропорціи отчего же себѣ удовольствіе не предоставить! Я и отъ водки не отказываюсь, пью-съ; но не безъ просыпу-съ, а, какъ въ пѣснѣ поется, „по этой причинѣ-съ“.

Въ послѣднее время онъ службу оставилъ. „Сытъ-съ“. Прихоти у него были небольшія, да и капиталецъ, который ему Богъ на службѣ послалъ, онъ крѣпко зажалъ. Слѣдовательно одинхъ казенныхъ процентовъ ему за-глаза довольно; а ежели онъ свой капиталъ взаймы подъ вторыя закладныя раздастъ, такъ и дѣваться съ деньгами будетъ некуда-съ.

— Одёжа у меня даровая, Богомъ предназначенная,—говорилъ онъ:—ѣмъ я тоже не покупное, а Богомъ предназначенное; а ежели удовольствіе себѣ захочу доставить, такъ и это дорогого не стоитъ: спою пѣсню—вотъ и правъ-съ! Слѣдственно, покуда есть на свѣтѣ мухи, пауки, червяки и другая подобная снѣдь и покуда я въ силахъ ловить, я обезпеченъ-съ. Ежели же силы меня оставятъ, тогда придется помереть. Что же такое-съ! И съ прочими птицами завсегда такъ бываетъ-съ!

Но ежели и на службѣ онъ ни о чемъ съ такимъ удовольствіемъ не мечталъ, какъ о семейномъ очагѣ, о самоварѣ, халатѣ, двуспальной кровати и другихъ идеалахъ семейнаго счастія, выработавшихся въ интендантскомъ вѣдомствѣ („что такое безсемейный Чижъ?—разсуждалъ онъ:—медицинскій терминъ, и больше ничего-съ!"), то, по выходѣ въ отставку, эта мысль начала угнетать его съ каждымъ днемъ все больше и больше. И вотъ, намѣтивши желтенькую Канарейку, онъ надѣлъ мундиръ, прицѣпилъ шпоры (все это онъ при отставкѣ, „въ воздаяніе", получилъ) и отправился къ родителямъ своей суженой рекомендоваться въ качествѣ жениха.

Въ первый разъ въ жизни восторгъ овладѣлъ его сердцемъ, въ первый разъ въ жизни онъ пропѣлъ: „По улицѣ мостовой"—и не сфальшивилъ! Страсть къ красавицѣ-канарейкѣ до такой степени овладѣла всѣми его помыслами, что онъ, вопреки своей обычной осмотрительности, пренебрегъ даже справиться, что за птица была его невѣста и есть ли за нею какое-нибудь приданое.

А это было, пожалуй, не лишнимъ, потому что невѣста была барышня свѣтская и образованная. Любила пожеманиться, принарядиться, пѣла *„Si vous n'avez rien à me dire"*, играла на органчикѣ *„Le Ruisseau"* и скучала, ежели около нея кавалеровъ не было. Можетъ быть она и добрая была, да некогда ей было объ этомъ подумать. То новые фасоны изъ магазина привезутъ, то юнкера къ братцу въ гости прилетятъ. Такъ, промежъ дѣлъ, доброты своей и не разсмотрѣла.

— Барышня! можно у васъ ножку поцѣловать? — приставали къ ней юнкера.

— Ахъ, какіе вы... ну, цѣлуйте!

Только и всего.

И родители у нея были свѣтскіе, и тоже безъ гостей скучали.

Папаша въ Капарсечной губерніи пять трехлѣтій предводителемъ прослужилъ, четыре наслѣдства спустилъ, съ годъ тому назадъ послѣднее выкупное свидѣтельство проѣлъ, а теперь жилъ финансовыми операціями и до того изловчился, что отъ кредиторовъ чрезъ проходныя ворота улепетывалъ. Что касается до мамаши, то она какъ смолоду канарейкой была, такъ и подъ старость канарейкой осталась. Прыгала съ жердочки на жердочку, высматривала, нѣтъ ли гдѣ кавалеровъ, и съ благодарностью вспоминала, какъ она, будучи предводительшею, писаные пряники ѣла, а Павлинъ-губернаторъ, завидѣвъ ее, хвостъ распускалъ. Въ этомъ же духѣ она и старшенькую дочь свою воспитала.

— Я мою дѣвочку на высшіе курсы не посылаю,—сказала она Чижику, когда онъ посватался:—по моему, умѣла бы дѣвушка пофранцузски, да съ жердочки на жердочку прыгать, да одѣться къ лицу, да гостей занять — вотъ и все, что̀ для счастья женщины нужно!

— И хорошо сдѣлали, сударыня, что дѣвицу вашу въ страхѣ Божіемъ воспитали,—согласился Чижикъ.—Мужескому полу, дѣйствительно, необходимо географію знать, потому что, неровенъ часъ, начальство приказываетъ летѣть, а куда—неизвѣстно! А дѣвицу всякій кавалеръ съ удовольствіемъ проводитъ. Лишь бы не заблудиться-съ.

— Ахъ, нѣтъ! на этотъ счетъ вы можете быть покойны, маіоръ! У меня такая дочка умница, что ежели даже съ уланомъ въ дремучій лѣсъ попадетъ, то и тогда вотъ ни съ эстолько себя не повредитъ.

— Дай Богъ-съ.

Кромѣ этихъ трехъ личностей, въ семьѣ была еще младшая дочь и два сына. Младшая дочь скорѣе на новорожденнаго галченка, чѣмъ на канарейку (такъ ее и по имени звали: Галочка (Галина), а старшую дочь звали Прозерпиночкой) похожа была, и потому домашніе смотрѣли на нее какъ на Сандрильону. Но она была дѣвушка добрая, преданная семьѣ и бодрая, и несмотря на то, что ею, какъ горничной, помыкали и каждымъ кускомъ попрекали, горячо любила и родителей, и сестру, и братьевъ. Объ одномъ только потихоньку плакала, что заботы по дому не позволяютъ ей на высшіе курсы ходить; что касается братьевъ, то старшій служилъ юнкеромъ

въ уланскомъ полку и никакъ не могъ сдать экзаменъ изъ Закона Божія, а младшій ходилъ въ гимназію и не понималъ, зачѣмъ начальству понадобилось, чтобы онъ греческій языкъ зналъ.

— Ну, на кой мнѣ, маменька, чортъ этотъ остолопій языкъ?— жаловался онъ мамашѣ своей.—Ну, латинскій—это я еще понимаю. „*Mons, parturiens mus*“... *mus, muris... mons, montis... parturio, parturivi, parturire...* допустимъ! Рецептъ написать, цитату, въ передовую статью подпустить—готово! Но греческій... ну, зачѣмъ, спрашиваю я васъ, мнѣ греческій языкъ!

— Можетъ быть, для поведенія?—догадывалась мать.

— Ахъ, маменька!

Цѣлый день въ этомъ домѣ шла суматоха и хлѣбосольство, цѣлый день гости. Съ жердочки на жердочку прыгаютъ, на органчикѣ играютъ, пѣсни поютъ. Канареечное сѣмя, цытварное, хлѣбъ въ молокѣ моченый, яичные желтки протертые — со стола не сходятъ, а между тѣмъ въ мелочную лавочку полгода по счету не плачено. Перевертывается старый Кенарь, словно вьюнъ на сковородѣ, придумывая, какъ ему деньгами раздобыться. Каждое утро только и дѣлаетъ, что по пріятелямъ летаетъ; одному скажетъ, что у него тетка на дняхъ померла, такъ надо денегъ, чтобъ наслѣдство получить; другому скажетъ, что у него въ занадѣльной землѣ каменный уголь проявился, а достать его безъ капитала нельзя; третьему просто-напросто объявитъ, что деньги до зарѣзу нужны. А иногда подойдетъ къ кому-нибудь изъ гостей-юнкеровъ и скажетъ: „нѣтъ ли у васъ, молодой человѣкъ, двугривеннаго? я вамъ завтра съ благодарностью отдамъ“. И давали. Но за то и жировали. Прилетятъ уланы-юнкера, прижмутъ Прозерпиночку къ уголку и крутятъ усы. А бѣдная Галочка видитъ, какой опасности сестрица подвергается, и заливается-плачетъ.

Такова была семья, въ которую вознамѣрился вступить Чижикъ. Всѣ сосѣди знали, что старый Кенарь до-тла прогорѣлъ, что старую Канарейку на дняхъ еще видѣли, какъ она въ кустахъ съ Дроздомъ-ростовщикомъ шушукалась, что сама Прозерпиночка, подъ предлогомъ уроковъ пѣнія, къ Соловью летала, а потомъ будто-бы жировое яичко снесла... Но Чижикъ словно ослѣпъ и оглохъ. Заручившись родительскимъ согласіемъ, онъ восторженно перелеталъ съ дерева на дерево, подстерегая, какъ его красотка-невѣста въ корытцѣ купается,

и когда успѣвалъ подстеречь, то пѣлъ. Пѣлъ фальшиво и неистово, но—увы! это былъ единственно-доступный для него способъ возблагодарить Творца за оказанныя ему въ сей жизни благодѣянія.

— Чувствую и знаю,—пѣлъ онъ,—что не [illegible] милость сія, но потщусь заслужить оную въ будущемъ!

Впрочемъ, къ чести Прозерпиночки надо сказать, что она, будучи невѣстой, нимало не скрывала отъ Чижика своего равнодушія. Когда родители объявили ей, что майоръ сдѣлалъ ей честь и что они уже заранѣе изъявили согласіе, она тутъ же залилась звонкимъ смѣхомъ и сказала:

— Ахъ, maman, посмотрите, какой онъ уморительный!

И затѣмъ, когда родители съ намѣреніемъ оставили ихъ вдвоемъ, чтобы они поближе другъ друга узнали, у нихъ вмѣсто комплиментовъ, завязался довольно-таки откровенный разговоръ:

— Вы скупой?—спросила его Прозерпиночка.

— Я не скупъ, а бережливъ-съ,—отвѣтилъ Чижикъ.—Я такъ полагаю: зачѣмъ деньги зря бросать, коли можно своими средствами обойтись? Но для васъ, чтобы вамъ удовольствіе сдѣлать, я и бережливость свою готовъ оставить-съ.

Высказавши это, майоръ любезно шаркнулъ ножкой, но—увы!—поступокъ этотъ не только не тронулъ Прозерпиночку, но, напротивъ, пробудилъ въ ней новый взрывъ веселости.

— Ахъ, какъ вы уморительно ножкой шаркаете! Шаркните еще, еще... вотъ такъ! Ха-ха! Что же вы дома ѣдите? гадость какую-нибудь?

— Самъ я ѣмъ нищу, Богомъ предназначенную. Простую, но здоровую. А для васъ я канареечное сѣмя предоставлю-съ.

— Ахъ, нѣтъ, я салатъ больше люблю!

— И салатцу достать не диковинка-съ. Слетаю утречкомъ въ огородъ и нащиплю по секрету-съ. Другому бы это большихъ денегъ стоило, а я для васъ и задаромъ спроворю!

— Ну, а какой же вы мнѣ подарокъ сдѣлаете? Недавно вотъ изъ Парижа новые фасоны манжетокъ прислали... подарите-ка! а?

— Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ-съ. Сегодня же Науку закажу, чтобъ завтра чуть свѣтъ были готовы.

— Да, но вѣдь такія манжетки дороги...

— Не извольте безпокоиться-съ! Придетъ ко мнѣ ужо Паукъ за деньгами, а я его съѣмъ-съ. Вотъ мы и будемъ квиты.

— Ха-ха! какой вы уморительный!

Такъ и пошло у нихъ: нѣтъ, чтобы сказать жениху „миленькій“ или „душечка“, — „уморительный“ и больше ничего. И чѣмъ дальше, тѣмъ невѣста дѣлалась развязнѣе и развязнѣе. Съ женихомъ почти вовсе не занималась, а окружала себя юнкерами и гимназистами и самымъ безсовѣстнымъ манеромъ шушукалась съ ними.

— Знаете ли, майоръ, что мнѣ про васъ разсказывали?—говорила она ему въ упоръ:—что вы въ послѣднюю войну армію и флотъ гнилыми сухарями кормили?

Онъ конфузился, но не опровергалъ; потому что хоть и не завѣдывалъ онъ сухарями, но все-таки былъ за нимъ грѣхъ: для лошадей сѣно со всячинкой заготовлялъ. А это, пожалуй, похуже гнилыхъ сухарей будетъ, потому что солдатъ—онъ пожаловаться можетъ, а у лошади и словъ-то для жалобы нѣтъ.

Ахъ, нехорошо онъ тогда поступалъ!

Иногда Прозерпиночка даже прямо всей компаніей надъ нимъ насмѣхалась. Задумаютъ, напримѣръ, молодые люди въ горѣлки играть, а онъ, постылый, тутъ же торчитъ. Вотъ и заставятъ его горѣть, да глаза вдобавокъ завяжутъ: лови! Бросится онъ стремглавъ впередъ, крылья распуститъ, летитъ, — а она съ подружками да съ юнкерами — въ кусты. Выглядываютъ оттуда и кричатъ: „лови, майоръ, лови!“ — покуда онъ сразмаху о сосну грудью не треснется.

На первыхъ порахъ старая Канарейка побаивалась, какъ бы майоръ не обидѣлся, и отъ времени до времени даже покрикивала на дочь: „финиссѣ!“ Но когда убѣдилась, что съ майора какъ съ гуся вода, то махнула рукой, и только каждый вечеръ аккуратно обращалась къ жениху: „нѣтъ ли у васъ, майоръ, цѣлковаго? мы вамъ завтра съ удовольствіемъ отдадимъ“.

Одна только Галочка жалѣла бѣднаго Чижика, и кто знаетъ, не участвовало ли въ этомъ жалѣніи болѣе сладкое чувство... По крайней мѣрѣ однажды, поздно вечеромъ, когда майоръ, лѣниво шевеля крыльями, возвращался во-свояси, Галочка обогнала его.

— Ну, къ лицу ли вамъ такую красотку любить? — сказала она ему.—Женитесь-ка лучше на мнѣ. Я васъ вотъ какъ покоить буду.

Но онъ словно одеревенѣлъ. Даже не выслушалъ порядкомъ галочкиныхъ словъ и грубо отвѣтилъ:

— Кабы я на Галкѣ жениться хотѣлъ, то Галку бы и сваталъ за себя. А такъ какъ я къ сестрицѣ вашей присватался, то стало-быть съ ней и кругъ дѣйствія совершить желаю-съ.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ онъ ужъ совсѣмъ ничего не понималъ. Напротивъ, онъ очень многое и очень тонко понималъ. Но въ то же время онъ ясно видѣлъ, что пропалъ и судьба его рѣшена безповоротно и навсегда. Почему навсегда?—онъ не могъ себѣ дать въ этомъ отчета, а только одно твердилъ: „безповоротно! навсегда!“

И вотъ онъ женился. Послѣ свадьбы цѣлый вечеръ бражничали, такъ что и вечерняя заря ужъ съ часъ назадъ потухла, когда Чижикъ собрался на гнѣздышко съ молодою женой. Хорошо ему было! дивно! Теплая ночь благоухала; звѣзды въ темной синевѣ неба, какъ алмазы, играли; а онъ, Чижикъ, весь горѣлъ! Восторгъ катился по жиламъ его, дивный, опьяняющій восторгъ! Не то пѣть ему хотѣлось, не то рыдать, но въ то же время какая-то чуткая деликатность заставляла его сдерживать свои порывы. Сама Прозерпиночка, казалось, подчинилась обаянію этой страсти. Она томно закрыла глазки и, сладко вздрагивая, клюнула его носикомъ въ темечко... Но въ эту самую минуту вдругъ мимо чижикова дупла пронеслась пьяная процессія. Это были братцы въ сопровожденіи цѣлой оравы товарищей: они съ гиканьемъ и свистомъ гремѣли пѣсню: „Мальбругъ въ походъ поѣхалъ“... Заслышавъ эти звуки, молодая мгновенно переродилась. Въ ночномъ дезабильѐ выбѣжала она на край дупла и вплоть до позднихъ пѣтуховъ прохохотала съ юнкерами. Чижикъ, одѣвшись въ мундиръ, стоялъ позади молодой жены и тоже старался веселиться. Но—увы!—онъ скоро убѣдился, что въ майорскомъ чинѣ веселость уже не къ лицу. Какъ онъ ни нудилъ себя, но чинъ, въ соединеніи съ преклоннымъ возрастомъ, взяли-таки свое. Глаза его сомкнулись сами собой, а черезъ минуту громкое сопѣніе наполнило всю внутренность дупла. Даже послѣдовавшій затѣмъ взрывъ смѣха не разбудилъ его. Такъ, въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, онъ и проспалъ свою медовую ночь.

Съ этой минуты онъ окончательно погибъ въ глазахъ молодой жены.

Когда онъ проснулся,—хотя это было еще очень рано,—Прозерпиночки уже и слѣдъ простылъ. Чечоточка-дѣвушка, которую

онъ для прислугъ нанялъ, доложила, что *барышня* къ мамашѣ улетѣли, и будутъ ли дома кушать, или нѣтъ—неизвѣстно. „Барышня!“ —это слово точно кипяткомъ его ошпарило!

Онъ выглянулъ изъ дупла и прыгнулъ на ближайшій сучокъ. Кругомъ царствовала мертвая тишина, которая предшествуетъ пробужденію и во время которой вся природа представляется какъ бы неживущею. Птицы еще не проснулись; даже листья на деревьяхъ не трепетали. Но востокъ уже алѣлъ, и майору показалось, что розоперстая Аврора, иронически привѣтствуя его, дѣлаетъ ему носъ. Очевидно, въ эту ночь въ его существованіи совершилось нѣчто важное, ложившееся на все его будущее неизгладимымъ темнымъ пятномъ: что ему предстояло выполнить какой-то долгъ,—весьма, впрочемъ, незатруднительный и всякому Чижу свойственный. — но онъ, какъ рабъ лѣнивый и лукавый, этотъ долгъ не осуществилъ...

Приступивъ къ всестороннему обсужденію своего положенія, онъ прежде всего слукавилъ. Или, говоря словами науки, началъ разсматривать дѣло съ точки зрѣнія причинъ, его породившихъ. По зависящимъ ли отъ него причинамъ онъ не осуществилъ своего долга, или по независящимъ? „Кабы я былъ этому дѣлу причиненъ, говорилъ онъ себѣ:—ну, тогда, точно! Хоть голову съ меня снимите, ежели я виноватъ,—слова не скажу! А то никакой съ моей стороны причины нѣтъ—и натко что сдѣлалось!“ Но едва онъ придумалъ этотъ изворотъ, какъ тотчасъ же понялъ тщету его. Есть факты, относительно которыхъ законъ причинности не допускается. Они должны быть осуществлены *непустительно*, и никакая логомахія не возсоздастъ того, что *должно было быть* и чего *не было*. Нѣтъ для него оправданій! Нѣтъ! Ни одинъ молодой мужъ, ни одна любящая мать, ни одинъ судъ присяжныхъ, ниже коронный судъ—никакого другого приговора ему не вынесутъ, кромѣ словъ: „срамъ! срамъ! срамъ!“

Онъ долженъ былъ отразить нападеніе пьяной ватаги; онъ долженъ былъ сдѣлать свое гнѣздо неприступнымъ, долженъ былъ грудью защищать свое право на осуществленіе „долга“, вступить, во имя долга, въ кровавый бой... Qu'il mourût!

— Срамъ-съ!—повторилъ онъ автоматически, и автоматически же, не снимая мундира, растрепанный, съ тощимъ желудкомъ, полетѣлъ *туда*!

Старая Канарейка уже проснулась и сидѣла злая-презлая. Кромѣ

того что съ ея Прозерпиночкой случился такой „срамъ“, ночью прилетѣла къ ней въ гости изъ-за тридевять земель Канарейка-кузина и въ концѣ растравила ее своими разсказами. Она тоже выдала свою Милочку замужъ за Снигиря; но... какая разница! какая разница!

— Такъ Милочку мужъ любитъ!—говоритъ гостья:—такъ любитъ... C'est tout un poème! Представь себѣ...

Гостья склонялась къ уху кузины, шептала ей нѣчто и съ радостнымъ ужасомъ откидывалась назадъ, повторяя:

— Но представь себѣ удивленіе моей цыпочки!!!

А старая Канарейка слушала и злобно скрипѣла носикомъ.

— Ну, дай Богъ Милочкѣ... дай Богъ! — шептала она: — а вотъ мы... Кому счастье, а намъ... Твою Милочку мужъ вонъ какъ обрадовалъ, а у насъ... Кого другого, а Прозерпиночку мою, кажется, ужъ обглодкомъ назвать нельзя... И полненькая, и рѣзвенькая... и щечки, и грудка... И что-жъ! даже вниманія, мерзавецъ, не обратилъ!

— Est-ce possible?!

Въ эту самую минуту явился Чижикъ. И только-что хотѣлъ принести оправданіе, какъ огорченная теща, указывая на дверь закричала:

— Сортé! Срамъ, сударь! срамъ! срамъ! срамъ!

А за нею, словно эхо, и кузина повторила:

— Срамъ! срамъ! срамъ!

Оглушенный, онъ хотѣлъ летѣть куда глаза глядятъ, но у него даже крылья какъ будто перешибло. Онъ пошелъ по дорожкѣ, направляясь къ своему дуплу и думая скрыть въ немъ свой срамъ; но птицы уже проснулись и все знали. И хотя ни одна ему ничего „подходящаго“ въ глаза не говорила, а нѣкоторыя даже подлетали и поздравляли, но онъ совершенно ясно видѣлъ, что у всѣхъ въ глазахъ было написано:

— Срамъ! срамъ! срамъ!

Къ вечеру однакоже Прозерпиночка воротилась, но, не сказавши: „бонжуръ“, прямо пролетѣла въ свое гнѣздышко.

— Милая! миленькая! ангельчикъ! — свиснулъ ей вслѣдъ майоръ, и такъ жалобно, что Чечоточка, хоть и изъ простого званія птичка, а прослезилась.

Но Прозерпиночка не отвѣтила ни однимъ звукомъ, и Чижикъ слышалъ только, какъ она лапками раздвигала въ гнѣздышкѣ пухъ, устраивая себѣ на ночь постельку.

— Супруга, Богомъ мнѣ данная! — не свиснулъ, а какъ-то взвылъ майоръ и залился слезами.

Но и на этотъ призывъ Прозерпиночка промолчала. Онъ подошелъ къ ея постелькѣ и склонился надъ нею; но она уже спала или, скорѣе всего, притворялась спящею.

И эту ночь пришлось майору провести въ одиночествѣ. Мундиръ, конечно, онъ снялъ, но брюки снять не рѣшался, чтобы не сконфузить Прозерпиночку. А на другое утро, какъ ни рано онъ проснулся, Прозерпиночки уже не было: опять улетѣла къ родителямъ.

Майорскій мартирологъ начался.

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца молодая жена ни однимъ словомъ съ нимъ не перемолвилась. Каждый вечеръ прилетала она въ чижиково дупло, укладывалась въ гнѣздышкѣ, и каждое утро исчезала такъ таинственно и проворно, что майоръ никакъ ее не могъ подстеречь. Раза четыре въ теченіе этого времени прилетала она въ сопровожденіи ватаги юнкеровъ и гимназистовъ, призывала Чечеточку и заказывала ей богатый ужинъ. Но и она, и ея собутыльники самымъ наглымъ образомъ пили и ѣли на глазахъ у Чижика и ни разу даже спасибо ему не сказали, точно онъ былъ не хозяинъ своего дупла, а сторожъ при немъ. Въ женином семействѣ майора иначе не звали, какъ „мерзавцемъ“.

— А „мерзавецъ“-то опять выигрышный билетъ купилъ!—сообщала старая Канарейка загостившейся кузинѣ.

Или:

— Скоро, кажется, „мерзавецъ“ съ ума сойдетъ. Здумываться началъ!

Одинъ старый Кенарь (тесть) отъ времени до времени посѣщалъ майора, утѣшалъ его и даже обѣщалъ высѣчь Прозерпиночку; но обѣщанія не выполнилъ, а только выманилъ у зятя цѣлую уйму двугривенныхъ.

Прошелъ и еще мѣсяцъ. Отношенія Прозерпиночки къ майору нѣсколько измѣнились, но не къ лучшему. Канарейка постепенно вошла въ свою роль, обнаглѣла. Она уже не разыгрывала молчаль-

ницу, но обращала къ Чижику свою рѣчь такимъ тономъ, какимъ должна говорить королева съ какимъ-нибудь безвѣстнымъ дворцовымъ истопникомъ.

— Денегъ надо,—говорила она.

— Сколько-съ?

— Не „сколько“, а давайте!

Ни сколько, ни на какой предметъ — молчокъ. Можетъ быть, она поступала такъ съ умысломъ, желая повредить Чижику душу; но, можетъ быть, и безъ умысла, „такъ“. Душа Канарейки — потемки, и ни одинъ мудрецъ не разберетъ, гдѣ въ ней кончается граціозное порханіе мысли и гдѣ начинается мучительство. Какъ бы то ни было, Чижикъ не прекословилъ. Онъ уходилъ на минуту въ заднее отдѣленіе дупла и дрожащими руками выносилъ оттуда свою копилку. И покуда она зря черпала въ розсыпи серебряныхъ пятачковъ и какъ-то странно при этомъ улыбалась, онъ чувствовалъ, что у него душу вынимаютъ. Не потому, чтобъ онъ былъ скупъ, а потому, что отъ природы имѣлъ потребность во всякое время знать состояніе своей кассы въ точности.

Ограбивши мужнину кассу, она улетала, а черезъ часъ онъ уже видѣлъ и результаты произведеннаго грабежа. Прозерпиночка, во главѣ цѣлаго косяка уланъ и свѣтскихъ дамъ полу-легкаго поведенія, съ шумомъ и пѣснями пролетала мимо и садилась на ближайшую поляну. Тамъ устраивался, на чижиковъ счетъ, веселый пикникъ, и вся ватага, вплоть до вечерней зари, кутила, пѣла, водила хороводы и по временамъ разлеталась въ кусты для отдохновенія.

Однажды вечеромъ Прозерпиночка прилетѣла домой въ необыкновенно-возбужденномъ состояніи. Летала по дуплу („чуть грудочку себѣ не расшибла!“), кружилась, пѣла, смѣялась, плакала... Майоръ смотрѣлъ на нее сначала испуганно, но потомъ вдругъ умилился. Его голову озарила несчастная мысль, что Прозерпиночкино сердце растворилось, что испытаніямъ его наступилъ конецъ, что она сама идетъ къ нему на встрѣчу... идетъ для того, чтобъ упоить его блаженствомъ, блаженствомъ, блаженствомъ безъ конца! Сладкое и въ то же время жгучее волненіе овладѣло всѣмъ его существомъ и пробудило въ немъ смѣлость, не всякому интендантскому майору свойственную. Въ чаду страсти онъ тихонько подкрался къ Прозерпиночкѣ, въ ту

минуту, когда она, вперивши глаза въ темное пространство, стояла у входа, и тихонько стукнулъ ее носикомъ въ темечко.

— Дуракъ!—крикнула она ему въ упоръ и, уклонившись отъ его объятій, порхнула вонъ изъ дупла.

Это былъ съ ея стороны очень рѣшительный шагъ. До тѣхъ поръ она улетала днемъ, теперь—улетѣла ночью!

На другое утро она однако вернулась; но цѣлый день скучала, плакала, нигдѣ мѣста себѣ найти не могла. А вечеромъ, едва майоръ засопѣлъ, опять улетѣла.

Такъ продолжалось цѣлыхъ двѣ недѣли. Ночью—таинственное исчезновеніе, днемъ — истерика, слезы. Майоръ весь изстрадался, ходилъ за ней по пятамъ, держа въ носикѣ, на случай дурноты, ведёрочко съ водой, и слезно убѣждалъ:

— Выкушай водицы! Откройся мнѣ! Ну, не какъ мужу—увы! я этого счастья не заслужилъ!—какъ отцу, какъ брату. Кто тебя, мою пичужечку, обидѣлъ?

— Дуракъ!!!

Наконецъ она не возвратилась совсѣмъ. Ждалъ майоръ день, ждалъ другой и рѣшился... ждать безъ конца. Тяжкое время для него настало, время полнаго одиночества. Жена бросила; родственники, не предупредивши ни словомъ, скрылись, — должно быть, и впрямь старый Кенарь послѣ тетки наслѣдство получилъ, — а прочимъ птицамъ ему было совѣстно въ глаза смотрѣть, потому что онъ все-таки не смылъ своего позора, не оправдалъ себя. Даже дѣвушка-Чечоточка, и та разсчету потребовала и гдѣ-то на чердакѣ съ Воробьемъ гнѣздо свила.

До сихъ поръ у него хоть страданія были, страданія жгучія, острыя, которыя давали ему возможность метаться отъ боли, проклинать... и надѣяться; теперь страданія остались, но приняли тупую форму, которая сковывала его движенія, парализировала волю и наполняла будущее безразсвѣтнымъ мракомъ...

Между тѣмъ наступила осень; птицы усиленно захлопотали около гнѣздъ; онъ одинъ ничего не предпринималъ, не рѣшаясь, летѣть ли на теплыя воды, или остаться на родинѣ. Полились дожди, задули холодные вѣтры; роща обнажилась и тоскливо шумѣла; ночи сдѣлались долгія, темныя. А онъ цѣлыя ночи напролетъ, голодный и холодный, просиживалъ, не смыкаючи очей, у входа своего неухичен-

наго дупла, и ждалъ. Сколько разъ хищная Сова пролетала мимо, задѣвая крыломъ за его дупло! сколько разъ заглядывалъ въ дупло кровожадный Бурундукъ! Но, по счастливой случайности, ни Сова, ни Бурундукъ не потревожили его. Очень возможно, что, съ точки зрѣнія съѣдобности, онъ представлялъ для хищниковъ уже слишкомъ ничтожную величину; но возможно и то, что хищники знали, какой онъ былъ въ свое время дѣльный интендантскій офицеръ, и, не желая лишать отечество его услугъ въ будущемъ, щадили...

Понимая, что жизнь его разбита, онъ невольно обращалъ свою мысль къ прошлому. Все тамъ было такъ чисто, аккуратно, что сердце вчужѣ радовалось. Да и не безъ пріятностей-съ. Не одни интендантскія мѣропріятія, но, напримѣръ, Трясогузочка-съ. Что за шустренькая, аккуратненькая была дѣвушка... точно огурчикъ! И тоже сначала: „ахъ, какой вы уморительный!“ Уморительный да уморительный, да вдругъ: „ахъ, миленькій, какая я была глупенькая! Сколько задаромъ времени потеряла!“ Жениться бы ему на ней, а онъ вмѣсто того съ шестерыми ребятами ее бросилъ! Или опять: заѣхалъ онъ разъ къ Перепёлочкѣ-вдовѣ, которая постоялый дворъ при дорогѣ держала и просомъ да гречневой крупой поторговывала. Слово-за-слово: „Почемъ просо? крупа почемъ-съ? Чай, скучно вамъ однѣмъ безъ мужа, сударыня?“—смотрятъ, анъ и огни вездѣ потушили... И тутъ бы ему жениться слѣдовало, а онъ пообѣщалъ — и былъ таковъ!

Хорошо было тогда, дивно! И чѣмъ безчеловѣчнѣе онъ въ ту пору съ Трясогузками и Перепелками поступалъ, тѣмъ больше гордился, тѣмъ больше слыхалъ себѣ похвалъ. Всѣ интендантскіе писаря говорили о немъ: „у насъ майоръ лихой... ишь ножками сѣменитъ, ишь похаживаетъ—такъ имъ, дурамъ, и надо!“

— Ба! да не поступить ли опять въ интендантство? - Что же такое! Взялъ перо, написалъ просьбу—примутъ! право, съ удовольствіемъ примутъ.

Но едва появилась эта мысль, какъ онъ уже гналъ ее отъ себя. Не о Трясогузкахъ и Перепёлкахъ онъ долженъ думать — пѣтъ, не о нихъ! Отнынѣ ему предстоитъ одно: изнывать отъ боли и ждать. Ждать свою безцѣнную желтенькую барышню, свою Богомъ данную жену! Прилетитъ она, вотъ увидите, ужо прилетитъ!

По временамъ однакожъ онъ возмущался. Но не самъ собою, а

подъ вліяніемъ наущенія неблагонамѣренныхъ птицъ, которыя прилетали къ нему попросить денегъ взаймы. Въ особенности тлетворно дѣйствовалъ на него въ этомъ смыслѣ Дроздъ. Онъ начиналъ всегда съ того, что выражалъ соболѣзнованіе по поводу его одиночества, и затѣмъ, переходя отъ одного соболѣзнованія къ другому, очень ловко инсинуировалъ, что по нынѣшнему времени и развестись ничего не стоитъ.

— Нанялъ аблаката—и дѣло съ концомъ!—убѣждалъ онъ:—аблакатъ тебѣ все въ одночасье свертитъ. Право, другъ, разведись! Что на нее, на шлюху, смотрѣть!

А кромѣ Дрозда, и Зябликъ его смущалъ; но этотъ былъ противъ развода, а совѣтовалъ въ „волостную“ прошеніе подать.

— Много для нихъ чести будетъ, коли со всякой шлюхой разводиться придется!—говорилъ онъ:—ступай прямо въ „волостную“; такую ли ей тамъ баню зададутъ—до новыхъ вѣниковъ не забудетъ!

И вотъ однажды майоръ поддался искушенію. Полетѣлъ въ Петербургъ и прямо отъявился къ аблакату Балалайкину.

— Хочу отъ живой жены на другой жениться—орудуй!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Балалайкинъ:—я самъ отъ четырехъ живыхъ женъ на пятой женатъ, и вотъ, какъ видите, даже въ арестантскихъ ротахъ не сиживалъ!

Но уже по тону, которымъ Балалайкинъ эти слова сказалъ, Чижикъ понялъ, что проку отъ его ходатайства ждать нельзя. Заплативъ Балалайкину двугривенный (за одно вранье!), онъ, скрѣпя сердце, направилъ свой полетъ въ „волостную“; но и тутъ потерпѣлъ неудачу.

— Приведи ее, мы выпоремъ,—отвѣтили ему совершенно резонно. — А коли будешь и впредь безъ поличнаго здѣшнее мѣсто утруждать, мы тебя самого разложимъ; не посмотримъ, что ты майоръ.

Это былъ, такъ сказать, послѣдній проблескъ бунтующей плоти. Онъ воротился домой и окончательно присмирѣлъ.

Прошла зима. Полузамерзшій, наголодавшійся, чуть живой Чижикъ вылѣзъ изъ своего дупла и едва-едва долетѣлъ до рѣчки. Ледъ былъ уже настолько слабъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались полыньи. Къ одной изъ нихъ онъ приблизился, надѣясь чѣмъ-нибудь поживиться, какою-нибудь ветошью; но, увидѣвъ въ водѣ свое изображеніе, такъ и ахнулъ. За зиму онъ до того похудѣлъ, осу-

нулся, отощалъ, что мундиръ висѣлъ на немъ какъ на вѣшалкѣ. Отъ прежняго, аккуратно застегнутаго, чистенькаго и сытенькаго Чижика не осталось и слѣда; даже шпоры—и тѣ неизвѣстно куда дѣвались. Съ тоскою въ сердцѣ вернулся онъ въ дупло и сразу утратилъ вѣру въ болѣе свѣтлое будущее.

Что̀ пользы, ежели онъ и дождется ея—какое онъ сдѣлаетъ ей привѣтствіе? какія представитъ доказательства супружеской любезно-вѣрной преданности?

И вдругъ, въ одинъ теплый майскій вечеръ, *она* воротилась. Воротилась худая, больная, истрепанная и какъ будто *не въ себѣ*. Хохолокъ на головкѣ былъ выщипанъ, перышки на крыльяхъ помяты, хвостикъ жиденькій; даже желтенькое платьице выцвѣло и посѣрѣло. И вся дрожала, не то отъ холода, не то отъ стыда. Насилу Чижикъ ее узналъ.

— Вотъ и я пришла!—сказала она.

— Живи!—отвѣтилъ ей Чижикъ.

Только и разговору промежъ нихъ было. О прошломъ—молчокъ, о будущемъ—ни-гугу.

И живутъ съ тѣхъ поръ другъ подлѣ друга въ одномъ дуплѣ, молчатъ и все о чемъ-то думаютъ. Можетъ быть, ждутъ чуда, которое растворитъ ихъ сердца и наполнитъ ихъ ликованіями прощенія и любви; но, можетъ быть, сознаютъ себя окончательно раздавленными и угрюмо ропщутъ. Онъ: „ахъ, разбила ты мою жизнь, кукла безчувственная!“ Она: „ахъ, заѣлъ ты мою молодость, распостылый майоръ!“

9.—Вѣрный Трезоръ.

Служилъ Трезорка сторожемъ при лабазѣ московскаго 2-й гильдіи купца Воротилова и недреманнымъ окомъ хозяйское добро сторожилъ. Никогда отъ конуры не отлучался; даже Живодерки, на которой лабазъ стоялъ, настоящимъ образомъ не видалъ; съ утра до вечера такъ на цѣпи и скачетъ, такъ и заливается! Caveant consules!

И премудрый былъ, никогда на своихъ не лаялъ, а все на чужихъ. Пройдетъ, бывало, хозяйскій кучеръ овесъ воровать—

Трезорка хвостомъ машетъ, думаетъ: много ли кучеру нужно! А случится прохожему по своему дѣлу мимо двора идти — Трезорка еще гдѣ заслышитъ: ахъ, батюшки, воры!

Видѣлъ купецъ Воротиловъ Трезоркину услугу и говорилъ: „цѣны этому псу нѣтъ!“ И ежели случалось въ лабазъ мимо собачьей конуры проходить, непремѣнно скажетъ: „дайте Трезоркѣ помоевъ!“ А Трезорка изъ кожи отъ восторга лѣзетъ: рады стараться, ваше степенство!... хамъ-амъ! почивайте, ваше степенство, спокойно... хамъ... амъ... амъ... амъ!

Однажды даже такой случай былъ: самъ частный приставъ къ купцу Воротилову на дворъ пожаловалъ—такъ и на него Трезорка вòззрился. Такой содомъ поднялъ, что и хозяинъ, и хозяйка, и дѣти —всѣ выбѣжали. Думали, грабятъ; смотрятъ—анъ гость дорогой!

— Вашескородіе! милости просимъ! Цыцъ, Трезорка! Ты это чтò, мерзавецъ? не узналъ? а? Вашескородіе! водочки? закусить-съ?

— Благодарю. Прекраснѣйшій у васъ пёсикъ, Никаноръ Семенычъ! благонамѣренный!

— Такой песъ! такой песъ! Другому человѣку такъ не понять, какъ онъ понимаетъ!

— Собственность, значитъ, признаетъ, а это, по нынѣшнему времени, ахъ какъ пріятно!

И затѣмъ, обернувшись къ Трезоркѣ, присовокупилъ:

— Лай, мой другъ, лай! Ныньче и человѣкъ, ежели который съ отличной стороны себя зарекомендовать хочетъ, — и тотъ по пёсьему лаять обязывается!

Три раза Воротиловъ Трезорку искушалъ, прежде чѣмъ вполнѣ свое имущество довѣрилъ ему. Нарядился воромъ (удивительно, какъ къ нему этотъ костюмъ шелъ!), выбралъ ночь потемнѣе и пошелъ въ амбаръ воровать. Въ первый разъ корочку хлѣбца съ собой взялъ, — думалъ этимъ его соблазнить, — а Трезорка корочку обнюхалъ, да какъ вцѣпится ему въ икру! Во второй разъ цѣлую колбасу Трезоркѣ бросилъ: „пиль, Трезорушка, пиль!“ — а Трезорка ему фалду оторвалъ. Въ третій разъ взялъ съ собой рублевую бумажку замасленную — думалъ, на деньги песъ пойдетъ; а Трезорка, не будь простъ, такого трезвону поднялъ, что со всего квартала собаки сбѣжались: стоятъ да дивуются, съ чего это хозяйскій песъ на своего хозяина заливается?

Тогда купецъ Воротиловъ собралъ домочадцевъ и при всѣхъ сказалъ Трезоркѣ:

— Препоручаю тебѣ, Трезорка, всѣ мои потроха: и жену, и дѣтей, и имущество—стереги! Принесите Трезоркѣ колбасъ!

Понялъ ли Трезорка хозяйскую похвалу, или ужъ самъ собой, въ силу собачьей природы, лай изъ него словно изъ пустой бочки валилъ — только совсѣмъ онъ съ тѣхъ поръ изсобачился. Однимъ глазомъ спитъ, а другимъ глядитъ, не лѣзетъ ли кто въ подворотню; скакать устанетъ—ляжетъ, а цѣпью все-таки погромыхиваетъ: вотъ онъ я! Накормить его позабудутъ — онъ даже очень радъ: ежели, дескать, каждый-то день пса кормить, такъ онъ, чего добраго, въ одну недѣлю разопсѣетъ! Пинками его челядинцы надѣлятъ — онъ и въ этомъ полезное предостереженіе видитъ, потому что ежели пса не бить, онъ и хозяина, того гляди, позабудетъ.

— Надо съ нами, со псами, серьезно поступать,—разсуждалъ онъ:—и за дѣло бей, и безъ дѣла бей—впередъ наука! Тогда только мы, псы, настоящими псами будемъ!

Однимъ словомъ, былъ песъ съ принципами и такъ высоко держалъ свое знамя, что прочіе псы поглядятъ-поглядятъ, да и подожмутъ хвостъ—куды тебѣ!

Ужъ на что Трезорка дѣтей любилъ, однако и на ихъ искушенія не сдавался. Подойдутъ къ нему хозяйскія дѣти:

— Пойдемъ, Трезорушка, съ нами гулять!

— Не могу.

— Не смѣешь?

— Не то что не смѣю, а права не имѣю.

— Пойдемъ, глупый! мы тебя потихоньку... никто не увидитъ!

— А совѣсть?

Подожметъ Трезорка хвостъ и спрячется въ конуру, отъ соблазна подальше.

Сколько разъ и воры сговаривались: „поднесемте Трезоркѣ альбомъ съ видами Замоскворѣчья“; но онъ и на это не польстился.

— Не требуется мнѣ никакихъ видовъ,—сказалъ онъ:—на этомъ дворѣ я родился, на немъ же старыя кости сложу—какихъ еще видовъ нужно? Уйдите до грѣха!

Одна за Трезоркой слабость была: Кутьку крѣпко любилъ, но и то не всегда, а временно.

Кутька на томъ же дворѣ жила и тоже была собака добрая, но только безъ принциповъ. Полаетъ и перестанетъ. Поэтому ее на цѣпи не держали, а жила она больше при хозяйской кухнѣ и около хозяйскихъ дѣтей вертѣлась. Много она на своемъ вѣку сладкихъ кусковъ съѣла и никогда съ Трезоркой не подѣлилась; но Трезорка нимало за это на нее не претендовалъ: на то она и дама, чтобы сладенько поѣсть. Но когда Кутькино сердце начинало говорить, то она потихоньку взвизгивала и скреблась лапой въ кухонную дверь. Заслышавъ эти тихія всхлипыванья, Трезорка, съ своей стороны, поднималъ такой неистовый и, такъ сказать, характерный вой, что хозяинъ, понимая его значеніе, самъ спѣшилъ на выручку своего имущества. Трезорку спускали съ цѣпи и на мѣсто его сажали дворника Никиту. А Трезорка съ Кутькой, взволнованные, счастливые, убѣгали къ Серпуховскимъ воротамъ.

Въ эти дни купецъ Воротиловъ дѣлался золъ, такъ что когда Трезорка возвращался утромъ изъ экскурсіи, то хозяинъ билъ его арапникомъ нещадно. И Трезорка, очевидно, сознавалъ свою вину, потому что не подбѣгалъ къ хозяину гоголемъ, какъ это дѣлаютъ исполнившіе свой долгъ чиновники, а униженно и поджавши хвостъ подползалъ къ ногамъ его; и не вылъ отъ боли подъ ударами арапника, а потихоньку взвизгивалъ: mea culpa! mea maxima culpa! Въ сущности, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что, поступая такимъ образомъ, хозяинъ упускалъ изъ вида нѣкоторыя смягчающія обстоятельства: но въ то же время, разсуждая логически, онъ приходилъ къ заключенію, что ежели его въ такихъ случаяхъ не бить, то непремѣнно онъ разопсѣетъ.

Но что было особенно въ Трезоркѣ дорого, такъ это совершенное отсутствіе честолюбія. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ даже понятіе о праздникахъ и о томъ, что къ праздникамъ купцы имѣютъ обыкновеніе дарить вѣрныхъ своихъ слугъ. Никаноры ли („самъ“ именинникъ), Анфисы ли („сама“ именинница) на дворѣ—онъ, все равно что въ будни, на цѣпи скачетъ!

— Да замолчи ты, постылый! — крикнетъ на него Анфиса Карповна:—знаешь ли, какой сегодня день!

— Ничего, пусть лаетъ!—пошутитъ въ отвѣтъ Никаноръ Семенычъ:—это онъ съ ангеломъ поздравляетъ! Лай, Трезорушка, лай!

Только разъ въ немъ проснулось что-то въ родѣ честолюбія —

это когда бодливой хозяйской коровѣ Рохлѣ, по требованію городского пастуха, колоколъ на шею привѣсили. Признаться сказать, позавидовалъ-таки онъ, когда она пошла по двору звонить.

— Вотъ тебѣ счастье какое; а за что?—сказалъ онъ Рохлѣ съ горечью:—только твоей и заслуги, что молока полъ-ведра въ день изъ тебя надоятъ, а по настоящему какая же это заслуга! Молоко у тебя даровое, отъ тебя независящее: хорошо тебя кормятъ—ты много молока даешь; плохо кормятъ—и молоко перестанешь давать. Копыта объ копыто ты не ударишь, чтобъ хозяину заслужить, а вотъ тебя какъ награждаютъ! А я вотъ самъ отъ себя, motu proprio, день и ночь маюсь, не доѣмъ, не досплю, индо осипъ отъ безпокойства,—а мнѣ хоть бы гремушку кинули! Вотъ, дескать, Трезорка, знай, что услугу твою видятъ!

— А цѣпь-то?—нашлась Рохля въ отвѣтъ.

— Цѣпь?!

Тутъ только онъ понялъ. До тѣхъ поръ онъ думалъ, что цѣпь есть цѣпь, а оказалось, что это нѣчто въ родѣ какъ масонскій знакъ. Что онъ, стало быть, награжденъ уже изначала, награжденъ еще въ то время, когда ничего не заслужилъ. И что отнынѣ ему слѣдуетъ только объ одномъ мечтать: чтобъ старую, проржавленную цѣпь (онъ ее однажды уже порвалъ) сняли и купили бы новую, крѣпкую.

А купецъ Воротиловъ точно подслушалъ его скромно-честолюбивое вожделѣніе: подъ самый Трезоркинъ праздникъ купилъ совсѣмъ новую, на диво выкованную цѣпь и сюрпризомъ прикрепалъ ее къ Трезоркину ошейнику.—Лай, Трезорка, лай!

И залился онъ тѣмъ добродушнымъ, заливистымъ лаемъ, какимъ лаютъ псы, не отдѣляющіе своего собачьяго благополучія отъ неприкосновенности амбара, къ которому опредѣлила ихъ хозяйская рука.

Въ общемъ Трезоркѣ жилось отлично, хотя, конечно, отъ времени до времени не обходилось и безъ огорченій. Въ мірѣ псовъ, точно также какъ и въ мірѣ людей, лесть, пронырство и зависть нерѣдко играютъ роль, вовсе имъ по праву не принадлежащую. Не разъ приходилось и Трезоркѣ испытывать уколы зависти; но онъ былъ силенъ сознаніемъ исполненнаго долга и ничего не боялся. И это вовсе не было съ его стороны самомнѣніемъ. Напротивъ, онъ первый готовъ былъ бы уступить честь и мѣсто любому новоявленному Барбосу, который доказалъ бы свое первенство въ дѣлѣ не-

преоборимости. Нерѣдко онъ даже съ тревогою подумывалъ о томъ, кто заступитъ его мѣсто въ ту минуту, когда старость или смерть положитъ предѣлъ его нестомчивости... Но увы! во всей громадной стаѣ измельчавшихъ и излаявшихся псовъ, населявшихъ Живодерку, онъ, по совѣсти, не находилъ ни одного, на котораго могъ бы съ увѣренностью указать: вотъ мой преемникъ! Такъ что когда интрига задумала во что бы то ни стало уронить Трезорку въ мнѣніи купца Воротилова, то она достигла только одного—и притомъ совершенно для нея нежелательнаго—результата, а именно: выказала повальное оскудѣніе псовыхъ талантовъ.

Не разъ завистливые Барбосы, и въ одиночку, и небольшими стайками, собирались во дворъ купца Воротилова, садились поодаль и вызывали Трезорку на состязаніе. Поднимался несосвѣтимый собачій стонъ, который наводилъ ужасъ на всѣхъ домочадцевъ, но къ которому хозяинъ дома прислушивался съ любопытствомъ, потому что понималъ, что близко время, когда и Трезору понадобится подручный. Въ этомъ неистовомъ хорѣ выдавались голоса недурные; но такого, отъ котораго внезапно заболѣлъ бы животъ со страху, не было и въ поминѣ. Иной Барбосъ выказывалъ недюжинныя способности, но непремѣнно или перелаетъ, или не долаетъ. Во время такихъ состязаній Трезорка обыкновенно умолкалъ, какъ бы давая противникамъ возможность высказаться, но подъ-конецъ не выдерживалъ, и къ общему стону, каждая нота котораго свидѣтельствовала объ искусственномъ напряженіи, присоединялъ свой собственный свободный и трезвенный лай. Этотъ лай сразу устранялъ всѣ сомнѣнія. Заслышавъ его, кухарка выбѣгала изъ стряпущей и оштаривала коноводовъ интриги кипяткомъ. А Трезоркѣ приносила помоевъ.

Тѣмъ не менѣе купецъ Воротиловъ былъ правъ, утверждая, что ничто подъ луною не вѣчно. Однажды утромъ Воротиловскій приказчикъ, проходя мимо собачьей конуры въ амбаръ, засталъ Трезорку спящимъ. Никогда этого съ нимъ не бывало. Спалъ ли онъ когда-нибудь—вѣроятно, спалъ—никто этого не зналъ, и во всякомъ случаѣ никто его спящимъ не заставалъ. Разумѣется, приказчикъ не замедлилъ доложить объ этомъ казусѣ хозяину.

Купецъ Воротиловъ самъ вышелъ къ Трезоркѣ, взглянулъ на него и, видя, что онъ повинно шевелитъ хвостомъ, какъ бы говоря:

и самъ не понимаю, какъ со мной грѣхъ случился!—безъ гнѣва, полнымъ участія голосомъ сказалъ:

— Что, старикъ, на кухню собрался? Стара стала, слаба стала? Ну, ладно! ты и на кухнѣ службу сослужить можешь.

На первый разъ однакожъ рѣшились ограничиться пріисканіемъ Трезоркѣ подручнаго. Задача была нелегкая; тѣмъ не менѣе, послѣ значительныхъ хлопотъ, успѣли-таки отыскать у Калужскихъ воротъ нѣкоего Арапку, репутація котораго установилась уже довольно прочно.

Я не стану описывать, какъ Арапка первый призналъ авторитетъ Трезорки и безпрекословно ему подчинился, какъ оба они подружились, какъ Трезорку, съ теченіемъ времени, окончательно перевели въ кухню и какъ, несмотря на это, онъ бѣгалъ къ Арапкѣ и безкорыстно обучалъ его пріемамъ подлиннаго купеческаго пса... Скажу только одно: ни досугъ, ни обиліе сладкихъ кусковъ, ни близость Кутьки не заставили Трезорку позабыть тѣ вдохновенныя минуты, которыя онъ проводилъ, сидючи на цѣпи и дрожа отъ холода въ длинныя зимнія ночи.

Время однакожъ шло, и Трезорка все больше и больше старѣлся. На шеѣ у него образовался зобъ, который пригибалъ его голову къ землѣ, такъ что онъ съ трудомъ вставалъ на ноги; глаза почти не видѣли; уши висѣли неподвижно; шерсть свалялась и линяла клочьями; аппетитъ исчезъ, а постоянно ощущаемый холодъ заставлялъ бѣднаго пса жаться къ печкѣ.

— Воля ваша, Никаноръ Семенычъ, а Трезорка началъ паршивѣть,—доложила однажды купцу Воротилову кухарка.

На этотъ разъ однако купецъ Воротиловъ не сказалъ ни слова. Тѣмъ не менѣе кухарка не унялась и черезъ недѣлю опять доложила:

— Какъ бы дѣти около Трезорки не испортились... Опаршивѣлъ онъ вовсе.

Но и на этотъ разъ Воротиловъ промолчалъ. Тогда кухарка, черезъ два дня, вбѣжала уже совсѣмъ обозленная и объявила, что она ни минуты не останется, ежели Трезорку изъ кухни не уберутъ. И такъ какъ кухарка мастерски готовила поросенка съ кашей, а Воротиловъ безумно это блюдо любилъ, то участь Трезоркина была рѣшена.

— Не къ тому я Трезорку готовилъ,—сказалъ купецъ Воротиловъ съ чувствомъ:—да, видно, правду пословица говоритъ: собакѣ—собачья и смерть... Утопить Трезорку!

И вотъ вывели Трезорку во дворъ. Вся челядь высыпала, чтобъ посмотрѣть на предсмертную агонію вѣрнаго пса; даже хозяйскія дѣти окно обсыпали. Арапка былъ тутъ же и, увидѣвъ стараго учителя, привѣтливо замахалъ хвостомъ. Трезорка отъ старости еле передвигалъ ногами и повидимому не понималъ; но когда началъ приближаться къ воротамъ, то силы оставили его, и надо было его тащить волокомъ за загривокъ.

Что затѣмъ произошло—объ этомъ исторія умалчиваетъ, но назадъ Трезорка ужъ не возвратился.

А вскорѣ Арапка и совсѣмъ изгналъ Трезоркинъ образъ изъ сердца купца Воротилова...

10.—Недреманное око.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ Прокуроръ, и было у него два ока: одно — дреманное, а другое—недреманное. Дреманнымъ окомъ онъ ровно ничего не видѣлъ, а недреманнымъ видѣлъ пустяки.

Въ этомъ царствѣ изстари такъ было заведено: какъ только у обывателя родится мальчикъ съ двумя оками, дреманнымъ и недреманнымъ, такъ тотчасъ въ ревизскихъ сказкахъ записываютъ: „у обывателя Куралеса Проказникова, на Болотѣ, уродился мальчишечка, по имени Прокуроръ“. И потомъ ожидаютъ, когда мальчишечка въ совершенныя лѣта придетъ.

Такъ было и тутъ. Не успѣлъ мальчишечка отъ земли вырости, какъ ему сейчасъ же доложили:

— Пожалуйте!

— Съ удовольствіемъ. Но въ скоромъ ли времени предвидится сенаторская вакансія?

— Ахъ, сдѣлайте милость! Какъ скоро, такъ сейчасъ.

— То-то.

Пріосанился мальчишечка, посмотрѣлся въ зеркало, видитъ: какой-такой оттуда хитрецъ выглядываетъ?—анъ это онъ самый и есть. Ладно. И, не говоря худого слова, сейчасъ же за дѣло принялся: дреманнымъ окомъ ничего не видитъ, а недреманнымъ видитъ пустяки. „Я.—говоритъ,—здѣсь на минутку, по дорогѣ въ сенатъ. а тамъ и оба ока сомкну. Да и уши у меня, Богъ дастъ, къ тому времени заложитъ“.

Увидѣли мздоимцы, клеветники, душегубы, хищники и воры, что мальчишечка на нихъ недреманнымъ окомъ смотритъ, и сейчасъ же испугались. Думали-думали, ка̀къ съ этимъ дѣломъ быть, и рѣшили всѣмъ съ недреманной стороны уйти и укрыться подъ сѣнью дреманнаго прокурорскаго ока. И сдѣлалось съ недреманной стороны такъ чисто, какъ будто ни лиходѣевъ, ни воровъ, ни душегубовъ отъ роду никогда не бывало, а были и есть только обыкновенные лгуны, проходимцы, предатели, измѣнники и ханжи, до которыхъ прокурору, собственно говоря, и дѣла нѣтъ. А мальчишечка видитъ, что отъ одного его недреманнаго взгляда такіе чистые горизонты открылись, и радуется. Неужто,—думаетъ,—начальство усердія его во вниманіе не приметъ?

И пошелъ онъ по судебно-административному полю гоголемъ похаживать. Ходитъ да посвистываетъ: берегись! въ ложкѣ воды утоплю!

Только видитъ: стоитъ человѣкъ и крикомъ кричитъ: „Ограбили! батюшки, караулъ!“ Разумѣется, онъ къ ограбленному.

— Что̀ ты, такой-сякой, на всю улицу зѣваешь! вотъ я тебя!

— Помилуйте, Прокуроръ Куралесычъ, воры!

— Гдѣ воры? какіе воры? врешь ты: никакихъ воровъ нѣтъ и не бывало (а они у него подъ ноздрею съ дреманной стороны притаились)! Это вы нарочно, бездѣльники, незаслуживающими вниманія жалобами начальство затруднить хотите... Взять его подъ арестъ!

Идетъ дальше, слышитъ: „Мздоимцы, Прокуроръ Куралесычъ, одолѣли! мздоимцы! лихоимцы! кривотолки! прелюбодѣи!“

— Гдѣ мздоимцы? какіе лихоимцы? никакихъ я мздоимцевъ не вижу! Эти вы нарочно, такіе-сякіе, кричите, чтобы авторитеты подрывать... Взять его подъ арестъ!

Еще дальше идетъ, слышитъ: „Добро казенное и общественное

врозь тащатъ! Чего вы, Прокуроръ Куралесычъ, смотрите! Вонъ они, хищники-то, вонъ!"

— Гдѣ хищники? Кто казенное добро тащитъ?

— Вонъ хищники! вонъ они! Вонъ онъ какой домѝно на краденыя деньги взбодрилъ! А тотъ вонъ—ишь сколько тысячъ десятинъ земли у казны укралъ!

— Врешь ты, такой-сякой! Это не хищники, а собственники! Они своимъ имуществомъ спокойно владѣютъ и всѣ документы у нихъ на-лицо. Это вы нарочно, бездѣльники, кричите, чтобы принципъ собственности подрывать! Взять его подъ арестъ!

Дальше — больше. „Жена мужу жизнь съ утра до вечера точитъ!"—„Мужъ жену въ гробъ, того гляди, заколотитъ!" — „Ни за чѣмъ вы, Прокуроръ Куралесычъ, не смотрите!"

— Я-то не смотрю? А ты видѣлъ ли, какое у меня око? Одно оно у меня, но—ахъ, какъ далеко я имъ вижу! Такъ далеко, что и твою, бездѣльникову, душу насквозь понимаю! И знаю, чего вамъ, негодникамъ, хочется: семейный союзъ вамъ хочется подорвать! Взять его подъ арестъ!

Словомъ сказать, всѣ союзы перебралъ и вездѣ нашелъ: сами по себѣ, стоятъ союзы незыблемо, но крикуншки непремѣнно имъ какъ пить дадутъ, ежели имъ своевременно уста не замазать. А когда до государственнаго союза мальчишечка дошелъ, то и разговаривать не сталъ. Кричитъ какъ озаренный: „взять его! связать его! замуровать! законопатить!" Самъ кричитъ, а недреманное око такъ у него колесомъ и вертится въ глазницѣ.

День-деньской такимъ манеромъ мальчишечка мается, союзы оберегаетъ, а къ вечеру домой отдыхать вернется. Ляжетъ на кровать и думаетъ: „Все-то я въ полной мѣрѣ, какъ хочется начальству, выполнилъ! хищниковъ, мздоимцевъ, распутниковъ и злоупотребителей съ помощью одного моего недреманнаго ока разсѣялъ, а съ подрывателями, кои не-дѣльными жалобами начальство утруждаютъ, особливо распорядился! Чисто, благородно. Надѣюсь, что и начальство, съ своей стороны, мои труды въ надлежащей мѣрѣ оцѣнитъ".

— Чего, бишь, мнѣ, напримѣръ, пожелать? — говорилъ онъ самъ себѣ.—Въ сенатъ ежели—такъ я еще на одно ухо слышу, да сенатъ отъ меня и не уйдетъ... Вотъ кабы—хоть не теперь, а современемъ—вотъ кабы въ... да нѣтъ, это ужъ развѣ когда и обоняніе

я потеряю! Нѣтъ, вотъ, сейчасъ, въ ближайшемъ будущемъ, чего бы мнѣ, напримѣръ, пожелать?

Разстраивалъ-разстраивалъ себѣ воображеніе, да наконецъ и разстроилъ. „Жениться надо какъ можно скорѣе — [illegible]".

И такъ какъ онъ для поисковъ невѣсты недреманное око въ ходъ пустилъ, то, разумѣется, сейчасъ же нашелъ. А именно: дѣвицу Агриппину такой красоты, что ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать. И при ней двѣсти тысячъ: точь-въ-точь какъ при билетѣ внутренняго съ выигрышами займа полагается.

Женился. Отпраздновали свадьбу на славу въ кухмистерской Завитаева и домой на новоселье пріѣхали. Только смотритъ мальчишечка, а новобрачная съ чего-то подъ сѣнь дреманнаго ока спряталась. Хвать-похвать: „Агриппина! гдѣ ты?"

— Не Агриппина я, но Агаѳья. И тезоименитство мое бываетъ 5-го февраля.

Вотъ такъ штука! Даже поблѣднѣлъ мальчишечка съ испугу: неужто въ прохожденье его службы чертовщина вмѣшалась?

— Покажись... Агаѳья!—вымолвилъ онъ.

Смотритъ: и у Агаѳьи, какъ у него, одно око дреманное, а другое—недреманное. Только у него недреманное око съ правой стороны, а у нея — съ лѣвой. Точно имъ сама судьба опредѣлила совмѣстно прокурорское служеніе проходить.

— Приданое-то у тебя есть ли?

— И приданаго у меня нѣтъ. Одно недреманное око — только и всего.

Ахъ, прахъ побери, да и совсѣмъ! Была-была Агриппина и вдругъ Агаѳья сдѣлалась! Сталъ онъ разыскивать, какимъ манеромъ такое дѣло случиться могло, и оказалось, что очень просто. Покуда онъ недреманнымъ окомъ въ одну сторону стрѣлялъ, Агриппина на минуточку отлучилась, да и вышла замужъ за офицера. А онъ за себя взялъ... Агаѳью!

Дѣлать, однако, нечего. Не даромъ же Завитаеву деньги за свадьбу отданы — надо какъ-нибудь жить. Легли они спать, да не остереглись: смотрятъ другъ на дружку недреманными оками — индо жутко ему стало! Ему-то жутко, а ей точно съ гуся вода — даже пріятно!

— Вѣдьма ты, что-ли?—спросилъ онъ ее:—сказывай!

— Нѣтъ, я не вѣдьма, но твоя законная жена. А до сихъ поръ я краденными старыми носками на Апраксиномъ торговала.

— Какъ „крадеными“? какимъ же образомъ я тебя не изловилъ?

— Развѣ ты можешь кого-нибудь изловить? Ты все въ одну сторону окомъ стрѣляешь, а что у тебя подъ лѣвой ноздрей дѣлается—не видишь.

— Ну, давай вмѣстѣ воровъ ловить, коли такъ. Я — справа, ты—слѣва.

Словомъ сказать, такъ отлично устроились, что черезъ годъ у нихъ сынъ родился, и тоже съ недреманнымъ окомъ.

— Вотъ такъ чудакъ!—воскликнулъ мальчишечка, взглянувъ на своего первенца.

Тутъ только онъ догадался, что какъ ни дорого недреманное око, а два обыкновенныхъ глаза, пожалуй, еще того дороже.

Служба его между тѣмъ своимъ чередомъ прохожденіе имѣла. Постепенно онъ всѣ тюрьмы крикунами наполнилъ, а хищники, мздоимцы, концессіонеры и прочіе подлинные потрясатели тѣмъ временемъ у него подъ сѣнью дреманнаго ока благодушествовали.

Долго ли, коротко ли такъ шло, только началъ онъ современемъ и на оба уха припадать. Даже недреманное око, и то постепенно слипаться стало. Самое время, значитъ, въ сенатъ поспѣшать, покуда обонянія еще не утратилъ.

Слышитъ... зовутъ!

Надѣлъ онъ фуфайку фланелевую, носки шерстяные да сапоги валеные на ноги натянулъ; уши капатомъ законопатилъ, камфарнымъ масломъ надушился, въ шубу закутался, а Агаоья, сверхъ шубы, шерстянымъ шарфомъ его повязала. И пошелъ въ сенатъ. Идетъ и думаетъ: какой такой сонъ на первый разъ онъ, сидючи въ сенатѣ, увидитъ.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Покуда онъ недреманнымъ окомъ все вправо да вправо стрѣлялъ, а сенатъ взялъ полѣвѣе, да съ дремашной стороны и притаился. Ищетъ Прокуроръ Куралесычъ—и носомъ въ воздухѣ потянетъ, и языкомъ щелкнетъ, и даже руками кругомъ пошаритъ,—никакъ-таки нащупать сената не можетъ.

Наконецъ видитъ: городовой на посту бодрствуетъ. Натурально

—къ нему.—Такъ и такъ, служивый, не знаешь ли, куда дѣвался сенатъ?

Взглянулъ на него городовой и сразу недреманную душу его разгадалъ.

— Знаю,—сказалъ онъ: —сенатъ, вотъ онъ! Вонъ онъ на солнышкѣ играетъ! Ишь посматриваетъ, какъ бы какой шалунъ на законъ не наступилъ... Ахъ ты, ахъ! Только не про всякаго у насъ мѣсто въ сенатѣ припасено. Ты, вотъ, глядѣлъ недреманнымъ-то окомъ въ книгу, а видѣлъ фигу, такъ нынче этакихъ въ здѣшнее мѣсто сажать не велѣно. Воротись лучше, калѣка, домой; валенки-то сними, глаза-то протри, уши промой, да и ложись съ бабой на печь спать!.. А у насъ нынче такъ въ здѣшнемъ мѣстѣ заведено: чтобы и голова, и прочіе члены—все чтобы на своемъ мѣстѣ было, а глаза и уши—у всѣхъ чтобы настежъ!

Такъ и не попалъ Прокуроръ Куралесычъ въ сенатъ.

11.—Дуракъ.

Въ старые годы, при царѣ Горохѣ это было: у умныхъ родителей родился сынъ дуракъ. Еще когда младенцемъ Иванушка былъ, родители дивились: въ кого онъ уродился? Мамочка говорила, что въ папочку, папочка—что въ мамочку, а наконецъ подумали и рѣшили: должно быть, въ обоихъ.

Не то впрочемъ родителей смущало, что у нихъ сынъ дуракъ,—дуракъ, да ежели ко двору, лучше и желать не надо,—а то, что онъ дуракъ особенный, за котораго, того гляди, передъ начальствомъ отвѣтить придется. Набѣдокуритъ, начудитъ—по какому праву? какой-такой законъ есть?

Бываютъ дураки легкіе, а этотъ мудреный. Вонъ у Милитрисы Кирбитьевны—рукой подать—сынъ Левка, тоже дурачокъ. Выбѣжитъ босикомъ на улицу, спуститъ рукава, на одной ножкѣ скачетъ, а самъ во всю мочь кричитъ: „тили-тили, Лёвку били, бими-бими бомъ-бумъ!“ Сейчасъ его изымаютъ, да на замокъ въ холодную: сиди да посиживай! Даже губернатору, когда на ревизію пріѣзжалъ, Лёвку показывали, и тотъ похвалилъ: „берегите его, намъ дураки нужны!“

А *этотъ* дуракъ—необыкновенный. Сидитъ себѣ дома, книжку читаетъ, либо къ папкѣ съ мамкой ласкается—и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ немъ сердце загорится. Бѣжитъ, земля дрожитъ. Къ которому дѣлу съ подходцемъ бы подойти, а онъ на него прямикомъ лѣзетъ; которое слово совсѣмъ бы позабыть надо, а онъ его-то и ляпнетъ. И смѣхъ, и грѣхъ. Хоть кричи на него, хоть бей—ничего онъ не чувствуетъ и не слышитъ. Сдѣлаетъ что̀ ему хочется и опять домой прибѣжитъ, къ папкѣ съ мамкой подъ крылышко.

— Что̀ съ тобой, ненаглядный ты нашъ? сядь, миленькій, отдохни!

— Я, мамочка, не усталъ.

— Куда ты, голубчикъ, бѣгаешь! Не скажешься никому и убѣжишь!

— Я, мамочка, къ Лёвкѣ бѣгалъ. Лёвка боленъ, калачика проситъ; я взялъ съ прилавка въ булочной калачикъ и снесъ.

Услышитъ мамочка эти слова—такъ и ахнетъ.

— Ахъ, убилъ! ахъ, голову съ меня, несчастный, ты снялъ! Что̀ ты надѣлалъ! Это ты, значитъ, калачикъ-то укралъ!

— Какъ „укралъ“? что̀ такое „укралъ“?

Сколько разъ и сосѣди папочку съ мамочкой предостерегали:

— Уймите вы своего дурака! большія онъ вамъ непріятности черезъ свою глупость предоставитъ!

Но родители ничего не могли, только думали: легко сказать: „уймите!“ а какъ ты его уймешь? Какъ это люди не понимаютъ, что родительское сердце по глупомъ сынѣ больше даже, чѣмъ по умномъ, разрывается!

И точно, примется, бывало, папочка дурака усовѣщивать: „калачъ есть собственность“ — онъ какъ будто и понимаетъ: „да, папочка?“ Но вдругъ въ это время откуда ни возьмись Лёвка: „дай, Ваня, калачика!“ Онъ—шмыгъ, и точно вотъ слизнулъ калачъ съ прилавка! Какъ тутъ понять: укралъ онъ его, или не укралъ?

Терпѣлъ-терпѣлъ булочникъ, но наконецъ обидѣлся: принесъ въ кварталъ жалобу. Явился къ дураковымъ родителямъ квартальный и сказалъ: „какъ угодно, а извольте вашего дурака высѣчь“. Плакала родительская утроба, а дѣлать нечего. Видитъ папочка, что резонно квартальный говоритъ: высѣкъ дурака.

Но дуракъ ничего не понялъ. Почувствовавши, что больно,

всплакнулъ, но не жаловался: „за что?“ и не кричалъ: „не буду!“ Скорѣе какъ будто удивился: для чего это папочкѣ понадобилось?

Такъ и пропалъ этотъ урокъ даромъ: какъ былъ Иванушка до сѣченія дуракомъ, такъ и послѣ сѣченія дуракомъ остался. Увидитъ изъ окна, что Лёвка босикомъ по улицѣ скачетъ—и онъ выбѣжитъ, сапоги сниметъ, рукава у рубашки спуститъ и начнетъ за-одно съ дурачкомъ куралесить.

— Ишь занятіе нашелъ! — разсердится мамочка: — дурака дразнитъ!

— Я, мамочка, не дразню, а играю съ нимъ, потому что ему одному скучно.

— Повертись! повертись! довертишься, что самъ дуракомъ сдѣлаешься!

Услышитъ папочка этотъ разговоръ и на мамочку накинется.

— Сѣчь его надо, а она разговариваетъ! Разговаривай больше, —дождешься! Кабы ты чаще ему подъ рубашку заглядывала, давно бы онъ у насъ человѣкомъ былъ!

И всѣ сосѣди папочку одобряютъ: во-первыхъ, потому, что законъ есть такой, чтобы дураковъ учить, а во-вторыхъ, и потому, что никому отъ Иванушки житья не стало. Намедни сосѣдскіе мальчишки вздумали козла дразнить—онъ за козла вступился. Сталъ по середкѣ и не даетъ козла въ обиду. Козелъ его сзади рогами бьетъ, мальчишки спереди по чемъ попало тузятъ, а ему и горюшка мало —всего въ синякахъ домой привели! А на другой день опять съ дуракомъ исторія: у повара пѣтуха отнялъ. Несъ поваръ подъ мышкой пѣтуха на кухню, а дуракъ ему на встрѣчу: „куда, Кузьма, пѣтушка несешь?“ — „Извѣстно, молъ, на кухню да въ супъ“... Какъ кинется на него дуракъ! Не успѣлъ Кузьма опомниться—смотритъ, а пѣтухъ ужъ на заборъ взлетѣлъ и крыльями хлопаетъ!

Толковалъ-толковалъ ему папочка: „пѣтухъ не твой, какъ же ты смѣлъ его у повара отнимать?“ А онъ въ отвѣтъ одно твердитъ: „знаю я, что пѣтухъ не мой, да и не поваровъ онъ, а свой собственный“...

Какъ ни любили дурака всѣ домочадцы за его ласковость и тихость, но съ теченіемъ времени онъ всѣхъ поступками своими допялъ. Ѣсть ему захочется—нѣтъ чтобы мамочку попросить: позвольте, молъ, милый другъ маменька, въ буфетѣ пирожокъ взять—самъ пойдетъ,

и въ буфетѣ, и въ кухнѣ перешаритъ, и что попадется подъ руку, такъ, безъ спросу и съѣстъ. Захочется погулять—возьметъ картузъ, такъ, безъ спросу и уйдетъ. Разъ нищій подъ окномъ остановился, а у мамочки, какъ на грѣхъ, въ ту пору трехрублевенькая бумажка на столѣ лежала—онъ взялъ да *всѣ* три рублика нищему въ суму и ухнулъ!

— Батюшки! да изъ него Картушъ выйдетъ! — не взвидѣла свѣта мамочка.

— И непремѣнно выйдетъ,—отозвался папочка:—хуже выйдетъ, ежели ты, вмѣсто того, чтобы сѣчь, лясы съ нимъ точить будешь!

Дѣлать нечего, высѣкла дурака и мамочка. Но высѣкла, надо прямо сказать, чуть-чуть, только чтобы наука была. А онъ всталъ, сердечный, весь заплаканный, и обнялъ мамочку.

— Ахъ, мамочка, мамочка! бѣдненькая ты моя мамочка!

И сдѣлалось мамочкѣ вдругъ такъ стыдно, такъ стыдно, что она и сама заплакала.

— Дурачокъ ты мой ненаглядный! вотъ кабы насъ Богъ съ тобой вмѣстѣ къ себѣ взялъ!

Наконецъ однако онъ и себя, и мамочку едва не погубилъ. Гуляли они однажды всей семьей по набережной рѣки. Папочка мамочку подъ ручку велъ, а онъ впереди развѣдчика изъ себя изображалъ. Будто бы они источники Нигера открывать собирались, такъ онъ посланъ впередъ разузнать, не угрожаетъ ли откуда опасность. Вдругъ слышатъ стоны; взглянули на рѣку, а тамъ чей-то мальчишечка въ водѣ барахтается! Не успѣли опомниться—анъ дуракъ ужъ въ рѣку бухнулъ, а за дуракомъ мамочка, какъ была въ кринолинѣ, такъ и очутилась въ водѣ. А за мамочкой—пара городовыхъ въ амуниціи. А папочка стоитъ у рѣшетки да руками, словно птица крыльями, машетъ: „моихъ-то спасайте! моихъ!“ Наконецъ городовые всѣхъ троихъ изъ воды вытащили. Мамочка-то однимъ страхомъ поплатилась, а дуракъ цѣлый мѣсяцъ въ горячкѣ вылежалъ. Понялъ ли онъ, что поступилъ по-дурацки, или сдѣлалось ему мамочку жалко, только какъ пришелъ онъ въ себя, да увидѣлъ, что мамочка, худенькая да блѣдненькая, въ головахъ у него сидитъ,—такъ и залился слезами! Только и твердитъ: „мамочка! мамочка! мамочка! зачѣмъ насъ Богъ къ себѣ не взялъ?“

А папочка тутъ же стоялъ и все надѣялся, что дуракъ хоть на

этотъ разъ скажетъ: „простите, милый папочка, я впередъ не буду!“ —Однако онъ такъ-таки и не сказалъ.

Послѣ этого случая папочка съ мамочкой серьезно совѣщались: какъ съ дуракомъ быть? Ходили, обнявшись, по залѣ, со всѣхъ сторонъ предметъ разсматривали и долго ни на чемъ не могли сойтись.

Дѣло въ томъ, что папочка былъ человѣкъ справедливый. И дома, и въ гостяхъ, и на улицѣ онъ только объ одномъ твердилъ: „всуе законы писать, ежели ихъ не исполнять“. У него даже и наружность такая уморительная была, какъ будто онъ въ одной рукѣ вѣсы держитъ, а другою—то золотникъ въ чашечку поступковъ подбавитъ, то полъ-золотника въ чашечку возмездій подкинетъ. Поэтому и принимая во вниманіе все вышеизложенное, онъ требовалъ, чтобы съ Иванушкой было поступлено по всей строгости домашняго кодекса.

— Преступилъ онъ—слѣдовательно и соотвѣтствующее возмездіе понести долженъ. Вотъ, смотри!

И онъ показалъ мамочкѣ табличку, въ которой было изображено:

Названіе проступка:	Число ударовъ розгою:	
	отъ	до
Отступленіе отъ правилъ субординаціи.	5	7

Но мамочка была мамочка—только и всего. Справедливости она не отрицала, но понимала ее въ какомъ-то первобытномъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это слово простой народъ, говоря о „справедливомъ“ человѣкѣ. Безъ возмездій, а въ родѣ какъ бы отпущенія. И какъ ни мало она была въ юридическомъ отношеніи развита, однако въ одну минуту папочку осрамила.

— За что жъ мы наказывать его будемъ?—сказала она: —за то, что онъ утопающаго спасти хотѣлъ? Опомнись!

Тѣмъ не менѣе папочка настоялъ-таки, что дома держать дурака невозможно, а надо отдать его въ „заведеніе“.

Регулярно-спокойный обиходъ заведенія на первыхъ порахъ отразился на дуракѣ довольно выгодно. Ничто не бередило его воспріимчивости, не пробуждало въ немъ внезапныхъ движеній души. Въ первые годы даже ученія настоящаго не было, а только усвоивался учебный матеріалъ. Не встрѣчалось также рѣзкой разницы и въ товарищеской средѣ, — такой разницы, которая вызывала бы потребность

утѣшить, помочь. Все шло тѣмъ среднимъ ходомъ, который успѣхъ ученія ставилъ главнымъ образомъ въ зависимость отъ памяти. А такъ какъ память у Иванушки была превосходная, да и сердце, къ тому же, было золотое, то чуть-чуть Иванушка и вправду изъ дурака не сдѣлался умницей.

— Говорилъ я тебѣ?—торжествовалъ папочка.

— Ну-ну, не сердись!—отвѣчала мамочка, какъ бы винясь, что она черезъ-чуръ поторопилась папочку осрамить.

Но по мѣрѣ того какъ объемъ предлагаемаго знанія увеличивался, дѣло Иванушки усложнялось. Большинства наукъ онъ совсѣмъ не понималъ. Не понималъ исторіи, юриспруденціи, науки о накопленіи и распредѣленіи богатствъ. Не потому чтобы не хотѣлъ понимать, а во истину не понималъ. И на всѣ усовѣщеванія учителей и наставниковъ отвѣчалъ одно: „не можетъ этого быть!“

Только тогда настоящимъ образомъ узнали, что онъ несомнѣнный и круглый дуракъ. Такой дуракъ, которому могутъ быть доступны только склады науки, а самая наука—никогда. Природа поступаетъ по временамъ жестоко: раскроетъ способности человѣка только въ мѣру пониманія азбучнаго матеріала, а какъ только дойдетъ очередь, чтобы изъ матеріала дѣлать выводы—законопатитъ, и конецъ.

Снова сконфузился папочка и сталъ мамочку упрекать, что Иванушка въ нее уродился. Но мамочка ужъ не слушала попрековъ а только глазъ не осушала, плакала. Неужто Иванушка такъ-таки на вѣкъ дуракомъ и останется?

— Да ты хоть притворись, что понимаешь!—уговаривала она Иванушку:—принудь себя, хоть немножко пойми, ну, дай, я тебѣ покажу!

Раскроетъ мамочка книжку, прочтетъ: „§ *о порядкѣ наслѣдованія по закону единоутробныхъ*“ — и ничего-таки не понимаетъ! Плачутъ оба: и дуракъ, и мамочка. А папочка между тѣмъ такъ и рѣжетъ: „*Единоутробныхъ*, прежде всего, необходимо отличать: во первыхъ, отъ *единокровныхъ*; во-вторыхъ, отъ тѣхъ, кои, будучи единоутробными, суть въ то-же время и единокровные, и, въ-третьихъ, отъ *червонныхъ валетовъ*“...

— Вотъ папенька-то какъ хорошо знаетъ! — удивлялась мамочка, заливаясь слезами.

Видя материнскія слезы, дуракъ напрягалъ нерѣдко всѣ свои

усилія. Уйдетъ во время рекреацій въ классъ, сядетъ за тетрадку, заложитъ пальцами уши и начнетъ долбить. Выдолбитъ и такъ отлично скажетъ урокъ, словно на бобахъ разведетъ... И вдругъ что-нибудь такое насчетъ Александра Македонскаго [illegible], что у учителя на плѣшивой головѣ остальные три волоса дыбомъ встанутъ.

— Садитесь!—молвитъ учитель:—печальная вамъ въ будущемъ участь предстоитъ! Никогда вы государственнымъ человѣкомъ не сдѣлаетесь. Благодарите Бога, что онъ далъ вамъ родителей, которые ни въ чемъ не замѣчены. Потому что еслибъ не это... Садитесь! и если можете, то старайтесь не огорчать вашихъ наставниковъ возмутительными выходками!

И точно: только благодаря родительскому благонравію, дурака изъ класса въ классъ переводили, а наконецъ и изъ заведенія съ чиномъ выпустили. Но когда онъ домой съ аттестатомъ явился, то мамочка, какъ взглянула, что̀ тамъ написано, такъ и залилась слезами. А папочка сурово спросилъ:

— Что ты, безчувственный идолъ, набѣдокурилъ?

— Я, папочка, такъ себѣ,—это, должно быть, такое правило въ заведеніи...

Даже не объяснился порядкомъ; увидалъ на улицѣ Лёвку и убѣжалъ.

Лёвку онъ полюбилъ пуще прежняго, потому что бѣдный дуракъ еще жальче сталъ. Какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, онъ ходилъ босой, худой, держа руки граблями, — но весь обросъ волосами и вытянулся въ коломенскую версту. Милитриса Кирбитьевна давно отъ него отказалась; не кормила его и почти совсѣмъ не одѣвала. Поэтому онъ былъ всегда голоденъ, и еслибъ не сердобольныя торговки-калашницы, то давно бы съ голоду померъ! Но больше всего онъ страдалъ отъ уличныхъ мальчишекъ. Отдыху они ему не давали: дразнились, науськивали на него собакъ, щипали за икры, теребили на немъ рубашку. Цѣлый день раздавался на улицѣ его вой, сопровождаемый неистовымъ дурацкимъ щелканьемъ. Онъ выл̀ъ отъ боли, но не понималъ, откуда эта боль идетъ.

Дуракъ защитилъ Лёвку, обогрѣлъ, накормилъ и одѣлъ. Все, что̀ для Лёвки было нужно, Иванушка бралъ безъ спроса; а ежели не зналъ, гдѣ найти, то требовалъ такимъ тономъ, какъ будто самое представленіе объ отказѣ ему было совершенно чуждо. Только у

дураковъ бываетъ такая убѣжденность въ голосѣ, такая непререкаемость во взорахъ. Никого и ничего онъ не боялся, ни къ чему не питалъ отвращенія и совсѣмъ не имѣлъ понятія объ опасности. Завидѣвъ исправника, онъ не перебѣгалъ на другую сторону улицы, но шелъ прямо на встрѣчу, точно ни въ чемъ не былъ виноватъ. Случится въ городѣ пожаръ — онъ первый идетъ въ огонь; услышитъ ли, что гдѣ-нибудь есть трудный больной—онъ бѣжитъ туда, садится къ изголовью больного и прислуживаетъ. И умныя слова у него въ такихъ случаяхъ оказывались, словно онъ и не дуракъ. Одно только тяжелымъ камнемъ лежало на его сердцѣ: мамочка безсонныя ночи проводила, пока онъ дурачество свое ублажалъ. Но было въ его судьбѣ нѣчто непреодолимое, что̀ фаталистически влекло его къ самоуничиженію и самопожертвованію, и онъ инстинктивно повиновался этому указанію, не справляясь объ ожидаемыхъ послѣдствіяхъ и не допуская сдѣлокъ даже въ пользу кровныхъ узъ.

Не разъ родители задумывались, какимъ бы образомъ дурака пристроить, чтобы онъ хоть мало-мальски на человѣка похожъ былъ. Опредѣлилъ-было папочка его на службу чѣмъ-то въ родѣ попечителя мѣстнаго училища (безъ жалованья, дескать, и дуракъ сойдетъ, а съ жалованьемъ — даже навѣрное!); но дуракъ сразу такую ахинею понесъ, что исправникъ, только во вниманіе къ испытанному благонравію родителей, согласился это дѣло замять. Тогда мамочка напала на мысль—женить дурака; можетъ быть, Богъ узы ему разрѣшитъ. Подыскали невѣсту, молодую купеческую вдову Подвохину. Невѣста изъ себя писаная краля была и въ гостиномъ дворѣ двѣ лавки имѣла. Вдовѣла она безупречно, товаръ держала всегда первѣйшаго качества и дѣла свои по торговлѣ вела умѣло и самостоятельно. Словомъ сказать, лучше партіи и желать не надо. Дуракъ, въ свою очередь, тоже понравился невѣстѣ: внѣшность у него была приличная, поведеніе — кроткое. Даже ума въ немъ она не отрицала, какъ другіе, но только находила, что нужно этотъ умъ развязать. И вполнѣ на себя надѣялась, что успѣетъ въ этомъ.

Но у дурака всѣ вообще инстинкты до такой степени глубоко сидѣли, что даже эта жалостливая и скромная женщина удивилась. Ни разу онъ не дрогнулъ отъ прикосновенія къ ней, ни разу не смутился, не почувствовалъ ни одной изъ тѣхъ неловкостей, къ которымъ съ такимъ сердечнымъ жалѣніемъ относятся женщины, инстинк-

тивно угадывая въ нихъ первыя, сладостнѣйшія трепетанія любви. Придетъ дуракъ, отобѣдаетъ, чаю напьется, и повидимому совсѣмъ не понимаетъ, почему онъ находится у Подвохиной, а не дома.

— Какъ это вамъ не скучно: ничего вы не понимаете? — спроситъ его красавица-вдова.

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ очень скучно! Говорятъ, будто оттого, что занятія у меня никакого нѣтъ.

— Такъ вы займитесь... полюбите кого-нибудь!

— Помилуйте! какъ же возможно не любить? всѣхъ любить надо. Счастливыхъ—за то, что они съумѣли себя счастливыми сдѣлать, несчастныхъ—за то, что у нихъ радостей нѣтъ.

Такъ это сватовство и не состоялось. Потужила вдова Подвохина и даже пообѣщала годокъ подождать, но мѣсяцъ-другой потерпѣла, да въ рождественскій мясоѣдъ и вышла замужъ за городского голову Лиходѣева. Теперь у нихъ ужъ четыре лавки въ гостиномъ дворѣ; по буднямъ они во всѣхъ четырехъ лавкахъ торгъ ведутъ: она — по галантерейной части, онъ — по бакалейной; а по праздникамъ—исправника и прочихъ властей пирогомъ угощаютъ.

А дуракъ засѣлъ дома на родительской шеѣ и ухомъ не ведетъ. На пожары бѣгаетъ, больныхъ выхаживаетъ, нищихъ цѣлыми табунами домой приводитъ.

— Хоть бы Господь его прибралъ! — шепчетъ папочка потихоньку, чтобъ мамочка не слыхала.

А мамочка все молится, на милость Божью надѣется. Просвѣтитъ Господь разумъ Иванушкинъ пониманіемъ, направитъ стопы его по стезѣ господина исправника, его помощника и непремѣннаго засѣдателя! Долженъ же онъ какую-нибудь должность по службѣ получить! не можетъ быть, чтобъ для всѣхъ было дѣло, и только для него одного—ничего.

Только одинъ человѣкъ на дурака инымъ глазами взглянулъ, да и тотъ былъ случайный проѣзжій. Ѣхалъ онъ мимо города и завернулъ къ папочкѣ, съ которымъ онъ старинный-старинный пріятель былъ. Пошли сказы да разсказы; помянули старину, объ увлеченіяхъ молодости до-сыта наговорились, а между прочимъ и настоящаго коснулись. Папочка двери на всякій случай притворилъ, и оба, что было на душѣ, все выложили. Объяснились. Не сказали, а подумали: „такъ вотъ, братъ, ты кто!“ Разумѣется, не обошлось безъ жалобъ

и на дурака; а такъ какъ съ нимъ уже не чинились, то такъ-таки, въ его присутствіи, прямо „дуракомъ“ его и чествовали. Заинтересовался проѣзжій разсказами о дуракѣ, остался ночевать у стараго пріятеля, а на другой день и говоритъ:

— Совсѣмъ онъ не дуракъ, а только подлыхъ мыслей у него нѣтъ, — отъ этого онъ и къ жизни приспособиться не можетъ. Бываютъ и другіе, которые отъ подлыхъ мыслей постепенно освобождаются, но процессъ этого освобожденія стоитъ большихъ усилій и нерѣдко имѣетъ въ результатѣ тяжелый нравственный кризисъ. Для него же и усилій никакихъ не требовалось, потому что такихъ поръ въ его организмѣ не существовало, черезъ которыя подлая мысль заползти бы могла. Сама природа ему это дала. А впрочемъ несомнѣнно, что настанетъ минута, когда наплывъ жизни силою своего гнета заставитъ его выбирать между дурачествомъ и подлостью. Тогда онъ *поймет*ъ. Только не совѣтовалъ бы я вамъ торопить эту минуту, потому что какъ только она пробьетъ — не будетъ на свѣтѣ другого такого несчастнаго человѣка, какъ онъ. Но и тогда — я въ этомъ убѣжденъ — онъ предпочтетъ остаться дуракомъ.

Сказалъ это проѣзжій и прослѣдовалъ изъ города дальше. А папочка между тѣмъ задумался. Началъ всю свою жизнь перебирать, припоминая, какія у него подлыя мысли бывали и какимъ манеромъ онъ освобождался отъ нихъ? И, разумѣется, какъ ни строго себя экзаменовалъ, но вышелъ изъ испытанія съ честью. Никогда у него подлыхъ мыслей не бывало, а слѣдовательно и освобождаться отъ нихъ онъ надобности не ощущалъ. Отчего же однако онъ не дуракъ?

Наконецъ порѣшилъ на томъ, что у стараго друга умъ за разумъ зашелъ. „Сидятъ они тамъ, въ петербургскихъ мурьяхъ, да развиваются. Разовьются, да и завруться. А мы вотъ засѣли по Пошехоньямъ: не развиваемся, да за то и не завираемся — такъ-то прочнѣе. И вретъ онъ все: никакого дара природы въ дурачествѣ нѣтъ, и ежели, по милости Божіей, мой дуракъ когда-нибудь умницей сдѣлается, то навѣрное несчастнымъ оттого не будетъ, а поступитъ на службу, да и начнетъ жить да поживать, какъ и прочіе всѣ“.

Порѣшивши такимъ родомъ, сталъ ждать: вотъ-вотъ Иванушка просіяетъ, и его, не въ примѣръ другимъ, на чреду служенія призовутъ. Анъ, вмѣсто того, въ одно прекрасное утро ему объявили, что дуракъ совсѣмъ изъ дома исчезъ.

. . . . . .

Прошли годы; старики-родители очи выплакали. Не было той минуты, въ которую бы они не ждали; не было той мысли, которая бы, прямо или косвенно, не относилась къ исчезнувшему дураку. Все перезабыли старики, только объ одномъ помнили: гдѣ онъ теперь? сытъ ли? одѣтъ ли? много ли дураку нужно, чтобъ погибнуть! Не дай Богъ врагу испытывать эту пытку родительскаго сердца, которое всѣ вины на себя беретъ, всѣми дѣтскими стонами, въ тысячекратно-раздающемся эхѣ, раздирается!

Однако дуракъ воротился. Внезапно, точно такъ же, какъ и исчезъ. Но отъ прежняго цвѣтущаго здоровьемъ дурака не осталось и слѣдовъ. Онъ былъ блѣденъ, худъ и измученъ. Гдѣ онъ скитался? что́ видѣлъ? понялъ или не понялъ? — никто ничего дознаться отъ него не могъ. Пришелъ онъ домой и замолчалъ.

Во всякомъ случаѣ проѣзжій былъ правъ: такъ до смерти и осталась при немъ кличка: *дуракъ*.

12.—Сосѣди.

Въ нѣкоторомъ селѣ жили два сосѣда: Иванъ Богатый да Иванъ Бѣдный. Богатаго величали „сударемъ“ и „Семенычемъ“, а бѣднаго — просто Иваномъ, а иногда и Ивашкой. Оба были хорошіе люди, а Иванъ Богатый—даже отличный. Какъ есть во всей формѣ филантропъ. Самъ цѣнностей не производилъ, но о распредѣленіи богатствъ очень благородно мыслилъ. „Это, говоритъ, съ моей стороны лепта. Другой, говоритъ, и цѣнностей не производитъ, да и мыслитъ неблагородно — это ужъ свинство. А я еще ничего“. А Иванъ Бѣдный о распредѣленіи богатствъ совсѣмъ не мыслилъ (недосужно ему было), но взамѣнъ того производилъ цѣнности. И тоже говорилъ: „это съ моей стороны лепта“.

Сойдутся они вечеромъ подъ праздникъ, когда и бѣднымъ, и богатымъ — всѣмъ досужно, сядутъ на лавочку передъ хоромами Ивана Богатаго и начнутъ калякать.

— У тебя завтра съ чѣмъ щи?—спроситъ Иванъ Богатый.

— Съ пустомъ,—отвѣтитъ Иванъ Бѣдный.

— А у меня съ убоиной.

Зѣвнетъ Иванъ Богатый, ротъ перекреститъ, взглянетъ на Бѣднаго Ивана, и жаль ему станетъ.

— Чудно на свѣтѣ дѣется,—молвитъ онъ:—который человѣкъ постоянно въ трудахъ находится, у того по праздникамъ пустыя щи на столѣ, а который при полезномъ досугѣ состоитъ — у того и въ будни щи съ убоиной. Съ чего бы это?

— И я давно думаю: съ чего бы это? да недосугъ раздумывать-то мнѣ. Только начну думать, анъ въ лѣсъ за дровами ѣхать надобно; привезъ дровъ—смотришь, навозъ возить или съ сохой выѣзжать пора пришла. Такъ между дѣломъ мысли-то и уходятъ.

— Надо бы однако намъ это дѣло разсудить.

— И я говорю: надо бы.

Зѣвнетъ и Иванъ Бѣдный съ своей стороны, перекреститъ ротъ, пойдетъ спать, и во снѣ завтрашнія пустыя щи видитъ. А на другой день проснется—смотритъ, Иванъ Богатый сюрпризъ ему приготовилъ: убоины, ради праздника, во щи прислалъ.

Въ слѣдующій предпраздничный канунъ опять сойдутся сосѣди и опять за старую матерію примутся.

— Вѣришь ли, — молвитъ Иванъ Богатый: — и на яву, и во снѣ только одно я и вижу: сколь много ты противъ меня обиженъ!

— И на этомъ спасибо,—отвѣтилъ Иванъ Бѣдный.

— Хоть и я благородными мыслями немалую пользу обществу приношу, однако вѣдь ты... не выйди-ка ты во-время съ сохой — пожалуй, и безъ хлѣба пришлось бы насидѣться. Такъ ли я говорю?

— Это такъ точно. Только не выѣхать-то мнѣ нельзя, потому что въ этомъ случаѣ я первый съ голоду пропаду.

— Правда твоя: хитро эта механика устроена. Однако ты не думай, что я ее одобряю, — ни Боже мой! Я только объ одномъ и тужу: Господи! какъ бы такъ сдѣлать, чтобы Ивану Бѣдному хорошо было?! Чтобы и я—свою порцію, и онъ—свою порцію.

— И на этомъ, сударь, спасибо, что безпокоитесь. Это дѣйствительно, что кабы не добродѣтель ваша—сидѣть бы мнѣ праздникъ на тюрѣ на одной...

— Что ты! что ты! развѣ я объ томъ! Ты объ этомъ забудь, а я вотъ объ чемъ. Сколько разъ я рѣшался: пойду, молъ, и отдамъ

полъ-имѣнія нищимъ! И отдавалъ. И что же! Сегодня я отдалъ полъ-имѣнія, а на завтра проснусь—у меня, вмѣсто убылой-то половины, цѣлыхъ три четверти опять объявилось.

— Значитъ, съ процентомъ...

— Ничего, братецъ, не подѣлаешь. Я — отъ денегъ, а деньги ко мнѣ. Я бѣдному пригоршню, а мнѣ, вмѣсто одной-то, невѣдомо откуда, двѣ. Вотъ вѣдь чудо какое!

Наговорятся и начнутъ позѣвывать. А между разговоромъ Иванъ Богатый все-таки думу думаетъ: что бы такое сдѣлать, чтобы завтра у Ивана Бѣднаго щи съ убоиной были? Думаетъ-думаетъ, да и выдумаетъ.

— Слушай-ка, миляга!—скажетъ:—теперь ужъ недолго и до ночи осталось, сходи-ка ко мнѣ въ огородъ грядку вскопать. Ты шутя часокъ лопатой поковыряешь, а я тебя, по силѣ возможности, награжу,—словно бы ты и взаправду работалъ.

И дѣйствительно, поиграетъ лопатой Иванъ Бѣдный часокъ-другой, а завтра онъ съ праздникомъ, словно бы и „взаправду поработалъ“.

Долго ли, коротко ли сосѣди такимъ манеромъ калякали, только подъ-конецъ такъ у Ивана Богатаго сердце раскипѣлось, что и взаправду невтерпёжъ ему стало.—Пойду,—говоритъ,—къ самому Набольшему, паду передъ нимъ и скажу: „Ты у насъ Око Царево! ты здѣсь рѣшишь и вяжешь, караешь и милуешь! повели насъ съ Иваномъ Бѣднымъ въ одну версту поверстать. Чтобы съ него рекрутъ —и съ меня рекрутъ, съ него подвода —и съ меня подвода, съ его десятины грошъ — и съ моей десятины грошъ. А души чтобы и его, и моя отъ акциза одинаково свободны были!“

И какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Пришелъ къ Набольшему, палъ передъ нимъ и объяснилъ свое горе. И Набольшій за это Ивана Богатаго похвалилъ. Сказалъ ему: „Исполать тебѣ, добру молодцу, за то, что сосѣда своего, Ивашку Бѣднаго, не забываешь. Нѣтъ для начальства пріятнѣе, какъ ежели государевы подданные въ добромъ согласіи и во взаимномъ радѣніи живутъ, и нѣтъ того зла злѣе, какъ ежели они въ сварѣ, въ ненависти и въ доносахъ другъ на дружку время проводятъ!“ Сказалъ это Набольшій и, на свой страхъ, повелѣлъ своимъ помощникамъ, чтобы въ видѣ опыта обоимъ Иванамъ судъ равный былъ, и дани равныя, а того бы, какъ прежде было:

одинъ тяготы несетъ, а другой пѣсенки поетъ — впредь чтобы не было.

Воротился Иванъ Богатый въ свое село, земли подъ собою отъ радости не слышитъ.

— Вотъ, другъ сердешный,—говоритъ онъ Ивану Бѣдному:— своротилъ я, по милости начальнической, съ души моей камень тяжелый! Теперь ужъ мнѣ супротивъ тебя, въ видѣ опыта, никакой вольготы не будетъ. Съ тебя рекрутъ—и съ меня рекрутъ, съ тебя подвода—и съ меня подвода, съ твоей десятины грошъ—и съ моей грошъ. Не успѣешь и ты оглянуться, какъ у тебя отъ одной этой поровёнки во щахъ ежедѣнь убоина будетъ!

Сказалъ это Иванъ Богатый, а самъ, въ надеждѣ славы и добра, уѣхалъ на теплыя воды, гдѣ года два сряду и находился при полезномъ досугѣ.

Былъ въ Вестфаліи—ѣлъ вестфальскую ветчину; былъ въ Страсбургѣ—ѣлъ страсбургскіе пироги; въ Бордо былъ—пилъ бордоское вино; наконецъ пріѣхалъ въ Парижъ—все вообще пилъ и ѣлъ. Словомъ сказать, такъ весело прожилъ, что насилу ноги унесъ. И все время объ Иванѣ Бѣдномъ думалъ: „то-то онъ теперь, послѣ поровёнки-то, за обѣ щеки уписываетъ!“

А Иванъ Бѣдный между тѣмъ въ трудахъ жилъ. Сегодня вспашетъ полосу, а завтра заборонуетъ; сегодня скоситъ осьминникъ, а завтра, коли Богъ вёдрушко дастъ, сѣно сушить принимается. Въ кабакъ и дорогу позабылъ, потому знаетъ, что кабакъ—это погибель его. И супруга его, Марья Ивановна, за-одно съ нимъ трудится: и жнетъ, и боронуетъ, и сѣно трясетъ, и дрова колетъ. И дѣтушки у нихъ подросли — и тѣ такъ и рвутся хоть съ эстолько поработать. Словомъ сказать, вся семья съ утра до ночи словно въ котлѣ кипитъ, и все-таки пустыя щи не сходятъ у нея со стола. А съ тѣхъ поръ какъ Иванъ Богатый изъ села уѣхалъ, такъ даже по праздникамъ сюрпризовъ Иванъ Бѣдный не видитъ.

— Незадача намъ, — говоритъ бѣдняга женѣ:—вотъ и сравняли меня, въ видѣ опыта, въ тягостяхъ съ Иваномъ Богатымъ, а мы все при прежнемъ интересѣ находимся. Живемъ богато, со двора покато; чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись.

Такъ и ахнулъ Иванъ Богатый, какъ увидѣлъ сосѣда въ прежней бѣдности. Признаться сказать, первою его мыслью было, что

Ивашка въ кабакъ прибытки свои таскаетъ. „Неужели онъ такъ закоренѣлъ? неужели онъ неисправимъ?“—восклицалъ онъ въ глубокомъ огорченіи. Однако Ивану Бѣдному не стоило никакого труда доказать, что у него не только на вино, но и на [illegible] всегда прибытковъ достаточно. А что онъ не мотъ, не расточитель, а хозяинъ радѣтельный, такъ и тому доказательства были на-лицо. Показалъ Иванъ Бѣдный свой хозяйственный инвентарь, и все оказалось въ цѣлости, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было до отъѣзда богатаго сосѣда на теплыя воды. Лошадь гнѣдая покалѣченная—1; корова бурая, съ подпалиной—1; овца—1; телѣга, соха, борона. Даже старыя дровнишки—и тѣ прислонены къ забору стоятъ, хотя по лѣтнему времени надобности въ нихъ нѣтъ, и стало-быть можно было бы безъ ущерба для хозяйства ихъ въ кабакѣ заложить. Затѣмъ осмотрѣли и избу—и тамъ все на-лицо, только съ крыши мѣстами солома повыдергана; но и это произошло оттого, что позапрошлой весной кормовъ недостало, такъ изъ прѣлой соломы рѣзку для скота готовили.

Словомъ сказать, не оказалось ни единаго факта, который обвинялъ бы Ивана Бѣднаго въ развратѣ или въ мотовствѣ. Это былъ коренной задавленный русскій мужикъ, который напрягалъ всѣ усилія, чтобы осуществить все свое право на жизнь, но по какому-то горькому недоразумѣнію осуществлялъ его лишь въ самой недостаточной степени.

— Господи! да съ чего жъ это?—тужилъ Иванъ Богатый: — вотъ и поровняли насъ съ тобой, и права у насъ одни, и дани разныя платимъ, и все-таки пользы для тебя не предвидится — съ чего бы?

— Я и самъ думаю: съ чего бы? — уныло откликнулся Иванъ Бѣдный.

Сталъ Иванъ Богатый умомъ раскидывать, и, разумѣется, нашелъ причину. Оттого, молъ, такъ выходитъ, что у насъ нѣтъ ни общественнаго, ни частнаго почина. Общество—равнодушное; частные люди — всякій о себѣ промышляетъ; правители же хоть и напрягаютъ силы, но вотще. Стало быть, прежде всего надо общество подбодрить.

Сказано—сдѣлано. Собралъ Иванъ Семенычъ Богатый на селѣ сходку, и въ присутствіи всѣхъ домохозяевъ произнесъ блестящую

рѣчь о пользѣ общественнаго и частнаго почина... Говорилъ пространно, разсыпчато и вразумительно, словно бисеръ передъ свиньями металъ; доказывалъ примѣрами, что только тѣ общества представляютъ залогъ преуспѣянія и живучести, кои сами о себѣ промыслить умѣютъ; тѣ же, кои предоставляютъ событіямъ совершаться помимо общественнаго участія, тѣ сами себя зараньше обрекаютъ на постепенное вымираніе и конечную погибель. Словомъ сказать, все, что̀ въ Азбукѣ-Копѣйкѣ вычиталъ, все такъ и выложилъ передъ слушателями.

Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія. Посадскіе люди не только прозрѣли, но и провинились самосознаніемъ. Никогда не испытывали они такого горячаго наплыва разнообразнѣйшихъ ощущеній. Казалось, къ нимъ внезапно подкралась давно желанная, но почему-то и гдѣ-то задерживавшаяся жизненная волна, которая высоко-высоко подняла на себѣ этотъ темный людъ. Толпа ликовала, наслаждаясь своимъ прозрѣніемъ; Ивана Богатаго чествовали, называли героемъ. И въ заключеніе единогласно постановили приговоръ: 1) кабакъ закрыть навсегда; 2) положить основаніе самопомощи, учредивъ Общество Доброхотной Копѣйки.

Въ тотъ же день, по числу приписанныхъ къ селу душъ, въ кассу общества поступило двѣ тысячи двадцать-три копѣйки, а Иванъ Богатый, сверхъ того, пожертвовалъ непмущимъ сто экземпляровъ Азбуки-Копѣйки, сказавъ: „Читайте, други! тутъ все есть, что̀ для васъ нужно!“

Опять уѣхалъ Иванъ Богатый на теплыя воды, и опять остался Иванъ Бѣдный при полезныхъ трудахъ, которые на сей разъ, благодаря новымъ условіямъ самопомощи и содѣйствію Азбуки-Копѣйки, несомнѣнно должны были принести плодъ сторицею.

Прошелъ годъ, прошелъ другой. Ѣлъ ли въ теченіе этого времени Иванъ Богатый въ Вестфаліи вестфальскую ветчину, а въ Страсбургѣ страсбургскіе пироги — достовѣрно сказать не умѣю. Но знаю, что когда онъ, по окончаніи срока, воротился домой, то въ полномъ смыслѣ слова обомлѣлъ.

Иванъ Бѣдный сидѣлъ въ развалившейся лачугѣ, худой, отощалый; на столѣ стояла чашка съ тюрей, въ которую Марья Ивановна, по случаю праздника, подлила, для запаха, ложку коноплянаго масла. Дѣтушки обсѣли кругомъ стола и торопились ѣсть, какъ бы опасаясь, чтобъ не пришелъ чужакъ и не потребовалъ сиротской доли.

— Съ чего бы это? — съ горечью, почти съ безнадежностью воскликнулъ Иванъ Богатый.

— И я говорю: съ чего бы это? — по привычкѣ отозвался Иванъ Бѣдный.

Опять начались предпраздничныя сосѣдованія на лавочкѣ передъ хоромами Ивана Богатаго; но какъ ни всесторонне разсматривали собесѣдники удручавшій ихъ вопросъ, ничего изъ этихъ разсмотрѣній не вышло. Думалъ-было сначала Иванъ Богатый, что оттого это происходитъ, что не дозрѣли мы; но, разсудивъ, убѣдился, что ѣсть пирогъ съ начинкой — вовсе не такая трудная наука, чтобъ для нея былъ необходимъ аттестатъ зрѣлости. Попробовалъ-было онъ поглубже копнуть, но съ перваго же аѳуга такія пугала изъ глубины повыскакали, что онъ сейчасъ же далъ себѣ зарокъ — никогда ни до чего не докапываться. Наконецъ рѣшились на послѣднее средство: обратиться за разъясненіемъ къ мѣстному мудрецу и филоѳофу Ивану Простофилѣ.

Простофиля былъ коренной сельчанинъ, колченогій горбунъ, который по случаю убожества цѣнностей не производилъ, а питался тѣмъ, что круглый годъ въ кусочки ходилъ. Но въ селѣ про него говорили, что онъ уменъ какъ попъ Семенъ, и онъ вполнѣ оправдывалъ эту репутацію. Никто лучше его не умѣлъ на бобахъ развести и чудеса въ рѣшетѣ показать. Посулитъ Простофиля краснаго пѣтуха — глядь, анъ пѣтухъ ужъ гдѣ-нибудь на крышѣ крыльями хлопаетъ; посулитъ градъ съ голубиное яйцо — глядь, анъ отъ града съ поля ужъ ополоумѣвшее стадо бѣжитъ. Всѣ его боялись; а когда подъ окномъ раздавался стукъ его нищенской клюки, то хозяйка-стряпуха торопилась какъ можно скорѣе подать ему лучшій кусокъ.

И на этотъ разъ Простофиля вполнѣ оправдалъ свою репутацію прозорливца. Какъ только Иванъ Богатый изложилъ предъ нимъ обстоятельства дѣла и затѣмъ предложилъ вопросъ: съ чего бы? — Простофиля тотчасъ же, нимало не задумываясь, отвѣтилъ:

— Оттого, что въ плантý такъ значится.

Иванъ Бѣдный повидимому сразу понялъ Простофилину рѣчь и безнадежно покачалъ головой. Но Богатый Иванъ рѣшительно недоумѣвалъ.

— Плантъ такой есть, — пояснилъ Простофиля, отчетливо произнося каждое слово и какъ бы наслаждаясь собственнымъ прозор-

ливствомъ:—и въ ономъ планту значится: живетъ Иванъ Бѣдный на распутіи, а жилище у него не то изба, не то рѣшето дырявое. Вотъ богачество-то и течетъ все мимо да скрозь, потому задержки себѣ не видитъ. А ты, Богатый Иванъ, живешь у самаго стёка, куда со всѣхъ сторонъ ручьи бѣгутъ. Хоромы у тебя просторныя, справныя, частоколы кругомъ выведены крѣпкіе. Притекутъ къ твоему жительству ручьи съ богачествомъ — тутъ и застрянутъ. И ежели ты, къ примѣру, вчера полъ-имѣнія роздалъ, то сегодня къ тебѣ на смѣну цѣлыхъ три четверти привалило. Ты — отъ денегъ, а деньги — къ тебѣ. Подъ какой кустъ ты ни заглянешь, вездѣ богачество лежитъ. Вотъ онъ каковъ, этотъ плантъ. И сколько вы промежъ себя ни калякайте, сколько ни раскидывайте умомъ—ничего не выдумаете, покуда въ ономъ планту такъ значится.

13.—Здравомысленный заяцъ.

Хоть и обыкновенный это былъ заяцъ, а преумный. И такъ здраво разсуждалъ, что и ослу впору. Притаится подъ кустомъ, чтобъ не видать его было, и самъ съ собой разговариваетъ.

— Всякому, — говоритъ, — звѣрю свое житье предоставлено. Волку—волчье, льву—львиное, зайцу —заячье. Доволенъ ты или недоволенъ своимъ житьемъ, никто тебя не спрашиваетъ; живи, только и всего. Нашего брата, зайца, напримѣръ, всѣ ѣдятъ—кажется, имѣли бы мы основаніе на сіе претендовать?—Однако, ежели разсудить здраво, то едва-ли подобная претензія могла бы назваться правильною. Во-первыхъ, кто ѣстъ, тотъ знаетъ, зачѣмъ и почему ѣстъ; а во-вторыхъ, еслибы мы и правильно претендовали, отъ этого насъ ѣсть не перестанутъ. Сверхъ препорціи, все равно, не будутъ ѣсть, а сколько надо — непремѣнно съѣдятъ. Статистическія таблицы, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издаваемыя...

На этомъ заяцъ обыкновенно засыпалъ, потому что статистика имѣла свойство приводить его въ безпамятство. Но выспится и опять примется здраво разсуждать.

— Ѣдятъ насъ, ѣдятъ, а мы, зайцы, что годъ, то больше пло-

димся. Стало-быть, и намъ пальца въ ротъ не клади. И лѣтомъ, и зимой, посмотри на поляну – то-и-дѣло, что зайцы вдоль и поперекъ сигаютъ. Заберемся мы въ капустники или въ овсы, или около молодыхъ яблонь пристроимся—пожалуй, и отъ нашего брата солоно мужичку придется. Да, и за нами, за зайцами глазъ да глазъ нуженъ. Недаромъ статистическія таблицы, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издаваемыя...

Новый сонъ, новыя пробужденія, новыя здравыя мысли. Безъ конца заяцъ умную свою канитель разводилъ; и такъ прикинетъ, и этакъ смекнетъ—и все у него хорошо выходило. И что всего дороже—ни карьеры онъ при этомъ въ виду не имѣлъ, ни передъ начальствомъ оригинальностью взглядовъ блеснуть не разсчитывалъ (онъ зналъ, что начальство, не выслушавши его, съѣстъ), а просто-напросто самъ для себя любилъ солидно, по-заячьи, обо всемъ разсудить. Дескать,—

Неправо о вещахъ тѣхъ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ...

Вотъ, молъ, у насъ какъ!

Сидѣлъ онъ однажды такимъ манеромъ подъ кустикомъ, да и вздумалъ передъ зайчихой своей здравыми мыслями щегольнуть. Всталъ на заднія ножки, ушки на макушку взбодрилъ, передними лапками штуки-фигуры выдѣлываетъ, а языкомъ, слово за словомъ, точно горохъ, такъ и сыплетъ.

— Нѣтъ, — говоритъ: — мы, зайцы, даже очень хорошо прожить можемъ. Мы и свадьбы справляемъ, и хороводы водимъ, и пиво въ престольные праздники варимъ. Разставимъ верстъ на десять сторожей, да и горланимъ. А волкъ услышитъ, да и прибѣжитъ: „кто пѣсни пѣлъ?“... Ну, тутъ, натурально, кто куда поспѣлъ! Успѣлъ улепетнуть—въ другомъ мѣстѣ пиво вари; не успѣлъ—съѣстъ тебя волкъ, какъ пить дастъ! И ничего ты съ этимъ не подѣлаешь.— Зайчиха! правду ли я говорю?

— Коли не врешь, такъ правду говоришь,—отвѣтила зайчиха, которая уже за десятымъ мужемъ за этимъ зайцемъ была, и всѣ прежніе девятеро у нея на глазахъ напрасною смертью погибли.

— Подлый народъ эти волки—это правду надо сказать. Все у нихъ только разбой на умѣ!—продолжалъ заяцъ. -Сколько разъ я и говорилъ, и въ газетахъ писалъ: Господа волки! вмѣсто того чтобъ

зайца сразу рѣзать, вы бы только шкурку съ него содрали—онъ бы, спустя время, другую вамъ предоставилъ! Заяцъ, хошь онъ и плодущъ, однако ежели сегодня цѣлый косякъ вырѣзать, да завтра другой косякъ—глядь, анъ на базарѣ-то, вмѣсто двугривеннаго, заяцъ ужъ въ полтину вскочилъ! А кабы вы чередомъ пришли: господа, молъ, зайцы! не угодно ли на сегодняшнюю волчью трапезу столькото десятковъ штукъ предоставить?— Съ удовольствіемъ, господа волки! Эй, староста! гони очередныхъ! — И шло бы у насъ все по закону, какъ слѣдуетъ. И волки, и зайцы — всѣ бы въ надеждѣ были. И мы бы, и вы бы, и съ одной стороны, и съ другой стороны... ахъ, господа, господа!

Говорилъ, говорилъ заяцъ и чуть было совсѣмъ не зарапортовался, какъ вдругъ услышалъ, что неподалёчку, въ травѣ, что-то шуршитъ. Смотритъ, анъ зайчиха-то его давно стречка дала, а лиса-кляузница легла на брюхо да и ползетъ на него, словно поиграть съ заинькой собралась.

— Вонъ ты какой, заяцъ, умный!—первая заговорила лиса:— такъ ты сладко растабарываешь, что вѣкъ бы я тебя слушала, и все бы слушать хотѣлось!

Уменъ былъ заяцъ, а спервоначалу и онъ обомлѣлъ. Стоитъ на заднихъ лапкахъ какъ вкопанный, не то въ сторону глазами коситъ, куда бы стречка дать, не то обдумываетъ: вотъ оно когда пришлось съ здравой точки зрѣнія на свое положеніе взглянуть...

— Голодна, тетенька? — спросилъ онъ, стараясь какъ можно меньше робѣть.

— И! что ты! Господь съ тобой! да я пресытёхонька! развѣ потомъ что будетъ, а теперь — и Боже меня сохрани! Здравствуй, заинька, будь здоровъ!

Сѣла лиса по собачьему и заиньку присѣсть пригласила, и онъ ножки подъ себя поджалъ. Поджалъ, сердечный, и все самъ съ собой разсуждаетъ: „Какъ, молъ, я ожидалъ, такъ по моему и вышло. Всякому звѣрю свое житье: льву—львиное, лисѣ—лисье, зайцу—заячье. Нутка, вывози теперь, заячье житье!“

А лисица точно читаетъ въ его сокровенныхъ мысляхъ, сидитъ, да, знай, заиньку похваливаетъ.

— И откуда ты къ намъ, такой филозофъ, пожаловалъ?

— Недавно я, тетенька, изъ-за тридевять земель, какъ угорѣ-

лый, сюда прикатилъ. Жилъ я въ своемъ мѣстѣ, можно сказать, даже очень хорошо. И семейство у меня было, и обзаведеньице, и все такое. Цѣлую зиму мы у помѣщика на скотномъ дворѣ въ омётѣ припѣваючи прожили: днемъ спимъ, а ночью кленковъ да яблочекъ погрыземъ. Ужъ дѣло къ веснѣ шло, въ лѣсъ бы собираться на дачу пора, анъ къ намъ въ омётъ волкъ пожаловалъ. Какіе такіе звѣри? по какому виду? съ чьего разрѣшенія?.. Я-то, признаться, убёгъ, а зайчиха съ зайчатами...

— Слышала я объ этомъ. Волкъ-то мнѣ кумомъ приходится, такъ сказывалъ. „Намеднись, говоритъ, я цѣлое заячье гнѣздо разорилъ, а заяцъ убёгъ, такъ какъ бы намъ, кума, его разыскать?“ Анъ ты вотъ онъ—онъ. Смотри, жену-то, чай, жалко было?

— Ужъ и не помню. Вижу, что надо бѣжать — и побѣжалъ. Прибѣжалъ, смотрю — зайчиха-вдова сидитъ: давай, молъ, вмѣстѣ жить! И стали жить. Жили мы съ ней, нельзя похаять, исправно, а теперь вотъ она убѣжала, а я остался.

— Ахъ ты горюнъ, горюнъ! Ну, дай срокъ, мы ее изымаемъ!

Лисица зѣвнула, легонько куснула зайца за ляжку (онъ однако сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ), повалилась на бокъ, откинула голову и зажмурилась.

— Ишь вѣдь солнце-то жаритъ,—лѣниво пробормотала она:—словно дѣло дѣлаетъ! Сёмъ, я вздремну, а ты тѣмъ временемъ сядь поближе да покалякай.

Такъ и сдѣлали. Лиса задремала, а заяцъ съ такимъ разсчетомъ сѣлъ, чтобъ лисѣ его во всякое время мордой достать было можно, и началъ сказки сказывать.

— Я, тетенька, не привередливъ,—говорилъ онъ:—я всячески жить согласенъ. И трехъ лѣтъ еще нѣтъ, какъ я на свѣтѣ живу, а ужъ чуть не половину Россіи обѣгалъ. Только-что въ одномъ мѣстѣ оснуёшься — глядь, либо волкъ, либо сова, либо охотнички съ облавой на тебя собрались. Бѣги, сломя голову, устраивайся по новому за тридевять земель. Но я на это не ропщу, потому понимаю, что такова есть заячья жизнь. А ежели иной разъ и не понимаю, то и не понимаючи все-таки бѣгу. Все одно какъ мужики въ нашихъ мѣстахъ. Онъ спать собрался, а подъ окномъ у него — тукъ-тукъ! ступай, дядя Михей, съ подводой! На дворѣ метель, стыть, лошаденка у него чуть дышетъ, а онъ навалитъ на подводу солдать, да и претъ

двадцать верстъ около саней пѣшкомъ. Черезъ сутки, гляди, опять домой вернулся, ребятамъ пряника привезъ, женѣ — платокъ на голову, всѣмъ вообще — слезы. Спроси его, что сіе означаетъ? — онъ тебѣ отвѣтитъ: означаетъ сіе мужицкую жизнь. Такъ-то и мы, зайцы. Жить — живемъ, а рукъ на себя не накладываемъ. Всегда мы готовы... Такъ ли я, тетенька, говорю?

Лиса, вмѣсто отвѣта, тихо лайнула, точно во снѣ; заяцъ искоса взглянулъ на нее: не спитъ ли, молъ, тетенька? — Не было ли у него при этомъ на умѣ, въ случаѣ чего, стречка дать? — Навѣрное сказать не могу, но очень возможно, что и такого рода политика въ програмиу заячьей жизни входитъ. Однако хотя лиса не только глаза зажмурила, но легла на спину и даже ноги, подлая, распялила, но заяцъ чутьемъ догадался, что она это комедіи передъ нимъ разыгрываетъ.

— Разскажу я тебѣ, — продолжалъ онъ: — какъ у меня дядя у одного солдата въ услуженіи жилъ. Поймалъ его солдатъ еще махонькаго и всему солдатскому обиходу выучилъ. Изъ ружья ли выпалить, артикулъ ли выкинуть, смаршировать ли, въ барабанъ ли зорю отбить — на все дядя за первый сортъ былъ. Ѣздятъ, бывало, вдвоемъ по базарамъ, представленья показываютъ, а имъ — кто яйцо, кто копѣечку, кто хлѣба кусокъ, Христа ради, подастъ. Такъ вотъ этотъ самый солдатъ житіе свое дядѣ разсказывалъ. „Жилъ я, говоритъ, въ дому у родителей, и послалъ меня однажды батюшка сани на зиму изладить. Излаживаю я, пѣсенки попѣваю, трубочку покуриваю — вдругъ десятскій на дворъ: — ступай, Семенъ, въ волостную; тебя въ солдаты требуютъ. — Я, въ чемъ былъ, въ томъ и ушелъ; хорошо, что трубку-то въ штаны спрятать успѣлъ. Ушелъ, да двадцать лѣтъ послѣ того и пропонтировалъ *). А черезъ двадцать лѣтъ воротился въ свое мѣсто — ни кола, ни двора, чисто"... Такъ вотъ оно, — прибавилъ разсудительно заяцъ: — мужичья-то жизнь какъ оборачивается! Сейчасъ онъ — мужикъ, а сейчасъ — солдатъ, и то и другое житьемъ называется. Такъ-то вотъ и съ нами, зайцами...

— Неужто-жъ и васъ въ солдаты отдаютъ? — спросила лиса, точно сейчасъ проснулась.

*) Заяцъ, очевидно, говоритъ про очень старинныя времена, когда солдатская служба продолжалась не меньше 20-ти лѣтъ и когда рекруговъ, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали въ дорогѣ, забивали въ колодки.

— Нѣтъ, насъ ѣдятъ,—отвѣтилъ заяцъ какъ можно веселѣе.

— И я тоже думаю, потому что какіе же вы солдаты! хуже старинной гарнизы, которую славный генералъ Бибиковъ „негодницей“ звалъ. И дядю-то твоего, поди, солдатъ по[illegible] съѣлъ?

— Нѣтъ, солдатъ-то умеръ, а дядя въ ту пору бѣжалъ. Пришелъ домой, а заячьей работы работать не можетъ—отвыкъ. И тетка задаромъ кормить его не согласна. Вотъ онъ однажды и надумалъ: „пойду въ село на базаръ, буду комедіи представлять“. Да только-что началъ „кавалерійскую рысь“ на барабанѣ отхватывать — его собаки и разорвали!

— И по дѣломъ: зачѣмъ публику безпокоилъ. Впрочемъ вѣдь дядя-то твой, чай, и заранѣе зналъ, что когда-нибудь да съѣдятъ его. Не собаки, такъ волкъ, не волкъ, такъ лисица. Резолюція-то вамъ всѣмъ одна. Ну, а покуда что, скажи мнѣ: лисицы-то каковы въ вашей сторонѣ? Лихи, чай?

— Въ нашей сторонѣ лисицы, нужно правду сказать, даже очень лихи. Я-то ни съ одной близко не встрѣчался, а видѣлъ, какъ однажды лисицу у меня въ глазахъ охотничекъ заполевалъ. И, признаться...

Заяцъ хотѣлъ сказать: „обрадовался“, но спохватился и оробѣлъ; однако лиса отгадала его мысль.

— Вотъ вѣдь ты кровопивецъ какой!—укорила она его, и такъ больно укусила ему бокъ, что изъ раны полилась кровь.

— Ахъ! — взвизгнулъ заяцъ отъ боли, но въ одну минуту сдержалъ себя и молодецки поправился;—это я, ваше высокое степенство, о тамошнихъ лисахъ говорю, а здѣшнія лисицы, сказываютъ, добрыя.

— Ой-ли?

— Вѣрно говорю. Въ прошломъ году у насъ въ лѣсу зайчикъ-сирота остался, такъ одна лисица его съ своими дѣтьми, слышь, воспитала.

— Выростила, значитъ, и выпустила? Гдѣ жъ онъ теперь, сиротка-то вашъ?

— Кто его знаетъ, гдѣ онъ теперь... Пропалъ будто. Поворовывать, говорятъ, началъ, скружился, а наконецъ и лисицу молоденькую соблазнилъ. За это будто бы его старуха-лисица съѣла.

— Я его съѣла, я—та самая лисица и есть, о которой ты слы-

шалъ. Только не за то я его съѣла, что онъ скружился и въ развратъ впалъ, а за то, что пора его приспѣла.

Лисица на минуту задумалась и щелкнула зубами, поймавъ блоху. Потомъ, не торопясь, встала, встряхнулась и совершенно добродушно спросила зайца:

— А теперь, какъ ты полагаешь, кого я ѣсть буду?

Уменъ былъ заяцъ, а не угадалъ. Или, лучше сказать, у него тогда же въ умѣ мелькнуло: „вотъ оно, заячье-то житье... начинается!“ —но ему смерть не хотѣлось даже самому себѣ признаться въ этомъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ онъ. Однако и по лицу, и по голосу его такъ было явно, что онъ лжетъ, что лиса не на шутку разсердилась.

— Вотъ ты какой лгунъ! —сказала она. —Мнѣ про тебя и нивѣсть чего наговорили: и филозѳфъ-то ты, и сердцевѣдецъ-то, а выходитъ, что ты—самый обыкновенный, плохой зайченко! Тебя буду ѣсть! тебя, сударь, тебя!

Лиса отпрянула назадъ и сдѣлала видъ, что вотъ-вотъ сейчасъ бросится на зайца и съѣстъ. Но вслѣдъ затѣмъ она сѣла и, какъ ни въ чемъ не бывало, начала задней ногой за ухомъ чесать.

— А можетъ быть ты и помилуешь? — вполголоса сдѣлалъ робкое предположеніе заяцъ.

— Часъ отъ часу не легче! —еще пуще разсердилась лиса: — гдѣ ты это слыхалъ, чтобы лисицы миловали, а зайцы помилованіе получали? Развѣ для того мы съ тобой, фофанъ ты этакой, подъ однимъ небомъ живемъ, чтобы въ помилованья играть... а?

— Ну, тетенька, примѣры-то эти бывали! —настаивалъ заяцъ, все еще хорохорясь. Но тутъ же впрочемъ упалъ духомъ и затосковалъ.

Вспомнилось ему, какъ онъ изъ конца въ конецъ бѣгалъ, словно мужикъ-раскольщикъ, „вышняго града взыскуя“; какъ онъ по цѣлымъ суткамъ въ дуплѣ, не ѣвши, дрожалъ; какъ однажды, отъ лихого звѣря спасаясь, онъ въ подполицу къ мужику разскакался, да благо въ ту пору великій постъ былъ—мужикъ-отъ его и выпустилъ. Вспомнилъ про своихъ зайчихъ-любушекъ, какъ онъ вмѣстѣ съ ними зайчатъ зоблилъ, и какъ ни съ одной порядкомъ даже надышаться не успѣлъ. И, вспоминая, то-и-дѣло втихомолку твердилъ:

— Ахъ, кабы пожить! Ахъ, кабы хоть чуточку еще пожить!

А лиса тѣмъ временемъ и взаправду пріятный сюрпризъ зайцу приготовила.

— Слушай, подлый зайчишко,—сказала она: — я всѣдь думала, что ты въ самомъ дѣлѣ филозофъ, а тебя между тѣмъ вишь какъ отъ одной мысли о смерти коробитъ. Такъ вотъ я какую для тебя вольготу придумала. Отойду я на четыре сажени впередъ, сяду къ тебѣ задомъ и не буду на тебя, на гаденка этакого, цѣлыхъ пять минутъ смотрѣть. А ты въ это время старайся мимо меня такъ пробѣжать, чтобы я тебя не поймала. Успѣешь улизнуть—твоя взяла; не успѣешь — сейчасъ тебѣ резолюція готова.

— Ахъ, тетенька, гдѣ уже мнѣ!

— Глупый! ежели и не улизнешь, такъ все-таки время проведешь. Дѣломъ займешься, потрафлять будешь—анъ тоски-то и убавится. Все равно какъ солдатъ на войнѣ: потрафляетъ да потрафляетъ—смотришь, анъ и пропалъ!

Заяцъ подумалъ-подумалъ, и долженъ былъ согласится, что лиса хорошо придумала. Между дѣломъ быть съѣденнымъ все-таки вольготнѣе, нежели въ томительно-праздномъ ожиданіи. Настоящая-то заячья смерть именно такова и есть, чтобы на всемъ скаку: бѣжишь во весь опоръ, анъ тутъ тебѣ и капутъ.

— Ничего ты не понимаешь, что съ тобой дѣлается, а тебя вдругъ пополамъ разорвали!—соображалъ заяцъ и машинально прибавилъ:—а можетъ быть...

— Ну, эти фантазіи-то ты оставь! — предупредила его лиса, угадавъ неясную надежду, мелькнувшую у него въ головѣ. — Ты лучше ужъ безъ фантазій... разъ, два, три! Господи благослови, начинай!

Сказавши это, лиса отошла на четыре сажени впередъ, предварительно посадивши зайца задомъ къ частому-частому кустарнику, чтобы никакъ онъ не могъ назадъ убѣжать, а бѣжалъ бы не иначе, какъ мимо нея.

Сѣла лисица и занялась своимъ дѣломъ, словно и не видитъ зайца. Но заяцъ нимало не сомнѣвался, что еслибъ она и еще на четыре сажени впередъ отошла, то и тогда ни одно самомалѣйшее его движеніе не ускользнуло бы отъ нея. Нѣсколько разъ онъ вскакивалъ на ноги и уши на спину складывалъ; нѣсколько разъ онъ

весь собирался въ комокъ, намѣреваясь сдѣлать какой-то диковинный скачокъ, благодаря которому онъ сразу очутился бы внѣ преслѣдованія; но увѣренность, что лиса, и не видя, все видитъ, приводила его въ оцѣпенѣніе. Тѣмъ не менѣе лиса все-таки была по своему права: у зайца дѣйствительно нашлось заячье дѣло, которое въ значительной мѣрѣ агонію его смягчило.

Наконецъ урочныя пять минутъ истекли, заставъ зайца неподвижнымъ на прежнемъ мѣстѣ и всецѣло погруженнымъ въ созерцаніе своего заячьяго дѣла.

— Ну, теперь давай, заяцъ, играть!—предложила лисица.

Начали они играть. Съ четверть часа лисица прыгала вокругъ зайца: то укуситъ его и совсѣмъ ужъ сберется горло перервать, то прыгнетъ въ сторону и задумается: не простить ли, молъ? Но даже и это было для зайца своего рода дѣло, потому что ежели онъ и не оборонялся взаправду, то все-таки лапками закрывался, верезжалъ...

Но черезъ четверть часа все было кончено. Вмѣсто зайца остались только клочки шкуры да здравомысленныя его слова: „всякому звѣрю свое житье: льву—львиное, лисѣ—лисье, зайцу—заячье".

14.—Либералъ.

Въ нѣкоторой странѣ жилъ-былъ либералъ, и притомъ такой откровенный, что никто слова не молвитъ, а онъ ужъ во все горло гаркаетъ: „ахъ, господа, господа! что вы дѣлаете! вѣдь вы сами себя губите!" И никто на него за это не сердился, а напротивъ, всѣ говорили: „пускай предупреждаетъ—намъ же лучше!"

— Три фактора,—говорилъ онъ, — должны лежать въ основаніи всякой общественности: свобода, обезпеченность и самодѣятельность. Ежели общество лишено свободы, то это значитъ, что оно живетъ безъ идеаловъ, безъ горѣнія мысли, не имѣя основы для творчества, ни вѣры въ предстоящія ему судьбы. Ежели общество сознаетъ себя необезпеченнымъ, то это налагаетъ на него печать подавленности и дѣлаетъ равнодушнымъ къ собственной участи. Ежели общество лишено самодѣятельности, то оно становится неспособнымъ къ устройству своихъ дѣлъ и даже мало-по-малу утрачиваетъ представленіе объ отечествѣ.

Вотъ какъ мыслилъ либералъ, и, надо правду сказать, мыслилъ правильно. Онъ видѣлъ, что кругомъ него люди словно отравленныя мухи бродятъ, и говорилъ себѣ: „Это оттого, что они не сознаютъ себя строителями своихъ судебъ. Это колодники, которымъ и счастіе, и злосчастіе приходитъ безъ всякаго съ ихъ стороны предвидѣнія, которые не отдаются беззавѣтно своимъ ощущеніямъ, потому что не могутъ опредѣлить, дѣйствительно ли это ощущенія, или какая-нибудь фантасмагорія“. Однимъ словомъ, либералъ былъ твердо убѣжденъ, что лишь упомянутые три фактора могутъ дать обществу прочные устои и привести за собою всѣ остальныя блага, необходимыя для развитія общественности.

Но этого мало: либералъ не только благородно мыслилъ, но и рвался благое дѣло дѣлать. Завѣтнѣйшее его желаніе состояло въ томъ, чтобы лучъ свѣта, согрѣвавшій его мысль, прорѣзалъ окрестную тьму, осѣнилъ ее и все живущее напоилъ благоволеніемъ. Всѣхъ людей онъ признавалъ братьями, всѣхъ одинаково призывалъ насладиться подъ сѣнію излюбленныхъ имъ идеаловъ.

Хотя это стремленіе перевести идеалы изъ области эмпиреевъ на практическую почву припахивало не совсѣмъ благонадежно, но либералъ такъ искренно пламенѣлъ, и притомъ былъ такъ милъ и ко всѣмъ ласковъ, что ему даже неблагонадежность охотно прощали. Умѣлъ онъ и истину съ улыбкой высказать, и простачкомъ, гдѣ нужно, прикинуться, и безкорыстіемъ щегольнуть. А главное, никогда и ничего онъ не требовалъ наступя на горло, а всегда только *по возможности*.

Конечно, выраженіе: „по возможности“, не представляло для его ретивости ничего особенно лестнаго, но либералъ примирялся съ нимъ, во-первыхъ, ради общей пользы, которая у него всегда на первомъ планѣ стояла, и, во-вторыхъ, ради огражденія своихъ идеаловъ отъ напрасной и преждевременной гибели. Сверхъ того, онъ зналъ, что идеалы, его одушевляющіе, имѣютъ слишкомъ отвлеченный характеръ, чтобы воздѣйствовать на жизнь непосредственнымъ образомъ. Что такое свобода? обезпеченность? самодѣятельность? Все это отвлеченные термины, которые слѣдуетъ наполнить несомнѣнно осязательнымъ содержаніемъ, чтобы въ результатѣ вышло общественное цвѣтеніе. Термины эти, въ своей общности, могутъ воспитывать общество, могутъ возвышать уровень его вѣрованій и надеждъ, но

блага осязаемаго, разливающаго непосредственное ощущеніе довольства, принести не могутъ. Чтобы достичь этого блага, чтобы сдѣлать идеалъ общедоступнымъ, необходимо размѣнять его на мелочи и уже въ этомъ видѣ примѣнять къ исцѣленію недуговъ, удручающихъ человѣчество. Вотъ тутъ-то, при размѣнѣ на мелочи, и вырабатывается само собой это выраженіе: „по возможности“, которое изъ двухъ приходящихъ въ соприкосновеніе сторонъ одну заставляетъ *въ извѣстной степени* отказаться отъ замкнутости, а другую — *въ значительной степени* сократить свои требованія.

Все это отлично понялъ нашъ либералъ и, заручившись этими соображеніями, препоясался на брань съ дѣйствительностью. И прежде всего, разумѣется, обратился къ свѣдущимъ людямъ.

— Свобода — вѣдь, кажется, тутъ ничего предосудительнаго нѣтъ? — спросилъ онъ ихъ.

— Не только не предосудительно, но и весьма похвально.— отвѣтили свѣдущіе люди: — вѣдь это только клевещутъ на насъ, будто бы мы не желаемъ свободы; въ дѣйствительности, мы только объ ней и печалимся... Но, разумѣется, въ предѣлахъ...

— Гм... „въ предѣлахъ“... понимаю! А что вы скажете насчетъ обезпеченности?

— И это милости просимъ... Но, разумѣется, тоже въ предѣлахъ.

— А какъ вы находите мой идеалъ общественной самодѣятельности?

— Его только и недоставало. Но, разумѣется, опять-таки въ предѣлахъ.

Что-жъ? въ предѣлахъ такъ въ предѣлахъ! Самъ либералъ хорошо понималъ, что иначе нельзя. Пусти-ка савраса безъ узды — онъ въ одинъ моментъ того накуралеситъ, что годами потомъ не поправишь! А съ уздою — святое дѣло! Идетъ саврасъ и оглядывается: а нутко я тебя, саврасъ, кнутомъ шарахну... вотъ такъ!

И началъ либералъ „въ предѣлахъ“ орудовать: тамъ урветъ, тамъ урѣжетъ, а въ третьемъ мѣстѣ и совсѣмъ спрячется. А свѣдущіе люди глядятъ на него и не нарадуются. Одно время даже такъ работой его увлеклись, что можно было подумать, что и они либералами сдѣлались.

— Дѣйствуй!— поощряли они его: — тутъ обойди, здѣсь сту-

шуй, а тамъ и вовсе не касайся. И будетъ все хорошо. Мы бы, любезный другъ, и съ радостью готовы тебя, козла, въ огородъ пустить, да самъ видишь, какимъ тыномъ у насъ огородъ обнесенъ!

— Вижу-то, вижу,—соглашался либералъ —[illegible] только какъ мнѣ стыдно свои идеалы ломать!—такъ стыдно! ахъ, какъ стыдно!

— Ну, и постыдись маленько: стыдъ глаза не выѣстъ! за то, *по возможности*, все-таки затѣю свою выполнишь!

Однако, по мѣрѣ того какъ либеральная затѣя *по возможности* осуществлялась, свѣдущіе люди догадывались, что даже и въ этомъ видѣ идеалы либерала не розами пахнутъ. Съ одной стороны черезъчуръ широко задумано; съ другой стороны—недостаточно созрѣло, къ воспріятію неготово.

— Не въ моготу намъ твои идеалы!—говорили либералу свѣдущіе люди:—неготовы мы, не выдержимъ!

И такъ подробно и отчетливо всѣ свои несостоятельности и подлости высчитывали, что либералъ, какъ ни горько ему было, долженъ былъ согласиться, что дѣйствительно въ предпріятіи его существуетъ какой-то фаталистическій огрѣхъ: не лѣзетъ въ штаны, да и баста.

— Ахъ, какъ это печально!—ропталъ онъ на судьбу.

— Чудакъ!—утѣшали его свѣдущіе люди:—есть отъ чего плакать! Тебѣ что нужно?—будущее за твоими идеалами обезпечить?—такъ вѣдь мы тебѣ въ этомъ не препятствуемъ. Только не торопись ты, ради Христа! Ежели нельзя „по возможности“, такъ удовольствуйся тѣмъ, что отвоюешь „хоть что-нибудь“! Вѣдь и „хоть что-нибудь“ свою цѣну имѣетъ. Помаленьку да полегоньку, не торопясь да Богу помолясь—смотришь, анъ одной ногой ты ужъ и въ капищѣ! Въ капище-то, съ самой постройки его, никто не заглядывалъ; а ты взялъ да и заглянулъ... И за то Бога благодари.

Дѣлать нечего, пришлось и на этомъ помириться. Ежели нельзя „по возможности“, такъ „хоть что-нибудь“ старайся урвать и на томъ спасибо скажи. Такъ либералъ и поступилъ, и вскорѣ такъ свыкся съ своимъ новымъ положеніемъ, что самъ дивился, какъ онъ былъ такъ глупъ, полагая, что возможны какіе-нибудь иные предѣлы. И уподобленія всякія на подмогу къ нему явились. И пшеничное, молъ, зерно не сразу плодъ дастъ, а также поцеремонится. Сперва надо его въ землю посадить, потомъ ожидать, покуда въ немъ произойдетъ процессъ разложенія, потомъ оно дастъ ростокъ, кото-

рый прозябнетъ, въ трубку пойдетъ, восколосится и т. д. Вотъ черезъ сколько волшебствъ должно перейти зерно, прежде нежели дастъ плодъ сторицею! Такъ же и тутъ, въ погонѣ за идеалами. Посадилъ въ землю „хоть что-нибудь“ — сиди и жди.

И точно: посадилъ либералъ въ землю „хоть что-нибудь“ — сидитъ и ждетъ. Только ждетъ-пождетъ, а не прозябаетъ „хоть что-нибудь“, и вся недолга. На камень оно, что-ли, попало, или въ навозѣ сопрѣло — поди, разбирай!

— Что̀ за причина такая?—бормоталъ либералъ въ великомъ смущеніи.

— Та самая причина и есть, что загребаешь ты черезъ-чуръ широко, — отвѣчали свѣдущіе люди. — А народъ у насъ между тѣмъ слабый, расподлѣющій. Ты къ нему съ добромъ, а онъ норовитъ тебя же въ ложкѣ утопить. Большую надо снаровку имѣть, чтобы съ этимъ народомъ въ чистотѣ себя сохранить!

— Помилуйте! что̀ ужъ теперь о чистотѣ говорить! Съ какимъ я запасомъ-то въ путь вышелъ, а кончилъ тѣмъ, что весь его по дорогѣ растерялъ. Сперва „по возможности“ дѣйствовалъ, потомъ на „хоть что-нибудь“ съѣхалъ — неужто можно и еще дальше подъ гору идти?

— Разумѣется, можно. Не хочешь ли, напримѣръ, „примѣнительно къ подлости“?

— Какъ такъ?

— Очень просто. Ты говоришь, что принесъ намъ идеалы, а мы говоримъ: прекрасно; только ежели ты хочешь, чтобъ мы восчувствовали, то дѣйствуй примѣнительно.

— Ну?

— Значитъ, идеалами-то не превозносись, а по нашему масштабу ихъ сократи, да примѣнительно и дѣйствуй. А потомъ, можетъ быть, и мы, коли пользу увидимъ... Мы, братъ, тоже травленые волки, прожектеровъ-то видѣли! Намеднись генералъ Крокодиловъ вотъ этакъ же къ намъ отъявился: „господа,—говоритъ, —мой идеалъ — кутузка! пожалуйте!“ Мы сдуру-то повѣрили, а теперь и сидимъ у него подъ ключомъ.

Крѣпко задумался либералъ, услышавъ эти слова. И безъ того отъ первоначальныхъ его идеаловъ только одни ярлыки остались, а тутъ еще подлость прямую для нихъ прописываютъ! Вѣдь этакъ, по-

жалуй, не успѣешь оглянуться, какъ и самъ въ подлецахъ очутишься. Господи! вразуми!

А свѣдущіе люди, видя его задумчивость, съ своей стороны стали его понуждать:—Коли ты, либералъ, заварилъ кашу, такъ ужъ не мудри, вари до конца! Ты насъ взбудоражилъ, ты же насъ и ублаготвори... дѣйствуй!

И сталъ онъ дѣйствовать. И все примѣнительно къ подлости. Попробуетъ иногда, грѣшнымъ дѣломъ, въ сторону улизнуть; а свѣдущій человѣкъ сейчасъ его за рукавъ: „куда, либералъ, глаза скосилъ? гляди прямо!“

Такимъ образомъ шли дни за днями, а за ними шло впередъ и дѣло преуспѣянія „примѣнительно къ подлости“. Идеаловъ и въ поминѣ ужъ не было—одна мразь осталась—а либералъ все-таки не унывалъ. „Что-жъ такое, что я свои идеалы по уши въ подлости завязилъ? За то я самъ, яко столпъ, невредимъ, стою! Сегодня я въ грязи валяюсь, а завтра выглянетъ солнышко, обсушитъ грязь—я и опять молодецъ-молодцомъ!“ А свѣдущіе люди слушали эти его похвальбы и поддакивали: „именно такъ!“

И вотъ шелъ онъ однажды по улицѣ съ своимъ пріятелемъ, по обыкновенію объ идеалахъ калякалъ и свою мудрость на чемъ свѣтъ превозносилъ. Какъ вдругъ онъ почувствовалъ, словно бы на щеку ему нѣсколько брызговъ пало. Откуда? съ чего? Взглянулъ либералъ наверхъ: не дождикъ ли, молъ? Однако видитъ, что въ небѣ ни облака и солнышко какъ угорѣлое на зенитѣ играетъ. Вѣтерокъ хоть и подуваетъ, но такъ какъ помои изъ оконъ выливать не указано, то и на эту операцію подозрѣніе положить нельзя.

— Что за чудо!—говоритъ пріятелю либералъ:—дождя нѣтъ, помоевъ нѣтъ, а у меня на щеку брызги летятъ!

— А видишь, вонъ, за угломъ нѣкоторый человѣкъ притаился,—отвѣтилъ пріятель:—это его дѣло! Плюнуть ему на тебя за твои либеральныя дѣла захотѣлось, а въ глаза сдѣлать это смѣлости не хватаетъ. Вотъ онъ „примѣнительно къ подлости“ изъ-за угла и плюнулъ; а на тебя вѣтромъ брызги нанесло.

15.—Баранъ-Непомнящій.

Домашніе бараны съ незапамятныхъ временъ живутъ въ порабощеніи у человѣка; ихъ настоящіе родоначальники неизвѣстны.

Брэмъ.

Были ли когда-нибудь домашніе бараны „вольными“—исторія объ этомъ умалчиваетъ. Въ самой глубокой древности патріархи уже обладали стадами прирученныхъ барановъ, и затѣмъ, черезъ всѣ вѣка, баранъ проходитъ распространеннымъ по всему лицу земли въ качествѣ животнаго, какъ бы нарочито на потребу человѣка созданнаго. Человѣкъ въ свою очередь создаетъ цѣлыя особыя породы барановъ, почти не имѣющія между собою ничего общаго. Однихъ воспитываютъ для мяса, другихъ—для сала, третьихъ—ради теплыхъ овчинъ, четвертыхъ—ради обильной и мягкой волны.

Сами домашніе бараны, конечно, всего меньше о вольномъ прародителѣ своемъ помнятъ, а просто знаютъ себя принадлежащими къ той породѣ, въ которой засталъ ихъ моментъ рожденія. Этотъ моментъ составляетъ исходную точку личной бараньей исторіи; но даже и онъ постепенно тускнѣетъ, по мѣрѣ вступленія барана въ зрѣлый возрастъ. Такъ что истинно мудрымъ называется только тотъ баранъ, который ничего не помнитъ и не сознаетъ, кромѣ травы, сѣна и мѣсятки, предлагаемыхъ ему въ пищу.

Однако грѣхъ да бѣда на кого не живетъ. Спалъ однажды нѣкоторый баранъ и увидѣлъ сонъ. Должно быть, не одну мѣсятку во снѣ видѣлъ, потому что проснулся тревожный и долго глазами чего-то искалъ.

Сталъ онъ припоминать, что̀ такое случилось; но хоть убей—ничего вспомнить не могъ. Даль какая-то, серебрянымъ свѣтомъ подернутая, и больше ничего. Только смутное ощущеніе этой безформенной серебряной дали и осталось въ немъ, но никакого опредѣленнаго очертанія, ни одного живого образа...

— Овца! а, овца! что̀ я такое во снѣ видѣлъ?—спросилъ онъ лежащую рядомъ овцу, которая, яко во истину овца, отроду сновъ не видала.

— Спи, выдумщикъ!—сердито отвѣчала овца:—не для того

тебя изъ-за моря привезли, чтобъ сны видѣть да модника изъ себя представлять!

Баранъ былъ породистый англійскій меринось. Помѣщикъ Иванъ Созонтычъ Растаковскій шальныя деньги за него заплатилъ и великія на него надежды возлагалъ. Но, конечно, не для того онъ его изъ-за моря вывезъ, чтобъ отъ него поколѣніе *умныхъ* барановъ пошло, а для того, чтобъ онъ создалъ для своего хозяина стадо тонкорунныхъ овецъ.

И въ первое время по пріѣздѣ его на мѣсто баранъ дѣйствительно зарекомендовалъ себя съ самой лучшей стороны. Ни о чемъ онъ не разсуждалъ, ничѣмъ не интересовался, даже не понималъ, куда и зачѣмъ его привезли, а просто-на-просто жилъ да поживалъ. Что же касается до вопроса о томъ, что̀ такое баранъ и какія его права и обязанности, то баранъ не только никакихъ пропагандъ по этому предмету не распространялъ, но едва-ли даже подозрѣвалъ, что подобные вопросы могутъ бараньи головы волновать. Но это-то именно и помогало ему выполнять баранье дѣло настолько пунктуально и добросовѣстно, что Иванъ Созонтычъ и самъ нарадоваться на него не могъ, и сосѣдей любоваться водилъ: смотрите!

И вдругъ этотъ сонъ... Что̀ это былъ за сонъ—баранъ рѣшительно не могъ сообразить. Онъ чувствовалъ только, что въ существованіе его вторглось нѣчто необычайное, какая-то тревога, тоска. И хлѣвъ у него повидимому тотъ же, и кормъ тотъ же, и то же стадо овецъ, предоставленное ему для усовершенствованія, а ему ни до чего какъ будто бы дѣла нѣтъ. Бродитъ онъ по хлѣву какъ потерянный, и только и дѣла блеётъ:

— Что̀ такое я во снѣ видѣлъ? растолкуйте мнѣ, что̀ такое я видѣлъ!

Но овцы не выказывали ни малѣйшаго сочувствія къ его тревогамъ и даже не безъ ядовитости называли его умникомъ и философомъ, что̀, какъ извѣстно, на овечьемъ языкѣ имѣетъ значеніе худшее, нежели „моветонъ“.

Съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ сны видѣть, овцы съ горечью вспоминали о простомъ, шлёнской породы баранѣ, который передъ тѣмъ четыре года сряду ими помыкалъ, но подъ-конецъ, за выслугу лѣтъ, былъ опредѣленъ на кухню и тамъ безъ вѣсти пропалъ (видѣли только, какъ его изъ кухни на блюдѣ, съ тріумфомъ, въ го-

сподскій домъ пронесли). То-то былъ настоящій служилый баранъ! Никогда никакихъ сновъ онъ не видѣлъ, никакихъ тревогъ не ощущалъ, а дѣлалъ свое дѣло по точному разуму бараньяго устава—и больше ничего знать не хотѣлъ. И что же! его, стараго и испытаннаго слугу, уволили, а на его мѣсто опредѣлили какого-то праздношатающагося любца, мечтателя, который съ утра до вечера невѣдомо о чемъ блеетъ, а онѣ, овцы, между тѣмъ ходятъ яловы!

— Совсѣмъ насъ этотъ аглецкой олухъ не совершенствуетъ!— жаловались овцы овчару Никитѣ: — какъ бы намъ за него, за фофана, передъ Иваномъ Созонтычемъ въ отвѣтѣ не быть?

— Успокойтесь, милыя!—обнадежилъ ихъ Никита:—завтра мы его выстрижемъ, а потомъ крапивой высѣчемъ—шолковый будетъ.

Однако разсчеты Никиты не оправдались. Барана выстригли, высѣкли, а онъ въ ту же ночь опять сонъ увидѣлъ.

Съ этихъ поръ сны не покидали его. Не успѣетъ онъ ноги подъ себя подогнуть, какъ дрема уже сторожитъ его, не разбирая, день или ночь на дворѣ.

И какъ только онъ закроетъ глаза, то весь словно преобразится, и лицо у него словно не баранье сдѣлается, а серьезное, строгое, какъ у стараго, благомысленнаго мужичка изъ тѣхъ, что въ старинные годы „министрами“ называли. Такъ что всякій, кто ни пройдетъ мимо, непремѣнно скажетъ: „не на скотномъ дворѣ этому барану мѣсто—ему бы бурмистромъ слѣдовало быть!“

Тѣмъ не менѣе, сколько онъ ни подстерегалъ себя, чтобы возстановить въ памяти только-что видѣнный сонъ, усилія его по прежнему оставались напрасными.

Онъ помнилъ, что во снѣ передъ нимъ проходили живые образы и даже цѣлыя картины, созерцаніе которыхъ приводило его въ восторженное состояніе; но какъ только бодрственное состояніе возвращалось—и образы, и картины исчезали невѣдомо куда, и онъ опять становился заурядным бараномъ. Вся разница заключалась лишь въ томъ, что прежде онъ бодро шелъ на встрѣчу своему бараньему дѣлу, а теперь ходилъ ошеломленный, чего-то сдуру искалъ, а чего именно — самъ себѣ объяснить не могъ... Баранъ, да еще меланхоликъ—что, кромѣ ножа, можетъ ожидать его въ будущемъ!?

Но, кромѣ перспективы ножа, положеніе барана и само-по-себѣ было мучительно. Нѣтъ боли горшей, нежели та, которую приносятъ

за собой безсильныя порыванія отъ тьмы къ свѣту встревоженной безсознательности. Пристигнутое внезапной жаждой безформенныхъ чаяній, бѣдное, подавленное существо мечется и изнемогаетъ, не умѣя опредѣлить ни характера этихъ чаяній, ни источника ихъ. Оно чувствуетъ, что сердце его объято пламенемъ, и не знаетъ, ради чего это пламя зажглось; оно смутно чуетъ, что міръ не оканчивается стѣнами хлѣва, что за этими стѣнами открываются свѣтлыя, радужныя перспективы, и не умѣетъ намѣтить даже признаки этихъ перспективъ; оно предчувствуетъ свѣтъ, просторъ, свободу, и не можетъ дать отвѣта на вопросъ: что такое свѣтъ, просторъ, свобода...

По мѣрѣ учащенія сновъ, волненіе барана все больше и больше росло. Ни откуда не видѣлъ онъ ни сочувствія, ни отвѣта. Овцы съ испугу жались другъ къ другу при его приближеніи; овчаръ Никита, хотя повидимому и зналъ нѣчто, но упорно молчалъ. Это былъ умный мужикъ, который до тонкости проникъ баранье дѣло и признавалъ для барановъ только одну обязательную аксіому:

— Коли ты въ бараньемъ сословіи уродился, — говорилъ онъ солидно,—въ ёмъ, значитъ, и живи!

Но именно этого-то баранъ и не могъ выполнить. Именно „сословіе“-то его и мучило, не потому, что ему худо было жить, а потому, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сны видѣть, ему постоянно чуялось какое-то совсѣмъ другое „сословіе“.

Онъ не былъ въ состояніи воспроизвести свои сны, но инстинкты его были настолько возбуждены, что, несмотря на неясность внутренней тревоги, поднявшейся въ его существѣ, онъ уже не могъ справиться съ нею.

Тѣмъ не менѣе, съ теченіемъ времени, тревоги его начали утихать, и онъ какъ будто даже остепенѣлъ. Но успокоеніе это не было послѣдствіемъ трезваго рѣшенія вступить на прежнюю баранью колею, а, напротивъ, скорѣе свидѣтельствовало объ общемъ обезсиленіи бараньяго организма. Поэтому и пользы отъ него не вышло никакой.

Баранъ — очевидно, съ предвзятымъ намѣреніемъ—съ утра до вечера спалъ, какъ будто искалъ обрѣсти во снѣ тѣ сладостныя ощущенія, въ возстановленіи которыхъ отказывала ему бодрственная дѣйствительность...

Въ то же время онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше чахъ и хирѣлъ, и наконецъ сдѣлался до того поразительно худъ, что

глупыя овцы, завидѣвъ его, начинали чихать и насмѣшливо между собой перешептываться. И по мѣрѣ того какъ неразгаданный недугъ овладѣвалъ имъ, лицо его становилось осмысленнѣе и осмысленнѣе. Овчары всѣ до единаго жалѣли о немъ. Всѣ знали, что онъ честный и добрый баранъ, и что ежели онъ не оправдалъ хозяйскихъ надеждъ, то не по своей винѣ, а единственно потому, что его постигло какое-то глубокое несчастіе, вовсе баранамъ не свойственное, но въ то же время—какъ многіе инстинктивно догадывались—дѣлающее ему лично великую честь.

Самъ Иванъ Созонтычъ сочувственно относился къ страданіямъ барана. Не разъ овчаръ Никита намекалъ, что самая лучшая развязка въ такомъ загадочномъ дѣлѣ—ножъ, но Растаковскій упорно отклонялъ это предложеніе.

— Плакали мои денежки,— говорилъ онъ: — но не затѣмъ я ихъ платилъ, чтобы шкурой его воспользоваться. Пускай своей смертью умретъ!

И вотъ вожделѣнный моментъ просіянія наступилъ. Надъ полями мерцала теплая, облитая луннымъ свѣтомъ, іюньская ночь; тишина стояла кругомъ непробудная; не только люди притаились, но и вся природа какъ бы застыла въ волшебномъ оцѣпенѣніи.

Въ бараньемъ загонѣ все спало. Овцы, понуривъ головы, дремали около изгороди. Баранъ лежалъ одиноко, по середкѣ загона. Вдругъ онъ быстро и тревожно вскочилъ. Выпрямилъ ноги, вытянулъ шею, поднялъ голову кверху и всѣмъ тѣломъ дрогнулъ. Въ этомъ выжидающемъ положеніи, какъ бы прислушиваясь и всматриваясь, простоялъ онъ нѣсколько минутъ, и затѣмъ сильное, потрясающее блеянье вырвалось изъ его груди...

Заслышавъ эти торжественно-агонизирующіе звуки, овцы въ испугѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и шарахнулись въ сторону. Сторожевой песъ тоже проснулся и съ лаемъ бросился приводить въ порядокъ всполошившееся стадо. Но баранъ уже не обращалъ вниманія на происшедшій переполохъ: онъ весь ушелъ въ созерцаніе.

Передъ тускнѣющимъ его взоромъ во-очію развернулась сладостная тайна его сновъ...

Еще минута—и онъ дрогнулъ въ послѣдній разъ. За симъ ноги сами собой подогнулись подъ нимъ, и онъ мертвый рухнулъ на землю.

Иванъ Созонтычъ былъ очень смертью его огорченъ.

— И что за причина такая?—сѣтовалъ онъ вслухъ:—все былъ баранъ какъ баранъ, и вдругъ словно его осѣтило... Никита! ты пятьдесятъ лѣтъ въ овчарахъ состоишь, стало быть должонъ дурью эту породу знать: скажи, отчего надъ нимъ такая бѣда стряслась?

— Стало быть „вольнаго барана“ во снѣ увидѣлъ,—отвѣтилъ Никита: — увидать-то во снѣ увидалъ, а сообразить настоящимъ манеромъ не могъ... Вотъ онъ сначала затосковалъ, а современемъ и издохъ. Все равно, какъ изъ нашего брата бываетъ...

Но Иванъ Созонтычъ отъ дальнѣйшаго объясненія уклонился.

— Сіе да послужитъ намъ урокомъ!—похвалилъ онъ Никиту: —въ другомъ мѣстѣ изъ этого барана, можетъ быть, козелъ бы вышелъ, а по нашему мѣсту такое правило: ежели ты баранъ, такъ и оставайся бараномъ безъ дальнихъ затѣй. И хозяину будетъ хорошо, и тебѣ хорошо, и государству пріятно. И всего у тебя будетъ довольно: и травы, и сѣна, и мѣсятки. И овцы къ тебѣ будутъ ласковы... Такъ ли, Никита?

— Это такъ точно, Иванъ Созонтычъ!—отозвался Никита.

16.—Коняга.

Коняга лежитъ при дорогѣ и тяжко дремлетъ. Мужичокъ только-что выпрягъ его и пустилъ покормиться. Но Конягѣ не до корма. Полоса выбралась трудная, съ камешкомъ: въ великую силу они съ мужичкомъ ее одолѣли.

Коняга—обыкновенный мужичій животъ, замученный, побитый, узкогрудый, съ выпяченными ребрами и обожженными плечами, съ разбитыми ногами. Голову Коняга держитъ понуро; грива на шеѣ у него свалялась; изъ глазъ и ноздрей сочится слизь; верхняя губа отвисла какъ блинъ. Немного на такой животинѣ наработаешь, а работать надо. День-деньской Коняга изъ хомута не выходитъ. Лѣтомъ съ утра до вечера землю работаетъ; зимой, вплоть до ростопели, „произведенія“ возитъ.

А силы Конягѣ набраться нѣоткуда: такой ему кормъ, что отъ него только зубы нахлопаешь. Лѣтомъ, покуда въ ночную гоняютъ,

хоть травкой мяконькой поживится, и зимой перевозитъ на базаръ „произведенія“ и ѣстъ дома рѣзку изъ прѣлой соломы. Весной, какъ въ поле скотину выгонятъ, его жердями на ноги подымаютъ; а въ полѣ ни травинки нѣтъ; кой-гдѣ только торчитъ махрами сопрѣлая ветошь, которую прошлой осенью скотскій зубъ ненарокомъ обошелъ.

Худое Конягино житье. Хорошо еще, что мужикъ попался добрый и даромъ его не калѣчитъ. Выѣдутъ оба съ сохой въ поле: „ну, милый, упирайся!“ — услышитъ Коняга знакомый окрикъ, и понимаетъ. Всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ вытянется, передними ногами упирается, задними — забираетъ, морду къ груди пригнетъ. „Ну, каторжный, вывози!“ А за сохой самъ мужичокъ грудью напираетъ, руками, словно клещами, въ соху впился, ногами въ комьяхъ земли грузнетъ, глазами слѣдитъ, какъ бы соха не слукавила, огрѣха бы не дала. Пройдутъ борозду изъ конца въ конецъ и оба дрожатъ: вотъ она, смерть, пришла! Обоимъ смерть — и Конягѣ, и мужику; каждый день смерть.

Пыльный мужицкій проселокъ узкой лентой отъ деревни до деревни бѣжитъ; юркнетъ въ проселокъ, вынырнетъ и опять невѣдомо куда побѣжитъ. И на всемъ протяженіи, по обѣ стороны, его поля сторожатъ. Нѣтъ конца полямъ; всю ширь и даль они заполонили; даже тамъ, гдѣ земля съ небомъ слилась, и тамъ все поля. Золотящіяся, зеленѣющія, обнаженныя, — они желѣзнымъ кольцомъ охватили деревню, и нѣтъ у нея никуда выхода, кромѣ какъ въ эту зіяющую бездну полей. Вонъ онъ, человѣкъ, вдали идетъ; можетъ, ноги у него отъ спѣшной ходьбы подсѣкаются, а издали кажется, что онъ все на одномъ мѣстѣ топчется, словно освободиться не можетъ отъ одолѣвающаго пространства полей. Не вглубь уходитъ эта малая, едва замѣтная точка, а только чуть тускнѣетъ. Тускнѣетъ, тускнѣетъ и вдругъ неожиданно пропадетъ, точно пространство само собой ее засосетъ.

Изъ вѣка въ вѣкъ цѣпенѣетъ грозная, неподвижная громада полей, словно силу сказочную въ плѣну у себя сторожитъ. Кто освободитъ эту силу изъ плѣна? кто вызоветъ ее на свѣтъ? Двумъ существамъ выпала на долю эта задача: мужику да Конягѣ. И оба отъ рожденія до могилы надъ этой задачей бьются, потъ проливаютъ кровавый, а поле и поднесь своей сказочной силы не выдало, — той

силы, которая разрѣшила бы узы мужику, а Конягѣ исцѣлила бы наболѣвшія плечи.

Лежитъ Коняга на самомъ солнечномъ припекѣ; кругомъ ни деревца, а воздухъ до того накалился, что дыханье въ [illegible] захватываетъ. Изрѣдка пробѣжитъ по проселку вихрами пыль, но вѣтеръ, который поднимаетъ ее, приноситъ не освѣженіе, а новые и новые ливни зноя. Оводы и мухи, какъ бѣшеные, мечутся надъ Конягой, забиваются къ нему въ уши и въ ноздри, впиваются въ побитыя мѣста, а онъ—только ушами автоматически вздрагиваетъ отъ уколовъ. Дремлетъ ли Коняга, или помираетъ—нельзя угадать. Онъ и пожаловаться не можетъ, что все нутро у него отъ зноя да отъ кровавой натуги сожгло. И въ этой утѣхѣ Богъ безсловесной животинѣ отказалъ.

Дремлетъ Коняга, а надъ мучительной агоніей, которая замѣняетъ ему отдыхъ, не сновидѣнія носятся, а безсвязная, подавляющая хмара. Хмара, въ которой не только образовъ, но даже чудовищъ нѣтъ, а есть громадныя пятна, то черныя, то огненныя, которыя и стоятъ, и движутся вмѣстѣ съ измученнымъ Конягой, и тянутъ его за собой все дальше и дальше въ бездонную глубь.

Нѣтъ конца полю, не уйдешь отъ него никуда! Исходилъ его Коняга съ сохой вдоль и поперекъ, и все-таки ему конца-краю нѣтъ. И обнаженное, и цвѣтущее, и цѣпенѣющее подъ бѣлымъ саваномъ—оно властно раскинулось вглубь и вширь, и не на борьбу съ собою вызываетъ, а прямо беретъ въ кабалу. Ни разгадать его, ни покорить, ни истощить нельзя: сейчасъ оно помертвѣло, сейчасъ—опять народилось. Не поймешь, что̀ тутъ смерть и что̀ жизнь. Но и въ смерти, и въ жизни первый и неизмѣнный свидѣтель—Коняга. Для всѣхъ поле—раздолье, поэзія, просторъ; для Коняги оно—кабала. Поле давитъ его, отнимаетъ у него послѣднія силы и все-таки не признаетъ себя сытымъ. Ходитъ Коняга отъ зари до зари, а впереди его идетъ колышущееся черное пятно и тянетъ, и тянетъ за собой. Вотъ теперь оно колышется передъ нимъ, и теперь ему, сквозь дремоту, слышится окрикъ: „ну, милый! ну, каторжный! ну!“

Никогда не потухнетъ этотъ огненный шаръ, который отъ зари до зари льетъ на Конягу потоки горячихъ лучей; никогда не прекратятся дожди, грозы, вьюги, морозъ... Для всѣхъ природа—мать, для него одного она—бичъ и истязаніе. Всякое проявленіе ея жизни

отражается на немъ мучительствомъ, всякое цвѣтеніе — отравою. Нѣтъ для него ни благоуханія, ни гармоніи звуковъ, ни сочетанія цвѣтовъ; никакихъ ощущеній онъ не знаетъ, кромѣ ощущенія боли, усталости и злосчастія. Пускай солнце напояетъ природу теплomъ и свѣтомъ, пускай лучи его вызываютъ къ жизни и ликованію—бѣдный Коняга знаетъ о немъ только одно: что оно прибавляетъ новую отраву къ тѣмъ безчисленнымъ отравамъ, изъ которыхъ соткана его жизнь.

Нѣтъ конца работѣ! Работой исчерпывается весь смыслъ его существованія; для нея онъ зачатъ и рожденъ, и внѣ ея онъ не только никому не нуженъ, но, какъ говорятъ разсчетливые хозяева, представляетъ ущербъ. Вся обстановка, въ которой онъ живетъ, направлена единственно къ тому, чтобы не дать замереть въ немъ той мускульной силѣ, которая источаетъ изъ себя возможность физическаго труда. И корма, и отдыха отмѣривается ему именно столько, чтобы онъ былъ способенъ выполнить свой урокъ. А затѣмъ пускай поле и стихіи калѣчатъ его—никому нѣтъ дѣла до того, сколько новыхъ ранъ прибавилось у него на ногахъ, на плечахъ и на спинѣ. Не благополучіе его нужно, а жизнь, способная выносить иго работы. Сколько вѣковъ онъ несетъ это иго—онъ не знаетъ; сколько вѣковъ предстоитъ нести его впереди—не разсчитываетъ. Онъ живетъ, точно въ темную бездну погружается, и изъ всѣхъ ощущеній, доступныхъ живому организму, знаетъ только ноющую боль, которую даетъ работа.

Самая жизнь Коняги запечатлѣна клеймомъ безконечности. Онъ не живетъ, но и не умираетъ. Поле, какъ головоногъ, присосалось къ нему безчисленными щупальцами и не спускаетъ его съ урочной полосы. Какими бы наружными отличками ни надѣлилъ его случай, онъ всегда одинъ и тотъ же: побитый, замученный, еле живой. Подобно этому полю, которое онъ орошаетъ своею кровью, онъ не считаетъ ни дней, ни лѣтъ, ни вѣковъ, а знаетъ только вѣчность. По всему полю онъ разбрелся, и тамъ, и тутъ одинаково вытягивается всѣмъ своимъ жалкимъ остовомъ, и вездѣ все онъ, все одинъ и тотъ же, безъимянный Коняга. Цѣлая масса живетъ въ немъ, не умирающая, не расчленимая и не истребимая. Нѣтъ конца жизни—только одно это для этой массы и ясно. Но что такое сама эта жизнь? зачѣмъ она опутала Конягу узами безсмертія? откуда она пришла и

куда идетъ?—вѣроятно когда-нибудь на эти вопросы отвѣтитъ будущее... Но, можетъ быть, и оно останется столь же нѣмо и безучастно, какъ и та темная бездна прошлаго, которая населила міръ привидѣніями и отдала имъ въ жертву живыхъ.

Дремлетъ Коняга, а мимо него Пустоплясы проходятъ. Никто, съ перваго взгляда, не скажетъ, что Коняга и Пустоплясъ—одного отца дѣти. Однако преданіе объ этомъ родствѣ еще не совсѣмъ заглохло.

Жилъ, во время оно, старый конь, и было у него два сына: Коняга и Пустоплясъ. Пустоплясъ былъ сынъ вѣжливый и чувствительный, а Коняга—неотесанный и безчувственный. Долго терпѣлъ старикъ Конягину неотесанность, долго обоихъ сыновей велъ ровно, какъ подобаетъ чадолюбивому отцу, но наконецъ разсердился и сказалъ: „вотъ вамъ на вѣки вѣчные моя воля: Конягѣ — солома, а Пустоплясу—овесъ". Такъ съ тѣхъ поръ и пошло. Пустопляса въ теплое стойло поставили, соломки мяконькой постелили, медовой сытой напоили и пшена ему въ ясли засыпали; а Конягу привели въ хлѣвъ и бросили охапку прѣлой соломы: хлопай зубами, Коняга! А пить—вонъ изъ той лужи.

Совсѣмъ-было позабылъ Пустоплясъ, что у него братецъ на свѣтѣ живетъ, да вдругъ съ чего-то загрустилъ и вспомнилъ. „Надоѣло,—говоритъ,—мнѣ стойло теплое, прискучила сыта медовая, не лѣзетъ въ горло пшено ярое; пойду, провѣдаю, каково-то мой братецъ живетъ!"

Смотритъ—анъ братецъ-то у него безсмертный! Бьютъ его чѣмъ ни попадя, а онъ живетъ: кормятъ его соломою, а онъ живетъ! И въ какую сторону поля ни взгляни—вездѣ все братецъ орудуетъ; сейчасъ ты его здѣсь видѣлъ, а мигнулъ глазомъ—онъ ужъ вонъ гдѣ ногами вывертываетъ. Стало быть добродѣтель какая-нибудь въ немъ есть, что палка сама объ него сокрушается, а его сокрушить не можетъ!

И вотъ начали Пустоплясы кругомъ Коняги похаживать.

Одинъ скажетъ:

— Это оттого его ничѣмъ донять нельзя, что въ немъ отъ постоянной работы здраваго смысла много накопилось. Понялъ онъ, что уши выше лба не ростутъ, что плетью обуха не перешибешь, и живетъ себѣ смирнехонько, весь опутанный пословицами, словно у Христа за пазушкой. Будь здоровъ, Коняга! Дѣлай свое дѣло, бди!

Другой возразитъ:

— Ахъ, совсѣмъ не отъ здраваго смысла такъ прочно сложилась его жизнь! Что̀ такое здравый смыслъ? Здравый смыслъ, это — нѣчто обыденное, до пошлости ясное, напоминающее математическую формулу или приказъ по полиціи. Не это поддерживаетъ въ Конягѣ несокрушимость, а то, что онъ въ себѣ жизнь духа и духъ жизни носитъ! И покуда онъ будетъ вмѣщать эти два сокровища, никакая палка его не сокрушитъ!

Третій молвитъ:

— Какую вы, однако, галиматью городите! Жизнь духа, духъ жизни — что̀ это такое, какъ не пустая перестановка безсодержательныхъ словъ? Совсѣмъ не потому Копяга неуязвимъ, а потому, что онъ „настоящій трудъ“ для себя нашелъ. Этотъ трудъ даетъ ему душевное равновѣсіе, примиряетъ его и со своею личною совѣстью, и съ совѣстью массъ, и надѣляетъ его тою устойчивостью, которую даже вѣка рабства не могли побѣдить! Трудись, Коняга! упирайся! загребай! и почерпай въ трудѣ ту душевную ясность, которую мы, Пустоплясы, утратили навсегда!

А четвертый (должно быть, прямо съ конюшни отъ кабатчика) присовокупляетъ:

— Ахъ, господа, господа! все-то вы пальцемъ въ небо попадаете! Совсѣмъ не оттого нельзя Конягу донять, чтобы въ немъ особенная причина засѣла, а оттого, что онъ споконъ вѣку къ своей юдоли привышенъ. Теперича хоть цѣлое дерево объ него обломай, а онъ все живъ. Вонъ онъ лежитъ — кажется, и духу-то въ немъ нисколько не осталось, — а взбодри его хорошенько кнутомъ, онъ и опять ногами вывертывать пошелъ. Кто къ какому дѣлу приставленъ, тотъ то̀ дѣло и дѣлаетъ. Сосчитайте-ка, сколько ихъ, калѣкъ этакихъ, по полю разбрелось — и всѣ какъ одинъ. Калѣчьте ихъ теперича сколько угодно — ихъ вотъ ни на столько не убавится. Сейчасъ — его нѣтъ, а сейчасъ — онъ опять изъ-подъ земли выскочилъ.

И такъ какъ всѣ эти разговоры не отъ настоящаго дѣла завелись, а отъ грусти, то поговорятъ-поговорятъ Пустоплясы, а потомъ и перекоряться начнутъ. Но, на счастье, какъ разъ въ самую пору проснется мужикъ и разрѣшитъ всѣ споры словами:

— Н-но, каторжный, шевелись!

Тутъ ужъ у всѣхъ Пустоплясовъ за-одно духъ отъ восторга займется.

— Смотрите-ка, смотрите-ка!—закричатъ они вкупѣ и влюбѣ: — смотрите, какъ онъ вытягивается какъ онъ передними ногами упирается, а задними загребаетъ! Вотъ ужъ именно дѣло мастера боится! Упирайся, Коняга! Вотъ у кого учиться надо! вотъ кому надо подражать! Н-но, каторжный, н-но!

17.—Кисель.

Сварила кухарка кисель и на столъ поставила. Скушали кисель господа, сказали спасибо, а дѣтушки пальчики облизали. На славу вышелъ кисель; всѣмъ по нраву пришелся, всѣмъ угодилъ. „Ахъ, какой сладкой кисель!“ „ахъ какой мягкой кисель!“ „вотъ-такъ кисель!“ —только и словъ про него. „Смотри, кухарка, чтобы каждый день на столѣ кисель былъ!“ И сами наѣлись, и гостей употчивали, а подъ-конецъ и прохожимъ на улицу чашку выставили. „Поѣшьте, честные господа, киселя! вонъ онъ у насъ какой: самъ въ ротъ лѣзетъ! Ѣшьте больше, онъ это любитъ!“ И всякій подходилъ, совалъ въ кисель ложкой, ѣлъ и утирался.

Кисель былъ до того разымчивъ и мягокъ, что никакого неудобства не чувствовалъ отъ того, что его ѣли. Напротивъ того, слыша общія похвалы, онъ даже возмечталъ. Стоитъ на столѣ, да знай себѣ пузырится. „Стало быть я хорошъ, коли господа меня любятъ! Не зѣвай, кухарка! подливай!“

Долго ли коротко ли такъ шло, только сталъ постепенно кисель господамъ прискучивать. Господа противъ прежняго сдѣлались образованнѣе; даже изъ подлаго званія которые мало-мальски въ чины произошли—и тѣ начали желеи да бламанжеи предпочитать.

— Помилуйте!—говоритъ одинъ:—что хорошаго въ этомъ киселѣ? развѣ это ѣда! попробуйте, какой онъ мягкой, да слизкой, да сладкой!

— Отдадимте, господа, кисель свиньямъ! —подхватилъ другой:—а сами уѣдемъ на теплыя воды гулять! Нагуляемся вдосталь, а тамъ если ужъ это непремѣнно нужно, и опять домой воротимся кисель ѣсть.

Что-же! свиньи такъ свиньи — право, киселю все равно, въ какомъ рангѣ особа его ѣстъ. Лишь бы ѣли. Засунула свинья рыло въ кисель по самыя уши и на весь скотный дворъ чавкотню подняла. Чавкаетъ да похрюкиваетъ: „Покатаюся, поваляюся, господскаго киселя наѣвшись!“ Сытости, подлая, не знаетъ: чуть замѣшкается кухарка, она ужъ хрюкаетъ: „подливай!“ А ежели скажутъ: „былъ кисель, да весь вышелъ“, — она и по угламъ, и по закоулкамъ, и подъ навозомъ мордой вышаритъ, и ужъ гдѣ-нибудь да отыщетъ.

Ѣла да ѣла свинья и наконецъ все до капли съѣла. А господа между тѣмъ гуляли-гуляли да и догулялись. Догулялись и говорятъ другъ другу: „теперь намъ гулять больше не на что; айда домой кисель ѣсть!“

Пріѣхали домой, взялись за ложки — смотрятъ, анъ отъ киселя остались только засохшіе поскребушки.

И теперь всѣ — и господа, и свиньи — всѣ въ одинъ голосъ вопіютъ:

— Ѣли мы кисель, а про запасъ не оставили! Чѣмъ-то на будущее время сыты будемъ! Гдѣ ты, кисель? ау!

---

18. — Праздный разговоръ.

Ныньче этого нѣтъ, а было такое время, когда и между сановниками волтерьянцы попадались. Само высшее начальство этой моды держалось, а сановники подражали.

Вотъ въ это самое время жилъ-былъ губернаторъ, который многому не вѣрилъ, во что̀ другіе, по простотѣ, вѣрили. А главное, не понималъ, для какой причины губернаторская должность учреждена.

Напротивъ, предводитель дворянства въ этой губерніи во все вѣрилъ, а значеніе губернаторской должности даже до тонкости понималъ.

И вотъ однажды усѣлись они вдвоемъ въ губернаторскомъ кабинетѣ и заспорили.

— Между нами будь сказано, рѣшительно я этого не понимаю, — сказалъ губернаторъ. — По моему мнѣнію, еслибы насъ всѣхъ, губернаторовъ, безъ шума упразднить, то никто бы и не замѣтилъ.

— Ахъ, вашество, какъ вы такъ выражаетесь!—возразилъ ему удивленный и даже испуганный предводитель.

— Разумѣется, я это конфиденціально... но ежели говорить по совѣсти, то опять-таки повторяю: положительно я этого не понимаю! Представьте себѣ: живутъ люди мирно, Бога помнятъ, царицу чтутъ —и вдругъ къ нимъ... губернаторъ!! Откуда? какъ? что за причина?

— А та причина, что власть! — урезонивалъ его предводитель:—нельзя безъ оной. Вверху—губернаторъ, посерёдкѣ—исправникъ, внизу—тысяцкій. А по бокамъ—предводители, предсѣдатели, воинство...

— Знаю. Но зачѣмъ? Вы говорите: тысяцкій, — хорошо. Тысяцкій—это который при мужикѣ,—понимаю и это. Теперь представьте себѣ: живетъ мужикъ, поле работаетъ, пашетъ, коситъ, плодится, множится, словомъ сказать, кругъ жизни своей производитъ. И вдругъ, откуда-то изъ-подъ низу—тысяцкій... Зачѣмъ? что случилось?

— Не случилось, но можетъ случиться, вашество!

— Не вѣрю-съ. Ежели люди живутъ въ свое удовольствіе — зачѣмъ для нихъ тысяцкій? Ежели они тихимъ манеромъ нужды свои справляютъ, Бога помнятъ, царицу чтутъ—что тутъ случиться можетъ, кромѣ хорошаго? И что тысяцкій можетъ въ данномъ случаѣ устроить или присовокупить? Дастъ Богъ урожай — будетъ урожай; не дастъ Богъ урожаю—и такъ какъ-нибудь проживутъ. При чемъ тутъ тысяцкій? развѣ онъ можетъ хоть колосъ единый въ снопѣ убавить или прибавить?— Нѣтъ, онъ налетитъ, намутитъ, нашумитъ, да, того гляди, въ заключеніе, еще въ острогъ кого-нибудь посадитъ. Только и всего.

— Ну, не даромъ же посадитъ, а тоже за что-нибудь!

— Однако согласитесь, что еслибъ его нелегкая не принесла, все шло бы безъ него своимъ чередомъ и никакого бы „что-нибудь“ не случилось. Во всякомъ случаѣ, въ острогѣ никто бы не сидѣлъ. А какъ только онъ появится, такъ тотчасъ же вслѣдъ за нимъ и „что-нибудь“ явилось.

— Ахъ, вашество, вѣдь и тысяцкіе разные бываютъ! Вотъ у насъ, напримѣръ...

— Нѣтъ, вы меня выслушайте. Я не объ личностяхъ веду рѣчь и не парадоксами передъ вами щегольнуть хочу. Я по опыту эту му-

зыку знаю, даже на самомъ себѣ могу примѣръ показать. Уѣзжаю я, напримѣръ, изъ губерніи — и что вдругъ случилось? Не успѣлъ я за заставу отъѣхать, какъ вдругъ во всей губерніи наступило благораствореніе воздуховъ. Полиціймейстеръ — не скачетъ, квартальные не бѣгутъ, городовые не усердствуютъ. Даже и простецы, которые и о существованіи моемъ досконально не знаютъ, и тѣ чувствуютъ, что изъ ихъ жизни исчезла какая-то запятая, отъ которой имъ во всѣхъ мѣстахъ больно было. — Что сей сонъ означаетъ? спрашиваю я васъ. А то, государь мой, что мой заступающій *не все то можетъ сдѣлать, что я могу*, и что, слѣдовательно, и служащимъ, и обывателямъ на всю эту разницу легче стало. Но вотъ я возвращаюсь опять къ своему посту. Шумъ, трескъ, ѣзда, бѣготня... Кто въ фуражкѣ ходилъ — бѣжитъ въ треуголкѣ; кто въ полномъ удовольствіи мѣсяцъ прожилъ — снова приходитъ въ унылость; всѣ видятъ впереди безконечную распестылую канитель... Да впрочемъ что же много объ этомъ толковать! вы и на себѣ навѣрное хоть отчасти да испытали...

Дѣйствительно, предводитель вспомнилъ, что и за нимъ въ этомъ родѣ грѣшокъ водился. Какъ только, бывало, губернаторъ за ворота, такъ онъ сейчасъ: „эй, тарантасъ!“ — и маршъ въ деревню. И ходитъ тамъ безъ оныхъ, покуда опять начальство къ долгу не призоветъ. Только одну проформу и соблюдетъ, что, ѣдучи мимо вице-губернаторской квартиры, зайдетъ на минуту къ заступающему должность и условится:

— Ужъ вы, Арефій Иванычъ, коли что случится, гонца пришлите!

— Чему случиться! съ Богомъ!

— Ну, такъ прощайте! Капитолинѣ Сергѣевнѣ кланяйтесь. Пошевеливай!

Только его и видѣли.

— Есть тотъ грѣхъ, — сказалъ онъ: — только все-таки не оттого... Просто отдохнуть хочется... вотъ и пользуешься.

— То-то что „отдохнуть“! а кто отдохнуть помѣшалъ? развѣ въ отдыхѣ грѣхъ какой? Никакого грѣха нѣтъ, а просто мѣшалъ, потому что онъ губернаторъ — только и всего. Теперь пойдемъ дальше. Замѣчали ли вы, какъ партикулярные люди о губернаторѣ отзываются, когда похвалить его хотятъ? „Это, — говорятъ, — хорошій губернаторъ: онъ сидитъ смирно, никого не трогаетъ“. Вотъ-съ.

Стало быть, что всего болѣе въ губернаторѣ любезно—это ежели онъ благосклонно бездѣйствуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, разсудите по совѣсти, въ чемъ его вмѣшательство въ обывательскихъ дѣлахъ пользу принести можетъ? Пріѣхалъ онъ въ губернію чужимъ-чужениномъ —это разъ; обучался онъ, можетъ быть, чему-нибудь, да только не тому, чему слѣдуетъ—это два. Затѣмъ: статистики онъ—не знаетъ, этнографіи—не разумѣетъ; нравы и обычаи—не при немъ писаны; гдѣ какая рѣка, куда течетъ, почему и въ какомъ смыслѣ—это онъ развѣ тогда узнаетъ, когда разъ пять вдоль и поперёкъ губернію исколеситъ; о желѣзныхъ дорогахъ знаетъ только—когда и куда какой поѣздъ отходитъ, чтобы въ случаѣ чего не опоздать; а зачѣмъ дорога построена, сколько въ прошломъ году доходовъ собрано, сколько въ нынѣшнемъ, гдѣ и какую питательную вѣтвь надо провести,—все это для него—темна вода во облацѣхъ. И можно бы все это узнать, и свѣдѣнія всѣ подъ руками, да неинтересно и не для чего. Ничего изъ этихъ свѣдѣній не выйдетъ *).

— Или насчетъ торговъ, ремеслъ, промысловъ: сапожное тамъ ремесло, огородническій промыселъ; въ одномъ мѣстѣ рогожи ткутъ, въ другомъ — косы, серпы куютъ: зачѣмъ? почему? Гдѣ раки зимуютъ?

— Вашество!—прервалъ предводитель расходившагося губернатора — да вѣдь я, обыватель здѣшній, а и я этого ничего не знаю!

— Вы — другое дѣло; вы — предводитель. Подаютъ вамъ за столомъ говядину—вамъ и нужды нѣтъ, откуда она. Была бы съѣдобна—только и всего. А я—губернаторъ, я долженъ все знать. Меня —нѣтъ-нѣтъ, да и спросятъ: въ какомъ, молъ, положеніи у васъ огородничество?

— Да, по нынѣшнему времени, всего ожидать можно.

— Нынче, батюшка, чтобы всякая копѣйка на счету стояла, чтобы все, изъ чего извлечь можно—гдѣ, бишь, оно? не полезно ли, молъ, обложить? Вотъ нынче какъ. Ну, и отвѣчаешь на всякій случай, чтобы безъ хлопотъ: оставляетъ, молъ, желать многаго.

— Н-да, а между тѣмъ капуста у насъ...

— То-то „капуста“. А я только недавно объ этомъ узналъ.

*) Само собой разумѣется, что это только въ сказкѣ возможно.

Намеднись подаютъ кочанъ; я думалъ, онъ изъ Алжира — анъ онъ изъ Поздѣевки.

— Изъ Поздѣевки — это вѣрно; тамъ и морковь, и рѣпа — всякій овощъ. Такъ-то всегда у насъ. Мы по Эмсамъ да по Маріенбадамъ воду пить ѣздимъ, а у насъ, въ Поздѣевкѣ, своя вода есть, да еще лучше, потому что отъ маріенбадской-то воды желудокъ разстраивается.

— А скажите-ка, кто поздѣевскую-то капусту завелъ? Небось губернаторъ? — какъ бы не такъ! Мужичокъ, сударь. Побывалъ во времена оны какой-нибудь поздѣевскій Семенъ Малявка въ Ростовѣ, посмотрѣлъ, какъ тамошніе мужички капустную разсаду разводятъ, да и завелъ, воротясь домой, у себя огородецъ, а глядя на него и другіе принялись.

— Это такъ точно, вашество, — вынужденъ былъ согласиться предводитель.

— И всѣ у насъ промыслы какъ-то мѣстомъ ведутся. Тутъ — благодать, а рядомъ — нѣтъ ничего. Представьте себѣ, около этой самой Поздѣевки деревня Развалихина есть, — такъ тамъ объ огородахъ и слыхомъ не слыхать, а всѣ мужички до одного шерстобиты. Лѣтомъ землю общимъ крестьянскимъ обычаемъ работаютъ, а зимой разбредутся кто куда и шерстобитничаютъ. И тоже не губернаторъ завелъ, а побывалъ простой мужикъ Абрамко въ Калязинскомъ уѣздѣ и привезъ оттуда. — Вотъ и понимайте теперь. Капуста, огурцы, шерстобитничество, саноги, рогожи... все они, все обыватели! Вы думаете, у васъ въ Растеряевкѣ колокольню кто построилъ? — губернаторъ? — Анъ нѣтъ, купецъ Поликарпъ Аггеевъ Параличевъ ее построилъ, а губернаторъ только на освященіи былъ да пирогъ съ визигой ѣлъ.

— Это вѣрно.

— А переславскихъ сельдей кто первый коптить началъ?

— Тоже вѣрно. Не губернаторъ.

— А семгу-порогъ? а кольскую морошку, а ржевскую и коломенскую пастилу? Губернаторъ? а?

— Позвольте, вашество! но вѣдь, кромѣ огородничества и бакалеи, есть и другихъ предметовъ достаточно...

— Напримѣръ?

— Подати, напримѣръ... Собирать ихъ, взыскивать...

— А что̀ такое подати? слыхали?

— Подати... это, такъ сказать, свидѣтельство принадлежности...—началъ-было предводитель, но запутался и умолкъ.

— То-то „свидѣтельство“... А какъ вы думаете, пріятное это „свидѣтельство“? Смотрите-ка! за податьми пріѣхалъ! Ахъ, какъ пріятно! Диво бы секретъ разведенія муромскихъ огурцовъ или копченья тамбовской ветчины привезъ... а то подати выбивать! Да и какъ, позвольте спросить, я это „свидѣтельство принадлежности“ осуществлю, ежели, напримѣръ, у поздѣевскихъ мужиковъ капуста не родится? Какая моя въ этомъ разѣ роль? Разошлю по исправникамъ циркуляръ—только и всего; а исправники наполнятъ губернію крикомъ—тоже только всего. Во всякомъ смыслѣ я понуждаю—не знаю, на какой предметъ; исправникъ кричитъ—тоже на какой предметъ не знаетъ. Что̀ такое случилось? Куда скрылись казенныя подати? Неурожай ли мужика обездолилъ, пьянство ли одолѣло, міроѣдъ ли къ нему присосался, или мужикъ самъ капризничать началъ, кубышку вздумалъ копить? Вотъ вѣдь сколько разныхъ случаевъ можетъ быть, да и все ли еще тутъ! А мы суетимся, гамимъ, знать ничего не хотимъ: чтобъ были подати—только и всего!

— Да, это такъ точно. И нагамятъ, и нашумятъ, и даже подъ рубашку заглянутъ; а какой въ томъ результатъ—сами не знаютъ! —грустно подтвердилъ предводитель.

Оба собесѣдника на минуту задумались.

Первый очнулся предводитель. Онъ, повидимому, еще не отчаивался и у него уже назрѣлъ-было вопросъ: а народная нравственность? а просвѣщеніе? науки? искусства? — какъ губернаторъ словно угадалъ его мысли и такъ строго взглянулъ на своего собесѣдника, что тотъ могъ вымолвить только:

— А народное продовольствіе?

— И вамъ не совѣстно?—вмѣсто отвѣта, спросилъ его въ упоръ губернаторъ.

Предводитель покраснѣлъ. Онъ вспомнилъ, какъ въ началѣ года онъ, въ качествѣ предсѣдателя земской управы, разъѣзжалъ по волостямъ и т. д. Вспомнилъ и застыдился.

— Такъ неужто же, наконецъ...—воскликнулъ онъ, и вдругъ нѣчто вспомнилъ: — позвольте! вотъ вамъ предметъ: содѣйствіе къ соединенію общества!

— Какого такого общества?

— Здѣшняго-съ.

— Гм... такъ вы думаете, что я соединяю здѣшнее общество?

— И вы, вашество, и супруга ваша... Лукерья Ивановна.

— Лукерья Ивановна — можетъ быть, но я... нѣтъ! меня... увольте! Да и кому, наконецъ, этотъ предметъ нуженъ... „соединеніе общества“... да еще здѣшняго?!

Собесѣдники окончательно умолкли. И, можетъ быть, имъ пришлось бы очень неловко, еслибъ на выручку не явился изъ губернскаго правленія казначей.

Это было 30-е число мѣсяца. Въ этотъ день, какъ извѣстно, производилась нѣкогда получка жалованья и казначеи всѣхъ вѣдомствъ являлись къ начальникамъ съ денежными книгами, которыя очищались расписками въ полученіи.

Губернаторъ принялъ отъ казначея пачку, не торопясь пересчиталъ деньги, положилъ ихъ на столъ и расписался.

— Ну-съ, а это-съ? — пошутилъ предводитель, указывая на пачку:—въ какомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать „это“?..

— Н-да... то-есть, вы хотите сказать: „это“? — переспросилъ губернаторъ, какъ бы очнувшись.

— Да-съ! это-съ. Именно оно самое... это-съ!

— Гм... „это“?.. Это... воздаяніе!

19.—Деревенскій пожаръ.

(Ни-то сказка, ни-то быль.)

Въ деревнѣ Софонихѣ, около полденъ, вспыхнулъ пожаръ. Это случилось въ самый развалъ іюньской пахоты. И мужики, и бабы были въ полѣ. Сказывали: шелъ мимо деревни солдатикъ, присѣлъ на заваленку, покурилъ трубочки и ушелъ. А вслѣдъ за нимъ загорѣлось.

Деревня сгорѣла до тла. Только тотъ порядокъ, гдѣ были житницы, уцѣлѣлъ наполовину. Мужики въ одночасье потеряли все и сдѣлались нищими. Сгорѣла бабушка Прасковья да еще Татьянинъ мальчикъ Петька. Мужики и бабы, завидѣвъ густой дымъ, бѣжали

съ поля какъ угорѣлые, оставивъ сохи и лошадей. Но спасать было уже нечего. Хорошо, что скота не было дома да навозъ былъ только-что вывезенъ, а то пришлось бы совсѣмъ хоть помирай. Малолѣтки, которые въ минуту пожара играли на улицѣ, [illegible] въ рѣчку и отчаянно ревѣли. Дѣвочки-подростки, съ младенцами на рукахъ, испуганно выглядывали на обуглившіяся избы и обнаженные остовы печей.

Тетка Татьяна была бодрая и еще молодая бобылка. Лѣтъ шесть тому назадъ у нея умеръ мужъ, но она продолжала держать хозяйство. Платила міру за половину надѣла, сама пахала, косила и жала. У нея былъ единственный сынъ, Петька, лѣтъ восьми, въ которомъ она души не чаяла и въ которомъ уже видѣла будущаго мужика. Онъ и самъ видѣлъ въ себѣ мужика, и говорилъ:

— Я, мама, буду мужикъ... хресьянинъ.

Вся деревня его любила. Мальчикъ былъ вострый и ласковый, и уже ходилъ въ школу. Бывало, идетъ по деревнѣ, мимо стариковъ:

— Ну, что, мужичокъ, помогаешь мамкѣ?—спрашиваютъ старики.

— Помогаю.

Между тѣмъ улица запружалась всякимъ мужицкимъ хламомъ: мужику все дорого, все надобно. Домохозяева, окруженные домочадцами, бродили каждый по своему пепелищу и тащили все, что попадалось на глаза: старую подошву, заржавленный гвоздь, обрывокъ шлеи, обломокъ сошника и проч. У нѣкоторыхъ уцѣлѣли подполицы: но такъ какъ время было голодное (Петровъ постъ), то подполицы были пусты. Одинъ завѣдомый нищій, лѣтъ десять ходившій „въ кусочки“, метался и кричалъ:

— Гдѣ моя кубышка? гдѣ? кто унесъ? сказывайте: кто?

Баушка Авдотья ходила взадъ и впередъ по улицѣ и всѣмъ показывала два обгорѣвшихъ выигрышныхъ билета внутренняго займа. Обгорѣли края; середка съ нѣсколькими купонами осталась цѣла.

— Чай, выдадутъ! — утѣшалъ ее староста Михѣй: — вишь и нумера видны (на уцѣлѣвшихъ купонахъ); ужъ барыня въ Питерѣ похлопочетъ *).

*) Фактъ. Въ 1872 году приходила къ автору крестьянка села Заозерья (Угличскаго уѣзда) и показывала два или три обгорѣвшихъ по краямъ билета, но такъ, что на уцѣлѣвшихъ по середкѣ купонахъ видны были и № билета,

Старики собрались въ кучу и обсуждали мірскую нужу. На всѣхъ лицахъ была написана душевная мука; у нѣкоторыхъ глаза сочились слезами. Рѣшили идти всѣмъ міромъ, поклониться сосѣдней одновотчинной деревнѣ, чтобы дала пріютъ погорѣльцамъ, покуда не будутъ устроены хотя какія-нибудь временныя помѣщенія. Затѣмъ снарядили старосту и послали верхомъ въ городъ, въ управу, за пособіемъ и страховыми.

Пришелъ сельскій батюшка и, похаживая между мужиками, утѣшалъ ихъ.

— Кто далъ?—Богъ!—говорилъ онъ: — Кто взялъ! — Богъ! Неужто-жъ Онъ не знаетъ?

Мужики молча ему поклонились.

— А вы не унывайте! — продолжалъ батюшка: — съ какого права? почему? какъ? кто дозволилъ? Скотъ — при васъ, земледѣльческія орудія цѣлехоньки, навозъ вывезенъ — чего еще земледѣльцу нужно? А вы ропщете! Вотъ ужо управа на постройку денегъ отпуститъ; помѣщица—нуждающимся хлѣбца пришлетъ: и я тоже... развѣ я не молюсь за васъ? Я не только за васъ, но и за *всѣхъ* молюсь. „И всѣхъ православныхъ христіанъ“ —вотъ какъ.

Опять поклонились мужики, а словоохотливый батюшка продолжалъ:

— Коли страхъ Божій будете въ сердцахъ сохранять да храмъ Божій усердно посѣщать, такъ и не увидите, какъ Богъ сторицей вознаградитъ. Хлѣбъ нынче обѣщаетъ жатву изрядную. Озимыя отмѣнныя; яровыя, Богъ дастъ, поправятся. Ужо снимете у барыни полевину—вотъ вы и съ сѣномъ. Свезете по возку, по другому—анъ и денежки въ кошелѣ завелись: а тамъ озимое, ржицы на базаръ свезете—опять деньги, а наконецъ и овсецо — тоже деньги. Въ будущемъ же году и не увидите, какъ на мѣстѣ истребленныхъ неумолимымъ пламенемъ хижинъ будутъ красоваться новые дома, удобные и просторные, и всѣ вы поживете въ нихъ, кіиждо подъ смоковницею

и серіи. Я просилъ нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ ходатайствовать въ банкѣ. Всѣмъ казалось дѣло несомнѣннымъ, но г. Ламанскій, тогдашній управляющій банкомъ, разсудилъ иначе. Ни возобновить билеты, ни даже выдать за нихъ нарицательную цѣну, оказалось невозможно. Это, изволите видѣть, польза банка. Вотъ какъ истинные сановники блюдутъ интересы казны!

своей, и всерадостно, и всецѣло возблагодарите Господа вашего за ниспосланное вамъ благодѣяніе. Вотъ увидите.

И тетка Татьяна безпомощно ходила по своему пепелищу, сгребала тлѣющія бревна и выкликала:

— Петь, а Петь, гдѣ ты, милый? Откликнись!—И не слыхала, какъ ветхій старикъ Калистратычъ говорилъ ей:

— Смотри, не въ лѣсъ ли онъ убѣгъ? Давеча видѣлъ я его. Сидѣлъ я у житницы на приступочкѣ, какъ ваша-то изба занялась. Смотрю: кружится Петька по горницѣ, рубашонкой раздуваетъ. Я ему кричу: толкни, милый, дверь, толкни! Только кружился онъ, кружился, а потомъ и ничего не стало видно. Навѣрное убѣгъ въ лѣсъ съ испугу.

Но Татьяна ничего не чувствовала, кромѣ того, что сердце ея рвется на части.

— Петь, а Петь! гдѣ ты, милый? Откликнись!—раздавался ея вопль среди общаго говора деревенскаго.

Наконецъ человѣка два сжалились надъ нею и пришли на помощь. Разворочали обрушившійся потолокъ и подъ дымящимися обломками его нашли трупъ мальчика. Вся сторона тѣла и лица, обращенная кверху, представляла безобразную черную массу; но та, которая прилегала къ полу, осталась нетронутою.

Татьяна пошатнулась, въ глазахъ потемнѣло, и изъ груди на всю деревню вырвался потрясающій ея вопль:

— Господи! видишь ли?

Этотъ вопль услыхалъ и батюшка, и, разумѣется, посѣщилъ съ утѣшеніемъ:

— Ропщешь? —говорилъ онъ съ ласковой укоризной:—а Іова помнишь? Нѣтъ? Такъ я тебѣ напомню! Онъ былъ богатъ и славенъ, имѣлъ дѣтей, стада и сокровища—и вдругъ, съ дозволенія Божія, все было у него отнято: и дѣти, и скотъ, и друзья, а самъ онъ былъ пораженъ проказою, изгнанъ изъ города и лежалъ у городскихъ воротъ на гноищѣ. Псы лизали его раны... псы! Но и за всѣмъ тѣмъ онъ не токмо не возроптал, но паче возлюбилъ Господа, создавшаго его. И Богъ, видя такую его преданность, воззрѣлъ на него. Черезъ короткое время Іовъ былъ и здоровъ, и богатъ, и славенъ болѣе прежняго. Стада умножились, дѣтей народилось достаточно, словомъ сказать, все...

Однако и батюшкины увѣщанія доходили до Татьяны въ формѣ смутнаго и назойливаго шума. Она устремила глаза на ту линію, которая раздѣляла уцѣлѣвшую часть Петькина лица отъ обуглившейся, и тихо шептала:

— Господи! видишь ли?

Въ усадьбѣ, въ это время, добрая барыня, Анна Андреевна Копѣйщикова, праздновала день своего рожденья. Собрались немногіе, но искренніе друзья: предводитель Кипящевъ съ женою, исправникъ Шипящевъ съ племянницею, да еще Иванъ Иванычъ Глазъ, партикулярный человѣкъ, про котораго говорили, что при немъ языкъ за зубами держать надо. Впрочемъ такъ какъ тутъ были все люди, при которыхъ тоже нужно было языкъ держать на привязи (сама Анна Андреевна говорила, что она гдѣ-то „служитъ"), то Иванъ Иванычъ чувствовалъ себя въ этой компаніи очень удобно. Присутствовалъ тутъ и батюшка съ попадьей.

Анна Андреевна была генеральская вдова, лѣтъ сорока съ небольшимъ, еще красивая и особенно выдающаяся роскошнымъ бюстомъ на балахъ и вечерахъ, гдѣ обязательно декольтѐ и гдѣ ея бюстъ приковывалъ къ себѣ взоры людей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ оружій. Но она разъ навсегда сказала себѣ: n-i—ni—c'est fini, и всю себя отдала своимъ дѣтямъ. За это въ свѣтѣ про нее говорили: c'est une sainte, а за патріотизмъ: c'est une fière matrone! Какъ и всѣ русскія дамы, она говорила по-французски, знала un peu d'arithmétique, un peu de géographie et un peu de mythologie (cette pauvre Léda!), долго жила за границей, а въ послѣднее время сдѣлалась патріоткой и полюбила „добрый русскій народъ". Три года тому назадъ она посѣтила родное Горбилево, и съ тѣхъ поръ ѣздила туда каждое лѣто. Поставила въ саду мавзолей покойному мужу и каждый день молилась. Ни съ кѣмъ не знакомилась, кромѣ испытанныхъ „друзей порядка", хозяйства не вела, а отдавала землю мужикамъ исполу и видимо экономничала. У нея былъ сынъ Сережа, правовѣдъ лѣтъ шестнадцати, и восемнадцатилѣтняя дочь Вѣрочка, шустрая особа, которая тоже знала un peu d'arithmétique et un peu de mythologie.

Господа уже возвратились изъ церкви и сидѣли за завтракомъ, когда прибѣжали сказать, что Софониха горитъ. Батюшка мгновенно скрылся увѣщевать; прочіе побѣжали къ окнамъ и смотрѣли. За гро-

мадной тучей дыма не было видно пламени, но дымъ прямо летѣлъ по вѣтру на усадьбу и чувствовался въ комнатахъ горькій запахъ его. Людей тоже не было видно, но по дорогѣ бѣжали къ пожарищу толпы сосѣднихъ крестьянъ и дворовыхъ.

— Какъ вы хотите, господа, — сказала наконецъ Анна Андреевна,—а я не могу оставаться равнодушной зрительницей. Вѣдь они—мои. Злые люди разлучили насъ,—надѣюсь, временно,—но я все-таки помню, что они—мои.

Но ей не дали одной совершить подвигъ самоотверженія, и всей компаніей вызвались сопутствовать ей.

— Да и вообще это нашъ долгъ,—продолжала Анна Андреевна: —еслибъ даже это были и не мои крестьяне, все-таки наша священная обязанность—быть тамъ, гдѣ страдаютъ. Мы обѣднѣли, мы обижены... но мы все забыли. Мы помнимъ только, что къ намъ обращаетъ взоры страждущій меньшій братъ!

Узнавши, что въ этотъ день пекли хлѣбы для рабочихъ и дворовыхъ, она велѣла разрѣзать нѣсколько на ломти и снести погорѣльцамъ.

— А завтра опять испечете хлѣба для своихъ... надо же! Да не забудьте солью посыпать!

Словомъ сказать, сдѣлала все, что было въ ея власти, и наконецъ захватила портмонэ, сказавъ: „это на всякій случай!“ И Вѣрочка, по примѣру матери, взяла кошелекъ съ завѣтными свѣтленькими монетами.

Компанія остановилась у входа въ деревню, но Вѣрочка и мамзель Шипящева не утерпѣли и почли вглубь по улицѣ.

— Скажите мужичкамъ, что я имъ двѣ четверти ржи жертвую! —крикнула имъ вслѣдъ Анна Андреевна.

Минутъ черезъ пять Вѣрочка прибѣжала назадъ вся въ слезахъ.

— Ахъ, мамочка!—объявила она:—тамъ есть бѣдная женщина, у которой сгорѣлъ мальчикъ-сынъ! Ахъ, какъ страшно... Что съ ней дѣлается! Батюшка увѣщеваетъ ее, а она не слушается, только повторяетъ: „Господи! видишь ли?“ Мамочка! это ужасно, ужасно, ужасно!

— Жаль бѣдную; но какая ты, однакожъ, первая, Вѣра! — упрекнула ее Анна Андреевна.—Это не годится, мой другъ! Вездѣ Промыселъ—это прежде всего нужно помнить! Конечно... это боль-

шая утрата; но бываютъ и не такія, а мы покоряемся и терпимъ! Помнишь: крахъ Баймакова и нашъ текущій счетъ... Давалъ 6%... и чтожъ! Впрочемъ соловья баснями не кормятъ. Господа! — обратилась она къ окружающимъ: — сдѣлаемте маленькую коллекту въ пользу бѣдной страдалицы-матери! Кто сколько можетъ!

Она трепетною рукою вынула изъ портмонэ десятирублевую бумажку, положила ее на ладонь и протянула руку. Вѣрочка тотчасъ же положила туда весь свой кошелекъ; гости тоже вынули нѣсколько мелкихъ ассигнацій. Только Иванъ Иванычъ Глазъ отвернулся въ сторону и посвистывалъ. Собралось около тридцати рублей.

— Ну, вотъ, снеси ей!—сказала Анна Андреевна дочери: — скажи, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Да подтверди мужичкамъ насчетъ ржи... двѣ четверти! Да хлѣба принесли ли? Скажи, чтобъ роздали! Это для утоленія перваго голода!

Вѣрочка быстро побѣжала. Ей представлялось въ эту минуту, что она — ангелъ-хранитель и помаваетъ серебряными крылами въ небесной лазури, съ тридцатью рублями въ рукахъ. Она застала Татьяну все въ томъ же положеніи. Послѣдняя стояла съ широко открытыми глазами, машинально шевелила губами, безъ всякаго признака самочувствія. Батюшка по прежнему стоялъ подлѣ нея и разсказывалъ примѣръ изъ исторіи первыхъ мучениковъ временъ жестокаго царя Нерона. Татьянѣ еще не представлялся вопросъ: что съ ней будетъ? нужна ли ей изба, поле и вообще все, что до сихъ поръ наполняло ея жизнь? или она должна будетъ скитаться по бѣлу-свѣту въ батрачкахъ?

И вдругъ—ангелъ-хранитель.

— На тебѣ, милая! мамочка прислала! — говорила Вѣрочка, протягивая деньги.

Татьяна ничего не поняла, даже не взглянула на милостыню.

— Бери, строптивая!—увѣщевалъ ее батюшка:—добрые господа жалуютъ, а ты небрежешь!

Даже мужички заинтересовались и принялись уговаривать:

— Бери, тетка Татьяна, бери, коли даютъ! на избу пригодится... бери!

Татьяна не шелохнулась.

Вѣрочка постояла, положила деньги на землю и удалилась, огорченная. Батюшка поднялъ ихъ.

— Ну, ежели ты не хочешь брать, — сказалъ онъ, — такъ я ими на церковное украшеніе воспользуюсь. Вотъ у насъ паникадило плоховато, такъ мы старенькое-то въ ломъ отдадимъ, да вмѣстѣ съ этими деньгами и взбодримъ новое! Засвѣтятся [illegible] православные!

— Мамочка, она не взяла!—говорила Вѣрочка со слезами въ голосѣ.

Изумились.

— Однако, душёкъ-то этотъ въ нихъ еще есть! не выбили! — загадочно молвилъ Глазъ.

Но на этотъ разъ Анна Андреевна не согласилась съ нимъ.

— Есть душёкъ—это правда; но не слѣдуетъ терять изъ вида глубину ея горя! Только сердце матери можетъ понять, каково потерять... сына!

Предсказаніе батюшкино сбылось. Года черезъ два я проѣзжалъ мимо Софонихи и увидѣлъ сущую метаморфозу. На мѣстѣ стараго пепелища стоялъ порядокъ новыхъ домовъ, высокихъ и сравнительно просторныхъ. Крыши, правда, были крыты соломою, но подъ щетку, такъ-что глазъ не огорчался ни махрами, ни висящими клочьями. Новые срубы блестѣли на солнцѣ, какъ облупленное яичко. Только на мѣстѣ Татьяниной избы валялись неприбранныя головешки, а сама она скрылась изъ деревни неизвѣстно куда. Должно быть, по святымъ мѣстамъ странствуетъ, Христовымъ именемъ. Мужики жили дружно и, слѣдовательно, исправно. Усердно работали, платили выкупные и мірскіе платежи безсомочно, отбывали повинности: рекрутскую, подводную и дорожную. Ежели же требовалось сверхъ того, то и это исполняли съ готовностью.

Исправникъ Шипящевъ не нахвалится ими.

— Эта деревня у меня—въ первомъ номерѣ!—говоритъ онъ.

Богъ въ помощь, робята!

20.—Путемъ-дорогою.

(Разговоръ.)

Шли путемъ-дорогою два мужика: Иванъ Бобровъ да Ѳедоръ Голубкинъ. Оба были односельчане и сосѣди по дворамъ, сба только-что въ весенній мясоѣдъ женились. Съ апрѣля мѣсяца жили они въ Москвѣ въ каменщикахъ и теперь выпросились у хозяина въ побывку домой на сѣнокосное время. Предстояло пройти отъ желѣзной дороги верстъ сорокъ въ сторону, а этакую махину, пожалуй, и привычный мужикъ въ однѣ сутки не оплетётъ.

Шли они не тòропко, не надрываясь. Вышли раннимъ утромъ, а теперь солнце ужъ высоко стояло. Они отошли всего верстъ пятнадцать, какъ ноги ужъ потребовали отдыха, тѣмъ больше, что день выдался знойный, душный. Но, высматривая по сторонамъ, не встрѣтится ли стога сѣна, подъ которымъ можно было бы поѣсть и соснуть, они оживленно между собой разговаривали.

— Ты чтò домой, Иванъ, несешь?—спросилъ Ѳедоръ.

— Да три пятишницы хозяинъ до разсчета далъ. Одну-то, признаться, въ Москвѣ еще на мелочи истратилъ, а двѣ домой несу.

— И я тоже. Да только куда съ двумя пятишницами повернешься?

— Тутъ и въ пиръ и въ міръ, а отецъ велѣлъ сказать, что какая-то старая недоимка нашлась, такъ понуждаютъ. Пожалуй и все туда уйдетъ.

— А у насъ и хлѣба-то новаго не хватитъ. Пришелъ сѣнокосъ, руки-то цѣлый день намахаешь, такъ по-неволѣ ѣсть запросишь. Ничего-то у насъ нѣтъ, ни хлѣба, ни соли, а тоже людьми считаемся. Говорятъ: вы — каменщики, въ Москвѣ работаете, у васъ должны деньги значиться... А сколько ихъ и по осени-то принесешь!

— Худо наше крестьянское житье! Нѣтъ хуже.

— Чего еще!

Путники вздохнули и нѣсколько минутъ шли молча.

— Чтò-то теперь наши дѣлаютъ?—опять началъ Ѳедоръ.

— Чтò дѣлаютъ! Чай, навозъ вывезли; пашутъ... и пашутъ, и боронятъ, и сѣютъ; круглое лѣто около земли ходятъ, а все хлѣба

нѣтъ. Сряду три года — то вымокнетъ, то сухмень высушитъ, то градомъ побьетъ... Какъ-то нынѣче Господь совершитъ!

— А у меня, братъ, и еще горе. Къ Дунькѣ волостной старшина увязался; не даетъ бабѣ проходу, да и все [illegible]. Сахъ подарками засылаетъ; одну батюшко вожжами поучилъ, такъ его же на три дня въ холодную засадили.

— И ничего не подѣлаешь! Помнишь, какъ лѣтось Прохорова Матренка задавилась? Тоже старшина... Терпѣла-терпѣла да и въ петлю...

— Намъ худо, бабамъ нашимъ еще того хуже. Мы, по крайности, въ Москву сходимъ, на свѣтъ поглядимъ, а баба—куда она пойдетъ? Словно къ тюрьмѣ прикованная. Ноги и руки за лѣто изсѣкутся; лицо словно голенище черное сдѣлается, и на человѣка-то не похоже. И всякій-то норовитъ ее обидѣть да обозвать...

— Давай-ка, Ѳедя, пѣсню съ горя споемъ!

Стали пѣть пѣсню, но съ горя и съ устатку какъ-то не пѣлось.

— А что, Иванъ, я хотѣлъ тебя спросить: гдѣ Правда находится?—молвилъ Ѳедоръ.

— И я тоже не однова спрашивалъ у людей: гдѣ, молъ, Правда, гдѣ ее отыскать? А мнѣ одинъ молодой баринъ въ Москвѣ сказалъ, будто она на днѣ колодца сидитъ спрятана.

— Ишь вѣдь! кабы такъ, давно бы наши бабы ее оттолѣ бадьями вытащили,—пошутилъ Ѳедоръ.

— Извѣстно, посмѣялся надо мной барчукъ. Имъ что! Они и безъ Правды проживутъ. А намъ Неправда-то оскомину набила.

— Старики сказываютъ, что дѣдушко Еремѣй еще при старомъ баринѣ все Правды искалъ; да Правда-то, вишь, изувѣчила его.

— Прежде многіе Правду разыскивали; тяжельше, стало быть, жить было, да и сердце у стариковъ болѣло. Одна барщина сколько народу сгубила. Въ полѣ—смерть, дома—смерть, вездѣ... Придетъ крестьянинъ о праздникѣ въ церковь, а тамъ на всѣхъ стѣнахъ Правда написана,—только со стѣны-то ее не снимешь.

— Это правда твоя, что не снимешь. Что крестьянинъ? Онъ и видитъ, да глазъ нейметъ. Темные мы люди, безчастные; вздохнешь да поплачешь: Господи, помилуй!—только и всего. И молиться-то мы не умѣемъ.

— Прежде ходоки такіе были, за міръ стояли. Соберется, бывало, ходокъ, крадучись, въ Петербургъ, а его оттолѣ по этапу...

— Все-таки прежде хоть насчетъ Правды лучше было. И старики дѣтямъ наказывали: „одолѣла насъ Неправда, надо Правды искать“. Батюшко сказывалъ: такое сердце у дѣдушки Еремѣя было —такъ и рвется за міръ постоять! И теперь онъ на печи изувѣченный лежитъ, въ чемъ душа, а все о Правдѣ твердитъ! Только нынче его ужъ не слушаютъ.

— То-то, что легче, говорятъ, стало — оттого и Еремѣя не слушаютъ. Кому нынче Правда нужна? И на сходкѣ, и въ кабакѣ —вездѣ ноньче легость...

— Прежде господа рвали душу, теперь — міроѣды да кабатчики. Во всякой деревнѣ міроѣдъ завелся: рветъ христіанскія души, да и шабашъ.

— Возьмемъ хоть бы Василія Игнатьева—какія онъ себѣ хоромы на христіанскую кровь взбодрилъ. Крышу-то красную за версту видно; обокъ лавка, а онъ стоитъ въ дверяхъ да брюхо объ косякъ чешетъ.

— И всѣ къ нему съ почтеніемъ. Старшина придетъ—съ нимъ вмѣстѣ бражничаетъ, долги его прежде казенныхъ податей собираетъ; становой пріѣдетъ—тоже у него становится. У него и щи съ убоиной, и водка. Лѣтось молодой баринъ изъ Питера пріѣзжалъ—сейчасъ: „попросите ко мнѣ Василія Игнатьича!“... „Ну, что, Василій Игнатьичъ, все ли по добру, по здорову? Хорошо ли торгуете?“

— „Чайку вмѣстѣ попьемте... вы, дескать, настоящій добрый русскій крестьянинъ! печетесь о себѣ, другимъ примѣръ показываете... и ежели, молъ, вамъ, что нужно, такъ пишите ко мнѣ въ Петербургъ“.

— Одворицу выкупилъ, да надѣлъ на семь душъ! Совсѣмъ изъ міра уволился, самъ баринъ.

— А теперь міръ ему въ ноги кланяется, какъ придетъ время подати вносить. Міромъ ему и сѣнокосъ убираютъ, и хлѣбъ жнутъ...

— Вотъ такъ легость! Нѣтъ, ты скажи, гдѣ же Правду искать?

— У Бога она, должно быть, Богъ ее на небо взялъ и не пущаетъ.

Опять смолкли спутники, опять завздыхали. Но Ѳедоръ вѣрилъ, что не можетъ этого статься, чтобы Правды не было на свѣтѣ, и

ему не по нраву было, что товарищъ его относился къ этой вѣрѣ такъ легко.

— Нѣтъ, я попробую, — сказалъ онъ.— Я какъ приду, такъ сейчасъ же къ дѣдушкѣ Еремѣю схожу. Все у него выспрошу, какъ онъ Правду разыскивалъ.

— А онъ тебѣ разскажетъ, какъ его въ части сѣкли, какъ по этапу гнали да въ Сибирь совсѣмъ было-собрали, только баринъ вдругъ спохватился: опредѣлить Еремѣя лѣснымъ сторожемъ! И сторожилъ онъ барскіе лѣса до самой воли, жилъ въ трущобѣ и никого не велѣно было пускать къ нему.—Нѣтъ ужъ, лучше ты этого дѣла не замай!

— Никакъ этого сдѣлать нельзя. Возьми хоть Дуньку: какъ я приду, сейчасъ она мнѣ все разскажетъ... Что-жъ я столбомъ, что-ли, передъ ней стоять буду? Нѣтъ, тутъ и до смертнаго случая недалеко. Я ему кишки, псу несытому, выпущу!

— Ишь вѣдь! Все говорилъ о Правдѣ, а теперь на кишки своротилъ. Развѣ это Правда? знаешь ли ты, что̀ за такую Правду съ тобой сдѣлаютъ?

— И пущай дѣлаютъ. По твоему, значитъ, такъ и оставить. Приходите, молъ, Егоръ Петровичъ: моя Дунька завсегда... Нѣтъ! это надо оставить! Сыщу я Правду, сыщу!

— Ахъ ты, жарынь какая! — молвилъ Иванъ, чтобы перемѣнить разговоръ:—Скоро, поди, столбъ будетъ, а тамъ деревнюшка. Туда, что-ли, полдничать пойдемъ, или въ полѣ отдохнемъ?

Но Ѳедоръ не могъ ужъ угомониться и все бормоталъ: —Сыщу я Правду, сыщу!

— А я такъ думаю, что ничего ты не сыщешь, потому что нѣтъ Правды для насъ; время, вишь, не наступило!—сказалъ Иванъ.— Ты лучше подумай, на какія деньги хлѣба искупить, чтобы до новаго ѣсть было что̀.

— Къ тому же Василію Игнатьеву пойдемъ, въ ноги поклонимся!—угрюмо отвѣтилъ Ѳедоръ.

— И то придется; да десятину сѣнокоса ему за подожданье уберемъ! Батюшко, пожалуй, скажетъ: чѣмъ на платки женѣ да на кушаки третью пятишницу тратить, лучше бы на хлѣбъ ее сберегъ.

— Терпимъ и холодъ, и голодъ, каждый годъ все ждемъ: авось будетъ лучше... доколѣ же? Инъ и въ самомъ дѣлѣ Правды на свѣтѣ

нѣтъ? такъ только, попусту, люди болтаютъ: Правда, Правда... а гдѣ она?!

— Намеднись начетчикъ одинъ въ Москвѣ говорилъ мнѣ: „Правда — у насъ въ сердцахъ. Живите по правдѣ — и вамъ, и всѣмъ хорошо будетъ“.

— Сытъ, должно быть, этотъ начетчикъ, оттого и мелетъ.

— А можетъ и господа набаловали. Простой, дескать, мужикъ, а какія рѣчи говоритъ! Ему-то хорошо, такъ онъ и забылъ, что другимъ больно.

Въ это время на встрѣчу путникамъ мелькнулъ полусгнившій верстовой столбъ, на которомъ едва можно было прочитать: „Отъ Москвы 18, отъ станціи Рудаки 3 версты“.

— Что-жъ, въ полѣ отдохнемъ? — спросилъ Иванъ. — Вонъ и стожокъ близко.

— Извѣстно, въ полѣ, а то гдѣ-жъ? въ деревнѣ, что-ли, харчиться?

Товарищи свернули съ дороги и сѣли подъ тѣнью стараго, накренившагося стога.

— Есть же люди,—замѣтилъ Иванъ, снимая лапти,— у которыхъ еще старое сѣно осталось! У насъ и солому-то съ крышъ по веснѣ коровы пріѣли.

Начали полдничать; добыли воды да хлѣбъ изъ мѣшковъ вынули — вотъ и ѣда готова. Потомъ вытащили изъ стога по охапкѣ сѣна и улеглись.

— Смотри, Ѳедя,—молвилъ Иванъ, укладываясь и позѣвывая: —во всѣ стороны сколько простору! Всѣмъ мѣсто есть, а намъ...

21.—Гіена.

(Поученіе.)

Загляните въ любую Зоологію и всмотритесь въ изображеніе гіены. Ея заостренная мордочка не говоритъ ни о лукавствѣ, ни о подвохѣ, ни тѣмъ менѣе о жестокости, а представляется даже миловидною.

Это хорошее впечатлѣніе она производитъ благодаря небольшимъ

глазкамъ, въ которыхъ свѣтится благосклонность. У прочихъ острорылыхъ — глаза чистые, быстрые, блестящіе, взоръ жесткій, плотоядный; у нея — глазки томные, влажные, взоръ — доброжелательный, приглашающій къ довѣрію. У ксенлзовъ такіе умильные глаза бываютъ, когда они соберутся, ad majorem Dei gloriam, въ совѣсти у пасомаго пошарить. Или вотъ у чиновниковъ, которымъ довѣрено, подъ величайшимъ секретомъ, праздничные наградные списки набѣло переписать, и они, чтобы всѣхъ обнадежить и въ то же время государственную тайну соблюсти, начинаютъ всѣмъ одинаково улыбаться.

Кто бы подумалъ, что это изображеніе принадлежитъ одной изъ тѣхъ гіенъ, о которыхъ съ древнихъ временъ сложилась такая нехорошая репутація?!

Древніе видѣли въ гіенѣ нѣчто сверхъестественное и приписывали ей силу волшебныхъ чаръ. Этотъ взглядъ на гіену въ значительной мѣрѣ господствуетъ и понынѣ между аборигенами тѣхъ странъ, гдѣ привитаютъ эти животныя. Судя по разсказамъ Брэма, мѣстные арабы вѣрятъ, что человѣкъ сходитъ съума отъ употребленія мозга гіены, и что колдуны пользуются этимъ, чтобы вредить ненавистнымъ имъ людямъ. Мало того: арабы убѣждены, что гіены — не что иное, какъ замаскированные волшебники, которые днемъ являются въ видѣ людей, а ночью принимаютъ образъ звѣря, на погибель праведныхъ душъ.

Очевидно, розсказни эти столь же мало правдоподобны, какъ и та басня, которую я слышалъ отъ одной купчихи въ Замоскворѣчьѣ: знаю-де я гіену, которая днемъ въ человѣческомъ видѣ дорогихъ гостей принимаетъ, а чуть смеркнется — берется за перо и начинаетъ — въ гіенскомъ образѣ — „газету писать“... Какой вздоръ!

Впрочемъ о полосатой гіенѣ Брэмъ отзывается довольно снисходительно, хотя, разумѣется, особенныхъ добродѣтелей за ней не видитъ. Но вѣдь у звѣрей вообще ни добродѣтелей, ни пороковъ не водится, а водятся только свойства. Самый вой полосатой гіены, по свидѣтельству Брэма, далеко не такъ противенъ, какъ разсказываютъ, — и нерѣдко онъ забавлялся, слушая его. Наоборотъ, вой пятнистой гіены имѣетъ дѣйствительно характеръ „какого-то ужаснаго хохота, который всякой вѣрующей душѣ, съ живымъ воображеніемъ, легко приписать дьяволу и его адской компаніи“. Такъ что ежели, читая, напримѣръ, куранты, вы слышите хохотъ, „который

можно приписать дьяволу", то знайте, что онъ принадлежитъ пятнистой гіенѣ, и что эта разновидность гіены есть самая опасная и ненавистная изъ всѣхъ.

Объ этой гіенской особи у Брэма никакихъ свѣдѣній нѣтъ, но нужно вообще замѣтить, что его разсказъ о гіенахъ нѣсколько спутанъ. И, очевидно, эта спутанность происходитъ именно отъ того, что типъ гіены-оборотня какъ будто ускользнулъ отъ него. Къ счастію, онъ не ускользнулъ отъ той замоскворѣцкой купчихи, о которой я упомянулъ выше и которая, положительно, видѣла такую гіену собственными глазами.

— Посмотрѣть на нее—милушка!—разсказывала она:—а какъ начнетъ она хрюкать да хохотать... хохочетъ, хохочетъ, да вдругъ какъ захныкаетъ... Господи, спаси и помилуй!

Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что именно эту разновидность имѣетъ Брэмъ въ виду, когда говоритъ, что гіены обладаютъ отвратительно рѣзкимъ голосомъ, издаютъ противный запахъ и при ѣдѣ поднимаютъ такое кряхтѣніе, крикъ и хохотъ, что суевѣрнымъ людямъ вполнѣ естественно кажется, будто бѣснуются всѣ черти ада. Сверхъ того, эта гіена нападаетъ только на слабыхъ, спящихъ и беззащитныхъ (а конечно еще того лучше, коли жертва связана), и, кромѣ того, нерѣдко заходитъ днемъ въ дома и уноситъ маленькихъ дѣтей. Вообще, дѣти—любимое лакомство гіены-оборотня. Ночью она забирается въ жилища мамбуковъ (одно изъ кафрскихъ племенъ), проходитъ мимо телятъ, не трогая ихъ, и изъ-подъ одѣялъ спящихъ матерей утаскиваетъ дѣтей.

Изловить живую гіену не особенно трудно, и потому содержатели звѣринцевъ довольно дешево пріобрѣтаютъ ихъ и въ клѣткахъ показываютъ публикѣ. Заключенная въ клѣтку, гіена по цѣлымъ часамъ лежитъ на боку какъ колода, потомъ вдругъ вскочитъ, смотритъ невыразимо глупо, трется объ рѣшетку и отъ времени до времени заливается хохотомъ, который пронизываетъ до мозга костей.

За всѣмъ тѣмъ, по свидѣтельству того же Брэма, насколько гіена ехидна, настолько она и труслива. Однажды случилось ему заночевать въ компаніи на берегу Голубой рѣки, какъ вдругъ, вблизи самаго костра, появилась гіена и затянула свою раздирающую пѣсню. Однакожъ, стоило собравшейся компаніи, въ отвѣтъ на эту пѣсню, захохотать, какъ незванная гостья испугалась и немедленно бѣжала. Въ

другой разъ въ городѣ Сенаарѣ, возвращаясь въ полночь изъ гостей, Брэмъ въ одной изъ городскихъ улицъ встрѣтилъ порядочное стадо гіенъ. Но одного камня, брошеннаго въ нихъ, было достаточно, чтобы разогнать все стадо.

Гіенъ можно даже приручать. Удовольствія, конечно, это занятіе доставить не можетъ, но, въ видахъ подробнѣйшаго изслѣдованія нравовъ этого животнаго, подобныя попытки не безполезны. Достигается прирученіе довольно легко; стоитъ только чаще прибѣгать къ побоямъ и къ купанью въ холодной водѣ. Прирученныя такимъ образомъ гіены,—разсказываетъ Брэмъ,—завидѣвши его, вскакивали съ радостнымъ воемъ, начинали вокругъ него прыгать, клали переднія лапы ему на плечи, обнюхивали лицо, наконецъ поднимали хвостъ совсѣмъ прямо кверху и высовывали вывороченную кишку на $1^1/_2$—2 дюйма изъ задняго прохода. Однимъ словомъ, человѣкъ восторжествовалъ и тутъ, какъ вездѣ; только вотъ высунутая кишка—это ужъ лишнее.

А впрочемъ видѣть *радость* гіены... это тоже въ своемъ родѣ...

Но что же означаетъ вся эта исторія и съ какою цѣлью она написана?—быть можетъ, спроситъ меня читатель. — А вотъ именно затѣмъ я ее и разсказалъ, чтобы наглядньмъ образомъ показать, что „человѣческое“ всегда и неизбѣжно должно восторжествовать надъ „гіенскимъ“.

Иногда намъ кажется, что „гіенское“ готово весь міръ заполонить, что оно и одесную, и ошую распространило крилѣ и вотъ-вотъ задушитъ все живущее. Такія фантасмагоріи случаются нерѣдко. Кругомъ раздается дьявольскій хохотъ и визгъ: изъ глубины мрака несутся возгласы, призывающіе къ ненависти, къ сварѣ, къ междоусобью. Все живое въ безотчетномъ страхѣ падаетъ ницъ: всѣ душевныя отправленія застываютъ подъ гнетомъ одной удручающей мысли: изгибло доброе, изгибло прекрасное, изгибло человѣческое! Все, словно непроницаемымъ пологомъ, навсегда заслонено ненавистническимъ, клеветническимъ, гіенскимъ!

Но это—громадное и преступное заблужденіе. „Человѣческое“ никогда окончательно не погибало, но и подъ пепломъ, которымъ временно засыпало его „гіенское“, продолжало горѣть.

И впредь оно не погибнетъ, и не перестанетъ горѣть—никогда! Ибо для того, чтобы оно восторжествовало, необходимо только одно:

освѣтить сердца и умы сознаніемъ, что „гіенство“ вовсе не обладаетъ тѣми волшебными чарами, которыя приписываетъ ему безумный и злой предразсудокъ. Какъ только это просвѣтленіе совершится, не будетъ надобности и въ прирученіи „гіенства“ — зачѣмъ? оно все-таки не перестанетъ смердить, да и возни съ прирученіемъ много — а будетъ оно само собой все дальше и дальше удаляться вглубь, покуда наконецъ море не поглотитъ его, какъ древле оно поглотило стадо свиней.

Dixi.

22.—Приключеніе съ Крамольниковымъ.

(Сказка-элегія.)

Однажды утромъ, проснувшись, Крамольниковъ совершенно явственно ощутилъ, что его нѣтъ. Еще вчера онъ сознавалъ себя сущимъ; сегодня вчерашнее *бытіе* какимъ-то волшебствомъ превратилось въ *небытіе*. Но это небытіе было совершенно особаго рода. Крамольниковъ торопливо ощупалъ себя, потомъ произнесъ вслухъ нѣсколько словъ, наконецъ посмотрѣлся въ зеркало: оказалось, что онъ —тутъ, на-лицо, и что, въ качествѣ ревизской души, онъ существуетъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ и вчера. Мало того: онъ попробовалъ мыслить — оказалось, что и мыслить онъ можетъ... И за всѣмъ тѣмъ для него не подлежало сомнѣнію, что его нѣтъ. Нѣтъ того *неревизскаго* Крамольникова, какимъ онъ сознавалъ себя наканунѣ. Какъ будто передъ нимъ захлопнулась какая-то дверь или завалило впереди дорогу, и ему некуда и незачѣмъ идти.

Переходя отъ одного предположенія къ другому и въ то же время съ любопытствомъ всматриваясь въ окружающую обстановку, онъ взглянулъ мимоходомъ на лежавшую на письменномъ столѣ начатую литературную работу, и вдругъ все его существо словно электрическая струна пронизала...

Не нужно! не нужно! не нужно!

. . . . . .

Сначала онъ подумалъ: какой вздоръ! — и взялся за перо. Но когда онъ хотѣлъ продолжать начатую работу, то сразу убѣдился,

что дѣйствительно ему предстоитъ провести черту и подъ нею написать: *Не нужно*!

Онъ понялъ, что все оставалось по прежнему,—только душа у него запечатана. Отнынѣ онъ воленъ производить [illegible] ревизской душѣ отправленія; воленъ, пожалуй, мыслить; но все это ни къ чему. У него отнято главное, что составляло основу и сущность его жизни: отнята та лучистая сила, которая давала ему возможность огнемъ своего сердца зажигать сердца другихъ.

Онъ стоялъ изумленный; смотрѣлъ и не видѣлъ; искалъ и не находилъ. Что-то безконечно мучительное жгло его внутренности... А въ воздухѣ между тѣмъ носился нелѣпо-озорной шопотъ: „поймали! расчухали, уличили!“

— Что такое? что такое случилось?

Положительно, душа его была запечатана. Какъ у всякаго убѣжденнаго и вѣрящаго человѣка, у Крамольникова былъ внутренній храмъ, въ которомъ хранилось сокровище его души. Онъ не пряталъ этого сокровища, не считалъ его своею исключительною собственностью, но расточалъ его. Въ этомъ, по его мнѣнію, замыкался весь смыслъ человѣческой жизни. Безъ этой дѣятельной силы, которая, надѣляя человѣка потребностью источать изъ себя свѣтъ и добро, въ то же время дѣлаетъ его способнымъ воспринимать свѣтъ и добро отъ другихъ, — человѣческое общество уподобилось бы кладбищу. Это было бы не общество, а складъ труповъ... И вотъ теперь трупный періодъ для него наступилъ. Обмѣну свѣта и добра пришелъ конецъ. И самъ онъ, Крамольниковъ—трупъ, и тѣ, къ которымъ онъ такъ недавно обращался, какъ къ источнику живой воды для своей дѣятельности, — тоже трупы... Никогда, даже въ воображеніи не представлялъ онъ себѣ несчастія столь глубокаго.

Крамольниковъ былъ коренной пошехонскій литераторъ, у котораго не было никакой иной привязанности, кромѣ читателя, никакой иной радости, кромѣ общенія съ читателемъ. Читатель не олицетворялся для него въ какой-нибудь матеріальной формѣ, и тѣмъ не менѣе всегда предстоялъ передъ нимъ. Въ этой привязанности къ отвлеченной личности было что-то исключительное, до болѣзненности страстное. Цѣлые десятки лѣтъ она одна питала его и съ каждымъ годомъ дѣлалась все больше и больше настоятельною. Наконецъ пришла ста-

рость, и всѣ блага жизни, кромѣ одного, высшаго и существеннѣйшаго, окончательно сдѣлались для него безразличными, ненужными.

И вдругъ, въ эту минуту—рухнуло и послѣднее благо. Разверзлась темная пропасть и поглотила то „единственное“, которое давало жизни смыслъ...

Въ литературномъ цехѣ такія направленныя исключительно въ одну сторону личности по временамъ встрѣчаются. Смолоду такъ односторонне слагается ихъ жизнь, что какія бы случайности ни сталкивали ихъ съ фаталистически обозначенной колеи, уклоненіе никогда не бываетъ ни серьезно, ни продолжительно. Подъ грудами наноснаго хлама продолжаетъ течь настоящая жильная струя. Все разнообразіе жизни представляется фиктивнымъ; весь интересъ ея сосредоточивается въ одной свѣтящей точкѣ. Никогда они не даютъ себѣ отчета въ томъ, какого рода случайности ждутъ на пути, никогда не предусматриваютъ, не стараются обезпечить тылъ, не предпринимаютъ развѣдокъ, не справляются съ бывшими примѣрами. Не потому, чтобы проходящія передъ ними явленія и зависимость ихъ отъ этихъ явленій были для нихъ неясны, а потому, что никакія предвидѣнія, никакія справки—ни на іоту не могутъ видоизмѣнить тѣ функціи, прекращеніе которыхъ было бы равносильно прекращенію бытія. Нужно убить человѣка, чтобы эти функціи прекратились.

Неужели именно это убійство и совершилось теперь, въ эту загадочную минуту? Что такое случилось?—Тщетно искалъ онъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ понималъ только одно, что его со всѣхъ сторонъ обступаетъ зіяющая пустота.

Крамольниковъ горячо и страстно былъ преданъ своей странѣ и отлично зналъ какъ прошедшее, такъ и настоящее ея. Но это знаніе повліяло на него совершенно особеннымъ образомъ: оно было живымъ источникомъ болей, которыя, непрерывно возобновляясь, сдѣлались наконецъ главнымъ содержаніемъ его жизни, дали направленіе и окраску всей его дѣятельности. И онъ не только не старался утишить эти боли, а, напротивъ, работалъ надъ ними и оживлялъ ихъ въ своемъ сердцѣ. Живость боли и непрерывное ея ощущеніе служили источникомъ живыхъ образовъ, при посредствѣ которыхъ боль передавалась въ сознаніе другихъ.

Зналъ онъ, что пошехонская страна изстари славилась непостоянствомъ и неустойчивостью, что самая природа ея какая-то незаслу-

живающая довѣрія. Рѣки расползлись вширь и что ни годъ, то мѣняютъ русло, пестрѣя песчаными перекатами. Атмосферическія явленія поражаютъ внезапностью, похожею на волшебство: сегодня — жара, хоть рубашку выжми; завтра—та же рубашка [illegible] на обывательской спинѣ. Лѣто короткое, растительность бѣдная, болота неоглядныя... Словомъ сказать — самая неспособная, предательская природа, такая, что никакихъ дѣлъ загадывать впередъ не приходится.

Но еще болѣе непостоянны въ Пошехоньѣ судьбы человѣческія. Смердъ говоритъ: „отъ сумы да отъ тюрьмы не открестишься“; посадскій человѣкъ говоритъ: „барыши наши на водѣ вилами писаны“; бояринъ говоритъ; „у меня вчера уши выше лба росли, а сегодня я ихъ вовсе сыскать не могу“. Нѣтъ связи между вчерашнимъ и завтрашнимъ днемъ! Бродитъ человѣкъ по Чуровой долинѣ: пронесетъ Богъ — панъ, не пронесетъ — пропалъ.

Какая можетъ быть рѣчь о совѣсти, когда все кругомъ измѣняетъ, предательствуетъ? На что обопрется совѣсть? на чемъ она воспитается?

Зналъ все это Крамольниковъ, но, повторяю, это знаніе оживляло боли его сердца и служило отправнымъ пунктомъ его дѣятельности. Повторяю: онъ глубоко любилъ свою страну, любилъ ея бѣдноту, наготу, ея злосчастіе. Быть можетъ, онъ усматривалъ впереди чудо, которое уйметъ снѣдавшую его скорбь.

Онъ вѣрилъ въ чудеса и ждалъ ихъ. Воспитанный на лонѣ волшебствъ, онъ незамѣтно для самого себя подчинился дѣйствію волшебства и призналъ его рѣшающимъ факторомъ пошехонской жизни. Въ какую сторону направитъ волшебство свое дѣйствіе?—въ этомъ весь вопросъ... Къ тому же, и въ прошломъ не все была тьма. По временамъ мракъ рѣдѣлъ, и въ теченіе короткихъ просвѣтовъ пошехонцы несомнѣнно чувствовали себя бодрѣе. Это свойство расцвѣтать и ободряться подъ лучами солнца, какъ бы ни были они слабы, доказываетъ, что для всѣхъ вообще людей свѣтъ представляетъ нѣчто желанное. Надо поддерживать въ нихъ эту инстинктивную жажду свѣта, надо напоминать, что жизнь есть радованіе, а не безсрочное страданіе, отъ котораго можетъ спасти лишь смерть. Не смерть должна разрѣшить узы, а возстановленный человѣческій образъ, просвѣтленный и очищенный отъ тѣхъ посрамленій, кото-

рыя наслоили на немъ вѣка подъяремной неволи. Истина эта такъ естественно вытекаетъ изъ всѣхъ опредѣленій человѣческаго существа, что нельзя допустить даже минутнаго сомнѣнія относительно ея грядущаго торжества. Крамольниковъ вѣрилъ въ это торжество и всего себя отдалъ напоминаніямъ о немъ.

Всѣ силы своего ума и сердца онъ посвятилъ на то, чтобы возстановлять въ душахъ своихъ присныхъ представленіе о свѣтѣ и правдѣ и поддерживать въ ихъ сердцахъ вѣру, что свѣтъ придетъ и мракъ его не обниметъ. Въ этомъ собственно заключалась задача всей его дѣятельности.

Дѣйствительно, волшебство не замедлило вступить въ свои права. Но не то благотворное волшебство, о которомъ онъ мечталъ, а заурядное, жестокое пошехонское волшебство.

Не нужно! не нужно! не нужно!

Къ чести Крамольникова должно сказать, что онъ ни разу не задался вопросомъ: за что? Онъ понималъ, что, при полномъ отсутствіи винословности, подобнаго рода вопросъ не только неумѣстенъ, но прямо свидѣтельствуетъ о слабодушіи вопрошающаго. Онъ даже не отрицалъ нормальности настигшаго его факта,—онъ только находилъ, что нормальность въ настоящемъ случаѣ заявила себя черезъчуръ уже жестоко и рѣзко. Не разъ приходилось ему, въ теченіе долгаго литературнаго пути, играть роль anima vilis передъ лицомъ волшебства, но до сихъ поръ послѣднее хотя душу его оставляло нетронутою. Теперь оно эту душу отняло, скомкало и запечатало, и какъ ни привычны были Крамольникову капризы волшебства, но на этотъ разъ онъ почувствовалъ себя изумленнымъ. Весь онъ былъ словно расшибленъ, вездѣ, во всемъ существѣ, ощущалъ жгучую и совсѣмъ новую боль.

И вдругъ онъ вспомнилъ о „читателѣ". До сихъ поръ онъ отдавалъ читателю всѣ силы вполнѣ беззавѣтно; теперь въ его сердцѣ впервые шевельнулось смутное чаяніе отклика, сочувствія, помощи...

И его инстинктивно потянуло на улицу, какъ будто тамъ его ожидало какое-то разъясненіе.

Улица имѣла обыкновенный пошехонскій видъ. Крамольникову показалось, что передъ глазами его разстилается нѣмое, слѣпое и глухое пространство. Только камни воняли. Люди сновали взадъ и впередъ осторожно и озираясь, точно шли воровать. Только эта струна

и была живая. Все прочее было проникнуто изумленіемъ, почти остолбенѣніемъ. Однакожъ Крамольникову сгоряча показалось, что даже эта нѣмая улица нѣчто *знаетъ*. Ему этого такъ страстно хотѣлось, что онъ вопль камней принялъ за вопль людей. Тѣмъ не менѣе, отчасти онъ не ошибался. Дѣйствительно, тамъ и сямъ раздавалось развязное гудѣнье. То было гудѣнье либераловъ, недавнихъ друзей его. Однихъ онъ обгонялъ, другіе шли на встрѣчу. Но увы! никакого оттѣнка участія не видѣлось на ихъ лицахъ. Напротивъ, на нихъ уже успѣла лечь тѣнь отступничества.

— Однако! похоронили-таки васъ, голубчикъ! живо! —сказалъ одинъ:—строгонько, сударь, строгонько! Ну, да вѣдь тоже и вы... нельзя этого, мой другъ; я вамъ давно говорилъ, что нельзя! Терпѣли васъ, терпѣли—ну, наконецъ...

— Но что же такое „наконецъ“?

— Да просто „наконецъ“—и все тутъ! скучно стало. Нынче не разговаривать нужно, а взирать и—буде можно—усматривать. Вамъ, сударь, слѣдовало самому заранѣе догадаться; а ежели вамъ претило присоединиться отъ полноты души,—ну, такъ хоть слегка бы: разбирайте, молъ, каковъ я тамъ... внутри! А то все съ плеча! все съ плеча! Ну, и надоѣло.—Я и самъ—развѣ, вы думаете, мнѣ сладко? Не со вчерашняго дня, чай, меня знаете! Однако и я поразмыслилъ да посовѣтовался съ добрыми людьми... Господи благослови... бухъ!

Другой сказалъ:

— Да, любезный другъ, жаль васъ, очень жаль! пріятно было почитать. Улыбнешься, вздохнешь, а иногда и дѣльное что-нибудь отыщешь... Даже пріятелямъ, бывало, спѣшишь сообщить. Въ канцеляріяхъ цитировали. У меня былъ знакомый, который наизусть многое зналъ. Но, съ другой стороны, есть всему и предѣлъ. Настали времена, когда понадобилось другое; вы должны были понять это, а не дожидаться, пока васъ прихлопнутъ. Что такое это „другое“ —выяснится потомъ, но не теперь... Вотъ я вслѣдъ за другими смотрѣлъ, смотрѣлъ, да и говорю женѣ: надо же! Ну, и она говоритъ: надо! Я и рѣшился.

— На что же вы рѣшились?

— Да просто—идти общимъ торнымъ путемъ. Не заглядываясь по сторонамъ, не царя ввысь, не думая о широкихъ задачахъ... По-

маленьку да полегоньку. Оно скучненько и сѣренько, положимъ, но вѣдь, съ одной стороны, блистать-то намъ не по плечу, а съ другой стороны—семейство. Жена приняриться любитъ, повеселиться... Самъ тоже: имѣешь положеніе въ свѣтѣ, связи, знакомства; видишь, какъ другіе впередъ да впередъ идутъ — неужто же все потерять? Вы думаете, я такъ-таки навсегда... нѣтъ, я тоже съ оговорочкой. Придутъ когда-нибудь и лучшія времена... Вотъ, напримѣръ, ежели Николай Семенычъ... Кормило-то, батюшка, нынче... Сегодня Иванъ Михайлычъ, а завтра Николай Семенычъ... Ну, тогда и опять...

— Да вѣдь Николай-то Семенычъ—воръ!

— Воръ! Ахъ, какъ вы жестоко выражаетесь!

Наконецъ третій просто напрямки крикнулъ на него:

— И за дѣло! Будетъ съ васъ! Вы, сударь, не только себя, но и другихъ компрометируете — вотъ что! Я изъ-за васъ вчера объясненіе имѣлъ, а нынче и не знаю, есмь я или не есмь! А какое вы имѣете право, позвольте васъ спросить? „Въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ господиномъ Крамольниковымъ“, говоритъ. „а посему“... Я — туда-сюда. „Какія же, говорю, это пріятельскія отношенія, ваше-ство? такъ, буфонъ—отчего же послѣ трудовъ и не посмѣяться!“ Ну, дали покамѣстъ двадцать-четыре часа на размышленіе, а тамъ что будетъ. А у меня между тѣмъ семья, жена, дѣти... Да и самъ я въ полѣ не обсѣвокъ... Можно ли было этого ожидать! Повторяю: какое вы имѣете право? ахъ-ахъ-ахъ!

Крамольниковъ не счелъ нужнымъ продолжать бесѣду и пошелъ дальше. Но такъ какъ на пути его стоялъ домъ, въ которомъ жилъ давній его однокашникъ, то онъ и зашелъ къ нему, думая хоть тутъ отвести душу.

Лакей принялъ его радушно; повидимому онъ ничего еще не зналъ. Онъ сказалъ, что Дмитрія Николаича нѣтъ дома, а Аглая Алексѣевна въ гостиной. Крамольниковъ отворилъ дверь, но едва переступилъ порогъ гостиной, какъ сидѣвшая въ ней дама взвизгнула и убѣжала. Крамольниковъ отретировался.

Наконецъ онъ вспомнилъ, что на Пескахъ живетъ старый его сослуживецъ (Крамольниковъ лѣтъ пятнадцать назадъ тоже служилъ въ департаментѣ грѣшныхъ помышленій), Яковъ Ильичъ Воробушкинъ. Человѣкъ этотъ былъ большой почитатель Крамольникова и служилъ неудачно. Слишкомъ десять лѣтъ тянулъ онъ лямку столо-

начальника, не имѣя въ перспективѣ никакого повышенія и при каждой перемѣнѣ вѣянія дрожа за свое столоначальничество. Робкій и неискательный отъ природы, онъ и на частной службѣ пріютиться не могъ. Какъ-то съ самаго начала онъ устроилъ себя такъ, что ему самому казалось страннымъ что-нибудь искать, подавать записки объ уничтоженіи и устраненіи, слоняться по переднимъ и лѣстницамъ, и т. д. Разъ только онъ подалъ записку о необходимости ободрить нищихъ духомъ; но директоръ, прочитавъ ее, только погрозилъ ему пальцемъ, и съ тѣхъ поръ Воробушкинъ замолчалъ. Въ послѣднее время однакожъ онъ началъ смутно надѣяться, сталъ ходить въ ту самую церковь, куда ходилъ его начальникъ, такъ что послѣдній однажды подарилъ ему половину заздравной просфоры (донышко) и сказалъ: „очень радъ!“ Такимъ образомъ дѣло его было уже на мази, какъ вдругъ...

Крамольникову отворила дверь старая нянька, сзади которой, изъ внутреннихъ дверей, выглядывали испуганныя лица дѣтей. Нянька была сердита, потому что нежданный посѣтитель помѣшалъ ей ловить блохъ. Она напрямки отрѣзала Крамольникову:

— Нѣтъ Якова Ильича дома; его изъ-за васъ къ начальнику позвали, и живъ онъ теперь или нѣтъ — неизвѣстно: а барыня въ церкву молиться ушли.

Крамольниковъ сталъ спускаться по лѣстницѣ, но едва сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ самого Воробушкина.

— Крамольниковъ! простите меня, но я не могу поддерживать наши старыя отношенія! —сказалъ Воробушкинъ взволнованнымъ голосомъ.—На этотъ разъ впрочемъ я, кажется, оправдался, но и то навѣрное поручиться не могу. Директоръ такъ и сказалъ: „на васъ неизгладимое пятно!“ А у меня жена, дѣти! Оставьте меня, Крамольниковъ! Простите, что я такой малодушный, но я не могу...

. . . . . .

Крамольниковъ воротился домой удрученный, почти испуганный.

Что отнынѣ онъ былъ осужденъ на одиночество—это онъ сознавалъ. Не потому онъ былъ одинокъ, что у него не было читателя, который цѣнилъ, а быть можетъ и любилъ его, а потому, что онъ утратилъ всякое общеніе съ *своимъ* читателемъ. Этотъ читатель былъ далеко и разорвать связывающія его узы не могъ. Напротивъ, былъ другой читатель, ближній, который во всякое время имѣлъ возмож-

ность зажалить Крамольникова до смерти. Этотъ остался на-лицо и нагло выражалъ, что самая нѣмота Крамольникова ему ненавистна.

Смутно проносилось въ его умѣ, что во всѣхъ отступничествахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, кроется не одно личное предательство, а цѣлый подавляющій порядокъ вещей. Что всѣ эти вчерашніе свободные мыслители, которые еще недавно такъ дружелюбно жали ему руки, а сегодня чураются его какъ чумы, дѣлаютъ это не только страха ради іудейска, но потому, что ихъ придавило.

Ихъ придавила жажда жизни; а такъ какъ жажда эта вполнѣ законна и естественна, то Крамольникову становилось страшно при этой мысли. „Неужто,—спрашивалъ онъ себя,—для того, чтобы удержать за собой право на существованіе, нужно пройти сквозь позорное и жестокое иго? Неужто въ этомъ загадочномъ мірѣ только то естественно, что идетъ въ разрѣзъ съ самыми завѣтными и дорогими стремленіями души?“

Или опять: почти всякій изъ недавнихъ его собесѣдниковъ ссылался на семью; одинъ говорилъ: „жена принарядиться любитъ“; другой: „жена“—и больше ничего... Но особенно тяжко выходило это у Воробушкина. Семья ему душу рвала. Вѣроятно, онъ лишалъ себя всего, плохо ѣлъ, плохо спалъ, добывалъ на сторонѣ работишку—все ради семьи. И за всѣмъ тѣмъ добывалъ такъ мало, что только самоотверженность Лукерьи Васильевны (жены Воробушкина) помогала переносить эту нужду. И вотъ, ради этого малаго, ради нищенской подачки...

Что же это такое? Что такое семья? Какъ устроиться съ семейнымъ началомъ? Какъ дѣлать, чтобы оно не было для человѣка египетской язвой, не тянуло его во всѣ стороны, не мѣшало быть гражданиномъ?

Крамольниковъ думалъ-думалъ, и вдругъ словно кольнуло его. „Отчего же, — говорилъ ему внутренній голосъ, — эти жгучіе вопросы не представлялись тебѣ такъ назойливо *прежде*, какъ представляются *теперь*? Не оттого ли, что ты былъ прежде рабъ, сознававшій за собой какую-то мнимую силу, а теперь ты—рабъ безсильный, придавленный? Отчего ты не шелъ прямо и не самоотвергался? Отчего ты подчинялъ себя какой-то профессіи, которая давала тебѣ положеніе, связи, друзей, а не спѣшилъ туда, откуда раз-

давались стоны? Отчего ты не становался лицомъ къ лицу съ этими стонами, а волновался ими только отвлеченно?

„Изъ-подъ пера твоего лился протестъ, но ты облекалъ его въ такую форму, которая дѣлала его мертворождённымъ. Все, противъ чего ты протестовалъ,—все это и нынѣ стоитъ въ томъ же видѣ, какъ и до твоего протеста.

„Твой трудъ былъ безплоденъ. Это былъ трудъ адвоката, у котораго языкъ измотался среди опутывающихъ его лжей. Ты протестовалъ, но не указалъ ни того, что̀ нужно дѣлать, ни того, какъ люди шли вглубь и погибали, а ты слалъ имъ вслѣдъ свое сочувствіе. Но это было плѣнное раздраженіе мысли,—раздраженіе, положимъ, доброе, но все-таки только раздраженіе. Ты даже тѣхъ людей, которые сегодня такъ нагло отвернулись отъ тебя,—ты и ихъ не съумѣлъ понять. Ты думалъ, что *вчера* они были иными, нежели сегодня.

„Правда, ты неспособенъ идти слѣдомъ за этими людьми; ты неспособенъ измѣнить тѣмъ добрымъ раздраженіямъ, которыя съ молодыхъ ногтей вошли тебѣ въ плоть и кровь. Это, конечно, зачтется тебѣ... гдѣ и когда? Но теперь, когда тебя со всѣхъ сторонъ обступила старость, съ ея недугами, разсуди самъ, что̀ тебѣ предстоитъ“...

Post scriptum отъ *автора*. Само собой разумѣется, что все написанное выше—не больше какъ сказка. Никакого Крамольникова нѣтъ и не было; отступники же и перемѣтныя сумы водились во всякое время, а не только въ данную минуту. А такъ какъ и во всемъ остальномъ все обстоитъ благополучно, то не для чего было и огородъ городить, въ чемъ авторъ и кается чистосердечно передъ читателями.

23.—Христова ночь.

(Преданіе.)

Равнина еще цѣпенѣетъ, но среди глубокаго безмолвія ночи подъ снѣжною пеленою уже слышится говоръ пробуждающихся ручьевъ. Въ оврагахъ и ложбинахъ этотъ говоръ принимаетъ размѣры глухого гула и предостерегаетъ путника, что дорога въ этомъ мѣстѣ изрыта зажорами. Но лѣсъ еще молчитъ, придавленный инеемъ, словно сказочный богатырь желѣзною шапкою. Темное небо сплошь усыпано звѣздами, льющими на землю холодный и трепещущій свѣтъ. Въ обманчивомъ его мерцаніи мелькаютъ траурныя точки деревень, утонувшихъ въ сугробахъ. Печать сиротливости, заброшенности и убожества легла и на застывшую равнину, и на безмолвствующій проселокъ. Все сковано, безпомощно и безмолвно, словно задавлено невидимой, но грозной кабалой.

Но вотъ въ одномъ концѣ равнины раздалось гудѣніе полночнаго колокола; на встрѣчу ему, съ противоположнаго конца, пронеслось другое, за нимъ—третье, четвертое. На темномъ фонѣ ночи вырѣзались горящіе шпили церквей, и окрестность вдругъ ожила. По дорогѣ потянулись вереницы деревенскаго люда. Впереди шли люди сѣрые, замученные жизнью и нищетою, люди съ истерзанными сердцами и поникшими долу головами. Они несли въ храмъ свое смиреніе и свои воздыханія; это было все, что они могли дать воскресшему Богу. За ними, поодаль, слѣдовали въ праздничныхъ одеждахъ деревенскіе богатѣи, кулаки и прочіе властелины деревни. Они весело гуторили межъ собою и несли въ храмъ свои мечтанія о предстоящемъ недѣльномъ ликованіи. Но скоро толпы народныя утонули въ глубинѣ проселка; замеръ въ воздухѣ послѣдній ударъ призывнаго благовѣста, и все опять торжественно смолкло.

Глубокая тайна почуялась въ этомъ внезапномъ перерывѣ начавшагося движенія,—какъ будто за наступившимъ молчаніемъ надвигалось чудо, долженствующее вдохнуть жизнь и возрожденіе. И точно: не успѣлъ еще заалѣть востокъ, какъ желанное чудо совершилось. Воскресъ поруганный и распятый Богъ! воскресъ Богъ, къ которому искони огорченныя и недугующія сердца вопіютъ: „Господи! поспѣшай!“

Воскресъ Богъ и наполнилъ собой вселенную. Широкая степь встала на встрѣчу Ему всѣми своими снѣгами и буранами. За степью потянулся могучій лѣсъ и тоже почуялъ приближеніе Воскреснаго. Подняли матерыя ели къ небу мохнатыя лапы; зашумѣли вершинами столѣтнія сосны; загудѣли овраги и рѣки; выбѣжали изъ норъ и берлогъ звѣри, вылетѣли птицы изъ гнѣздъ; всѣ почуяли, что изъ глубины грядетъ нѣчто свѣтлое, сильное, источающее свѣтъ и тепло, и всѣ вопіяли: „Господи! Ты ли?“

Господь благословилъ землю и воды, звѣрей и птицъ и сказалъ имъ:

— Миръ вамъ! Я принесъ вамъ весну, тепло и свѣтъ. Я сниму съ рѣкъ ледяныя оковы, одѣну степь зеленою пеленою, наполню лѣсъ пѣніемъ и благоуханіями. Я напитаю и напою птицъ и звѣрей и наполню природу ликованіемъ. Пускай законы ея будутъ легки для васъ: пускай она для каждой былинки, для каждаго чуть замѣтнаго насѣкомаго начертитъ кругъ, въ которомъ они останутся вѣрными прирожденному назначенію. Вы не судимы, ибо выполняете лишь то, что вамъ дано отъ начала вѣковъ. Человѣкъ ведетъ непрестанную борьбу съ природой, проникая въ ея тайны и не предвидя конца своей работѣ. Ему необходимы эти тайны, потому что онѣ составляютъ неизбѣжное условіе его благоденствія и преуспѣянія. Но природа сама себѣ довлѣетъ, и въ этомъ ея преимущество. Нѣтъ нужды, что человѣкъ мало-по-малу проникаетъ въ ея нѣдра—онъ покоряетъ себѣ только атомы, а природа продолжаетъ стоять передъ нимъ въ своей первобытной неприступности и подавляетъ его своимъ могуществомъ. Миръ вамъ, степи и лѣса, звѣри и пернатые! и да согрѣютъ и оживятъ васъ лучи Моего Воскресенія!

Благословивши природу, Воскресшій обратился къ людямъ. Первыми вышли на встрѣчу къ нему люди плачущіе, согбенные подъ игомъ работы и загубленные нуждою. И когда Онъ сказалъ имъ: „миръ вамъ!“ — то они наполнили воздухъ рыданіями и пали ницъ, молчаливо прося объ избавленіи.

И сердце Воскреснаго вновь затуманилось тою великою и смертельною скорбью, которою оно до краевъ переполнилось въ Геѳсиманскомъ саду въ ожиданіи чаши, Ему уготованной. Все это многострадальное воинство, которое пало передъ Нимъ, несло бремя жизни имени Его ради; всѣ они первые приклонили ухо къ Его Слову и

навсегда запечатлѣли его въ сердцахъ своихъ. Всѣхъ ихъ Онъ видѣлъ съ высотъ Голгоѳы, какъ они метались вдали, окутанные сѣтями рабства, и всѣхъ Онъ благословилъ, совершая Свой крестный путь, всѣмъ обѣщалъ освобожденіе. И всѣ они съ тѣхъ поръ жаждутъ Его и рвутся къ Нему. Всѣ съ беззавѣтною вѣрою простираютъ къ Нему руки: „Господи! Ты ли?“

— Да, это Я,—сказалъ Онъ имъ.—Я разорвалъ узы смерти, чтобъ придти къ вамъ, слуги мои вѣрные, сострадальцы мои дорогіе! Я всегда и на всякомъ мѣстѣ съ вами, и вездѣ, гдѣ пролита ваша кровь,—тутъ же пролита и Моя кровь вмѣстѣ съ вашею. Вы чистыми сердцами беззавѣтно увѣровали въ Меня потому только, что проповѣдь Моя заключаетъ въ себѣ правду, безъ которой вселенная представляетъ собой вмѣстилище погубленія и адъ кромѣшный. Люби Бога и люби ближняго, какъ самого себя—вотъ эта правда, во всей ея ясности и простотѣ, и она наиболѣе доступна не богословамъ и начетчикамъ, а именно вамъ, простымъ и удрученнымъ сердцамъ. Вы вѣрите въ эту правду и ждете ея пришествія. Лѣтомъ, подъ лучами знойнаго солнца, за сохою, вы служите ей; зимой, длинными вечерами, при свѣтѣ дымящейся лучины, за скуднымъ ужиномъ, вы учите ей дѣтей вашихъ. Какъ ни кратка она сама по себѣ, но для васъ въ ней замыкается весь смыслъ жизни и никогда не изсякающій источникъ новыхъ и новыхъ собесѣдованій. Съ этой правдой вы встаете утромъ, съ нею ложитесь на сонъ грядущій и ее же приносите на алтарь Мой въ видѣ слезъ и воздыханій, которыя слаще аромата кадильнаго растворяютъ сердце Мое. Знайте же: хотя никто не провидитъ впередъ, когда пробьетъ вашъ часъ, но онъ уже приближается. Пробьетъ этотъ желанный часъ, и явится свѣтъ, котораго не побѣдитъ тьма. И вы свергнете съ себя иго тоски, горя и нужды, которое удручаетъ васъ. Подтверждаю вамъ это, и какъ нѣкогда съ высотъ Голгоѳы благословлялъ васъ на стяжаніе душъ вашихъ, такъ и теперь благословляю на новую жизнь въ царствѣ свѣта, добра и правды. Да не уклонятся сердца ваши въ словеса лукавствія, да пребудутъ они чисты и просты, какъ до-днесь, а слово Мое да будетъ истина. Миръ вамъ!

Воскресшій пошелъ далѣе и встрѣтилъ на пути Своемъ иныхъ людей. Тутъ были и богатѣи, и міроѣды, и жестокіе правители, и тати, и душегубцы, и лицемѣры, и ханжи, и неправедные судьи. Всѣ

они шли съ сердцами, преисполненными праха, и весело разговаривали, встрѣчая не Воскресеніе, а грядущую праздничную суету. Но и они остановились въ смятеніи, почувствовавъ приближеніе Воскресшаго.

Онъ также остановился передъ ними и сказалъ:

— Вы—люди вѣка сего и духомъ вѣка своего руководитесь. Стяжаніе и любоначаліе—вотъ двигатели вашихъ дѣйствій. Зло наполнило все содержаніе вашей жизни, но вы такъ легко несете иго зла, что ни единый скрупулъ вашей совѣсти не дрогнулъ передъ будущимъ, которое готовитъ вамъ это иго. Все окружающее васъ представляется какъ бы призваннымъ служить вамъ. Но не потому овладѣли вы вселенною, что сильны сами по себѣ, а потому, что сила унаслѣдована вами отъ предковъ. Съ тѣхъ поръ вы со всѣхъ сторонъ защищены, и сильные міра считаютъ васъ присными. Съ тѣхъ поръ вы идете съ огнемъ и мечомъ впередъ и впередъ; вы крадете и убиваете, безнаказанно изрыгая хулу на законы божескіе и человѣческіе, и тщеславитесь, что таково искони унаслѣдованное вами право. Но говорю вамъ: придетъ время—и недалеко оно,—когда мечтанія ваши разсѣются въ прахъ. Слабые также познаютъ свою силу; вы же сознаете свое ничтожество передъ этою силой. Предвидѣли ли вы когда-нибудь этотъ грозный часъ? смущало ли васъ это предвидѣніе за себя и за дѣтей вашихъ?

Грѣшники безмолвствовали на этотъ вопросъ. Они стояли, потупивъ взоры и какъ бы ожидая еще горшаго. Тогда Воскресшій продолжалъ:

— Но во имя Моего Воскресенія Я и передъ вами открываю путь къ спасенію. Этотъ путь—судъ вашей собственной совѣсти. Она раскроетъ передъ вами ваше прошлое во всей его наготѣ; она вызоветъ тѣни погубленныхъ вами и поставитъ ихъ на стражѣ у изголовій вашихъ. Скрежетъ зубовный наполнитъ дома ваши; жены не познаютъ мужей, дѣти—отцовъ. Но когда сердца ваши засохнутъ отъ скорби и тоски, когда ваша совѣсть переполнится, какъ чаша, не могущая вмѣстить переполняющей ее горечи,—тогда тѣни погубленныхъ примирятся съ вами и откроютъ вамъ путь къ спасенію. И не будетъ тогда ни татей, ни душегубцевъ, ни мздоимцевъ, ни хапжей, ни неправедныхъ властителей, и всѣ одинаково возвеселятся за общею трапезой обители Моей. Идите же и знайте, что слово Мое—истина!

Въ эту самую минуту востокъ заалѣлъ, и въ рѣдѣющемъ сумракѣ лѣса выступила безобразная человѣческая масса, качающаяся на осинѣ. Голова повѣсившагося, почти оторванная отъ туловища, свѣсилась книзу; вороны уже выклевали у нея глаза и выѣли щеки. Самое туловище было по мѣстамъ обнажено отъ одеждъ и, зіяя гнойными ранами, размахивало по вѣтру руками. Стая хищныхъ птицъ кружилась надъ тѣломъ, а болѣе смѣлыя безстрашно продолжали дѣло разрушенія.

То было тѣло предателя, который самъ совершилъ судъ надъ собою.

Всѣ предстоявшіе съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернулись отъ представившагося зрѣлища; взоръ Воскресшаго воспылалъ гнѣвомъ.

— О, предатель! — сказалъ Онъ: — ты думалъ, что вольною смертью избавился отъ давившей тебя измѣны; ты скоро сознаешь свой позоръ и поспѣшилъ окончить разсчеты съ постыдною жизнью. Преступленіе такъ ясно выступило передъ тобой, что ты съ ужасомъ отступилъ передъ общимъ презрѣніемъ и предпочелъ ему душевное погубленіе. „Единый мигъ,—сказалъ ты себѣ,—и душа моя погрузится въ безразсвѣтный мракъ, а сердце перестанетъ быть доступнымъ угрызеніямъ совѣсти“. Но да не будетъ такъ. Сойди съ древа, предатель! да возвратятся тебѣ выклеванныя очи твои, да закроются гнойныя раны и да возстановится позорный твой обликъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ въ ту минуту, когда ты лобзалъ предаваемаго тобой. Живи!

По этому слову, передъ глазами у всѣхъ, предатель сошелъ съ древа и палъ на землю передъ Воскресшимъ, моля Его о возвращеніи смерти.

— Я всѣмъ указалъ путь къ спасенію,—продолжалъ Воскресшій,—но для тебя, предатель, онъ закрытъ навсегда. Ты проклятъ Богомъ и людьми, проклятъ на вѣки вѣковъ. Ты не убилъ друга, раскрывшаго передъ тобой душу, а застигъ его врасплохъ и предалъ на казнь и поруганіе. За это я осуждаю тебя на жизнь. Ты будешь ходить изъ града въ градъ, изъ веси въ весь и нигдѣ не найдешь крова, который бы пріютилъ тебя. Ты будешь стучаться въ двери, и никто не отворитъ ихъ тебѣ; ты будешь умолять о хлѣбѣ —и тебѣ подадутъ камень; ты будешь жаждать—и тебѣ подадутъ сосудъ, наполненный кровью проданнаго тобой. Ты будешь плакать,

и слезы твои превратятся въ потоки огненные, будутъ жечь твои щеки и покрывать ихъ струпьями. Камни, по которымъ ты пойдешь, будутъ вопіять: „предатель! будь проклятъ!“ Люди на торжищахъ разступятся передъ тобой, и на всѣхъ лицахъ ты прочтешь: „предатель! будь проклятъ!“ Ты будешь искать смерти и на сушѣ, и на водахъ — и вездѣ смерть отвратится отъ тебя и прошипитъ: „предатель! будь проклятъ!“ Мало того: на время судьба сжалится надъ тобою, ты обрѣтешь друга, и предашь его, и этотъ другъ изъ глубины темницы возопитъ къ тебѣ: „предатель! будь проклятъ!“ Ты получишь способность творить добро, но добро это отвратитъ души облагодѣтельствованныхъ тобой. „Будь проклятъ, предатель!—возопіютъ они:—будь проклятъ и ты, и всѣ дѣла твои!“ И будешь ты ходить изъ вѣка въ вѣкъ съ неусыпающимъ червемъ въ сердцѣ, съ погубленною душою. Живи, проклятый! и будь для грядущихъ поколѣній свидѣтельствомъ той безконечной казни, которая ожидаетъ предательство. Встань, возьми вмѣсто посоха древесный сукъ, на которомъ ты чаялъ найти смерть,—и иди!

И едва замерло въ воздухѣ слово Воскресшаго, какъ предатель всталъ съ земли, взялъ свой посохъ, и скоро шаги его смолкли въ той необъятной загадочной дали, гдѣ его ждала жизнь изъ вѣка въ вѣкъ. И ходитъ онъ доднесь по землѣ, разсѣевая смуту, измѣну и рознь...

24.—Рождественская сказка.

Прекраснѣйшую сегодня проповѣдь сказалъ для праздника нашъ сельскій батюшка.

„Много столѣтій тому назадъ,—сказалъ онъ,—въ этотъ самый день пришла въ міръ Правда.

„Правда извѣчна. Она прежде всѣхъ вѣкъ возсѣдала съ Христомъ Человѣколюбцемъ одесную Отца, вмѣстѣ съ Нимъ воплотилась и возжгла на землѣ свой свѣточъ. Она стояла у подножія Креста и сораспиналась съ Христомъ; она возсѣдала, въ видѣ свѣтозарнаго ангела, у гроба Его и видѣла Его воскресеніе. И когда Человѣколюбецъ вознесся на небо, Онъ оставилъ на землѣ Правду, какъ жи-

вое свидѣтельство своего неизмѣннаго благоволенія къ роду человѣческому.

„Съ тѣхъ поръ нѣтъ уголка въ цѣломъ мірѣ, въ который не проникла бы Правда и не наполнила бы его собою. Правда воспитываетъ нашу совѣсть, согрѣваетъ наши сердца, оживляетъ нашъ трудъ, указываетъ цѣль, къ которой должна быть направлена наша жизнь. Огорченныя сердца находятъ въ ней вѣрное и всегда открытое убѣжище, въ которомъ они могутъ успокоиться и утѣшиться отъ случайныхъ волненій жизни.

„Неправильно думаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что Правда когда-либо скрывала лицо свое, или—что̀ еще горше—была когда-либо побѣждена неправдою. Нѣтъ, даже и тѣ скорбныя минуты, когда недальновиднымъ людямъ казалось, что торжествуетъ отецъ лжи, въ дѣйствительности торжествовала Правда. Она одна не имѣла временнаго характера, одна неизмѣнно шла впередъ, простирая надъ міромъ крылѣ свои и освѣщая его присносущимъ свѣтомъ своимъ. Мнимое торжество лжи разсѣвалось, какъ тяжкій сонъ, а Правда продолжала шествіе свое.

„Вмѣстѣ съ гонимыми и униженными Правда сходила въ подземелья и проникала въ горныя ущелія. Она восходила съ праведниками на костры и становилась рядомъ съ ними передъ лицомъ мучителей. Она воздувала въ ихъ душахъ священный пламень, отгоняла отъ нихъ помыслы малодушія и измѣны; она учила ихъ страдать вслѣдствіе. Тщетно служители отца лжи мнили торжествовать, видя это торжество въ тѣхъ вещественныхъ признакахъ, которые представляли собой казни и смерть. Самыя лютыя казни были безсильны сломить Правду, а, напротивъ, сообщали ей вящую притягивающую силу. При видѣ этихъ казней загорались простыя сердца, и въ нихъ Правда обрѣтала новую благодарную почву для сѣянія. Костры пылали и пожирали тѣла праведниковъ, но отъ пламени этихъ костровъ возжигалось безчисленное множество свѣточей, подобно тому какъ въ свѣтлую утреню отъ пламени одной возженной свѣчи внезапно освѣщается весь храмъ тысячами свѣчей.

„Въ чемъ же заключается Правда, о которой я бесѣдую съ вами? — На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ евангельская заповѣдь. Прежде всего, люби Бога, и затѣмъ люби ближняго какъ самого себя.

Заповѣдь эта, несмотря на свою краткость, заключаетъ въ себѣ всю мудрость, весь смыслъ человѣческой жизни.

„Люби Бога — ибо Онъ Жизнодавецъ и Человѣколюбецъ, ибо въ Немъ источникъ добра, нравственной красоты и истины. Въ Немъ — Правда. Въ этомъ самомъ храмѣ, гдѣ приносится безкровная жертва Богу, — въ немъ же совершается и непрестанное служеніе Правдѣ. Всѣ стѣны его пропитаны Правдой, такъ что вы, — даже худшіе изъ васъ, — входя въ храмъ, чувствуете себя умиротворенными и просвѣтленными. Здѣсь, передъ лицомъ Распятаго, вы утоляѣте печали ваши; здѣсь обрѣтаете покой для смущенныхъ душъ вашихъ. Онъ былъ распятъ ради правды, лучи которой излились отъ Него на весь міръ, — вы ли ослабнете духомъ передъ постигающими васъ испытаніями?

„Люби ближняго какъ самого себя — такова вторая половина Христовой заповѣди. Я не буду говорить о томъ, что безъ любви къ ближнему невозможно общежитіе — скажу прямо, безъ оговорокъ: любовь эта, сама по себѣ, помимо всякихъ сторонніхъ соображеній, есть краса и ликованіе нашей жизни. Мы должны любить ближняго не ради взаимности, но ради самой любви. Должны любить непрестанно, самоотверженно, съ готовностью положить душу, подобно тому, какъ добрый пастырь полагаетъ душу за овецъ своихъ.

„Мы должны стремиться къ ближнему на помощь, не разсчитывая, возвратитъ онъ или не возвратитъ оказанную ему услугу; мы должны защитить его отъ невзгодъ, хотя бы невзгода угрожала поглотить насъ самихъ; мы должны предстательствовать за него передъ сильными міра, должны идти за него въ бой. Чувство любви къ ближнему есть то высшее сокровище, которымъ обладаетъ только человѣкъ и которое отличаетъ его отъ прочихъ животныхъ. Безъ его оживотворяющаго духа всѣ дѣла человѣческія мертвы, безъ него тускнѣетъ и становится непонятною самая цѣль существованія. Только тѣ люди живутъ полною жизнью, которые пламенѣютъ любовью и самоотверженіемъ; только они одни знаютъ дѣйствительныя радованія жизни.

„Итакъ, будемъ любить Бога и другъ друга — таковъ смыслъ человѣческой Правды. Будемъ искать ее и пойдемъ по стезѣ ея. Не убоимся козней лжи, но станемъ добрѣ и противопоставимъ имъ обрѣтенную нами Правду. Ложь посрамится, а Правда останется и будетъ согрѣвать сердца людей.

„Теперь вы возвратитесь въ домы ваши и предадитесь веселію о праздникѣ Рождества Господа и Человѣколюбца. Но и среди веселія вашего не забывайте, что съ Нимъ пришла въ міръ Правда, что она во всѣ дни, часы и минуты присутствуетъ посреди васъ и что она представляетъ собою тотъ священный огонь, который освѣщаетъ и согрѣваетъ человѣческое существованіе".

Когда батюшка кончилъ и съ клироса раздалось: „Буди имя Господне благословенно", то по всей церкви пронесся глубокій вздохъ. Точно вся громада молящихся этимъ вздохомъ подтверждала: „да, буди благословенно!"

Но изъ присутствовавшихъ въ церкви всѣхъ внимательнѣе вслушивался въ слова отца Павла десятилѣтній сынъ мелкой землевладѣлицы, Сережа Русланцевъ. По временамъ онъ даже обнаруживалъ волненіе, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли и самъ онъ всѣмъ корпусомъ подавался впередъ, точно хотѣлъ о чемъ-то спросить.

Марья Сергѣевна Русланцева была молодая вдова и имѣла крохотную усадьбу въ самомъ селѣ. Во время крѣпостной зависимости въ селѣ было до семи помѣщичьихъ усадьбъ, отстоящихъ въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Помѣщики были мелкопомѣстные, а Ѳедоръ Павлычъ Русланцевъ принадлежалъ къ числу самыхъ бѣдныхъ: у него всего было три крестьянскихъ двора да съ десятокъ дворовыхъ. Но такъ какъ его почти постоянно выбирали на разныя должности, то служба помогла ему составить небольшой капиталъ. Когда наступило освобожденіе, онъ получилъ, въ качествѣ мелкопомѣстнаго, льготный выкупъ и, продолжая полевое хозяйство на оставшемся за надѣломъ клочкѣ земли, могъ изо дня въ день существовать.

Марья Сергѣевна вышла за него замужъ значительное время спустя послѣ крестьянскаго освобожденія, а черезъ годъ уже была вдовой. Ѳедоръ Павлычъ осматривалъ верхомъ свой лѣсной участокъ, лошадь чего-то испугалась, вышибла его изъ сѣдла, и онъ расшибъ голову объ дерево. Черезъ два мѣсяца у молодой вдовы родился сынъ.

Жила Марья Сергѣевна болѣе нежели скромно. Полеводство она нарушила, отдала землю въ кортому крестьянамъ, а за собою оставила усадьбу съ небольшимъ лоскуткомъ земли, на которомъ былъ разве-

денъ садикъ съ небольшимъ огородцемъ. Весь ея хозяйственный живой инвентарь заключался въ одной лошади и трехъ коровахъ: вся прислуга — изъ одной семьи бывшихъ дворовыхъ, состоявшей изъ ея старой няньки съ дочерью и женатымъ сыномъ. Нянька присматривала за всѣмъ въ домѣ и нѣстовала маленькаго Сережу; дочь — кухарничала; сынъ съ женою ходили за скотомъ, за птицей, обрабатывали огородъ, садъ и проч. Жизнь потекла безшумно. Нужды не чувствовалось; дрова и главные предметы продовольствія были некупленные, а на покупное почти совсѣмъ запроса не существовало. Домочадцы говорили: „точно въ раю живемъ!“ Сама Марья Сергѣевна тоже забыла, что существуетъ на свѣтѣ иная жизнь (она мелькомъ видѣла ее изъ оконъ института, въ которомъ воспитывалась). Только Сережа по временамъ тревожилъ ее. Сначала онъ росъ хорошо, но, приближаясь къ семи годамъ, началъ обнаруживать признаки какой-то болѣзненной впечатлительности.

Это былъ мальчикъ понятливый, тихій, но въ то же время слабый и болѣзненный. Съ семи лѣтъ Марья Сергѣевна засадила его за грамоту; сначала учила сама, но потомъ, когда мальчикъ сталъ приближаться къ десяти годамъ, въ ученьи принялъ участіе и отецъ Павелъ. Предполагалось отдать Сережу въ гимназію, а слѣдовательно требовалось познакомить его хоть съ первыми основаніями древнихъ языковъ. Время близилось, и Марья Сергѣевна въ большомъ смущеніи помышляла о предстоящей разлукѣ съ сыномъ. Только цѣною этой разлуки можно было достигнуть воспитательныхъ цѣлей. Губернскій городъ отстоялъ далеко, и переселиться туда при шести-семи стахъ годового дохода не представлялось возможности. Она уже вела о Сережѣ переписку съ своимъ роднымъ братомъ, который жилъ въ губернскомъ городѣ, занимая невидную должность, и на дняхъ получила письмо, въ которомъ братъ соглашался принять Сережу въ свою семью.

По возвращеніи изъ церкви, за чаемъ, Сережа продолжалъ волноваться.

— Я, мамочка, по правдѣ жить хочу!—повторилъ онъ.

— Да, голубчикъ, въ жизни главное — правда,—успокаивала его мать;—только твоя жизнь еще впереди. Дѣти иначе не живутъ, да и жить не могутъ, какъ по правдѣ.

— Нѣтъ, я не такъ хочу жить; батюшка говорилъ, что тотъ,

кто по правдѣ живетъ, долженъ ближняго отъ обидъ защищать. Вотъ какъ нужно жить, а я развѣ такъ живу? Вотъ, намеднись, у Ивана Бѣднаго корову продали — развѣ я заступился за него? Я только смотрѣлъ и плакалъ.

— Вотъ въ этихъ слезахъ — и правда твоя дѣтская. Ты и сдѣлать ничего другого не могъ. Продали у Ивана Бѣднаго корову — по закону, за долгъ. Законъ такой есть, что всякій долги свои уплачивать обязанъ.

— Иванъ, мама, не могъ заплатить. Онъ и хотѣлъ бы, да не могъ. И няня говоритъ: бѣднѣе его во всемъ селѣ мужика нѣтъ. Какая же это правда?

— Повторяю тебѣ, законъ такой есть, и всѣ должны законъ исполнять. Ежели люди живутъ въ обществѣ, то и обязанностями своими не имѣютъ права пренебрегать. Ты лучше объ ученьи думай — вотъ твоя правда. Поступишь въ гимназію, будь прилеженъ, веди себя тихо — и это будетъ значить, что ты по правдѣ живешь. Не люблю я, когда ты такъ волнуешься. Что ни увидишь, что ни услышишь — все какъ-то въ сердце тебѣ западаетъ. Батюшка говорилъ вообще; въ церкви и говорить иначе нельзя, а ты ужъ къ себѣ примѣняешь. Молись за ближнихъ — больше этого и Богъ съ тебя не спроситъ.

Но Сережа не унялся. Онъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ въ это время собрались челядинцы и пили, ради праздника, чай. Кухарка Степанида хлопотала около печки съ ухватомъ и то-и-дѣло вытаскивала горшокъ съ закипающими жирными щами. Запахъ прѣлой убоины и праздничнаго пирога пропиталъ весь воздухъ.

— Я, няня, по правдѣ жить буду! — объявилъ Сережа.

— Ишь съ коихъ поръ собрался! — пошутила старуха.

— Нѣтъ, няня, я вѣрное слово себѣ далъ! Умру за правду, а ужъ неправдѣ не покорюсь!

— Ахъ, болѣзный мой! ишь вѣдь что тебѣ въ головку пришло!

— Развѣ ты не слыхала, что въ церкви батюшка говорилъ? За правду жизнь полагать надо — вотъ что! въ бой за правду идти всякій долженъ!

— Извѣстно, что же въ церкви говорить! На то и церковь дана, чтобъ въ ней объ праведныхъ дѣлахъ слушать. Только ты, миленькій, слушать слушай, а умомъ тоже раскидывай!

— Съ правдой-то жить оглядываючись надо, — резонно молвилъ работникъ Григорій.

— Отчего, напримѣръ, мы съ мамой въ столовой чай пьемъ, а вы въ кухнѣ? развѣ это правда?—горячился Сережа.

— Правда не правда, а такъ испоконъ вѣка идетъ. Мы люди простецкіе, намъ и на кухнѣ хорошо. Какъ бы всѣ-то въ столовую пошли, такъ комнатъ не наготовился бы.

— Ты, Сергѣй Ѳедорычъ, вотъ что! — вновь вступился Григорій: — когда будешь большой, — гдѣ хочешь сиди: хошь въ столовой, хошь въ кухнѣ. А покедова малъ, сиди съ мамашенькой — лучше этой правды по своимъ годамъ не сыщешь! Придетъ ужо батюшка обѣдать, и онъ тебѣ то же скажетъ. Мы мало ли что дѣлаемъ: и за скотиной ходимъ, и въ землѣ роемся, а господамъ этого не приходится. Такъ-то!

— Да вѣдь это же неправда и есть!

— А по нашему такъ: коли господа добрые, жалостливые — это ихъ правда. А коли мы, рабочіе, усердно господамъ служимъ, не обманываемъ, стараемся — это наша правда. Спасибо и на томъ, ежели всякій свою правду наблюдаетъ.

Наступило минутное молчаніе. Сережа, видимо, хотѣлъ что-то возразить, но доводы Григорія были такъ добродушны, что онъ поколебался.

— Въ нашей сторонѣ, — первая прервала молчаніе няня: — откуда мы съ маменькой твоей пріѣхали, жилъ помѣщикъ Разсошниковъ. Сначала жилъ какъ и прочіе, и вдругъ захотѣлъ по правдѣ жить. И что-жъ онъ подъ-конецъ сдѣлалъ? — Продалъ имѣніе, деньги нищимъ роздалъ, а самъ ушелъ въ странствіе... Съ тѣхъ поръ его и не видѣли.

— Ахъ, няня! вотъ это какой человѣкъ!

— А между прочимъ у него сынъ въ Петербургѣ въ полку служилъ!—прибавила няня.

— Отецъ имѣніе роздалъ, а сынъ ни-при-чемъ остался... Сына-то бы спросить, хороша ли отцовская правда?—разсудилъ Григорій.

— А сынъ развѣ не понялъ, что отецъ по правдѣ поступилъ? —вступился Сережа.

— То-то, что не слишкомъ онъ это понялъ, а тоже пыталъ

хлопотать. Зачѣмъ же, говоритъ, онъ въ полкъ меня опредѣлилъ, коли мнѣ теперь содержать себя нечѣмъ?

— Въ полкъ опредѣлилъ... содержать себя нечѣмъ...—машинально повторялъ за Григоріемъ Сережа, запутываясь среди этихъ сопоставленій.

— И у меня одинъ случай на памяти есть,—продолжалъ Григорій: — занялся отъ этого самаго Разсошникова у насъ на селѣ мужичокъ одинъ—Мартыномъ прозывался. Тоже всѣ деньги, какія были, роздалъ нищимъ, оставилъ только хатку для семьи, а самъ надѣлъ черезъ плечо суму, да и ушелъ крадучись ночью куда глаза глядятъ. Только, слышь, пачпортъ позабылъ выправить — его черезъ мѣсяцъ и выслали по этапу домой.

— За что? развѣ онъ худое что-нибудь сдѣлалъ?—возразилъ Сережа.

— Худое не худое, я не объ этомъ говорю, а объ томъ, что по правдѣ жить оглядываючись надо. Безъ пачпорта ходить не позволяется—вотъ и вся недолга. Этакъ всѣ разбредутся, работу бросятъ—и отбою отъ нихъ, отъ бродягъ, не будетъ...

Чай кончился. Всѣ встали изъ-за стола и помолились.

— Ну, теперь мы обѣдать будемъ,—сказала няня: — ступай, голубчикъ, къ маменькѣ, посиди съ ней; скоро, поди, и батюшка съ матушкой придутъ.

Дѣйствительно, около двухъ часовъ пришелъ отецъ Павелъ съ женою.

— Я, батюшка, по правдѣ жить буду! Я за правду на бой пойду!—привѣтствовалъ гостей Сережа.

— Вотъ такъ вояка выискался! отъ земли не видать, а ужъ на бой собрался!—пошутилъ батюшка.

— Надоѣлъ онъ мнѣ. Съ утра все объ одномъ и томъ же говоритъ,—сказала Марья Сергѣевна.

— Ничего, сударыня. Поговоритъ и забудетъ.

— Нѣтъ, не забуду! — настаивалъ Сережа:—вы сами давеча говорили, что нужно по правдѣ жить... въ церкви говорили!

— На то и церковь установлена, чтобы въ ней о правдѣ возвѣщать. Ежели я, пастырь, своей обязанности не исполню, такъ церковь сама о правдѣ напомнитъ. И помимо меня, всякое слово, кото-

рое въ ней произносится — правда; одни ожесточенныя сердца могутъ оставаться глухими къ ней...

— А жить какъ?..

— И жить по правдѣ слѣдуетъ. Вотъ когда ... вѣру возраста придешь, тогда и правду въ полномъ объемѣ поймешь, а покуда достаточно съ тебя и той правды, которая твоему возрасту свойственна. Люби маменьку, къ старшимъ почтеніе имѣй, учись прилежно, веди себя скромно — вотъ твоя правда.

— Да вѣдь мученики... вы сами давеча говорили...

— Были и мученики. За правду и поношеніе слѣдуетъ принять. Только время для тебя думать объ этомъ не приспѣло.

— Мученики... костры...—лепеталъ Сережа въ смущеніи.

— Довольно!—нетерпѣливо прикрикнула на него Марья Сергѣевна.

Сережа умолкъ, но весь обѣдъ оставался задумчивъ. За обѣдомъ велись обыденные разговоры о деревенскихъ дѣлахъ. Разсказы шли за разсказами, и не всегда изъ нихъ явствовало, чтобы правда торжествовала. Собственно говоря, не было ни правды, ни неправды, а была обыкновенная жизнь, въ тѣхъ формахъ и съ тою подкладкою, къ которымъ всѣ искони привыкли. Сережа безчисленное множество разъ слыхалъ эти разговоры и никогда особенно не волновался ими. Но въ этотъ день въ его существо проникло что-то новое, что подстрекало и возбуждало его.

— Кушай!—заставляла его мать, видя, что онъ почти совсѣмъ не ѣстъ.

— In corpore sano mens sana, — съ своей стороны прибавилъ батюшка. — Слушайся маменьки — этимъ лучше всего свою любовь къ правдѣ докажешь. Любить правду должно, но мученикомъ себя безъ причины воображать — это уже тщеславіе, суетность.

Новое упоминаніе о правдѣ встревожило Сережу: онъ наклонился къ тарелкѣ и старался ѣсть, но вдругъ зарыдалъ. Всѣ всхлопотались и окружили его.

— Головка болитъ?—допытывалась Марья Сергѣевна.

— Болитъ,—отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Ну, поди, лягъ въ постельку. Няня, уложи его!

Его увели. Обѣдъ на нѣсколько минутъ прервался, потому что

Марья Сергѣевна не выдержала и ушла вслѣдъ за няней. Наконецъ обѣ возвратились и объявили, что Сережа заснулъ.

— Ничего, уснетъ и пройдетъ!—успокаивалъ Марью Сергѣевну отецъ Павелъ.

Къ вечеру однакожъ головная боль не только не унялась, но открылся жаръ. Сережа тревожно вставалъ ночью въ постели и все шарилъ руками около себя, точно чего-то искалъ.

— Мартынъ... по этапу, за правду... что̀ такое? — лепеталъ онъ безсвязно.

— Какого онъ Мартына поминаетъ?—недоумѣвая, обращалась Марья Сергѣевна къ нянѣ.

— А помните, у насъ на селѣ мужичокъ былъ, ушелъ изъ дому Христовымъ именемъ... Давеча Григорій при Сережѣ разсказывалъ.

— Все-то вы глупости разсказываете! — разсердилась Марья Сергѣевна:—совсѣмъ нельзя къ вамъ мальчика пускать.

На другой день, послѣ ранней обѣдни, батюшка вызвался съѣздить въ городъ за лекаремъ. Городъ отстоялъ въ сорока верстахъ, такъ что нельзя было ждать пріѣзда лекаря раньше какъ къ ночи. Да и лекарь, признаться, былъ старенькій, плохой, никакихъ другихъ средствъ не употреблялъ, кромѣ оподельдока, который онъ прописывалъ и снаружи, и внутрь. Въ городѣ объ немъ говорили: „въ медицину не вѣритъ, а въ оподельдокъ вѣритъ“.

Ночью около одиннадцати часовъ лекарь пріѣхалъ. Осмотрѣлъ больного, пощупалъ пульсъ и объявилъ, что есть „жарокъ“. Затѣмъ приказалъ натереть паціента оподельдокомъ и заставилъ его два катышка проглотить.

— Жарокъ есть, но вотъ увидите, что отъ оподельдока все какъ рукой сниметъ!—солидно объявилъ онъ.

Лекаря накормили и уложили спать, а Сережа всю ночь метался и пылалъ какъ въ огнѣ.

Нѣсколько разъ будили лекаря, но онъ повторялъ пріемы оподельдока и продолжалъ увѣрять, что къ утру все какъ рукой сниметъ.

Сережа бредилъ; въ бреду онъ повторялъ: „Христосъ... Правда... Разсошниковъ... Мартынъ“... и продолжалъ шарить вокругъ себя, произнося: „гдѣ? гдѣ?“... Къ утру однакожъ успокоился и заснулъ.

Лекарь уѣхалъ, сказавъ: „вотъ видите!“ и ссылаясь, что въ городѣ его ждутъ другіе паціенты.

Цѣлый день прошелъ между страхомъ и надеждой. Покуда на дворѣ было свѣтло, больной чувствовалъ себя лучше, но упадокъ силъ былъ настолько великъ, что онъ почти не говорилъ. Съ наступленіемъ сумерекъ опять открылся „жарокъ“ и пульсъ сталъ биться учащеннѣе. Марья Сергѣевна стояла у его постели въ безмолвномъ ужасѣ, усиливаясь что-то понять и не понимая.

Оподельдокъ бросили; няня прикладывала къ головѣ Сережи уксусные компрессы, ставила горчичники, поила липовымъ цвѣтомъ, словомъ сказать, впопадъ и невпопадъ употребляла всѣ средства, о которыхъ слыхала и какія были подъ рукою.

Къ ночи началась агонія. Въ восемь часовъ вечера взошелъ полный мѣсяцъ, и такъ какъ гардины на окнахъ по оплошности не были спущены, то на стѣнѣ образовалось большое свѣтлое пятно. Сережа приподнялся и потянулъ къ нему руки.

— Мама!—лепеталъ онъ:—смотри! весь въ бѣломъ... это Христосъ... это Правда... За Нимъ... къ Нему...

Онъ опрокинулся на подушку, по-дѣтски всхлипнулъ и умеръ.

Правда мелькнула передъ нимъ и напоила его существо блаженствомъ; но неокрѣпшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось.

25.—Воронъ-челобитчикъ.

Сказка *).

Все сердце у стараго ворона изболѣло. Истребляютъ воронiй родъ; кому не лѣнь, всякiй его бьетъ. И хоть бы ради прибытка, а то просто ради потѣхи. Да и само воронье измалодушничалось. О прежнемъ вѣщемъ каркань и въ поминѣ нѣтъ; осыплютъ вороны гурьбой березу и кричатъ зря: „вотъ мы гдѣ!“ Натурально сейчасъ — цафъ!—и десятка или двухъ въ стаѣ какъ не бывало. Ѣды прежней, привольной, тоже не стало. Лѣса кругомъ повырубили, болота повысушили, звѣрье угнали — никакъ честнымъ образомъ прокормиться нельзя. Стало воронье по огородамъ, садамъ, по скотнымъ

*) Текстъ исправленъ незадолго передъ смертью авторомъ собственноручно, съ надписью: „вѣрный оригиналъ“.—*М. Ст.*

дворамъ шнырять. А за это опять — пафъ!— и опять десятка или двухъ въ стаѣ какъ не бывало! Хорошо еще, что ворóны плодущи, а то кто бы кречету да ястребу да беркуту дань платилъ?

Начнетъ онъ, старикъ, своихъ младшихъ собратій увѣщевать: „не каркайте зря! не летайте по чужимъ огородамъ!“ — да только одинъ отвѣтъ слышитъ: „Ничего ты, старый хрѣнъ, въ новыхъ дѣлахъ не смыслишь! нельзя, по нынѣшнему времени, не воровать. И въ наукѣ такъ сказано: коли нечего тебѣ ѣсть, такъ изворачивайся. И всѣ такъ нынче живутъ: дѣла не дѣлаютъ, а изворачиваются. Пропадать, что-ли, намъ! Мы еще гдѣ дó свѣту встанемъ, снимемся съ гнѣздъ и весь лѣсъ обшаримъ—вездѣ хоть шаромъ покати. Ни ягоды лѣсной, ни пичуги малой, ни звѣря упалóго. Даже червь и тотъ въ землю зарылся“.

Слышитъ старый воронъ эти рѣчи и глубокую думу думаетъ. Трудныя бывали на его памяти времена. Цѣлыми годами преслѣдовала вороній родъ безкормица; безъ числа вороньё погибало. Но тогда было правило: есть у тебя когти —рви ими свою грудь, а на чужой кусокъ не зарься! Однако и тогда ужъ было примѣтно, что не долго вороньё эту школу выдержитъ. Смотрѣть, какъ другіе живутъ припѣваючи, а самому добровольно умирать съ голоду—отъ одного этого хоть чье хочешь сердце изноетъ.

И наука, кстати, на помощь пришла: клюй чтò можешь и гдѣ можешь! Удастся набить зобъ—летай на свободѣ сытый и веселый; не удастся—виси прострѣленный на огородѣ, вмѣсто чучела! На то война.

Когда принесъ его сюда, едва оперившагося, старый батько изъза тридевяти морей, мѣста здѣсь были вольныя. Лѣсъ да вода — и глазомъ не окинешь. Въ лѣсу всякой ягоды, всякаго звѣря, птицы —всего вдоволь; въ водѣ рыба кишмя кишѣла. Начальникомъ и тогда у нихъ былъ, какъ и теперь, ястребъ: но тогдашній ястребъ и самъ по себѣ былъ по горло сытъ, да и простъ былъ, такъ простъ, что и до сихъ поръ объ его простотѣ анекдоты ходятъ. Любилъ, правда, молоденькими воронятами полакомиться, но и тутъ справедливость наблюдалъ: сегодня изъ одного гнѣзда унесетъ вороненка, завтра изъ другого; а ежели видитъ, что гнѣздо бѣдное, упалое, такъ и безо всего улетитъ. И подати тогда были нетяжелыя: по яйцу съ гнѣзда, да по перу съ крыла, да съ каждыхъ десяти

гнѣздъ по вороненку орлу въ презентъ. Отбылъ повинность — и спи на оба уха.

Но чѣмъ дальше шло, тѣмъ глубже и глубже все измѣнялось. Облюбовалъ вольныя мѣста человѣкъ и началъ [illegible] пустилъ въ ходъ топоръ. Лѣса порѣдѣли, болота стали затягиваться, рѣка обмелѣла. Сначала по берегу рѣки появились займки, потомъ деревни, села, помѣщичьи усадьбы. Стукъ топора гулкимъ эхомъ раздавался въ глубинахъ лѣсныхъ, нарушая обычное теченіе жизни звѣрей и птицъ. Старѣйшины вороньяго племени уже тогда предсказывали, что грозитъ что-то недоброе, но молодое воронье съ веселымъ карканьемъ кружилось около человѣческихъ жилищъ, словно привѣтствуя пришельцевъ. Строгіе завѣты предковъ наскучили молодымъ сердцамъ; лѣсныя глубины опостылѣли. Потребовалось новое, диковинное, неизвѣданное. Воронье раздѣлилось на партіи; начались пререканія, усобицы, рознь...

Одновременно съ этими измѣненіями произошли измѣненія и въ высшихъ орнитологическихъ сферахъ. Старый ястребъ оказался стоящимъ не на высотѣ своей задачи. Онъ могъ управлять только при патріархальныхъ порядкахъ, но когда отношенія усложнились, когда на каждомъ шагу въ воронье существованіе врывались новые элементы, административное чутье окончательно его покинуло. Главные начальники называли его старымъ колпакомъ; воронье оспаривало его власть и безцеремонно каркало ему въ уши всякую чепуху. Онъ же, вмѣсто того, чтобъ пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, только благосклонно хлопалъ глазами и шутя говорилъ: „вотъ ужъ, придетъ реформа, узнаете вы, какъ кузькину мать зовутъ!“ Наконецъ и ожидаемая реформа пришла. Старика сдали въ архивъ, а прислали вмѣсто него начальникомъ совсѣмъ молодого ястреба, да въ помощь къ нему, въ видахъ пущаго контроля, поставили кречета.

Прилетѣли новые начальники и сказали вороньему племени немилостивое слово. „Я васъ къ одному знаменателю приведу!“ цыркнулъ ястребъ, а кречетъ прибавилъ: „и я тоже“. Сказавши это, объявили, что отнынѣ налоги увеличиваются противъ прежняго втрое, выдали окладные листы и улетѣли.

Началось окончательное разореніе. Воронье роптало: „налоги установили немилостивые, а новыхъ угодьевъ не предоставили!“ — раздавалось по лѣсу; но ни ястребъ, ни кречетъ не внимали жало-

бамъ воронья и посылали копчиковъ ловить смутьяновъ, которые зря пустыя рѣчи въ народъ пущаютъ. Много было тогда гнѣздъ разорено, много вороньяго племени въ плѣнъ уведено и отдано на съѣденіе волкамъ и лисицамъ. Думали, что вороньё, испугавшись, на хвостѣ дани принесетъ. Но вороньё отъ испуга только металось и жалобно каркало: „хоть рѣжьте, хоть стрѣляйте, а даней намъ взять не откуда!“

Такъ оно и посейчасъ идетъ: вороньё разоряется, а казна не наполняется. Что̀ и добудетъ ворона на сторонѣ, и то копчикъ на пути отниметъ. Словомъ сказать, хуже нельзя. Надумало-было вороньё новыхъ мѣстовъ искать и летуновъ впередъ для развѣдокъ отправило, но они улетѣть—улетѣли, а назадъ не воротились. Можетъ быть заблудились, можетъ быть по пути копчики задавили, а можетъ быть и сами собой съ голоду погибли. Да и шутка сказать—съ насиженныхъ мѣстъ, невѣдомо куда, летѣть! Нѣтъ нынче вольныхъ мѣстъ! всюду проникъ человѣкъ! И ему тѣсно стало. Идетъ впередъ съ топоромъ; стонутъ лѣса, бѣгутъ звѣри, а онъ съ утра до вечера корчуетъ пни, расчищаетъ пашню, рубитъ избу, а ночью дрожитъ въ землянкѣ отъ холода и голода въ ожиданьи, когда-то вся эта сутолока въ порядокъ придетъ.

Думалъ-думалъ старый ворон̀ъ и наконецъ надумалъ: надо летѣть всю правду объявить. Только старъ онъ и слабъ—долетитъ ли? Вѣдь летѣть—дорога не близкая. Сначала надо ястребу челомъ бить, потомъ кречету, а наконецъ и къ коршуну, который въ ту пору вороньимъ племенемъ въ родѣ какъ начальникъ края правилъ.

У птицъ тоже, какъ и у людей, вездѣ инстанціи заведены: вездѣ спросятъ: былъ ли у ястреба? былъ ли у кречета? а ежели не былъ, такъ и бунтовщикомъ, того гляди, прослывешь.

Наконецъ однакожъ снялся раннимъ утромъ съ гнѣзда и полетѣлъ. Видитъ, сидитъ ястребъ на высокой-высокой соснѣ, ужъ сытый, и клювъ когтями чиститъ.

— Здравствуй, старче! — привѣтствовалъ его ястребъ благодушно:—зачѣмъ пожаловалъ?

— Прилетѣлъ я къ твоему степенству правду объявить!—горячо закаркалъ старый воронъ:—гибнетъ вороній родъ! гибнетъ! человѣкъ его истребляетъ, дани немилостивыя разворяютъ, копчики допимаютъ... Мрѣтъ вороній родъ, а кои и живы—и тѣмъ прокормиться нечѣмъ.

— Вотъ какъ! А не отъ нерадивости ли вашей всѣ эти бѣды на вороній родъ опрокинулись?

— Самъ ты знаешь, что нерадивости въ насъ нѣтъ. Съ утра до ночи мы шаримъ и корму доглядываемъ. Живемъ въ трудахъ, какъ честному воронью жить надлежитъ, только добыть что-нибудь честнымъ образомъ невозможно стало.

Ястребъ на минуту задумался, словно не рѣшался настоящее слово выговорить, но наконецъ сказалъ:

— Изворачивайтесь!

Однако рѣшеніе это не удовлетворило, а только пуще взволновало ворона.

— Знаю я, что нынѣче всѣ изворотами живутъ.—горячо отвѣтилъ онъ:—да простъ на это нашъ вороній родъ. Другіе милліоны крадутъ, и все имъ какъ съ гуся вода, а ворона украдетъ копѣйку—ей за это смерть. Подумай, развѣ это не злодѣйство: за копѣйку—смерть. А ты еще учишь: изворачивайтесь. Присланъ ты къ намъ начальникомъ, чтобъ защищать насъ отъ обидъ, а явился первымъ разорителемъ и угнетателемъ! Доколѣ мы будемъ терпѣть? Вѣдь ежели мы...

Воронъ не договорилъ и испугался: не легко, видно, правду-то объявлять.

Но ястребъ, какъ сказано было выше, былъ сытъ и смотрѣлъ на незваного гостя благодушно.

— Знаю, не договаривай,—сказалъ онъ:—давно мы эту пѣсню слышимъ, да покуда Богъ еще миловалъ... А ты все-таки на усъ себѣ намотай: прилетѣлъ ты ко мнѣ правду объявить, да на первомъ же словѣ и запнулся... Все ли ты сказалъ?

— Все покамѣстъ,—отвѣчалъ воронъ, продолжая робѣть.

— Ну, такъ я тебѣ вотъ что отвѣчу: правда твоя давно всѣмъ извѣстна; не только вамъ, воронамъ, а и кончикамъ, и ястребамъ, и коршунамъ. Только не ко двору она въ наше время пришлась, а потому сколько объ ней ни объявляй, хоть на всѣхъ перекресткахъ кричи — ничего изъ этого не выйдетъ. А когда наступитъ время, что она сама собою объявится—этого покуда никто не знаетъ. Понялъ?

— Понялъ я одно: что вороньему роду конецъ пришелъ!—съ горечью отвѣтилъ воронъ.

— Ну, коли не понялъ, давай разговаривать. Говоришь ты, что человѣкъ васъ истребляетъ—но развѣ можемъ мы, птицы, противъ человѣка идти? Человѣкъ порохъ выдумалъ—а мы чѣмъ на это отвѣтить можемъ? Выдумалъ человѣкъ порохъ—и палитъ въ насъ: что вздумается, то надъ нами и дѣлаетъ. Мы все равно что мужики: со всѣхъ сторонъ въ нихъ всяко палятъ. То желѣзная дорога стрѣльнетъ, то машина новая, то неурожай, то поборъ новый. А они только знай перевертываются. Какимъ такимъ манеромъ случилось, что Губошлеповъ дорогу заполучилъ, а у нихъ послѣ того по гривнѣ въ котелѣ убавилось—развѣ темный человѣкъ можетъ это понять? А дѣло-то простое: Губошлеповъ порохъ выдумалъ, а мужики, ровно черви, только въ навозѣ копаться умѣютъ. А ежели ты червь, такъ и живи, какъ червю жить подобаетъ. Червю и вы, вороньё, потачки не даете; вспомни-ка! что еслибъ онъ на васъ гвалтъ поднялъ—не вы ли бы первые удивились: червь, молъ, ползущій, а тоже разговариваетъ!—Такъ-то, старче! Кто одолѣетъ, тотъ и правъ. Понялъ теперь?

— Погибать, значитъ, надо? Ахъ, какое жестокое ты слово сказалъ!—затосковалъ воронъ.

— Жестоко ли мое слово, или не жестоко, не въ томъ суть, а въ томъ, что и я правды отъ тебя не утаилъ. Не той правды, которой ты ищешь, а той, которую, по нынѣшнему времени, всякій въ разсчетъ принимать долженъ. Но будемъ продолжать разговоръ. Ты говоришь, что копчики кормъ у васъ на-лету отнимаютъ, что я самъ, ястребъ, ваши гнѣзда разоряю, что мы не защитники ваши, а разорители. Что-жъ: вы кормиться хотите—и мы кормиться хотимъ. Кабы вы были сильнѣе—вы бы насъ ѣли; а мы сильнѣе—мы васъ ѣдимъ. Вѣдь это тоже правда. Ты мнѣ свою правду объявилъ, а я тебѣ—свою; только моя правда воочію совершается, а твоя за облаками летаетъ. Понялъ?

— Погибать! погибать надо! — продолжалъ твердить старый воронъ, почти не сознавая дѣйствительнаго значенія ястребовыхъ рѣчей, но инстинктивно чувствуя, что онѣ заключаютъ въ себѣ нѣчто неслыханно-жестокое.

Ястребъ оглянулъ челобитчика съ головы до хвоста, и такъ какъ былъ сытъ, то захотѣлось ему пошутить надъ старикомъ.

— А хочешь, я тебя съѣмъ! — сказалъ онъ; но увидѣвъ, что

вѣронъ инстинктивно сдѣлалъ скачокъ назадъ, продолжалъ: — ну тебя! тощъ ты и старъ—какая это ѣда! Нутка, распахни-ка жилетъ!

Вѣронъ распустилъ крылья, и самъ удивился: кости да кожа, ни пуху, ни перьевъ нѣтъ — волкъ голодный, и [illegible] на такую птицу не позарится.

— Вотъ видишь, каковъ ты сталъ. А все оттого, что о правдѣ думаешь. Кабы ты по-вороньи, безъ думы, жилъ — такой ли бы ты былъ! А впрочемъ пора и кончить. Жалуешься ты еще, что поборы съ васъ, воронья, немилостивые берутъ—и это правда. Но подумай: съ кого же брать? Воробьи, синицы, чижи, зяблики—много ли они могутъ дать? рябчики, глухари, стрепета, дятлы, кукушки? — эти живутъ каждый самъ по себѣ, ихъ и днемъ съ огнемъ не отыщешь. Одно вороньё живетъ обществомъ, какъ настоящіе мужики, и притомъ само о себѣ непрестанно возглашаетъ—что же удивительнаго, что оно въ ревизскія сказки попало? А коли попалъ въ ревизскія сказки—держись! Если же въ послѣднее время и впрямь сборы тяжелѣе прежняго стали, то стало быть такъ нужно. Потребностей больше — и сборовъ больше: это хоть кого хочешь спроси. Такъ-то вотъ, старче. Ты правду сказалъ, и я правду сказалъ; а чья правда крѣпче — на это отвѣчаетъ ваше воронье житье. Ну, а теперь лети во-свояси, а я вздремнуть хочу.

Однако вѣронъ не возвратился во-свояси, а направилъ полетъ къ кречету.

„Будь что будетъ,—думалъ онъ, тяжело взмахивая старческими крыльями: — а я доведу дѣло до конца! Если и кречетъ моей правды не приметъ, то полечу въ губернію къ самому коршуну, а отъ правды не отступлюсь!“

Кречетъ жилъ въ впадинѣ горнаго ущелья и доступъ къ нему былъ очень труденъ. У порога его жилища сидѣлъ дежурный кончикъ и принималъ просителей. На этотъ разъ дежурнымъ оказался извѣстный всему вороньему роду кончикъ Иванъ Иванычъ, фаворитъ кречета (слухи шли даже, что онъ его побочный сынъ), который поручалъ ему самыя важныя и секретныя дѣла. Это былъ лихой малый, съ виду добродушный, съ благосклонными и даже изысканными манерами. Не прочь былъ и побалагурить, и кутнуть гдѣ-нибудь за облачкомъ, и полетать съ дѣвушками-чечоточками въ горѣлки, и даже одолженіе другу-пріятелю сдѣлать; но все это благодушіе оставалось

при немъ лишь до тѣхъ поръ, покуда онъ находился внѣ службы. Какъ только онъ приступалъ къ исполненію обязанностей (особливо секретныхъ порученій), то мгновенно преображался. Становился холоденъ, суровъ и исполнителенъ до жестокости. Прикажутъ ему настичь —онъ настигнетъ; прикажутъ удавить — задавитъ. Если птица и вдвое больше и сильнѣе его, онъ такимъ кубаремъ къ ней подлетитъ, что та заѓодя начинаетъ ужъ кричать и метаться отъ тоски. Вообще птицы, которыя бывали у него въ передѣлкѣ, при одномъ имени его трепетали отъ страха.

— Не проспался, старикъ?—иронически привѣтствовалъ челобитчика Иванъ Иванычъ.

Старый вѡронъ понялъ, что здѣсь уже все извѣстно. И у птицъ существуютъ свои лазутчики, черезъ которыхъ не только дѣйствія, но и тайныя помышленія обывателей извѣстны.

— Какой ужъ у стариковъ сонъ!—уклончиво отвѣчалъ онъ.

— Правду объявлять прилетѣлъ?—продолжалъ кончикъ;—ну, да впрочемъ это твое дѣло. Доложить?

— Да, ужъ сдѣлай такую милость.

Иванъ Иванычъ юркнулъ въ впадину и около часа тамъ оставался. Вѡронъ, съ замираніемъ сердца, ждалъ его появленія. Наконецъ онъ показался.

— Велѣно тебѣ сказать,—молвилъ онъ:—что растабарывать съ тобой некогда. Правда твоя искони всѣмъ извѣстна, да стало быть есть въ ней порокъ, ежели она сама собой не проявляется. Безпокойный у тебя нравъ, пустыя ты рѣчи въ народъ пущаешь. Давно бы за это съѣсть тебя надо, да, слышь, старъ ты, худъ и немощенъ. Къ начальнику края, чай, теперь полетишь?

— Нѣтъ ужъ, что ужъ...—хотѣлъ-было утаиться вѡронъ.

— Не запирайся! насквозь я тебя вижу! Что-же, лети! только какъ бы тебѣ очи за твою правду не выклевали.—Смотри, не прогадай! Да ты, поди, и дороги не знаешь; видишь, вонъ, облако? тамъ, надъ самымъ этимъ облакомъ — тамъ и есть.

Несмотря на предсказаніе кончика, вѡронъ рѣшился довести свое челобитье до конца. Долгимъ и кружнымъ путемъ взбирался онъ, ночуя въ покинутыхъ звѣриныхъ норахъ и пропитываясь ягодами, изрѣдка попадавшимися на отрогахъ горъ. Наконецъ онъ врѣзался въ облако, и передъ глазами его предстало волшебное зрѣлище.

Нѣсколько смежныхъ горныхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, пламенѣли въ лучахъ восходящаго солнца. Издали казался точно сказочный замокъ, у подножія котораго застыли облака, а наверху, вмѣсто крыши, разстилалась безконечная небесная лазурь.

Коршунъ сидѣлъ на скалѣ, окруженный цѣлой массой разнообразнѣйшихъ птицъ. По правую сторону его сидѣлъ бѣлый кречетъ, помощникъ его и совѣтникъ; у ногъ кувыркались всѣхъ сортовъ чиновники особыхъ порученій: попугаи, ученые снигири и чижи; сзади хоръ скворцовъ докладывалъ утреннюю почту; въ сторонкѣ, на отдѣльной вершинѣ, дремали совы, филины и нетопыри, образуя изъ себя нѣчто въ родѣ губернскаго совѣта; вороны во множествѣ мелькали вдали, съ перьями за ушами, строчили указы, предписанія и донесенія и кричали: „съ пылу, съ жару! по пятачку за пару!“

Коршунъ былъ ветхій старикъ и отъ старости едва-едва скрипѣлъ клювомъ. Въ ту минуту, когда у ногъ его опустился воронъ, онъ только-что пообѣдалъ, и въ полудремотѣ, смеживъ очи, покачивалъ головой, несмотря на оглушающій говоръ и шумъ. Однако появленіе челобитчика произвело среди птицъ нѣкоторый переполохъ, благодаря которому коршунъ встрепенулся.

— Съ просьбицей, старче?—спросилъ онъ ворона ласково.

— Прилетѣлъ я изъ-за тридевяти земель правду твоему великостепенству объявить!—началъ воронъ восторженно, но тутъ же былъ остановленъ кречетомъ.

— Не разводи реторики! — холодно прервалъ его послѣдній: — докладывай дѣло безъ украшеній, ясно, просто, по пунктамъ. Что тебѣ надобно?

Началъ воронъ по пунктамъ свое челобитье излагать: человѣкъ вороній родъ истребляетъ, кончики, ястреба, кречета донимаютъ, сборы немилостивые разоряютъ... И каждый разъ, какъ кончитъ онъ одинъ пунктъ, коршунъ поскрипитъ клювомъ и молвитъ:

— Правда твоя, старче!

Сердце играло въ груди стараго ворона при этихъ подтвержденіяхъ. „Наконецъ-то! — думалось ему: — увижу я эту правду, по которой съ-измлада тоскую! Послужу своему племени, поревную за него!“ И чѣмъ дальше длилось его слово, тѣмъ горячѣе и горячѣе оно звучало. Наконецъ онъ высказалъ все, что у него было на душѣ, и замолкъ.

— Все ли ты сказалъ?—спросилъ его коршунъ.

— Все,—отвѣтилъ воронъ.

— У ястреба, у кречета челомъ билъ?

— Билъ и у нихъ.

Онъ кратко изложилъ свой разговоръ съ ястребомъ, а также свое неудавшееся свиданіе съ кречетомъ.

— Такъ вотъ что я тебѣ на твою правду скажу, — молвилъ коршунъ:—больше двухъ сотъ лѣтъ я сижу на этомъ утесѣ, и хоть бочкомъ да на солнце смотрю... Но правдѣ и до сихъ поръ ни разу взглянуть въ лицо не могъ.

— Но почему же?—въ недоумѣніи каркнулъ воронъ.

— А потому что вмѣстить ее птицѣ не подъ силу. Ежели кто объ себѣ думаетъ, что онъ правду вмѣстилъ, тотъ и выполнить ее долженъ; а мы, стало быть, не можемъ выполнить — оттого и смотримъ на нее исподлобья. Думается: авось либо она мимо пройдетъ!

Коршунъ на минуту задумался и продолжалъ:

— Жестокое тебѣ слово ястребъ сказалъ, но правильное. Хороша правда, да не во всякое время и не на всякомъ мѣстѣ ее слушать пригоже. Иныхъ она въ соблазнъ ввести можетъ, другимъ—въ родѣ укоризны покажется. Иной и радъ бы правдѣ послужить, да какъ къ ней съ пустыми руками приступиться? Правда не ворона — за хвостъ ее не ухватишь. Посмотри кругомъ — вездѣ рознь, вездѣ свара; никто не можетъ настоящимъ образомъ опредѣлить, куда и зачѣмъ онъ идетъ... Оттого каждый и ссылается на *свою* личную правду. Но придетъ время, когда всякому дыханію сдѣлаются ясными предѣлы, въ которыхъ жизнь его совершаться должна — тогда сами собой исчезнутъ распри, а вмѣстѣ съ ними разсѣются какъ дымъ и всѣ мелкія „личныя правды“. Объявится настоящая, единая и для всѣхъ обязательная Правда; придетъ и весь міръ осіяетъ *). И будемъ мы жить всѣ вкупѣ и влюбѣ. Такъ-то, старикъ! а покуда лети съ миромъ и объяви вороньему роду, что я на него какъ на каменную гору надѣюсь.

*) Отъ словъ: „Посмотри кругомъ“ и т. д. вписано рукою автора на поляхъ карандашомъ—незадолго до смерти. — *М. Ст.*

26.—Повѣсть

О ТОМЪ, КАКЪ ОДИНЪ МУЖИКЪ ДВУХЪ ГЕНЕРАЛОВЪ ПРОКОРМИЛЪ.

Жили да были два генерала, и такъ какъ оба были легкомысленны, то въ скоромъ времени, по щучьему велѣнію, по моему хотѣнію, очутились на необитаемомъ островѣ.

Служили генералы всю жизнь въ какой-то регистратурѣ, тамъ родились, воспитались и состарѣлись, слѣдовательно ничего не понимали. Даже словъ никакихъ не знали, кромѣ: „примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности“.

Упразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генераловъ на волю. Оставшись за штатомъ, поселились они въ Петербургѣ, въ Подъяческой улицѣ, на разныхъ квартирахъ; имѣли каждый свою кухарку и получали пенсію. Только вдругъ очутились на необитаемомъ островѣ, проснулись и видятъ: оба подъ однимъ одѣяломъ лежатъ. Разумѣется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, какъ будто съ ними ничего не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мнѣ нынѣче сонъ снился,—сказалъ одинъ генералъ:—вижу, будто живу я на необитаемомъ островѣ...

Сказалъ это, да вдругъ какъ вскочитъ. Вскочилъ и другой генералъ.

— Господи! да что-жъ это такое? гдѣ мы? — вскрикнули оба не своимъ голосомъ.

И стали другъ друга ощупывать, точно ли не во снѣ, а на-яву съ ними случилась такая оказія. Однако, какъ ни старались увѣрить себя, что все это не больше какъ сновидѣніе, — пришлось убѣдиться въ печальной дѣйствительности.

Передъ ними съ одной стороны разстилалось море, съ другой стороны лежалъ небольшой клочокъ земли, за которымъ сталось все то же безграничное море. Заплакали генералы въ первый разъ послѣ того, какъ закрыли регистратуру.

Стали они другъ друга разсматривать и увидѣли, что они въ ночныхъ рубашкахъ, а на шеяхъ у нихъ виситъ по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо!—молвилъ одинъ гене-

ралъ, но вспомнилъ, какая съ нимъ неслыханная штука случилась, и во второй разъ заплакалъ.

— Что же мы будемъ однако дѣлать?—продолжалъ онъ сквозь слезы:—ежели теперича докладъ написать—какая польза изъ этого выйдетъ?

— Вотъ что,—отвѣчалъ другой генералъ:—подите вы, ваше превосходительство, на востокъ, а я пойду на западъ, а къ вечеру опять на этомъ мѣстѣ сойдемся; можетъ быть, что-нибудь и найдемъ.

Стали искать, гдѣ востокъ и гдѣ западъ. Вспомнили, какъ начальникъ однажды говорилъ: „если хочешь сыскать востокъ, то встань глазами на сѣверъ, и въ правой рукѣ получишь искомое". Начали искать сѣвера, становились такъ и сякъ, перепробовали всѣ страны свѣта, но такъ какъ всю жизнь служили въ регистратурѣ, то ничего не нашли.

— Вотъ что, ваше превосходительство: вы пойдете направо, а я налѣво; этакъ-то лучше будетъ!— сказалъ одинъ генералъ, который, кромѣ регистратуры, служилъ еще въ школѣ военныхъ кантонистовъ учителемъ каллиграфіи и, слѣдовательно, былъ поумнѣе.

Сказано—сдѣлано. Пошелъ одинъ генералъ направо, и видитъ —ростутъ деревья, а на деревьяхъ всякіе плоды. Хочетъ генералъ достать хоть одно яблоко, да всѣ такъ высоко висятъ, что надобно лѣзть. Попробовалъ полѣзть — ничего не вышло, только рубашку изорвалъ. Пришелъ генералъ къ ручью, видитъ: рыба тамъ, словно въ садкѣ на Фонтанкѣ, такъ и кишитъ, и кишитъ.

„Вотъ кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую!" подумалъ генералъ, и даже въ лицѣ измѣнился отъ аппетита.

Зашелъ генералъ въ лѣсъ—а тамъ рябчики свищутъ, тетерева токуютъ, зайцы бѣгаютъ.

— Господи! ѣды-то! ѣды-то! — сказалъ генералъ, почувствовавъ, что его уже начинаетъ тошнить.

Дѣлать нечего, пришлось возвращаться на условленное мѣсто съ пустыми руками. Приходитъ, а другой генералъ ужъ дожидается.

Ну что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вотъ нашелъ старый нумеръ „Московскихъ Вѣдомостей", и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится имъ на тощакъ. То

безпокоитъ ихъ мысль, кто за нихъ будетъ пенсію получать; то припоминаются видѣнные днемъ плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы могъ думать, ваше превосходительство, что человѣческая пища, въ первоначальномъ видѣ, летаетъ, плаваетъ и на деревьяхъ ростетъ?— сказалъ одинъ генералъ.

— Да,—отвѣтилъ другой генералъ:—признаться, и я до сихъ поръ думалъ, что булки въ томъ самомъ видѣ родятся, какъ ихъ утромъ къ кофею подаютъ.

— Стало быть, если, напримѣръ, кто хочетъ куропатку съѣсть, то долженъ сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только какъ все это сдѣлать?

— Какъ все это сдѣлать?—словно эхо повторилъ другой генералъ.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голодъ рѣшительно отгонялъ сонъ. Рябчики, индейки, поросята такъ и мелькали передъ глазами, сочные, слегка подрумяненные, съ огурцами, пикулями и другимъ салатомъ.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапогъ съѣлъ!— сказалъ одинъ генералъ.

— Хороши тоже перчатки бываютъ, когда долго ношены!— вздохнулъ другой генералъ.

Вдругъ оба генерала взглянули другъ на друга: въ глазахъ ихъ свѣтился зловѣщій огонь, зубы стучали, изъ груди вылетало глухое рычаніе. Они начали медленно подползать другъ къ другу и въ одно мгновеніе ока оба остервенились. Полетѣли клочья, раздался визгъ и оханье; генералъ, который былъ учителемъ каллиграфіи, откусилъ у своего товарища орденъ и немедленно проглотилъ. Но видъ текущей крови какъ будто образумилъ ихъ.

— Съ нами крестная сила!—сказали они оба разомъ:—вѣдь этакъ мы другъ друга съѣдимъ!

— И какъ мы попали сюда! кто тотъ злодѣй, который надъ нами такую штуку сыгралъ!

— Надо, ваше превосходительство, какимъ-нибудь разговоромъ развлечься, а то у насъ тутъ убійство будетъ!—проговорилъ одинъ генералъ.

— Начинайте!—отвѣчалъ другой генералъ.

— Какъ, напримѣръ, думаете вы, отчего солнце прежде восходитъ, а потомъ заходитъ, а не наоборотъ?

— Странный вы человѣкъ, ваше превосходительство! но вѣдь и вы прежде встаете, идете въ департаментъ, тамъ пишете, а потомъ ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различныя сновидѣнія, а потомъ встаю?

— Гм... да... А я, признаться, какъ служилъ въ департаментѣ, всегда такъ думалъ: вотъ теперь утро, а потомъ будетъ день, а потомъ подадутъ ужинать—и спать пора!

Но упоминовеніе объ ужинѣ обоихъ повергло въ уныніе и пресѣкло разговоръ въ самомъ началѣ.

— Слышалъ я отъ одного доктора, что человѣкъ можетъ долгое время своими собственными соками питаться, — началъ опять одинъ генералъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ-съ. Собственные свои соки будто бы производятъ другіе соки, эти въ свою очередь еще производятъ соки, и такъ далѣе, покуда наконецъ соки совсѣмъ не прекратятся...

— Тогда что жъ?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять...

— Тьфу!

Однимъ словомъ, о чемъ ни начинали генералы разговоръ, онъ постоянно сводился на воспоминаніе объ ѣдѣ, и это еще болѣе раздражало аппетитъ. Положили: разговоры прекратить и, вспомнивъ о найденномъ нумерѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, жадно принялись читать его.

„Вчера,—читалъ взволнованнымъ голосомъ одинъ генералъ,— у почтеннаго начальника нашей древней столицы былъ парадный обѣдъ. Столъ сервированъ былъ на сто персонъ съ роскошью изумительною. Дары всѣхъ странъ назначили себѣ какъ бы рандеву на этомъ волшебномъ праздникѣ. Тутъ была и „шекснинска стерлядь золотая“, и питомецъ лѣсовъ кавказскихъ—фазанъ, и столь рѣдкая въ нашемъ сѣверѣ въ февралѣ мѣсяцѣ земляника“...

— Тьфу ты, Господи! да неужто-жъ, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета?—воскликнулъ въ отчаяніи другой генералъ и, взявъ у товарища газету, прочелъ слѣдующее:

„Изъ Тулы пишутъ: вчерашняго числа, по случаю поимки въ рѣкѣ Упѣ осетра (происшествіе, котораго не запомнятъ даже старо-

жилы, тѣмъ болѣе, что въ осетрѣ былъ опознанъ частный приставъ Б.), былъ въ здѣшнемъ клубѣ фестиваль. Виновника торжества внесли на громадномъ деревянномъ блюдѣ, обложеннаго огурчиками и держащаго въ пасти кусокъ слёни. Докторъ П., бывшій въ тотъ же день дежурнымъ старшиною, заботливо наблюдалъ, дабы всѣ гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая“...

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишкомъ осторожны въ выборѣ чтенія!—прервалъ первый генералъ, и, взявъ въ свою очередь газету, прочелъ:

„Изъ Вятки пишутъ: одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ изобрѣлъ слѣдующій оригинальный способъ приготовленія ухи: взявъ живого налима, предварительно его высѣчь; когда же, отъ огорченія, печень его увеличится“...

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры—все свидѣтельствовало объ ѣдѣ. Собственныя ихъ мысли злоумышляли противъ нихъ, ибо какъ они ни старались отгонять представленія о бифштексахъ, но представленія эти пробивали себѣ путь насильственнымъ образомъ.

И вдругъ генерала, который былъ учителемъ каллиграфіи, озарило вдохновеніе...

— А что, ваше превосходительство,—сказалъ онъ радостно:—еслибы намъ найти мужика?

— То-есть, какъ же... мужика?

— Ну, да, простого мужика... какіе обыкновенно бываютъ мужики! Онъ бы намъ сейчасъ и булокъ бы подалъ, и рябчиковъ бы наловилъ, и рыбы!

— Гм... мужика... но гдѣ же его взять, этого мужика, когда его нѣтъ?

— Какъ нѣтъ мужика!—мужикъ вездѣ есть, стоитъ только поискать его! Навѣрное онъ гдѣ-нибудь спрятался, отъ работы отлынываетъ!

Мысль эта до того ободрила генераловъ, что они вскочили какъ встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову безъ всякаго успѣха, но наконецъ острый запахъ мякиннаго хлѣба и кислой овчины навелъ ихъ на слѣдъ. Подъ деревомъ, брюхомъ кверху и подложивъ подъ голову

кулакъ, сналъ громаднѣйшій мужичина и самымъ нахальнымъ образомъ уклонялся отъ работы. Негодованію генераловъ предѣла не было.

— Спишь, лежебокъ! — накинулись они на него: — небось и ухомъ не ведешь, что тутъ два генерала вторыя сутки съ голода умираютъ! Сейчасъ маршъ работать!

Всталъ мужичина: видитъ, что генералы строгіе. Хотѣлъ-было дать отъ нихъ стречка, но они такъ и закоченѣли, вцѣпившись въ него.

И зачалъ онъ передъ ними дѣйствовать.

Полѣзъ сперва-на-перво на дерево и нарвалъ генераламъ по десятку самыхъ спѣлыхъ яблоковъ, а себѣ взялъ одно, кислое. Потомъ покопался въ землѣ—и добылъ оттуда картофелю; потомъ взялъ два куска дерева, потеръ ихъ другъ объ дружку—и извлекъ огонь. Потомъ изъ собственныхъ волосъ сдѣлалъ силокъ и поймалъ рябчика. Наконецъ развелъ огонь и напекъ столько разной провизіи, что генераламъ пришло даже на мысль: не дать ли и тунеядцу частичку?

Смотрѣли генералы на эти мужицкія старанія, и сердца у нихъ весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли съ голоду, а думали: „вотъ какъ оно хорошо быть генералами—нигдѣ не пропадешь!“

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивалъ между тѣмъ мужичина-лежебокъ.

— Довольны, любезный другъ, видимъ твое усердіе!—отвѣчали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружокъ, только свей прежде веревочку.

Набралъ сейчасъ мужичина дикой конопли, размочилъ въ водѣ, наколотилъ, помялъ—и къ вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину къ дереву, чтобъ не убѣгъ, а сами легли спать.

Прошелъ день, прошелъ другой; мужичина до того изловчился, что сталъ даже въ пригоршнѣ супъ варить. Сдѣлались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, бѣлые. Стали говорить, что вотъ они здѣсь на всемъ готовомъ живутъ, а въ Петербургѣ между тѣмъ пенсіи ихнія все накапливаются да накапливаются.

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, въ самомъ ли дѣлѣ было вавилонское столпотвореніе, или это только такъ, одно

иносказаніе?—говоритъ, бывало, одинъ генералъ другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было въ самомъ дѣлѣ, потому что иначе какъ же объяснить, что на свѣтѣ существуютъ разные языки!

— Стало быть, и потопъ былъ?

— И потопъ былъ, потому что въ противномъ случаѣ какъ же было бы объяснить существованіе допотопныхъ звѣрей? Тѣмъ болѣе, что въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ повѣствуютъ...

— А не почитать ли намъ „Московскихъ Вѣдомостей“?

Сыщутъ нумеръ, усядутся подъ тѣнью, прочтутъ отъ доски до доски, какъ ѣли въ Москвѣ, ѣли въ Тулѣ, ѣли въ Пензѣ, ѣли въ Рязани—и ничего, не тошнитъ!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать объ оставленныхъ ими въ Петербургѣ кухаркахъ и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь дѣлается въ Подъяческой, ваше превосходительство?—спрашивалъ одинъ генералъ другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! все сердце изныло! —отвѣчалъ другой генералъ.

— Хорошо-то оно хорошо здѣсь — слова нѣтъ! а все, знаете, какъ-то неловко барашку безъ ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Еще какъ жалко-то! Особливо какъ четвертаго класса, такъ на одно шитье посмотрѣть—голова закружится!

И начали они будить мужика: представь да представь ихъ въ Подъяческую! И что-жъ! оказалось, что мужикъ знаетъ даже Подъяческую, что онъ тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало!

— А вѣдь мы съ Подъяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видѣли: виситъ человѣкъ снаружи дома, въ ящикѣ на веревкѣ, и стѣну краской мажетъ, или по крышѣ словно муха ходитъ—это онъ самый я и есть!—отвѣчалъ мужикъ.

И началъ мужикъ на бобахъ разводить, какъ бы ему своихъ генераловъ порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и му-

жицкимъ его трудомъ не гнушались. И выстроилъ онъ корабль не корабль, а такую посудину, чтобъ можно было океанъ-море переплыть вплоть до самой Подъяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи насъ!—сказали генералы, увидѣвъ покачивавшуюся на волнахъ ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не въ первой! — отвѣчалъ мужикъ и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Набралъ мужикъ пуху лебяжьяго мягкаго и устлалъ имъ дно лодочки. Устлавши, уложилъ на дно генераловъ и, перекрестившись, поплылъ. Сколько набрались страху генералы во время пути отъ бурь да отъ вѣтровъ разныхъ, сколько они ругали мужичину за его тунеядство — этого ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать. А мужикъ все гребетъ да гребетъ, да кормитъ генераловъ селедками.

Вотъ наконецъ и Нева-матушка, вотъ и Екатерининскій славный каналъ, вотъ и Большая Подъяческая! Всплеснули кухарки руками, увидѣвши, какіе у нихъ генералы стали — сытые, бѣлые да веселые. Напились генералы кофею, наѣлись сдобныхъ булокъ и надѣли мундиры. Поѣхали они въ казначейство, и сколько тутъ денегъ загребли—того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать!

Однако и объ мужикѣ не забыли — выслали ему рюмку водки да пятакъ серебра: веселись, мужичина!

27.—Пропала совѣсть.

Пропала совѣсть. По старому толпились люди на улицахъ и въ театрахъ; по старому они то догоняли, то перегоняли другъ друга; по старому суетились и ловили на-лету куски, и никто не догадывался, что чего-то вдругъ стало недоставать и что въ общемъ жизненномъ оркестрѣ перестала играть какая-то дудка. Многіе начали даже чувствовать себя бодрѣе и свободнѣе. Легче сдѣлался ходъ человѣка; ловчѣе стало подставлять ближнему ногу, удобнѣе льстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. Всякую *болѣсть* вдругъ какъ рукой сняло; люди не шли, а какъ будто неслись; ничто не огорчало ихъ, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее — все, казалось, такъ и отдавалось имъ въ руки, — имъ, счастливцамъ, не замѣтившимъ о пропажѣ совѣсти.

Совѣсть пропала вдругъ... почти мгновенно! Еще вчера эта надоѣдливая приживалка такъ и мелькала передъ глазами, такъ и чудилась возбужденному воображенію, и вдругъ... ничего! Исчезли досадные призраки, а вмѣстѣ съ ними улеглась и нравственная смута, которую приводила за собой обличительница-совѣсть. Оставалось только смотрѣть на Божій міръ и радоваться; мудрые міра поняли, что они наконецъ освободились отъ послѣдняго ига, которое затрудняло ихъ движенія, и, разумѣется, поспѣшили воспользоваться плодами этой свободы. Люди остервенились; пошли грабежи и разбои, началось вообще разореніе.

А бѣдная совѣсть лежала между тѣмъ на дорогѣ, истерзанная, оплеванная, затоптанная ногами пѣшеходовъ. Всякій швырялъ ее, какъ негодную ветошь, подальше отъ себя; всякій удивлялся, какимъ образомъ въ благоустроенномъ городѣ и на самомъ бойкомъ мѣстѣ можетъ валяться такое вопіющее безобразіе. И Богъ знаетъ, долго ли бы пролежала такимъ образомъ бѣдная изгнанница, еслибы не поднялъ ее какой-то несчастный пропоецъ, позарившійся съ пьяныхъ глазъ даже на негодную тряпицу, въ надеждѣ получить за нее шкаликъ.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его пронизала словно электрическая струя какая-то. Мутными глазами началъ онъ озираться кругомъ и совершенно явственно ощутилъ, что голова его освобождается отъ винныхъ паровъ и что къ нему постепенно возвращается то горькое сознаніе дѣйствительности, на избавленіе отъ котораго были потрачены лучшія силы его существа. Сначала онъ почувствовалъ только страхъ, тотъ тупой страхъ, который повергаетъ человѣка въ безпокойство отъ одного предчувствія какой-то грозящей опасности; потомъ всполошилась память, заговорило воображеніе. Память безъ пощады извлекала изъ тьмы постыднаго прошлаго всѣ подробности насилій, измѣнъ, сердечной вялости и неправдъ; воображеніе облекало эти подробности въ живыя формы. Затѣмъ самъ собой проснулся судъ...

Жалкому пропойцу все его прошлое кажется сплошнымъ безобразнымъ преступленіемъ. Онъ не анализируетъ, не спрашиваетъ, не соображаетъ; онъ до того подавленъ вставшею передъ нимъ картиною его нравственнаго паденія, что тотъ процессъ самоосужденія, которому онъ добровольно подвергаетъ себя, бьетъ его несравненно больнѣе и строже, нежели самый строгій людской судъ. Онъ не хочетъ даже

принять въ разсчетъ, что бо́льшая часть того прошлаго, за которое онъ себя такъ клянетъ, принадлежитъ совсѣмъ не ему, бѣдному и жалкому пропойцу, а какой-то тайной, чудовищной силѣ, которая крутила и вертѣла имъ, какъ крутитъ и вертитъ въ степи вихрь ничтожною былинкою. Что́ такое его прошлое? почему онъ прожилъ его такъ, а не иначе? что́ такое онъ самъ?—все это такіе вопросы, на которые онъ можетъ отвѣчать только удивленіемъ и полнѣйшею безсознательностью. Иго строило его жизнь; подъ игомъ родился онъ, подъ игомъ же сойдетъ и въ могилу. Вотъ, пожалуй, теперь и явилось сознаніе — да на что́ оно ему нужно? затѣмъ ли оно пришло, чтобъ безжалостно поставить вопросы и отвѣтить на нихъ молчаніемъ? затѣмъ ли, чтобъ погубленная жизнь вновь хлынула въ разрушенную храмину, которая не можетъ ужъ выдержать наплыва ея?

Увы! проснувшееся сознаніе не приноситъ ему съ собой ни примиренія, ни надежды, а встрепенувшаяся совѣсть указываетъ только одинъ выходъ — выходъ безплоднаго самообвиненія. И прежде кругомъ была мгла, да и теперь та же мгла, только населившаяся мучительными привидѣніями; и прежде на рукахъ звенѣли тяжелыя цѣпи, да и теперь тѣ же цѣпи, только тяжесть ихъ вдвое увеличилась, потому что онъ понялъ, что это цѣпи. Льются рѣкой безполезныя пропойцевы слезы; останавливаются передъ нимъ добрые люди и утверждаютъ, что въ немъ плачетъ вино.

— Батюшки! не могу... несносно! — крикомъ кричитъ жалкій пропоецъ, а толпа хохочетъ и глумится надъ нимъ. Она не понимаетъ, что пропоецъ никогда не былъ такъ свободенъ отъ винныхъ паровъ, какъ въ эту минуту, что онъ просто сдѣлалъ несчастную находку, которая разрываетъ на части его бѣдное сердце. Еслибы она сама набрела на эту находку, то уразумѣла бы, конечно, что есть на свѣтѣ горесть, лютѣйшая изъ всѣхъ горестей—это горесть внезапно обрѣтенной совѣсти. Она уразумѣла бы, что и она настолько же подъяремная и изуродованная духомъ толпа, насколько подъяременъ и нравственно искаженъ взывающій передъ нею пропоецъ.

„Нѣтъ, надо какъ-нибудь ее сбыть! а то съ ней пропадешь, какъ собака!“ думаетъ жалкій пьяница и уже хочетъ бросить свою находку на дорогу, но его останавливаетъ близъ стоящій хожалый.

— Ты, братъ, кажется, подбрасываніемъ подметныхъ пасквилей

заниматься вздумалъ! — говоритъ онъ ему, грозя пальцемъ: — у меня, братъ, и въ части за это посидѣть недолго!

Пропоецъ проворно прячетъ находку въ карманъ и удаляется съ нею. Озираясь и крадучись, приближается онъ къ питейному дому, въ которомъ торгуетъ старинный его знакомый, Прохорычъ. Сначала онъ заглядываетъ потихоньку въ окошко и, увидѣвъ, что въ кабакѣ никого нѣтъ, а Прохорычъ одинъ-одинёхонекъ дремлетъ за стойкой, въ одно мгновеніе ока растворяетъ дверь, вбѣгаетъ, и прежде нежели Прохорычъ успѣваетъ опомниться, ужасная находка уже лежитъ у него въ рукѣ.

Нѣкоторое время Прохорычъ стоялъ съ вытаращенными глазами; потомъ вдругъ весь вспотѣлъ. Ему почему-то померещилось, что онъ торгуетъ безъ патента; но, оглядѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что всѣ патенты, и синіе, и зеленые, и желтые, на-лицо. Онъ взглянулъ на тряпицу, которая очутилась у него въ рукахъ, и она показалась ему знакомою.

— Эге!—вспомнилъ онъ: — да никакъ это та самая тряпка, которую я насилу сбылъ передъ тѣмъ какъ патентъ покупать! да! она самая и есть!

Убѣдившись въ этомъ, онъ тотчасъ же почему-то сообразилъ, что теперь ему разориться надо.

— Коли человѣкъ дѣломъ занятъ, да этакая пакость къ нему привяжется—говори: пропало! никакого дѣла не будетъ и быть не можетъ!—разсуждалъ онъ почти машинально, и вдругъ весь затрясся и поблѣднѣлъ, словно въ глаза ему глянулъ невѣдомый дотолѣ страхъ.

— А вѣдь куда скверно спаивать бѣдный народъ!—шептала проснувшаяся совѣсть.

— Жена! Арина Ивановна! — вскрикнулъ онъ внѣ себя отъ испуга.

Прибѣжала Арина Ивановна, но какъ только увидѣла, какое Прохорычъ сдѣлалъ пріобрѣтеніе, такъ не своимъ голосомъ закричала: „караулъ! батюшки! грабятъ!“

„И за что я, черезъ этого подлеца, въ одну минуту всего лишиться долженъ?“ думалъ Прохорычъ, очевидно намекая на пропойца, всучившаго ему свою находку. А крупныя капли пота между тѣмъ такъ и выступали на лбу его.

Между тѣмъ кабакъ мало-по-малу наполнялся народомъ; но Прохорычъ, вмѣсто того чтобъ съ обычною любезностью потчивать посѣтителей, къ совершенному изумленію послѣднихъ, не только отказывался наливать имъ вино, но даже очень трогательно доказывалъ, что въ винѣ заключается источникъ всякаго несчастія для бѣднаго человѣка.

— Коли бы ты одну рюмочку выпилъ — это такъ! это даже пользительно!—говорилъ онъ сквозь слезы:—а то вѣдь ты норовишь, какъ бы тебѣ цѣлое ведро сожрать! И что-жъ! сейчасъ тебя за это самое въ часть сволокутъ; въ части тебѣ подъ рубашку засыплютъ, и выйдешь ты оттоль словно кабы какую награду получилъ! А и всей-то твоей награды было сто лозановъ! Такъ вотъ ты и подумай, милый человѣкъ, стоитъ ли изъ-за этого стараться, да еще мнѣ, дураку, трудовыя твои денежки платить!

— Да что ты никакъ, Прохорычъ, съ ума спятилъ!—говорили ему изумленные посѣтители.

— Спятишь, братъ, коли съ тобой такая оказія случится! — отвѣчалъ Прохорычъ:—ты вотъ лучше посмотри, какой я нынче патентъ себѣ выправилъ!

Прохорычъ показывалъ всученную ему совѣсть и предлагалъ, не хочетъ ли кто изъ посѣтителей воспользоваться ею. Но посѣтители, узнавши, въ чемъ штука, не только не изъявляли согласія, но даже боязливо сторонились и отходили подальше.

— Вотъ такъ патентъ!—не безъ злобы прибавилъ Прохорычъ.

— Что жъ ты теперь дѣлать будешь?—спрашивали его посѣтители.

— Теперича я полагаю такъ: остается мнѣ одно — помереть! Потому обманывать я теперь не могу; водкой спаивать бѣдный народъ тоже не согласенъ; что же мнѣ теперича дѣлать, кромѣ какъ помереть?

— Резонъ!—смѣялись надъ нимъ посѣтители.

— Я даже такъ теперь думаю,—продолжалъ Прохорычъ:—всю эту посудину, какая тутъ есть, перебить и вино въ канаву вылить! Потому, коли ежели кто имѣетъ въ себѣ эту добродѣтель, такъ тому даже самый запахъ сивушный можетъ нутро перевернуть!

— Только смѣй у меня! — вступилась наконецъ Арина Ивановна, сердца которой повидимому не коснулась благодать, внезапно осѣнившая Прохорыча:—ишь добродѣтель какая выискалась!

Но Прохорыча уже трудно было пронять. Онъ заливался горькими слезами и все говорилъ, все говорилъ.

— Потому,—говорилъ онъ:—что ежели ужъ съ кѣмъ это несчастіе случилось, тотъ такъ несчастнымъ и долженъ быть. И никакого онъ объ себѣ мнѣнія, что онъ торговецъ или купецъ, заключить не смѣетъ. Потому что это будетъ одно его напрасное безпокойство. А долженъ онъ о себѣ такъ разсуждать: несчастный я человѣкъ въ семъ мірѣ—и больше ничего.

Такимъ образомъ, въ философическихъ упражненіяхъ прошелъ цѣлый день, и хотя Арина Ивановна рѣшительно воспротивилась намѣренію своего мужа перебить посуду и вылить вино въ канаву, однако они въ тотъ день не продали ни капли. Къ вечеру Прохорычъ даже развеселился и, ложась на ночь, сказалъ плачущей Аринѣ Ивановнѣ:

— Ну, вотъ, душенька и любезнѣйшая супруга моя! хоть мы и ничего сегодня не нажили, за то какъ легко тому человѣку, у котораго совѣсть въ глазахъ есть!

И дѣйствительно, онъ, какъ легъ, такъ сейчасъ и уснулъ. И не метался во снѣ, и даже не храпѣлъ, какъ это случалось съ нимъ въ прежнее время, когда онъ наживалъ, но совѣсти не имѣлъ.

Но Арина Ивановна думала объ этомъ нѣсколько иначе. Она очень хорошо понимала, что въ кабацкомъ дѣлѣ совѣсть совсѣмъ не такое пріятное пріобрѣтеніе, отъ котораго можно было бы ожидать прибытка, и потому рѣшилась во что бы то ни стало отдѣлаться отъ непрошенной гостьи. Скрѣпя сердце она переждала ночь, но какъ только въ запыленныя окна кабака забрезжилъ свѣтъ, она выкрала у спящаго мужа совѣсть и стремглавъ бросилась съ нею на улицу.

Какъ нарочно, это былъ базарный день; изъ сосѣднихъ деревень уже тянулись мужики съ возами, и квартальный надзиратель Ловецъ самолично отправлялся на базаръ для наблюденія за порядкомъ. Едва завидѣла Арина Ивановна поспѣшающаго Ловца, какъ у нея уже блеснула въ головѣ счастливая мысль. Она во весь духъ побѣжала за нимъ, и едва успѣла поровняться, какъ сейчасъ же, съ изумительною ловкостью, сунула потихоньку совѣсть въ карманъ его пальто.

Ловецъ былъ малый не то чтобъ совсѣмъ безстыжій, но стѣснять себя не любилъ и запускалъ лапу довольно свободно. Видъ у него былъ не то чтобъ наглый, а *устремительный*. Руки были не то чтобъ слишкомъ озорныя, но охотно зацѣпляли все, что̀ попадалось по дорогѣ. Словомъ сказать, былъ лихоимецъ порядочный.

И вдругъ этого самаго человѣка начало коробить.

Пришелъ онъ на базарную площадь, и кажется ему, что все, что̀ тамъ ни наставлено, и на возахъ, и на рундукахъ, и въ лавкахъ—все это не его, а чужое. Никогда прежде этого съ нимъ не бывало. Протеръ онъ себѣ безстыжіе глаза и думаетъ: „не очумѣлъ ли я, не во снѣ ли все это мнѣ представляется?“ Подошелъ къ одному возу, хочетъ запустить лапу, анъ лапа не поднимается; подошелъ къ другому возу, хочетъ мужика за бороду вытрясти — о, ужасъ!—длани не простираются!

Испугался.

„Что̀ это со мной нынче сдѣлалось?—думаетъ Ловецъ:—вѣдь этакимъ манеромъ, пожалуй, и напредки все дѣло себѣ испорчу! Ужъ не воротиться ли, за добра ума, домой?“

Однако понадѣялся, что, можетъ быть, и пройдетъ. Сталъ погуливать по базару; смотритъ — лежитъ всякая живность, разостланы всякія матеріи, и все это какъ будто говоритъ: вотъ и близокъ локоть, да не укусишь!

А мужики между тѣмъ осмѣлились; видя, что человѣкъ очумѣлъ, глазами на свое добро хлопаетъ, стали шутки шутить, стали Ловца Фофаномъ Фофанычемъ звать.

„Нѣтъ, это со мною болѣзнь какая-нибудь!“ —рѣшилъ Ловецъ, и такъ-таки безъ кульковъ, съ пустыми руками и отправился домой.

Возвращается онъ домой, а Ловчиха-жена ужъ ждетъ, думаетъ: „сколько-то мнѣ супругъ мой любезный нынче кульковъ принесетъ?“ И вдругъ—ни одного. Такъ и закипѣло въ ней сердце, такъ и накинулась она на Ловца.

— Куда кульки дѣвалъ?—спрашиваетъ она его.

— Передъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствуюсь...—началъ было Ловецъ.

— Гдѣ у тебя кульки, тебя спрашиваютъ?

— Передъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствуюсь... — вновь повторилъ Ловецъ.

— Ну, такъ и обѣдай своею совѣстью до будущаго базара, а у меня для тебя нѣтъ обѣда!— рѣшила Ловчиха.

Понурилъ Ловецъ голову, потому что зналъ, что Ловчихино слово твердое. Снялъ онъ съ себя пальто—и вдругъ словно преобразился совсѣмъ! Такъ какъ совѣсть осталась, вмѣстѣ съ пальто, на стѣнкѣ, то сдѣлалось ему опять и легко, и свободно, и стало опять казаться, что на свѣтѣ нѣтъ ничего чужого, а все его. И почувствовалъ онъ вновь въ себѣ способность глотать и загребать.

— Ну, теперь вы у меня не отвертитесь, дружки! — сказалъ Ловецъ, потирая руки, и сталъ поспѣшно надѣвать на себя пальто, чтобъ на всѣхъ парусахъ летѣть на базаръ.

Но—о, чудо! —едва успѣлъ онъ надѣть пальто, какъ опять началъ корячиться. Просто какъ будто два человѣка въ немъ сдѣлалось: одинъ—безъ пальто—безстыжій, загребистый и лапистый; другой—въ пальто—застѣнчивый и робкій. Однако хоть и видитъ, что не успѣлъ за ворота выйти, какъ ужъ присмирѣлъ, но отъ намѣренія своего идти на базаръ не отказался. Авось-либо, думаетъ, превозмогу.

Но чѣмъ ближе онъ подходилъ къ базару, тѣмъ сильнѣе билось его сердце, тѣмъ неотступнѣе сказывалась въ немъ потребность примириться со всѣмъ этимъ среднимъ и малымъ людомъ, который изъ-за гроша цѣлый день бьется на дождю да на слякоти. Ужъ не до того ему, чтобъ на чужіе кулыки засматриваться; свой собственный кошелекъ, который былъ у него въ карманѣ, сдѣлался ему въ тягость, какъ будто онъ вдругъ изъ достовѣрныхъ источниковъ узналъ, что въ этомъ кошелькѣ лежатъ не его, а чьи-то чужія деньги.

— Вотъ тебѣ, дружокъ, пятнадцать конфекъ!—говоритъ онъ, подходя къ какому-то мужику и подавая ему монету.

— Это за что же, Фофанъ Фофанычъ?

— А за мою прежнюю обиду, другъ! прости меня Христа-ради!

— Ну, Богъ тебя проститъ!

Такимъ образомъ обошелъ онъ весь базаръ и роздалъ всѣ деньги, какія у него были. Однако, сдѣлавши это, хоть и почувствовалъ, что на сердцѣ у него стало легко, но крѣпко призадумался.

„Нѣтъ, это со мною сегодня болѣзнь какая-нибудь приключилась, —опять сказалъ онъ самъ себѣ:—пойду-ка я лучше домой, да кстати ужъ захвачу по дорогѣ нобольше нищихъ, да и накормлю ихъ чѣмъ Богъ послалъ!“

Сказано — сдѣлано; набралъ онъ нищихъ видимо-невидимо и привелъ ихъ къ себѣ во дворъ. Ловчиха только руками развела, ждетъ, какую онъ еще дальше проказу сдѣлаетъ. Онъ же потихоньку прошелъ мимо нея и ласково таково сказалъ:

— Вотъ, Ѳедосьюшка, тѣ самые странніе люди, которыхъ ты просила меня привести: покорми ихъ ради-Христа!

Но едва успѣлъ онъ повѣсить свое пальто на гвоздикъ, какъ ему и опять стало легко и свободно. Смотритъ въ окошко и видитъ, что на дворѣ у него нищая братія со всего города сбита. Видитъ и не понимаетъ: зачѣмъ? неужто всю эту уйму сѣчь предстоитъ?

— Что̀ за народъ?—выбѣжалъ онъ на дворъ въ изступленіи.

— Какъ что за народъ? это все странніе люди, которыхъ ты накормить велѣлъ!—огрызнулась Ловчиха.

— Гнать ихъ въ шею! вотъ такъ!—закричалъ онъ не своимъ голосомъ и какъ сумасшедшій бросился опять въ домъ.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатамъ и все думалъ, что̀ такое съ нимъ сталось? Человѣкъ онъ былъ всегда исправный, относительно же исполненія служебнаго долга просто левъ — и вдругъ сдѣлался тряпицею!

— Ѳедосья Петровна! матушка! да свяжи ты меня ради-Христа! чувствую, что я сегодня такихъ дѣлъ надѣлаю, что послѣ цѣлымъ годомъ поправить нельзя будетъ!—взмолился онъ.

Видитъ и Ловчиха, что Ловцу ея круто пришлось. Раздѣла его, уложила въ постель и напоила горяченькимъ. Только черезъ четверть часа пошла она въ переднюю и думаетъ: „а посмотрю-ка я у него въ пальто; можетъ, еще и найдутся въ карманахъ какіе-нибудь грошики?“ Обшарила одинъ карманъ — нашла пустой кошелекъ; обшарила другой карманъ — нашла какую-то грязную, замасленную бумажку. Какъ развернула она эту бумажку — такъ и ахнула!

„Такъ вотъ онъ пыньче на какія штуки пустился! — сказала она себѣ:—совѣсть въ карманѣ завелъ!“

И стала она придумывать, кому бы ей эту совѣсть сбыть, чтобъ она того человѣка не въ конецъ отяготила, а только маленько въ безпокойство привела. И придумала, что самое лучшее ей мѣсто будетъ у отставного откупщика, а нынѣ финансиста и желѣзнодорожнаго изобрѣтателя, еврея Шмуля Давыдовича Бржоцскаго.

— У этого, по крайности, шея толста! — рѣшила она: — можетъ быть, и побьется малое дѣло, а выдержитъ!

Рѣшивши такимъ образомъ, она осторожно сунула совѣсть въ штемпельный конвертъ, надписала на немъ адресъ Бржоцкаго и опустила въ почтовый ящикъ.

— Ну, теперь можешь, другъ мой, смѣло идти на базаръ! — сказала она мужу, воротившись домой.

Самуилъ Давыдычъ Бржоцкій сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, окруженный всѣмъ своимъ семействомъ. Подлѣ него помѣщался десятилѣтній сынъ Рувимъ Самуиловичъ и совершалъ въ умѣ банкирскія операціи.

— А сто, папаса, если я этотъ золотой, который ты мнѣ подарилъ, буду отдавать въ ростъ по двадцати процентовъ въ мѣсяцъ, сколько у меня къ концу года денегъ будетъ? — спрашивалъ онъ.

— А какой процентъ: простой или слозный? — спросилъ въ свою очередь Самуилъ Давыдычъ.

— Разумѣется, папаса, слозный!

— Если слозный и съ усѣченіемъ дробей, то будетъ сорокъ пять рублей и семьдесятъ девять копѣекъ!

— Такъ я, папаса, отдамъ!

— Отдай, мой другъ, только надо благонадезный залогъ брать!

Съ другой стороны сидѣлъ Іосель Самуиловичъ, мальчикъ лѣтъ семи, и тоже рѣшалъ въ умѣ своемъ задачу: летѣло стадо гусей; далѣе помѣщался Соломонъ Самуиловичъ, за нимъ Давыдъ Самуиловичъ и соображали, сколько послѣдній долженъ первому процентовъ за взятые заимообразно леденцы. На другомъ концѣ стола сидѣла красивая супруга Самуила Давыдыча, Лія Соломоновна, и держала на рукахъ крошечную Рифочку, которая инстинктивно тянулась къ золотымъ браслетамъ, украшавшимъ руки матери.

Однимъ словомъ, Самуилъ Давыдычъ былъ счастливъ. Онъ уже собирался кушать какой-то необыкновенный соусъ, украшенный чуть не страусовыми перьями и брюссельскими кружевами, какъ лакей подалъ ему на серебряномъ подносѣ письмо.

Едва взялъ Самуилъ Давыдычъ въ руки конвертъ, какъ заметался во всѣ стороны, словно угорь на угольяхъ.

— И сто зе это такое! и зацѣмъ мнѣ эта вессь! — завопилъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Хотя никто изъ присутствующихъ ничего не понималъ въ этихъ крикахъ, однако для всѣхъ стало ясно, что продолженіе обѣда невозможно.

Я не стану описывать здѣсь мученія, которыя претерпѣлъ Самуилъ Давыдычъ въ этотъ памятный для него день; скажу только одно: этотъ человѣкъ, съ виду тщедушный и слабый, геройски вытерпѣлъ самыя лютыя истязанія, но даже пятиалтыннаго возвратить не согласился.

— Это сто зе! это ницего! только ты крѣпце дерзи меня, Лія!— уговаривалъ онъ жену во время самыхъ отчаянныхъ пароксизмовъ:— и если я буду спрасивать скатулку—ни-ни! пусть луци умру!

Но такъ какъ нѣтъ на свѣтѣ такого труднаго положенія, изъ котораго былъ бы невозможенъ выходъ, то онъ найденъ былъ и въ настоящемъ случаѣ. Самуилъ Давыдычъ вспомнилъ, что онъ давно обѣщалъ сдѣлать какое-нибудь пожертвованіе въ нѣкоторое благотворительное учрежденіе, состоявшее въ завѣдываніи одного знакомаго ему генерала, но дѣло это почему-то изо дня въ день все оттягивалось. И вотъ теперь случай прямо указывалъ на средство привести въ исполненіе это давнее намѣреніе.

Задумано—сдѣлано. Самуилъ Давыдычъ осторожно распечаталъ присланный по почтѣ конвертъ, вынулъ изъ него щипчиками посылку, переложилъ ее въ другой конвертъ, запряталъ туда еще сотенную ассигнацію, запечаталъ и отправился къ знакомому генералу.

— Зелаю, васе превосходительство, позертваніе сдѣлать! — сказалъ онъ, кладя на столъ пакетъ передъ обрадованнымъ генераломъ.

— Что-же-съ! это похвально!—отвѣчалъ генералъ:—я всегда это зналъ, что вы... какъ еврей... и по закону Давидову... Плясаше —играше... такъ, кажется?

Генералъ запутался, ибо не зналъ навѣрное, точно ли Давидъ издавалъ законы, или кто другой.

— Тоцно такъ-съ; только какіе зе мы евреи, васе превосходительство!—заспѣшилъ Самуилъ Давыдычъ, уже совсѣмъ облегченный:—только съ виду мы евреи, а въ дусѣ совсѣмъ-совсѣмъ русскіе!

— Благодарю! — сказалъ генералъ: — объ одномъ сожалѣю... какъ христіанинъ... отчего бы вамъ, напримѣръ?.. а?..

— Васе превосходительство... мы только съ виду... повѣрьте цести, только съ виду!

— Однако?

— Васе превосходительство!

— Ну, ну, ну! Христосъ съ вами!

Самуилъ Давыдычъ полетѣлъ домой словно на крыльяхъ. Въ этотъ же вечеръ онъ уже совсѣмъ позабылъ о претерпѣнныхъ имъ страданіяхъ и выдумалъ такую диковинную операцію ко всеобщему уязвленію, что на другой день всѣ такъ и ахнули, какъ узнали.

И долго такимъ образомъ шаталась бѣдная, изгнанная совѣсть по бѣлому свѣту, и перебывала она у многихъ тысячъ людей. Но никто не хотѣлъ ее пріютить, а всякій, напротивъ того, только о томъ думалъ, какъ бы отдѣлаться отъ нея и хоть бы обманомъ да сбыть съ рукъ.

Наконецъ наскучило ей и самой, что негдѣ ей, бѣдной, голову приклонить и должна она свой вѣкъ проживать въ чужихъ людяхъ да безъ пристанища. Вотъ и взмолилась она послѣднему своему содержателю, какому-то мѣщанинишкѣ, который въ проходномъ ряду пылью торговалъ и никакъ не могъ отъ той торговли разжиться.

— За что вы меня тираните? — жаловалась бѣдная совѣсть: — за что вы мной, словно отымалкой какой, помыкаете?

— Что же я съ тобою буду дѣлать, сударыня-совѣсть, коли ты никому не нужна? — спросилъ въ свою очередь мѣщанинишка.

— А вотъ что,—отвѣчала совѣсть: — отыщи ты мнѣ маленькое русское дитя, раствори ты передо мной его сердце чистое и схорони меня въ немъ! авось онъ меня, неповинный младенецъ, пріютитъ и выхолитъ, авось онъ меня въ мѣру возраста своего произведетъ да и въ люди потомъ со мной выйдетъ—не погнушается.

По этому ея слову все такъ и сдѣлалось. Отыскалъ мѣщанинишка маленькое русское дитя, растворилъ его сердце чистое и схоронилъ въ немъ совѣсть.

Ростетъ маленькое дитя, а вмѣстѣ съ нимъ ростетъ въ немъ и совѣсть. И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. И исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія, потому что совѣсть будетъ неробкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама.

28.—Дикій помѣщикъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ помѣщикъ, жилъ и на свѣтъ глядючи радовался. Всего у него было довольно: и крестьянъ, и хлѣба, и скота, и земли, и садовъ. И былъ тотъ помѣщикъ глупый, читалъ газету „Вѣсть“ и тѣло имѣлъ мягкое, бѣлое и разсыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этотъ помѣщикъ.

— Господи! всѣмъ я отъ тебя доволенъ, всѣмъ награжденъ! Одно только сердцу моему непереносно: очень ужъ много развелось въ нашемъ царствѣ мужика!

Но Богъ зналъ, что помѣщикъ тотъ глупый, и прошенію его не внялъ.

Видитъ помѣщикъ, что мужика съ каждымъ днемъ не убываетъ, а все прибываетъ, — видитъ и опасается: „а ну, какъ онъ у меня все добро пріѣстъ?“

Заглянетъ помѣщикъ въ газету „Вѣсть“, какъ въ семъ случаѣ поступать должно, и прочитаетъ: „старайся!“

— Одно только слово написано,—молвитъ глупый помѣщикъ: —а золотое это слово!

И началъ онъ стараться, и не то чтобъ какъ-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская въ господскіе овсы забредетъ — сейчасъ ее, по правилу, въ супъ; дровецъ ли крестьянинъ нарубитъ, по секрету, въ господскомъ лѣсу соберется—сейчасъ эти самыя дрова на господскій дворъ, а съ порубщика, по правилу, штрафъ.

— Больше я нынче этими штрафами на нихъ дѣйствую! — говоритъ помѣщикъ сосѣдямъ своимъ: — потому что для нихъ это понятнѣе.

Видятъ мужики: хоть и глупый у нихъ помѣщикъ, а разумъ ему данъ большой. Сократилъ онъ ихъ такъ, что некуда носа высунуть; куда ни глянутъ — все нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдетъ—помѣщикъ кричитъ: „моя вода!“ курица за околицу выбредетъ—помѣщикъ кричитъ: „моя земля!“ И земля, и вода, и воздухъ—все его стало! Лучины не стало мужику въ свѣтецъ зажечь; прута не стало, чѣмъ избу вымести. Вотъ и взмолились крестьяне всѣмъ міромъ къ Господу Богу:

— Господи! легче намъ пропасть и съ дѣтьми съ малыми, нежели всю жизнь такъ маяться!

Услыхалъ милостивый Богъ слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всемъ пространствѣ владѣній [illegible] помѣщика. Куда дѣвался мужикъ — никто того не замѣтилъ, а только видѣли люди, какъ вдругъ поднялся мякинный вихрь и, словно туча черная, пронеслись въ воздухѣ посконные мужицкіе портки. Вышелъ помѣщикъ на балконъ, потянулъ носомъ и чуетъ: чистый-пречистый во всѣхъ его владѣніяхъ воздухъ сдѣлался. Натурально, остался доволенъ. Думаетъ: „теперь-то я понѣжу свое тѣло бѣлое, тѣло бѣлое, рыхлое, разсыпчатое!“

И началъ онъ жить да поживать и сталъ думать, чѣмъ бы ему свою душу утѣшить.

„Заведу, думаетъ, театръ у себя! напишу къ актеру Садовскому: пріѣзжай, молъ, любезный другъ! и актерокъ съ собой привози!“

Послушался его актеръ Садовскій: самъ пріѣхалъ и актерокъ привезъ. Только видитъ, что въ домѣ у помѣщика пусто, и ставить театръ, и занавѣсъ поднимать некому.

— Куда же ты крестьянъ своихъ дѣвалъ? — спрашиваетъ Садовскій у помѣщика.

— А вотъ Богъ, по молитвѣ моей, всѣ мои владѣнія отъ мужика очистилъ!

— Однако, братъ, глупый ты помѣщикъ? кто же тебѣ, глупому, умываться подаетъ?

— Да я ужъ и то сколько дней немытый хожу!

— Стало быть, шампиньоны на лицѣ ростить собрался?—сказалъ Садовскій, и съ этимъ словомъ и самъ уѣхалъ, и актерокъ увезъ.

Вспомнилъ помѣщикъ, что есть у него по близости четыре генерала знакомыхъ; думаетъ: „Что это я все гранъ-пасьянсъ да гранъ-пасьянсъ раскладываю! Попробую-ка я съ генералами виттеромъ пульку-другую сыграть!“

Сказано — сдѣлано; написалъ приглашенія, назначилъ день и отправилъ письма по адресу. Генералы были хоть и настоящіе, но голодные, а потому очень скоро пріѣхали. Пріѣхали — и не могутъ надивиться, отчего такой у помѣщика чистый воздухъ сталъ.

— А оттого это, — хвастается помѣщикъ: — что Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика очистилъ!

— Ахъ, какъ это хорошо! — хвалятъ помѣщика генералы: — стало быть, теперь у васъ этого холопьяго запаху нисколько не будетъ?

— Нисколько,—отвѣчаетъ помѣщикъ.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуютъ генералы, что пришелъ ихъ часъ водку пить, приходятъ въ безпокойство, озираются.

— Должно быть, вамъ, господа генералы, закусить захотѣлось? — спрашиваетъ помѣщикъ.

— Не худо бы, г. помѣщикъ!

Всталъ онъ изъ-за стола, подошелъ къ шкапу и вынимаетъ оттуда по леденцу да по печатному пряннику на каждаго человѣка.

— Что жъ это такое? — спрашиваютъ генералы, вытаращивъ на него глаза.

— А вотъ, закусите, чѣмъ Богъ послалъ!

— Да намъ бы говядинки! говядинки бы намъ!

— Ну, говядинки у меня про васъ нѣтъ, господа генералы, потому что съ тѣхъ поръ, какъ меня Богъ отъ мужика избавилъ, и печка на кухнѣ стоитъ нетоплена!

Разсердились на него генералы, такъ что даже зубы у нихъ застучали.

— Да вѣдь жрешь же ты что-нибудь самъ-то? — накинулись они на него.

— Сырьемъ кой-какимъ питаюсь, да вотъ пряники еще покуда есть...

— Однако, братъ, глупый же ты помѣщикъ! — сказали генералы и, не докончивъ пульки, разбрелись по домамъ.

Видитъ помѣщикъ, что его ужъ въ другой разъ дуракомъ чествуютъ, и хотѣлъ-было ужъ задуматься, но такъ какъ въ это время на глаза попалась колода картъ, то махнулъ на все рукою и началъ раскладывать гранъ-пасьянсъ.

— Посмотримъ, — говоритъ, — господа либералы, кто кого одолѣетъ! Докажу я вамъ, что можетъ сдѣлать истинная твердость души!

Раскладываетъ онъ „дамскій капризъ“ и думаетъ: ежели сряду три раза выйдетъ, стало быть надо не взирать. И какъ на зло, сколько разъ ни разложитъ — все у него выходитъ, все выходитъ! Не осталось въ немъ даже сомнѣнія никакого.

— Ужъ если, — говоритъ, — сама фортуна указываетъ, стало быть надо оставаться твердымъ до конца. А теперь, покуда, довольно гранъ-пасьянсъ раскладывать—пойду, позаймусь!

И вотъ ходитъ онъ, ходитъ по комнатамъ, [illegible] и посидитъ. И все думаетъ. Думаетъ, какія онъ машины изъ Англіи выпишетъ, чтобъ все паромъ да паромъ, а холопскаго духу чтобъ нисколько не было. Думаетъ, какой онъ плодовый садъ разведетъ: вотъ тутъ будутъ груши, сливы; вотъ тутъ—персики, тутъ—грецкій орѣхъ! Посмотритъ въ окошко—анъ тамъ все, какъ онъ задумалъ, все точно такъ ужъ и есть! Ломятся, по щучьему велѣнію, подъ грузомъ плодовъ деревья грушевыя, персиковыя, абрикосовыя, а онъ только знай фрукты машинами собираетъ да въ ротъ кладетъ! Думаетъ, какихъ онъ коровъ разведетъ, что ни кожи, ни мяса, а все одно молоко, все молоко! Думаетъ, какой онъ клубники насадитъ, все двойной да тройной, по пяти ягодъ на фунтъ, и сколько онъ этой клубники въ Москвѣ продастъ. Наконецъ устанетъ думать, пойдетъ къ зеркалу посмотрѣться—анъ тамъ ужъ пыли на вершокъ насѣло...

— Сенька!—крикнетъ онъ вдругъ, забывшись, но потомъ спохватится и скажетъ:—ну, пускай себѣ до поры, до времени такъ постоитъ! а ужъ докажу же я этимъ либераламъ, что можетъ сдѣлать твердость души!

Промаячитъ такимъ манеромъ покуда стемнѣетъ—и спать!

А во снѣ сны еще веселѣе, нежели на яву, снятся. Снится ему, что самъ губернаторъ о такой его помѣщичьей непреклонности узналъ и спрашиваетъ у исправника: „какой-такой твердый курицынъ сынъ у васъ въ уѣздѣ завелся?“ Потомъ снится, что его за эту самую непреклонность министромъ сдѣлали, и ходитъ онъ въ лентахъ и пишетъ циркуляры: быть твердымъ и не взирать! Потомъ снится, что онъ ходитъ по берегамъ Евфрата и Тигра...

— Ева, мой другъ!—говоритъ онъ.

Но вотъ и сны всѣ пересмотрѣлъ: надо вставать.

— Сенька! [illegible]онять кричитъ онъ, забывшись, но вдругъ вспомнитъ... и поникнетъ головою.

— Чѣмъ бы, однако, заняться?—спрашиваетъ онъ себя: хоть бы лѣшаго какого-нибудь нелегкая принесла!

И вотъ по этому его слову вдругъ пріѣзжаетъ самъ капитанъ-

исправникъ. Обрадовался ему глупый помѣщикъ несказанно; побѣжалъ въ шкапъ, вынулъ два печатныхъ пряника и думаетъ: „ну, этотъ, кажется, останется доволенъ!“

— Скажите, пожалуйста, господинъ помѣщикъ, какимъ это чудомъ всѣ ваши временно-обязанные вдругъ исчезли? — спрашиваетъ исправникъ.

— А вотъ такъ и такъ, Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика совершенно очистилъ.

— Такъ-съ; а не извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, кто подати за нихъ платить будетъ?

— Подати?.. это они! это они сами! это ихъ священнѣйшій долгъ и обязанность!

— Такъ-съ; а какимъ манеромъ эту подать съ нихъ взыскать можно, коли они, по вашей молитвѣ, по лицу земли разсѣяны?

— Ужъ это... не знаю... я, съ своей стороны, платить не согласенъ!

— А извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, что казначейство безъ податей и повинностей, а тѣмъ паче безъ винной и соляной регалій, существовать не можетъ?

— Я что-жъ... я готовъ! рюмку водки... я заплачу.

— Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у насъ на базарѣ ни куска мяса, ни фунта хлѣба купить нельзя? знаете ли вы, чѣмъ это пахнетъ?

— Помилуйте! я, съ своей стороны, готовъ пожертвовать! вотъ цѣлыхъ два пряника!

— Глупый же вы, господинъ помѣщикъ!—молвилъ исправникъ, повернулся и уѣхалъ, не взглянувъ даже на печатные пряники.

Задумался на этотъ разъ помѣщикъ не на шутку. Вотъ ужъ третій человѣкъ его дуракомъ чествуетъ, третій человѣкъ посмотритъ, посмотритъ на него, плюнетъ и отойдетъ. Неужто онъ въ самомъ дѣлѣ дуракъ? неужто та непреклонность, которую онъ такъ лелѣялъ въ душѣ своей, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, означаетъ только глупость и безуміе? и неужто, вслѣдствіе одной его непреклонности, остановились и подати, и регаліи, и не стало возможности достать на базарѣ ни фунта муки, ни куска мяса?

И какъ былъ онъ помѣщикъ глупый, то сначала даже фыркнулъ отъ удовольствія при мысли, какую онъ штуку сыгралъ, но потомъ

вспомнилъ слова исправника: „а знаете ли, чѣмъ это пахнетъ?“—и струсилъ не на шутку.

Сталъ онъ, по обыкновенію, ходить взадъ да впередъ по комнатамъ и все думаетъ: чѣмъ же это пахнетъ? уже не пахнетъ ли водвореніемъ какимъ? напримѣръ, Чебоксарами? или, быть можетъ, Варнавинымъ?

— Хоть бы въ Чебоксары, что-ли! по крайней мѣрѣ, убѣдился бы міръ, что̀ значитъ твердость души!—говоритъ помѣщикъ, а самъ по секрету отъ себя ужъ думаетъ: „въ Чебоксарахъ-то я, можетъ быть, мужика бы моего милаго увидалъ!“ Походитъ помѣщикъ, и посидитъ, и опять походитъ. Къ чему ни подойдетъ, все, кажется, такъ и говоритъ: а глупый ты, господинъ помѣщикъ! Видитъ онъ—бѣжитъ черезъ комнату мышенокъ и крадется къ картамъ, которыми онъ гранъ-пасьянсъ дѣлалъ и достаточно уже замаслилъ, чтобъ возбудить ими мышиный аппетитъ.

— Кшш!—бросился онъ на мышенка.

Но мышенокъ былъ умный и понималъ, что помѣщикъ безъ Сеньки никакого вреда ему сдѣлать не можетъ. Онъ только хвостомъ вильнулъ въ отвѣтъ на грозное восклицаніе помѣщика, и чрезъ мгновеніе уже выглядывалъ на него изъ-подъ дивана, какъ будто говоря: погоди, глупый помѣщикъ! то-ли еще будетъ! я не только карты, а и халатъ твой съѣмъ, какъ ты его позамаслишь какъ слѣдуетъ!

Много ли, мало ли времени прошло, только видитъ помѣщикъ, что въ саду у него дорожки репейникомъ поросли, въ кустахъ змѣи да гады всякіе кишмя кишатъ, а въ паркѣ звѣри дикіе воютъ. Однажды къ самой усадьбѣ подошелъ медвѣдь, сѣлъ на корточкахъ, поглядываетъ въ окошки на помѣщика и облизывается.

— Сенька!—вскрикнулъ помѣщикъ, но вдругъ спохватился... и заплакалъ.

Однако твердость души все еще не покидала его. Нѣсколько разъ онъ ослабѣвалъ, но какъ только почувствуетъ, что сердце у него начнетъ растворяться, сейчасъ бросится къ газетѣ „Вѣсть“ и въ одну минуту ожесточится опять.

— Нѣтъ, лучше совсѣмъ одичаю, лучше пусть буду съ дикими звѣрьми по лѣсамъ скитаться, но да не скажетъ никто, что россійскій дворянинъ, князь Урусъ-Кучумъ Кильдибаевъ, отъ принциповъ отступилъ!

И вотъ онъ одичалъ. Хоть въ это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но онъ не чувствовалъ даже холода. Весь онъ, съ головы до ногъ, обросъ волосами, словно древній Исавъ, а ногти у него сдѣлались какъ желѣзные. Сморкаться ужъ онъ давно пересталъ, ходилъ же все больше на четверенькахъ, и даже удивлялся, какъ онъ прежде не замѣчалъ, что такой способъ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратилъ даже способность произносить членораздѣльные звуки и усвоилъ себѣ какой-то особенный побѣдный кликъ—среднее между свистомъ, шипѣньемъ и рявканьемъ. Но хвоста еще не пріобрѣлъ.

Выйдетъ онъ въ свой паркъ, въ которомъ онъ когда-то нѣжилъ свое тѣло рыхлое, бѣлое, разсыпчатое, какъ кошка въ одинъ мигъ взлѣзетъ на самую вершину дерева и стережетъ оттуда. Прибѣжитъ-это заяцъ, встанетъ на заднія лапки и прислушивается, нѣтъ ли откуда опасности—а онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Словно стрѣла соскочитъ съ дерева, вцѣпится въ свою добычу, разорветъ ее ногтями, да такъ со всѣми внутренностями, даже со шкурой, и съѣстъ.

И сдѣлался онъ силенъ ужасно, до того силенъ, что даже счелъ себя вправѣ войти въ дружескія сношенія съ тѣмъ самымъ медвѣдемъ, который нѣкогда посматривалъ на него въ окошко.

— Хочешь, Михайло Иванычъ, походы вмѣстѣ на зайцевъ будемъ дѣлать?—сказалъ онъ медвѣдю.

— Хотѣть—отчего не хотѣть!—отвѣчалъ медвѣдь:—только, братъ, ты напрасно мужика этого уничтожилъ!

— А почему такъ?

— А потому что мужика этого ѣсть не въ примѣръ способнѣе было, нежели вашего брата дворянина. И потому скажу тебѣ прямо: глупый ты помѣщикъ, хоть мнѣ и другъ!

Между тѣмъ капитанъ-исправникъ хоть и покровительствовалъ помѣщикамъ, но въ виду такого факта, какъ исчезновеніе съ лица земли мужика, смолчать не посмѣлъ. Встревожилось его донесеніемъ и губернское начальство, пишетъ къ нему: „а какъ вы думаете, кто теперь подати будетъ вносить? кто будетъ вино по кабакамъ пить? кто будетъ невинными занятіями заниматься?“ Отвѣчаетъ капитанъ-исправникъ: казначейство-де теперь упразднить слѣдуетъ, а невинныя-де занятія и сами собой упразднились, вмѣсто же нихъ распространились въ уѣздѣ грабежи, разбой и убійства. На дняхъ-де и его,

исправника, какой-то медвѣдь не медвѣдь, человѣкъ не человѣкъ едва не задралъ, въ каковомъ человѣко-медвѣдѣ и подозрѣваетъ онъ того самаго глупаго помѣщика, который всей смутѣ зачинщикъ.

Обезпокоились начальники и собрали совѣтъ. Рѣшили: мужика изловить и водворить, а глупому помѣщику, который всей смутѣ зачинщикъ, наиделикатнѣйше внушить, дабы онъ фанфаронства свои прекратилъ и поступленію въ казначейство податей препятствія не чинилъ.

Какъ нарочно, въ это время чрезъ губернскій городъ летѣлъ отроившійся рой мужиковъ и осыпалъ всю базарную площадь. Сейчасъ эту благодать убрали, посадили въ плетушку и послали въ уѣздъ.

И вдругъ опять запахло въ томъ уѣздѣ мякиной и овчинами; но въ то же время на базарѣ появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей въ одинъ день поступило столько, что казначей, увидавъ такую груду денегъ, только всплеснулъ руками отъ удивленія и вскрикнулъ:

— И откуда вы, шельмы, берете?!

— Что же сдѣлалось однако съ помѣщикомъ?—спросятъ меня читатели. На это я могу сказать, что хотя съ большимъ трудомъ, но и его изловили. Изловивши, сейчасъ же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затѣмъ капитанъ-исправникъ сдѣлалъ ему надлежащее внушеніе, отобралъ газету „Вѣсть“ и, поручивъ его надзору Сеньки, уѣхалъ.

Онъ живъ и донынѣ. Раскладываетъ гранъ-пасьянсъ, тоскуетъ по прежней своей жизни въ лѣсахъ, умывается лишь по принужденію и по временамъ мычитъ.

II.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

[1884—1886 гг.]

Письмо первое.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я совершенно неожиданно лишился употребленія языка. Не то чтобъ даръ слова совсѣмъ оставилъ меня, но языкъ мой сдѣлался способенъ произносить только служительскія слова: „чего изволите?“, „какъ прикажете“, „не погубите!“ —вотъ и все. А прежде я говаривалъ довольно-таки смѣло. Напримѣръ: „коли я ничего не сдѣлалъ, стало быть и бояться мнѣ нечего“; или: „коли я никого не трогаю, стало быть и меня никто не тронетъ“... И вдругъ, словно съ цѣпи сорвался: „не погубите!“

Сначала я испугался. Ежели простое физическое косноязычіе можетъ отравить человѣку жизнь, то еще болѣе отравляющихъ элементовъ заключаетъ въ себѣ косноязычіе нравственное. Со страхомъ спрашивалъ я себя: ужели изреченія, въ родѣ: „ежели я ничего не сдѣлалъ“, и т. д., заключаютъ въ себѣ такой угрожающій смыслъ, для прекращенія котораго требовались бы натискъ и быстрота? Но ежели это такъ, то кто же можетъ поручиться, что со временемъ и такое изреченіе, какъ „ваше превосходительство, не погубите!“ — не будетъ сочтено равносильнымъ призыву къ оружію?

Очевидно, это было новое и совсѣмъ особенное проявленіе внезапности, котораго я еще не испыталъ.

Внезапность не составляетъ для меня новости. Я родился на лонѣ ея, воспитывался подъ ея сѣнью и до такой степени съ ней освоился, что даже никогда не спрашивалъ себя, ушибетъ она меня или поми-

луетъ. Но я долженъ сказать, что до послѣдняго времени внезапность имѣла несовершенный, переходный характеръ, и это въ значительной мѣрѣ помогало уживаться съ нею. Внезапностей было много, и онѣ постоянно другъ друга побивали. Нелегко было оріентироваться въ этомъ разнообразіи смѣняющихся внезапностей, но при извѣстномъ навыкѣ все-таки можно было нѣчто угадать. Это называлось: „ловить моментъ“. Поймалъ моментъ — пользуйся! Не поймалъ — пеняй на себя! Игра была не весьма нравственная, но настолько замысловатая, что могла заинтересовать. Нынѣ эта переходная форма, очевидно, исчерпала все свое содержаніе. Внезапность окончательно отказалась отъ экскурсій въ сферу случайныхъ вѣяній, которыя своею противорѣчивостью подрывали ее; она сдѣлалась единою, неизмѣнною, сама себѣ довлѣющею. „Моменты“ упразднены; ловить больше нечего.

Но это-то именно и пугало меня. Перспектива внезапнаго пріуроченія къ служительскимъ словамъ, безъ надежды, что придетъ другая внезапность и разрушитъ чары колдовства — эта перспектива казалась черезъ-чуръ ужъ суровою. Неясная тревога сжимала сердце мучительными предчувствіями; душа тосковала, мысль безнадежно искала просвѣта...

Однако прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой — и пелена сама собой спала съ моихъ глазъ. Недоразумѣнія исчезли, тревога утихла, а положеніе до такой степени выяснилось, что въ какую сторону ни оглянись — вездѣ лучше не надо быть.

Прежде всего я привыкъ, или, говоря точнѣе, принюхался. Нельзя было не принюхаться, потому что кругомъ вся атмосфера пропахла прочными служительскими словами. Я не утверждаю, что эти запахи сдѣлались мнѣ достолюбезными, но они такой густой, непроницаемой массой заполонили весь мой домашній обиходъ, что незамѣтно для меня самого всѣ факторы моей жизнедѣятельности сами начали работать примѣнительно къ новой атмосферѣ и подчинялись ея давленію.

Я очень хорошо знаю, что привычка играетъ въ жизни человѣка роль по преимуществу безсознательную и что, слѣдовательно, она въ большинствѣ случаевъ служитъ источникомъ безчисленныхъ недомыслій и даже безнравственностей; но вѣдь для того, чтобъ чувствовать себя вполнѣ удобно въ атмосферѣ служительскихъ словъ, именно это и нужно.

Съ безнравственностью нельзя ужиться иначе, какъ съ помощью безнравственности же, съ безсмысліемъ — иначе, какъ при помощи безсмыслія.

Нужно такое счастливое стеченіе обстоятельств, которое отняло бы у человѣка способность отличать добро отъ зла и заглушило бы въ немъ всякое представленіе объ отвѣтственности. Вотъ эту-то именно задачу и выполняетъ привычка. И при этомъ она выполняетъ ее совершеннѣе и съ несравненно меньшей суровостью, нежели другіе факторы, въ томъ же смыслѣ споспѣшествующіе, какъ напримѣръ трусость, измѣна, предательство и т. п.

И трусость, и измѣна, и предательство предполагаютъ извѣстную долю насильства и боли, и — что̀ всего важнѣе — нимало не обезпечиваютъ отъ мучительныхъ пробужденій совѣсти, тогда какъ привычка обвиваетъ человѣка бархатной рукой и бережно и ласково погружаетъ его въ мягкое ложе безпечальнаго служительскаго житія...

Любо дремать, зарывшись по̀ уши въ пуховики; любо сознавать, что эти пуховики представляютъ своего рода твердыню. Забравшись въ нее, человѣкъ не только освобождается отъ обязанности относиться критически къ самому себѣ и къ окружающей средѣ, не только становится на недосягаемую высоту патентованной благонамѣренности, но и дѣлается безотвѣтственнымъ передъ судомъ своей собственной совѣсти. Ибо о какомъ же судѣ совѣсти можетъ быть рѣчь, коль скоро сама совѣсть, вмѣстѣ со всѣми прочими опредѣленіями человѣческаго существа, потонула въ омутѣ привычки?..

Но, кромѣ привычки, въ дѣлѣ умиротворенія мнѣ много помогъ и опытъ. Опытъ — это, такъ сказать, консолидированный сводъ привычекъ прошлаго. Всѣ уступки, компромиссы, соглашенія, которыми такъ богата исторія личная и общая, всѣ малодушія, обходы и каверзы — все это складывается, по мѣрѣ осуществленія, въ кучу, надпись на которой гласитъ: опытъ или мудрость вѣковъ. Дѣйствія героическія, подвиги самоотверженія, факты, свидѣтельствующіе о беззавѣтной преданности идеѣ, — все это не болѣе какъ красивыя безумства, отъ которыхъ никакихъ подспорій въ жизни ожидать нельзя. Правда, что эти безумства освѣщаютъ тьму будущаго и что плодами ихъ несомнѣнно воспользуются грядущія поколѣнія; но вѣдь, съ одной стороны, подвижничество необязательно и не всякій можетъ его вмѣстить, а съ другой стороны — какъ еще на эти красивыя

безумства поглядѣть: иное, быть можетъ, пользительно, а другое, пожалуй, и неблаговременно. Тогда какъ въ той кучѣ, которая именуется мудростью вѣковъ, за что ни возьмись — все пользительно. Трудность только въ томъ развѣ состоитъ, какъ разобраться въ кучѣ, чтобы вытащить именно ту бирюльку, которая какъ разъ впору. Но, во-первыхъ, всѣ бирюльки болѣе или менѣе впору; а во-вторыхъ въ данномъ случаѣ изъ затрудненія выручаютъ очень простые пріемы, которые тоже освящены опытомъ, напримѣръ: загадъ, навыкъ, наметка, глазомѣръ...

Итакъ, привычка — приготовила мягкое ложе; опытъ—обставилъ его всевозможными подтвержденіями прошлаго. Тѣ боли, которыя чувствовались вначалѣ, очень скоро утратили свою жгучесть въ виду цѣлой массы преданій, фактовъ и анекдотовъ, которые въ одинъ голосъ вопіяли, что искони въ основѣ человѣческаго счастья лежали служительскія мысли и служительскія слова. Сущность этихъ мыслей и словъ формулируется кратко: „спасай себя!“—и человѣкъ, который серьезно посвятилъ себя осуществленію этой задачи и безъ заднихъ мыслей призналъ законность ея, можетъ быть заранѣе увѣренъ, что благополучіе его обезпечено. И что всего важнѣе — обезпечено безъ особыхъ усилій. Ибо стоитъ только отдать себя во власть вполнѣ современности, и она сама собой устроитъ такую блаженную обстановку, при которой во истину ничего другого не остается, какъ воскликнуть (не съ мысленными оговорками, какъ бывало нѣкогда, а по сущей совѣсти и отъ полноты душевной): „ежели я ничего не дѣлаю—стало быть и бояться мнѣ нечего!“

„Ничего не дѣлаю“—это идеалъ; но его все-таки не слѣдуетъ понимать буквально. Всмотримся ближе въ его содержаніе, и мы убѣдимся, что онъ вмѣщаетъ безконечное множество разнообразнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ подробностей. Сегодня поютъ дѣвки въ „Аркадіи“, завтра—будутъ пѣть въ „Ливадіи“, послѣ-завтра—въ Jardin des familles russes. И у всякой дѣвки особыя примѣты, о которыхъ во всѣ концы гласитъ стоустая молва. Сегодня пьянство у Донона, завтра — у Дюссо, послѣ-завтра — у Бореля. Изрѣдка — газетные столбцы, отъ которыхъ несетъ исподнимъ бѣльемъ Чичиковскаго Петрушки...

Вотъ это-то именно и разумѣютъ, когда говорятъ: „ежели я ничего не дѣлаю, стало быть“...

И совсѣмъ не такъ подла эта жизнь, какъ думаютъ унылые люди. Мудрость вѣковъ самымъ несомнѣннымъ образомъ свидѣтельствуетъ, что съ незапамятныхъ временъ такъ жили люди и не только не считали себя посрамленными, но даже отъ времени до времени восклицали: „не постыдимся во вѣкъ!“ Во истину обольщаютъ себя тѣ, которые думаютъ, что такъ-называемое общество когда-нибудь волновалось высшими вожделѣніями. Въ сущности, волновались только немногіе, и ужъ, конечно, никто не скажетъ, чтобъ существованіе этихъ немногихъ сколько-нибудь напоминало о благополучіи. Почвенный же и русловой людъ всегда и неизмѣнно имѣлъ въ виду только служительское благополучіе. И онъ былъ по своему правъ, ибо какая надобность изнывать надъ отыскиваніемъ новыхъ жизненныхъ идеаловъ, рискуя при этомъ прогнѣвить начальство и насмѣшить массу однокорытниковъ, тогда какъ существуютъ идеалы вполнѣ формулированные, ни отъ кого не возбраненные и для всѣхъ однокорытниковъ равно любезные?

Я знаю, что унылые люди все-таки не убѣдятся моими доводами и будутъ продолжать говорить: „стыдно!“ Но что такое стыдъ? спрашиваю я васъ. Предложите этотъ вопросъ любому прихвостню современности, и онъ не обинуясь отвѣтитъ: „стыдъ есть выворочепная наизнанку наглость“. Или, говоря иными словами: и стыдъ, и наглость — игра словъ, въ которой то или другое выраженіе употребляется глядя по дѣлу. Поэтому, когда до слуха моего доходитъ слово: „стыдъ“, то мнѣ всегда кажется, что мимо пролетѣла муха и, никого не обезпокоивъ, исчезла въ пространствѣ.

Итакъ, будемъ благополучны и не постыдимся. Къ этому приглашаютъ насъ привычка и опытъ, а наконецъ и разсужденіе... Да, хоть и кажется съ перваго взгляда, что въ атмосферѣ служительскихъ словъ для разсужденія нѣтъ мѣста, однако это справедливо лишь отчасти.

Разсужденіе бываетъ большое и среднее (малое, какъ черезъ-чуръ обидное, пускай остается въ сторонѣ). Большое разсужденіе въ служительскомъ дѣлѣ не только не имѣетъ приложенія, но даже прямо пренятствуетъ. Собственно говоря, его слѣдуетъ даже предварительно покорить, если хочешь удачно разрѣшить задачу: кто истинно счастливый человѣкъ? Случается, конечно, что и большое разсужденіе можетъ служить источникомъ чистѣйшихъ наслажденій; но тутъ уже

предполагаются особенные люди и особенная, споспѣшествующая обстановка. Для людей среднихъ и при средней обстановкѣ потребно разсужденіе среднее. Оно одно укажетъ человѣку въ перспективѣ безопасное служительское счастье, одно поможетъ примириться съ этимъ счастьемъ и преподастъ средства для его осуществленія.

Это среднее разсужденіе какъ разъ кстати явилось ко мнѣ на помощь. Оно убѣдило меня, что прежде всего слѣдуетъ обезпечить безопасность процесса своего личнаго существованія. Жажда жизни, независимо отъ всякихъ обстановокъ (дурныхъ или хорошихъ), сама по себѣ столь существенна, что ей вполнѣ естественно подчиняются всѣ другія жизненныя стремленія и опредѣленія. Жить надо— вотъ главное, хотя бы слово: „жить“, было равносильно выраженію: „маяться“. Люди, которые годами изнемогаютъ подъ бременемъ непосильныхъ физическихъ страданій, люди, у которыхъ судьба отняла не только радости, но и самое обыкновенное спокойствіе, — и тѣ омертвѣлыми руками цѣпляются за жизнь и коснѣющимъ языкомъ твердятъ: „жизнь есть ликованіе“. Жизнь—это жестокая неизбѣжность, и не всякому дано поднять противъ нея знамя бунта. Поэтому самая простая справедливость требуетъ, чтобы существа, надъ которыми вѣчно виситъ этотъ Дамокловъ мечъ, имѣли по малой мѣрѣ возможность принимать его удары безъ особеннаго изумленія.

Услуги средняго разсужденія въ этомъ случаѣ неоцѣненны. Оно съ необыкновенною ясностью убѣждаетъ, что жизнь обязательна, и затѣмъ указываетъ, для соглашенія съ нею, именно на тѣ средства, которыя въ данную минуту благовременны. Оно не поведетъ въ область эмпиреевъ, заблужденій и риска, а прямо предложитъ оголенную отъ всякихъ экскурсій жизнь, не блестящую и не особенно интересную, но за то общепризнанную и вполнѣ защищенную. Но, главное, оно докажетъ, что все старое, колеблющееся, дававшее только кажущійся просторъ, исчезло навсегда! Да-съ, навсегда-съ. Что корабли сожжены и, слѣдовательно, ничего другого не остается, какъ совсѣмъ забыть о томъ, что они когда-то были . . . . . .

. . . . . .

Такимъ образомъ, привычка—воспитываетъ и предрасполагаетъ; опытъ—свидѣтельствуетъ и подтверждаетъ; разсужденіе—убѣждаетъ и преподаетъ нужныя средства. Совокупность всѣхъ этихъ функцій производитъ въ результатѣ—психологическій моментъ.

Именно этотъ психологическій моментъ и выручилъ меня въ трудную минуту,

Во-первыхъ, онъ ввелъ меня въ заколдованный кругъ патентованныхъ русскихъ пословицъ.

Во-вторыхъ, онъ убѣдилъ меня, что жизнь обязательна, и что сохранить и обезпечить спокойное теченіе ея можно только при помощи приспособленій, вполнѣ отвѣчающихъ требованіямъ современности.

Въ-третьихъ, онъ доказалъ, что какія бы усилія я лично ни употреблялъ, какъ бы широко ни захватывалъ, хотя бы даже „жегъ сердца глаголомъ“ (на что, впрочемъ, ни малѣйше не претендую)— все-таки изолировать меня можно во всякое время, и никто этого не замѣтитъ.

Таковы три элемента, при помощи которыхъ достигается современное человѣческое благополучіе. Но для того, чтобы послѣднее не оставалось только возможностью, но получило практическое осуществленіе, необходимо, чтобы упомянутые сейчасъ элементы были восприняты не только сознательно, но и вполнѣ искренно. „Мало обличать, — любить надо“,—прорицали когда-то наши „почвенники“ тонко инсинуируя, что обличеніе равносильно отсутствію патріотизма и измѣнѣ. Я же, отъ себя, въ превосходной степени прибавляю: „Мало любить; надо, сверхъ того, представить несомнѣнныя таковой любви доказательства“. Разъ эти доказательства представлены — можно смѣло глядѣть въ глаза будущему.

Я не стану говорить здѣсь ни о пользѣ русскихъ пословицъ, въ качествѣ жизненнаго подспорья, ни о томъ, что принципъ самосохраненія искони служилъ главнымъ регуляторомъ поступковъ и дѣйствій почвеннаго человѣка;—все это вещи общеизвѣстныя. Но не могу не остановиться нѣсколько подольше на вопросѣ о человѣческой изолированности,—вопросѣ тоже небезъизвѣстномъ, но который на нашихъ глазахъ пріобрѣлъ очень рѣзительныя и рѣзкія формы.

Я личнымъ опытомъ основательно и безповоротно убѣдился, что человѣку, который живетъ и дѣйствуетъ внѣ сферы служительскихъ словъ, ни откуда поддержки для себя ждать нечего. Сколько разъ, въ теченіе моей долгой трудовой жизни, я взывалъ: гдѣ ты, русскій читатель? откликнись!—и, право, даже сію минуту не знаю, гдѣ онъ, этотъ русскій читатель. По временамъ, правда, мнѣ казалось, что

гдѣ-то просвѣчиваютъ какіе-то признаки, свидѣтельствующіе о самосознаніи и движеніи впередъ; но чѣмъ глубже я уходилъ въ ту страну терній, которая называется русской литературой, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждался въ безплодности моихъ чаяній. Нѣтъ тебя, любезный читатель! еще не народился ты на Руси! Нѣтъ тебя, нѣтъ и нѣтъ.

Русскій читатель, очевидно, еще полагаетъ, что онъ самъ по себѣ, а литература—сама по себѣ. Что литераторъ пописываетъ, а онъ, читатель, почитываетъ. Только и всего. Попробуйте сказать ему, что между нимъ и литературной профессіей существуетъ извѣстная солидарность — онъ взглянетъ на васъ удивленными глазами. — Ахъ, нѣтъ! — скажетъ онъ,—лучше я совсѣмъ не буду „связываться“, чѣмъ добровольно наложу на себя какое-то обязательство!

И какъ скажетъ, такъ и сдѣлаетъ. И когда затѣмъ для писателя наступитъ трудная минута, то читатель въ подворотню шмыгнетъ, а писатель увидитъ себя въ пустынѣ, на пространствѣ которой тамъ и сямъ мелькаютъ одинокіе сочувствователи изъ команды слабосильныхъ.

Это не вѣроломство, не предательство и даже, пожалуй, не трусость, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно—безсиліе.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что у писателя должны быть въ запасѣ свои личныя силы, въ которыхъ онъ обязывается почерпать для себя устойчивость... Да, но какія же это силы, коль скоро самой простой мышеловки достаточно, чтобы обратить ихъ въ прахъ?

Спрашивается теперь: ежели ни изнутри, ни извнѣ нельзя ожидать для жизни защиты—гдѣ же ее искать?

. . . . . .

Именно такъ я и поступилъ. Сначала испугался, но затѣмъ очень быстро очнулся и безпрекословно погрузился въ пучину служительскихъ словъ.

Теперь я жуирую. Цѣлое лѣто провелъ въ переѣздахъ изъ Аркадіи въ Ливадію и кончилъ тѣмъ, что получилъ флюсъ. Это загнало меня на зимнія квартиры, гдѣ, въ ожиданіи открытія Palais de Cristal, я перехожу отъ Дюссо къ Донону и отъ Донона къ Борелю. И хотя, по прежнему, „ничего не дѣлаю“, но понимаю, что между прежнимъ моимъ ничегонедѣланіемъ и нынѣшнимъ—цѣлая бездна. Прежнее мое „ничегонедѣланье“ означало фырканье, фордыбаченье, форсъ, озорство; нынѣшнее—ровно ничего не означаетъ, но за то

пользу приноситъ. Ибо ни въ Аркадію, ни къ Дюссо, ни въ Palais de Cristal—никуда я не могу придти безъ кошелька; а разъ кошелекъ при мнѣ, я тутъ же во-очію вижу, какъ, благодаря ему, кругомъ расцвѣтаетъ промышленность и оживляется торговля.

И я чувствую, какъ довѣріе, которое совсѣмъ было-утратилъ, вновь постепенно ко мнѣ возвращается. И дружественные мнѣ тайные совѣтники (въ теченіе длинной жизни я ихъ цѣлую сотню наловилъ), которые еще такъ недавно при встрѣчахъ обдавали меня холодомъ и говорили притчами, теперь вновь начинаютъ одобрительно кивать въ мою сторону, какъ бы говоря: еще одно усиліе—и... ничего въ волнахъ не будетъ видно!

Письмо второе.

Такъ какъ вы вѣроятно позабыли о происшествіи, которое въ іюлѣ 1883 года взволновало весь петербургскій чиновничій міръ, то постараюсь вкратцѣ возстановить его въ вашей памяти. Пропалъ статскій совѣтникъ Никодимъ Лукичъ Передрягинъ. Жилъ онъ на дачѣ, на Сиверской станціи варшавской желѣзной дороги, и утромъ въ воскресный день пошелъ въ лѣсъ по грибы. Ушелъ и не возвращался. На другой день охотникъ изъ мѣстныхъ крестьянъ нашелъ въ лѣсу трехъ-угольную шляпу и лукошко, до половины наполненное подосиновиками, и представилъ свою находку мѣстному уряднику. Оказалось, что эти вещи принадлежали Передрягину...

Такова голая фабула загадочной драмы, столь неожиданно омрачившей мирное теченіе дачной жизни. Я помню удручающее впечатлѣніе, которое произвело это происшествіе на сиверскихъ дачниковъ. Мѣсто это и сейчасъ довольно дикое. Нѣтъ въ немъ ни Аркадій, ни Ливадій и вообще никакихъ распутствъ, которыми знаменуетъ себя вступившая въ свои права цивилизація. По всему правому берегу извучистой рѣчки, на далекое пространство, тянется сплошной хвойный лѣсъ, и покуда только самая незначительная его часть подверглась захвату подъ дачи. Въ этомъ лѣсу великое изобиліе ягодъ, грибовъ, пернатыхъ и... звѣрей. Звѣрей множество, а ни городовыхъ, ни подчасковъ нѣтъ. Одинъ урядникъ на всю палестину—спраши-

вается: какую онъ можетъ представить защиту? Стало быть, ежели даже зайцы составятъ злоумышленное общество съ цѣлью пожиранія статскихъ совѣтниковъ, то и они имѣютъ возможность свое мерзкое намѣреніе привести въ исполненіе безпрепятственно. До тѣхъ поръ никто не сознавалъ возможности такой перспективы, но послѣ исчезновенія Передрягина она представилась до того явною и въ то же время унизительною, что все лѣто прошло въ неописанной тоскѣ. Ночныя прогулки при лунѣ прекратились; дѣвицы перестали ходить на станцію на встрѣчу женихамъ; дѣтямъ позволяли рѣзвиться только въ виду дачныхъ балконовъ, и тутъ же, по какой-то странной ассоціаціи идей, мясникъ началъ поставлять провизію очень сомнительнаго качества. Но когда, въ довершеніе всего, узнали, что у крестьянъ во ржахъ залегъ бѣглый солдатъ, то наняли по подпискѣ отрядъ калѣкъ, вооружили ихъ дубинами и приказали за восемь желтенькихъ бумажекъ въ мѣсяцъ защищать жизнь и достояніе дачниковъ, такъ точно, какъ въ томъ передъ страшнымъ судомъ отвѣтъ дать надлежитъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, какъ только дождались половины августа, такъ тотчасъ же всѣ разомъ потянулись въ городъ.

Въ Петербургѣ, между чиновниками, переполохъ оказался еще рѣшительнѣе. Прежде всего вопросъ ставился принципіально: ежели стали пропадать статскіе совѣтники, то чего же могутъ ожидать совѣтники титулярные и другіе? — Очевидно, имъ предстоитъ исчезать поминутно, и притомъ безъ всякой обстановки, открыто, на виду у всѣхъ. Влѣзъ, напримѣръ, титулярный совѣтникъ въ вагонъ конки — и поминай какъ звали! Или: встрѣтился титулярный совѣтникъ на улицѣ, и только-что вы протянули ему руку — глядь, а его ужъ нѣтъ.

Кто же будетъ дѣла вершать? кто будетъ смазывать и пускать въ ходъ эту машину, которая, подобно громадному головоногу, присасывается ко всему, къ чему ни прикоснутся ея всепроникающія щупальцы? Ахъ, господа, господа! куда мы идемъ? гдѣ мы живемъ?

Но помимо принципіальной постановки вопроса, въ чиновническихъ волненіяхъ очень важную роль играла и самая личность пропавшаго статскаго совѣтника. Передрягина любили, потому что онъ былъ малый на всѣ руки и имѣлъ бойкое перо. Когда требовалось мыслить либерально — онъ мыслилъ либерально; когда нужно было мыслить консервативно — онъ мыслилъ консервативно. Однажды онъ,

по порученію, написалъ проектъ: „О расширеніи, на случай надобности, области компетенцій“, а въ другой разъ, тоже по порученію, написалъ другой проектъ: „Или наоборотъ“. А можетъ быть и оба проекта разомъ написалъ: какъ вашему превосходительству угодно? Сверхъ того, Никодимъ Лукичъ и въ частной жизни всѣмъ съумѣлъ угодить: былъ привѣтливъ, гостепріименъ, любилъ угостить. И жена у него была бѣлая и разсыпчатая, и называлась Акулиной Ивановной. Каждое воскресенье утромъ бывали у нихъ пироги, а вечеромъ на шести столахъ играли въ винтъ. На одномъ столѣ—тайные совѣтники, на двухъ—дѣйствительные статскіе, на трехъ—статскіе. Прочіе же чины, собравшись въ гостиной, говорили Акулинѣ Ивановнѣ комплименты. И въ заключеніе: „милости просимъ на дорожку закусить!“ Разумѣется, эти jours fixes начинались только съ открытіемъ осенняго сезона, такъ что, собственно говоря, исчезновеніе Передрягина до половины сентября было бы, пожалуй, и не очень чувствительно, но кто же можетъ поручиться, что къ сентябрю онъ отыщется? Въ виду такой невзгоды кровь застыла въ жилахъ чиновниковъ, и они, позабывъ стыдъ, открыто обвиняли начальство въ бездѣйствіи. Такъ что не было во всемъ Петербургѣ того статскаго совѣтника, который бы, при встрѣчѣ съ другимъ статскимъ совѣтникомъ, не вопіялъ во всеуслышаніе: „куда же мы однако идемъ?“ — и въ отвѣтъ на этотъ вопль не услышалъ бы: „да, батюшка, идемъ! идемъ, сударь, идемъ“.

Съ своей стороны, и публицистъ Скомороховъ не преминулъ подкинуть угольковъ въ разгорѣвшуюся суматоху. Въ длинной передовицѣ: „Куда мы идемъ?“ (этотъ вопросъ нынѣ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ кошмара), онъ доводилъ до свѣдѣнія публики о новомъ дерзкомъ подвигѣ враговъ порядка, и приписывалъ исчезновеніе Передрягина интригамъ газеты „Чего изволите?“. Возникла полемика. Газета „Чего изволите?“ на первый разъ отвѣтила довольно игриво. Съ одной стороны, она категорически отрицалась отъ всякаго участія въ столь преступномъ дѣлѣ; но, съ другой стороны, ей видимо было лестно, что на нее взводятъ именно *такую* напраслину. Стало быть и она не лыкомъ шита; стало быть, и она свою ленту... не въ этомъ дѣлѣ, конечно, но вообще... Это малодушное стремленіе за одинъ разъ поймать двухъ зайцевъ очень ловко подмѣтила газета „Нюхайте на здоровье!“ и нимало не медля обострила формулиро-

ванное Скомороховымъ обвиненіе, снабдивъ его нѣкоторыми ядовитыми выдержками, изъ которыхъ половину впрочемъ выдумала сама. Тогда „Чего изволите?“ обидѣлась и сказала, что это, наконецъ, подло; а „Нюхайте на здоровье!“ отвѣчала: „И я знаю, что подло, — давно ужъ мнѣ всѣ говорятъ, что я подлая, — да вѣдь это къ дѣлу не относится; а вотъ какъ-то вы насчетъ статскаго совѣтника Передрягина отвѣтите? кто его предательски выкралъ? и гдѣ онъ въ настоящую минуту находится? Ась?“

Словомъ сказать, полемика приняла обычный по обстоятельствамъ времени характеръ и, быть можетъ, кончилась бы безвременною гибелью газеты „Чего изволите?“, еслибы Передрягинъ самъ не выступилъ на сцену, чтобы положить предѣлъ безпокойствамъ, возникшимъ по его поводу.

На дняхъ онъ возвратился на свою квартиру въ Гусевомъ переулкѣ, проживъ въ безвѣстной отлучкѣ ровно годъ и четыре мѣсяца. Судя по его разсказу, исчезновеніе его произошло самымъ естественнымъ образомъ.

Будучи страстнымъ охотникомъ до грибовъ, рано утромъ въ праздничный день онъ отправился въ лѣсъ. Тамъ онъ до такой степени увлекся своею страстью, что незамѣтно углубился въ самую чащу. И вдругъ, въ то самое время, когда его взору предстало цѣлое море разнообразнѣйшихъ тайнобрачныхъ, онъ почувствовалъ, что кто-то сильно ударилъ его по плечу. И въ то же время чье-то горячее дыханіе обдало его лицо.

То былъ медвѣдь. Натурально, Передрягинъ свѣта не взвидѣлъ. Въ одно мгновеніе передъ нимъ пролетѣла вся его жизнь и тутъ же утонула въ какой-то зіяющей безднѣ. Эта бездна знаменовала смерть. Хотя онъ зналъ, что всѣ люди смертны, а слѣдовательно и Кай смертенъ; хотя, сверхъ того, онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что его вдовѣ будетъ назначена пенсія внѣ правилъ — однако мысль о роковомъ концѣ все-таки нерѣдко заставляла его вздрагивать. Онъ любилъ начальство, любилъ жену, любилъ пироги, и понималъ, что pallida mors однимъ прикосновеніемъ своей косы можетъ навсегда обратить въ прахъ и его самого, и предметы его привязанностей. Встрѣтившись теперь со смертью такъ близко, онъ стоялъ какъ окаменѣлый и, ничего не понимая, смотрѣлъ медвѣдю въ глаза. Но прошла минута, другая, и медвѣдь не только не отнималъ у него жизни, но

привѣтливо и тихо рычалъ, какъ бы стараясь внушить къ себѣ довѣріе. И въ заключеніе, повернувъ Передрягина лицомъ къ востоку, вполнѣ отчетливо произнесъ: „айда!“

Шли они трое сутокъ сплошнымъ лѣсомъ, и въ теченіе всего времени медвѣдь всячески покоилъ и оберегалъ своего плѣнника. Питалъ онъ его ягодами и дивіимъ медомъ; но когда Передрягинъ жестами объяснилъ, что этого недостаточно, то сбѣгалъ за десять верстъ въ помѣщичью усадьбу и укралъ съ плиты жаренаго поросенка. Даже спички и папиросы у него за пазухой нашлись, такъ что и эта прихоть была предусмотрѣна и удовлетворена. А для ночлеговъ медвѣдь выбиралъ моховыя болота и, уложивъ Передрягина на мягкомъ ложѣ, самъ не смыкаючи очей, караулилъ его на случай внезапнаго нападенія. Словомъ сказать, приключеніе получило такую комфортабельную обстановку, что, даже ѣдучи въ вагонѣ второго класса, Никодимъ Лукичъ такъ не жуировалъ.

На четвертыя сутки волшебное зрѣлище открылось глазамъ Передрягина. На обширной полянѣ, съ трехъ сторонъ окруженной лѣсомъ, а съ четвертой упирающейся въ озеро, копошилось несмѣтное количество медвѣдей. Повидимому это былъ народъ веселый, потому что всѣ поголовно находились въ движеніи: рѣзвились, бѣгали взапуски, кувыркались, играли въ чехарду и т. д. Но болѣе всего удивило плѣнника то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пылали костры. „Ежели есть костры,—весело сказалъ онъ себѣ,—то должны быть и котлы; а ежели есть котлы, то должна быть и кашица“. И сердце его окончательно взыграло, когда онъ увидалъ, что изъ толпы отдѣлились два человѣка въ вицъ-мундирахъ и направились къ нему.

О, радость! то были два сослуживца Передрягина, тоже статскіе совѣтники и въ той же мѣрѣ, какъ и онъ, оправдывавшіе довѣріе начальства. Оба завѣдывали отдѣленіями: одинъ—Семенъ Михайловичъ Неослабный — отдѣленіемъ завязыванія узловъ; другой—Петръ Самойлычъ Прелестниковъ — отдѣленіемъ развязыванія таковыхъ. Совмѣстное существованіе обоихъ отдѣленій представлялось чрезвычайно полезнымъ, потому что какъ только, бывало, Семенъ Михайловичъ завяжетъ узелокъ, такъ Петръ Самойлычъ сейчасъ его развяжетъ, а потомъ Семенъ Михайловичъ опять завяжетъ, а Петръ Самойлычъ опять развяжетъ. А покуда они дѣлали свое дѣло, Никодимъ Лукичъ похаживалъ и отмѣчалъ: узелъ первый, узелъ вто-

рой и т. д. И когда замѣтокъ накоплялось достаточно, то изъ нихъ составлялась „статистика узловъ, сколько таковыхъ завязано и сколько развязано, а для чего—неизвѣстно". Въ заключеніе же подводился балансъ: приходъ съ расходомъ вѣренъ, и въ кассѣ — ничего.

Всѣ трое жили душа въ душу, и всѣ трое были счастливы и къ повышенію достойны. Въ этомъ волшебномъ мірѣ, гдѣ одни пишутъ проекты „Или наоборотъ", другіе — завязываютъ узлы, третьи—развязываютъ ихъ, а четвертые радостно потираютъ руки, восклицая: „приходъ съ расходомъ вѣренъ!"—въ этомъ мірѣ и Передрягинъ, и Неослабный, и Прелестниковъ не только чувствовали себя какъ рыба въ водѣ, но были серьезно убѣждены, что всякая попытка выйти изъ него есть бунтъ и потрясеніе основъ.

Такъ вотъ съ какими ребятами привелъ Богъ встрѣтиться Передрягину. Оказалось, что Неослабный нанималъ дачу на Суйдѣ и былъ выкраденъ, три недѣли тому назадъ, ночью прямо съ постели. Прелестниковъ же проводилъ лѣто въ окрестностяхъ Луги и назадъ тому съ мѣсяцъ взятъ съ прогулки въ глазахъ урядника и уведенъ въ плѣнъ. Но такъ какъ оба они числились въ отпуску, то въ Петербургѣ до сихъ поръ ихъ исчезновеніе не было извѣстно.

— Здѣшніе медвѣди совсѣмъ особенные,—сказалъ Неослабный послѣ первыхъ радостныхъ изліяній:—много они нашего брата въ плѣну держатъ. А двѣ недѣли тому назадъ даже полковницкую вдову Волшебнову, да не одну, а съ племянницей Клеопатринькой прямо съ поѣзда сняли и привели.

— Для чего же мы имъ занадобились? — полюбопытствовалъ Передрягинъ.

— Для реформъ. Народъ молодой; на волѣ жить захотѣли—вотъ и скучно показалось въ скотскомъ видѣ оставаться: реформъ захотѣлось. А сами собой совершить не умѣютъ.

— Какія же такія реформы они затѣваютъ?

— Да какъ вамъ сказать... всего хочется! А что̀ именно для нихъ полезнѣе—это ужъ *мы* должны опредѣлить. Вотъ я—полицію реформирую, а коллега мой—по части юстиціи реформы какъ блины печетъ. Помаленьку да понемножку,—можетъ быть, со временемъ и польза выйдетъ. Три недѣли тому назадъ объ огнѣ въ здѣшнемъ мѣстѣ и не слыхать было, а теперь смотрите, какіе костры горятъ!

— Но какіе же вы имѣете виды... напримѣръ, по части юстиціи?

— Насчетъ юстиціи мнѣнія въ здѣшнемъ лѣсу раздѣлились. Одни говорятъ: „для насъ и палокъ достаточно“; другіе: „надо завести настоящіе суды, какъ на Литейной“. Вотъ Петръ Самойлычъ и смекаетъ: палки—само собой, а судъ—само собой. Чтобы всѣмъ было хорошо.

— А по финансовой части они статскаго совѣтника Печатникова залучили,—перебилъ Прелестниковъ:—этотъ имъ деньги съ картинками печатаетъ. И экономистъ у нихъ есть. Этотъ говоритъ: прежде всего нужно, чтобы торговый балансъ былъ. Да спросъ, да предложеніе, да раздѣленіе труда, да накопленіе богатствъ, а объ распредѣленіи мы въ слѣдующій разъ поговоримъ. Когда все это у васъ будетъ, тогда, молъ, вы будете жить по благородному!

— Къ сухопутной части они капитана Пѣшедралова приспособили, а къ морской — лейтенанта Жевакина. Жевакинъ надѣнетъ мѣшокъ съ козой, а Пѣшедраловъ въ барабанъ бьетъ, а они представляютъ, какъ малые ребята въ полѣ горохъ воруютъ. Это, изволите видѣть, они до непріятеля ползкомъ добираются, врасплохъ его хотятъ застать.

— И для дамъ у нихъ дѣло нашлось: полковница молодыхъ медвѣдицъ жеманиться учитъ, а Клеопатринька „науку о женихахъ“ преподаетъ.

— Ну, а я-то зачѣмъ понадобился?

— Должно полагать, что конституціи писать заставятъ. Давненько они по департаментамъ человѣчка для конституцій ищутъ; сеймъ у нихъ на всякій случай ужъ заведенъ. Сеймъ-то есть, а конституцій нѣтъ—вотъ и выходитъ, что всѣ ихъ рѣшенія какъ будто незаконныя...

Вспомнилъ Никодимъ Лукичъ свои департаментскіе труды по части конституціи и мысленно сказалъ себѣ: „Ну, это еще не ахти что! дѣло знакомое, я его въ одинъ часъ кругомъ пальца обведу!“ Однако дальнѣйшія свѣдѣнія, полученныя отъ друзей, заставили его задуматься. Во-первыхъ, конституцію предстояло писать на-двое; лѣтнюю, какъ медвѣди должны поступать, когда на волѣ по лѣсу ходятъ, и зимнюю, какіе они сны должны видѣть, когда въ берлогѣ лапу сосутъ. Во-вторыхъ, и правительства настоящаго у этихъ новоявленныхъ реформаторовъ не было: ни президента, ни отвѣтствен-

ныхъ министровъ. Вмѣсто всего этого существовала какая-то самочинная юнта, состоявшая изъ пяти самыхъ проказливыхъ медвѣдей, которые по вопросу о пользѣ конституцій не только разноголосили, но каждый, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, нарочно мычалъ по своему, въ пику остальнымъ.

Всю эту разноголосицу предстояло уладить. Однимъ—вторить въ тонъ, другихъ—ловкимъ образомъ провести, остальныхъ—„обломать“. Всѣ эти „штуки“ были извѣстны Передрягину, по департаментской практикѣ, какъ свои пять пальцевъ; но онъ уже не скрывалъ отъ себя, что труда предстоитъ много, труда серьезнаго, упорнаго.

Я не буду подробно разсказывать о ходѣ занятій статскаго совѣтника Передрягина. Во-первыхъ, это привело бы меня къ оцѣнкѣ конституцій, что̀, по моему убѣжденію, неблаговременно и щекотливо. Во-вторыхъ, сколько мнѣ извѣстно, Никодимъ Лукичъ самъ приготовляетъ къ выпуску въ свѣтъ обширное сочиненіе подъ названіемъ: „Годъ въ плѣну въ странѣ Топтыгиныхъ“, и я не желалъ бы, чтобы этотъ почтенный трудъ, благодаря моей нескромности, утратилъ интересъ новизны.

Тѣмъ не менѣе, отъ нѣкоторыхъ позаимствованій я все-таки воздержаться не могу.

Прежде всего я долженъ засвидѣтельствовать, что Передрягинъ велъ свое дѣло крайне осторожно и умно, и подъ-конецъ даже проявилъ не совсѣмъ обыкновенную твердость души. Какъ человѣку опытному и проницательному, ему неоднократно представлялся вопросъ: что̀, въ сущности, означаетъ его внезапное, почти волшебное появленіе въ странѣ Топтыгиныхъ? Игра ли это простого случая, или же тутъ слѣдуетъ видѣть косвенную командировку, устроенную съ вѣдома начальства и даже по иниціативѣ его? Нерѣдко начальство задается цѣлями, опубликованіе которыхъ считается неблаговременнымъ, и потому для достиженія ихъ прибѣгаетъ къ косвеннымъ командировкамъ... Ежели это такъ, — а Передрягинъ все больше и больше склонялся къ убѣжденію, что *именно* такъ, — то, очевидно, ему предстоитъ сообщить своимъ дѣйствіямъ такое направленіе, чтобы впослѣдствіи, давая объ нихъ отчетъ, онъ могъ ожидать не порицанія, а одобренія

своего начальства. Однимъ словомъ, онъ рѣшился дѣйствовать, *не забѣгая впередъ, но и не отступая назадъ*. Ни тпру, ни ну.

Въ этихъ видахъ онъ первоначально внесъ въ сеймъ свой проектъ: „Или наоборотъ“, какъ уже бывшій въ разсмотрѣніи и не приведенный въ дѣйствіе лишь за ненаступленіемъ благопріятной минуты. Впечатлѣніе, произведенное проектомъ, было очень хорошее. Онъ приходился какъ разъ въ пору Топтыгинымъ, такъ что еслибы при этомъ еще влѣпить членамъ сейма по десятку горяченькихъ, то навѣрное они приняли бы „Передрягинскую конституцію“ par acclamation. Но тутъ вмѣшалась полковница Волшебнова, поддержанная Жевакинымъ, и стала доказывать, что предложеніе Передрягина находится въ прямомъ противорѣчіи съ „наукой о женихахъ“...

Говоря по совѣсти, никакихъ особенныхъ противорѣчій не было, и оппозиція Волшебновой имѣла совсѣмъ другую подкладку, весьма неказистую. Дѣло въ томъ, что на первыхъ порахъ Передрягинъ имѣлъ неосторожность повздорить съ Жевакинымъ, а Волшебнова между тѣмъ разсчитывала выдать за послѣдняго Клеопатриньку. Въ сущности, пререканіе вышло изъ-за пустяковъ, такъ что еслибъ Никодимъ Лукичъ могъ предвидѣть послѣдствія, то, конечно, сдержалъ бы себя. Рѣчь шла о предстоящей постройкѣ кораблей. Для Топтыгиныхъ это дѣло было совершенно новое, да, признаться сказать, едва-ли и нужное; однако, такъ какъ имъ брюхомъ захотѣлось флотовъ, то Жевакину было поручено представить необходимыя къ осуществленію сего предположенія. Но когда Жевакинскій докладъ поступилъ въ сеймъ, то произошли весьма важныя разногласія. Передрягинъ доказывалъ, что корабли, ради прочности, нужно строить изъ картона съ небольшимъ лишь прибавленіемъ хорошей бумаги (докладной); Жевакинъ же, ища популярности и желая какъ можно скорѣе стать во главѣ флота, утверждалъ, что предлагаемый Передрягинымъ способъ слишкомъ медленъ и обременителенъ для казны, и что на первый разъ можно удовольствоваться кораблями изъ старой афишечной бумаги. „Но будутъ ли таковые для сношеній вредительны?“ не безъ ядовитости спросилъ Передрягинъ, и однимъ этимъ вопросомъ сразу „провалилъ“ Жевакинскій проектъ...

Эту неудачу Волшебнова приняла къ сердцу и поклялась отомстить. И въ данную минуту исполнила свою клятву. Съ помощью искусныхъ діалектическихъ пріемовъ и нѣсколькихъ ловкихъ пере-

держекъ она сорвала сеймъ и провалила Передрягинскую затѣю навсегда.

Тогда Никодимъ Лукичъ сдѣлалъ очень ловкій ходъ. До ноября онъ провелъ время въ экивокахъ; но какъ только на землю палъ первый снѣгъ, онъ тотчасъ же изготовилъ „зимнюю конституцію“ и внесъ ее въ сеймъ. Конституція заключала только одну статью: „Съ наступленіемъ зимы всякій да заляжетъ въ берлогу и да сосетъ лапу“. Разумѣется, интрига и тутъ съ обычною наглостью начала доказывать, что предложенный Передрягинымъ проектъ есть не что иное, какъ подвохъ, пущенный съ цѣлью окончательно похоронить конституціонный вопросъ; но было уже поздно. Берлоги стояли уже совсѣмъ готовыя, и большинство Топтыгиныхъ ходило сонное, мечтая единственно объ удовольствіяхъ предстоящей спячки. Благодаря этому вѣянію, „зимняя конституція“ прошла громаднымъ большинствомъ и принятіе ея ознаменовалось обычными празднествами. Выкатили народу нѣсколько бочекъ краденаго вина и наняли хоръ снигирей пѣть пѣсни. Но соловьевъ, за суровымъ временемъ, добыть не могли.

Зима прошла благополучно. Охотничьихъ облавъ въ этой мѣстности не бываетъ, и Топтыгины наслаждаются такою обезпеченностью, какая и людямъ не всегда достается въ удѣлъ. Но что всего замѣчательнѣе—и статскіе совѣтники, увидѣвъ себя среди этого соннаго царства, не выдержали.

„Сначала мнѣ сіе удивительнымъ казалось,—пишетъ по этому поводу Передрягинъ: — какъ это живыя существа почти половину года во снѣ проводятъ; но такъ велико было обаяніе внезапно обступившей насъ тишины, что и мы съ товарищами, какъ ни крѣпились, но недѣли черезъ двѣ тоже вынуждены были общему примѣру послѣдовать. А въ томъ числѣ и госпожа Волшебнова съ родственницею“.

Тѣмъ не менѣе, съ наступленіемъ весны, конституціонный вопросъ, силою обстоятельствъ, настойчивѣе прежняго выступилъ на очередь. Топтыгины вышли изъ берлогъ и не знали, какъ поступать. Ибо зимняя конституція предвидѣла только сосаніе лапы, а такой конституціи, которая бы о прочихъ поступкахъ упоминала, припасено не было. Приступили къ Передрягину; но послѣдній, освѣжившись четырехмѣсячнымъ отдыхомъ, понялъ, что почва, на которую

ему предстоитъ вступить, далеко не безопасна. Сверхъ того, онъ вспомнилъ, что, будучи уже однажды призванъ къ отвѣту по поводу проекта о расширеніи компетенцій, онъ и тогда избѣгнулъ отвѣтственности единственно потому, что далъ начальству клятву ни о какихъ компетенціяхъ впредь не помышлять. Сообразивъ все это, онъ принялъ безповоротное рѣшеніе. Безъ запальчивости, но твердо онъ заявилъ, что для существъ, которыя для реформъ отыскиваютъ по департаментамъ статскихъ совѣтниковъ, совершенно достаточно одной зимней конституціи. „Есть народы и почище васъ,—сказалъ онъ, — но и тѣ довольствуются зимней конституціей, и подъ сѣнію ея благополучно почиваютъ“. Словомъ сказать, на всѣ топтыгинскія настоянія отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ.

Услышавъ это, Топтыгины совсѣмъ ошалѣли. Произошли волненія и даже неистовства, въ которыхъ, къ сожалѣнію, не послѣднюю роль играла полковница Волшебнова. Никодимъ Лукичъ пострадалъ.

Нужно прочитать въ подлинникѣ скорбную повѣсть этихъ страданій, чтобы получить понятіе о томъ запасѣ нравственной чистоты, которымъ долженъ былъ обладать безвѣстный статскій совѣтникъ, вознамѣрившійся лучше пожертвовать своею популярностью, нежели нарушить данную клятву. Но пусть читатель узнаетъ объ этомъ изъ сочиненія самого Передрягина. Я же скажу здѣсь кратко: все лѣто прошло въ поступкахъ самаго безумнаго свойства. Топтыгины, не получивъ удовлетворенія въ главномъ своемъ домогательствѣ, и къ прочимъ реформамъ сдѣлались равнодушны; они твердили одно: „зачѣмъ намъ суды, зачѣмъ кутузка, зачѣмъ балансъ, коль скоро мы не понимаемъ, по какой причинѣ и на какой предметъ?“

Вообще я долженъ сознаться, что вся эта исторія представлялась бы очень странною и исполненною всякаго рода загадочностей, еслибы Передрягину не удалось наконецъ выяснить, въ чемъ собственно заключался ея секретъ. Съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе всматриваясь въ окружающую его среду, онъ сдѣлалъ открытіе чрезвычайной важности. А именно, убѣдился и неопровержимыми фактами доказалъ, что существа, державшія его въ плѣну, совсѣмъ не медвѣди, а особаго рода „братушки“, которыя еще въ древности самочинно развелись въ глухой мѣстности Лужскаго уѣзда и доднесь тамъ жируютъ, уклоняясь отъ выполненія рекрутской повин-

ости и платежа податей. Многіе вѣка они жили въ дикомъ состояніи, не имѣя прочныхъ жилищъ, не заводя ни полиціи, ни юстиціи, ни народнаго просвѣщенія и не подавая о себѣ ревизскихъ сказокъ, какъ вдругъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, очнулись безъ повода и даже безъ надобности, сами не зная зачѣмъ. И узнавъ, что въ Петербургѣ есть статскіе совѣтники, которые умѣютъ для братушекъ конституціи писать, стали подыскивать и для себя таковыхъ.

Я не буду перечислять здѣсь факты, приводимые Передрягинымъ въ доказательство справедливости сдѣланныхъ имъ открытій. По мнѣнію моему, эта справедливость всего лучше подтверждается катастрофою, которою, въ концѣ концовъ, разрѣшилась эта суматоха.

Извѣстно, что когда жизнь начинаетъ предъявлять требованія, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ обществѣ обнаруживается броженіе. Броженіе это преимущественно выражается въ появленіи безчисленнаго множества разномастныхъ политическихъ партій, которыя не пренебрегаютъ никакими средствами, чтобы подсидѣть другъ друга. Въ особенности же ожесточенно и даже безчестно дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ партія старыхъ, отживающихъ порядковъ. Составленная изъ людей мелко-самолюбивыхъ, съ потухшими сердцами, воспитанная въ дурныхъ привычкахъ ябеды, своекорыстія и любоначалія, растерявшая, въ теченіе продолжительной и безплодной житейской суматохи, всякій жизненный смыслъ и всѣ человѣческія побужденія, кромѣ одного: злобы,—эта партія на первыхъ порахъ лицемѣрно подлаживается къ заставшему ее врасплохъ движенію и затѣмъ коварно подстерегаетъ всякое колебаніе, всякій ошибочный шагъ, чтобы броситься на своихъ противниковъ и моментально ихъ задушить.

Такого рода старовѣрческая партія существовала и среди братушекъ Лужскаго уѣзда.

Тонтыгинское возрожденіе изумило старовѣровъ своею неожиданностью и испугало крайнею живостью своихъ первыхъ проявленій. Тѣмъ не менѣе, они притворились подчинившимися, и даже старались выказать самихъ себя въ возможно смирномъ и даже презрѣнномъ видѣ. Но въ дѣйствительности они только выжидали благопріятнаго момента и, постепенно переходя отъ одного коварства къ другому, то подстрекая, то сѣя вражду, вошли наконецъ въ секретные переговоры съ мѣстнымъ урядникомъ.

И—увы!—я не могу скрыть, что душою и руководителемъ этого

предательства былъ статскій совѣтникъ Никодимъ Лукичъ Передрягинъ...

Времена созрѣли.

Въ концѣ минувшаго сентября, ровно черезъ [illegible] мѣсяцевъ послѣ плѣненія Передрягина, въ ту минуту, когда неурядица среди топтыгинскаго племени достигла размѣровъ по истинѣ нетерпимыхъ, до веселой поляны, обитаемой братушками, донеслись звуки приближающагося колокольчика. Топтыгины тотчасъ же догадались, что эти звуки возвѣщаютъ пріѣздъ изъ Луги начальства...

Переборка пошла очень быстро. Зачинщики сейчасъ же были отдѣлены и препровождены; прочіе братушки — тщательно переписаны и внесены въ ревизскія сказки. Затѣмъ имуществу Топтыгиныхъ была произведена опись и оцѣнка, причемъ открытъ складъ воровскихъ вещей, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ двадцать дюжинъ дамскихъ кальсонъ, очевидно, были украдены по недоразумѣнію. Оцѣненъ былъ и громадный запасъ еловыхъ шишекъ, между которыми оказалось и нѣсколько геморроидальныхъ. Этотъ плодъ многолѣтняго труда цѣлаго племени былъ опечатанъ и сданъ подъ расписку старѣйшинѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи найти для него сбытъ на иностранныхъ рынкахъ. Что касается до статскихъ совѣтниковъ и прочихъ инструкторовъ, то ихъ съ первымъ же поѣздомъ отправили въ Петербургъ для распредѣленія по подлежащимъ вѣдомствамъ. И въ заключеніе, съ полковницей и ея родственницей было поступлено по произволенію.

Замѣчательно, что при этой переборкѣ всего больше пострадали вожаки изъ партіи старовѣровъ. Хотя нельзя было отрицать, что казенный интересъ, столь продолжительное время поруганный, лишь благодаря ихъ рвенію, вступилъ наконецъ въ свои права, но, съ другой стороны, чувство справедливости убѣждало, что старовѣры дѣйствовали въ этомъ случаѣ не столько за совѣсть, сколько за страхъ. Въ сущности, вѣдь они-то, по преимуществу, и поддерживали въ теченіе столѣтій тотъ порядокъ вещей, который помогалъ Топтыгинымъ уклоняться отъ рекрутства и отъ платежа податей. Стало быть, совсѣмъ не усердіе, а только злоба, вызванная утратой привилегированнаго положенія, сдѣлала ихъ поборниками казеннаго интереса.

— Сегодня вы усердіе и покорность выказываете, — сказалъ имъ урядникъ Справедливый, на котораго были возложены всѣ труды по

возсоединенію заблудшихъ братушекъ:—а завтра вы опять начнете кляузничать и отвиливать отъ узаконенныхъ властей!

Однимъ словомъ, воздаяніе было полное и справедливое. А черезъ мѣсяцъ къ братушкамъ была проведена столбовая дорога, и на каждую берлогу выданъ отдѣльный окладной листъ. Такъ что въ настоящее время ни урядникъ, ни сборщикъ податей уже не встрѣчаютъ больше препятствій при исполненіи своихъ обязанностей.

И живутъ-себѣ Топтыгины какъ у Христа за пазушкой. Смирно, благородно, безъ конституцій.

— Что же сталось съ Передрягинымъ? получилъ ли онъ за свою твердость соотвѣтственную награду? —спросятъ меня читатели.

Какъ это ни прискорбно, но на послѣдній вопросъ я могу отвѣтить только отрицательно. Почтеннѣйшій Никодимъ Лукичъ не только не получилъ награды, но даже вынужденъ былъ подать въ отставку.

Причиною всему было слово: „конституція“.

Хотя и Прелестниковъ, и Неослабный, по совѣсти, засвидѣтельствовали о неуклонной борьбѣ Передрягина съ конституціоналистами, но они не могли скрыть, что въ первое время своего плѣна Никодимъ Лукичъ довольно-таки ходко пошелъ на встрѣчу топтыгинскимъ затѣямъ, и что во всякомъ случаѣ онъ, а не кто другой, былъ авторомъ пресловутой „зимней конституціи“, которая на цѣлыхъ полгода отдалила раскрытіе злонамѣренныхъ укрывательствъ, грозившихъ казнѣ безвременнымъ оскудѣніемъ.

Разумѣется, распоряженіе не замедлило.

Теперь Передрягинъ скромно живетъ съ своею Акулиной Ивановной и довольствуется обществомъ титулярныхъ совѣтниковъ. Статскіе совѣтники его опасаются; дѣйствительные статскіе совѣтники хотя и не выказываютъ явной боязни, но дѣйствуютъ на-двое. Что же касается тайныхъ совѣтниковъ, то они просто-на-просто дразнятся: „конституціоналистъ! конституціоналистъ!“

Тѣмъ не менѣе Передрягинъ не унываетъ и даже повидимому совсѣмъ примирился съ своимъ новымъ званіемъ. На дняхъ я его встрѣтилъ идущимъ въ контору „Полицейскихъ Вѣдомостей“, куда онъ несъ, для опубликованія, объявленіе. Объявленіе это гласило:

НОВОСТЬ!! СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ ПЕРЕДРЯГИНЪ!!!

(Знаменская, Гусевъ переулокъ, 29.)

Изготовляетъ КОНСТИТУЦІИ для всѣхъ странъ и во всѣхъ смыслахъ. Проектируетъ реформы судебныя, земскія и иныя, а равно ходатайствуетъ объ упраздненіи таковыхъ. Имѣетъ аттестаты. Вознагражденіе умѣренное. Согласенъ въ отъѣздъ.

И вы увидите, что объявленіе это, чего добраго, возъимѣетъ дѣйствіе, и Передрягинъ получитъ заказъ.

Письмо третье.

Чаще и чаще приходится слышать, что жить становится скучно и тяжело. И нельзя сказать, чтобы эти сѣтованія были безосновательны. Не въ смыслѣ сокращенія суммы такъ-называемыхъ развлеченій—ихъ даже черезъ-чуръ достаточно—и не въ смыслѣ увеличивающейся съ каждымъ днемъ суммы утратъ и несбывшихся надеждъ, а просто потому, что понять ничего нельзя. Самыя противорѣчивыя теченія до такой степени перепутались и загромоздили пути, что человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы въ застѣнкѣ, въ которомъ, вдобавокъ, его ударило по темени. Онъ измученъ не столько реальностью настигающихъ его золъ, сколько безплодностью своихъ мечтаній и сознаніемъ, что жизненный процессъ хотя и не прекратился, но въ то же время утерялъ творческую силу. Жизнь утонула въ массѣ подробностей, изъ которыхъ каждая устраивается сама по себѣ, внѣ всякаго соотвѣтствія съ какой бы то ни было руководящей идеей. Нéоткуда взяться этой идеѣ, нéоткуда и незачѣмъ. Прошедшее — несостоятельно, будущее—загромождено.

Я знаю, что нѣтъ недостатка въ попыткахъ разобраться въ удручающихъ жизнь противорѣчіяхъ, но, говоря по совѣсти, эти попытки не только ничего не объясняютъ, но даже еще больше запутываютъ пониманіе предстоящихъ задачъ. Всѣ онѣ, какъ бы ни были разнообразны ихъ формы и клейма, свидѣтельствуютъ только объ ощущеніи боли и о томъ, что это ощущеніе въ одинаковой мѣрѣ при-

суще всѣмъ, которые не однимъ прозябаніемъ, но и работою мысли принимаютъ участіе въ совершающемся жизненномъ процессѣ. Всѣмъ присуще,—начиная отъ самыхъ ядовитыхъ и нагло-торжествующихъ и кончая самыми наивными и пригнетенными.

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ выражаются эти попытки? Какія даютъ онѣ разрѣшенія, какія открываютъ перспективы безнадежно-мятущейся массѣ замученныхъ и недоумѣвающихъ людей?—Чтобы отвѣтить на эти вопросы, достаточно, не заходя далеко, остановиться на современной русской публицистикѣ.

Съ одной стороны, раздаются голоса, изрыгающіе проклятія, призывающіе къ ябедѣ, человѣконенавистничеству, междоусобію. Нельзя, конечно, отрицать, что эта проповѣдь имѣетъ смыслъ вполнѣ опредѣленный, и что она даже производитъ массу частнаго зла; но самая безсодержательность ея отправныхъ пунктовъ уже свидѣтельствуетъ о ея тзорческомъ безсиліи. Не проклятіями исправляется жизнь и не человѣконенавистничествомъ насаждается миръ и благоволеніе въ сердцахъ—этого самыя законнѣлыя личности не могутъ не понимать. Стало быть, если онѣ упорствуютъ въ человѣконенавистничествѣ, то не потому, чтобы вѣрили въ зиждительныя свойства его, а потому лишь, что проклятія представляютъ своеобразную формулу, въ которую выливается общій всей современности безсильный вопль противъ массы недодѣлокъ, недомолвокъ и встрѣчныхъ теченій. Но при этомъ очень возможно и то, что проповѣдь ненависти, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, сдѣлалась и небезвыгоднымъ ремесломъ...

Съ другой стороны, въ отвѣтъ кляузѣ, слышатся голоса наивныхъ, которые тоже чего-то ищутъ и нѣчто стараются разъяснить. Но, въ сущности, они не разъясняютъ, но лишь уклоняются и оправдываются. Положеніе, по истинѣ, унизительное, хотя, по обстоятельствамъ, совершенно понятное. Существуетъ нѣкоторая загадочная подкладка въ спорахъ, касающихся современности,—покладка, благодаря которой одна сторона вступаетъ въ состязаніе заранѣе торжествующею, а другая—заранѣе виноватою, хотя и не знаетъ за собой ни одного факта, на который могло бы опереться обвиненіе. Ни для кого не тайна, что въ современныхъ полемикахъ рѣчь идетъ совсѣмъ не о вопросахъ, которые ставитъ жизнь, а о чемъ-то постороннемъ, чему вполнѣ произвольно присвояется названіе „образа

мыслей". И такъ какъ „правильный" образъ мыслей сдѣлался какъ бы монополіей кляузы, то понятно, что противная сторона прежде всего обязывается обѣлить себя передъ лицомъ кляузы, и только уже по выполненіи этого считаетъ себя вправѣ выложить, въ формѣ рискованнаго предположенія, ту скромную крупинку истины, какая имѣется въ запасѣ. Или, говоря другими словами, чтобы пустить эту крупинку въ обращеніе, необходимо предварительно надѣть Петрушкины (Чичиковскаго Петрушки) порты и уже въ этомъ видѣ дерзать. Спрашивается: какихъ результатовъ можетъ достигнуть разъясненіе, обставленное такими условіями?

Какъ плодъ недодѣлокъ и недомолвокъ, появились на сцену „кризисы". Ни о какихъ кризисахъ въ старые годы не слыхивали, а тутъ вдругъ повалило со всѣхъ сторонъ. То хлѣбный кризисъ, то фабричный, то промышленный, то желѣзнодорожный, наконецъ денежный, торговый, сахарный, нефтяной, даже пшеничный. Не говоря ужъ о кризисѣ совѣсти, который повидимому никому жить не мѣшаетъ. И очевидно этотъ новый бичъ—не выдумка такъ-называемыхъ отрицателей и потрясателей, а самая несомнѣнная правда, потому что сами оракулы современности (они же изрыгатели проклятій) только о кризисахъ и говорятъ. Всѣ, безъ различія партій, на этой почвѣ сошлись; всѣ въ одинъ голосъ вопіютъ: кризисы! еще кризисы! нѣтъ отбою отъ кризисовъ! И не только вопіютъ, но даже во всѣ зараженныя мѣста пальцемъ тычутъ (вотъ, дескать, гдѣ, и вотъ, и вотъ!), а исцѣленія все-таки преподать не умѣютъ.

Это напоминаетъ мнѣ провинціалку-барыню, которую я въ старые годы знавалъ и которая тоже безпрерывно страдала кризисами. Всѣ доктора, къ кому она ни обращалась, въ одинъ голосъ говорили: „Это, сударыня, кризисъ!"—но затѣмъ всѣ же, получивъ трехрублевку за визитъ, считали свою задачу выполненною. Да и что другое могли сказать убогіе провинціальные эмпирики, коль скоро и сами они (дѣло происходило въ сороковыхъ годахъ, въ одной изъ самыхъ глухихъ провинцій) никакихъ „средствицъ", кромѣ гофманскихъ капель, бобковой мази да липоваго цвѣта, не знали.

— У кого же вы теперь лечитесь, Любовь Ивановна? — спросилъ я однажды, заставъ ее удрученною какимъ-то совсѣмъ новымъ кризисомъ.

— Да что, голубчикъ, все перепробовала: и лекарей, и знаха-

рей, и колдуновъ — нѣтъ мнѣ облегченья! Теперь... оборотень лечитъ!

— Какъ „оборотень“?

— Какіе бываютъ оборотни! ни-то человѣкъ, ни-то хавронья. Наговорили мнѣ объ немъ съ три короба; сказывали, будто бы духъ отъ него здоровый... Да врядъ-ли. Чавкаетъ... ну, роется... воняетъ... это такъ! А чтобы онъ настоящимъ манеромъ облегчить могъ — не вѣрю!

Хорошо, что впослѣдствіи природа Любови Ивановны взяла свое, и добрая женщина освободилась-таки отъ угнетающихъ ее кризисовъ; но скажите по совѣсти, до какой безнадежности она должна была дойти, чтобы довѣрить свою жизнь... оборотню!

Но что всего знаменательнѣе — указывая на кризисы, люди всѣхъ партій непремѣнно приплетаютъ къ нимъ реформы. Всѣ въ одно слово утверждаютъ, что именно въ реформахъ и заключается весь секретъ. Только одни прибавляютъ: „не дореформили!“ — а другіе: „перереформили!“

Я не буду останавливаться на людяхъ первой разновидности. Голоса ихъ имѣютъ столь же мало значенія въ общемъ политиканствующемъ концертѣ, какъ и воркотня того „слуги“, который на театральной сценѣ, при поднятіи занавѣса, мететъ комнату (ворчитъ, а все-таки мететъ) и съ негодованіемъ сообщаетъ, что ужъ двѣнадцатый часъ на исходѣ, а господа все еще почиваютъ... И вдругъ, справа: „Иванъ! одѣваться!“ — слѣва: „Иванъ! чаю!“ — изъ глубины: „Иванъ! принесли ли афиши?“ И мчится Иванъ, какъ угорѣлый, не только позабывъ о недавней воркотнѣ, но весь, съ верхняго конца до нижняго, проникнутый одною мыслью: что ежели эту воркотню подслушалъ баринъ и ударитъ его за нее по затылку?!

Но люди второй разновидности, тѣ, которые на самое возникновеніе реформаторской дѣятельности (независимо отъ ея содержанія) смотрятъ какъ на катастрофу, породившую всѣ дальнѣйшія злосчастія, эти люди заслуживаютъ того, чтобы побесѣдовать объ нихъ подробнѣе, ибо въ настоящее время они — авторитетъ. Каждый день они каркаютъ: погибнемъ! погибнемъ! погибнемъ! — такъ-что отъ однихъ этихъ паскудныхъ проклинаній становится жутко жить. Вся улица гремитъ ихъ угрозами; всѣ столбцы пропахли ихъ мудростью, и кто знаетъ, далеко ли время, когда, быть можетъ, и канцеляристы

проникнутся убѣжденіемъ, что кляуза и судаченье представляютъ наилучшее средство если не для того, чтобы выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, то по крайней мѣрѣ для того, чтобы хоть временно „отписаться“ отъ нихъ.

Я охотно допускаю, что совершившіяся реформы не для всѣхъ пріятны, и что слѣдовательно единомыслія въ ихъ оцѣнкѣ ожидать нельзя. Но для того, чтобы съ успѣхомъ вести по ихъ поводу упразднительную пропаганду, недостаточно ненавидѣть, проклинать и подсиживать, а необходимо ясно и опредѣлительно указать, какъ съ ненавидимымъ предметомъ поступить. Нѣкоторымъ изъ реформъ уже четверть вѣка минуло, а большинство приближается къ концу второго десятилѣтія. Вѣдь это уже въ извѣстномъ смыслѣ храмъ славы, а совсѣмъ не навожденіе, по поводу котораго достаточно сказать: „дунь и плюнь!“—и ничего не будетъ. Но еслибъ даже и возможно было симъ легкимъ способомъ освободиться отъ храма славы, то все-таки надо и самимъ знать, и для другихъ сдѣлать понятнымъ, какой иной храмъ славы предполагается соорудить на мѣсто только-что выстроеннаго и уже предполагаемаго къ упраздненію.

Если, какъ можно догадываться, безмятежное житіе, проектируемое кляузниками на мѣсто реформенной жизни, должно заключаться въ томъ, что люди, причастные ему, будутъ служить безмолвными объектами для всевозможныхъ оздоровительныхъ затѣй, то эта перспектива едва-ли кого-нибудь соблазнитъ. Потому что даже простодушнѣйшіе изъ простодушныхъ—и тѣ уже понимаютъ, что, при извѣстной обстановкѣ, выраженія: „оздоровительное предпріятіе“ и „битье по темени“ имѣютъ значеніе не только равносильное, но даже съ нѣкоторымъ преферансомъ въ пользу второго.

Что битье по темени, точно также какъ и сѣченіе, никогда не обладало творческой силой—исторія доказала намъ это достаточно. Отъ начала вѣковъ исправникъ сѣкъ мужика, полагая, что черезъ это числящаяся на немъ недоимка полностью поступитъ въ казначейство, а недоимка и до-днесь на мужикѣ числится. Стало быть, сѣченьемъ нимало интереса казны не соблюли, а только спину мужику понапрасну испортили.

Конечно, большинство исправниковъ оправдываетъ себя въ этомъ случаѣ тѣмъ, что мужикъ, при совершеніи экзекуціи, не только не прекословилъ, но даже, по окончаніи ея, благодарилъ за науку. Стало

быть, говорятъ они, онъ самъ чувствовалъ, что сѣченье ему на пользу. Однако едва-ли на этотъ разъ можно повѣрить мужику на слово. Почему онъ молчитъ и даже благодаритъ—это тайна, которую не особенно мудрено разгадать. А именно: онъ молчитъ и благодаритъ потому, что ежели онъ будетъ „разговаривать“, то исправникъ, пожалуй, не затруднится и опять его „разложить“.

Точно то же безплодное будущее предстоитъ и битью по темени. Ни фабричный, ни даже пшеничный кризисъ не прекратятся оттого, что люди ополоумѣютъ. Очень возможно, что эти ополоумѣвшіе, подобно сейчасъ упомянутому мужику, будутъ кланяться и благодарить; но секретъ этой благодарности будетъ столь же легко объяснимъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Стало быть кризисы останутся въ своей силѣ, да вдобавокъ получится еще громадная масса проломленныхъ головъ. Неужели это можетъ кого-нибудь утѣшить?

Но кромѣ того здѣсь является и другой очень важный вопросъ: кого стукать и за что?

Ежели стукать такъ-называемую интеллигенцію, то она не только не виновна въ кризисахъ, но, можно сказать, даже вполнѣ равнодушна къ нимъ. Въ сущности, и сахарные, и всякіе другіе кризисы задѣваютъ ее такъ мало, что едва-ли она даже видитъ нужду въ опредѣленіи тѣхъ убытковъ, которые она несетъ отъ нихъ. Она безпрекословно уплачиваетъ лишній грошъ въ одномъ мѣстѣ и идетъ въ другое мѣсто, чтобъ уплатить другой лишній грошъ. И при этомъ отлично помнитъ, что совать носъ не въ свое дѣло не слѣдуетъ. Конечно, не можетъ она отъ времени до времени не разсуждать (а въ томъ числѣ и о кризисахъ), но въ этомъ уже виновны университеты, гимназіи и кадетскіе корпуса, гдѣ совершенно открыто внушается, что человѣку свойственно разсуждать. Но, кромѣ того, ежели даже о словахъ говорится: verba volant, — то для мыслей у насъ и крыльевъ-то не заведено: гдѣ родятся, тамъ и умираютъ. Вотъ почему, когда, года три тому назадъ, изо всѣхъ щелей выползли кляузники, вооруженные проектами истребленія интеллигенціи, то громадная масса интеллигентовъ даже протестовать не пыталась, а только въ недоумѣніи спрашивала себя: за что?

Ежели стукать мужика, то онъ еще менѣе виноватъ въ появленіи кризисовъ, хотя преемственность ихъ въ особенности живо отдается на его бокахъ. Мужикъ и до сихъ поръ не знаетъ, что въ существо-

ваніе его заползли какіе-то кризисы, но для него не тайна, что съ кризисами или безъ оныхъ онъ все-таки повиненъ работѣ. И работаетъ. Мнѣ возразятъ, быть можетъ, что во вниманіе къ таковымъ похвальнымъ качествамъ ни одинъ кляузникъ [illegible] выступилъ съ проповѣдью объ истребленіи мужика: пускай, дескать, плодится и множится. — Согласенъ; дѣйствительно, объ истребленіи мужика проектовъ не было; однакожъ ни одинъ безпристрастный человѣкъ не будетъ отрицать, что о подкузмленіи его мечтали и мечтаютъ очень многіе. За что?

Существуетъ и еще кляузное мнѣніе: въ самомъ, дескать, правительствѣ накопилось безконечное множество анти-правительственныхъ элементовъ, которые, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, преднамѣренно поддерживаютъ въ странѣ смуту, служащую источникомъ всѣхъ кризисовъ. Но, во-первыхъ, это мнѣніе вполнѣ обстоятельно опровергается существованіемъ знаменитаго 3-го пункта для смѣняемыхъ, и кабинетныхъ собесѣдованій—для несмѣняемыхъ. Во-вторыхъ, еслибы даже расколъ, о которомъ идетъ рѣчь, и не былъ баснею, то прежде чѣмъ направо и налѣво раздавать клички, слѣдовало бы опредѣлить, откуда этотъ расколъ пришелъ и не имѣется ли органической причины, которая дѣлаетъ его неистребимымъ. И въ-третьихъ, наконецъ, гдѣ найти компетенцію, которая, не будучи посвящена въ тайну правительственныхъ намѣреній, имѣла бы возможность безошибочно установлять признаки правительственности и анти-правительственности? Ужели достаточно заявить себя кляузникомъ, чтобы присвоить себѣ монополію такой компетенціи?

Повторяю: проклятія останутся только проклятіями, человѣконенавистничество пребудетъ только человѣконенавистничествомъ. Не изъ могилъ, разрываемыхъ гіенами, услышится живое слово... нѣтъ, не изъ нихъ!

Ахъ, кляузники, кляузники! вѣдь дѣло совсѣмъ не въ укорахъ и завиненіяхъ заднимъ числомъ; дѣло не въ ябедахъ и не въ подтасовкахъ, а въ томъ, чтобы жизнь не калѣчила живыхъ. Ежели слово „реформы“ до того постыло, что даже слышать его больно, то пусть будетъ замѣнено другимъ... напримѣръ, хоть „регламентаціей“. Ежели и „регламентація“ окажется подозрительною (она отзывается отчасти соціализмомъ, отчасти аракчеевщиною), то замѣните ее „постепеннымъ, при содѣйствіи околоточныхъ надзирателей, благоспѣ-

шеніемъ". И это будетъ хорошо. Не въ словахъ сила, и нѣтъ той номенклатуры, съ которою нельзя было бы помириться; но пускай же исчезнетъ то постыдное пустоутробіе, которое выдаетъ камень за хлѣбъ, и полоумный доносъ—за содѣйствіе.

Оскудѣніе полное. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ мысль не можетъ окончательно умереть, то она и подъ игомъ всевозможныхъ недоумѣній продолжаетъ свою работу. Но очутившись внѣ живоносной струи руководящихъ началъ, она исключительно устремляется къ мелочамъ обыденной жизни, и въ нихъ ищетъ утолить присущую ей потребность творчества.

Отсюда—громадная масса проектовъ и проектцевъ, удручающая нашу современность. Я не утверждаю, чтобы между ними не было практически-полезныхъ, снабженныхъ весьма интересными справками и изложенныхъ прекраснѣйшимъ слогомъ, но не могу скрыть, что даже полезнѣйшіе построены на „песцѣ", зависятъ отъ массы случайностей и вслѣдствіе этого осуждены на полную неустойчивость.

Много мы знали полезныхъ выдумокъ и многія изъ нихъ видѣли даже въ дѣйствіи; но польза, которая отъ нихъ ожидалась, прежде всего парализировалась ихъ внутреннею изолированностью. Въ общемъ укладѣ жизни не было для нихъ ни соотвѣтствія, ни поддержки, и это сказывалось до такой степени рѣзко, что едва-ли можно указать хотя на одно явленіе этой категоріи, которое при самомъ рожденіи не стояло бы подъ угрозой ежеминутнаго упраздненія. Мы созидаемъ и вслѣдъ за тѣмъ разрушаемъ, потомъ опять возвращаемся къ разрушенному и, возсоздавъ его, вновь разрушаемъ. Плотина, которая сдерживала бы напоръ пораженнаго паникою произвола, не только не существуетъ, но даже самая мысль о ея необходимости представляется небезопасною.

Тѣмъ не менѣе неустойчивость отнюдь не обезкураживаетъ прожектеровъ. И это вполнѣ понятно, потому что человѣкъ самый простодушный, чувствуя боль во всѣхъ суставахъ, не можетъ не употреблять усилій, чтобы освободиться отъ нея. Но еще болѣе понятно то, что человѣкъ этотъ, игнорируя общіе законы, управляющіе жизнью, останавливается въ недоумѣніи передъ мало-мальски широкой задачей и спѣшитъ отыграться на подробностяхъ.

Простодушіе цѣнитъ только непосредственныя практическія примѣненія, а ничто такъ легко не поддается практической разработкѣ, какъ подробности. Міръ подробностей—міръ простодушныхъ людей, и ежели вы сообразите, какое разнообразіе подробностей представляетъ даже самая бѣдная содержаніемъ жизнь, то убѣдитесь, что прожектеры могутъ черпать изъ этого источника, нимало не опасаясь, что онъ когда-нибудь истощится.

Повторяю: и количество, и разнообразіе ходячихъ проектовъ по истинѣ изумительны. И чѣмъ больше проектъ напоминаетъ принципъ раздѣленія труда, въ силу котораго рабочій на всю жизнь осуждается выдѣлывать одну двадцатую часть булавочной головки, тѣмъ большую претензію представляетъ онъ на авторитетность. Чѣмъ онъ низменнѣе, тѣмъ благовременнѣе и назойливѣе. Многіе даже утверждаютъ, будто бы въ основѣ большинства современныхъ выдумокъ—прямо или косвенно, но *непремѣнно* лежитъ воровство; но я считаю это мнѣніе черезъ-чуръ уже рискованнымъ. Меня гораздо болѣе поражаетъ и оскорбляетъ то, что всякій одержимый чесоткою празднолюбецъ, не обинуясь, пріурочиваетъ свою личную чесотку къ лику недуговъ общественныхъ и государственныхъ.

Низменность и безсвязность большинства сыплющихся со всѣхъ сторонъ оздоровительныхъ предпріятій таковы, что даже породили мнѣніе о вырожденіи человѣческаго рода. Старики, по крайней мѣрѣ, положительно утверждаютъ, что въ былыя времена разсуждали обстоятельнѣе, не „растекались мыслью по древу“, а, начавши долбить стоявшій на очереди сукъ, долбили его во всѣхъ смыслахъ и до конца. И въ примѣръ приводятъ рѣшеніе и постунки, которые хотя и сданы въ архивъ, но въ свое время задали-таки копоти. Тогда какъ нынѣ—возьмите любой оздоровительный проектъ, и вы прежде всего убѣдитесь, что содержаніе его напоминаетъ пирогъ, въ которомъ вмѣсто съѣдобной начинки затисканы стружки, глина, песокъ и другой строительный матеріалъ. А затѣмъ и внѣшности приличной нѣтъ на-лицо. Начнетъ человѣкъ: „*такъ какъ*“,—а объ „*то*“ позабудетъ; или начнетъ съ „*хотя*“, а ни „*тѣмъ не менѣе*“, ни „*но*“ и въ поминѣ нѣтъ. Даже многоточія въ ходъ пошли—на что похоже!

— Фельетоны такъ писать дозволительно, а не проекты-съ,—негодовалъ на дняхъ безшабашный совѣтникъ Дыба:—скажите на

милость, начали прибѣгать къ многоточію! Вѣдь многоточіе-то, государь мой, волненіе чувствъ означаетъ. А развѣ таковое приличествуетъ въ вопросѣ столь несомнѣнной важности, какъ общественное оздоровленіе?

Я не буду однакожъ разсматривать, насколько правы сѣтующіе старики, хотя вообще думаю, что они многое позабыли и весьма малому научились. Не стану также приводить примѣры полезныхъ оздоровительныхъ проектовъ, въ родѣ обузданія гласности, упраздненія судейской несмѣняемости, неограниченнаго выпуска кредитныхъ билетовъ, учрежденія элеваторовъ и т. п. Не стану, во-первыхъ, потому, что все, что я могу сказать объ этихъ предметахъ, исчерпывается слѣдующими немногими словами: можетъ быть хорошо выйдетъ; а можетъ быть и нехорошо, и даже зловредно. Я и самъ радъ бы какой-нибудь оздоровительный проектъ написать, но что же я, сидя у себя въ кабинетѣ, знаю? Чѣмъ я могу руководиться, кромѣ цифръ, въ качествѣ отправного пункта, и логики, въ качествѣ орудія для вывода? Допустимъ, что я—человѣкъ вполнѣ добросовѣстный и недюжиннаго ума, что взятая мною цифра вѣрна и что сдѣланное мною на основаніи ея построеніе вполнѣ согласно съ законами логики; но могу ли я поручиться, что не упустилъ изъ вида тѣхъ примѣсей, которыя при всякомъ практическомъ примѣненіи всплываютъ со дна жизни, вопреки всякимъ цифрамъ и построеніямъ. Насколько, напримѣръ, моя выдумка можетъ потерпѣть отъ вмѣшательства воровства, лихоимства, нравственной распатанности, неряшества или наконецъ отъ такой пустой и нелѣпой вещи, какъ провинціальный этикетъ? Я знаю, конечно, что эти дрянныя примѣси вполнѣ устранимы, а можетъ быть даже знаю, при какихъ условіяхъ онѣ устранимы (впрочемъ и тутъ не выдаю своего мнѣнія за непогрѣшимое); но до тѣхъ поръ, пока этихъ условій не существуетъ, ни о чемъ ничего сказать не могу, кромѣ: можетъ быть хорошо, а можетъ быть такъ нехорошо, что завтра же передѣлывать придется.

А во-вторыхъ, еслибы я, даже не останавливаясь передъ этими соображеніями, и началъ вкривь и вкось разсуждать, то навѣрное меня на первыхъ же шагахъ остановятъ люди болѣе меня опытные и компетентные. И хорошо сдѣлаютъ, ибо фортуна поступила со мною жестоко, отдавъ всю мудрость и опытность въ удѣлъ столоначаль-

никовъ, а мнѣ (впрочемъ, быть можетъ, и вамъ, читатель) предоставивъ бродить на помочахъ и спотыкаться.

Итакъ, область серьезнаго и дѣльнаго для меня недоступна. Я и не стараюсь проникнуть въ нее, и, право, без[illegible] взираю на вереницы коллежскихъ регистраторовъ, передъ которыми настежъ растворяется запертая для меня дверь. Я знаю, что существуетъ другая область: область нелѣпаго и смѣшного, на воротахъ которой написано: „entrée libre“, и въ которую я, вмѣстѣ съ другими профанами, могу входить вполнѣ свободно. Почему свободно?—а потому во-первыхъ, что смѣшное и несерьезно-нелѣпое предполагается исходящимъ отъ людей мизерныхъ, значенія не имѣющихъ, то-есть вообще такихъ, которыхъ можно „касаться“, не рискуя быть обвиненнымъ въ потрясеніи основъ. А во-вторыхъ и потому, что смѣшное и нелѣпое сами по себѣ настолько невинны, что и спотыкающійся, подобно мнѣ, человѣкъ ничего, кромѣ невиннаго упражненія, извлечь изъ подобной темы не можетъ.

Какъ бы то ни было, но я пользуюсь этой свободой и благодарю.

Изъ числа моихъ школьныхъ сверстниковъ, оставшихся въ живыхъ, ничей удѣлъ не кажется мнѣ столь желательнымъ, какъ тотъ, который выпалъ на долю Ѳедоту Архимедову. И выпалъ, надо сказать правду, совершенно незаслуженно, единственно благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ.

Въ школѣ мы называли Архимедова „Ѳедотъ да не тотъ“, и эта кличка удивительно къ нему шла. Что-то несвойственное въ немъ было, какая-то заколдованность, абсентеизмъ. Уроки онъ отбывалъ всегда исправно, но учителямъ почему-то казалось, что не онъ лично отвѣчаетъ урокъ, а какая-то сущая въ немъ чертовщина; велъ онъ себя добропорядочно, но надзирателямъ казалось, что эта добропорядочность въ немъ не то чтобы лицемѣрная, а какъ бы невмѣняемая. Поэтому и баллы ему, какъ въ ученіи, такъ и въ поведеніи, ставились очень умѣренные. И онъ не протестовалъ противъ несправедливости, а только при случаѣ горько улыбался; но эта горькая улыбка была до того беззавѣтно-нелѣпа, что ему тутъ же сбавляли за нее еще баллъ или два въ поведеніи,—какъ будто онъ произвелъ нѣ-вѣсть какое дебоширство. Ни съ кѣмъ онъ не былъ друженъ и ни

къ какому занятію не оказывалъ предпочтенія. Охотнѣе всего игралъ въ свайку; но и тутъ устроится въ-одиночку гдѣ-нибудь въ уголку и самъ себѣ задаетъ рѣдьки. Въ рекреаціонные часы онъ и по залѣ, и по саду ходилъ всегда одинъ, — и непремѣнно задумавшись; но никто не могъ опредѣлить, дѣйствительно ли онъ думаетъ, или у него болитъ голова. Нѣкоторые даже утверждали, что у него въ головѣ завелось мышиное гнѣздо, и приставали къ нему, спрашивая, выпросталась ли старая мышь и не безпокоятъ ли его своей бѣготней молодые мышата. Однакожъ этотъ вопросъ — только онъ одинъ — приводилъ его почти въ изступленіе. Онъ какъ бѣшеный бросался въ толпу обидчиковъ, ничего не разбирая, сыпалъ ударами направо и налѣво, швырялъ чернильницами — и, разумѣется, взаимно украшенный синяками, попадалъ, въ концѣ концовъ, въ карцеръ. Между тѣмъ какъ прочіе товарищи интересовались литературой и втихомолку зачитывались журналами, онъ въ продолженіе всего шестилѣтняго курса читалъ одинъ и тотъ же № „Репертуара" (Песоцкаго), въ которомъ былъ помѣщенъ водевиль: „Отецъ какихъ мало". Читалъ постоянно и не могъ начитаться. И въ довершеніе всего — лицо у него было похоже на подмалеванный портретъ, въ которомъ художникъ тщетно пытался что-то изобразить и наконецъ бросилъ, подписавъ внизу: „Галиматья".

По выходѣ изъ школы, онъ вмѣстѣ съ другими товарищами обязательно поступилъ на службу. Однакожъ и новое начальство довольно долго не могло приспособиться къ нему и разгадать: тотъ ли онъ Ѳедотъ, или не тотъ. Поэтому, на первыхъ порахъ, на него возлагались работы самыя легкія, такъ сказать, идіотскія: но даже и въ нихъ онъ не обнаруживалъ ни мастерства, ни виртуозности. Запишетъ, бывало, бумагу во входящій реестръ — и не безпокоится. Всѣ безпокоятся, у всѣхъ сердце болитъ, а ему какъ съ гуся вода! И, можетъ быть, служебныя дѣла его и до сего дня шли бы тихимъ ходомъ, еслибы, на его счастье, въ служебной атмосферѣ не послѣдовало новаго вѣянія. Неизвѣстно почему, но, конечно, не безъ основанія, на Ѳедотовъ явилось въ бюрократическихъ сферахъ усиленное требованіе. Отъ нихъ однихъ ожидалось усердіе не по разуму, а на ихъ непреклонность въ соблюденіи канцелярской тайны возлагались самыя горячія упованія. „Ѳедотовъ нужно! никого, кромѣ Ѳедотовъ!" раздался кличъ по всему лагерю, и въ согласность этому кличу произошли существенныя пере-

мѣны и въ томъ вѣдомствѣ, въ которомъ служилъ Архимедовъ. Старый начальникъ былъ смѣненъ, и на его мѣсто посаженъ другой — тоже Ѳедотъ да не тотъ. Оба Ѳедота любили сами себѣ свачныя рѣдьки задавать, оба—ничего не читали, кромѣ волевия: „Отецъ, какихъ мало“, и у обоихъ подъ портретомъ написано было: „Галиматья“. Взглянули они другъ на друга, да такъ и ахнули. И съ этой минуты служебная карьера Архимедова была обезпечена.

И точно, съ перваго же абцуга дѣло пошло у нихъ какъ по маслу и въ настоящее время доведено до такого совершенства, какъ дай Богъ всякому. Подчиненный-Ѳедотъ — докладываетъ, а начальникъ-Ѳедотъ — понимаетъ; начальникъ-Ѳедотъ приказываетъ, а подчиненный-Ѳедотъ понимаетъ. И не видятъ оба, какъ время летитъ. Всѣ сослуживцы дивятся и говорятъ, что они при дьявольскомъ навожденіи присутствуютъ; а имъ что̀ за дѣло!

И лѣзетъ да лѣзетъ Ѳедотъ Архимедовъ по лѣстницѣ, видѣнной Іаковомъ во снѣ, и навѣрное до чего-нибудь долѣзетъ. Въ послѣднее время онъ почти сряду получилъ три награды: къ Рождеству его сдѣлали дѣлопроизводителемъ коммиссіи для разсмотрѣнія предшествующихъ заблужденій; постомъ онъ получилъ дифтеритъ, а къ святой орденъ Такова. И живетъ себѣ припѣваючи въ великолѣпной казенной квартирѣ, и съ часу на часъ ожидаетъ курьера. А нѣкоторые даже присовокупляютъ, что онъ каждое утро казанскимъ мыломъ моется и лоделавандомъ ротъ полощетъ, дабы, въ случаѣ чего, не оплошать. Что-жъ! казанское мыло не одному Ѳедоту открывало путь къ почестямъ.

Такъ вотъ этотъ самый Ѳедотъ съ чего-то началъ ко мнѣ похаживать. Придетъ, разсядется въ креслѣ, вынетъ платокъ, опрысканный какими-то ни съ чѣмъ несообразными духами, и начнетъ вытирать имъ между пальцевъ. И чтобы я не возмечталъ о себѣ, по поводу его визита, чего-нибудь лишняго, непремѣнно скажетъ:

— Я потому къ тебѣ зашелъ, что нахожу не лишнимъ отъ времени до времени окунуться въ волны общественнаго мнѣнія...

Оговорившись такимъ образомъ, онъ начинаетъ, не торопясь, разматывать предо мной, одинъ за другимъ, нагноившіеся въ его головѣ прожекты. Прожектовъ этихъ у него нанасено ровно столько, сколько есть звѣздъ на небѣ, и хоть, по всѣмъ вѣроятіямъ, ни одному изъ нихъ не предстоитъ осуществленія (черезъ-чуръ ужъ они смѣлы),

тѣмъ не менѣе это не мѣшаетъ имъ циркулировать въ сферахъ и даже утруждать вниманіе. Ибо, при всеобщемъ современномъ оголтѣніи, Ѳедоты изображаютъ собой силу, съ которой нельзя не считаться и выслушивать которую—обязательно.

Въ большинствѣ случаевъ, эта „сила“ всплываетъ на поверхность случайно (какъ это уже и разсказано мною выше); но разъ всплывши, она устраивается настолько прочно, что сдвинуть ее съ занятой позиціи представляется дѣломъ весьма не легкимъ. Секретъ заключается въ томъ, что Ѳедоты быстро и издалека угадываютъ другъ друга и, угадавши, составляютъ изъ себя, такъ сказать, ассоціацію взаимнаго страхованія. Въ главѣ этой ассоціаціи становится Ѳедотъ первый, который гдѣ-то имѣлъ „руку“ и, слѣдовательно, считаетъ себя вправѣ колобродить, не стѣсняясь ничѣмъ, кромѣ усердія не по разуму. У перваго Ѳедота имѣетъ руку Ѳедотъ второй, у второго Ѳедота—третій и т. д. Всѣ заимствуются свѣтомъ другъ у друга и всѣ колобродятъ. Колобродятъ серьезно, сосредоточенно и сердито, такъ что ежели въ разгаръ этого колобродства подвернется профанъ и попробуетъ выказать не то чтобы несогласіе, а только равнодушіе, то ему навѣрное не сдобровать.

Въ силу такихъ счастливыхъ условій колобродилъ и Ѳедотъ Архимедовъ. Сознавая себя Ѳедотомъ по преимуществу, онъ не ограничивался тѣмъ, что разводилъ свои колобродства въ тѣсномъ кругу подобныхъ ему Ѳедотовъ, но находилъ наслажденіе угнетать ими и людей совершенно постороннихъ. А въ томъ числѣ и меня.

Всѣ кризисы постепенно прошли черезъ горнило его умономраченія, всѣ одинаково вызывали на его лицѣ озабоченное выраженіе и всѣ онъ пріурочивалъ къ одной и той же причинѣ: разнузданности. Долгое время онъ ограничивался, въ разговорахъ со мною, одними общими мѣстами на эту тему, но наконецъ не выдержалъ и раскрылъ мнѣ подробности своего плана.

— Ты уже знаешь,—сказалъ онъ мнѣ:—что, по мнѣнію моему, прежде всего необходимо уничтожить разнузданность. Разъ мы успѣемъ въ этомъ, жизнь естественнымъ порядкомъ войдетъ въ надлежащую колею. Внутреніе враги разсѣются, а съ внѣшними мы, съ Божьею помощью, и сами справимся. Надѣюсь, что ты ничего не имѣешь противъ этого результата?

Разумѣется, я не только не имѣлъ ничего, но былъ даже очень

радъ. На то враги и существуютъ, чтобы ихъ обуздывать. Но такъ какъ время нынѣ стоитъ загадочное, то и я счелъ нужнымъ отвѣтствовать загадочно. То-есть, не отрицалъ, но и безусловнаго согласія не изъявлялъ.

— Какъ тебѣ сказать, душа моя, — резонировалъ я: — можетъ быть, оно и хорошо выйдетъ, а можетъ быть и нехорошо. Обуздывать, вообще говоря, полезно и даже всегда благовременно; однако не мѣшаетъ при этомъ имѣть въ виду и слѣдующее: а что, если вдругъ понадобится снова разнуздывать?! Кто будетъ тогда виноватъ въ безвременномъ обузданіи? Но, съ другой стороны, можетъ случиться и такъ: ежели мы оставимъ разнузданность необузданною, то какъ бы потомъ не пришлось быть въ отвѣтѣ за то, что мы своевременно ее не обуздали. Словомъ сказать, все въ этомъ предпріятіи сводится къ пословицѣ: и перевернешься — бьютъ, и не перевернешься — бьютъ. Вотъ чего я боюсь.

Высказавши это мнѣніе, я вдругъ очнулся: что, бишь, такое я сказалъ? Къ счастью, Архимедовъ не только не казался изумленнымъ, но даже понялъ.

— Ты слишкомъ остороженъ, — укорилъ онъ меня. — Завѣсу будущаго приподнимать полезно, но не всегда. Есть вещи, которыя необходимо приводить въ исполненіе сразу, не разсуждая. Разсужденіе — вотъ корень угнетающаго зла. Разсуждая, я, конечно, всегда рискую встрѣтиться съ препятствіями. Сперва придетъ одно препятствіе, потомъ другое, третье и наконецъ накопится такое множество, что для разборки ихъ потребуется цѣлая коммиссія, которая послѣ десяти лѣтъ неусыпныхъ трудовъ, подобно тебѣ, резюмируетъ свою мысль въ трехъ словахъ: бабушка на-двое сказала. Но это мы ужъ давно знаемъ: это написано въ видѣ эпиграфа во главѣ всѣхъ нашихъ начинаній, и, къ сожалѣнію, мы нимало не дѣлаемся отъ него благополучны. Намъ нужно совсѣмъ другое, а именно: отзвонилъ, и съ колокольни долой. Правду ли я говорю?

— Какъ тебѣ сказать, мой другъ?.. Быть можетъ, безъ разсужденія, выйдетъ хорошо, но можетъ быть и нехорошо. А равнымъ образомъ — и насчетъ звону. Иной звонарь бухаетъ въ колоколъ зря, а другой — старается попасть въ тонъ... Словомъ сказать, загвоздка.

Но онъ даже не отвѣтилъ на мое возраженіе, а самодовольно выпрямился и сказалъ:

— Ну, ужъ насчетъ звону... можешь не безпокоиться: слишкомъ тридцать-пять лѣтъ я звоню, и, кажется... Но не будемъ увлекаться голословными препирательствами, а обратимся къ фактамъ, которые, я надѣюсь, лучше всякихъ разсужденій убѣдятъ тебя въ моей правотѣ.

И тутъ-то вотъ онъ, пунктъ за пунктомъ, развилъ передо мной свой проектъ объ уничтоженіи разнузданности.

По его мнѣнію, наша современность представляла два главныхъ вмѣстилища разнузданности: во-первыхъ, современную молодежь; во-вторыхъ, печать. Онъ не отрицалъ впрочемъ, что если копнуть, то могутъ открыться и еще два-три вмѣстилища (напримѣръ: земство, судъ, акцизное вѣдомство, контроль), но покуда еще позволялъ себѣ смотрѣть сквозь пальцы на ихъ „недостойную игру“. За то на вопросахъ о молодежи и печати онъ сосредоточилъ все свое вниманіе и изучилъ ихъ до тонкости.

— Относительно нашей молодежи,—началъ онъ:—я полагаю, что прежде всего необходимо упорядочить ея воспроизведеніе...

И прочитавъ на моемъ лицѣ испугъ, поспѣшилъ успокоить меня.

— Не прекратить—я соглашаюсь, что это было бы черезъ-чуръ радикально—но „упорядочить“. Не пугайся и выслушай меня до конца. Наблюденія свѣдущихъ людей показываютъ намъ съ послѣднею очевидностью, что качества, какъ физическія, такъ и нравственныя, наслѣдственно переходятъ отъ производителей къ производимымъ. Какимъ образомъ это происходитъ—никому неизвѣстно; но таковъ законъ природы. Отецъ, обладающій большимъ носомъ, передаетъ его по наслѣдству сыну, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ несчастію, и дочери. Точно то же явленіе замѣчается и относительно характера (особенно ежели характеръ строптивъ), и ежели бываютъ исключенія изъ этого общаго правила, то они доказываютъ лишь вмѣшательство постороннихъ факторовъ, котораго никакой законъ не предотвратить, ни предусмотрѣть не можетъ. Слѣдовательно, дабы получить молодое поколѣніе, вполнѣ соотвѣтствующее требованіямъ благоустройства и благочинія, необходимо главнѣйшимъ образомъ упорядочить производительную среду. Но гдѣ мы отыщемъ эту среду? Ежели мы будемъ искать ее среди нашихъ сверстниковъ, то врядъ-ли поиски наши приведутъ къ плодотворному результату. Мы, старики, свое дѣло сдѣлали. Что съ возу упало, то пропало. Тщетно стараться

объ упорядоченіи того, что̀ самою природою до такой степени упорядочено, что можетъ сказать о себѣ только: на нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, найдутся и среди насъ... между прочимъ, не скрою и о себѣ... но это уже, такъ сказать, особливое благоволеніе природы, на которое законъ смотритъ какъ на явленіе въ высшей степени пріятное, но не обязательное... Не правда ли, mon vieux? такъ вѣдь я говорю?

— То-есть, какъ тебѣ сказать... Конечно, въ такихъ дѣлахъ молодые люди болѣе компетентны, но, съ другой стороны, ежели взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія осмотрительности...

— Ну, ну, что̀ ужъ! не оправдывайся, Богъ проститъ! Итакъ, продолжаемъ. Истинная производительная сила, та, которая производитъ обязательно и съ увлеченіемъ, сосредоточивается въ самомъ молодомъ поколѣніи. И вотъ отъ этой-то именно силы, то-есть отъ ея доброкачественности или недоброкачественности, и зависятъ судьбы будущаго. Или, говоря языкомъ науки: „всякій молодой человѣкъ, воспроизводящій въ лицѣ ребенка подобіе самого себя, не только удовлетворяетъ этимъ естественной склонности къ самовоспроизведенію, но въ то же время вліяетъ и на дальнѣйшія судьбы своего отечества“. Это аксіома, или, лучше сказать, краеугольный камень, на которомъ долженъ произрасти цвѣтъ будущаго. Заручившись этимъ основаніемъ, я говорю себѣ: такъ какъ составъ и свойство грядущихъ поколѣній находятся въ тѣсной зависимости отъ состава и свойствъ нынѣ дѣйствующаго молодого поколѣнія, то, дабы усовершенствовать первое, необходимо произвести въ послѣднемъ такой подборъ людей, который представлялъ бы несомнѣнное ручательство въ смыслѣ благонадежности. Или, говоря языкомъ науки, необходимо, наряду съ прочими возникшими въ послѣднее время институтами, образовать еще институтъ племенныхъ молодыхъ людей, признавъ чисто правоспособными только тѣхъ молодыхъ людей, кои добрымъ поведеніемъ и успѣхами въ древнихъ языкахъ (а на первое время хотя бы въ одномъ изъ нихъ,—прибавилъ онъ снисходительно) окажутся того достойными; тѣмъ же, которые подобнаго ручательства не представятъ, доказывать свою правоспособность отъ дѣла сего особо. Такъ ли я говорю?

— Какъ бы тебѣ сказать...

— Позволь. Твоя рѣчь впереди,—перебилъ онъ меня нетерпѣ-

ливо.—Прошу замѣтить, что я ни экзаменовъ, ни пробныхъ лекцій, ничего такого не требую. Хорошо велъ себя въ школѣ, знаешь наизусть двѣ-три басни Федра (но надобно знать ихъ твердо, мой другъ!) —иди и шествуй! Хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Наше вѣдомство не токмо не встрѣтитъ препятствій, но даже окажетъ дѣятельнѣйшее въ семъ смыслѣ содѣйствіе. И еще замѣть: я и строптиваго не обезкураживаю. Я, такъ сказать, только отчисляю его по инфантеріи, но не навѣчно, ибо въ то же время говорю: старайся оправдаться, и ежели представишь подлинное удостовѣреніе—дерзай! И чѣмъ больше будетъ раскаивающихся, тѣмъ полнѣе будетъ наша радость. Одного не могу допустить и не допущу: это—чтобъ элементы неблагонадежные или сомнительные могли проникнуть въ корпорацію правоспособныхъ... нѣтъ! не допущу!

— Но неужели же тѣ, которые, по упорству или по нерадѣнію, все-таки не выучатъ двухъ-трехъ басенъ Федра,—неужели они будутъ навсегда осуждены влачить безотрадное существованіе по инфантеріи?

— Всенепремѣнно; въ этомъ заключается вся экономія предлагаемаго мною проекта. Впрочемъ не огорчайся; вѣдь это только издали кажется страшно; но какъ только дѣло дойдетъ до практики, то опасенія твои навѣрное дойдутъ до минимума. Инстинктъ самовоспроизведенія настолько силенъ въ человѣкѣ, что даже самые строптивые будутъ прилагать старанія къ скорѣйшему духовному и нравственному возрожденію. А сверхъ того, право, не такъ ужъ трудно выучить двѣ-три басни Федра, чтобъ изъ-за этого подвергать себя столь существенному лишенію. Немного терпѣнія и очень много твердости со стороны наблюдающихъ—и ты увидишь, что въ самое короткое время за кадрами останутся только закоснѣлые.

— Но ежели...

— Никакихъ „ежели“ въ проектѣ моемъ не допускается. Вопросъ поставленъ ясно и категорически, а сверхъ того, чтобы кадры не номинально только, а дѣйствительно оставались замкнутыми, имѣется въ виду неусыпное наблюденіе и строго соображенная система взысканій. Прорваться не будетъ возможности. Сначала, конечно, въ отношеніи къ покушающимся, будутъ пущены въ ходъ мѣры кротости и убѣжденія, потомъ—взысканія, постепенно усиливаемыя, наконецъ...

— Ахъ!

— И я знаю, что жестоко, но иначе нельзя. И ты увидишь, что, благодаря содѣйствію племенныхъ молодыхъ людей, слѣдующее же поколѣніе получитъ совсѣмъ другую окраску. О разнузданности не будетъ и въ поминѣ, а ежели и останутся отдѣльные индивидуумы, имѣющіе унылый и недоброкачественный видъ, то они мало-по-малу изноютъ сами собой.

Онъ умолкъ и самонадѣянно смотрѣлъ на меня, выжидая одобренія. Но любопытство мое настолько было задѣто за живое, что я уже и самъ пожелалъ нѣкоторыхъ поясненій.

— Но мужички,—спросилъ я:—неужели и они...

— О, нѣтъ! до нихъ мой проектъ не касается! — разубѣдилъ онъ меня:—крестьянское сословіе можетъ плодиться и множиться на прежнихъ основаніяхъ! Для усмиренія крестьянской разнузданности существуютъ спеціальныя установленія: волостная управа, волостные суды, клоповники и наконецъ... чикъ-чикъ! Этого вполнѣ и надолго будетъ достаточно... разумѣется, если какая-нибудь коммиссія и тутъ не подпуститъ... Но какъ ты находишь мой проектъ въ цѣломъ? не правда ли, онъ въ настоящую точку бьетъ?

— Какъ тебѣ сказать? Конечно, можетъ выйти хорошо, но можетъ выйти и нехорошо. Вѣдь Рыковъ думалъ:—дай-ка я оживлю земледѣліе и торговлю, — и, разумѣется, ждалъ, что выйдетъ хорошо. Однако теперь онъ за свою выдумку сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ. А почему?—потому что это была его личная выдумка, которою онъ увлекся, да что-нибудь и упустилъ... А можетъ быть и подпустилъ...

— Рыковъ! — какія однакожъ у тебя тривіальныя сравненія?

— Ахъ, нѣтъ, я не объ томъ... Я говорю только: если у тебя все пойдетъ какъ по маслу, то выйдетъ хорошо; если же, напримѣръ, люди, зачисленные по инфантеріи, прорвутся въ дѣйствующіе кадры, хотя бы даже въ качествѣ посторонней стихіи... Ну, не сердись! не сердись! это я по простотѣ... Навѣрное ты уже все заранѣе предуготовилъ и предусмотрѣлъ, и слѣдовательно... Отлично выйдетъ! отлично! Одно только меня интригуетъ: какимъ путемъ ты додумался до такой изумительной комбинаціи? Ужасно это любопытно!

— Какимъ путемъ! — Наблюдалъ, размышлялъ, прислушивался, сопоставлялъ... Свои личныя наблюденія провѣрялъ наблюденіями добрыхъ друзей — и наоборотъ. Я, голубчикъ, еще въ то время, когда

реформы только-что начались, уже о многомъ думалъ. И многое предусмотрѣлъ и даже предупреждалъ, но... Впрочемъ оставимъ эти дурныя воспоминанія и обратимся къ предмету нашего собесѣдованія. Теперь мнѣ предстоитъ изложить мои предположенія относительно другого вмѣстилища современной разнузданности—печати.

Ѳедотъ остановился и испытующе взглянулъ на меня. Очевидно, онъ вспомнилъ, что я до извѣстной степени не чуждъ печати, и это какъ будто стѣснило его. Разумѣется, я поспѣшилъ его разувѣрить.

— Итакъ, будемъ откровенны!—началъ онъ.—Впрочемъ это будетъ для меня тѣмъ легче, что, въ сущности, я совсѣмъ не врагъ печати, а только желаю, такъ сказать, оплодотворить ее.

Онъ опять остановился и, какъ бы предвидя, что все-таки нельзя обойтись безъ того, чтобъ не огорчить меня, взялъ мою руку и крѣпко, по-товарищески, ее сжалъ.

— Да не стѣсняйся, голубчикъ! говори! — убѣждалъ я, растроганный до глубины души.

— Итакъ, будемъ откровенны,—вновь началъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія.—Не безъизвѣстно тебѣ, что въ настоящее время печать служитъ предметомъ очень тяжкихъ обвиненій. Я считаю впрочемъ излишнимъ излагать здѣсь многообразную сущность этихъ обвиненій; она извѣстна тебѣ, по малой мѣрѣ, столь же подробно, какъ и мнѣ. Нельзя похвалить современную печать, мой другъ, нельзя! И хотя я стараюсь быть безпристрастнымъ, но во всякомъ случаѣ не могу не признать, что дѣло поставлено очень и очень неправильно! И я увѣренъ, что ты самъ внутренно соглашаешься со мной, хотя, конечно, по чувству солидарности, и не высказываешь... Признайся! вѣдь соглашаешься? а?

— Что-жъ, коли тебѣ все ужъ извѣстно...

— Ну, вотъ видишь! я такъ и зналъ! Есть что-то такое въ этой печати, чего ни подъ какимъ видомъ нельзя допустить. И даже въ самой формѣ. Вызывающее что-то... дерзкое! А притомъ и не всегда понятное. Вотъ почему многіе заявляютъ открыто, что печать слѣдуетъ или совсѣмъ упразднить, или, по малой мѣрѣ, надѣть на нее намордникъ!

— Намордникъ!!

— Да, намордникъ. И замѣть, это говорятъ люди, которые въ общежитіи слывутъ за людей обязательныхъ, мягкихъ и вѣжливыхъ.

Они мягки и обязательны во всемъ... кромѣ литературы! Какъ только рѣчь коснется литературы... намордникъ! Я однакожъ этого мнѣнія н-не раз-дѣ-ля-ю!

Онъ произнесъ послѣднія слова съ нѣкоторою торжественностью, такъ что я не воздержался и воскликнулъ:

— Ѳедотъ! ты великодушенъ!

— Я только справедливъ,—отвѣтилъ онъ томно. — Тѣмъ не менѣе, не раздѣляя мнѣнія столь крайняго, я въ то же время понимаю, что мѣры необходимы, и мѣры рѣшительныя. И имѣю основаніе думать, что такія мѣры... возможны!

— О!

— Не пугайся, выслушай меня. Вѣроятно ты ужъ замѣтилъ, что въ основѣ всѣхъ моихъ предположеній лежитъ, главнымъ образомъ, не упраздненіе, а упорядоченіе. Или, лучше сказать, возрожденіе. Такъ поступаю я и въ данномъ случаѣ. Многіе противопоставляютъ моей системѣ спасительный страхъ, но я нахожу, что послѣдній уже въ значительной мѣрѣ утратилъ свое обаяніе. Съ самаго пришествія варяговъ мы живемъ подъ дѣйствіемъ спасительнаго страха, а дурныя страсти, какъ были разнузданы при Гостомыслѣ, такъ и теперь остаются разнузданными. Другъ мой! что̀ пользы въ томъ, что мы, подобно Сатурну, будемъ глотать своихъ дѣтей?! Проглотимъ одного, проглотимъ другого, третьяго, четвертаго... что̀ жъ дальше? Не расточать надобно, а собирать въ житницы—вотъ мой девизъ. Этотъ девизъ, какъ тебѣ извѣстно, я примѣнилъ къ той части моего проекта, которая касается нашей молодежи; его же предполагаю примѣнить и къ печати.

— О!

— Вотъ вкратцѣ содержаніе моихъ предположеній по этому предмету. Печать, говорю я, сама по себѣ не могла бы существовать, еслибы не существовало дѣятелей печати. Ежели дѣятели печати хороши, то и печать хороша; ежели дѣятели дурны или вредны, то и печать дурна или вредна. Это... аксіома. А ежели это аксіома, то очевидно, что сущность или, такъ сказать, стрѣла всякаго проекта, написаннаго въ здравомъ умѣ и твердой памяти, должна быть направлена не противъ печати собственно, а противъ ея дѣятелей. Такъ оно у меня и выходитъ. Дѣятелей печати я раздѣляю на два разряда: къ первому отношу современныхъ литераторовъ и публици-

стовъ; ко второму — публицистовъ и литераторовъ будущаго. Что касается первыхъ, то на ихъ возрожденіе надежда плохая. Они слишкомъ закоснѣли въ дурныхъ привычкахъ, слишкомъ избалованы. Поэтому я полагаю удобнѣйшимъ оставить ихъ подъ дѣйствіемъ спасительнаго страха, подъ коимъ они до-днесь пребывали, не чувствуя оттого для себя отягощенія...

— Ну, не совсѣмъ-таки безъ отягощенія...

— Извини меня, но со стороны господъ писателей это уже прихоть! Все вамъ предоставлено, все! И предостереженія, и предупрежденія, и совѣты! Если же и затѣмъ... согласись со мной, что самая снисходительная система дальше идти не можетъ, не рискуя попасть пальцемъ въ небо. Впрочемъ повторяю: на нынѣшній составъ литературы я и не полагаю никакихъ надеждъ. Alea jacta est. Что будетъ, то будетъ, а будетъ, что Богъ дастъ. Намордниковъ я не предлагаю, но думаю, что сама природа наконецъ возмутится и явится на помощь къ благонамѣреннымъ людямъ съ естественной развязкой. Уже достаточное количество сошло съ арены; остальные... не замедлятъ! Жалко, но дѣлать нечего — таковъ законъ природы! Ну-съ, а затѣмъ прошу тебя выслушать меня внимательно, потому что я приступаю.

— Съ большимъ удовольствіемъ, хотя я не могу не сказать, что мнѣніе твое насчетъ современной литературы...

— Ни слова объ этомъ. Ежели я не требую намордниковъ, то и идти дальше по пути послабленій нимало не желаю. Словомъ сказать, я возлагаю упованіе на будущее. Въ этихъ видахъ я связываю мои предположенія о возрожденіи печати съ проектомъ объ упорядоченіи молодого поколѣнія вообще. Ты видѣлъ, какъ нетрудно и даже легко достигается послѣднее, а по послѣднему можешь судить и о первомъ. Какъ скоро образуется, благодаря содѣйствію племенныхъ молодыхъ людей, молодое поколѣніе, усовершенствованное и очищенное отъ неблагонадежныхъ элементовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ получатся и питательные кадры, изъ которыхъ имѣютъ пополняться ряды дѣятелей печати. Но здѣсь — какъ впрочемъ и вездѣ — возникаютъ нѣсколько очень существенныхъ вопросовъ, которые необходимо разрѣшить впередъ. Вопросъ первый: слѣдуетъ ли сдѣлать входъ въ литературную среду общедоступнымъ? Или полезнѣе будетъ ограничить число дѣятелей печати опредѣленнымъ комплектомъ? Я долго коле-

бался между этими двумя системами, но, по обсужденіи доводовъ pro и contra, пришелъ къ такому заключенію: первая хороша—вообще, вторая—въ частности. А такъ какъ наше время — не время широкихъ задачъ, то хотя и съ болью въ сердцѣ, но приходится предпочесть частное общему. Въ этихъ видахъ я полагалъ бы на первыхъ порахъ комплектъ дѣйствующихъ литераторовъ ограничить числомъ 101. Сто—это потребность настоящаго; одинъ—это, такъ сказать, окно, изъ котораго открываются перспективы будущаго. Гдѣ есть одинъ, тамъ есть начало новой сотни, или по крайней мѣрѣ надежда на оную — вотъ! Или, говоря точнѣе, я не только не закрываю дверей будущаго, но, напротивъ, приглашаю достойнѣйшихъ: идите! вотъ этотъ *сто-первый* укажетъ вамъ путь къ славѣ!

— Прекрасно!—воскликнулъ я.—Стало быть, ты все-таки сознаешь, что и литературѣ не чуждъ путь славы!..

Но онъ вмѣсто отвѣта только махнулъ рукою и продолжалъ:

— Второй вопросъ касается организаціи. Не имѣя въ виду прецедентовъ, которые указывали бы, какъ въ данномъ случаѣ поступить, я былъ вынужденъ довольствоваться собственною изобрѣтательностью. И посему полагалъ бы: сто русскихъ литераторовъ раздѣлить на десять отрядовъ, по десяти въ каждомъ, а сто-первому литератору предоставить переходить по очереди изъ одного отряда въ другой до тѣхъ поръ, пока время не укажетъ на необходимость образованія новаго, одиннадцатаго отряда, къ которому онъ и примкнетъ. Во главѣ этихъ отрядовъ, на первое время, я предполагаю поставить старѣйшинъ изъ числа дѣятелей современной русской литературы, но исключительно изъ такихъ, которые, по преклонности лѣтъ, уже мышей не ловятъ. При этомъ я отдалъ бы предпочтеніе составителямъ хрестоматій, которымъ, по свойству ихъ занятій, всѣ роды литературы доступны. Когда все будетъ готово, тогда, по совершеніи молебствія и по воспослѣдованіи пригласительнаго сигнала, отряды начнутъ между собой полемику. Но полемику благородную и притомъ сливающуюся въ одномъ общемъ чувствѣ признательности.

Онъ остановился, чтобы передохнуть, и я воспользовался этимъ, чтобы слегка походатайствовать.

— Вотъ ты упомянулъ о старѣйшинахъ, — робко инсинуировалъ я:—вотъ кабы...

— Имѣю въ виду,—обнадежилъ онъ меня кратко. — Затѣмъ

продолжаю. Вопросъ третій: слѣдуетъ ли членамъ литературныхъ отрядовъ присвоить штатное содержаніе, или же удобнѣе считать ихъ занятія безмездными? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ трояко: одни —въ утвердительномъ смыслѣ; другіе—въ отрицательномъ и наконецъ третьи говорятъ: слѣдуетъ, но въ видѣ частнаго пособія и притомъ келейно. Отрицательной системы я не допускаю вовсе, потому что она до извѣстной степени подрываетъ принципъ отвѣтственности, и притомъ уже доказала на дѣлѣ свою несостоятельность. Систему келейныхъ пособій я тоже не могу одобрить, потому что она, страдая тѣмъ же недостаткомъ, какъ и система отрицательная, имѣетъ сверхъ того и еще неудобство: такъ-называемыя субсидіи стоютъ казнѣ, по малой мѣрѣ, столь же дорого, какъ и гласно-выдаваемое жалованье. Затѣмъ остается система утвердительная, которую я и принимаю. Но что касается размѣра предполагаемыхъ содержаній, то таковой поставленъ мною въ зависимости отъ состоянія бюджета. Хорошъ бюджетъ — и жалованье хорошо; дуренъ бюджетъ — нѣтъ ничего. Но расписываться въ полученіи, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ—обязательно.

— Вотъ-то будутъ о ниспосланіи хорошаго бюджета Бога молить!—невольно вырвалось у меня.

— Га! ты понялъ теперь, въ чемъ заключается соль моего проекта! Вотъ это-то именно мнѣ и нужно. Да-съ, перестанутъ господа публицисты хихикать надъ бюджетомъ! перестанутъ-съ! будутъ Бога молить-съ! Но пора кончить. Остается четвертый и послѣдній вопросъ: какому порядку надлежитъ слѣдовать въ видахъ пополненія отрядовъ, какъ при образованіи ихъ, такъ и на случай убылей? На это я отвѣчаю кратко: тѣ же правила, какія проектированы мною для признанія правоспособности молодыхъ людей, могутъ быть примѣнены и здѣсь. Въ средѣ племенныхъ молодыхъ людей дѣятели печати составятъ какъ бы status in statu; это будутъ дѣятели племенные по преимуществу. Только одно лишнее требованіе я считаю полезнымъ допустить—это знаніе латинскихъ пословицъ и изреченій. Знаніе это сообщаетъ слогу колоритность, а писателю даетъ видъ, какъ будто онъ нѣчто знаетъ, но только не все сказать хочетъ. Затѣмъ остальное—пускай устроитъ жребій!

Онъ кончилъ и заторопился. На этотъ разъ онъ даже не поинтересовался моимъ мнѣніемъ: до такой степени рельефно выступала

въ его сознаніи непререкаемость проекта. Впрочемъ онъ обѣщалъ невдолгѣ вновь меня посѣтить и изложить мнѣ свои проекты относительно упорядоченія судовъ и земства.

— А при этомъ, быть можетъ, придется [illegible] и элеваторовъ, — присовокупилъ онъ, загадочно подмигнувъ мнѣ глазомъ.

Письмо четвертое.

Чтобы „Пестрыя письма“ во истину оправдывали это названіе, позвольте мнѣ сдѣлать небольшую экскурсію въ область прошлаго.

До „катастрофы“, моя сосѣдка, добрая Арина Михайловна Окѣнцева, жила очень смирно. Къ этому времени ей было ужъ за тридцать, а мужу ея, Севастьяну Игнатьичу, годомъ-двумя побольше. Имѣніе у нихъ было изъ среднихъ—по старому счету, душъ триста; но, какъ люди старозавѣтные и неприхотливые, они довольствовались и малымъ. А такъ какъ, сверхъ того, они изъ деревни не выѣзжали, то это малое настолько граничило съ изобиліемъ, что домъ Окѣнцевыхъ представлялъ собой полную чашу, въ которой все говорило о запасливости и предусмотрительности домовитой хозяйки.

И мужъ, и жена жили душа въ душу. Она взяла на себя всѣ хлопоты по домашнему обиходу и по управленію имѣніемъ; на немъ —лежала только сладкая обязанность любить ее. Восемнадцати лѣтъ Арина была бодрою, свѣжею и сильною дѣвушкой; такою же казалась она Севастьяну Игнатьичу и въ тридцать лѣтъ, хотя значительно пошла въ кость, обзавелась усиками и фигурой скорѣе напоминала солидно скроеннаго мужчину, нежели деликатную даму. Съ своей стороны, и Севастьянъ Игнатьичъ, въ глазахъ Арины Михайловны, оставался все тѣмъ же обаятельнымъ гусаромъ, какимъ онъ былъ, когда впервые пропѣлъ передъ нею модный въ то время романсъ: „Гусаръ, на саблю опираясь“, хотя черезъ пятнадцать лѣтъ, благодаря усиленной выкормкѣ, онъ скорѣе напоминалъ среднихъ лѣтъ сотника, нежели лихого корнета. Время не наложило своей всевластной руки на ихъ взаимныя отношенія. Какъ въ первую, такъ и въ послѣднюю минуту, оба помнили и понимали одно: онъ—что она Арина, она—что онъ Савося. И что лучшаго ничего они не выдумаютъ, какъ любить другъ друга.

Богатствъ у нихъ не было, но не было и затѣй, которыя заставляли бы чувствовать отсутствіе богатства. Было все „свое“, и въ этомъ „своемъ“ они себѣ не отказывали. Своя живность, свое варенье, свои наливки, свои смоквы, свое тепло, свой просторъ. Все некупленное и притомъ являющееся какъ будто само собой, безъ усилій, безъ думы, точно волна за волной плыветъ, а за этой волной и еще волна видиѣется. Поѣсть захотятъ — поѣдятъ; посидѣть захотятъ — посидятъ, а не то такъ и походятъ. Пріемовъ они не дѣлали и съ гостями скучали (глаза при гостяхъ у нихъ слипались), хотя отъ хлѣбосольства не отказывались. Всего охотнѣе, по случаю всегдашней взаимной любви, они оставались съ-глазу-на-глазъ, вдвоемъ.

Встанутъ, бывало, часовъ въ восемь утра, Ариша по хозяйству исчезнетъ, а Савося временно останется одинъ въ цѣлой анфиладѣ комнатъ. Посидитъ онъ и походитъ, какъ вздумается: иногда подумаетъ, а иногда и такъ въ окошко поглядитъ; и во всякомъ случаѣ чего-нибудь покушаетъ („пить“ она ему дозволяла только одну рюмку водки передъ обѣдомъ). Но пройдетъ часъ, другой, и онъ уже начинаетъ просовывать голову въ корридоръ, выглядывая, не пройдетъ ли мимо Ариша. И, разумѣется, поймаетъ.

— Ариша! ты?

— Ахъ, ты мо-о-ой!

Поцѣлуются, и опять каждый за дѣло. Опять пройдетъ часъ, другой...

— Ты, что-ли, Ариша?

— Ахъ, ты мо-о-ой!

И не увидятъ, какъ день пролетитъ. А вечеромъ, еще восьми часовъ на дворѣ нѣтъ, Савося ужъ начинаетъ торопиться. Перестанетъ ходить и усядется въ кресло, точно нѣвѣсть какъ уморился. Увидѣвъ Савосю въ этомъ положеніи, Арина Михайловна и съ своей стороны начинала спѣшить. Заказавши завтрашнюю ѣду, она шла къ мужу и говорила:

— Что, пѣтушокъ, къ курочкѣ подъ крылышко баиньки собрался?

Словомъ сказать, тѣмъ горячѣе они любили другъ друга, что и любовь у нихъ была „своя“, не купленная. Но въ особенности преданно и горячо любила она. Почему-то она предполагала, что Савося, какъ бывшій гусаръ, долженъ имѣть вкусы изысканные. А такъ

какъ она съ каждымъ годомъ все больше и больше шла въ кость, то и ставила мужу въ большую заслугу, что онъ, несмотря на это, не только ни разу ей не измѣнилъ, но никогда ни на одну горничную завистливымъ окомъ не взглянулъ.

— Что я такое—мужикъ мужикомъ!—открывалась она ключницѣ Платонидушкѣ:—кожа на мнѣ словно голенище выростковое, на рукахъ—мозоли, на ногахъ—сапожищи! Ты думаешь, онъ этого не понимаетъ?—Понимаетъ, мой другъ! ахъ, какъ понимаетъ! И ему, голубчику, любовинки-то хочется! И чтобы бѣленькая, и чтобы нѣженькая... А онъ, вмѣсто того, одну меня, бабу-чернавку любитъ. Должна ли я это цѣнить?

И вознаграждала Савосю за любовь тѣмъ, что окружала его всевозможными попеченіями. Вѣтру не давала на него вѣнуть, любимыя его блюда наперечетъ знала и нарочно по корридору лишній разъ пробѣгала (хотя дѣла у нея всегда по горло было) на случай, не выглянетъ ли Савося изъ комнатъ.

Дѣтей имъ Богъ не далъ, копить было не для кого. Такимъ образомъ, они имѣли полную возможность жить исключительно для себя. Конечно, божьяго добра зря не транжирили, но и не скопидомствовали, а только всемѣрно другъ друга холили, чувствуя, какъ мягко подхватываетъ ихъ волна за волной, и зная напередъ, что и конца этимъ ласкающимъ волнамъ не предвидится.

И крестьяне и дворовые не могли нахвалиться ими; говорили: „у насъ не господа, а ангелы“. Никого они не обременяли ни непосильной работой, ни оброками, а довольствовались тѣмъ и другимъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было нужно, чтобъ въ господскомъ домѣ полная чаша была.—И чтобы не въ однихъ господскихъ покояхъ, но и въ застольной, и на скотномъ и конномъ дворахъ—вездѣ чтобы изобиліе и сытость царствовали. Чтобы дѣвка — такъ дѣвка, корова—такъ корова, пѣтухъ—такъ пѣтухъ,—вотъ у насъ какъ!

Денегъ въ домѣ Окоицевыхъ въ обращеніи мало водилось. Было у Арины Михайловны „маменькино приданое“, но оно хранилось въ „Совѣтѣ“, и проценты ежегодно присовокуплялись къ капиталу. Что касается до текущаго дохода, то онъ почти всецѣло получался натуральными произведеніями, изъ которыхъ только малая часть поступала въ продажу. Вообще на деньги Окоицевы смотрѣли какъ на

что-то исключительное, волшебное, долженствующее придти на выручку въ „черный день“. Для обихода, на наличныя деньги пріобрѣталась только бакалея и матеріалъ для одежды, и все „покупное“ расходовалось до крайности разсчетливо и даже скупо. Кассой завѣдывалъ Севастьянъ Игнатьичъ, который приходилъ въ неописанное волненіе всякій разъ, когда по хозяйству предстоялъ денежный расходъ. Раза два въ годъ онъ усчитывалъ себя, и ежели оказывался излишекъ, то супруги уѣзжали на короткое время въ Москву (въ „Совѣтъ“), гдѣ Севастьянъ Игнатьичъ велъ переговоры съ приказными, что-то „вынималъ“ и что-то „клалъ“, но при этомъ велъ свои операціи въ такомъ секретѣ, что ни одинъ сосѣдъ не пронюхалъ, что у Окóнцевыхъ пахнетъ деньгами, и не попросилъ взаймы.

Это была идиллія, содержаніе которой не разнообразилось даже проявленіями такъ-называемыхъ патріархальныхъ отношеній. Сосѣди-помѣщики смѣялись надъ неповрежденной годами страстностью счастливыхъ супруговъ и сочиняли по этому поводу пикантные анекдоты; но Окóнцевы жили такою замкнутою жизнью, что никакое судаченье не доходило до нихъ. За то имъ довольно часто приходилось выслушивать реприманды по поводу слабаго управленія крѣпостными людьми. Время тогда было серьезное и предусмотрительно во всѣхъ частяхъ согласованное. Человѣкъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ сатанина сосуда, который надлежало держать тщательно закупореннымъ, такъ какъ, при малѣйшей оплошности, сатана выскочитъ и начнетъ чертить. Но ежели таково было представленіе о человѣкѣ вообще, то по отношенію къ крѣпостному человѣку оно являлось уже совсѣмъ непререкаемымъ. Окóнцевыхъ предостерегали (преимущественно съ точки зрѣнія дурного примѣра), предсказывали, что они и сами раскаются, но будетъ поздно, и спеціально указывали на Макарку-идола, который отъ корму да отъ праздности, того гляди, съ жиру лопнетъ. Послѣ подобныхъ увѣщаній Савося нерѣдко задумывался и прищуривалъ одинъ глазъ, какъ бы искушаемый вопросомъ: не вспрыснуть ли Макарку-идола, чтобы ходилъ веселѣе? Но Ариша замѣчала эту задумчивость и успокаивала мужа однимъ словомъ: „пустяки“. Никогда даже колебаній по этому поводу ей на умъ не входило.

— Дѣтей намъ Богъ не далъ, — говорила она: — чего захочется,

и безъ тиранства всего у насъ вдоволь; а они натко что̀ выдумали: людей ти́госить!

И жили они среди этой идилліи, забытые не только исправникомъ, но даже становымъ приставомъ, жили счастливые довольные, сытые... до самаго дня „катастрофы“.

Слухи о приготовленіи къ „катастрофѣ“ дошли до нихъ поздно. Сельскій батюшка за третнымъ жалованьемъ въ городъ поѣхалъ и засталъ тамъ большой съѣздъ. А на постояломъ дворѣ ему сказали, что дворяне съѣхались, потому что имъ дозволено насчетъ „воли“ просить. Но Окòнцевы не вдругъ повѣрили, а истолковали съѣздъ дворянъ въ томъ смыслѣ, что, какъ прежде бывало, „пошушукаются, пошушукаются дворняжки, да и разъѣдутся“. Однакожъ, мѣсяца черезъ два, пришла изъ губерніи печатная разграфленная бумага на имя Арины Михайловны Окòнцевой, владѣлицы сельца Присыпкина съ деревнями. Требовали статистику.

— Статистику требуютъ, — сказалъ Севастьянъ Игнатьичъ, прочитавши бумагу:—вотъ, прочти!

Арина прочла и поблѣднѣла.

— Разорвать, что-ли?—предложилъ онъ рѣшительно.

— Разорви! отвѣтила она, не задумавшись.

Это было первое открытое неповиновеніе властямъ, которое Севастьянъ Игнатьичъ позволилъ себѣ въ теченіе всей своей мирной жизни. Разорвавши бумагу и предавши клочки сожженію, онъ повидимому успокоился; но спокойствіе это было только наружное. Ни онъ, ни Арина Михайловна уже *не могли забыть*. Домашній обиходъ не измѣнился, но въ сердца заползъ страхъ будущаго. „Отнимутъ!“ —неотступно мелькало въ умѣ Севастьяна Игнатьича, и ему казалось, что стѣны господскаго дома, въ которомъ росла и провела жизнь его Арина (имѣніе было ея, а онъ только свою красоту въ домъ принесъ), начинаютъ колебаться. „Отнимутъ!“ шептала, съ своей стороны, и Арина Михайловна и автоматически вперяла взоръ въ Платонидушку, словно думая: „вотъ она, эта самая птица... вотъ она, сейчасъ полетитъ!“

Такъ и не написалъ Савося статистики.

— Никакой я бумаги не получалъ! врете вы! — малодушно отпирался онъ, когда становой приставъ напоминалъ ему о скорѣйшемъ отвѣтѣ.

— Вамъ же хуже будетъ, Севастьянъ Игнатьичъ! — уговаривалъ его становой: — теперича въ губерніи господа собрались; стараются, какъ бы для господъ помѣщиковъ получше сдѣлать — ну, и надобно, значитъ, все по сущей правдѣ показать. Земля, молъ, черноземъ, луга — человѣка въ травѣ не видать, а опричь того тальки, грибы, куры, бараны — покорно прошу вознаградить!

— А они, вмѣсто награжденья-то, обложеніемъ пожалуютъ...

— Помилуйте! какимъ же манеромъ?

— Да безъ всякаго манера — такъ. Коли у васъ черноземъ, скажутъ, такъ пожалуйте по рублику серебрецомъ съ десятинки! да съ луговъ, да съ талекъ, да съ куръ... Да еще за фальшь, за то, что ты глину за черноземъ показалъ... пожалуйте!

Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что многіе Севастьяны Игнатьичи статистики не доставили, дѣло освобожденія состоялось. Господа Окѣнцевы собственными глазами увидѣли, какъ однажды утромъ потянулся мимо усадьбы народъ въ ближайшее село къ обѣднѣ, и часа черезъ три-четыре воротился назадъ. А послѣ обѣда Платонидушка доложила барынѣ, что на посадѣ мужички водку пили.

— Теперь будутъ пить — не безпокойся! теперь... будутъ! — рѣшила Арина Михайловна, но безъ гнѣва, а скорѣе въ тонѣ пророчества, который она съ этихъ поръ и усвоила себѣ навсегда.

Обстоятельства, въ которыхъ очутились Окѣнцевы, были тѣмъ болѣе затруднительны, что вплоть до самаго осуществленія эмансипаціоннаго дѣла и мужъ, и жена были увѣрены, что оно уничтожится изморомъ. Поэтому никакихъ бумагъ они не принимали, и даже когда становой *оставилъ* на столѣ въ конвертѣ печатный экземпляръ „Положенія“, то и его велѣли подальше убрать. Тѣмъ не менѣе фактъ совершился, и надобно было жить...

Можно ли приказывать, или нельзя? какъ поступать съ кушаньемъ, со стиркой бѣлья, съ топкой печей, съ уборкой комнатъ? И поступать не когда-нибудь, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а именно сегодня, сейчасъ?

Какъ ни странны были эти вопросы, но они первые — или, лучше сказать, они одни — пришли на умъ. Допустимъ, что сегодняшній обѣдъ еще вчера былъ заказанъ — ну, съ этимъ еще какъ-нибудь можно... ну, рыбки соленькой, рыжичковъ... Но завтрашній обѣдъ?

что̀ такое этотъ завтрашній обѣдъ и вообще все завтрашнее—утопія это или достовѣрность?

Для Севастьяна Игнатьича перемѣна была не столько чувствительна, потому что онъ и сегодня, какъ вчера, [illegible] и впередъ по анфиладѣ, не принимая участія въ распоряженіяхъ; но Арина Михайловна положительно почувствовала себя какъ въ каменномъ мѣшкѣ. *Вчера* она мелькала по дому, разспрашивая, приказывая, объясняя; *сегодня* — внезапно спуталась и оторопѣла. Точно она куда-то шла, хотѣла что-то нужное сдѣлать и вдругъ забыла. Остановилась, смотритъ во всѣ глаза и даже не усиливается припомнить.

Въ домѣ все стихло; господа — уклонялись, дворовые — выжидали. Что-то существенное перестало дѣйствовать въ этомъ механизмѣ, какой-то скрытый рычагъ, который приводилъ его въ движеніе. Такъ бываетъ, когда въ домѣ умеръ главный человѣкъ, и никто еще не опредѣлилъ себѣ съ ясностью, какъ и что̀ нужно дѣлать, чтобы опять все мало-мальски наладилось. Сперва нужно покойника похоронить, а потомъ ужъ и объ „дѣлахъ“ думать.

Недѣли черезъ двѣ къ барскому дому подъѣхали троечныя сани, и изъ нихъ выскочилъ молодой человѣкъ. Онъ надѣлъ въ передней цѣпь на шею, вошелъ въ комнаты и отрекомендовался участковымъ мировымъ посредникомъ.

— Такъ-съ,—отвѣтилъ Севастьянъ Игнатьичъ и до того сконфузился, что даже не подалъ молодому человѣку руки и не предложилъ сѣсть.

Молодой человѣкъ съ минуту поколебался и сѣлъ безъ приглашенія.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, — началъ онъ: — чтобы предложить, не пожелаетъ ли ваша супруга приступить къ составленію уставной грамоты?

— Не желаемъ-съ.

Молодой человѣкъ, услышавъ этотъ неожиданно-ясный отвѣтъ, окинулъ Савосю удивленнымъ взоромъ.

— То-есть, въ какомъ смыслѣ?—недоумѣвалъ онъ.

— Не „въ смыслѣ“, а просто не желаемъ-съ.

— То-есть, покуда или вообще?

— Не „покуда“ и не вообще-съ... не желаемъ-съ!

— Но въ такомъ случаѣ я вынужденъ буду лично выполнить за вашу супругу эту обязанность.

— Это... смотря-съ...

— Какъ это... „смотря“?

— Смотря-съ... только и всего.

— Въ такомъ случаѣ... до пріятнаго свиданія!

— Но мы... не желаемъ-съ!

Молодой человѣкъ шаркнулъ ножкой и ретировался, а Севастьянъ Игнатьичъ проводилъ его до передней, и покуда онъ укутывался, разъ десять повторилъ одну и ту же фразу:

— Но мы... не желаемъ-съ!

Молодой человѣкъ былъ въ великомъ смущеніи. Какъ усердный малый, онъ успѣлъ ужъ почти весь участокъ объѣхать, но еще нигдѣ подобнаго пріема не встрѣтилъ. Въ одномъ мѣстѣ его встрѣчали общимъ подкоголоднымъ шипѣніемъ, въ которомъ принимали участіе даже малолѣтки; въ другомъ—неслись къ нему на встрѣчу съ распростертыми объятіями и съ возгласомъ: „привѣтствуемъ васъ, благую вѣсть приносящаго!“ Но во всякомъ случаѣ вездѣ съ нимъ настоящій разговоръ разговаривали и вездѣ предлагали вмѣстѣ хлѣба-соли откушать. И вотъ наконецъ выискался домъ, гдѣ ему только какія-то рыцарскія слова говорятъ. „Не желаемъ-съ!“ Ахъ, чортъ побери, они „не желаютъ“! И не желайте, любезнѣйшіе! и никто васъ не принуждаетъ! Только помните...

Однако вотъ будетъ потѣха, ежели весь уѣздъ, по примѣру Окончевыхъ, вмѣсто исполненія благихъ предначертаній, начнетъ рыцарскія слова говорить?!

А Севастьянъ Игнатьичъ между тѣмъ, тотчасъ по отъѣздѣ посредника, кликнулъ Аришу, и затѣмъ съ часъ они, обнявшись, ходили по залѣ, о чемъ-то по секрету совѣщаясь. Послѣ обѣда Савося, спустивши предварительно въ окнахъ шторы, заперся въ кабинетѣ, вынулъ изъ потайного ящика ломбардные билеты, нѣсколько разъ прикинулъ ихъ на счетахъ, потомъ сосчиталъ наличность, и къ вечернему чаю его работа была готова. Оказалось, что маменькино приданое, вмѣстѣ съ наросшими на него процентами и съ ежегодными присовокупленіями изъ доходовъ, представляло круглую цифру въ шестьдесятъ тысячъ рублей. Результатъ этотъ повидимому на-

столько удовлетворилъ супруговъ, что весь остальной вечеръ они были веселы.

На другой день начались сборы. Укладывали все вообще, кромѣ громоздкихъ вещей. Ящики съ не особенно нужными вещами забирали въ кладовую, а что понужнѣе — готовилось къ отправкѣ. Очевидно господа торопились воспользоваться послѣднимъ зимнимъ путемъ: но куда и надолго ли они собрались — никто не зналъ. На другой день Благовѣщенья, рано утромъ, господа съѣздили на могилки къ Аришкинымъ родителямъ, и когда дорожный возокъ былъ окончательно уложенъ и снаряженъ, созвали въ залъ дворовыхъ людей и простились.

— Ѣду отъ васъ. Не могу! — сказалъ Севастьянъ Игнатьичъ. —За службу—благодарю. Хоть вы и не мои были, а барынины, а все-таки, по ея великой ко мнѣ милости (онъ сдѣлалъ низкій поклонъ въ сторону Арины Михайловны... „Ахъ, что ты, Савося!“), я за вами много лѣтъ покоенъ былъ. И ежели кто отъ меня обиду видѣлъ—простите!

— И меня простите! — прибавила Арина Михайловна, низко кланяясь.

— Провизію, которая въ погребахъ осталась, — продолжалъ Севастьянъ Игнатьичъ: — барыня вамъ жалуетъ. А о томъ, какъ вамъ быть до рѣшенья судьбы, спрашивайте у вышняго начальства, а мы тому не причинны. Живите!

Въ тотъ же день мировой посредникъ получилъ отъ присыпкинской барыни бумагу слѣдующаго содержанія:

„Господину мировому посреднику.

„Не желая быть свидѣтелями онаго происшествія, каковое, кромѣ раззоренія, не иначе, какъ къ общей гибели почитаемъ, выѣзжаемъ мы съ мужемъ изъ имѣнія сельца Присыпкина и возлагаемъ на васъ. И въ случаѣ будетъ выдана за сіе отъ вышняго начальства награда, а равно и насчетъ угодьевъ, какъ-то: лѣсовъ, пустошей, рыбныхъ ловлей и прочаго, то просимъ таковое выслать по жительству.

„Жена корнета Арина Окѣнцева“.

А внизу была особая приписка рукою Арины Михайловны: „Я папеньку покойнаго вашего знала и увѣрена, что онъ сего бы не допустилъ“.

Однакожъ искусственное возбужденіе, поддерживавшееся новостью факта и дорожными сборами, упало съ первыхъ же шаговъ по вступленіи супруговъ въ область вольной жизни. Арина Михайловна впрочемъ выдерживала постигшую ее невзгоду довольно стойко, но Севастьянъ Игнатьичъ сразу раскисъ. Вдобавокъ ѣхать пришлось по пути уже почти разрушенному и на цѣлыя сутки дольше обыкновеннаго. На четвертый день пріѣхали въ Москву и остановились на постояломъ дворѣ у Сухаревой. Тотчасъ же по пріѣздѣ Севастьянъ Игнатьичъ сталъ жаловаться, что у него вздохи точно клещами зажало, но за лекаремъ не послалъ; думалъ, что и безъ лекаря отъ липоваго цвѣта пройдетъ. А черезъ недѣлю Арину Михайловну постигло великое горе, о которомъ она и въ мысляхъ никогда не держала: Севастьянъ Игнатьичъ скончался.

Сверхъ ожиданія, Арина Михайловна перенесла свою потерю довольно мужественно. Но въ Присыпкино не воротилась, а устроилась навсегда въ Москвѣ и съ этой минуты окончательно закоснѣла. Не озлобилась, а именно закоснѣла, т.-е. начала всѣ невзгоды, не только личныя, но и государственныя, какъ-то: войны, неурожаи, эпидеміи, хищенія, недоимки и проч., неизмѣнно пріурочивать къ „катастрофѣ“. Проворуется ли кто—это оттуда идетъ; произойдетъ ли грандіозное убійство—это оттуда идетъ; поразитъ ли цѣлую губернію неурожай—это оттуда идетъ; случится ли на желѣзной дорогѣ крушенье поѣзда—это оттуда идетъ. Гессенская муха, кузька, новые суды, суслики, расхищеніе власти, свобода книгопечатанія, ослабленіе религіознаго чувства—все оттуда. Она не злорадствовала, не ехидствовала, а только любила прорицать: „не то еще будетъ! вотъ погодите!“ Казалось, у нея былъ на-готовѣ цѣлый каталогъ бѣдствій, и она цитировала то одно, то другое, автоматически приговаривая: „это еще цвѣточки, а вотъ ужъ ягодки будутъ!“

Между тѣмъ личное ея положеніе, въ сущности, было совсѣмъ не дурное. Въ ломбардѣ у нея лежалъ приличный капиталъ, который она съ выгодою помѣстила въ пятипроцентныхъ банковыхъ билетахъ.

И домъ для жительства своего, въ одной изъ Мѣщанскихъ, она задешево пріобрѣла, и устроилась на новосельѣ какъ нельзя лучше. Выписала изъ Присыпкина все барское добро, не исключая и мебели, составила себѣ небольшой штатъ изъ старой [illegible] дворни, сѣла у окошка въ то самое вольтеровское кресло, въ которомъ нѣкогда Севастьянъ Игнатьичъ послѣ обѣда дремалъ, и начала шерстяной шарфъ вязать. Провизія въ то время была еще не особенно дорога, денегъ было достаточно; дрова, правда, кусались — ну, да погодите! ужъ то ли еще будетъ! Послѣ деревенской хозяйственной сутолоки она точно на дно рѣки опустилась. Никому до нея дѣла нѣтъ, и ей ни до кого и ни до чего дѣла нѣтъ. Скучновато, но за то покойно. Сидитъ она у окошка, и все ей на улицѣ видно. Кто ни пройдетъ, ни проѣдетъ — она ко всѣмъ постепенно присматривалась. Вотъ это „здѣшній“ идетъ—аблакатъ; вотъ и это „здѣшній“ же—онъ „не при занятіяхъ“ состоитъ, но по имени его звать Иваномъ Иванычемъ. А вотъ это „чужой“ прошелъ — куда это онъ лыжи навострилъ? Ишь спѣшитъ, точно въ аптеку торопится. А вотъ кто-то у Семенъ-Семеныча звонится. Звонится, звонится, не отпираютъ бѣдному, а дождикъ такъ на него и льетъ. Наконецъ однако отперли. Выглянула въ дверь баба, злая, презлая. Она, должно быть, блохъ у себя въ бѣльѣ ловила, а ей посѣтитель помѣшалъ—ахъ, пропасти на васъ, шатуновъ, нѣтъ!

— Дома Семенъ Семенычъ?

— Ни свѣтъ, ни заря ушелъ. Его у насъ одна заря выгонитъ, а другая вгонитъ!

Дверь съ азартомъ захлопывается, и посѣтитель задумчиво вперяетъ взоры вглубь Четвертой Мѣщанской, какъ бы испытуя: гдѣ ты, Семенъ Семенычъ? ау!—А Семенъ Семенычъ, съ „Гамлетомъ“ въ рукахъ, съ Гамлетомъ въ сердцѣ и съ Гамлетомъ въ головѣ (есть въ Москвѣ чудаки, которые до сихъ поръ Мочалова да Цыганскаго забыть не могутъ!), тутъ же, неподалечку, передъ Сухаревой башней въ восторженномъ оцѣпенѣніи стоитъ и мысленно разрѣшаетъ вопросъ: кто выше—Шекспиръ или Сухарева башня?

Словомъ сказать, всю подноготную Арина Михайловна знала, и отлично къ ней прижилась. А вдобавокъ, спустя немного послѣ „катастрофы“, и еще деньги къ ней привалили. Мировой посредникъ не поломнилъ Савосинова невѣжества, и добросовѣстно занялся имѣ-

піемъ Арины Михайловны. И уставную грамоту написалъ, и на выкупъ крестьянъ выпустилъ, и западѣльную землю по частямъ распродалъ, такъ что у Ариши очутился новый капиталъ тысячъ въ шестьдесятъ. Жить бы да поживать при такомъ капиталѣ, а она вмѣсто того заладила: „погодите! не то еще будетъ! вотъ увидите!“

И точно: нужно было сквозь особенныя очки смотрѣть, чтобы не видѣть, что свѣтопреставленіе ужъ на носу. А такъ какъ Арина Михайловна безъ очковъ свой шерстяной шарфъ вязала, то, разумѣется, она видѣла.

Началось съ того, что волю вину объявили. И съ боковъ, и напротивъ, и наискось стѣны домовъ расцвѣтились вывѣсками „распивочно и на-выносъ“. Всѣ Мѣщанскія наполнились стономъ. Одно хлопанье кабацкими дверьми, одно визжаніе кабацкихъ блоковъ способны были разстроить самые крѣпкіе нервы. Арина Михайловна не могла привыкнуть къ этимъ звукамъ; безпрерывно она вздрагивала, крестилась и, глядя въ окно, прорицала:

— Ишь, пьяница! ишь поперекъ улицы, словно на печи, на снѣгу разлегся! Погодите, то ли еще будетъ! Сотнями мертвыя тѣла по улицамъ подымать будутъ!

Потомъ явились новые суды, и застонали Иверскія ворота, заскрежеталъ Страстной бульваръ... Вой подъячихъ былъ такъ пронзителенъ, что вмѣстѣ съ эманаціями Охотнаго ряда явственно доносился до самой Крестовской заставы. Опять пришлось Аринѣ Михайловнѣ вздрагивать и прорицать.

— И за что только старичковъ обидѣли?—жалѣла она подъячихъ:—развѣ за то, что дешевенькіе они были, именно развѣ только за это! Ахъ, да то ли еще будетъ! погодите, и не то увидимъ ужо!

Наконецъ подоспѣло и земство... Тутъ ужъ самъ квартальный сказалъ: „ну, теперь, братъ, капутъ!“ А Арина Михайловна сначала было не поняла,—думала, что дворянамъ будутъ жалованье раздавать, но потомъ вдругъ все сдѣлалось для нея ясно.

— Пойдутъ теперь во всѣ стороны тащить! — прорицала она. — Вотъ помянете мое слово: оглянуться не успѣемъ, какъ все до послѣдней нитки растащатъ! Останется одинъ нищій!

Даже привольное житье въ собственномъ домѣ не удовлетворяло ее, даже капиталъ не примирялъ съ вѣяніями новаго жизненнаго уклада.

— На что мнѣ капиталъ? — говорила она: — вотъ кабы ангелъ мой былъ живъ — тогда, дѣйствительно... Еще лукавый съ этими деньгами попутаетъ...

Увы! она имѣла нѣкоторое основаніе помнить о лукавомъ. Во-первыхъ, Иванъ Иванычъ (тотъ самый, который „не при занятіяхъ“ состоялъ), какъ только узналъ, что она выкупную ссуду получила, такъ сейчасъ же къ ней свахъ прислалъ. Во-вторыхъ, какой-то молодой приказный, изъ самаго квартала, мимо ея дома ходить повадился. Ходитъ да посвистываетъ, и какъ только поровняется съ окномъ, около котораго она сидитъ, такъ сейчасъ же руку къ сердцу прижметъ и глазами взыграетъ... Насилу она отъ него отдѣлалась! Помощнику квартальнаго трехрублевенькую пожертвовала, такъ онъ раза четыре его, козла несытаго, въ кутузку сажалъ, и только по пятому разу смирился. И въ-третьихъ, ей самой, несмотря на то, что со смерти Савоси прошло ужъ пять лѣтъ, безпрестанно чудилось, что ея „ангелъ“, словно живой, выглядываетъ въ дверь и ищетъ ее. „Ариша! ты, что-ли?“...

А вдругъ это выглядываетъ не Савося... а „лукавый“?

Нельзя не опасаться „лукаваго“. Нельзя, живучи въ Четвертой Мѣщанской, не ожидать съ часу на часъ появленія его. Москва — такой большой городъ и притомъ до того простодушно затѣянный, что въ немъ только и есть два сорта людей: лукавые и простофили, изъ коихъ первые хайло разѣваютъ, а вторые въ разинутое хайло сами лѣзутъ. Лукавые больше въ центрѣ города ютятся; простофили — по окраинамъ жмутся, а въ томъ числѣ и во всѣхъ четырехъ Мѣщанскихъ. Отъ времени до времени однакожъ „лукавые“ дѣлаютъ на окраины набѣги, и тогда простофили, какъ куры, только крыльями хлопаютъ, но прекословить не пробуютъ.

На этотъ разъ „лукавый“ объявился въ образѣ молодого, черноглазаго брюнета, Тимоѳея Удалого.

Въ одно прекрасное утро онъ явился къ Аринѣ Михайловнѣ, подошелъ къ ручкѣ, назвалъ ее тетенькой, а себя — сыномъ кузины Маши.

— Какой же это Маши!.. словно я не помню! — смутилась Арина Михайловна: — у меня троюродная сестра... какъ будто Даша... такъ та, кажется, за Недотыкина вышла.

— За Недотыкина — это сначала; а потомъ за корнета Мстислава Удалого. А теперь папенька съ маменькой скончались-съ.

— Не знаю; помнится, была не Маша, а Даша, а впрочемъ... Какъ же ты обо мнѣ, мой другъ, узналъ?

— Иду по улицѣ и вижу: домъ госпожи Окѣнцевой. Тутъ все и открылось.

— Ну, что-жъ... коли племянникъ—видно, такъ Богу угодно. Садись, гость будешь.

Арина Михайловна совсѣмъ растерялась: до такой степени она отвыкла отъ людского общества. Думала одна-одинешенька вѣкъ скоротать, а тутъ, вотъ, родственникъ проявился — какъ его изъ дому выгонишь? И чужихъ сиротъ грѣшно не приголубить, а тѣмъ паче троюродныхъ. А вдобавокъ и Тимоѳей не полѣзъ сразу нахаломъ, а повелъ дѣло умненько. Посидѣлъ недолго и на вопросъ тетеньки, при какой онъ службѣ состоитъ, объяснилъ, что онъ просто „молодой человѣкъ“ — только и всего.

— Это что же за званіе такое: „молодой человѣкъ“? поди, чай, присутствіе какое-нибудь есть?

— Комитетъ-съ, — скромно объяснилъ Удалой: — дама старушка предсѣдательствуетъ, а прочія старушки присутствуютъ-съ. А я при нихъ—молодой человѣкъ-съ!

На этомъ свиданіе и кончилось. Въ сущности, ничего угрожающаго не произошло, но, какъ на грѣхъ, у Арины Михайловны сердце съ чего-то заныло. Глаза у него окаянные, у этого Тимоѳея, —это она сразу замѣтила. Самъ весь почтительный, а глаза—большущіе, большущіе! — такъ вотъ и подманиваютъ, такъ ядомъ и поливаютъ! Какъ взглянетъ онъ этакими-то глазищами, да ежели тутъ оплошать...

И пообѣдала она въ этотъ день безъ аппетита, и вечеръ скучно провела; а укладываясь на ночь въ постель, прямо сказала Платонидушкѣ:

— Вотъ и родственничекъ проявился! погоди! ужѣ и не тѣ еще будетъ!

И затѣмъ цѣлую ночь проворочалась безъ сна, и все думала:

„Возьметъ онъ меня, какъ полоренную курицу, ощиплетъ, да и съѣстъ какъ ему вздумается!“

Время однакожъ шло, а Удалой продолжалъ вести себя благородно. Приходитъ только по воскресеньямъ, но не къ обѣду, а къ тому времени, какъ тетенька отъ обѣдни воротится и за самоваръ

сядетъ. Выпьетъ чашечку и онъ, посидитъ у стѣнки, разскажетъ, въ какомъ году когда Москва-рѣка вскрылась, или что прежде къ масляной балаганы подъ Новинскимъ строили, а нынче ихъ на Дѣвичье-Поле перевели,—и уйдетъ.

Тѣмъ не менѣе Аринѣ Михайловнѣ почему-то казалось, что онъ это только зубы ей заговариваетъ, исподтишка сѣть на ея погибель раскидываетъ. Она и сама не могла себѣ уяснить причину этихъ опасеній, но убѣжденіе, что въ Тимофеѣ кроется нѣчто угрожающее, съ каждымъ днемъ зрѣло въ ней больше и больше. И откуда онъ выскочилъ? Сидѣла она смирнехонько, ни о чемъ не думала, а онъ шелъ, распостылый, мимо, да и пришелъ. И выгнать его нельзя, потому онъ кузины Маши сынокъ... Маша или Даша... ахъ, прахъ тебя побери! И должность за собой объявилъ: „при старушкахъ... молодой человѣкъ!“—вотъ какая должность! Не быть тутъ добру, не быть! не даромъ сразу сердце зачуяло! „При старушкахъ“... „кузина Маша“... Вытаращитъ глазищи да дурманомъ ей душу и поливаетъ! А она сидитъ и ждетъ... дура, ахъ, дура! Вотъ увидите, не то еще будетъ!

Встревоженная предчувствіями, она съ любовью обращалась къ недавнему прошлому, когда она жила въ Присыпкинѣ, и „ангелъ“ ея былъ живъ, и никакихъ сѣтей они не боялись, а жили, жили, жили... И продолжали бы жить и поднесь, кабы не оно... ахъ, кабы не это „злое ужасное дѣло“! И „ангелъ“ ея былъ бы живъ, и она бы за нимъ, какъ за каменной стѣной, жила. А теперь куда она одна-одинешенька поспѣла! Куда ни обернись — вездѣ словно капкановъ наставили. Въ ряды за покупками пойдешь—пожалуйте къ мировому! въ церковь помолиться пойдешь—пожалуйте въ кварталъ! Намеднись вышла этакъ-то сосѣдка Марья Ивановна погулять, а домой только на третій день воротилась. Водили ее по мытарствамъ, водили и по судамъ, и по участкамъ, и по кварталамъ, наконецъ ужъ самъ оберъ-полиціймейстеръ взошелъ: „въ чемъ же вы, сударыня, виноваты?“

— Никакъ нынче съ жизнью не сообразишь,—жаловалась она сама себѣ:—законовъ много, да иное, по старости, въ забвенье пришло, а въ другомъ, по новости, еще смаку не нашли. И правители есть—вонъ онъ, правитель, тротуаръ гранитъ, инъ каблучками постукиваетъ!—да словно они въ отлучкѣ, и воротятся ли, нѣтъ ли—

неизвѣстно. И деньги есть, только чьи онѣ—тоже неизвѣстно. Ни-то мои, ни-то чужія, и въ какой силѣ—тоже не знаю. Вчера онъ былъ рубль, а сегодня, сказываютъ, онъ ужъ не рубль, а полтинникъ. Какимъ манеромъ? почему? Вонъ мать Митрофанія деньги-то присовокупляла, присовокупляла, а ее за это по Владиміркѣ...

Удалой замѣтилъ эту наклонность ея къ прорицаніямъ и поддерживалъ ее въ этомъ настроеніи. Какъ ни придетъ, непремѣнно какую-нибудь судебную проказу разскажетъ, а иногда и соединенную судебно-земскую.

— Въ баламутовскомъ земствѣ господинъ управскій предсѣдатель сумму присвоилъ, а судъ его, милая тетенька, оправдалъ-съ.

— Это, мой другъ, чтобъ и на предбудущее время воровали. И пусть воруютъ! Воруйте, батюшки, воруйте! Нынче по этой части свободно, потому вездѣ голь да шмоль завелась — какъ тутъ деньгамъ уцѣлѣть! Вотъ хоть бы насчетъ Присыпкина — сколько лѣтъ и я имъ владѣла, и маменька владѣла, и бабенька, и прочіе которые... И всѣ говорили: мое! А теперь спроси, чье оно? Былъ домъ, былъ садъ, скотный дворъ былъ, погреба — чьи теперь они? гдѣ? Платонидушка лѣтось тетку въ Присыпкинѣ навѣстить ходила: „искали мы, искали, говоритъ, того мѣста, гдѣ барскій домъ стоялъ, — такъ и не нашли!“ Ни намъ, ни вамъ — словно въ воздухѣ растаялъ! Такъ вотъ, мой другъ, съ имѣніемъ, съ настоящимъ имѣніемъ, съ недвижимымъ — какое чудо случилось! А деньги ему что—тьфу!

Или:

— Въ Петербургѣ, тетенька, одинъ чиновникъ начальнику нагрубилъ, а судъ его оправдалъ-съ.

— И по дѣломъ начальнику. Не ходи въ суды, самъ распорядись. А ежели самъ распорядиться не умѣешь, предоставь другимъ, а себя въ сторонкѣ держи. Вотъ я: сколько времени за ворота не выхожу — а почему? — потому знаю, что только потоль я и жива. Выдь я на минуту — сейчасъ меня окружатъ. Пойдутъ во всѣ стороны теребить, одинъ сюда, другой туда — смотришь, анъ судъ да дѣло! Они-то правы изъ суда вышли, а я, простофиля, въ дурахъ осталась. Нѣтъ, нынче только держись... какъ разъ!

Но больше всего заинтересовалъ Арину Михайловну процессъ червонныхъ валетовъ. Въ подробности этого дѣла она вслушивалась

съ захватывающимъ интересомъ, а смѣлые подвиги главнаго валета положительно приводили ее въ восторгъ.

— Такъ-таки до сихъ поръ его и не нашли?—спрашивала она въ волненіи.

— Такъ и не нашли-съ. И предоставьте себѣ, тетенька, какія онъ штуки выкидываетъ! Его по всей Москвѣ ищутъ, а онъ въ своемъ кварталѣ по вольному найму письмоводствомъ занимается. Однажды даже къ самому предсѣдателю письмо написалъ: я, говоритъ, завтра самолично въ судъ явлюсь. Ну, тотъ и ждетъ! думаетъ, что съ повинной. А онъ придти-то пришелъ, да въ залѣ между публикой все время и просидѣлъ!

— Вотъ такъ ловко!

— Его, тетенька, въ Бакастовомъ трактирѣ ищутъ, а онъ въ „Крыму“ съ арфистками отличается. Они—въ „Крымъ“, а онъ къ цыганамъ въ „Грузины“ закатился! Наслѣдитъ имъ слѣдовъ—ищи да свищи!

— Да, нынѣче этимъ ловкачамъ... только имъ однимъ и житьё!

— Нынѣче, тетенька, ежели кто съ дарованіемъ, такъ даже очень хорошо можно прожить. Главное дѣло, выдумку надо въ запасѣ имѣть, чтобы никто такой выдумки не ожидалъ. Сегодня—онъ купецъ, завтра—генералъ, послѣ-завтра—архіерей... Квартальные-то—„ахъ-ахъ-ахъ, никакъ это онъ самый и есть!“ — а его ужъ и слѣдъ простылъ!

— Такъ, такъ, такъ. „Онъ“ по волѣ гуляетъ, а простофиля за него въ кутузкѣ сидитъ. Это — такъ! только этого и можно, по нынѣшнему времени, ожидать. Поди, онъ и сію минуту гдѣ-нибудь финты-фанты выкидываетъ.

— Теперь, милая тетенька, и слѣды его потеряли. Можетъ быть, въ земствѣ гдѣ-нибудь скрывается-съ.

— Ха-ха! именно такъ! Именно, именно въ земствѣ. Суды ищутъ—земство покроетъ; земство ищетъ—суды покроютъ... такъ, такъ, такъ!

Въ этотъ день Арина Михайловна даже обѣдать его оставила, а онъ и послѣ обѣда осмѣлился посидѣть.

— Хотите, тетенька, я васъ въ сралашъ съ двумя болванами научу?

И она согласилась. Сперва даромъ играли, а потомъ по орѣху

за пуанъ, и онъ ей сразу цѣлый фунтъ проигралъ. Наконецъ, въ десятомъ часу, когда онъ прощаться сталъ, Арина Михайловна посмотрѣла на него пристальнѣе обыкновеннаго и не удержалась.

— Что это у тебя глаза-то... словно волшебные!—сказала она не то шуткой, не то конфузясь:—ишь вѣдь ты какъ глядишь! нехорошо это, мой другъ, дурно! Ежели и есть въ тебѣ что-нибудь этакое, такъ ты долженъ стараться себя побѣдить!

— Это у меня, тетенька, отъ природы-съ. У папеньки такіе глаза были и ко мнѣ отъ него перешли. Ахъ, тетенька, вѣдь я сирота!

Онъ произнесъ послѣднія слова такъ жалобно и при этомъ такъ крѣпко прижалъ губы къ ея рукѣ, что она не могла его не пожалѣть. Ей было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ, и сердце ея еще не зачерствѣло. Напротивъ того, отъ спокойной жизни она даже расцвѣла. Мужчина въ сорокъ лѣтъ дѣйствительно вступаетъ въ періодъ холоднаго разсужденія и осмотрительности, а женщина въ эту пору именно и становится неосмотрительною. Покуда есть у нея молодость да красота — она кокетствомъ занимается; а чуть дѣло подъ гору пошло—у нея и ушки на макушкѣ. Именно это самое случилось и съ Ариной Михайловной. По уходѣ Удалого, всѣ сомнѣнія относительно его личности окончательно разсѣялись. Она все припомнила. Дѣйствительно у нея была кузина, не Даша, а Маша, которая сначала за Недотыкина вышла, а потомъ овдовѣла и вышла... да, именно, за Удалого и вышла! И папенька-покойникъ сколько разъ, бывало, говаривалъ:—Гдѣ-то теперь наша „удалая“ хвосты треплетъ?.. А это она самая и была! Да и о Мстиславѣ Удаломъ она гдѣ-то слыхала... когда, бишь?.. въ дѣвицахъ еще, должно быть, когда была, а только навѣрное слышала... Стало быть, Тимофей-то и взаправду приходится ей племянникомъ.

Ахъ, эти сироты! ни отца у него, ни матери! Вонъ и сертучонко на немъ... ничего еще сертучокъ, а все-таки... А пріодѣнь-ка его да пригладь—то ли изъ него выйдетъ!

Я не буду описывать здѣсь подробности послѣдовавшаго затѣмъ сближенія, такъ какъ не мастеръ въ воспроизведеніи любовныхъ эпопей, да и къ дѣлу онѣ въ настоящемъ разсказѣ не относятся. Но не могу не отмѣтить, что въ короткое время Арина Михайловна совсѣмъ растерялась. Она настолько подчинилась охватившей ее страсти,

что даже о внутренней политикѣ позабыла, и перестала проклинать. Пускай суды оправдываютъ! пускай расхищаютъ власть! пускай изъ земскихъ сундуковъ исчезаютъ мужицкія денежки! пускай желѣзнодорожные поѣзда другъ друга въ лобъ бьютъ! — [illegible] ей ни до чего нѣтъ. Вся она, всѣмъ своимъ существомъ, неслась къ ненагляднному „сиротѣ", который случайно шелъ мимо, да и пришелъ. Пришелъ и наполнъ ея жизнь теплом, свѣтомъ, счастьемъ! Даже на деньги она получила совсѣмъ новый взглядъ, и ежели не говорила прямо, что онѣ на то и даны, чтобъ ихъ тратить, то потому только, что она просто-на-просто тратила не размышляя, въ силу какихъ логическихъ построеній она такъ поступала.

Съ своей стороны Удалой былъ весьма признателенъ. Когда она подарила ему сюрпризомъ щегольскую сюртучную пару, то онъ съ такимъ увлеченіемъ бросился цѣловать ея руки, что она, вся взволнованная, автоматически твердила:

— Ну вотъ! ну вотъ! вотъ онъ какъ радуется... ахъ, бѣдный ты мой!

На что онъ скромно и жалобно отвѣтилъ:

— Ахъ, тетенька! вѣдь я—сирота.

За первымъ подаркомъ послѣдовали другіе. Прекраснѣйшая скунксовая шуба, потомъ шапка-боярка, потомъ часы, а также и деньги. Онъ не просилъ денегъ—ужасно онъ былъ на этотъ счетъ деликатенъ—но она настояла. Она понимала, что молодому человѣку нельзя безъ денегъ. У него есть товарищи, друзья, съ которыми ему и повеселиться хочется, и покутить—ну, вотъ тебѣ, мой другъ пятирублевенькая, повеселись! Молодое естественно къ молодому льнетъ—это не нами заведено, не нами и кончится. Такъ-то и онъ, сироточка. Съ нею—какая она ему пара!—посидитъ, поскучаетъ, въ родѣ какъ жертву ей принесетъ, а на умѣ у него все-таки, какъ бы въ театръ да на дѣвушекъ посмотрѣть, да съ товарищами пѣсенки попѣть! А на веселье-то деньги нужны—гдѣ ему, сиротѣ, взять? А ей для кого деньги беречь? Дѣтей у нея нѣтъ, близкихъ родственниковъ—тоже; къ нему же, сироткѣ троюродному, все современемъ перейдетъ!

Словомъ сказать, опять въ жизни Арины Михайловны началась идиллія, но на этотъ разъ въ подлинность ея вѣрила только она одна. И Платонидушка, и старый Савосинъ камердинеръ, Евсеичъ, инстинк-

тивно возненавидѣли Удалого и не выражали ему своего пренебреженія только потому, что барыня при первыхъ же въ этомъ смыслѣ попыткахъ внушила имъ, что она никого служить себѣ не вынуждаетъ, что ежели кто ею недоволенъ, то на мѣсто недовольныхъ не трудно сыскать другихъ, довольныхъ...

Однажды, однакожъ, Тимоня (она начала звать его уменьшительнымъ именемъ), вопреки своей обычной деликатности, вдругъ совершенно неожиданно озадачилъ ее вопросомъ:

— А что, тетенька, у васъ много денегъ?

Услышавши эти слова, она ужасно смутилась. Какъ будто что-то въ этомъ родѣ уже не разъ мелькало у нея въ головѣ, и она до смерти этого боялась. Не потому чтобъ она жалѣла денегъ — она даже что есть на свѣтѣ разсчетливость позабыла — а потому, что ей было *стыдно*. И вотъ наконецъ оно пришло. „Вотъ оно!“ — подумалось ей какъ-то само собою, и она почти со страхомъ его спросила:

— На что тебѣ?

— Такъ. Вы, тетенька, — женщина; съ деньгами обращались мало. Получаете проценты съ капитала, а тотъ ли это процентъ, и въ какомъ смыслѣ его слѣдуетъ понимать — это вамъ неизвѣстно. А процентъ-то — онъ разный. Одно дѣло — пять копѣекъ съ рубля, другое — десять и двадцать, а наконецъ и капиталъ на капиталъ.

Въ голосѣ, которымъ онъ высказалъ эту финансовую теорію, не слышалось ни нетерпѣнія, ни особенной алчности, но при словѣ „процентъ“ у Арины Михайловны словно голову туманомъ застлало. Она сидѣла, опершись подбородкомъ на одну руку, а пальцами другой руки перебирала по столу. И молчала, точно даже забыла, что нужно что-нибудь отвѣтить.

— Вы, тетенька, гнѣваетесь? — спросилъ онъ ее съ ласковымъ укоромъ.

— Ахъ, нѣтъ! что ты! что ты! Это я такъ... Объ чемъ, бишь, ты спрашивалъ? объ деньгахъ?

— Такъ, глупость въ голову пришла... Оставимте этотъ разговоръ! забудьте, тетенька, прошу васъ, забудьте!

— Что жъ тутъ такого — отчего не поговорить? Поговоримъ! Ну, ну, хорошо, не сердись! Коли не хочешь говорить, такъ и не будемъ... Да отстань, безпутный... не стану! Богъ съ ними, съ день-

гами — только грѣхъ отъ нихъ! Ты бы лучше къ товарищамъ пошелъ, повеселился бы... хочется? а?

— Позвольте, тетенька!

— И прекрасно. Вотъ тебѣ красненькая, сдѣлай себѣ удовольствіе! Ахъ, сироточка ты мой, сироточка! Тетеньку свою пожалѣлъ? а? А подумалъ ли ты, мой другъ, что если бы всѣ-то капиталъ на капиталъ...

— Оставьте, тетенька! прошу васъ, оставьте! Простите, не буду! Простили?—ну, вотъ и паинька! Можно ручку поцѣловать?

Весь этотъ вечеръ Арина Михайловна была взволнована. Въ мысляхъ ея носился хаосъ, но она чутьемъ угадывала, что готовится что-то чрезвычайное. И вотъ опять, послѣ недавнихъ дней забвенія, передъ ней воскресло прошлое, а вмѣстѣ съ нимъ и та причина всѣхъ причинъ, которая разбила это прошлое. „Все оттуда, все оно, это злое, ужасное дѣло!“ твердила она себѣ, ворочаясь съ боку на бокъ въ тишинѣ безсонной ночи. Кабы не оно, жила бы она теперь въ Присыпкинѣ, и Савося при ней, и всего было бы у нихъ вдоволь! И индюшечка своя, и курочка своя, и картофельцу, и морковки... Ужъ Савося денегъ не растранжирилъ бы! онъ за десятирублевенькой-то сто разъ бы въ ящикъ сходилъ, прежде чѣмъ разстаться съ нею! А она—натко! каждый день! каждый день! То пятирублевенькую, то десятирублевенькую... вынь да положь! И куда только онъ, распостылый, деньги изводитъ... Не иначе какъ съ мамзелями проклажается! А къ ней придетъ: „тетенька! позвольте ручку поцѣловать“... На, мой другъ! А за обѣдомъ соуса да бламанжеи... А что провизія-то, по нынѣшнему времени, стоитъ? И что такое случилось? какимъ манеромъ, куда она, куда? Конецъ-то, конецъ-то будетъ ли? Ахъ, Савося!

Но Савося не приходилъ, а камень между тѣмъ былъ брошенъ, и Арина Михайловна убѣдилась, что до тѣхъ поръ она не успокоится, покуда не вытащитъ его.

— Что ты такое насчетъ процентовъ вчера говорилъ?—начала она на другой день уже сама.

— Забудьте, милая тетенька! прошу васъ, забудьте!

— Зачѣмъ забывать! коли что выгодное предвидится, такъ мнѣ и самой любо! Я вотъ теперь пять копѣекъ со своихъ билетовъ получаю... мало, что-ли? говори!

— Мало, тетенька, такъ мало... даже обидно! Ужъ десять-то процентовъ—это вамъ всякій съ удовольствіемъ дастъ!

— А какъ же съ билетами-то съ моими... себѣ, что-ли, онъ ихъ возьметъ, или такъ?

— Извините, тетенька, я васъ не понимаю.

— То-то вотъ: не понимаешь, а судишь! Опричь, что-ли, онъ мнѣ десять процентиковъ отсчитаетъ, а билеты само собой, или ужъ съ билетцами съ моими распроститься придется... ау, голубчики!

— Онъ, тетенька, билеты на деньги переведетъ да деньгами, по окончаніи, и разсчитается. А кромѣ того проценты.

— А ежели онъ билеты-то возьметъ да съ ними и ухнетъ?

— Помилуйте, а обезпеченіе? Домъ, напримѣръ, или имѣніе... Да позвольте, я къ вамъ Ѳому Ѳомича приведу: онъ для васъ это дѣло кругомъ пальца обвертитъ.

Привели Ѳому Ѳомича. Передъ Ариной Михайловной предсталъ сѣденькій, но еще бодрый старичокъ, въ синемъ сюртукѣ стараго фасона и въ чистой каленкоровой манишкѣ. Въ этотъ день онъ выбрился, вымылъ лицо мыломъ, волоса помадой вымазалъ, сапоги со скрипомъ надѣлъ, точно къ причастію собрался. Брови у него были густыя и стояли дыбомъ; изъ продолговатыхъ ноздрей лѣзъ волосъ; на щекахъ и на носу запекся фіолетовый румянецъ. Велъ онъ себя солидно, и когда Арина Михайловна попросила его сѣсть, то сначала сказалъ: „постою-съ“, а потомъ сѣлъ. Но когда, во время бесѣды, собесѣдница, хотя и невзначай, возвышала голосъ, то онъ, какъ бы подъ вліяніемъ страха, привставалъ. Говорилъ ровнымъ и пріятнымъ теноркомъ: когда сморкался, то, въ знакъ почтенія, отвертывался въ сторону, а когда на колокольнѣ раздавался звонъ —хотя бы это былъ бой часовъ—творилъ крестное знаменіе. Сначала онъ разсказалъ, что у жены его, двадцать лѣтъ тому назадъ, ноги отнялись—такъ и до сихъ поръ она на кровати безъ движенья лежитъ; что родители у него были дмитровскіе мѣщане, а онъ, съ теченіемъ времени, въ Москву переписался; что у него двое дѣтей: сынъ да дочь; сына онъ, за непочтеніе, проклялъ, а дочь за хорошимъ человѣкомъ замужемъ, и теперь они рыбную ловлю въ Ханиловскомъ прудѣ снимаютъ, и, слава Богу, сыты. Затѣмъ повелъ рѣчь о купцахъ и сдѣлалъ общее замѣчаніе, что у нихъ въ настоящее время отъ прежняго благосостоянія остались только жены толстыя,

семьи большія, свои лошади и злыя собаки при домахъ, но денегъ ужъ нѣтъ. Поэтому въ Москвѣ теперь ничѣмъ не занимаются, только ищутъ. Кому не очень нужно, тотъ восемь копѣекъ за рубль дастъ: ежели у кого нужда средственная, тотъ дастъ десять и двѣнадцать копѣекъ, а ежели у кого зарѣзъ—не прогнѣвайся, и всѣ тридцать заплатитъ. Но не иначе, какъ подъ вѣрное обезпеченіе. Такимъ манеромъ оно и идетъ. Который сыщетъ — тотъ какъ будто на время поправится, а который не сыщетъ—баланецъ подводитъ.

— Такъ что ежели у кого теперича свободный капиталъ есть, —говорилъ онъ,—тотъ хорошую пользу можетъ получить. Только нужду надо разсматривать, а по ней и процентъ назначать. Вотъ у меня знакомый купецъ Трифоновъ, въ Ножовой линіи торгуетъ— тому хоть и не нужно, а и онъ, для обороту теченія, восемь процентовъ съ радостью дастъ. Опять же другой есть купецъ, Сыровъ Карпъ Дементьичъ,—тому средственно деньги нужны, онъ десять-двѣнадцать копѣекъ заплатитъ. А тутъ же, на углу, господинъ Фарафонтьевъ — этотъ и за двадцать-пять копѣекъ въ ножки поклонится. Вотъ какъ, сударыня.

— Ну, двадцать-то пять ужъ грѣхъ! — посовѣстилась Арина Михайловна.

— Много нынѣче грѣха, сударыня. Ежели всѣ-то сосчитать, такъ камня на камнѣ въ Москвѣ не останется. Бываютъ, доложу вамъ, и такія дѣла: взбѣсится купеческій сынъ и зачнетъ, при жизни родителей, капиталы объявлять—ну, этотъ и рубль на рубль съ удовольствіемъ посулитъ. Только я вамъ, сударыня, на такія дѣла идти не совѣтую. По моему, лучше десять копѣекъ на рубль получить, только чтобы вѣрно!

Словомъ сказать, говорилъ резонно. Съ своей стороны и Арина Михайловна внимательно выслушала предложенія старичка, и даже не оставила ихъ безъ возраженія.

— Боюсь я,—сказала она,—не твердо нынѣче у насъ. Законы хоть и есть, да сумнительные: ни-то слѣдуетъ ихъ исполнять, ни-то не слѣдуетъ; правители есть, да словно въ отлучкѣ... Намедни у сосѣдки двухъ курицъ со двора свели — она въ кварталъ, а приказные надъ ней же смѣются. Не въ то, вишь, мѣсто пришла. Ступай, говорятъ, къ Калужской заставѣ... Ближнее мѣсто!

— А у насъ обезпеченіе, сударыня, будетъ. Въ случаѣ чего мы

и запрещенье наложимъ. И насчетъ правителей вы напрасно безпокоитесь: у насъ ихъ даже въ излишествѣ-съ. Только вотъ въ центру никакъ не могутъ попасть — это такъ! Не безпокойтесь, сударыня. У насъ все будетъ по благородному; какъ взялъ, такъ и отдай. А проценты — впередъ-съ!

Однимъ словомъ, „лукавый“ одержалъ полную побѣду. Только одну сдѣлку съ совѣстью допустила Арина Михайловна: объявила не весь свой капиталъ, а тысячъ сорокъ утаила. Ѳома Ѳомичъ повернулъ дѣло круто. На другой же день къ Аринѣ Михайловнѣ явился будущій залогодатель, купецъ Воротилинъ, молодой мужчина, плотный, точно изъ древесной накипи выточенный, веселый, румяный, съ русою бородой и съ сѣрыми глазами на выкатѣ. И онъ дѣвушекъ знаетъ, и дѣвушки его знаютъ — по всей Дербеновкѣ слава объ немъ гремитъ. Онъ объявилъ, что хотя деньги занимаетъ единственно „для обороту теченія“, но десять копѣчекъ заплатитъ съ удовольствіемъ; что домъ, который будетъ служить обезпеченіемъ, чистъ какъ огурчикъ и, за всѣми расходами, даетъ сходу десять тысячъ; что еще на дняхъ Конъ Конычъ подъ этотъ домъ сто тысячъ предлагалъ, да онъ не взялъ, потому что предпочитаетъ дѣло дѣлать по благородному. Затѣмъ Арину Михайловну начали по Москвѣ возить, и въ одинъ день окрутили. Сначала отслужили у Иверской молебенъ и поѣхали къ Тріумфальнымъ воротамъ домъ смотрѣть. Пріѣхали, встали всѣ вчетверомъ на тротуарѣ по другую сторону улицы — видятъ: дѣйствительно стоитъ домъ трехъ-этажный, каменный, бѣлою краской выкрашенъ. Средній этажъ подъ трактирнымъ заведеніемъ, вверху — номера („ежели, примѣрно, у насъ съ вами, мадамъ, рандеву — такъ вотъ сюда-съ“, фамильярно пояснилъ Воротилинъ, и Арина Михайловна хотя поморщилась, но смолчала: разстроить „дѣло“ побоялась); внизу, по одну сторону воротъ, „заведеньице“, по другую — портерная; въ одномъ подвалѣ — прачки живутъ, въ другомъ — ночлежниковъ пускаютъ; во дворѣ — все помѣщеніе снимаютъ извозчики. Пошли и во дворъ; Арину Михайловну такъ и ошибло запахомъ навоза и трактирныхъ помоевъ; но Воротилинъ и Ѳома Ѳомичъ съ наслажденіемъ вдыхали гнусные ароматы, которые такъ и валили изъ всѣхъ надворныхъ отверстій этого дома.

— Деньги-то и завсегда такъ пахнутъ, — хвалился Воротилинъ:

—а клопа здѣсь сколько! кажется, ежели весь собрать, такъ Москву-рѣку запрудить можно!

Мало этого: „для вѣрности“ („чтобы вамъ, мадамъ, безъ сумлѣнія было“) дворника Антона кликнули, и дворникъ тоже удостовѣрилъ, что домъ настоящій, московскій, и квартирантъ въ немъ живетъ тоже настоящій, что хозяинъ хоть сколько угодно плату на него набавляй—все равно этому квартиранту дѣваться некуда.

Осмотрѣвши домъ, поѣхали на Плющиху, въ переулокъ, къ нотаріусу. А тамъ ужъ и закладная готова, и надпись внизу: „Я, нотаріусъ Печенкинъ, въ своемъ собственномъ присутствіи“, и т. д. Словомъ сказать, все какъ слѣдуетъ.

— Теперь остается только вручить-съ, — сказалъ господинъ Печенкинъ торжественно: — вы, Арина Михайловна, Спиридону Прохорычу денежки пожалуете, а Спиридонъ Прохорычъ —закладную-съ. Такъ и обмѣняетесь. А расходы — на счетъ залогодателя.

И тутъ Воротилинъ выказалъ себя веселымъ и податливымъ малымъ. Хотя Арина Михайловна привезла въ уплату не деньги, а банковые билеты, но онъ за разницей не погнался, а принялъ билеты рубль за рубль и проценты впередъ полностью отдалъ.

— Убытку я тысячи двѣ, барыня, черезъ васъ потерпѣлъ,— сказалъ онъ:— ну, да ужъ что̀ съ вами подѣлаешь! видно, въ другомъ мѣстѣ наживать надо. Только вотъ что̀: вспрыснуть нашу сдѣлочку требуется,—это ужъ какъ угодно!

Но Арина Михайловна наотрѣзъ отказалась. Тогда Воротилинъ ужъ совсѣмъ нагло сталъ ее упрашивать—„хоть Тимоѳея Стиславича на сегодняшній день одолжить, а къ завтрему мы вамъ его опять въ полное удовольствіе во всей красотѣ предоставимъ“. Арина Михайловна совсѣмъ заалѣлась и поспѣшила уѣхать домой.

Дома она вдругъ почувствовала гнетущую пустоту. Какъ будто душу изъ нея вынули или такое надругательство сдѣлали, что она ничего настоящимъ манеромъ понять не можетъ, а только чувствуетъ, что ноги у нея подкашиваются. Нѣсколько разъ она запирала закладную въ денежный шкапчикъ и опять ее оттуда вынимала, и всякій разъ ее поражали слова. „Я, нотаріусъ Печенкинъ, въ собственномъ своемъ присутствіи“... Что-то какъ будутъ неладно; словно насмѣшкой какой-то звучатъ эти страшныя слова... И не съ кѣмъ ей посовѣтоваться, некому показать, не у кого спросить! А все оно, все

это „злое, ужасное дѣло“! Кабы не „оно“, сидѣла бы она теперь... Савося! ангелъ-хранитель! неужто ты такъ и попустишь! Охъ, грѣшная, прегрѣшила! охъ, прегрѣшила!

Никогда она не проводила такой мучительной ночи. Почти совсѣмъ глазъ не смыкала и все припоминала. Никакой у нея ни Даши, ни Маши не было. Была кузина Наташа Недотыкина, дяденьки Сатира Платоныча дочь, такъ и та умерла: мужъ искалѣчилъ. Вотъ о Мстиславѣ Удаломъ она точно что слышала... когда, бишь? — помнится, что еще въ дѣвкахъ она въ то время была, а впрочемъ, можетъ, и отъ Севастьяна Игнатьича. Однако можетъ, бишь, и Маша... какая это Маша-кузина у нея была? Не смѣшалъ ли Тимоня? Не въ Савосиной ли роднѣ была кузина Маша? Ахъ, это „злое, ужасное дѣло“! Понадѣлали какихъ-то нотаріусовъ да какія-то „собственныя свои присутствія“ —ну, какъ тутъ не пропасть?! Какъ не погибнуть въ этомъ омутѣ оголтѣлаго, озлобленнаго хищничества, гдѣ всякій думаетъ только о томъ, какъ бы ближняго своего заглотать?! Что̀ ему счастье человѣческое? Что̀ ему человѣческая жизнь?—тьфу! Ахъ, это „злое, ужасное дѣло“—вотъ оно къ чему привело!

Полная этихъ разрозненныхъ мыслей, она въ невыразимой тоскѣ вскакивала съ постели и ходила взадъ и впередъ по комнатамъ. Ходила-ходила, пока утомленіе снова не загоняло ее въ постель. Но ежели ей и удавалось на короткое время забыться, то и во снѣ на нее нападалъ волкъ, впивался когтями въ ея грудь и начиналъ грызть.

Утро встало холодное, мглистое. Во многихъ домахъ еще съ огнями сидѣли, а двери у кабаковъ ужъ визжали. Арина Михайловна сѣла на обычномъ мѣстѣ у окна и сквозь запидевѣвшія стекла автоматически смотрѣла на темные силуэты прохожихъ, стремившихся по направленію къ кабаку. Одинъ, другой, третій — вонъ ихъ сколько! Безсознательно она выпила чай и съѣла цѣлую гривенную просвиру, потому что, не спавши ночь, была голодна. Затѣмъ, когда ужъ совсѣмъ разсвѣло, она начала ждать. Пробило девять, десять часовъ, а Удалого — нѣтъ какъ нѣтъ. Онъ, впрочемъ и прежде никогда въ эту пору не приходилъ, но ей почему-то казалось, что *сегодня* онъ *обязанъ* былъ придти. Наконецъ пробило и двѣнадцать.

Арина Михайловна не вытерпѣла — захватила закладную и поѣхала. Реакція произошла въ ней такъ быстро, что она почти ужъ

не сомнѣвалась. Пріѣхала къ Тріумфальнымъ воротамъ, вошла въ ворота „заложеннаго“ дома и кликнула дворника Антона. Такого не оказалось.

— Какъ же это? вчера мы всѣ вчетверомъ здѣсь были и съ Антономъ разговаривали! — добивалась она съ какой-то горькой настойчивостью.

— Можетъ, и разговаривали съ Антономъ, только дворника такого у насъ нѣтъ.

— Вотъ оно!—мелькнуло у нея въ головѣ.

Въ переулкѣ, на Плющихѣ, она даже дома, въ которомъ вчера помѣщалась нотаріальная контора, не могла признать. Всѣ дома были на одинъ манеръ, и ни на одномъ не было нотаріальной вывѣски. Ей почудилось, что она въ адъ попала и бѣсы около нея кружатся. Вотъ Ѳома Ѳомичъ, вотъ Воротилинъ купецъ, а вотъ и онъ... самъ Тимоня! Ишь, распостылый, глазищи вытаращилъ! такъ петлю за петлей и закидываетъ!

„Какъ предсказала, такъ и сбылось!—подумалось ей:—взялъ ты меня, поморенную курицу, ощипалъ и какъ захотѣлъ, такъ и скушалъ!“

Съ Плющихи она поѣхала на Тверскую, уже къ настоящему нотаріусу, вынула закладную и показала:

— Вотъ я вчера совершила... взгляните!

Нотаріусъ чуть не прыснулъ со смѣха, но взглянулъ на нее и воздержался.

— Надо къ прокурору-съ,—сказалъ онъ:—не медлите-съ!

Однако она жаловаться прокурору не пожелала, а поѣхала къ Иверской, вспомнивъ, какъ вчера она о счастливомъ „свершеньи“ молилась. Тутъ она долгое время стояла какъ потерянная, вперивъ глазъ въ образъ и не молясь; но когда раздались слова канона: „потщися! погибаемъ!“ —она вышла впередъ и, вся дрожа, словно въ лихорадкѣ, произнесла:

— Владычица... видѣла?! Ты... Ты... Ты... видѣла?!

Наконецъ воротилась домой и съ крикомъ: „все оно! все это злое, ужасное дѣло!“ —упала на постель и такъ мучительно зарыдала, что всѣ домашніе сбѣжались въ сосѣднюю комнату и, блѣдные и оцѣпенѣлые, ждали окончанія кризиса.

Съ слѣдующаго же дня жизнь Арины Михайловны пошла по но-

вому. Она чувствовала, что весь воздухъ около нея пропитался срамомъ, что она сама вся съ ногъ до головы срамная, срамная, срамная! И ежели она не убѣжала изъ этого срамного дома, то потому только, что бѣжать отсюда некуда. Но мысль о возможности жаловаться или хлопотать ни разу не представилась ея уму. Этакой срамъ, да еще нести его на судъ—Боже избави! Надо его погребсти, надо совсѣмъ забыть этотъ срамной угаръ, въ которомъ она растеряла и умъ, и стыдъ, и память о прошлыхъ, когда-то счастливыхъ дняхъ!

Какъ женщина хозяйственная, она тотчасъ же сократила размѣры своей жизни, сообразно съ тѣми средствами, которыя давалъ ей уменьшенный на двѣ трети капиталъ. Однако штатъ прислуги рѣшилась не трогать. По прежнему при ней остались и Платонидушка, и Евсеичъ, и дворникъ Палладій, тоже изъ присыпкинскихъ дворовыхъ. Никому изъ нихъ она ничего не открыла, но всѣ видѣли ея недавнее возбужденіе и хлопоты, и понимали, что съ барыней случилось что-то чрезвычайное. И втайнѣ радовались, что Тимошкѣ пучеглазому въ ихъ тихій, старозавѣтный домъ навсегда дорога запала.

Устроивши свой домашній обиходъ, Арина Михайловна усѣлась въ кресло и замолчала. Даже отъ окна отодвинулась, потому что однажды ей показалось, будто бы *онъ* прокатилъ мимо на лихачѣ и сдѣлалъ ей ручкой. Вязальныя спицы быстро шевелились въ ея рукахъ; шарфъ поспѣвалъ за шарфомъ. Думала ли она о чемъ-нибудь во время этой работы—трудно сказать; скорѣе всего, мысли мелькали въ ея головѣ урывками, не задерживаясь и пропадая безслѣдно вслѣдъ за своимъ зарожденіемъ. Но скоро и это времяпровожденіе пришлось оставить, потому что шарфы дарить было некому, а шерсть между тѣмъ денегъ стоила. Пасьянсовъ никакихъ она не знала, а въ ералашъ съ тремя болванами хотя и попробовала сыграть, но это занятіе слишкомъ живо напоминало *его*. Со всѣхъ сторонъ она чувствовала себя безпомощною. Ничего она не знала, ни къ чему не чувствовала охоты. Однако жила же она прежде? И не какъ-нибудь жила, не сложа руки сидѣла, а цѣлый день устраивала и ухичивала. Ахъ, это „злое, ужасное дѣло“! Но теперь даже и къ этой сердечной боли, къ этой причинѣ всѣхъ причинъ, она начала относиться какъ-то тупо. Извнѣ ничто до нея не доходило; даже того лакейскаго говора она не слышала, который по всѣ дни стономъ стоитъ надъ

Москвою. Некому было разсказать ей ни о новыхъ проказахъ суда, ни о земскихъ „штукахъ“, ни о желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ. Ничто не питало ея мысли, ничто не подавало повода восклицать: „вотъ погодите! ужо еще не то будетъ!“ Она знала, конечно, навѣрное, что будетъ что-то ужасное; но такъ какъ подтвердительнаго факта подъ руками у нея не было, то прорицанія, даже въ ея собственныхъ глазахъ, пріобрѣтали характеръ совершенно безцѣльной назойливости.

И внѣ дома, и въ домѣ — все умерло. Тишина водворилась такая, что каждое хлопанье наружными дверьми, сообщавшими барскіе покои съ кухней, гулко раздаваясь по всему дому, заставляло ее вздрагивать. Прислуга приходила въ комнаты только за тѣмъ, чтобы зажечь въ сумерки лампу въ залѣ, накрыть на столъ, принять, подать, и затѣмъ вновь скрывалась по своимъ угламъ. Арина Михайловна сидѣла одна въ своемъ креслѣ и дремала.

1-го мая она отрѣзала у билетовъ купоны и лично поѣхала въ банкъ получать деньги. Теперь ужъ она никому, кромѣ банка, не довѣряла, хотя прежде обыкновенно размѣнивала купоны въ первой попавшей банкирской конторѣ. Еще скажутъ, что купоны не настоящіе или фальшивыми деньгами наградятъ — почемъ она знаетъ! Съ тѣхъ поръ какъ это „злое, ужасное дѣло“ сдѣлалось — всего можно ждать. Даже въ банкѣ объявленія стали вывѣшивать: просятъ не ходить разиня ротъ, ежели у кого деньги въ карманѣ есть. Что „ему“ деньги! ужъ ежели мѣсто, на которомъ стоялъ присыпкинскій домъ, Платонидушка не могла найти, такъ деньги ему... тьфу!

Выѣздъ этотъ на время ее оживилъ. Она и въ ряды съѣздила, шерсти купила, но во время разъѣздовъ такъ крѣпко зажимала въ руку маленькій кожаный сакъ съ деньгами, что развѣ ужъ жизнь у нея отнимутъ, только развѣ тогда... ну, да тогда и денегъ ей, пожалуй, не нужно! Пріѣхавши домой, она раздѣлила полученную сумму на шесть равныхъ кучекъ (съ мая до ноября), а затѣмъ сѣла въ кресло и опять на время разрѣшила себѣ шарфъ вязать. А можетъ быть современемъ она подберетъ всѣ связанные шарфы подъ тѣнь, пришьетъ бокъ къ боку, и выйдетъ у нея прекраснѣйшее одѣяло.

Съ наступленіемъ красныхъ лѣтнихъ дней сдѣлалось веселѣе. Отворили окна, и изъ сосѣдняго сада полились весенніе запахи. Сна-

чала цвѣтущей черемухой запахло, потомъ зацвѣла сирень, липа. Вмѣстѣ съ началомъ этого цвѣтенія начала мало-по-малу затягиваться и душевная рана Арины Михайловны.

Денегъ только мало. Всего двѣ тысячи въ годъ—и въ пиръ, и въ міръ.

Тутъ и поземельные отдай, и страховку заплати, и на ремонтъ по дому часточку отдай. На сладенькое-то да на лакомонькое и нѣтъ ничего. А она, признаться, избаловалась, привыкла. Еще Савося покойникъ ее избаловалъ. Подадутъ, бывало, индюшку, и непремѣнно они изъ-за попова носа поспорятъ. Оба его любятъ; только онъ—ее заставляетъ взять, а она — его; возьмутъ наконецъ да и подѣлятъ. А теперь сколько времени она и въ глаза индюшечки не видала! Но въ особенности ее тяготилъ домъ. Тепло въ немъ, привольно, но за то онъ четверть дохода ея съѣдаетъ. Того гляди, зимой надо будетъ парадную полсвину заколотить, въ двухъ каморочкахъ пріютиться, чтобы лишнихъ дровъ не тратить. И все-таки ей казалось, что лучше она щи да кашу будетъ ѣсть, нежели съ квартиры на квартиру переѣзжать.

— Иная, пожалуй, наймета квартиру-то да еще жильцовъ пуститъ, — говорила она: — около нихъ и питается. И идетъ у нихъ съ утра до вечера шумъ да гамъ, пѣсни да пляски, винище да табачище, а она сиди въ своей каморкѣ да помалчивай. Неужто-жъ и мнѣ такъ жить!

И вотъ судьба, какъ бы въ отвѣтъ на ея сѣтованія, улыбнулась ей. Однажды сидитъ она у окна, и видитъ — мимо дому знакомый отецъ-дьяконъ идетъ. Въ рукѣ узелокъ плотно зажалъ, полы у ряски по вѣтру развѣваются, волосы въ безпорядкѣ, лицо радостно озабоченное, на лбу капли пота дрожатъ. Очевидно, торопится.

— Куда больно экстренно, отецъ-діаконъ? — окликнула его Арина Михайловна.

— Некогда, сударыня, спѣшу,—отвѣтилъ онъ:—въ „банку“ бѣгу, какъ бы къ пріему не опоздать. Вонъ сколько денегъ набралъ! А изъ „банки“, извольте, и къ вамъ забѣгу.

Дѣйствительно, управившись въ банкѣ, отецъ-діаконъ сообщилъ Аринѣ Михайловнѣ нѣчто весьма серьезное. Оказывалось, что народился благодѣтельный для Россіи финансистъ, который „залюбовь“ всѣмъ по десяти копѣекъ съ рубля платитъ. И живетъ этотъ финан-

систъ въ градѣ Скопинѣ-Рязанскомъ, и оттолѣ на всю Россію благодѣянія изливаетъ. Кто принесетъ ему тыщу—тому онъ сто рублей, кто двѣ тыщи — двѣсти. Живи какъ у Христа за пазушкой. Хочешь всѣ истратить—всѣ истрать: хочешь прикопить—прикапливай; накопишь — опять къ нему неси. А онъ наберетъ денегъ, да изъ интереса желающимъ и раздаетъ. Иному—подъ обезпеченіе, другому—который, значитъ, потрафить съумѣлъ, мнѣніе объ себѣ пріятное внушилъ—просто „залюбовь", подъ расписку. Садись и пиши: столько-то тыщъ сполна получилъ, а когда будутъ деньги—отдамъ. Только и всего. И такъ онъ этою выдумкою всѣхъ обрадовалъ, что теперича ежели у кого хоть грошъ въ мошнѣ запутался — всѣ къ нему бѣгутъ. Потому дѣло чистое, у всѣхъ на виду. И „банка" такая при господинѣ Рыковѣ выстроена, которая у однихъ беретъ деньги, а другимъ выдаетъ, а Скопинъ-градъ за все про все отвѣчаетъ. Стало быть, чуть какая заминочка—сейчасъ можно этотъ самый градъ, со всѣми потрохами, „сукціону" продать. А кромѣ того и объявленіе отъ господина Рыкова печатное ко всѣмъ разослано, а подъ нимъ подписано: „Печатать дозволяется. Цензоръ Бируковъ"*). Стало быть, и со стороны начальства одобреніе видится.

— Вотъ и нашъ причтъ заблагоразсудилъ,—объяснился отецъ-діаконъ:—какіе у кого рублишки сбереглись—всѣ въ градъ Скопинъ при просительномъ письмѣ къ господину Рыкову препроводить. А причетники такъ даже ложки у кого свѣтленькія были, и тѣ продали, въ чаяніи, что господинъ Рыковъ впослѣдствіи угобзитъ. Для этого собственно я и въ государственный банкъ бѣгалъ въ родѣ какъ довѣренный. Сдалъ наличность полностью—и правъ. А оттуда она по телеграфу—въ Скопинъ-градъ.

Отецъ-діаконъ остановился и издалъ губами звукъ, какъ деньги по телеграфу въ Скопинъ побѣгутъ.

— И вамъ, сударыня, совѣтую,—продолжалъ онъ.—Конечно, по нынѣшнему времени, и пятнадцать копѣечекъ подъ вѣрный залогъ охотно дадутъ, да залоги-то нынѣ... ищи его потомъ да свищи! А тутъ, въ „банкѣ", разлюбезное дѣло! положилъ деньги, и уповай!

Разсказалъ отецъ-діаконъ, точно на бобахъ развелъ, напился чаю

*) Очевидно, что о. діаконъ ошибся: цензора Бирукова въ это время не было въ цензурномъ вѣдомствѣ.

и ушелъ. А Арина Михайловна задумалась. Какъ ни разсчитывай, какъ ни сокращай себя, а на двѣ тысячи рублей, имѣя на рукахъ цѣлый домъ, трудно прожить. А господинъ Рыковъ между тѣмъ на тотъ же самый капиталъ четыре тысячи выдастъ—вѣдь это разомъ удвоитъ ся доходъ. Ежели она даже не очень понравится господину Рыкову, такъ и тогда онъ восемь-то копѣечекъ навѣрное дастъ. Восемь копѣекъ—это уже всѣмъ даютъ. И причтамъ церковнымъ, и раненымъ, а кто по интендантской части деньги нажилъ—тѣмъ больше. Что, ежели и она, по примѣру прочихъ... положимъ, не весь капиталъ, а тысячъ этакъ тридцать... вотъ девятьсотъ рубликовъ и въ карманъ!.. Это ежели по восьми копѣекъ, а коли по десяти... тутъ ужъ другой будетъ разговоръ! И расходы по дому, и отопленіе, и прислуга—все тутъ. А діаконъ—онъ деньгамъ счетъ знаетъ; не полѣзетъ онъ сбухта-барахты: извольте, господинъ Рыковъ, ваши денежки получить! нѣтъ! онъ почешетъ да и почешетъ затылокъ, прежде нежели мошну выворотить!

Въ принципѣ Арина Михайловна рѣшила вопросъ очень скоро. Тутъ не частный человѣкъ, въ родѣ Воротилина, деньги беретъ, а банкъ—все равно что ломбардъ. Банка не спрячешь. И притомъ дѣло ведется чисто, у всѣхъ на знати: сколько однѣхъ провѣрокъ! Ужъ ежели тутъ невѣрно, стало быть и вездѣ невѣрно: и билеты ея невѣрны, и домъ невѣренъ—ложись въ гробъ и умирай! Однако и за всѣмъ тѣмъ, какъ женщина, недавно еще выдержавшая глубокое матеріальное и нравственное потрясеніе, она все-таки рѣшилась предварительно самолично удостовѣриться, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать городъ Скопинъ, и точно ли находится въ немъ банкъ, о которомъ съ такой выгодной стороны отозвался отецъ-діаконъ. Слыхала она про Скопинъ, когда еще въ дѣвкахъ была, что это тотъ самый городъ, въ которомъ никому жить незачѣмъ,—ну, да вѣдь иногда и калѣку Богъ умудритъ. У насъ и сплошь такъ бываетъ: лежитъ куча навоза, и вдругъ въ ней человѣкъ зародится и начнетъ вертѣть. Вертитъ-вертитъ—смотришь, началъ-то онъ съ покупки для города новой пожарной трубы, а кончилъ банкомъ! Вотъ ты его и понимай!

Сѣла Арина Михайловна на машину и поѣхала. Видитъ: городъ не городъ, село не село. Вониетъ. Жителей—десять тысячъ. И въ томъ числѣ двѣ тысячи кредиторовъ. Со всѣхъ концовъ Россіи слѣпые да хромые собрались, поселились въ слободкѣ, чтобъ поближе

къ процентамъ жить, и уповаютъ. Тутъ и попы заштатные, и увѣчные воины, и даже одинъ интендантъ. Интендантъ жениться собрался. Пошла она по городу банкъ искать, пришла на площадь, а онъ тутъ какъ тутъ: пожалуйте! Она было прочь бѣжать: сгинь-пропади! — анъ нѣтъ, бѣжать не приказано! Дѣлать нечего, пришлось къ директору съ повинной идти. Тотъ слова не сказалъ, сразу десять процентовъ опредѣлилъ и бумажку ей въ руки далъ: идите къ бухгалтеру. Бухгалтеръ взялъ билеты, раскрылъ большущую книгу и сказалъ:

— У насъ, сударыня, на итальянскій манеръ. Сначала вотъ въ этомъ мѣстѣ тридцать тысячъ запишемъ — это будетъ „loro“; значитъ: ваше. А потомъ ихъ же вотъ въ этомъ мѣстѣ запишемъ — это будетъ „nostro“; значитъ: наше. И нашимъ, и вашимъ. А затѣмъ вотъ вамъ, сударыня, фитанецъ — значитъ: адью!

Такъ и уѣхала она изъ Скопина, несолоно хлѣбавши.

— Такъ у нихъ просто, такъ просто! — разсказывала она отцу-діакону, пріѣхавши въ Москву: — сначала налѣво записали, потомъ — направо, и, окрутивши такимъ манеромъ, выдали фитанецъ.

— Вотъ до чего люди дошли! — умилился отецъ-діаконъ.

Прожила Арина Михайловна такимъ образомъ лѣтъ пять сряду, и, нечего сказать, благородно прожила. Проценты получала своевременно и сполна, и не разъ подумывала о томъ, не свезти ли ей и остальныя десять тысячъ къ господину Рыкову, но откладывала да откладывала — такъ и просидѣла, не выполнивши своего намѣренія. И такъ какъ ничто столь не украшаетъ человѣка, какъ спокойное житье, то она мало-по-малу начала и объ „этомъ зломъ и ужасномъ дѣлѣ“ забывать. Напротивъ, стала находить, что „нѣкоторое“ даже хорошо вышло. Благодѣтельный для Россіи финансистъ ужъ народился, а современемъ, чего добраго, народится и благодѣтельный для Россіи публицистъ. То-то пойдутъ у насъ смѣхи да утѣхи! Присыпкино-то, думали, пропало, а оно вдругъ опять... тьфу! тьфу! тьфу! Какъ бы только не сглазить! Но ей и безъ Присыпкина настолько хорошо, что она даже дичиться людей перестала. Къ ней ходитъ и отецъ-діаконъ, и отецъ-протопопъ, и супруги ихнія, а иногда зайдетъ выкушать чашку чаю и самъ господинъ квартальный. Сидятъ она и разговариваютъ, какъ нынѣче всѣмъ хорошо и какая это для всѣхъ лёгость, что г. Рыковъ въ Скопинѣ „банку“

открылъ, и оттуда на всю Россію благодѣтельніе изливаетъ. Однажды даже самъ Семенъ Семенычъ зашелъ къ ней, прочиталъ монологъ изъ „Гамлета", потомъ вскочилъ, да что-то ее обругалъ, крикнулъ: „ахъ, ничего-то вы, идолы, не понимаете!" — и убѣжалъ къ Сухаревой башнѣ.

Словомъ сказать, жилось хорошо, а ожидалось еще лучше.

И вотъ, однимъ утромъ, сидѣла она на своемъ любимомъ мѣстѣ и по обыкновенію вязала шарфъ. Вдругъ видитъ, что отецъ-діаконъ, *какъ и въ тотъ разъ*, на всѣхъ рысяхъ бѣжитъ. Но узелка у него въ рукахъ ужъ нѣтъ, и лицо блѣдное и растерянное.

— Что случилось, отецъ-діаконъ? — крикнула она ему.

— „Банка" лопнула! бѣгу!

Недавно, проѣздомъ черезъ Москву въ деревню, я воспользовался промежуточнымъ между поѣздами временемъ, чтобы поросенка купить. Сдѣлавши это, вспомнилъ объ Аринѣ Михайловнѣ и отыскалъ ее.

Домъ свой въ Четвертой Мѣщанской она уже продала и живетъ теперь у Сухаревой, въ какомъ-то неказистомъ переулкѣ, въ крохотной квартиркѣ, по стѣнамъ которой зимой потоки бѣгутъ. Живетъ бѣдно: какъ говорится, съ хлѣба на квасъ. Состарѣлась, посѣдѣла, осунулась: блуза виситъ на ней какъ на вѣшалкѣ. Изъ прислуги осталась при ней только Платонидушка, да и та еле бродитъ. Евсеичъ опредѣлился въ какую-то газету вольнонаемнымъ редакторомъ (изумительно! только въ Москвѣ да въ Петербургѣ это и бываетъ!), а Палладій догадался и умеръ.

Въ то же время въ Аринѣ Михайловнѣ совершилась и еще одна, довольно важная, перемѣна. Она выписываетъ „Куранты" и усердно читаетъ ихъ. И всякій разъ, какъ прочтетъ какое-нибудь карканье, начинаетъ и въ свою очередь пророчать: „погодите! то ли еще ужъ будетъ!" Платонидушка потихоньку пожаловалась мнѣ, что „барыню" объѣдаютъ и опиваютъ какіе-то литераторы отъ Иверской (вмѣсто прежнихъ приказныхъ, по случаю свободы книгопечатанія, завелись), которые отъ времени до времени украшаютъ задніе столбцы „Курантовъ" заявленіями, извѣщеніями и удивленіями. Соберутся, жрутъ водку, удивляются и судачатъ. А когда ужъ, что называется,

до зѣла напьются, возьмутъ другъ дружку за руки и застонутъ: „погодите! то ли еще будетъ! вотъ увидите!“

Меня Арина Михайловна приняла довольно холодно, даже закусить не пригласила, хотя я видѣлъ, что въ буфетѣ, на столикѣ, стоитъ штофъ и тарелка съ ломтиками углицкой колбасы. Должно быть, иверскихъ литераторовъ поджидала.

Письмо пятое.

Вы, конечно, ужъ знаете, что господство хищенія кончилось. Что касается до меня, то я узналъ объ этомъ изъ газетъ, и, признаюсь откровенно, сейчасъ же повѣрилъ. Еще такъ недавно, на нашихъ глазахъ происходилъ такой грандіозный обмѣнъ хищеній, что многіе не безъ основанія отводили этому явленію ту же роль, какую играетъ обмѣнъ веществъ въ жизни отдѣльнаго индивидуума. И вдругъ прилетаетъ вѣсть: обмѣнъ веществъ прекратился! Какимъ образомъ? съ чего? —Да такъ, ни съ того, ни съ сего. Прекратился, и будетъ съ васъ.

И радостно, и жутко. Что-то будетъ? какъ-то вынесетъ общество столь внезапную утрату? что станется съ нашими раутами, пикниками, катаньями на тройкахъ и другими увеселеніями? выдержитъ ли неизбѣжный кризисъ торговля модными бакалейными и гастрономическими товарами? Передъ кѣмъ и на какой предметъ будутъ обнажать себя наши дамочки? отыщетъ ли общество новыя основы для жизнедѣятельности или просто-на-просто возьметъ да и захиритъ?

Повторяю: и радостно, и жутко...

Откуда однакожъ взялась эта добрая вѣсть? — кто первый ее распубликовалъ? — Оказалось, что первый пустилъ ее въ обращеніе Подхалимовъ, извѣстный отвѣтчикъ, корреспондентъ и публицистъ. Я — къ Подхалимову. Любезный другъ! — неужто ты не солгалъ? — „Вѣрно, говоритъ, вотъ и доказательство“. Смотрю, и глазамъ не вѣрю: „Печатать дозволяется. Цензоръ Бируковъ“.

О, коли такъ — стало быть, и сомнѣнія не можетъ быть!

Бируковъ — онъ навѣрное все заранѣе разсчиталъ и предусмотрѣлъ. Простофиль — около концессій пристроилъ, хищниковъ

— по церковнымъ кончительствамъ раскассировалъ. Наживайтесь, простофили! а вы, хищники, кладите зубы на полку. Sapienti sat.

„Не обличать надо, а любить“, говаривалъ покойный Прутковъ, а я съ своей стороны присовокупляю: не сомнѣваться надо (сомнѣваться-то всякій умѣетъ!), а радоваться. Да, кстати, и ближнихъ о приключившейся радости увѣдомлять. Поэтому я прежде всего сообщилъ о вычитанномъ мною извѣстіи нашему деревенскому старостѣ. „Знай, Денисъ, писалъ я ему, что господство хищенія кончилось— это мнѣ самъ Подхалимовъ подтвердилъ. Стало быть, деньги, которыя прежде на сей предметъ съ мужичковъ сходили, останутся у нихъ въ мошнѣ. А потому, ежели впредь потравы или порубки въ моихъ дачахъ окажутся, то я буду въ оба смотрѣть и никакихъ послабленій не допущу: теперь есть чѣмъ штрафы платить“. А черезъ мѣсяцъ получилъ отъ старосты отвѣтъ. „И мы насчетъ хищеньевъ черезъ урядника обнадежены, и хищеньевъ теперь у насъ нѣтъ, а кои мужички допрежъ сего воровали, тѣ и сейчасъ другъ у дружки взаимно поворовываютъ; только надо полагать, что сіе въ скорости прекратится, потому что въ настоящемъ случаѣ у насъ въ деревнѣ только подковы остались, а лошади всѣ до одной на уплату хищеньевъ пошли. И что вы насчетъ потравъ пишете — оное я объявлялъ, и мужички платить штрафъ согласны, только просятъ, не будетъ ли милости ради такого случая два ведра на общество выставить?“

Разумѣется, я не только разрѣшилъ, но на радостяхъ написалъ къ мужичкамъ цидулу:

„Друзья!

„Называю васъ этимъ именемъ, потому что теперь вы уже не меньшіе братья, а самые достовѣрные друзья. Въ васъ, какъ нынѣче во всѣхъ газетахъ объявлено, здравый смыслъ проявился, а по слабому нашему времени это ахъ какъ дорого! Берегите оный, не пропивайте. А ежели кому хочется выпить, то поступайте такъ: одну рюмку — передъ завтракомъ, другую — передъ обѣдомъ, а третью — передъ ужиномъ. Подъ симъ условіемъ и я разрѣшилъ Денису просимыя два ведра выставить, и буду весьма огорченъ, ежели хотя нѣкоторые изъ васъ воспользуются симъ случаемъ, чтобы здраваго смысла лишиться. Только насчетъ штрафовъ — чтобы вѣрно было. Помните, друзья, что у насъ, интеллигентовъ, съ тѣхъ поръ, какъ

хищенія кончились, только на штрафы и надежда осталась, а здраваго смысла мы еще до хищеньевъ лишились. А еще будетъ лучше, ежели вы, съ помощью крестьянскаго банка, всю угоду у меня купите. Я лишняго немного возьму, а вамъ это удовольствіе доставитъ. Вы знаете, что я и прежде хищникомъ не былъ, а теперь и радъ бы, да руки коротки: не приказано. А ежели приказано—значитъ, аминь. И вамъ не совѣтую. Будьте здоровы, друзья!

„Отставной помѣщикъ Сицилистовъ.“

Отославши это письмо, я однакожъ задумался.

Какъ они должны быть счастливы, думалось мнѣ, что господство хищенія кончилось! Всѣ эти фасоны и фестоны, которые мы, правящіе классы, граня мостовые, выдумываемъ—все это, въ концѣ концовъ, вѣдь на *нихъ* обрушивается! Кузьма Прутковъ, отъ нечего-дѣлать, уфимскую землю задешево похитилъ, а у Васьки Чувашенина отъ этого фестона загривокъ болитъ. Столоначальникъ департамента преуспѣяній и прогрессовъ кратчайшій способъ безъ пороха палить изобрѣлъ, а у обывателей деревни Проплеванной мурашки по спинѣ ползутъ. Губошленовъ концессію получилъ, а въ селѣ Ненадѣдовѣ бабы воемъ воютъ. Феденька Кротиковъ рядъ рѣзвыхъ циркуляровъ издалъ, а у дедюхиныхъ мужиковъ животы съ толокна подвело. Tout s'enchaine, tout se lie dans ce monde, какъ сказалъ нѣкогда Ламартинъ.

Самъ Подхалимовъ (теперь онъ, конечно, безъ слезъ вспомнить объ этомъ не можетъ) былъ въ свое время не прочь похищничать. Пойдетъ, бывало, по гостиному двору и крикнетъ кличъ: „а ну-те, брюханы! чтобъ было по столько-то рублей съ каждаго купеческаго брюха, а не то я въ газетинѣ мораль на васъ пущать буду!“ И какъ сказалъ, такъ и сдѣлаетъ. А заугольниковскій мужикъ, бывало, дивится: съ чего, молъ, это ситцевая рубашка вдругъ на полтину дороже стала? Анъ она вонъ куда, на подметки Подхалимову, полтина-то ушла!

Купецъ купца къ мировому потащилъ—корела судебныя издержки плати! Кредитка подъ залогъ Туляковскихъ домовъ зря деньги выдала—мордва убытки возмѣщай! Посчитайте-ка, анъ денегъ-то и многонько выйдетъ.

И ни дедюхинскіе мужики, ни Васька Чувашенинъ, ни пена-

ѣдовскія бабы никогда ничего и ни объ чемъ не знали. Думали, что это „такъ“. Не знали, что Губошлеповскую концессію надо гарантировать, Прутковское хищеніе оформить, Кротиковскіе циркуляры оплатить, выдумку счастливаго столоначальника—осуществить. Да, признаться сказать, едва-ли было и желательно, чтобъ они понимали и знали.

Относительно деревни самое главное условіе—это чтобъ она какъ можно дольше сохранила невинность. Въ противномъ случаѣ она захандритъ. Поэтому тѣ, которые, видя въ Губошлеповскихъ распутствахъ отчасти неизбѣжное зло, а отчасти свойственное цивилизованному обществу украшеніе, принимаютъ мѣры, чтобы слухи объ этихъ интеллигентныхъ распутствахъ не проникли въ деревню,—поступаютъ, по мнѣнію моему, совершенно резонно. Пускай хоть дулебы, древляне, радимичи и пр. останутся внѣ района интеллигентнаго растлѣнія; пускай хоть они спасутся. Деревня обязывается знать твердо свой окладной листъ—и ничего больше. Что пользы знать, что гужеѣдъ Губошлеповъ и проворный Мовша Гудковъ впились въ этотъ окладной листъ и разъѣдаютъ его точно такъ же, какъ міріады мелкихъ, но жадныхъ паразитовъ разъѣдаютъ мощный организмъ кита? Такого рода знаніе не можетъ ни возвеселить, ни удовлетворить, а только наведетъ на сердце суматоху. Спите, други, и почивайте!

Но ежели хорошо, чтобы деревня оставалась въ невѣдѣніи, то, разумѣется, еще будетъ лучше, если и самого матеріала, на основаніи котораго составляются несвойственныя деревнѣ знанія, не окажется на-лицо. Или, говоря другими словами, вполнѣ резонно и предусмотрительно поступаютъ и думаютъ только тѣ, которые ни въ Губошлеповыхъ, ни въ Кротиковыхъ не видятъ ни неизбѣжнаго зла, ни свойственнаго цивилизаціи украшенія. Право, Губошлеповы вовсе не такъ необходимы и не такъ изящны, какъ это кажется съ перваго взгляда, и общество, будь оно хоть расцивилизованное, прожить безъ нихъ очень можетъ. Говорятъ, будто бы они настолько въѣлись въ интимную жизнь общества, настолько овладѣли умами и волей интеллигенціи, что полное ихъ устраненіе представляетъ трудности почти непреоборимыя. Но прежде всего—„почти“ еще далеко не значитъ „совсѣмъ“. Я согласенъ, что сладить съ Губошлеповымъ довольно трудно, но попробовать и постараться все-таки можно. Напримѣръ,

ежели напустить на него анти-Губошлеповыхъ — и даже не „напустить“, а только дать имъ возможность появиться, то Губошлеповъ самъ догадается, чѣмъ пахнетъ, и будетъ постепенно себя сокращать. То же самое и относительно Гудковыхъ, Крестовыхъ и проч. Разомъ всѣхъ ихъ вытравить — нельзя, но понемножку — можно. Это хоть кого угодно спросите.

Но есть и еще одно вѣское соображеніе въ пользу огражденія обывательской невинности, не прибѣгая къ фортелямъ, а непосредственно воздѣйствуя на самое хищничество. А именно: какъ искусно ни оберегайте деревню отъ вторженія несвойственныхъ знаній, послѣднія рано или поздно все-таки проникнутъ въ нее. Деревня ужъ давно не живетъ тою изолированною жизнью, которая позволяла смотрѣть на нее какъ на отрѣзанный ломоть. Рѣдокъ онъ теперь, тотъ пещерный мужичокъ, который родился, жилъ и умиралъ въ невѣдѣніи интеллигентныхъ затѣй. Нынѣшній мужичокъ многое видѣлъ лично, многое изъ видѣннаго на усъ себѣ намоталъ и многое другимъ, невидавшимъ, поразсказалъ. Онъ знаетъ, какъ Губошлеповъ съ Гудковымъ въ столицахъ помахиваютъ, и только еще не сообразилъ, какая существуетъ связь между этимъ помахиваньемъ и имъ, проплеванскимъ корелой. А что ежели эту связь возьметъ на себя объяснить ему окладной листъ? Право, едва-ли можно навѣрное поручиться, что это дѣло нестаточное. Но, сверхъ того, и сами интеллигенты нынѣшніе стали противъ прежняго куда легкомысленнѣе. Нѣтъ, нѣтъ, да и откроютъ сами себя. Поѣдетъ, напримѣръ, интеллигентъ на тройкѣ за городъ — вотъ тебѣ десять рублей на водку! Пріѣдетъ на звѣря охотиться — вали всей деревней въ загонщики, — вотъ вамъ сто, двѣсти рублей! Нѣтъ чтобы понрижаться: у меня, дескать, денежки трудовыя, ой-ой, какъ много я шевелить мозгами долженъ, чтобы ихъ добыть! „Плёвъ сто рублёвъ!“ — только это неумное восклицаніе и перекатывается изъ края въ край. А гдѣ ты, позволь спросить, рубли-то взялъ? откуда они въ мошну-то къ тебѣ наползли?.. ахъ, сдѣлай милость!

Вотъ почему я и говорю: ежели проницательно поступаютъ тѣ, кои оберегаютъ деревню отъ вторженія несвойственныхъ знаній, то еще болѣе проницательными являютъ себя тѣ, кои устраняютъ самый матеріалъ, служащій для этихъ знаній основаніемъ.

Этихъ-то послѣднихъ дѣятелей повидимому и имѣлъ въ виду

Подхалимовъ, возвѣщая изумленному міру, что господство хищенія кончилось.

Да, дожили-таки мы — вотъ до чего мы дожили! Губошлеповъ съ тоски въ монахи постригся; Соломонъ Мерзавскій все имѣніе нищимъ роздалъ и поступилъ кассиромъ въ общество доброхотной копѣйки; Мовша Гудковъ плачетъ, но ѣстъ акридъ... ахъ, аспиды, аспиды! Это ли не результатъ? это ли не волшебное представленіе? Живіо! брависсимо! bis, bis!

Но не привралъ ли однако Подхалимовъ? Какъ будто черезъчуръ уже волшебно у него выходитъ... „Кончилось“... „постригся въ монахи“... „роздалъ нищимъ имѣніе“... Что-то какъ будто густо... Какія слова тутъ настоящія, какія — лишнія? Подхалимовъ — малый ловкій, но онъ не прочь поврать, а еще больше любитъ порадоваться и другихъ обрадовать. Онъ, того гляди, и отъ себя сочинитъ, лишь бы имѣть случай поликовать въ своей газетинѣ. Спросъ нынѣче на газетныя ликованія большой; и сверху, и снизу, и съ боковъ только и слышатся голоса: да ликуйте же наконецъ! Вотъ Подхалимовъ и проникся этой потребностью. Во-первыхъ, онъ по природѣ къ ней всегда былъ предрасположенъ, а во-вторыхъ, за ликованія-то нынѣче по десяти копѣекъ со строчки платятъ, за сѣтованія — по пяти, а уныніе, нытье и пристрастіе и совсѣмъ прочь гонятъ. Такъ что еслибъ явился, напримѣръ, съ того свѣта докторъ Фаустъ и объявилъ, что результатъ усилій человѣческой мысли и жизни исчерпывается словомъ *ничто*, то всѣ поросята навѣрное въ одинъ голосъ бы завопили: какъ „ничто“! а земскія учрежденія? а свобода книгопечатанія? а новые суды? а рѣшеніе кассаціоннаго департамента за № такимъ-то?..

Такъ вотъ не упустилъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Подхалимовъ чего-нибудь въ радостныхъ попыхахъ?

Сознаюсь откровенно: этотъ вопросъ предсталъ передо мной не совсѣмъ своевременно; но, разъ возникнувъ, онъ уже неотступно преслѣдовалъ мою возбужденную мысль. Я такъ давно живу на свѣтѣ, такъ много видѣлъ и, главное, такъ много помню, что, помимо убѣжденій разсудка, одинъ жизненный опытъ заставляетъ меня относиться къ газетнымъ извѣстіямъ съ осторожностью. Я помню, что когда впервые появилось слово „хищеніе“, и въ газетахъ раздались по его поводу стенанія, то меня озадачило стремленіе публицистовъ щегольнуть передъ читателемъ новою новинкою. Совсѣмъ тутъ никакой

новинки не было. Хищеніе, сирѣчь высасываніе выморочныхъ соковъ, извѣстно было издревле, и издревле же значилось во всѣхъ азбукахъ подъ всевозможными рубриками. Если же и воспослѣдовала, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ этомъ отношеніи [illegible] реформа, то она коснулась только внѣшнихъ пріемовъ, размѣровъ и названія. Въ древности, слова „хищеніе“ не было, но за то было слово: „лафа“, и вся до-реформенная Русь отлично понимала, что слово это означаетъ именно высасываніе выморочныхъ соковъ. Но такъ какъ конструкція этого слова слишкомъ отзывалась провинціализмомъ и татарщиной, то понятно, что съ поднятіемъ уровня образованности почувствовалась потребность и въ поднятіи уровня терминологіи. Отсюда — замѣна слова: „лафа“ — словомъ: „хищничество“. То же поднятіе уровня образованности не могло не повліять и на внѣшніе пріемы высасыванія, устранивъ все рѣжущее и грубо-реальное и сообщивъ этому занятію характеръ порядочности и даже нѣкоторой щеголеватости. А дороговизна съѣстныхъ припасовъ, увеличеніе таможеннаго тарифа на предметы роскоши и непомѣрное вздорожаніе кокотокъ довершили остальное, расширивъ понятіе о выморочности до такихъ размѣровъ, о которыхъ, конечно, и во снѣ не снилось скромнымъ эксплуататорамъ „лафы“.

Старая, до-реформенная Русь вовсе не была чужда процессу сосанія; она только понимала его безъ вывертовъ, вполнѣ конкретно. Объектъ сосанія представлялся ей въ формѣ сочащагося мяса, къ которому она припадала и зубами, и губами, и языкомъ, и отъ котораго отваливалась только тогда, когда вмѣсто лафы оставалось сухое, безвкусное волокно. Даже въ переносномъ смыслѣ она недалеко отступала отъ этого конкретнаго представленія; даже и тутъ ее по преимуществу привлекалъ непосредственный процессъ сосанія и тѣ результаты, которые были ясны и доступны для самаго неповрежденнаго ума.

Бывало, кто-нибудь изъ „тутошнихъ“ мѣсто исправника получитъ — про него говорили: „теперь ему будетъ не житье, а лафа“. Или сутяга между „тутошними“ проявится и начнетъ „прочихъ жителей“ разбоемъ, ябедою и волокитою донимать — про него говорили: „ему лафа; онъ такого страху на всѣхъ нагналъ, что передъ нимъ слова никто не пикнетъ!“ Или „умница“ подходящаго „дурака“ на распутьи обрѣтетъ и начнетъ его „чистить“ — про него говорили:

„этому человѣку лафа съ неба свалилась; теперь только не зѣвай!“ Или наконецъ такъ человѣкъ устроится, чтобы ничего не дѣлать, а только спать да жрать — про него говорили: „такую онъ лафу обрящилъ, что умирать не надо!“ Даже красивую женщину (жену или любовницу) называли „лафою“, и говорили: „ну, братъ, дорвался ты до лафы; теперь смотри на нее да стереги!“

Естественно, что для нашего образованнаго времени подобныя представленія и слишкомъ грубы, и слишкомъ узки. Нынѣче исправницкими доходами никого не удивишь, да и „дуракомъ“, ежели онъ въ единственномъ числѣ, сытъ не будешь, а надо, чтобъ, по крайней мѣрѣ, хоть небольшое стадо дураковъ было въ резервѣ. Поэтому и придумали: воровать съ такимъ разсчетомъ, чтобы, во-первыхъ, нельзя было съ достовѣрностью указать, кто именно обворованъ, да и самъ обворованный не умѣлъ бы себѣ объяснить, дѣйствительно ли онъ обворованъ, или только сдѣлался естественною жертвою современнаго вѣянія; и, во-вторыхъ, чтобы воровство, оставаясь воровствомъ по существу, имѣло всѣ признаки занятія не только не предосудительнаго, но вполнѣ приличнаго, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и полезнаго.

Разрѣшить эту задачу взялись „хищники“. „Хищниками“ однакожъ ихъ называютъ только газеты, да и то не всѣ (нѣкоторыя даже указываютъ на нихъ какъ на сыновъ отечества); сами же себя, въ домашнемъ быту, они называютъ „дѣльцами“, а въ шуточномъ тонѣ —воротилами.

Открываетъ, напримѣръ, плутъ Архиканаки торговлю деньгами. Съ утра до вечера онъ твердитъ: продать-купить, купить-продать, обертывается, перевертывается, сперва въ одну книгу запишетъ, потомъ въ другую; словомъ сказать, занимается „дѣломъ“. А соки между тѣмъ капля по каплѣ такъ и текутъ черезъ открытый кранъ въ заранѣе приготовленное сокохранилище... Или: издаетъ Ѳеденька Кротиковъ циркуляръ совершенно философическаго содержанія; не упоминаетъ ни о „барашкѣ въ бумажкѣ“ (очень древнее выраженіе, нѣчто въ родѣ нещерной конституціи), ни даже о дивидендахъ (выраженіе позднѣйшее, стоящее на рубежѣ древней и новѣйшей исторіи, но нынѣче и его ужъ стремятся упорядочить), а только Цицеронову рѣчь „De officiis“ на русскіе нравы перелагаетъ —смотришь, а незримое сокохранилище наполняется да наполняется... Или: вы-

хлопатываетъ Губошлеповъ концессію—сирѣчь, право за умѣренную плату возить обывателей взадъ и впередъ по желѣзной дорогѣ: польза-то какая!—и при семъ только одно слово прибавляетъ: „съ гарантіею“ (пять процентовъ, не больше, да и то „въ томъ случаѣ ежели“) —и что-жъ! соки такъ и плывутъ въ поставленные на каждой станціи сокопріемники!

Таковы внутренніе и внѣшніе признаки явленія, прославившаго себя подъ именемъ „хищничества“. Но не соблазняйтесь его показнымъ изяществомъ, а отыщите сокохранилище и постарайтесь угадать „простофилю“, который наполнилъ это сокохранилище приличествующимъ содержаніемъ. Ежели вы это выполните, то навѣрное убѣдитесь, что между „хищничествомъ“ и „лафою“ существуетъ столь же несомнѣнная преемственность, какъ между черевикомъ деревенской молодухи и изящной ботинкой модной кокотки. Неуклюжъ и тяжелъ деревенскій черевикъ, но не подлежитъ спору, что онъ— отецъ легковѣсной кокоткиной ботинки.

Вотъ два факта, въ непререкаемости которыхъ мы даже ни на минуту усомниться не можемъ. Во-первыхъ, древнее преданіе и, во-вторыхъ, недавняя практика. Въ виду такой устойчивости и общепризнанности явленія, столь мало загадочнаго, — какъ надлежитъ поступить? Повѣрить ли на-слово газетчикамъ, возвѣщающимъ его внезапное исчезновеніе, или же, напротивъ, отнестись къ газетнымъ ликованіямъ съ благоразумною осмотрительностью?

По моему мнѣнію, въ такихъ случаяхъ всего правильнѣе поступать на-двое: прежде всего обрадоваться, дабы тѣмъ засвидѣтельствовать; а потомъ, буде для продолжительной радости не представится надлежащаго питанія, то постараться привести дѣло въ ясность.

Именно такъ я и сдѣлалъ. Сначала и самъ обрадовался, и мужичковъ поспѣшилъ обрадовать (ништо имъ! за два ведра они и не такую радость на плечахъ вынесутъ!), а по прекращеніи радости— рѣшилъ дѣло привести въ ясность.

Сидѣлъ-сидѣлъ, думалъ-думалъ — что̀ за чудо, не могу концы съ концами свести, да и шабашъ! Начнешь строить силлогизмъ, первые два термина какъ-нибудь поймаешь, а третій хоть и не лови! Скользитъ, какъ вьюнъ: вонъ онъ, вонъ онъ —апъ нѣтъ его!

Нѣтъ, думаю, такъ нельзя. Пойду опять къ Подхалимову, объяснюсь. Пускай онъ докажетъ,—не на основаніи одной Бируковской

подписи (помилуйте! развѣ это доказательство), а ясно и осязательно, —что хищничество во истину поражено остракизмомъ и не возвратится даже подъ скромнымъ наименованіемъ „лафы“. И что въ будущемъ насъ ожидаетъ тишь и гладь —хоть шаромъ покати!

Я засталъ Подхалимова въ самомъ пріятномъ душевномъ настроеніи. Наканунѣ онъ написалъ какое-то неслыханное число строчекъ, а на утро получилъ за каждую по гривеннику. Онъ только-что возвратился изъ утренняго обхода, во время котораго собиралъ матеріалъ для завтрашнихъ строчекъ, и въ ожиданіи адмиральскаго часа благодушествовалъ. А вечеромъ—опять въ обходъ, и затѣмъ, на сонъ грядущій, часа четыре сряду—строчки, строчки, строчки. Сколько посидитъ, столько и напишетъ. Собачья это жизнь, господа!

Подхалимовъ былъ малый легкій и веселый, и никогда ни о чемъ не думалъ. Матеріалъ для строчекъ онъ находилъ какъ-то внезапно: выйдетъ на улицу —тутъ и есть. Иногда онъ и по домамъ за матеріаломъ ходилъ—и тоже препятствій не видѣлъ. Осмотритъ, воротится домой, а строчки такъ сами собой и льются изъ-подъ пера: на лѣстницѣ—коверъ, въ гостиной—коверъ, на входной двери —мѣдная доска, давно впрочемъ не чищенная; звонки—электрическіе, въ кабинетѣ—письменный столъ. Такова квартира, а коли есть квартира—стало быть есть и хозяинъ. Вотъ и онъ: на носу пенсне́, причесанъ гладко, но волосы длинные, пиджакъ подержанный, панталоны не первой молодости, подошвы на сапогахъ — на-лицо, сморкается часто и притомъ въ фуляровый платокъ. Запасшись этими данными, придетъ Подхалимовъ домой, посидитъ, а черезъ два часа уже шлетъ въ типографію „оригиналъ“, убѣжденный, что человѣка такъ живьемъ и сжевалъ.

Жадности въ немъ особенной не замѣчалось. Гонораръ онъ любилъ, но не до безумія. Есть деньги — онъ говоритъ: — вотъ опѣ! пѣтъ денегъ—говоритъ: — надо идти на улицу! Пойдетъ, въ участкѣ побываетъ, въ камеру къ мировому судьѣ загляпетъ, въ окружномъ судѣ справится, плутократовъ (такъ называлъ онъ содержателей ссудныхъ кассъ и мѣнялъ) обойдетъ—сколько тутъ строчекъ-то выйдетъ! А ежели по гривеннику за строчку—вотъ и жить можно. Но по временамъ его озаряла мысль: „сдѣлаю дѣвицамъ удовольствіе!“ — и такъ какъ осуществленіе этой мысли требовало болѣе или менѣе серьез-

ныхъ издержекъ, то онъ отправлялся въ гостиный дворъ и облагалъ тамошнихъ старожиловъ по столько-то съ купеческаго брюха. А вечеромъ напималъ нѣсколько троекъ, приглашалъ менѣе обласканныхъ фортуною публицистовъ, прихватывалъ [illegible] количество дѣвицъ и бѣшенымъ аллюромъ мчался всей компаніей въ „Самаркандъ“.

Несмотря на легкость, съ которою доставались ему деньги, лишнихъ у него никогда не было. Какъ человѣкъ одинокій, онъ могъ бы устроить себѣ порядочную домашнюю обстановку, но онъ предпочиталъ оставаться бездомнымъ, ютился въ меблированныхъ компатахъ, одѣвался въ магазинѣ готовыхъ платьевъ, курилъ вонючія папиросы (за то только, что онѣ назывались „Слава“) и водился съ такими субъектами, одно приближеніе которыхъ позывало на тошноту. Вообще, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей потребности въ жизненныхъ удобствахъ, и только въ одномъ не могъ себѣ отказать: въ ежедневномъ посѣщеніи Палкина трактира. Здѣсь онъ проводилъ лучшіе часы своей жизни; но при этомъ не преслѣдовалъ никакихъ гастрономическихъ цѣлей, а просто любилъ на загаженномъ диванѣ посидѣть и полежать. Онъ зналъ поименно не только всѣхъ половыхъ, но поварятъ и кухонныхъ мужиковъ; разговаривалъ по душѣ съ швейцаромъ, буфетчику дѣлалъ shake hands, смотрѣлъ на плавающихъ въ сажалкѣ стерлядей, и ежели замѣчалъ исчезновеніе какой-нибудь особенно-крупной рыбины, то спрашивалъ, кто ее съѣлъ; безъ надобности ходилъ на кухню и въ ватерклозетъ, и вообще старался показать, что онъ у Палкина какъ дома. Обѣдалъ всегда по картѣ—два непремѣнныхъ блюда: московскую селянку и жареную утицу—и расплачивался аккуратно каждый день. Пилъ изрядно, но пьянъ не напивался, а только жировалъ. Замѣчательно, что онъ какъ будто даже принуждалъ себя, какъ будто изобрѣталъ, какимъ бы способомъ побольше денегъ издержать, чтобы купецъ Палкинъ остался доволенъ. Въ этомъ заключалось его самолюбіе. На водку сыпалъ направо и налѣво: Андрею—за то, что селянку ему подавалъ; Ивану—за то, что на машинѣ валъ перемѣнилъ; Семену—за то, что воротился изъ деревни; Никанору—за то, что собрался въ деревню. И со всѣми былъ необыкновенно любезенъ: буфетчику сообщалъ новѣйшія внутреннія извѣстія, а метрдотелю (изъ тирольцевъ) такія штуки-фигуры руками показывалъ, что тотъ себя отъ восторга не

помнилъ. Но передъ купцомъ Палкинымъ стѣснялся, и ежели, во время разговора съ нимъ, замѣчалъ гдѣ-нибудь у себя въ одеждѣ разстегнутую пуговицу, то немедленно ее застегивалъ.

Хозяевамъ газетины, при которой онъ состоялъ публицистомъ и корреспондентомъ, онъ былъ преданъ до самозабвенія, хотя обыкновенно называлъ ихъ „міроѣдами“. Какой смыслъ имѣло въ его устахъ это слово, ругательный или ласкательный — разобрать было невозможно. Скорѣе всего — просто разнузданный. Не завидовалъ онъ имъ нисколько, и даже тогда, когда ему однажды за вѣрное сообщили, что за истекшій годъ отъ однихъ объявленій „міроѣды“ получили какую-то чудовищную сумму, — онъ только вымолвилъ: „вотъ бы теперь самое время ихъ обокрасть!“ Но, разумѣется, тутъ же и позабылъ. Никогда хозяева не приглашали его къ себѣ въ качествѣ гостя, но онъ и этимъ не обижался, а только говорилъ: „свиньи!“ Порученія хозяйскія онъ выполнялъ быстро и буквально: нужно къ Покрову сбѣгать — сбѣгаетъ; оттуда въ Колтовскую улицу — и туда слетаетъ. „И никогда вѣдь, ироды, на извозчика не предложатъ!“ — только и слышали его ропоту въ такихъ случаяхъ. Писалъ тоже всяко: и забористо, и благодушно, и хлёстко, и съ „прохвалою“ — какъ для хозяйскаго интереса пригоднѣе. Умиленіе по обстоятельствамъ потребуется — онъ умилится; ликованіе — онъ возликуетъ; вѣра въ славное будущее — онъ и отъ вѣры не прочь. Только унывать не любилъ, а по части „прострацiи“ даже смѣшные каламбуры отпускалъ. Но ежели потребуется серьезно уронить слезу — онъ слова не скажетъ, уронитъ. „Нельзя, скажетъ, безъ сердечной боли видѣть, какъ многіе, вмѣсто того, чтобы уповать“... И пойдетъ, и пойдетъ. А потомъ утретъ слезу — смотришь, и опять всѣмъ весело. Словомъ сказать, на всѣ руки парень: колесомъ вертится, на канатѣ пляшетъ; сядетъ задомъ напередъ на лошадь и за хвостъ держится. Въ гостиномъ дворѣ брюханы такъ и покатываются: „ахъ, каторжный!

Хозяйскихъ враговъ (разумѣя подъ этимъ именемъ всѣхъ прочихъ газетчиковъ и даже ихъ сотрудниковъ) онъ считалъ своими личными врагами и отъ всей души ненавидѣлъ. Но когда врагъ умиралъ или инымъ образомъ со сцены дѣятельности сходилъ, то отдавалъ ему должную справедливость: это, говоритъ, былъ противникъ, съ которымъ пріятно было дѣло имѣть. Такъ что и при жизни ру-га-

тельски человѣка ругаетъ, и по смерти на могилу его напакоститъ. Но не отъ злобы, а отъ собачьей жизни.

О происхожденіи его никто ничего достовѣрнаго не зналъ. Самъ онъ говорилъ о родителяхъ своихъ неохотно: [illegible] его ужъ черезъчуръ допекали вопросами объ этомъ предметѣ, то восклицалъ: „да, батюшка, родился я! могу сказать! ррродился!“ Вслѣдствіе этого въ редакціи „нашей уважаемой газеты“ мнѣнія объ его родопроисхожденіи раздѣлились на-двое. Одни утверждали, что онъ родился въ Москвѣ на Дербеновкѣ, другіе—что тайну его появленія на свѣтъ слѣдуетъ отыскивать въ извѣстной пѣснѣ: „Ѣхалъ принцъ Оранскій“. И онъ ни перваго, ни второго мнѣнія серьезно не опровергалъ.

Наружность у него была тоже несамостоятельная: сейчасъ брюнетъ, сейчасъ—блондинъ. Отсвѣчиваетъ. Голова—сквозная, звонкая: даже въ бурю слышно, какъ одна отмѣтка за другую цѣпляется. Въ глазахъ—ландшафтъ, изображающій Палкинъ трактиръ. Язычина—точно та безконечная лента, которую встарину фокусники изъ горла у себя выматывали. Онъ составлялъ его гордость.

Но Подхалимовъ былъ несомнѣнно талантливъ и несомнѣнно воспріимчивъ—и это многихъ подкупало. Была въ немъ искорка добродушія. Все это вмѣстѣ взятое заставляло говорить: еслибъ этого человѣка выдержать—золото, а не человѣкъ бы изъ него вышелъ! Но такъ какъ выдержкѣ не откуда было взяться (у насъ, въ литературномъ мірѣ, какъ и вездѣ, всякій только о томъ думаетъ, какъ бы особнякомъ устроиться), то талантливость послужила лишь для прикрытія нравственной неустойчивости. Другой, болѣе характерный субъектъ, при подобной силѣ воспріимчивости, пришелъ бы къ озлобленію, а онъ даже не *смирился*, но прямо вошелъ во вкусъ.

Я лично не питалъ къ Подхалимову никакого враждебнаго чувства, а просто смотрѣлъ на него какъ на жертву общественнаго темперамента. Случайно встрѣчаясь съ нимъ, я не испытывалъ особенной радости, но въ то же время и не безъ любопытства прислушивался къ его пестрой болтовнѣ. Какъ хотите, а вѣдь его статьи служили украшеніемъ столбцовъ распространеннаго литературнаго органа, а совсѣмъ плохому писакѣ такая роль не подъ силу. Развязность его, нерѣдко переходившая въ прямую наглость, казалась мнѣ наносною, охватившею его согласно съ обстоятельствами времени и мѣста. А когда онъ, внезапно очнувшись отъ угара пестрыхъ словъ,

говорилъ: „это я не отъ злобы, а отъ собачьей жизни!“, то мнѣ сдавалось, что и моей вины тутъ капля есть. Да, виноватъ и я. Виноватъ тѣмъ, что я безсиленъ, что слова мои мимо идутъ и се не бѣ. Однако чьи же слова когда-нибудь шли не мимо, позвольте спросить?

Но есть и еще вопросъ, близко касающійся Подхалимова. Теперь онъ и ликуетъ, и умиляется, и иронизируетъ, и скорбитъ: что̀ ему вздумается, то̀ и сдѣлаетъ. Но заглядываетъ ли онъ когда-нибудь въ будущее?—не въ то будущее, на которое намекаетъ шумно бѣгущій жизненный потокъ—туда ему, Подхалимову, пожалуй, и резону нѣтъ заглядывать—а въ свое собственное, личное будущее?

Бѣдный Подхалимовъ!

Когда я пришелъ къ Подхалимову, онъ лежалъ съ ногами на кровати, а въ головахъ у него сидѣлъ субъектъ, отъ котораго несло водами Екатерининскаго канала. Комната была свѣтла и довольно просторна, но табачнаго дыма скопилось столько, что непріятно было дышать.

— Кого я вижу! Отче (онъ называлъ меня такъ въ виду преклонности моихъ лѣтъ)! —воскликнулъ хозяинъ, вставая съ постели. —Ужъ не собрались ли открыть гласную кассу ссудъ? А мы только-что о нихъ бесѣдовали. Садитесь, пожалуйста! Рекомендую: бывшій казанской части дипломатъ по внутренней политикѣ, господинъ Ончуковъ, а нынѣ отъ занятій освобожденъ и возъимѣлъ намѣреніе открыть кассу ссудъ. Сначала кассу ссудъ откроетъ, потомъ убійство совершитъ, а въ заключеніе попадетъ на каторгу. Вотъ и карьера.

— Что̀ вы, Григорій Григорьичъ! кажется, вамъ мои правила довольно извѣстны!—не то обидѣлся, не то пошутилъ господинъ Ончуковъ.

— Оттого и говорю, что извѣстны. А слышали ли вы, отче, какъ онъ на дняхъ одного юнца подсидѣлъ?.. Хочешь, разскажу?

— Ахъ, что̀ вы! что̀ вы-съ! вѣдь это тайность-съ!—испугался господинъ Ончуковъ.

— Ежели тайность, такъ зачѣмъ ты ко мнѣ съ тайностью лѣзъ? Вотъ видите ли, сидитъ этотъ самый господинъ, отъ котораго не розами пахнетъ...

— Нѣтъ, ужъ позвольте! ничего я вамъ такого не говорилъ! Сдѣлайте ваше такое одолженіе, увольте! Прекратите-съ!—рѣшительно взмолился господинъ Ончуковъ.

— Не интересно вѣдь это, Подхалимовъ! оставьте!—присоединился и я съ своей стороны.

— Ну, ладно, все равно, потомъ разскажу. А теперь—брысь, Анчутка! Видишь, „чистые“ гости пришли!

Анчуковъ помялся на мѣстѣ, глянулъ исподлобья какъ-то подозрительно—и, къ удивленію, глянулъ не на Подхалимова, а на меня—и исчезъ.

— Погодите говорить! онъ у двери подслушиваетъ! — обязательно предупредилъ меня Подхалимовъ.—Береги носъ, Анчутка! сейчасъ дверь отворю!

Послышались торопливо-удаляющіеся шаги.

— Ну-съ, отче, чѣмъ потчивать прикажете! Чаю? кофею? мороженаго? селедочки?

— Я на минуту, только два слова спросить пришелъ. Скажите, Подхалимовъ: вы не соврали, возвѣщая въ „вашей уважаемой газетѣ“, что господство хищенія кончилось?

— Господи! никакъ вы ужъ во второй разъ по этому случаю безпокоитесь? Да неужто я въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ рѣшительно и намекалъ?

— Совершенно рѣшительно.

— Что хищенія прекратились... совсѣмъ? Странно. Дѣйствительно, что-то въ этомъ родѣ какъ будто было... Но чтобы такъ-таки прямо... съ тѣмъ, чтобъ на службу ни по какимъ вѣдомствамъ впредь не опредѣлять... Да вамъ-то, наконецъ, не все ли равно? Есть хищенія—такъ есть, нѣтъ ихъ—такъ нѣтъ! Эка бѣда!

— Ну, нѣтъ, это совсѣмъ не такъ безразлично, какъ вы полагаете! Поймите, Подхалимовъ, вѣдь это не реформа какая-нибудь, которую взялъ, похерилъ, и никто не замѣтитъ. Это цѣлая нравственно-обычная революція! Старые идолы въ прахъ повергнуты, старыя преданія нарушены, исторія прекратила теченіе свое... вотъ вѣдь это чѣмъ пахнетъ!

— Скажите, сколько однакожъ я накуралесилъ! И это, такъ сказать, въ „минуту жизни трудную“... За „оригиналомъ“ изъ типографіи пришли — я и черкнулъ... но нѣтъ впрочемъ: я лучше ужъ откровенно передъ вами сознаюсь. Призываютъ меня „міроѣды“ и спрашиваютъ: „можете вы, Подхалимовъ, „стихотвореніе въ прозѣ“ написать“? Ну, я... мнѣ что-жъ!

— А я, по милости вашего легкомыслія, въ просакъ попалъ. Къ мужичкамъ въ деревню написалъ: радуйтесь! Губошлепова на цѣпь посадили! Кротикова—въ за-штатъ отчислили! Знаете, чѣмъ такія извѣстія пахнутъ?

— Ахъ, бѣда!

— Вотъ вы всегда такъ, Подхалимовъ; вы и теперь шутите. Удивительно, право, какъ васъ земля за такія продѣлки не поглотитъ!

— А по моему, такъ еще удивительнѣе, что вы столько лѣтъ живете, а до сихъ поръ всякое лыко въ строку пишете.

— Но какъ же васъ читать? Неужто, взявши газету, нужно предварительно сказать себѣ: все, что тутъ написано, есть мистификація?

— Не мистификація, а „такъ". „Такъ"—и ничего больше. На вашемъ мѣстѣ я, главнымъ образомъ, обращалъ бы вниманіе не на сущность газетной статьи, а на то, какъ она написана, игриво или возвышенно, забористо или благодушно. А что касается до меня. то ежели моя статья подходитъ подъ одно изъ этихъ опредѣленій,— я и доволенъ.

— Да вѣдь это же и есть мистификація!

— Мистификація—это ежели преднамѣренно, а тутъ, повторяю, просто „стихотвореніе въ прозѣ"—и только. Это— „морсо", которое, въ случаѣ крайности, можно въ какую угодно хрестоматію помѣстить.

— Ахъ, Подхалимовъ, Подхалимовъ! Неужели вамъ не страшно жить?

— Перемогаю себя — оттого, должно быть, и живу. Страшно сдѣлается—я пою: „страха не страшусь, смерти не боюсь!"—какъ рукой сниметъ! Гнать ихъ, отче, надо, страхи-то—вотъ и не страшно будетъ!

— Слѣдовательно, однимъ пѣніемъ спасаетесь? думать не желаете?

— Пишу—стало-быть, все-таки, какъ ни на есть думаю; безъ того нельзя. Но прямолинейнымъ быть не желаю и до чортиковъ додумываться не вижу надобности. Смотрю на міръ непредубѣжденными глазами и нахожу, что все идетъ своимъ чередомъ:

И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ...

Это вы во всѣхъ хрестоматіяхъ найдете; стало быть, ежели вы „плакать“ желаете, то къ этому источнику и обратитесь. Но и тутъ имѣйте въ виду, что хрестоматіи на то и издаются, чтобы метафоры и синекдохи въ нихъ подтвержденіе находили. Слѣдовательно... а впрочемъ, хотите, я къ завтраму передовицу на манеръ Ѳеофана Прокоповича напишу?

— Любопытно. О чемъ, напримѣръ?

— Какъ вамъ сказать... ну, хоть о правосудіи. Сегодня напишу, что правосудіе бодрствуетъ, завтра — что правосудіе на оба ока спитъ; сегодня—что въ голову гидрѣ ударено и на хвостъ наступлено (слогъ-то какой!), завтра — что у гидры новая голова и новый хвостъ выросли.

— Отлично. Но не будемъ разбрасываться, Подхалимовъ, и возвратимся къ первоначальному предмету нашей бесѣды. Скажите, вѣдь были же какіе-нибудь факты, которые послужили вамъ отправнымъ пунктомъ для передовицы, о которой идетъ рѣчь?

— Какъ фактамъ не быть? За фактами никогда дѣло не станетъ. Есть факты, которые свидѣтельствуютъ, что хищеніе прекратилось (таковы: предписанія, распоряженія, благія начинанія и т. п.), и есть факты, которые свидѣтельствуютъ, что хищенія продолжаютъ кругъ своего дѣйствія (таковы: отчеты общихъ собраній промышленнаго общества, банковъ и т. п.). Стало быть, все зависитъ отъ того, какъ посмотрѣть. Ежели однимъ окомъ взглянуть — есть хищенія; ежели другимъ — нѣтъ хищеній. Но, кромѣ того, есть еще читающая публика. Огорчена наша публика, отче! такъ огорчена всевозможными лѣтописями и хрониками изъ области хищничества, что голосомъ вопить начинаетъ: утѣшьте вы меня! скажите, что господство хищенія кончилось! Вотъ мои „міроѣды“ и догадались, что теперь самый разъ „стихотвореніе въ прозѣ“ пустить. Ну, и набрали же они въ это утро пятаковъ!

— Но вѣдь это явный обманъ! Можно подумать, что вы только одну цѣль и въ виду держите: какъ бы кого-нибудь въ дуракахъ оставить! Остроумно, что-ли, это вамъ кажется, или такъ ужъ само перо у васъ лжетъ?.. ахъ, Подхалимовъ, Подхалимовъ!

— А вы позабыли, отче, что еще Пушкинъ сказалъ: „тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ“!—это во-первыхъ. А во-вторыхъ, вы хоть и читаете нашу газету, но многаго

не доглядываете. Въ томъ же N. гдѣ возвѣщалось о прекращеніи хищниковъ, напечатана цѣлая хроника, явно свидѣтельствовавшая, что хищничество нимало не чувствуетъ себя обезкураженнымъ. Но, сверхъ того, неужто вы, кромѣ нашей, никакихъ другихъ газетъ не читаете? Напрасно. Читайте хоть „Пошехонскіе Куранты“ — несомнѣнную пользу получите. Хроники хищеній вы тамъ, правда, не найдете, но за то куранты свои заднія столбцы всевозможнымъ добровольцамъ въ полное распоряженіе предоставили. И тутъ вы не то что мелкіе факты, а цѣлые проекты громаднѣйшихъ хищеній обрѣтете. Тутъ и элеваторы предлагаютъ, и запретительныхъ пошлинъ требуютъ (кто чѣмъ торгуетъ, тотъ и соотвѣтственное обложеніе проектируетъ), и замѣну книгопечатанія билетопечатаніемъ проповѣдуютъ, а на дняхъ одинъ неунывающій плутократъ проектъ объ отдачѣ казны въ безсрочную аренду акціонерной компаніи сочинилъ... Да вотъ увидите: скоро такое столпотвореніе пойдетъ, что зги божьей за тучей проектовъ не видно будетъ! Ситцевые фабриканты будутъ домогаться, чтобъ каждому изъ нихъ отъ казны извѣстный доходъ гарантированъ былъ; землевладѣльцы начнутъ вопіять, чтобъ казна гарантировала имъ вѣрный урожай и выгодный сбытъ сельскихъ произведеній; торговцы благовонными товарами потребуютъ, чтобы для всѣхъ франтовъ было обязательно употребленіе такихъ-то и такихъ-то духовъ. Того гляди, мужички пожелаютъ, чтобъ имъ гарантировали исправную плату податей...

— Вотъ тутъ-то бы вамъ и ополчиться!

— Могу и это. Но стало быть не ко двору. Впрочемъ и „міроѣды“ мои отъ ополченья не прочь — они вѣдь у меня лихіе — да и у нихъ руки, видно, коротки. А можетъ быть и въ розничную продажу не надѣются. Прытки мы, но не сильны.

— Однако какіе ужасные нравы!

— У насъ нынѣче насчетъ нравовъ даже очень просторно. Только размѣры „куша“ и стѣсняютъ. Кому — знатный размѣръ приличествуетъ; кому — средній; кому малый. Но все-таки вездѣ на первомъ планѣ — „кушъ“. Недавно, доложу вамъ, у одного „репортера“ маменька скончалась — ну, онъ и пошелъ съ похоронным счетомъ по коммерсантамъ, да черезъ три-четыре часа всѣ расходы покрылъ, а лишки къ Палкину снесъ.

— А что ежели коммерсантъ-то соберется съ духомъ, да въ шею попрошайку?

— Нельзя стало быть.

Подхалимовъ остановился на минуту, [illegible] взглянулъ мнѣ въ глаза и съ разстановкой произнесъ:

— Печать-то вѣдь — сила! Такъ ли, отче?

Признаюсь, у меня даже въ глазахъ зарябило отъ этого вопроса. Что-то далекое пронеслось передо мною, далекое, свѣтлое, бодрое. Ни одинъ изъ бывшихъ свидѣтелей этого далекаго — я не исключаю даже старшихъ изъ Подхалимовыхъ — не можетъ вспомнить о немъ безъ умиленія. Гдѣ-то, когда-то я слышалъ эти самыя слова, не въ этой обстановкѣ, не изъ этихъ устъ, но слышалъ, несомнѣнно слышалъ. Я помню, что они поднимали мой духъ и наполняли мое сердце сладостною тревогою. Эта тревога не обезкураживала меня, а какъ бы даже подстрекала: впередъ!

Вмѣстѣ съ другими я вѣрилъ, что печать есть сила, и что этой силѣ суждено развиваться и сдѣлаться несокрушимою. Быть можетъ, — говорилъ я себѣ, — процессъ этого развитія совершится туго, не безъ горькихъ перипетій — пожалуй, даже не безъ утратъ... Все это я допускалъ, но и за всѣмъ тѣмъ ни на минуту не переставалъ утверждать, что печать есть сила и пребудетъ ею во вѣкъ. И никогда я не предполагалъ...

Нѣтъ, никогда! никогда, даже въ самые черные дни, я не могъ представить себѣ, чтобы сила печати могла осуществиться въ тѣхъ поразительныхъ формахъ, въ какихъ я узналъ ее здѣсь, въ эту минуту! Какимъ образомъ это случилось? Какое злое волшебство передало эту силу въ руки Подхалимовыхъ, сдѣлало ее орудіемъ для обложенія сборами „брюхановъ“? Когда это произошло? и какъ-таки никто этой перестановки не замѣтилъ?

Очевидно, процессъ перемѣщенія новоявленной силы изъ одного центра въ другой произошелъ постепенно и втихомолку. Первоначальныя притязанія печати, должно быть, оказались черезъ-чуръ цѣльными и разномастными, чтобы привести къ соглашенію. Это было впрочемъ совершенно естественно, покуда рѣчь шла о соглашеніи по существу. Но дѣло въ томъ, что въ пылу споровъ по существу утрачено было изъ виду, что печать и сама по себѣ, въ качествѣ общественной силы, требуетъ огражденія, для всѣхъ мнѣній и партій

одинаково обязательнаго. Даже въ этомъ индифферентномъ смыслѣ никакого соглашенія не состоялось. Напротивъ того, въ самомъ непродолжительномъ времени состоялись вѣроломства, предательства, отступничества въ сопровожденіи цѣлой свиты легкомыслій, свидѣтельствовавшихъ о полномъ отсутствіи дисциплины. Распря, постепенно переходя съ почвы принциповъ на почву уязвленныхъ самолюбій, приняла наконецъ такіе размѣры, что въ одно прекрасное утро на фронтонѣ храма печати сами собой выступили слова: *образъ мысли*.

Принципы были побѣждены, и въ то же время всякая надежда, что слово: „печать“ когда-нибудь получить объединяющій смыслъ, исчезла навсегда.

Вотъ этотъ-то моментъ и подстерегали Подхалимовы. Они поняли сразу, что ни принципы, ни руководящіе идеалы—не ко двору; что свѣточъ мысли не освѣщаетъ и не убѣждаетъ, а производитъ раздраженіе и панику, полную грядущихъ отмщеній; что, слѣдовательно, ежели печать хочетъ быть силою, то она должна отыскивать почву для этой силы въ той низменной сферѣ, которая не оставляла бы никакихъ сомнѣній насчетъ ея принципіальнаго ничтожества. А именно, въ сферѣ мелочей, прожектерства и личнаго, такъ сказать, наглядно-физическаго обличенія.

И вотъ снова выступили Подхалимовы *вчерашніе*, которые еще во дни возрожденія руку набили. Выступили и поразили всѣхъ юркостью и непринужденною остротою ума. Они первые наглядно доказали, что можно жить и безъ принциповъ. За ними появились Подхалимовы *нынѣшніе*, такіе, у которыхъ даже литературныхъ преданій не было, а были только недюжинныя способности по части изслѣдованія корней и питей, шантажа и обезкураженія „брюхановъ“. Первые говорили: „Пріятно этакой въ нѣкоторомъ родѣ арбузъ щелкнуть, чтобъ онъ по всѣмъ швамъ треснулъ!“ Вторые прибавляли: „и при семъ чтобъ у него изъ всѣхъ щелей ассигнаціи поползли“.

— Нынѣче, я вамъ скажу, по умственной части тихо, — продолжалъ между тѣмъ Подхалимовъ:—за то бойко по части промышленной и коммерческой. Вотъ эту-то ноту мы и разрабатываемъ. Безъ содѣйствія печати нынѣче ни одно промышленное предпріятіе шагу ступить не можетъ. Вся воздѣлывающая, производящая, эксплуа-

тирующая и спекулирующая Россія раздробилась на безчисленное множество кліентуръ, которыя сами признали свою подсудность печати. Стало быть, рѣчь идетъ только о качествѣ кліентуры. Кто покрупнѣе кліентуру захватитъ, тотъ и умница, но ужъ во всякомъ случаѣ тутъ не фунтомъ икры пахнетъ, какъ во времена Булгарина.

— Однако мнѣ кажется, что вѣдь и разработка промышленно-торговыхъ интересовъ, несмотря на свой спеціальный характеръ, не исключаетъ возможности честнаго отношенія къ дѣлу?

— Гм... милліонами вѣдь тутъ, отче, пахнетъ, милліонами.

— Помилуйте, Подхалимовъ! сами же вы сейчасъ разсказывали о репортерѣ, который съ похоронным счетомъ по „брюханамъ“ путешествовалъ—надѣюсь, что ему и во снѣ милліоны не снились!

— Ахъ, что̀ вы! развѣ я о немъ! Вѣдь и въ нашемъ дѣлѣ есть табель о рангахъ, да еще престрогая! Одинъ—къ милліонамъ приставленъ, другой—къ сотнямъ тысячъ, третій — къ тысячамъ, а четвертый—около десятковъ съ удовольствіемъ руки погрѣетъ.

— Но какъ вы не перегрызетесь другъ съ другомъ? Вѣдь досадно, я думаю, въ четвертомъ-то рангѣ состоять да зубами щелкать, особливо ежели сознаешь себя способнымъ и достойнымъ.

— Не скажу, чтобы особенно было досадно. Тутъ судьба, и какъ-то сразу это дѣлается понятнымъ. Возьму для примѣра себя: я себѣ цѣну знаю, но только и всего. Не продешевлю, но и дорожиться не стану. Ежели дѣло не моей компетенціи, я за него не возьмусь, а направлю по адресу. Есть „дѣятели печати“ гораздо въ худшемъ противъ меня положеніи, но и тѣ, покуда здоровы, не ропщутъ. Вотъ ежели силы слабѣть начнутъ—тогда капутъ. Но я лично могу и кризисъ выдержать: я и помимо репортерства работу найду. У меня —перо! а въ наше просвѣщенное время это порядочная-таки рѣдкость!

— Вотъ вы на эту *другую* работу и употребляли бы ваше „перо“.

— Нельзя. Для этого нужно, чтобы въ личномъ существованіи человѣка рѣшительный переворотъ произошелъ. Наша дѣятельность въѣдчива; не результатами она заманиваетъ—объ результатахъ думать нѣтъ времени—а самымъ процессомъ своимъ. Въ этотъ процессъ вошло такое множество случайныхъ и другъ отъ друга независящихъ подробностей, что каждый день втягиваешь въ себя по

новому. Я не работаю, а увлекаюсь. Увлекаюсь каждый день по новому, не такъ, какъ вчера. Пишу и думаю: ну, теперь нужно полагать, что „онъ“ восчувствуетъ! „Онъ“ — это мой *сегодняшній* избранникъ, котораго я *вчера* и въ умѣ не держалъ. Я не помню моего вчерашняго дня и не загадываю о завтрашнемъ; но сегодняшняя моя мысль вполнѣ для меня ясна. Сегодня я создалъ себѣ такой-то пунктъ, и ежели я въ ударѣ, то одно за другимъ выведу изъ него всѣ послѣдствія. Весело, бойко, неутомимо. Мнѣ и работать весело... ежели я „въ ударѣ“. Ничто другое не привлекаетъ, уйти отъ работы не хочется. Вотъ и судите теперь, легко ли при такихъ данныхъ на другую работу перейти?

— Но вѣдь это своего рода хроническое опьянѣніе, и я положительно не понимаю, какимъ образомъ оно можетъ не изнурить. А сверхъ того сдается мнѣ, что для литературнаго дѣятеля не мѣшаетъ подумать и о репутаціи порядочности, а такого рода работой ее не пріобрѣтешь.

— Да, относительно низшихъ классовъ ваше замѣчаніе справедливо. Мы, анонимная сила, дѣйствительно живемъ какъ въ чаду, и объ относительной цѣнности нашей знаютъ только въ редакціяхъ да въ нашемъ интимномъ кругу, да, пожалуй, еще въ трактирахъ, гдѣ мы засѣдательствуемъ. Анонимами мы родились и анонимами же бо́льшая часть изъ насъ сойдетъ въ могилу. Но о высшихъ рангахъ —не говорите такъ. Тѣ ужъ вышли изъ опьянѣнія, а репутація пришла къ нимъ сама собой, какъ приходитъ она ко всякому хищнику, который рветъ крупные куски, а мелкими пренебрегаетъ. Вы скажете, можетъ быть, что эта репутація непрочная, фиктивная — ну, да вѣдь ежели кто къ потомству не апеллируетъ, такъ и фиктивная репутація за настоящую сойдетъ. Дѣйствія этихъ высшихъ дѣятелей розничной публицистики уже до такой степени говорятъ о выдержкѣ, что они съумѣли создать въ свою пользу особое право самопротиворѣчія, которое заранѣе гарантируетъ имъ свободу отступничества. Посмотрите, какъ какой-нибудь Скомороховъ подступаетъ къ вопросу: точно кошка съ мышкой играетъ. Сначала пробный шаръ пуститъ, будто стороной что-то слышалъ, и при этомъ сознается, что покуда еще не имѣетъ достаточныхъ данныхъ для сужденія. Затѣмъ слегка помолчитъ—и опять попробуетъ. Слѣва заглянетъ, справа пощупаетъ, предоставитъ какому-нибудь добровольцу на задахъ не-

складицу проурчать—и опять притворится спящимъ. И вдругъ у него сердце защемитъ! И любовь къ отечеству, и интересъ къ казнѣ, и нужды промышленности — что̀ есть въ печи, все на столъ мечи! Вопросъ ростетъ и съ каждымъ днемъ осложняется. Независимо отъ pièce de résistance, появляются публицистическія приправы: либерализмъ, нигилизмъ, упраздненіе властей и т. п. Это онъ пугаетъ и въ то же время товаръ лицомъ показываетъ. Наконецъ, когда приправа возъимѣла дѣйствіе, начинается „апофеозъ“... Рыба клюнула; данайцы восчувствовали. Ибо ко всякому вопросу пригнана соотвѣтствующая рыбина, соотвѣтствующій данаецъ. Достигнувъ цѣли, газета временно успокоивается; репутація ея въ качествѣ узорѣшительницы установлена, а заправила ея исподволь подыскиваютъ новый вопросъ и оттачиваютъ перья для новаго похода... Вотъ какъ идетъ дѣло въ высшихъ публицистическихъ сферахъ. Тутъ ужъ не о скачущемъ штандартѣ идетъ рѣчь, а о служеніи на чредѣ государственный, не статейками пахнетъ, а актами мудрости... чортъ побери!

— Прекрасно, но зачѣмъ же вы „чортъ побери“ прибавили? вѣдь вы и сами въ этомъ водоворотѣ кружитесь... Какъ хотите, а непріятно поражаетъ въ васъ эта двойственность!

— Привычка, отче; да, въ сущности, и сказать что-нибудь другое трудно. Впрочемъ не въ томъ дѣло: надѣюсь, вы теперь понимаете, что печать есть дѣйствительно сила, которую игнорировать не полагается. Только не та печать, по которой вы, государь мой, періодически тоскуете.

— Ну, да, разумѣется, не та. Стало быть, вы, въ концѣ концовъ, своимъ положеніемъ довольны?

— Не ропщу. У меня кліентъ по преимуществу мелкій. Одинъ домогается благосклоннаго отзыва, другой — благосклоннаго умолчанія, третій — и самъ не знаетъ, чего ему нужно. Вотъ Ончуковъ, напримѣръ, который ужъ разъ приходитъ, — все спрашиваетъ: ловко ли будетъ, ежели онъ по пятнадцати процентовъ въ мѣсяцъ станетъ съ заемщиковъ брать?

— Неужели вы однако и эту „идею“ въ вашихъ передовицахъ проводить будете?

— Нѣтъ, онъ еще погодитъ; это онъ такъ, безкорыстнаго сочувствія ищетъ. Замѣтьте, отче, что даже самый темный жуликъ— и тотъ жаждетъ, чтобъ ему посочувствовали или, по крайней мѣрѣ,

хоть пожалѣли объ немъ. Одинъ ему скажетъ: „молодецъ!“; другой: „э, да ты еще не совсѣмъ такой негодяй, какъ о тебѣ повѣствуютъ!“ —онъ и доволенъ. Нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ глотать втихомолку свои собственныя мерзавства—съ этимъ ужъ только самые отпѣтые сживаются. Большинство ищетъ хоть частицу удручающаго его негодяйства вынести на свѣтъ, чтобы облегчить себя.

— Но какимъ манеромъ вы сходитесь съ такими людьми?

— Вся моя жизнь на народѣ проходитъ—вотъ и схожусь. Въ трактирахъ, въ судахъ, въ участкахъ, на конкахъ—вездѣ люди. Вся улица человѣчествомъ полна! Нужно же привести эту массу въ извѣстность, расчленить, размѣтить по группамъ. Я сознаюсь, что до сихъ поръ совсѣмъ не это дѣло у меня на первомъ планѣ стояло, но увѣренъ, что работа ассимилированія человѣческаго матеріала все-таки своимъ порядкомъ идетъ. Можетъ быть, этотъ матеріалъ соскользнетъ и безслѣдно, но, можетъ быть, нѣчто и задержится. Провидѣнія не искушаю, и кризиса, который сразу оборвалъ бы меня и заставилъ бы обратиться внутрь,—не призываю. Но ежели наступитъ критическая минута, я убѣжденъ, что найду свой матеріалъ на-лицо. И, быть можетъ, буду въ состояніи подлинную картину почтеннѣйшей публикѣ предоставить. Только вотъ таланта хватитъ ли? или же то, что мы теперь называемъ талантомъ, есть не болѣе какъ усовершенствованное тряпичкинство?

Высказавши послѣднія слова, Подхалимовъ остановился, какъ бы сожалѣя, что черезъ-чуръ ужъ далеко зашелъ въ область самообличенія. Я съ своей стороны тоже понялъ, что какъ ни затягивай бесѣды съ Подхалимовымъ—результатъ получится только одинъ: будетъ двоиться въ глазахъ. Въ эту минуту онъ, пожалуй, и посантиментальничать былъ не прочь, а черезъ полчаса, блеснетъ въ глаза подходящій сюжетъ,—и опять штандартъ поскакалъ.

— Ну, прощайте,—сказалъ я:—желаю вамъ! Ужъ ежели вы сами спеціальную табель о рангахъ для себя облюбовали, то не задерживайтесь на низшихъ ступеняхъ, а дерзайте! Безплодно на судьбу не ропщите—это и смѣшно, и неинтересно, — но и міроѣдамъ въ зубы не смотрите. И ежели увидите, что изъ ропота можетъ воспослѣдовать полезный для васъ плодъ, то средствомъ этимъ не пренебрегайте.

Возвращаясь отъ Подхалимова, я нѣкоторое время чувствовалъ себя какъ въ туманѣ. Я не только не разрѣшалъ себѣ вопроса о хищничествѣ, но даже переставалъ имъ интересоваться, забылъ о немъ. Совсѣмъ другая мысль назойливо билась въ [illegible] откуда пришла и зачѣмъ понадобилась эта безпощадная жестокость въ извращеніи внутренней сущности явленій, которыя, будучи взяты сами по себѣ, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду отличительныхъ опредѣленій человѣческой природы?

Что такое Подхалимовъ?—безспорно, это воспріимчивый, отзывчивый и очень даровитый человѣкъ. Вотъ опредѣленіе, которое ближе всего подходитъ къ нему, ежели отрѣшиться отъ того гадливаго чувства, которое вызывается его практическою дѣятельностью.

Воспріимчивость и отзывчивость составляютъ едва-ли не самое драгоцѣнное достояніе человѣка. Безъ нихъ немыслима ни дѣятельная честность, ни постиженіе идеи общаго блага. Только воспріимчивый человѣкъ можетъ всего себя отдать на служеніе высшему идеалу; только въ немъ можетъ созрѣть идея о человѣчествѣ и ожидающихъ его перспективахъ; только онъ способенъ возвыситься до самоотверженія. Признать законность самоотверженія, какъ фактора человѣческой жизнедѣятельности—это уже значитъ внести въ жизнь элементъ правды и человѣчности; но познать на дѣлѣ сладость самоотверженія—это значитъ дать такое доказательство превосходства человѣческой природы, противъ котораго не можетъ быть и возраженія.

Вотъ какимъ по истинѣ поразительнымъ проявленіямъ можетъ дать начало человѣческая воспріимчивость; вотъ сколько свѣта, тепла, бодрости она можетъ внести въ существованіе человѣка! И что же: та же самая воспріимчивость помогаетъ Подхалимову разбираться въ сору постыднѣйшихъ отбросковъ, прилѣпляться къ нимъ всѣмъ существомъ, перебѣгать отъ одного хищника къ другому, встряхивать рыночныхъ „брюхановъ“, поднимать на смѣхъ „простофиль“, тѣшить ихъ безплодными фикціями. Жарь, жарь, жарь...

Понимаетъ ли Подхалимовъ, что онъ лжетъ, или не понимаетъ? Участвуетъ ли хоть капля сознательности въ той фальши, которую онъ распространяетъ вокругъ себя, или эта фальшь льется изъ него сама собой, какъ льется вода изъ незапертаго крана?

Но какой странный, почти невѣроятный процессъ перерожденія долженъ былъ произойти въ промежуткѣ двухъ полюсовъ, чтобы

вмѣсто служенія высшимъ идеаламъ получалось подлавливанье подходящихъ сюжетцевъ, вмѣсто самоотверженія—вышучиванье „простофиль“!

Кто виноватъ въ этомъ превращеніи? Какъ оно создалось? Ссылаются обыкновенно (и, пожалуй, не безъ основанія) на общее паденіе нравственнаго уровня; но въ этомъ-то паденіи кто виноватъ?

Точно то же слѣдуетъ сказать и о даровитости. Даровитость племени дѣлаетъ его свѣточемъ міра; даровитость отдѣльнаго индивидуума дѣлаетъ его свѣточемъ страны. При низкомъ уровнѣ даровитости нѣтъ ни хорошаго управленія, ни умственной жизни, ни матеріальныхъ успѣховъ, ни развитія. Нѣтъ цвѣтенія. Всѣ блага, которыми въ данную эпоху пользуется страна, приносятся ей даровитостью сыновъ ея; а жажда этихъ благъ такъ жива и естественна, вліяніе ихъ на расширеніе жизненныхъ горизонтовъ такъ безспорно, что это одно вполнѣ объясняетъ, почему даровитые люди занимаютъ исключительное положеніе въ средѣ своего народа и общества.

И вотъ передъ нами экземпляръ несомнѣнно даровитаго индивидуума—Подхалимовъ! Экземпляръ, который, кромѣ вольнаго обращенія, распутства и полнаго индифферентизма въ дѣлѣ убѣжденій, ничего другого странѣ своей дать не можетъ! Не колдовство ли это?

Въ послѣднее время чаще и чаще приходится слышать жалобы на оскудѣніе русской литературы. Говорятъ: старые таланты допѣваютъ свои послѣднія пѣсни, новыхъ—не нарождается. Тутъ и адвокатуру приплетаютъ, и педагогическую дѣятельность, и другія болѣе или менѣе доступныя профессіи: вотъ, дескать, куда ушла даровитость русскаго культурнаго человѣка. Но, по моему мнѣнію, во всѣхъ этихъ жалобахъ и ссылкахъ нѣтъ ничего, кромѣ недоразумѣнія. Прочитайте любое изъ Подхалимовскихъ упражненій, которыя онъ съ такою легкостью изъ себя ежедневно выливаетъ, точно у него въ запасѣ неистощимая бутылка,—и вы въ каждой строкѣ найдете больше таланта, больше жизненной образности, нежели во всѣхъ „послѣднихъ пѣснях“ потухающихъ стариковъ. Не объ отсутствіи даровитости идетъ рѣчь, а объ томъ, что Подхалимовъ съумѣлъ дать своему таланту омерзительную, гнусную, безчестную окраску. И не въ томъ бѣда, что онъ размѣнялъ себя на мелочи—онъ справедливо выразилъ въ разговорѣ со мною увѣренность, что работа ассимилированія человѣческаго матеріала идетъ въ немъ своимъ чередомъ и

дастъ въ свое время плодъ, — а въ томъ, что эти мелочи до такой степени запакощены, до того провоняли, что подло къ нимъ близко подойти.

И такой же, ежели не горшій, плодъ дастъ и происходящій въ немъ процессъ ассимилированія человѣческаго матеріала. Очень возможно, что въ результатѣ этого процесса окажется картина очень широкая и написанная рукою мастера, но каждый штрихъ ея будетъ запечатлѣнъ подлостью и тѣмъ обязательнымъ присутствіемъ низменности, которую проводитъ за собой продолжительное и упорное общеніе съ постыднѣйшими проявленіями торжествующаго безстыжества.

И опять тѣ же вопросы: кто же виноватъ въ этомъ перерожденіи? Какимъ образомъ оно создалось? Ежели же и тутъ непосредственнымъ виновникомъ окажется упадокъ общаго нравственнаго уровня, то кто въ этомъ упадкѣ виноватъ?

Публичность, которою мы пользуемся, черезъ-чуръ скудна. Вся она сосредоточивается въ печати, а печать, по обстоятельствамъ, всецѣло эксплуатируется Скомороховыми и Подхалимовыми. Все, что мы знаемъ о нашей родной странѣ—все выходитъ изъ этого источника. Скомороховъ—явно лжетъ и подтасовываетъ; Подхалимовъ—неизвѣстно чему веселится и скачетъ съ штандартомъ. Скомороховъ, подъ видомъ защиты принциповъ, порядка и устойчивости, безсовѣстно пользуется ими въ качествѣ полемическаго пріема, чтобъ зажать ротъ своимъ противникамъ; Подхалимовъ—отъ всякихъ принциповъ отпучивается и напрямки заявляетъ, что, кромѣ уныніи и скуки, ничего они обществу дать не могутъ. Таковы установившіеся нравы, а послѣдніе, въ свою очередь, опредѣлили и отношеніе печати къ читателю. Читатель—это „простофиля“, который обязывается оставаться въ угарѣ недоумѣнія и невѣдѣнія.

И за всѣмъ тѣмъ Подхалимовъ сказалъ правду: никогда печать съ такою рѣзкостью не заявляла о своей силѣ. Но какая печать? и какого качества ея сила?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Письмо шестое.

По вторникамъ у генерала Чернобровова устраивались интимные рауты. Генералъ былъ отставной и старенькій, лѣтъ подъ восемьдесятъ. Въ свое время и полкомъ командовалъ, и по инфантеріи числился, и губернаторомъ былъ, а потомъ его обидѣли. А онъ—простилъ. Получилъ пенсію да аренду, да „такъ“ и поселился на Пескахъ. Семейства у него не было, кромѣ старушки-жены, которая, лѣтъ сорокъ тому назадъ, отъ совѣтниковъ губернскаго правленія амурныя письма на златообрѣзной бумагѣ получала и тоже давно всѣмъ простила. Жили они скромно, но безъ нужды, и по вторникамъ (черезъ два въ третій) устраивали вечеринки.

Собирались на эти вечеринки, по преимуществу, старые губернаторы. Генералы: Краснощековъ, Пучеглазовъ и Балаболкинъ. Тайные совѣтники: Гвоздиловъ и Покатиловъ. Изъ не-губернаторовъ рауты посѣщалъ инженеръ-полковникъ Купидоновъ, который въ древности первые мостки черезъ Неву построилъ, да статскій совѣтникъ Набрюшниковъ, который, съ писарскихъ чиновъ, вмѣстѣ съ Покатиловымъ, въ качествѣ наперсника, всю службу продѣлалъ. Купидоновъ обыкновенно привозилъ генеральшѣ сюрпризъ: либо икры зернистой, либо семги, либо копченаго сига, и за эту галантерейность игралъ въ компаніи роль молодого человѣка, что впрочемъ очень къ нему шло, потому что онъ обыкновенно приходилъ въ лосинахъ. Набрюшниковъ не приносилъ ничего, кромѣ преданнаго сердца и замѣчательно-исправнаго аппетита. Всѣхъ ихъ въ свое время обидѣли, и всѣ они простили, кромѣ впрочемъ Набрюшникова, который за себя простилъ, но за Чернобровова – никогда-съ!

Люди эти были и различнаго происхожденія, и различнаго воспитанія, но ихъ соединило, съ одной стороны, общее губернаторство, съ другой—общая обида. Чернобрововъ, Краснощековъ и Покатиловъ были настоящіе столбовые, имѣли приличныя и благосклонныя манеры, хранили преданія дворянской изнѣженности и любили пофрондировать. Въ древности такихъ губернаторовъ цѣнили и называли „хозяевами“. Въ частности, Чернобрововъ славился открытою физіономіей, съ помощью которой такъ искусно управлялъ ввѣреннымъ краемъ, что только черезъ двадцать лѣтъ понадобилось отпра-

вить туда сенаторскую ревизію. Краснощековъ славился пылкостью. Наскочитъ совсѣмъ не на того исправника, на котораго нужно, обругаетъ, но, какъ рыцарь, первый сознаетъ свою ошибку и скажетъ: „ну-ну, ничего! впередъ пригодится!“ Покатиловъ — былъ умница, и рапорты его приводили сенатъ въ восхищеніе (одинъ изъ мѣстныхъ садоводовъ даже одну разновидность георгины въ честь Покатилова назвалъ: „утѣшеніе сената“). Такъ что когда ихъ въ ту пору разомъ, въ числѣ двадцати генераловъ, обидѣли и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ объясниться: за что?—то ему только одно слово и сказали въ отвѣтъ: „такъ“. Съ этимъ онъ и отъѣхалъ.

Всѣ трое были женаты на родныхъ сестрахъ: Прасковьѣ Ивановнѣ, Лукерьѣ Ивановнѣ и Людмилѣ Ивановнѣ, вслѣдствіе чего и губерніи, которыми управляли ихъ мужья, назывались ихъ именами: Парашина, Лушина и Милочкина.

Гвоздиловъ былъ происхожденія темнаго, характеръ имѣлъ угрюмый и вступалъ въ собесѣдованіе урывками, какъ будто зналъ за собой какое-то необыкновенно постыдное дѣло и боялся проговориться. Былъ слухъ, будто онъ съ откупщикомъ повздорилъ. Онъ утверждалъ, что откупщикъ ему фальшивую десятирублевую бумажку всучилъ, а откупщикъ говорилъ, что отдалъ все по чести какъ слѣдуетъ, а самъ-де губернаторъ свою собственную фальшивую бумажку всучить хочетъ. Тогда Гвоздиловъ нагрянулъ на откупщика въ подвалѣ, а откупщикъ въ Петербургъ уѣхалъ, и черезъ мѣсяцъ—Гвоздилова обидѣли. Въ древности о такихъ губернаторахъ говорили: „у насъ губернаторъ и на губернатора-то не похожъ“. Пучеглазовъ и Фролъ Терентьичъ Балаболкинъ были выслужившіеся кантонисты аракчеевской школы, которые вмѣсто носковъ носили онучи, а деньги прятали за голенище; впрочемъ, подъ старость, изъ всего губернаторскаго прошлаго они помнили только одну фразу: „направляй кишку въ огонь! направляй!“ Въ древности о такихъ губернаторахъ совсѣмъ ничего не говорили, а только ожидали, что еще немножко—и ось земная либо переломится, либо покривится. Что касается до Купидонова, то онъ въ 805-мъ году былъ найденъ принцемъ Оранскимъ въ корзинкѣ на мосту, и въ той же корзинкѣ былъ сданъ въ институтъ путей сообщенія съ тѣмъ, дабы, по пришествіи въ совершенные годы, употреблять его для постройки мостовъ.

Тѣмъ не менѣе, повторяю, несмотря на различіе воспитанія, про-

исхожденія и характеровъ, всѣ эти люди соединялись подъ однимъ знаменемъ во имя общей обиды, которую они впрочемъ простили.

Отъ времени до времени на этихъ раутахъ появлялся еще кузенъ хозяйки, дѣйствительный тайный совѣтникъ Крокодиловъ, человѣкъ сравнительно не старый (лѣтъ подъ-шестьдесятъ), но до того уже изслужившійся, что желудокъ у него ничего, кромѣ кашицы изъ свода законовъ, не варилъ. Но онъ оставался не больше получаса. Посидитъ, выпьетъ чашку жиденькаго чая и спѣшитъ дальше, потому что ему надо карьеру дѣлать.

И такъ, соберутся часамъ къ восьми всѣ восемь генераловъ, сначала досыта наиграются, потомъ сядутъ за ужинъ и начнутъ припоминать. Припоминаютъ прошлыя дѣянія, приводятъ примѣры губернаторской осмотрительности, дипломатической тонкости, распорядительности и благоразумной экономіи; сами съ собой полемизируютъ, но не настойчиво, а больше затѣмъ, дабы въ полемикѣ еще вящшее къ прославленію прошлаго основаніе почерпать; сравниваютъ прошедшее съ настоящимъ, и, надо сказать правду, порядочные-таки недочеты въ послѣднемъ усматриваютъ. Но не сквернословятъ прямо, а только правду говорятъ да отъ времени до времени вздыхаютъ: „людей нѣтъ!“ Наговорятся, наѣдятся и разбредутся, часу въ первомъ, по Пескамъ.

Живя съ Чернобрововыми на одной лѣстницѣ, дверь противъ двери, я зналъ объ этихъ раутахъ, и, разумѣется, горѣлъ желаніемъ попасть на нихъ.

Во-первыхъ, хотѣлось мнѣнія солидныхъ людей о современной политикѣ знать: какъ и что; можно ли ожидать, или совсѣмъ нельзя. Я у кормила никогда не стаивалъ, а они цѣлую жизнь все по морю— ахъ, по морю, да по Хвалынскому, въ косной лодочкѣ погуливали, да и причалили наконецъ благополучно къ Пескамъ. Понятно, что у нихъ сформировался взглядъ, а у меня не сформировалось ничего. Во-вторыхъ, мнѣ всего шестьдесятъ лѣтъ, а имъ каждому подъ-восемьдесятъ катитъ— сколько ума въ этотъ двадцатилѣтній періодъ накопилось? А въ-третьихъ, и Купидоновской игры хотѣлось отвѣдать, а если Богъ поможетъ, то и обыграть стариковъ гривенъ этакъ на шесть. Словомъ сказать, я и сналъ и видѣлъ, какъ бы въ компаніи съ хорошими людьми посидѣть и за-одно съ ними портить воздухъ сѣтованіями и воздыханіями.

А такъ какъ я каждодневно встрѣчался съ генераломъ на лѣстницѣ, то вѣроятно и онъ наконецъ догадался, что у меня сердце не на мѣстѣ. По крайней мѣрѣ утромъ, въ одинъ изъ вторниковъ, кухарка моя предварила меня:—Васъ нынче будутъ къ генералу на вечеръ звать.

А черезъ часъ, когда я встрѣтился съ генераломъ на подъѣздѣ, онъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, благосклонно протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Что бы вамъ, молодой человѣкъ, по-сосѣдски... вечеркомъ? Поиграемъ, попьемъ, поѣдимъ, съ Прасковьей Ивановной познакомитесь. У васъ еще цѣлая жизнь впереди—можетъ быть, и полезное что-нибудь отъ стариковъ услышите. Прошу.

Разумѣется, я не преминулъ. Въ восемь часовъ завсегдатаи были уже на-лицо, а изъ женскаго пола, кромѣ хозяйки, присутствовали еще сестры ея: Людмила Ивановна Краснощекова и Лукерья Ивановна Покатилова. Какъ я уже сказалъ выше, всѣ три были въ свое время губернаторшами и, слѣдовательно, всѣ три вкусили сладостей и отравъ власти.

Когда я появился, бесѣда была въ полномъ ходу. Лукерья Ивановна разсказывала, какъ она однажды въ Москву изъ „своей“ губерніи ѣздила. Сначала по своей губерніи ѣхали—ну, натурально... „Тише, сумасшедшіе, тише! куда вы сломя голову летите!“...—Не безпокойтесь, ваше превосходительство! мы въ отвѣтѣ!... — „Ну, коли такъ, Богъ съ вами поѣзжайте!“ Потомъ въѣхали въ губернію къ генералу Колпакову,—ну, и натерпѣлась же она тутъ! Ямщики закладываютъ—не закладываютъ, смотрители — ну, буквально, ходя, снятъ! лошади бѣгутъ—не бѣгутъ... Исполать вамъ, ваше превосходительство, одолжили! нечего сказать, въ порядкѣ свою губернію содержите! И вдругъ... Милочкина губернія пошла! Полетѣли! ну, такъ летѣли, такъ летѣли! это... это... ну, просто какое-то волшебство! Но только еслибы сломалась ось... ахъ!

— Да, были лошади! были! — отозвался генералъ Краснощековъ: — и лошади были, и колокольчики были, и ѣзда была, и ямщики были! Все было!

Онъ на мгновеніе поникъ головой и многозначительно, густой октавой присовокупилъ:

— И страхъ былъ.

— А страхъ божій есть начало премудрости, — вставилъ свое слово генералъ Чернобрововъ.

— Божій страхъ — это само по себѣ, — возразилъ Краснощековъ:—это ежели кто къ обѣднѣ лѣнится ходить—ну, того, дѣйствительно, принугнуть не мѣшаетъ... Но страхъ вообще—вотъ что̀ важно!

— Притомъ же — не знаю какъ теперь — а въ наше время страхъ божій епархіальному начальству подвѣдомъ былъ; слѣдовательно и вмѣшиваться въ предѣлы чужого вѣдомства губернатору не подобало,—присовокупилъ „умница“ Покатиловъ.

— А помните, сестрица, какъ, бывало, флигель-адъютантъ къ рекрутскому набору пріѣдетъ? — смѣнила Лукерью Ивановну Прасковья Ивановна:—Ахъ, что̀ это за пріятный гость былъ! Только при нихъ, бывало, и отдохнешь... особенно графъ Вьюшинъ-Стречковъ! Никогда объ этихъ противныхъ дѣлахъ—всегда около дамъ! „Mesdames! нынче въ Петербургѣ платья совсѣмъ въ обтяжку носятъ; mesdemoiselles! нынче шестую фигуру совсѣмъ не такъ танцуютъ! Les messieurs en avant! Chaîne des dames! ba-lancé! messieurs, saluez vos dames... c'est ca!“ Мужья, бывало, трепещутъ; Степанъ Михайловичъ мой подойдетъ ко мнѣ и шепчетъ: „помилуй, матушка, вѣдь это око царево“, — а я и въ усъ себѣ не дую! „Графъ! извольте-ка распорядиться, чтобъ пятую кадриль начинали!“ — „Madame, je suis sur les dents!“ —„Ну, что̀ съ вами дѣлать, противный: садитесь... вотъ тутъ! Хотите—Сонечку Волшебнову позову?.. признайтесь, вѣдь влюблены? Сонечка, mon enfant! садитесь вотъ тутъ рядомъ съ графомъ, да постарайтесь, чтобы ему не скучно было!“ Усадишь ихъ, а сама пойдешь кавалеровъ своихъ побранить. Ахъ, господа, господа! дѣвицы однѣ ходятъ, а вы забрались въ уголъ да анекдоты разсказываете... хоть бы вы съ графа примѣръ брали! Музыканты! вальсъ!

— А помните катанье на масляницѣ въ traineau-monstre!

— А пикники въ загородномъ саду! А балы во время выборовъ! И вдругъ, въ самый разгаръ бала—полиціймейстеръ: „ваше превосходительство! въ Раздерихинской слободѣ пожаръ!“

„— Это въ оврагѣ?

„— Точно такъ, ваше превосходительство!“

Подъ шумокъ этихъ разговоровъ Набрюшниковъ распечатывалъ

карточныя колоды и усаживалъ игроковъ. Усадили и меня, какъ младшаго, съ дамами, по сотой. Но генералъ былъ правъ, предваряя, что я вынесу изъ его раута много полезнаго для себя. Въ какихъ-нибудь полчаса я уже узналъ главныя основанія, на которыхъ зиждилась до-реформенная губернаторская власть. А именно: страхъ (впрочемъ, не Божій, а вообще), быстрая ѣзда на почтовыхъ, поддержаніе въ обществѣ единодушія при содѣйствіи пикниковъ и пожары,—и все шло прекрасно.

Я не стану распространяться о томъ, какъ мы играли въ карты и какіе при этомъ происходили интересные (а иногда даже и странные) случаи. Въ десять часовъ старики начали ужъ зѣвать, и всѣ поспѣшили за ужинъ. Обыкновенно въ это время генералы ложились спать, но по вторникамъ дозволяли себѣ небольшую льготу, поочередно собираясь, для критики существующихъ установленій, то у Чернобрововыхъ, то у Краснощековыхъ, то у Покатиловыхъ, такъ какъ прочіе были люди безсемейные, а Купидоновъ, кромѣ того, велъ дома предосудительную жизнь.

За ужиномъ я позналъ и еще одну руководящую истину, но она уже касалась не основаній до-реформенной губернаторской власти, а тѣхъ, на которыхъ зиждется отставное человѣческое существованіе вообще и губернаторское въ особенности. А именно: изъ всѣхъ присутствующихъ только бывшіе кантонисты Пучеглазовъ и Балаболкинъ рвали твердую пищу зубами, прочіе же сосали, такъ что когда наконецъ подали манную кашу, то у всѣхъ изъ груди вырвался крикъ восторга.

Когда первыя требованія аппетита были удовлетворены, началась критика существующихъ установленій. Было что-то трогательное въ этихъ старикахъ, которые могли бы еще послужить, еслибъ не были такъ безвременно остановлены въ самомъ пылу своего административнаго бѣга. И что всего печальнѣе: судьба, лишившая ихъ возможности совершать славныя дѣянія, не лишила ихъ памяти. Они все помнили, все до послѣдней нитки, даже бумагу, на которой печатались губернскія вѣдомости,—и ту помнили. Только у кантонистовъ память повидимому совсѣмъ отшибло; но и они, разрывая зубами пищу, потихоньку бормотали: „направляй кишку! направляй, направляй, направляй!“ Стало быть и они нѣчто представляли себѣ: пожаръ, драку, вообще что-нибудь такое, на что по преимуществу

было направлено ихъ административное остроуміе. Впрочемъ нужно сказать правду: во время диспутовъ кантонисты большею частью дремали.

Разсмотрѣніе современныхъ установленій началось съ того, что Гвоздиловъ сообщилъ вычитанный имъ въ газетахъ слухъ о томъ, что дѣйствія коммиссіи несведенія концовъ съ концами въ непродолжительномъ времени имѣютъ вступить въ новый фазисъ. Высказавши это, Гвоздиловъ однакожъ вспомнилъ, что у него на душѣ лежитъ постыдное дѣло, и умолкъ. Но искра была уже брошена и, разумѣется, сейчасъ же произвела въ сердцахъ соотвѣтствующее воспламененіе.

— Вотъ они у меня, эти коммиссіи, гдѣ! — первый воскликнулъ генералъ Краснощековъ, ударяя себя кулакомъ по затылку.

Но Краснощековъ былъ пылкій, и потому мнѣнія его авторитетомъ не пользовались. Чернобрововъ первый не согласился съ нимъ.

— Не въ коммиссіяхъ сила, — возразилъ онъ резонно, — а въ томъ, какія коммиссіи, въ какое время и на какой предметъ. Кто суть члены? своевременно или преждевременно? Поставленъ ли вопросъ прямо: вотъ вамъ предметъ, разсуждайте! — или же о предметѣ умолчено? Ежели все сіе предусмотрѣно, взвѣшено и опредѣлено, то почему же коммиссіямъ и не быть?

— Да ужъ дождемся мы когда-нибудь съ этими коммиссіями... — продолжалъ кипѣть генералъ Краснощековъ; но Чернобрововъ вновь и столь же солидно остановилъ его.

— Позвольте, Капитонъ Ѳедотычъ, такъ сгоряча нельзя. Критическій взглядъ необходимъ, но на какой предметъ и въ какое время? Сегодня мы будемъ говорить сгоряча, завтра сгоряча — когда же нибудь и опомниться надо! И въ наше время нерѣдко бывали коммиссіи — вспомните-ка? Но какія коммиссіи? — въ этомъ-то и загвоздка. Скажу вамъ изъ собственной практики случай: я самъ въ одной коммиссіи участникомъ былъ и очень хорошо помню. Собрали насъ въ ту пору сорокъ-семь полковниковъ, положили передъ нами два пистолета; одинъ кремневый, другой ударный — который лучше, господа? Не вопросъ о пистолетахъ предложили, а прямо такъ-таки въ натуральномъ видѣ два пистолета: тотъ или другой? А при семъ особаго содержанія за присутствованіе не присвоили, чаемъ не поили,

табакомъ не потчивали, а посадили стараго генерала презусомъ и сказали: „сидите и дѣло дѣлайте“. Такъ и тутъ одинъ молодой полковникъ выискался, который чуть было всѣхъ насъ не подкузьмилъ. „Позвольте, говоритъ, ваше превосходительство, взглядъ на славное историческое прошлое бросить!“ —Извольте! говоритъ презусъ. — „Извѣстный законодатель Ликургъ“...—Те-те-те! нѣтъ, это ужъ ата́нде-съ!... вотъ вамъ пистолетъ... — „Ваше превосходительство! только на минуточку!“ —Извольте, что̀ съ вами дѣлать! Говорите, но не задерживайте!—„Затѣмъ, когда несмѣтныя полчища татаръ“...—Позвольте, объ татарахъ мы съ вами на досугѣ побесѣдуемъ, а теперь извольте говорить по долгу присяги, не обинуясь: вотъ два пистолета—который лучше!—„Вотъ этотъ-съ“.—Садитесь. Слѣдующій!—И всѣхъ такимъ образомъ въ одночасье окрутилъ.—Слѣдующій, слѣдующій, слѣдующій!.. Считайте, господинъ секретарь, голоса! – Стали считать—никакъ сосчитать не могутъ: все выходитъ поровну. А презусъ, между прочимъ, своего голоса не подаетъ.—Не хочу, говоритъ, грѣха на душу брать! А вотъ, говоритъ, мы, что̀ сдѣлаемъ: позвать фельдфебеля Охременко!—Охременко! какой пистолетъ лучше?—„Какъ же возможно, ваше скородіе, сравнить!“ —Господинъ секретарь! извольте записать въ журналъ: вотъ этотъ!—Написали журналъ, мы въ тотъ же день его подписали, на другой откланялись—и по домамъ!

— Да, были коммиссіи, были!—согласился генералъ Краснощековъ:—и коммиссіи были, и исправники были... все было! И страхъ былъ.

Къ сожалѣнію, Чернобровъ увлекся воспоминаніями и продолжалъ:

— И что̀ же, сударь, потомъ случилось! Пошли мы съ этими пистолетами подъ Севастополь—смотримъ, а намъ коммиссаріатъ вмѣсто кремней чурки крашеныя поставилъ! А должно вамъ сказать, что передъ этимъ всѣ адресы подавали, а между прочимъ и коммиссаріатскіе чиновники... „Станемъ грудью... докажемъ врагу... до послѣдней капли крови“... Ну, мы идемъ и думаемъ: неужто-жъ послѣ такого, можно сказать, всенароднаго заявленія съ нами подлость сдѣлаютъ? Начали палить—щелкаютъ наши курки, а пальбы нѣтъ! Тутъ-то вотъ и оказалось...

Только тутъ Чернобровъ спохватился, что, кажется, черезъ

край ужъ хватилъ. Съ минуту смотрѣлъ на всѣхъ удивленными глазами, какъ бы спрашивая самого себя: что̀ такое я слышу? Однако помолчалъ, помолчалъ и поправился.

— Вотъ и выходитъ,—заключилъ онъ,—не въ томъ сила, что коммиссія, а въ томъ, какая коммиссія и на какой предметъ!

— То-то, что нынѣче коммиссіи-то...—началъ-было Гвоздиловъ, но вспомнилъ, что у него на душѣ постыдное дѣло, обробѣлъ и умолкъ.

— Знаю я это и не одобряю. Конечно, еслибъ и передъ нами не положили прямо вотъ этихъ двухъ пистолетовъ, а сказали: разсуждайте о пистолетахъ вообще, а между прочимъ и о тесакахъ,—весьма возможно, что и мы бы изрядный огородъ нагородили. Но именно этого-то и умѣли въ старые годы избѣгнуть. Ежели рѣчь о пистолетахъ шла, такъ именно вотъ объ *этихъ*; ежели объ административныхъ предметахъ—такъ вотъ объ *этихъ*. Вотъ какъ. Но, разумѣется, ежели каждый членъ коммиссіи, пользуясь симъ случаемъ, будетъ о своихъ собственныхъ душевныхъ ранахъ говорить—а именно симъ личнымъ характеромъ и отличаются нынѣшнія коммиссіи—то понятно, что конца краю разговорамъ не будетъ!

— Я слышалъ,—сфискалилъ Набрюшниковъ,—что недавно въ этой самой коммиссіи одинъ членъ говорилъ, говорилъ, а остановиться не можетъ. Наконецъ до того договорился, что даже Анна на шеѣ у него покраснѣла. Смотрятъ—анъ съ нимъ истерика!

— Это дѣло возможное,—подтвердилъ Чернобрововъ:—а я объ чемъ же говорю? О томъ именно я и говорю, что ежели коммиссія, то нужно прежде всего опредѣлить: для чего, по какому случаю и на какой предметъ. Вотъ вамъ два пистолета—и конченъ балъ. И чтобы безъ статистики. Вы только одно сообразите: нынѣче иной шутя слово кинетъ, да возьметъ да статистикой его пригвоздитъ: свиней столько-то, барановъ столько-то. Статистику-то эту онъ самъ, ѣдучи дорогой, сочинитъ, а смотришь—и настоящую статистику потревожить нужно, чтобы слова-то эти къ настоящему знаменателю привести. Пріѣдетъ онъ изъ Чухломы—готовь для него одну статистику. А тамъ, гляди, изъ Наровчата другой ѣдетъ—и для него опять готовь статистику. А статистика-то вѣдь времени требуетъ, поди-ка надъ ней посиди! А ему что̀! онъ кидаетъ себѣ да кидаетъ словами, и очень радъ.

— Я бы, съ своей стороны, со всѣми этими коммиссіями строго поступилъ,—отозвался умный Покатиловъ:—разсадилъ ихъ по комнатамъ, содержаніе прекратилъ, заперъ на ключъ да и ушелъ. Вотъ вамъ, сидите, покуда не кончите.

— И кончили бы!—сочувственно откликнулся Набрюшниковъ.

— Направляй кишку! направляй!—вдругъ безъ всякаго резона крикнулъ Пучеглазовъ, такъ что всѣ вздрогнули.

— А я объ чемъ же говорю?—возобновилъ собесѣдованіе Чернобрововъ, когда первое впечатлѣніе испуга прошло.—Объясните предметъ, говорю я, и очертите кругъ (генералъ очертилъ пальцемъ на скатерти кругъ); вотъ здѣсь! и чтобы за предѣлы этого круга—ни-ни! Или *тотъ* пистолетъ, или *этотъ*, а не пистолеты вообще. И при семъ чтобы въ срокъ. Кончите въ срокъ—исполать! Не кончите—стыдно, сударь! Встарину такъ оно и бывало. Скажутъ: стыдно—и понимаешь, что стыдно. А нынѣче слово-то это въ забвеніе пришло: скажутъ ему, а онъ только кудрями встряхнетъ.

— И прежде—не всегда...—чуть-чуть не проговорился Гвоздиловъ, но вспомнилъ и замолчалъ.

— Многаго нынѣче не понимаютъ! многаго!—прогнѣвался Краснощековъ:—я помню, когда я губернаторомъ былъ, такъ за версту, бывало, становому погрозишь, а онъ ужъ понимаетъ! Тридцать верстъ не кормя во всѣ лопатки улепетываетъ, и все не можетъ пальца этого позабыть!

— То было время, а теперь другое,—резонно пояснилъ умный Покатиловъ.

— Какое такое особенное время! И тогда было время, и теперь время—всѣ времена одинаковы!

— Ну, что ужъ тутъ, другъ мой!—вступился Чернобрововъ:—что правда, то правда! Темпо... Темпо... Набрюшниковъ! скажи, братецъ!

— Tempora mutantur, ваше превосходительство, et nos mutamur in illis.

— Слышишь, мой другъ! А по-русски это значитъ: канальи-стеръ другой темпъ взялъ, и мы по другому воспѣвали... Что дѣлать! Когда мы у кормила стояли, губернаторская-то власть...

Чернобрововъ вздохнулъ и умолкъ; но сдѣланное имъ напоминаніе уронило новую искру въ сердца и причинило новое воспламе-

неніе. На арену выдвинулась новая неизбывная рана — въ формѣ вопроса о губернаторской власти.

Всѣ помнятъ, какъ волновалъ этотъ вопросъ русское общество въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Теперь онъ нѣсколько поутихъ; но тогда образовалась цѣлая публицистическая доктрина, которая называла себя послѣднимъ словомъ науки и которая безъ обиняковъ вопіяла: дадутъ губернаторамъ власть (почему-то вдругъ всѣмъ показалось, что это самыя беззащитныя существа)—и все процвѣтетъ; не дадутъ—и все завянетъ.

Если не дадутъ—произойдетъ безплодная и изсушающая централизація; если дадутъ — произойдетъ умѣренная, но плодотворная децентрализація. Что̀ лучше?

Взгляните на Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты—примѣръ наиболѣе для насъ подходящій. А съ другой стороны примите въ соображеніе пагубные результаты, которые произвело ограниченіе губернаторской власти во Франціи. Самъ Наполеонъ III понялъ это. А Токевиль подтвердилъ, Монталамберъ присовокупилъ и Гнейстъ запечатлѣлъ. Что касается до губернаторовъ того времени, то о нихъ и говорить нечего: всѣ они въ одинъ голосъ утверждали, что Токевиль правъ. Не помню, что̀ именно я лично тогда объ этомъ вопросѣ думалъ – кажется впрочемъ на-двое: и такъ хорошо, и этакъ недурно, смотря по тому, какъ лучше; но во всякомъ случаѣ внезапное возобновленіе забытыхъ дебатовъ на Пескахъ, въ почную пору и въ сейчасъ описанной обстановкѣ, до того живо воскресило въ моей памяти недавнее прошлое, что я въ одну минуту помолодѣлъ и весь превратился въ слухъ. Какъ и слѣдовало ожидать, застрѣльщикомъ въ данномъ случаѣ явился „умница“ Покатиловъ.

— Въ наше время, — сказалъ онъ, — губернаторская власть стояла твердо, но въ то же время была свободна отъ нареканій, ибо находилась въ предѣлахъ и требовала осмотрительности.

Сказалъ и умолкъ. И всѣ присутствующіе, не исключая даже кантонистовъ, утвердительно покачали головами, какъ будто для нихъ быть осмотрительными столь же легко, какъ для обыкновеннаго обывателя быть твердымъ въ бѣдствіяхъ.

Но на меня эта profession de foi произвела удручающее впечатлѣніе. Признаюсь откровенно, съ нѣкоторыхъ поръ я смотрю на твердость власти совсѣмъ другими глазами.

Во-первыхъ, я не только не смѣшиваю власти съ осмотрительностью, но, напротивъ, вижу въ послѣдней нѣкоторое препятствіе; во-вторыхъ, о предѣлахъ я даже и не мыслю — до такой степени самое упоминаніе о нихъ представляется мнѣ безсмысленнымъ. И всѣмъ этимъ я обязанъ „послѣднему слову науки“, выработанному современною русскою публицистикой.

Ступитъ на горы—горы дрожатъ,
Ляжетъ на воды—воды кипятъ.

Вотъ въ какомъ видѣ понимаетъ власть „послѣднее слово науки“, и въ какомъ не перестаетъ рекомендовать ее русская публицистическая доктрина, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Послѣдняя совѣтуетъ, отъ времени до времени, даже не безъ умысла допускать извѣстную дозу неосмотрительности, дабы съ ея помощью осуществить твердость власти въ принципіальной ея чистотѣ. И я не только раздѣлялъ это убѣжденіе, но вмѣстѣ съ Токевилемъ восклицалъ: катать такъ катать! По-американски: all right!

Несомнѣнно, что до-реформенная власть была обставлена очень серьезными усложненіями; но несомнѣнно и то, что усложненія эти не способствовали ея развитію, но составляли больное мѣсто, противъ котораго и протестовало послѣднее слово науки. И что-жъ! Именно въ пользу этихъ-то усложненій и раздалось здѣсь прочувственное слово! Гдѣ раздалось?—въ средѣ одряхлѣвшихъ и обиженныхъ старцевъ, которые, по самой природѣ своей, скорѣе должны быть склонны къ упрощенію, нежели къ усложненію!

— Позвольте, ваше превосходительство, —обратился я къ Покатилову: — съ одной стороны, твердость власти, съ другой — предѣлы... осмотрительность... что-то я не понимаю! Такъ ли это? Не говоритъ ли намъ послѣднее слово науки, что осмотрительность равносильна колебанію, и что для освѣженія власти, отъ времени до времени, не безполезно даже съ умысломъ выходить изъ предѣловъ осмотрительности?

— Напримѣръ-съ?

— Допустимъ, напримѣръ, что исправникъ, въ видахъ испытанія, предприметъ мѣропріятіе...

— Зачѣмъ-съ?

— Положимъ, хоть бы для того, чтобы доказать, что распоряженіе, даже и не вполнѣ законное, должно быть выполнено...

— Всенепремѣнно-съ. Ежели распоряженіе послѣдовало, то оно должно быть выполнено. Но зачѣмъ же непремѣнно незаконное? Почему не начать прямо съ „законнаго“-съ?

— Зачѣмъ? Почему? Да просто вздумалось, захотѣлось. Взялъ да и сдѣлалъ!

— Направляй кишку! направляй!—гаркнулъ съ просонья Балаболкинъ (точно онъ слышалъ мои слова и хотѣлъ выразить мнѣ сочувствіе), но такъ громко, что съ Людмилой Ивановной сдѣлалось дурно.

— Ты бы, Фролъ Терентьичъ, потише бредилъ! вѣдь этакъ не трудно и на вѣкъ человѣка уродомъ сдѣлать! —вскинулся Краснощековъ на оторопѣлаго кантониста, и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—есть въ вашихъ словахъ нѣкоторое основаніе, молодой человѣкъ, есть!

— Твердость власти и осмотрительность!—продолжалъ я, поощренный сочувствіемъ Краснощекаго: — но ежели я, облеченный властью, не обладаю осмотрительностью, ежели природа не надѣлила меня этимъ даромъ? Ежели, напротивъ, она надѣлила меня рыцарскою пылкостью и способностью слѣдовать первымъ необдуманнымъ движеніямъ благороднаго сердца? Ужели я изъ-за этого навсегда долженъ быть лишенъ возможности осуществить власть?

— На это я могу вамъ, молодой человѣкъ, сказать слѣдующее: въ наше время, даже лишенный осмотрительности человѣкъ силою вещей становился осмотрительнымъ, или, по крайней мѣрѣ, вынужденъ былъ неосмотрительности своей давать другое назначеніе. Да-съ.

И видя, что лицо мое продолжаетъ выражать недоумѣніе, умница поднялъ кверху указательный палецъ и продолжалъ:

— Обстановка была — только и всего.

И затѣмъ началъ по пальцамъ пересчитывать:

— Губернскій прокуроръ былъ — разъ-съ; губернскій штабъ-офицеръ былъ—два-съ. Вотъ вамъ, съ перваго же абцуга, два лица, у которыхъ и обязанностей другихъ не было, кромѣ одной: неослабно имѣть въ виду начальственную неосмотрительность.

— Вспомните, однако, ваше превосходительство, что вѣдь, въ сущности, это былъ лишь источникъ пререканій, который и начальство не мало огорчалъ!

— Дѣйствительно-съ. Именно такъ эти дѣйствія и назывались. Но въ наше время словъ не боялись, ибо всякому было вѣдомо, что за прекаціями скрывается власть, сама себя провѣряющая. Еслибъ не существовало прекацій, какое зрѣлище представлялось бы глазамъ нашимъ? Не знаю, какъ вы на этотъ предметъ смотрите, но я весьма опасаюсь, что мы увидѣли бы пространство, отданное въ распоряженіе неосмотрительному человѣку, который ни самъ себя сдержать не въ силахъ, ни обстановки подъ руками не имѣетъ, которая благовременно его въ чувство привести бы могла!

— И сколько мы видимъ примѣровъ...—началъ-было Набрюшниковъ, который, въ качествѣ добраго подчиненнаго, до сихъ поръ преимущественно помахиваніями головы свидѣтельствовалъ о своемъ сочувствіи, но теперь, очевидно, не могъ уже сдерживать постигшаго его умиленія.

— Я не вижу даже надобности скрывать, что я и на самомъ себѣ эти примѣры испыталъ,—прервалъ его Покатиловъ.—Разскажу вамъ, какой однажды со мной случай былъ. Задумала моя Лукерья Ивановна пикникъ въ загородной рощѣ устроить. Прекрасно. Выдумали они тамъ дроги какія-то необыкновенныя, чтобъ полгорода на нихъ усадить, и натурально ко мнѣ: позволь да позволь въ эти дроги пожарныхъ лошадей запречь! Я—туда-сюда; однако переговорилъ съ полиціймейстеромъ; тотъ, съ своей стороны, обнадежилъ, —бери, матушка! А на другой день ко мнѣ штабъ-офицеръ: „но ежели, говоритъ, пожаръ?“ Я опять туда-сюда: и полиціймейстера за бока, и почему же, говорю, такъ-таки ужъ непремѣнно и пожаръ? —а онъ уперся на своемъ: „но ежели, говоритъ, пожаръ?“ И что-же-съ! подосадовалъ я, признаться, однако вижу: полковникъ-то вѣдь правъ! Протянулъ ему руку и говорю: благодарю, полковникъ! еслибъ не вы, я, быть можетъ, противъ закона бы поступилъ! Позвольте васъ спросить: такъ ли мнѣ слѣдовало, на основаніи „послѣдняго слова науки“, поступить?

— По моему мнѣнію, на основаніи послѣдняго слова науки, полковнику никогда бы и въ голову не пришло настаивать въ такомъ дѣлѣ, *которое вамъ лучше извѣстно.*

— И я полагаю, что по нынѣшнему времени онъ бы не настаивалъ. Но въ старые годы такъ не полагали; а еслибъ полагали иначе, такъ управляемымъ и дѣваться, пожалуй, было бы некуда.—А въ

скоромъ времени послѣ того и другой казусъ со мной случился. Открывалась въ городѣ вакансія частнаго пристава, а меня кума давно ужъ о мѣстѣ для мужа просила. Вотъ я и говорю ей: съ Богомъ, кума! А на другой день ко мнѣ прокуроръ прикатилъ. „Это, говоритъ, духовная симонія! Я, говоритъ, обязанъ буду донести!“ Ну, и тутъ опять: подосадовалъ я, подосадовалъ, да и долженъ былъ согласиться, что прокуроръ правъ! Какъ объ этомъ новая наука-то ваша говоритъ?

Я хотѣлъ отвѣтить, что такія дѣйствія наука называетъ расхищеніемъ власти; но величіе Покатиловской души до того подавило меня, что я безмолвствовалъ.

— А я вамъ скажу, какъ она говоритъ,—продолжалъ неумолимый старикъ:—она видитъ въ таковыхъ поступкахъ противодѣйствіе... А наша, старинная, наука видѣла въ нихъ содѣйствіе, и лицъ, на которыхъ это содѣйствіе было возложено, именовала „надзоромъ“. Да-съ, было такое слово встарину, которое нынѣ даже у старожиловъ изъ памяти исчезло. И начальство, съ своей стороны, ежели и огорчалось, какъ вы говорите, прекаціями, то огорчались больше столоначальники, коимъ приходилось таковыя разрѣшать; настоящее же начальство, напротивъ, радовалось, ибо знало, что ежели власть въ соотвѣтственномъ видѣ проявлять себя желаетъ, то надзоромъ за подчиненными ей органами она не подрываетъ, а укрѣпляетъ себя. Можетъ быть, это укрѣпленіе устроено было на старинный манеръ, но все-таки оно существовало, и никому въ голову не приходило сказать, что оно не укрѣпленіе, а потрясеніе. Позвольте спросить: что, ежели бы я, воспользовавшись послѣднимъ словомъ науки, поѣхалъ на пожарныхъ лошадяхъ на пикникъ, а у меня бы въ это время полгорода огнемъ бы выдрало? И ни еслибы я, по слабости человѣческой, губернію кумѣ предоставилъ, а она, въ свою очередь, прочимъ кумовьямъ ее раздарила? Утѣшительный ли бы получился отъ сего для начальства результатъ?

Вопросъ былъ поставленъ такъ рѣшительно, что даже кантонисты испугались и вытаращили глаза, а генералъ Краснощековъ, который въ свое время, вѣроятно, не разъ отдавалъ губернію на подержаніе кумѣ, смутился и молчалъ. Что касается до Набрюшникова, то онъ находился въ такомъ восхищеніи, что безъ словъ декламировалъ руками.

— Но вѣдь несомнѣнно, что подобныя дѣйствія, рано или поздно, и сами собой вышли бы наружу, — попытался я возразить.

— Сами собой-съ? или, говоря другими словами, при помощи скандала-съ? черезъ посредство газетныхъ корреспондентовъ съ? Покорнѣйше благодарю-съ.

Умница привсталъ и поклонился; за нимъ, машинально, тотъ же жестъ повторилъ и Набрюшниковъ.

— Но развѣ непремѣнно необходимъ скандалъ? а келейно?

— Нельзя-съ. Коль скоро обстановка нарушена, и некому, въ законномъ порядкѣ, начальственную неосмотрительность ограничить, другого выхода, кромѣ скандала, нѣтъ-съ. Да въ наше время, признаться, келейностей-то и не признавали. Открыто дѣйствовали, не опасались. Въ сорокъ-седьмомъ году, когда Фролъ Терентьичъ Балаболкинъ, по неосмотрительности, три четверти города спалилъ, а остальную четверть, по строптивости характера, въ кандалы заковалъ, прислали за нимъ изъ Петербурга фельдъегеря, посадили въ телѣжку и увезли-съ.

Всѣ взоры на минуту устремились на Балаболкина, который, не подозрѣвая, что о немъ идетъ рѣчь, тяжело сопѣлъ и въ полудремотѣ бормоталъ: — Направляй кишку! направляй! направляй! направляй!

Лицо его было блѣдно, какъ бы измучено, и въ то же время выражало совсѣмъ нерезонную непреклонность. Съ перваго взгляда по этому лицу нельзя было угадать, что̀ именно этотъ человѣкъ въ состояніи предпринять, но ежели скажутъ — всему повѣрить можно. Что касается до меня, то въ свое время и я слыхалъ разсказы объ этомъ путешествіи на телѣжкѣ; но, признаюсь, считалъ ихъ баснословіемъ. И вдругъ Богъ привелъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ самимъ виновникомъ торжества!

А „умница“ между тѣмъ продолжалъ:

— А какъ вы о губернскихъ правленіяхъ полагаете? Легко было съ ними ладить? Развѣ тѣ они были, что̀ теперь? Развѣ могъ я совѣтникомъ помыкать: извольте, государь мой, подавать въ отставку; вы мнѣ не нравитесь, вы съ дамами обращаться не умѣете? Въ наше время, сударь, у совѣтника-то поясница желѣзная была, голосъ какъ у протодіакона; весь онъ, бывало, пропитанный сводомъ законовъ ходитъ, и у всѣхъ, на обѣдѣ ли, на вечеринкѣ ли, — вездѣ

первый гость. И у преосвященнаго—свой человѣкъ. У меня одинъ такой-то былъ, такъ я каждый день съ нимъ до седьмого пота спорилъ. Я говорю свое, а онъ—свое; иногда я его, иногда—онъ меня. Непріятно оно — что̀ и говорить! — но, съ другой стороны, и тутъ для начальствующаго лица провѣрка. Пробовалъ-было я, на первыхъ порахъ, начальству докучать: возьмите, говорю, отъ меня сего строптиваго чиновника!—а мнѣ въ отвѣтъ: „не угодно ли, предварительно, факты таковой строптивости представить!“ Факты-съ! вотъ вѣдь какое слово было! а нынѣче и выговорить-то его порядкомъ не всякій съумѣетъ!

— Но вѣдь они взятки брали, совѣтники ваши! Кому же это, наконецъ, не извѣстно!

— Не отрицаю, дѣло возможное-съ. Только скажу вамъ одно: еслибы люди съ такимъ умомъ и съ такими познаніями жили въ нынѣшнее время, то, судя по нынѣшней жадности, милліонерами бы они были — вотъ что-съ! А я между тѣмъ изъ современниковъ моихъ только одного совѣтника губернскаго правленія и зналъ, который настоящее состояніе себѣ составилъ. Да и тотъ впослѣдствіи въ монахи постригся, а капиталы свои на Аѳонъ пожертвовалъ.

— И все-таки, позволяю себѣ думать, что относительно фактовъ можно было бы и поснисходительнѣе взглянуть. Вѣдь губернское правленіе—это, такъ сказать, домашнее учрежденіе, въ которомъ и допустить разноголосицу неудобно. А притомъ же совѣтника-то вѣдь подчиненные вышибли...

— Да вы читали ли, молодой человѣкъ, „Учрежденіе губернскихъ правленій“? Прочтите-съ. Это не законъ, а музыка-съ. Никакихъ домашнихъ учрежденій въ государствѣ не полагается-съ. И учрежденія, и формы — все пригнано такъ, чтобы предѣлы обозначить. И совѣтники совсѣмъ не подчиненные были, а члены коллегіи-съ. Бывало, принесутъ журналы-то губернскаго правленія, такъ въ иномъ пальца три толщины; и всякій объ особенномъ дѣлѣ трактуетъ! И весь онъ задомъ напередъ написанъ: сперва конецъ, потомъ начало, а середину — самъ ищи! Читаешь — и постепенно тебя объемлетъ. А въ заключеніе: подтвердишь.

— И подтверждали-съ! — весь сіяя восторгомъ, воскликнулъ Набрюшниковъ.

— А затѣмъ и посторонніе вѣдомства. Нынѣшняя наука въ

нихъ препятствіе видитъ, а старая видѣла полезное раздѣленіе властей. И это, въ свою очередь, пробѣлы полагало. Я полагаю: вотъ такъ поступитъ, а, напримѣръ, вѣдомство государственныхъ имуществъ—вотъ этакъ. Мы и переписываемся.

— Воля ваша, а это положительно расхищеніе власти!

— По нынѣшнему — такъ. Даже страннымъ кажется, ежели кто возражаетъ. А встарину требовалось, чтобъ власть сама себя оправдывала, а не ради того одного властью называлась, что ей мундиръ присвоенъ. Мундиръ давалъ внѣшнія преимущества—этого и достаточно. Бывало, у обѣдни въ соборѣ—я впереди всѣхъ стою; у головы на пирогѣ — мнѣ первый кусокъ; на балѣ въ польскомъ —я съ предводительшей въ первой парѣ; въ засѣданіи комитета—я на предсѣдательскомъ мѣстѣ; по губерніи на ревизію поѣхалъ — отъ границы до границы уѣзда впереди исправникъ скачетъ; въ уѣздный городъ пріѣхалъ—купцы хлѣбъ-соль подносятъ; уѣзжать собрался—провожаютъ... Польщенъ, уваженъ, почтенъ, сытъ—какихъ еще знаковъ больше!

При этомъ краткомъ перечнѣ почестей, которыми окружена была до-реформенная губернаторская власть, у всѣхъ стариковъ глаза разгорѣлись. Даже Гвоздиловъ позабылъ, что у него на душѣ постыдное дѣло лежало, и щелкнулъ языкомъ.

— А то, помилуйте! мундиръ во всей силѣ остался, а обстановка—упразднена!

— Ваше превосходительство! но развѣ можно такъ рѣшительно утверждать, что обстановка упразднена? А суды? а земство? Развѣ это...

— Знаю-съ; но вѣдь послѣднее слово науки и въ этихъ учрежденіяхъ расхищеніе власти усматриваетъ. Я же, съ своей стороны, скажу вамъ: суды и прежде, и нынѣче—всегда судами были. Всегда они особнякомъ стояли, а ежели послѣднее слово науки и дразнится независимостью, такъ это, во-первыхъ, одно пустословіе, а во-вторыхъ, къ вопросу о прерогативахъ власти совсѣмъ не относится. И прежде выберутъ, бывало, отставного прапора въ предсѣдатели — смыслу въ немъ ни капельки, а попробуй-ка кто-нибудь коснуться къ нему! Что же касается земства, то развѣ наука ваша принимаетъ его въ сурьёзъ? И тутъ она только дразнится и малодушествуетъ. Ахъ,

молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! нынѣче даже сенатъ—и тотъ предостерегающее значеніе утратилъ... Сенатъ-съ!!

При упоминовеніи о сенатѣ въ комнатѣ водворилась такая тишина, что даже лакей, убиравшій со стола тарелки, и тотъ остановился какъ вкопаный. Первый нарушилъ очарованіе Набрюшниковъ, но и то шопотомъ, единственно по чувству преданности.

— Нынѣче даже радуются, ежели сенатъ огорченъ, — шепнулъ онъ сосѣду своему, Купидонову.

— Все упразднено-съ,—заключилъ Покатиловъ слабѣющимъ голосомъ:—„надзоръ“—упраздненъ-съ; коллегія—упразднена-съ; а что вновь установлено, то въ смѣшномъ и вредномъ видѣ представляется...

„Умница“ махнулъ рукою и умолкъ. На его мѣсто, въ роли обличителя, выступилъ генералъ Чернобрововъ.

— Сенатъ-съ,—сказалъ онъ,—а особливо московскіе онаго департаменты... Это, я вамъ доложу, въ своемъ родѣ, антикъ былъ! Указы-то, бывало, охапками съ почты таскаютъ, такъ что ежели посторонній человѣкъ при этомъ случится, такъ только руками разведетъ: неужели, молъ, на всю эту охапку отвѣчать надо? А тамъ, спустя время, пойдутъ и донесенія на охапку: „зачѣмъ, по присланному изъ сената указу, исполненія учинить невозможно“. Принесутъ, бывало, изъ губернскаго правленія охапку рапортовъ — иной въ палецъ толщины — такъ только объ одномъ думаешь: все ли тутъ откровенно написано? И ежели чуть гдѣ замѣтишь: „къ сему необходимо присовокупить“, или вообще умствованіе какое-нибудь—„те-те-те, голубчикъ! прошу отъ умствованій уволить! сенатъ и самъ разберетъ, что худо, что хорошо — нечего его наводить!“ Вотъ, мой другъ, какія мы, старики, чувства къ сенату питали!

— Всякій, бывало, ябедникъ, и тотъ въ сенатъ,—запнулся было Гвоздиловъ, но вспомнилъ, что у него на душѣ постыдное дѣло лежитъ, и замолчалъ.

— И ябедники свою долю пользы приносили-съ! — холодно замѣтилъ ему Покатиловъ.

— Ябедники! Но вѣдь это язва!—воскликнулъ я.

— И они предѣлъ полагали-съ.

Я былъ побѣжденъ. Какой однакожъ изумительный механизмъ! сколько гарантій! Губернаторскій прокуроръ — разъ, губернскій

штабъ-офицеръ — два, губернское правленіе — три, постороннія вѣдомства (въ томъ числѣ и начальникъ земской конюшни) — четыре, почтмейстеръ — пять, ябедники — шесть. И въ облакахъ — сенатъ.. московскіе онаго департаменты!

И никто не жаловался, что много, никто не кричалъ: караулъ! власть расхищаютъ! Вотъ бы хоть чуточку пожить!

Правда, что передъ моими глазами сидѣли такіе два экземпляра минувшихъ дней, которые не весьма свидѣтельствовали въ пользу устойчивости гарантій, а именно: Балаболкинъ и Пучеглазовъ (а очень вѣроятно — и Гвоздиловъ съ Краснощековымъ); но вѣдь за то Балаболкинъ и проѣхался съ жандармомъ въ телѣжкѣ. Что же касается до Пучеглазова, то онъ и до сихъ поръ хорошенько не знаетъ, какимъ образомъ онъ губернаторства лишился. Догадывается только, что, должно быть, правитель канцеляріи подсунулъ ему прошеніе объ отставкѣ подписать, а его и уволили. Такъ вѣдь и это своего рода гарантія. Кабы дать Пучеглазову волю, какъ этого требуетъ послѣднее слово науки, такъ онъ, чего добраго, всю бы губернію сквозь строй прогналъ, а правитель канцеляріи понялъ это и упредилъ.

Было двѣнадцать, но никому и въ голову не приходило, что это часъ привидѣній. Напротивъ, всѣ продолжали сидѣть за столомъ, совсѣмъ какъ бы живые. Но еслибъ не крикнулъ въ эту минуту на сосѣднемъ дворѣ пѣтухъ — конечно, нельзя поручиться, какое превращеніе могло бы произойти!

Однако все обошлось благополучно, и любезный хозяинъ первый ободрилъ насъ, подновивъ потухающую бесѣду разсужденіями на тему распорядительности.

— Вотъ вы сейчасъ о предѣлахъ слышали, — сказалъ онъ: — но не думайте, что ежели кто предѣлъ исполнилъ, тотъ ужъ освобождался отъ распорядительности. Требовалось, чтобъ губернаторъ и въ предѣлахъ оставался, и въ то же время хозяиномъ во всей губерніи былъ, чтобъ вездѣ самъ. Дорогу березками обсадить, пожарную трубу выписать, новый шрифтъ для губернской типографіи пріобрѣсти, мостовыя въ городѣ исправить, бульваръ устроить, фонари на улицахъ завести — вотъ задачи, которыя встарину каждый начальникъ губерніи обязанъ былъ выполнить. А затѣмъ и все остальное. Условился я, напримѣръ, съ начальникомъ земской конюшни, чтобъ по всей губерніи лошади у крестьянъ были саврасыя, — и вы-

полнилъ. И не мѣрами строгости и понужденія я результатовъ достигъ, а единственно съ помощью распорядительности. И такъ эта масть у насъ прижилась, что послѣ того, сколько ни старались созданіе мое разрушить, а и теперь еще въ захолустьяхъ крѣпкая саврасая порода сердца поселянина радуетъ!

— Его превосходительство изволили московскій трактъ березками усадить,—присовокупилъ Набрюшниковъ, почтительно указывая на Покатилова:—а послѣ нихъ приказали эти березки рубить. И что-же-съ! даже посейчасъ въ иномъ мѣстѣ березка цѣлехонька стоитъ!

— Такъ вотъ что̀ значитъ, мой другъ, распорядительность!—обратился ко мнѣ Чернобрововъ:—только разъ ее стоитъ проявить, такъ потомъ вѣка невѣжества пройдутъ, но и тѣ плоды ея вполнѣ истребить не могутъ! Хоть одна березка, а все-таки останется.

— И просвѣщеніе, и продовольствіе, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа—въ одной горсти было! —вторилъ Чернобровову Набрюшниковъ.

— И на все хватало времени. А нынче куда все это дѣвалось?—Говорятъ: отошло... но куда?

— Да туда же, куда и все прочее: изморомъ изныло! — нѣсколько раздраженно откликнулся Покатиловъ.

Воцарилось глубокое и скорбное молчаніе, до краевъ переполненное вздохами. Прасковья Ивановна потихоньку встала и отворила въ сосѣдней комнатѣ форточку.

— Ваше превосходительство! вѣдь вы такую картину современности нарисовали, что трудно даже представить, какъ люди жить могутъ!—обратился я къ Покатилову.

— Развѣ жизнь отъ насъ зависитъ-съ? Предоставлено намъ жить—и живемъ-съ.

Эти странныя слова еще больше усилили общее уныніе. А тутъ еще и Краснощековъ подбавилъ.

— Бывало, я ѣду по губерніи—и понимаю!—воскликнулъ онъ, грозя очами: — и себя самого, и другихъ — все понимаю! Направо посмотрю и налѣво посмотрю—вижу-съ! Чуть ежели что̀—стой! вылѣзу изъ экипажа и распоряжусь-съ! А нынче „онъ“ что̀? Потуда онъ себя и чувствуетъ, покуда изъ квартиры до вокзала желѣзной дороги, облакомъ одѣянный, ѣдетъ! Пріѣхалъ, сѣлъ въ вагонъ—что̀

„онъ“ такое? —кладь-съ Везутъ его, какъ и всякую прочую кладь, а куда везутъ — онъ не знаетъ! Силу пара остановить не можетъ, рельсы съ дороги снять—не имѣетъ права! задній ходъ дать — не умѣетъ! А ежели на станціи шумѣть начнетъ — [illegible] протоколъ. И пойдутъ передъ всѣмъ честнымъ народомъ разбирать, въ какой силѣ онъ шумъ производилъ: „при исполненіи“ или просто въ качествѣ разночинца. Срамъ-съ.

— Направляй кишку! —взвылъ во снѣ Балаболкинъ и въ то же время такъ сильно покачнулся вбокъ, что едва не свалился со стула.

Это была послѣдняя вспышка; приближался процессъ старческаго разложенія. У всякаго что-нибудь затосковало. У Чернобровова — нога, у Покатилова — лопатка, у Краснощекова — поясница. Всѣ чувствовали потребность натереться на ночь маслицемъ и надѣть на голову колпакъ. Даже дамы не безъ умысла любопытствовали, какое сегодня число?

Увы! предо мною приподнять былъ лишь край таинственной завѣсы, скрывавшей прошлое. Собственно говоря, я получилъ болѣе или менѣе ясное представленіе только о „предѣлахъ“; о творческой же дѣятельности до-реформенныхъ губернаторовъ я зналъ только одно: что они могли распространить саврасую масть. Но какъ они относились къ сокровищамъ, въ нѣдрахъ земли скрывающимся? Какъ понимали вопросъ о движеніи народонаселенія? Одобряли ли заведеніе фаланстеровъ? доставляли ли въ срокъ свѣдѣнія, необходимыя для изданія академическаго календаря, и въ какомъ смыслѣ: тенденціозныя или наивныя? признавали ли пользу травосѣянія? вѣрили ли въ чудеса, или считали оныя лишь полезнымъ мѣропріятіемъ въ видахъ обузданія простолюдиновъ? Находили ли достаточною существующую астрономическую систему, или полагали оную, для пользы службы, отмѣнить? провидѣли ли гессенскую муху, сусликовъ, кузьку, сконинскій банкъ, саранчу? Какими идеалами руководились при опредѣленіяхъ, увольненіяхъ и перемѣщеніяхъ? — Вотъ сколько вопросовъ разомъ пронеслось передо мной, и всѣ они остались такою же загадкой, какъ и въ то утро, когда генералъ Чернобрововъ благосклонно почтилъ меня приглашеніемъ.

По примѣру прочихъ, я уже собрался встать, какъ встрѣтилъ устремленный на меня взоръ Купидонова, который какъ бы говорилъ: такъ неужто же отъ меня и научиться ужъ нечему?

— Можетъ быть, и вы имѣете что-нибудь сказать, полковникъ? —обратился я къ нему.

— Немногое, — отвѣтилъ онъ: — но тоже въ своемъ родѣ... Первые мостки черезъ Неву я еще при блаженной памяти Александрѣ I устраивалъ и затѣмъ ежегодно весною и осенью, въ теченіе тридцати лѣтъ, несъ на себѣ эту обязанность. И сошлюсь на всѣхъ: каковы были до-реформенные мостки и каковы нынѣшніе! Только и всего.

Онъ простеръ руку и щелкнулъ языкомъ. Но уже врядъ-ли кто изъ стариковъ порядкомъ слышалъ его слова. Только Прасковья Ивановна слегка плеснула руками, но и то, по правдѣ сказать, больше въ знакъ благодарности за провѣсную бѣлорыбицу, которую Купидоновъ въ этотъ вечеръ для закуски доставилъ.

Черезъ пять минутъ я былъ ужъ дома. Въ душѣ у меня была музыка, такъ что когда кухарка, вся заспанная, отворила мнѣ дверь, то первыя мои слова, обращенныя къ ней, были:

— Ахъ, Мавра, Мавра! ты спишь, а того и не подозрѣваешь, что я весь вечеръ сегодня провелъ... съ утѣшеніемъ сената!

Письмо седьмое.

И что же на другой день оказалось!!

Что весь вчерашній вечеръ я провелъ среди членовъ тайнаго общества „Антиреформенныхъ Бунтарей“!

Покатиловъ — глава и основатель общества; Краснощековъ — человѣкъ судьбы, долженствующій, въ случаѣ надобности, выѣхать на бѣломъ конѣ; Пучеглазовъ — правая рука; Балаболкинъ — лѣвая; Набрюшниковъ — вѣстникъ; Гвоздиловъ — предатель. Словомъ сказать — вся обстановка, не исключая и дамъ, на которыхъ возложено щипаніе корпіи и приготовленіе бинтовъ.

Какъ однакожъ обманчива наружность! До сихъ поръ я представлялъ себѣ члена тайнаго общества не иначе какъ въ видѣ взъерошеннаго человѣка, который питается сильно дѣйствующими веществами и по̀ходя изрыгаетъ изъ себя подпольныя прокламаціи, — и

вдругъ что̀ же увидѣлъ?—Самыхъ обыкновенныхъ плѣшивыхъ стариковъ, которые даже твердой пищи разжевать не въ силахъ, которые не то говорятъ, не то урчатъ, и вообще ведутъ себя до того тлетворно, что безъ хорошаго вентилятора съ ними [illegible] можно быть! А между тѣмъ въ нихъ-то именно и засѣло потрясеніе основъ! Поди, угадай!

Общество „Антиреформенныхъ Бунтарей“ имѣетъ обширныя развѣтвленія по всей Россіи, но существенныя распоряженія разрабатываются предварительно на Пескахъ и отсюда уже расходятся, въ видѣ лозунговъ, по всѣмъ захолустьямъ. Въ провинціи главный контингентъ общества составляютъ отставные исправники, при благосклонномъ содѣйствіи господъ предводителей дворянства. Въ столицѣ —отставные губернаторы, при благосклонномъ содѣйствіи любителей, не пожелавшихъ, чтобъ имена ихъ были извѣстны.

У общества имѣется свой уставъ и своя печать. Уставъ написанъ такъ, что можно читать и сверху, и снизу, и затѣмъ, вынувъ середку, опять читать. Печать изображаетъ птицу съ распростертыми крыльями, обращенную головой внизъ; подъ нею девизъ общества: „Поспѣшай обратно“.

Цѣль общества: возстановленіе московскихъ департаментовъ сената. А сверхъ того—и все остальное.

Махинаціи общества долго оставались незамѣченными; но въ послѣднее время за ними стали слѣдить, такъ какъ дошло до свѣдѣнія, что для Краснощекова уже приторговываютъ бѣлаго коня. И ежели бы вчера вечеромъ околоточный не позабылъ подать свистокъ, то очень можетъ быть, что теперь...

— Мавра! Мавра! куда я попалъ!

Все это сообщилъ мнѣ Купидоновъ. Онъ тоже членъ общества, но притворный. Съ помощью икры, провѣсной бѣлорыбицы и другихъ, не особенно цѣнныхъ подарковъ, онъ успѣлъ овладѣть довѣріемъ женщинъ и черезъ нихъ узнать корни и нити. Въ послѣднее время онъ пріобрѣлъ очень цѣнное свѣдѣніе: узналъ имя извозчика, у котораго продается бѣлый конь. На всякій случай Купидоновъ тоже вооруженъ свисткомъ, который онъ мнѣ и показывалъ. Видомъ своимъ этотъ свистокъ напоминаетъ трубу, которую мы въ свое время услышимъ на страшномъ судѣ.

Тѣмъ не менѣе Купидоновъ разсказывалъ все это такъ непослѣ-

довательно и противорѣчиво, что я долгое время не зналъ, слѣдуетъ ли мнѣ испугаться, или не слѣдуетъ. Такъ напримѣръ, сначала онъ сказалъ, что свистокъ ему подарилъ „генералъ“, въ знакъ особливаго къ нему довѣрія. Но черезъ минуту хвалился, что онъ этотъ свистокъ пріобрѣлъ у отставного околоточнаго за шесть гривенъ. То же самое и насчетъ коня: никакъ нельзя было понять, слѣпой онъ или зрячій... Однако, разсудивъ зрѣло, я пришелъ къ убѣжденію, что испугаться во всякомъ случаѣ безопаснѣе. Можетъ быть, Купидоновъ и пустяки нагородилъ, а все-таки недаромъ пословица говоритъ, что береженаго Богъ бережетъ.

На этомъ основаніи я сейчасъ же раскрылъ всѣ ящики моего письменнаго стола, и, къ ужасу своему, нашелъ въ нихъ два глубоко компрометирующихъ письма. Въ одномъ меня увѣдомляли, что въ конспиративной квартирѣ три заговорщика уже собрались и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ четвертаго, дабы „приступить“. Въ другомъ — сообщали, что „рецептъ порошка возвращается съ благодарностью“... Поди доказывай, что въ первомъ письмѣ говорится о „винтѣ“, а не о революціи, а во второмъ—о зубномъ порошкѣ, а не о динамитѣ! Сейчасъ же, тайно отъ кухарки Мавры, я сжегъ оба документа и пепелъ развѣялъ по вѣтру. Затѣмъ взялъ шапку и побѣжалъ къ Чернобровову, чтобы заявить ему о своемъ несочувствіи...

Но было уже поздно: вся наша лѣстница была запружена понятыми. А черезъ часъ насъ всѣхъ направили „въ коммиссію“... Тайныхъ совѣтниковъ повезли въ извозчичьихъ каретахъ, меня — повели пѣшкомъ.

Молчаніе.

Современники не должны знать о такого рода дѣлахъ, ибо они секретныя. Впослѣдствіи, когда тайности мрака временъ сами собой выступятъ на скрижали исторіи, потомки съ удивленіемъ узнаютъ, въ какихъ преступленіяхъ погрязали ихъ предки. А до тѣхъ поръ я могу открыть только слѣдующее: что лишь благодаря цѣлому ряду ловко обдуманныхъ alibi я успѣлъ выйти изъ дѣла неповрежденнымъ...

. . . . . .

Черезъ два часа наше дѣло округлили и уже собрались отпустить насъ на всѣ четыре стороны, какъ вдругъ при провѣркѣ арестантовъ оказалось, что одного нѣтъ на-лицо: Гвоздиловъ бѣжалъ

изъ подъ-стражи. Сію минуту разослали во всѣ стороны хожалыхъ, а черезъ короткое время одинъ изъ нихъ принесъ вицъ-мундиръ Гвоздилова, найденный на берегу Невы, за Калашниковскою пристанью. Увы! почтенный старикъ предпочелъ добровольную смерть ожидавшему его позору разоблаченія...

Потужили, составили протоколъ и, какъ водится, разсказали нѣсколько анекдотовъ изъ жизни покойнаго, не къ стыду его относящихся. И такъ какъ адмиральскій часъ уже наступилъ, то президъ округлительной коммиссіи велѣлъ подать водку и, наполнивъ рюмку, помянулъ безвременно погибшую жертву охранительнаго недоразумѣнія. Причемъ счелъ нелишнимъ выразить предположеніе, что съ самаго основанія Петербурга Гвоздиловъ явилъ собой едва-ли не первый примѣръ тайнаго совѣтника, обрѣтшаго забвеніе своихъ винъ въ хладныхъ объятіяхъ Невы, но что впрочемъ нужно надѣяться, что сей первый примѣръ будетъ и послѣднимъ. Ибо даже въ самыя горькія минуты жизни человѣкъ не имѣетъ права распоряжаться симъ драгоцѣннымъ даромъ Творца, но обязанъ съ покорностью выжидать начальственныхъ по сему предмету распоряженій.

Наконецъ моментъ разставанія наступилъ. Объявляя намъ свободу, президъ коммиссіи нашелъ полезнымъ произнести напутственное слово, допустивъ въ немъ нѣкоторые, не лишенные язвительности, оттѣнки.

— Господинъ тайный совѣтникъ Покатиловъ! — сказалъ онъ, обращаясь къ главѣ заговорщиковъ: — что преступленіе, въ которомъ обвиняетесь вы и ваши почтенные единомышленники, было дѣйствительно вами совершено — это не подлежитъ для меня никакому сомнѣнію. Вы собирались по ночамъ въ конспиративной квартирѣ; вы замышляли переворотъ въ пользу возстановленія московскихъ департаментовъ сената, а затѣмъ и всего остальнаго; у васъ найдены значительные запасы корпіи и бинтовъ, что свидѣтельствуетъ, что замыслу вашему не чуждо было и предположеніе о кровопролитіи... Все это доказано достовѣрными свидѣтельскими показаніями, такъ что ежели бы къ дѣйствіямъ вашимъ примѣнить общепринятыя понятія о возмездіи, то я не ручаюсь, что вы вышли бы отсюда неповрежденными. Но коммиссія наша разсудила иначе. Она нашла, что намѣренія ваши столь благовременны и столь тайнымъ совѣтникамъ свойственны, что мнѣ ничего другого не остается, какъ сказать вамъ:

идите съ миромъ и продолжайте вашу благонамѣренно-преступную дѣятельность! Объ одномъ прошу васъ: будьте осмотрительны въ выборѣ вашихъ соумышленниковъ! Не увлекайтесь миурою популярности! не допускайте необдуманныхъ и опасныхъ сближеній! Помните, что коварство на каждомъ шагу подстерегаетъ васъ, и что, благодаря ему, *благо*временное можетъ сдѣлаться неблаговременнымъ, и *благо*намѣренное — неблагонамѣреннымъ.

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ продолжалъ:

— Вы свободны. Благодаря вашей ловкости, Немезида правосудія и на сей разъ остается неудовлетворенною. Но знайте, что ежели настоящее изслѣдованіе не дало вполнѣ непререкаемыхъ уликъ для опредѣленія характера и состава содѣяннаго вами преступленія, то намѣренія, которыя одушевляютъ вашу общую дѣятельность, ни для кого уже не составляютъ тайны. Довольно! безъ возраженій! Я не для того обращаю къ вамъ рѣчь, чтобы вступать съ вами въ пререканія, а для того, чтобъ вы прониклись моими благими пожеланіями и приняли ихъ къ руководству. Sapienti sat.

Высказавши это, презусъ щелкнулъ каблуками (хотя онъ былъ штатскій, но торжественность минуты до такой степени покорила его, что онъ безъ шпоръ не могъ себя мыслить) и вышелъ. На прощанье онъ послалъ воздушный поцѣлуй въ сторону тайныхъ совѣтниковъ, а въ мою сторону погрозилъ очами.

Я возвращался изъ коммиссіи съ понурой головой и съ завистью смотрѣлъ на генерала Краснощекова, который шелъ впереди, горделиво выгнувъ шею и выдѣлывая ногами лансады. Къ тому же я чувствовалъ, что у меня что-то ползетъ по спинѣ: очевидно, это былъ клопъ, которымъ, въ отместку за отсутствіе уликъ, меня снабдили въ коммиссіи. Нѣсколько разъ я порывался нанять извозчика, чтобъ поскорѣе попасть домой; но извозчики пристально осматривали меня съ головы до ногъ и, ни слова не говоря, настегивали лошадей. Очевидно, печать преступленія, несмотря на короткое время, уже успѣла лечь неизгладимымъ клеймомъ на моемъ челѣ.

Тщетно изслѣдовалъ я свое житіе, чтобъ уяснить себѣ, что именно могло внушить почтеннѣйшему презусу округлительной коммиссіи столь невыгодное мнѣніе объ общемъ характерѣ моей дѣятельности — я не припоминалъ въ прошломъ ни одного факта, который подтверждалъ бы это мнѣніе. Правда, что я либералъ — это такъ

точно, ваше превосходительство!—по либералъ до такой степени скромный и смирный, что даже въ участкѣ, въ графѣ: „чѣмъ занимается“ — прописанъ: „всего опасается“. Живу я уединенно, бесѣдую съ кухаркой Маврой, и не только оружія, и даже простого тесака у себя въ квартирѣ не имѣю. Одинъ только и есть за мной грѣхъ: отъ времени до времени пописываю—ну, да вѣдь нельзя же совсѣмъ ужъ закоченѣть, потому только, что кругомъ дымъ коромысломъ стоитъ...

Но и въ писаніяхъ своихъ я въ высшей степени скроменъ. Я не препятствую такъ-называемымъ консерваторамъ быть консерваторами, не обвиняю ихъ ни въ измѣнѣ, ни въ революціонныхъ замыслахъ, и не удивляюсь, что изъ ихъ лагеря сыплются насмѣшки и обличенія на либерализмъ. Все это въ порядкѣ вещей, все такъ и слѣдуетъ. Но когда эти люди для защиты своихъ мнѣній прибѣгаютъ къ предательскимъ полемическимъ пріемамъ—признаюсь, это меня возмущаетъ. По моему мнѣнію, это — гнусность, въ которой нѣтъ надобности ни для оживленія столбцовъ, ни для розничной продажи.

Поэтому, когда я устно или печатно заявляю, что всякое убѣжденіе, какова бы ни была его окраска, можетъ и должно быть защищаемо безъ подвоховъ (а я, покуда, именно только этого и добиваюсь), то мнѣ положительно никогда не приходитъ на мысль (или, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не приходило), чтобы подобное заявленіе заключало въ себѣ попытку на потрясеніе основъ и непризнаніе авторитетовъ. Я просто-на-просто призываю къ честности и опрятности—и ничего больше...

Но, къ сожалѣнію, приходится убѣдиться, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ и потрясенія, и посягательства—все блѣднѣетъ и стирается передъ вопросами о какихъ-то личныхъ привилегіяхъ самаго низменнаго свойства. Такъ что еслибъ я завелъ въ своей квартирѣ цѣлый складъ тесаковъ, то въ глазахъ очень многихъ людей это дѣйствіе представлялось бы менѣе вреднымъ, нежели, напримѣръ, выраженіе удивленія по поводу какого-нибудь безшабашнаго публициста, который, засѣвши по-уши въ грязь, брызжетъ ею во всѣхъ, имѣющихъ дерзновеніе не признавать его мудрецомъ.

Такъ мало-по-малу мельчаетъ и вырождается старинная распря между либералами и охранителями. Содержаніе спора все больше и больше тускнѣетъ, а на мѣсто его выступаютъ микроскопическіе де-

тали и подвохи, которымъ, ради декорума, присвоивается наименованіе ловкихъ пріемовъ. И очень возможно, что недалеко время, когда, по волѣ всемогущихъ судебъ, либерализмъ совсѣмъ очутится внѣ боя, а охранители, почувствовавъ себя окончательно свободными отъ всякой узды, будутъ на всей своей волѣ безъ пороху палить въ пустое пространство...

Я знаю, найдутся читатели, которые скажутъ, что все описанное выше не только преувеличено, но просто-на-просто представляетъ сплошную небывальщину. Замѣчаніе это впрочемъ нимало меня не смутитъ, потому что я и самъ вполнѣ съ нимъ согласенъ. Я лучше, нежели кто-нибудь, знаю, что въ натурѣ не было ни умницы Покатилова, ни рыцаря Краснощекова, ни паперсниковъ, ни конспиративной квартиры на Пескахъ, ни тайнаго общества антиреформенныхъ бунтарей. Никогда ничего подобнаго я не видалъ, о необходимости возстановленія московскихъ департаментовъ сената ни отъ кого не слыхалъ и за подобные разговоры ни въ какую коммиссію призываемъ не былъ. Но и за всѣмъ тѣмъ я утверждаю по совѣсти, что все написанное мною объ этомъ предметѣ съ подлиннымъ вѣрно, и что ежели, напримѣръ, не существуетъ въ натурѣ общества антиреформенныхъ бунтарей, то существуетъ духъ времени, который нельзя назвать иначе, какъ антиреформенно-бунтарскимъ, и который съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все бо́льшую и бо́льшую авторитетность.

Я утверждаю, что этимъ духомъ пропитана вся вліятельно-интеллигентная Россія, и что конспиративныя сѣтованія, раздающіяся на Пескахъ (зри выше), во стократъ менѣе карикатурны, нежели тѣ, которыя на каждомъ шагу приходится слышать и на улицахъ, и въ публичныхъ мѣстахъ, и—по преимуществу—въ салонахъ и кабинетахъ. Вездѣ мы встрѣчаемся съ несомнѣнными сивыми меринами, которые пропагандируютъ несомнѣнно полоумные фантазіи и бреды и, не обинуясь, присвоиваютъ имъ наименованіе политическихъ и административныхъ программъ.

Поэтому, ежели читатель справедливъ и притомъ не ограничивается однимъ буквальнымъ пониманіемъ читаемаго, то онъ будетъ вынужденъ признать, что въ предыдущемъ моемъ письмѣ я не только ничего не преувеличилъ, но во многихъ отношеніяхъ стоялъ далеко ниже дѣйствительности. А сверхъ того у меня имѣется въ запасѣ и

еще одна оправдательная оговорка: подождите! Почемъ вы знаете, чѣмъ чревато будущее? Вѣдь перспективы бредовъ до такой степени растяжимы, что никакая карикатура не въ силахъ намѣтить границу, гдѣ обязательно долженъ завершиться [illegible].

По моему мнѣнію, въ общемъ нестройномъ хорѣ антиреформенной разнузданности умница Покатиловъ выдѣляется съ несомнѣнною для себя выгодою. Сопоставленія, на которыхъ онъ основываетъ свои тяготѣнія къ дореформенности, не лишены нѣкоторыхъ странностей, но въ то же время свидѣтельствуютъ о замѣчательномъ остроуміи и подлинной резонности. Логическій умъ стараго практика не допускаетъ ни разброда, ни скачковъ, ни игры въ прятки, ни даже рыцарскихъ порываній невѣдомо куда (въ чемъ достаточно изобличается, напримѣръ, благородный генералъ Краснощековъ), но прямо укрывается подъ сѣнь закона и въ немъ отыскиваетъ все, что̀ нужно для того, чтобъ утѣшить сенатъ. Покатиловъ отнюдь не притворяется, являясь горячимъ защитникомъ гарантій; нѣтъ, онъ во истину понимаетъ, что безъ гарантій невозможно существовать ни правящимъ, ни управляемымъ. Конечно, обстановка, въ который онъ представляетъ себѣ обезпеченность, нѣсколько устарѣла и, въ сущности, сама не весьма обезпечена, но это ужъ вина не его, а его времени. Онъ воспитанъ въ идеалахъ самой простецкой остановки, и другихъ, болѣе утонченныхъ формъ легальности не знаетъ. Но такъ какъ онъ относится къ своимъ „простымъ“ идеаламъ безъ малѣйшаго глумленія, и притомъ всякому недовольному его дѣйствіями охотно рекомендуетъ: идите, жалуйтесь! вонъ сколько гарантій начальствомъ для васъ наготовлено!—то, очевидно, въ немъ происходитъ въ это время процессъ довольно близкій къ представленію объ отвѣтственности. Ибо какъ ни простъ обыватель, но и ему, въ виду указанія гарантій, можетъ придти въ голову: а что̀, въ самомъ дѣлѣ! пойду да и пожалуюсь!

На что̀ собственно Покатиловъ негодуетъ?—онъ негодуетъ на то, что мундиръ остается въ прежней силѣ, а обстановка упразднена. По его мнѣнію, мундиръ, лишенный обстановки, прикрываетъ собой самочинную пустоту, которая можетъ извлечь изъ себя только одинъ звукъ: фюитъ!.. Но развѣ можно въ словѣ: „фюитъ“ видѣть какую-нибудь гарантію?

Но что̀ важнѣе всего —требуя гарантіи для жизни вообще, умница Покатиловъ понимаетъ, что гарантія эта прежде всего ограждаетъ

его самого. Несмотря на свое властное положеніе, онъ никогда не причислялъ себя къ сонмищу боговъ, но положительно сознавалъ себя смертнымъ. Всѣ великія дѣла на землѣ были совершены „смертными“ — отчего же и ему, обсадившему березками московскій трактъ, не признать себя таковымъ? Ничего тутъ унизительнаго нѣтъ. А коль скоро онъ съ этимъ примирился, то и отношенія его къ прочимъ власть имѣющимъ лицамъ, и къ управляемымъ, и даже къ природѣ пріобрѣли болѣе человѣчный характеръ. Онъ не артачился, когда жандармскій штабъ-офицеръ предупреждалъ его, что пожарныя лошади существуютъ не для никниковъ, и не фордыбачилъ, когда прокуроръ являлся съ протестомъ противъ отдачи губерніи или части ея въ распоряженіе родственникамъ кумы. Напротивъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ чрикланялъ ухо и, выслушавши протестъ, подвергалъ его всестороннему и зрѣлому обсужденію. Согласитесь, что это съ его стороны было и мило, и вполнѣ согласно съ законами.

Точно то же и относительно управляемыхъ. Зная, что существуютъ особливо аккредитованныя лица, которымъ достовѣрно извѣстно, что онъ, Покатиловъ, не для того присланъ, чтобы неистовствовать и сокрушать, а для того, чтобы приклонять ухо и по мѣрѣ возможности оказывать удовлетвореніе, онъ не бросался на управляемаго какъ озаренный, не огорошивалъ его, а съ терпѣніемъ выслушивалъ его рѣчи, хотя бы онѣ были и не вполнѣ внятны. На первыхъ порахъ и онъ, по поводу этой невнятности, не мало сквернымъ словъ потратилъ; но когда однажды жандармскій штабъ-офицеръ ему доложилъ: „ахъ, ваше превосходительство! вѣдь и вы не всегда внятно изволите говорить!“ —то онъ запомнилъ эти слова и разъ навсегда сказалъ себѣ, что задача умнаго администратора не въ томъ состоитъ, чтобы совмѣщать въ своемъ лицѣ глубокомысленныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ, а въ томъ, чтобы обладать снисходительностью и терпѣніемъ. Ибо нужды обывательскія такъ скромны, что не требуютъ ни быстроты разума, ни глубокомыслія, а только простой справки съ законами и бывшими примѣрами. На этомъ основаніи онъ даже и ябедниковъ не особенно преслѣдовалъ. Говорятъ, будто бы онъ ихъ боялся; но я позволяю себѣ думать, что не одинъ страхъ заставлялъ его такъ поступать, но и убѣжденіе, что сословіе ябедниковъ представляетъ собою убѣжище, въ которомъ находитъ себѣ защиту поруганная общественная совѣсть.

Что же касается до отношеній къ природѣ, то смягченіе ихъ является какъ естественное послѣдствіе общаго умиротворенія административныхъ нравовъ. Администраторъ, который не состоитъ въ постоянной борьбѣ съ закономъ и не ставитъ себѣ задачей поврежденіе управляемыхъ, встрѣчаетъ солнечный восходъ съ несравненно большимъ умиленіемъ, нежели администраторъ, который наканунѣ растопталъ законъ и самочинно огорчилъ цѣлую уйму обывателей. И не по тому одному его умиляетъ солнышко, что онъ считаетъ его своимъ двоюроднымъ братцемъ, но и потому, что лучи его одинаково свѣтятъ и правящимъ, и управляемымъ, и вообще всю природу согрѣваютъ и оживляютъ. Пускай не онъ одинъ, а всѣ вообще радуются и согрѣваются — онъ не только этому не препятствуетъ, но готовъ даже содѣйствіе оказать.

Нынѣ все это измѣнилось. Увы! изъ нынѣшнихъ администраторовъ едва-ли найдется такой, который можетъ свободно на солнце взглянуть... А почему? — потому что такое ужъ нынѣче вѣяніе: и въ звѣрѣ, и въ птицѣ, и въ землѣ, и въ водахъ, и даже въ свѣтилахъ небесныхъ — во всемъ видѣть посягательство и грубіянство, которое необходимо усмирить.

Повторяю: формы, въ которыя облекались идеалы Покатилова, были нѣсколько неуклюжи, но самое зерно этихъ идеаловъ несомнѣнно заслуживало сочувствія и похвалы. Онъ прежде всего пламенѣлъ передъ закономъ, и не только не позволялъ себѣ выражаться, что такой-то законъ изданъ впопыхахъ, а такой-то представляетъ собой плодъ бунтующей плоти, но даже къ извѣстному афоризму: „по нуждѣ и закону премѣна бываетъ“ — относился съ величайшею осмотрительностью. „Бываетъ премѣна, — говорилъ онъ, — но лишь тогда, когда таковая въ законодательномъ порядкѣ утверждена“. Равнымъ образомъ онъ не мололъ суконнымъ языкомъ, что сенатъ есть учрежденіе крамольническое, но, пылая къ нему сыновнею любовью, всякое разъясненіе съ его стороны принималъ яко даръ, а порицаніе или похвалу — яко мзду и воздаяніе. Однимъ словомъ, сознавая себя лишь спицей въ колесницѣ, онъ вмѣстѣ съ другими спицами скромно вертѣлся въ подлежащемъ колесѣ, трепеща и ревнуя, такъ точно, какъ въ томъ передъ Богомъ, на страшномъ его судѣ, отвѣтъ дать надлежитъ.

Вотъ каковъ былъ умница Покатиловъ. Конечно, это былъ въ

своемъ родѣ антикъ, которому за его непреоборимое уваженіе къ закону не напрасно было присвоено наименованіе „Утѣшеніе сената“; однакожъ я очень хорошо помню цѣлую школу администраторовъ, которые воспитаны были въ страхѣ сенатскомъ и нимало этимъ не тяготились. И хотя не всѣ послѣдователи этой школы были столь же непреоборимы, какъ Покатиловъ, однако ни одинъ изъ нихъ человѣческою своею слабостью хвалиться во всеуслышаніе не дерзалъ.

Очень возможно, что таковыя качества тайнаго совѣтника Покатилова побудили и презуса округлительной коммиссіи отнестись къ злоумышленіямъ его съ благосклонною симпатіей. Но, по мнѣнію моему, это было съ его стороны недоразумѣніе. Презусъ, очевидно, не понялъ Покатиловскихъ идеаловъ, или, лучше сказать, понялъ только ту ихъ часть, которая выражала стремленіе къ возстановленію московскихъ департаментовъ сената. Мысль о гарантіяхъ (а она-то именно и составляла главное зерно) положительно ускользнула отъ него, и я убѣжденъ, что еслибъ онъ ее понялъ...

Но не будемъ увлекаться гаданіями, а лучше подивимся мудрости Покатилова, который и въ самомъ бунтарствѣ своемъ явилъ несомнѣнную проницательность.

Онъ понялъ, что съ гарантіями, по нынѣшнему времени, соваться не приходится, и потому преднамѣренно утопилъ свою мысль въ цѣломъ морѣ белиберды. Белиберда—это, такъ сказать, воздухъ, которымъ мы дышемъ, хлѣбъ, которымъ питаемся. Это не только существеннѣйшій признакъ времени, но и отличнѣйшая во всѣхъ смыслахъ рекомендація. Во всѣхъ видахъ она хороша: и какъ pièce de résistance, и въ видѣ гарнира. Безъ ея содѣйствія — всуе будетъ труждаться зиждущій; съ ея помощью—даже возстановленіе московскихъ департаментовъ сената представляется лишь вопросомъ времени...

Но и за всѣмъ тѣмъ, сравните белиберду Покатиловскую съ тою, которую источаетъ его дальній родственникъ, тайный совѣтникъ Крокодиловъ, и вы удивитесь, какое существуетъ разнообразіе белибердъ и какъ громадно можетъ быть разстояніе между ними.

Небо — и земля; солнце — и сальная свѣча; слонъ — и мосьга; мраморныя палаты — и скромный досчатый кіоскъ для проходящихъ...

Никогда антиреформенные бунтари не дѣйствовали такъ рѣшительно, никогда не распложались въ такомъ множествѣ, какъ въ наше время. Вся интеллигентствующая Россія охвачена сѣтью конспиративныхъ белибердъ, которыя не могутъ [illegible] предмета своихъ вожделѣній и протестуютъ единственно подъ вліяніемъ взбутораженнаго темперамента. Въ глазахъ знаменосцевъ кутерьмы весь существующій порядокъ, поскольку въ немъ слышится стремленіе къ установленію принципа законности, есть не что иное какъ плодъ нечаяннаго недоразумѣнія. Это не порядокъ, а міръ призраковъ, на который стоитъ лишь дунуть, чтобъ птица съ письмомъ: „поспѣшай назадъ“—немедленно доставила его по адресу.

Но что̀ всего замѣчательнѣе—нигдѣ это противоестественное, во имя белиберды протестующее, движеніе не распространено такъ сильно, какъ въ той средѣ, которая по самой своей профессіи обязывается стоять на стражѣ установившихся порядковъ.

Нѣтъ той мелкой сошки, которая не угрожала бы или не глумилась, смотря по темпераменту. Долго сдержанные инстинкты разнузданности нашли неожиданно-свободный исходъ, а безтолочь, десятками лѣтъ накоплявшаяся въ умахъ, вышла изъ береговъ и, какъ въ половодье, гнѣвно разлилась во всѣ стороны. Это уже не протестъ, исходъ котораго болѣе или менѣе гадателенъ, а цѣлая побѣда, сразу доведенная до безчинства. Надъ чѣмъ безчинство? Надъ порядкомъ, который на каждой страницѣ кодекса носитъ наименованіе „установленнаго“, — надъ порядкомъ, благодаря которому сыты, обуты и одѣты тѣ самые, которые ежеминутно, и прямо, и косвенно, его подрываютъ.

Прислушайтесь къ безпутному гомону, перекатывающемуся изъ края въ край и окончательно находящему убѣжище въ торжествующей части нашей такъ-называемой прессы, и убѣдитесь, что самъ баснословный нѣтухъ не отличитъ, что̀ въ этой неистовой околесицѣ жемчужное зерно, и что̀—навозъ. И не отличитъ по очень простой причинѣ: ничего, кромѣ навоза, тутъ нѣтъ. Одно вполнѣ ясно въ этой сутолокѣ: на каждомъ шагу продается отечество. Продается и при содѣйствіи элеваторовъ, и при содѣйствіи транзитовъ, и даже при содѣйствіи джутовыхъ мѣшковъ. Все это, въ сущности, нимало белибердоносцевъ не интересуетъ, а представляетъ лишь одинъ изъ

современныхъ таинственныхъ лозунговъ (несмѣняемость, динамитъ, конституція и т. п.), дающихъ нѣкій поводъ для надругательства.

Живые притаились въ могилахъ; мертвые самочинно встали изъ гробовъ и ходятъ по стогнамъ, стуча костями. Кладбищенское волшебство замѣнило здоровую, реальную жизнь. Такія слова вновь вошли въ обиходъ, которыя считались давно упраздненными; такія мысли пріобрѣли авторитетъ, отъ которыхъ недавно даже оселъ отказывался: что вы! никогда ничего подобнаго я не мыслилъ! На дняхъ мнѣ случилось въ одной изъ газетъ вычитать „правду", въ четырехъ строчкахъ нѣкоторымъ обывателемъ нацарапанную,—клянусь, я и не подозрѣвалъ, чтобы человѣческій языкъ былъ способенъ выговорить тѣ звуковыя сочетанія, которыя въ этой „правдѣ" безъ малѣйшаго затрудненія въ обнаженномъ видѣ осуществлены!

Я не говорю, чтобы такое положеніе вещей могло считаться серьезно-угрожающимъ, но не скрываю отъ себя, что многое въ этомъ случаѣ зависитъ отъ того, глубоко ли укоренилась белиберда, или же корни ея расползлись только по поверхности.

Въ первомъ случаѣ умственное оскудѣніе можетъ современемъ всѣ функціи общественной жизни извратить и довести до негодности: во второмъ—это оскудѣніе настигнетъ лишь тѣ слои общества, которые, за свое дурное поведеніе, окажутся вполнѣ того заслуживающими.

Но даже въ этомъ послѣднемъ, смягченномъ видѣ умственная атрофія представляется далеко не безопасною. Ежели знаменосцы белиберды и не настолько сильны, чтобы пропитать безмыслицей весь общественный организмъ, то все-таки у нихъ имѣется въ рукахъ цѣлая номенклатура мелкихъ уколовъ, съ помощью которыхъ представляется возможность сдѣлать массу частнаго зла. У насъ это частное зло какъ будто даже и въ счетъ не идетъ. Исчезъ человѣкъ, наложилъ на себя руки, дошелъ до послѣдней степени отчаянія — велика важность! Намъ надо цѣлую уйму погибшихъ людей, чтобы встревожиться и признать въ этомъ фактѣ достойное вниманія явленіе...

Ахъ, господа, господа! согласитесь однако, что и единичный человѣкъ — все-таки человѣкъ!! Въ мірѣ червей, конечно, не особенно существенно, если раздавленъ какой-то *одинъ* червякъ. На червяка наступаютъ нечаянно, да и ему самому быть раздавленнымъ

не такъ больно, потому что онъ ничего не предвидитъ и, слѣдовательно, ни къ чему не готовится. Но человѣкъ сознаетъ и предусматриваетъ; онъ видитъ ногу, которая занесена надъ нимъ, онъ знаетъ, зачѣмъ она занесена, и зрѣлище это [illegible], должно породить въ немъ соотвѣтствующія ощущенія. Какія?

Эта легкая возможность частнаго зла совершенно удовлетворительно объясняетъ тайну успѣховъ белиберды. Герои, которые въ состояніи дать отпоръ, составляютъ исключеніе, а средній человѣкъ, которымъ кишитъ вселенная, судорожно цѣпляется за свою неповрежденность. Онъ-то своими боками и демонстрируетъ властность белиберды. Онъ охотно сторонится передъ белибердой, поддакиваетъ ей, лишь бы она прошла, не замѣтивъ его. И нерѣдко, дѣйствительно, проскальзываетъ, хотя и не безъ мучительныхъ изворотовъ. Ибо и белибердоносцы враждуютъ и препираются между собою: и они образуютъ партіи, между которыми приходится выбирать. Такъ, въ данную минуту человѣка зарекомендовываетъ *вотъ эта* белиберда, а не *та*; не Покатиловская, напримѣръ, а Крокодиловская... Слѣдовательно, и поддакивать нужно *вотъ этой* белибердѣ, а не *той*. Какъ тутъ угадать?

Мало кликнуть кличъ: „поспѣшай назадъ!“—надобно съ точностью указать, въ какой именно кіоскъ надлежитъ поспѣшать. Мало сказать: „намъ ничего не нужно, кромѣ помоевъ“—надобно съ достовѣрностью опредѣлить вкусъ, цвѣтъ и запахъ искомыхъ помоевъ. Какъ разобраться въ этомъ разнообразіи? какъ угадать, какая белиберда надежнѣе, какой предстоитъ болѣе прочная будущность?

Белиберда, не только требующая безусловной сдачи на капитуляцію, но и доходящая въ этихъ требованіяхъ до прихотливости—кто скажетъ, что это реальность, а не постыднѣйшее сновидѣніе обезумѣвшаго отъ страха раба?

А еще говорятъ о преувеличеніяхъ, о каррикатурѣ, о клеветѣ... О, маловѣры!

Однако какимъ же образомъ жить? Какимъ образомъ устроиться съ чувствомъ самосохраненія, которое все-таки нельзя не принимать въ разсчетъ? Герои, конечно, легко отыщутъ выходъ и изъ самыхъ мучительныхъ затрудненій, но повторяю: не о герояхъ идетъ здѣсь рѣчь, а о тѣхъ среднихъ людяхъ, которые совершаютъ среднія, за-

конами не возбраняемыя, дѣла и прежде всего желаютъ осуществить свое право на существованіе.

Какимъ образомъ имъ спастись? то-есть, не одно брюхо спасти, но и хоть съ эстолько души?

Къ счастію, у меня есть старинный другъ и товарищъ, Глумовъ, у котораго всегда на всякіе вопросы отвѣтъ готовъ. Это—несомнѣнный мудрецъ. Въ древности онъ навѣрное выдумалъ бы пиѳагоровы штаны, а въ наше время ограничивается тѣмъ, что знакомитъ друзей съ наилучшими приспособительными пріемами, при помощи которыхъ можно припѣваючи жизнь провести. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ только и дѣлаетъ, что приспособляется, и наконецъ до того вошелъ во вкусъ, что во всеуслышаніе заявляетъ, что еслибъ отнять у жизни необходимость приспособленій, то она сдѣлалась бы столь же безвкусною, какъ каша безъ масла.

— Непремѣнно нужно, чтобы насъ что-нибудь подергивало,— говоритъ онъ:—какое-нибудь чтобы мы мучительство впереди видѣли, которое заставило бы насъ приспособиться... Иначе мы и вовсе спустя рукава жить начнемъ.

Только разъ въ жизни блеснуло у него въ головѣ, что и безъ приспособленій прожить можно. Это было въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда всѣмъ вообще приспособленія до того надоѣли, что даже звѣри радостнымъ рычаніемъ привѣтствовали эру освобожденія отъ нихъ.

— Теперь,— говорилъ мнѣ въ то время Глумовъ, потирая руки,— только черезъ одно приспособленіе еще пройти надо, а именно: приспособиться, какъ на будущее время безъ приспособленій прожить...

Но не успѣлъ онъ закончить процедуру этого самоприспособляющагося приспособленія, какъ уже вновь, потирая руки, возвѣщалъ:

— Вотъ и опять приспособленія пошли! а я-то, профанъ, разлетѣлся! чуть было и совсѣмъ не отвыкъ, да, къ счастію, остерегся. И вотъ теперь сразу на старый манеръ всѣ детали наладилъ, и опять у меня житьишко какъ по маслу пойдетъ.

Съ тѣхъ поръ, какія бы перемѣны въ температурѣ ни происходили, онъ какъ сталъ на стражѣ, такъ и не сходитъ съ позиціи. Аккуратно каждый годъ подписывается на куранты—и слѣдитъ.

Прочитаетъ объ элеваторахъ — къ элеваторамъ готовиться начнетъ; прочитаетъ о транзитѣ — къ транзиту готовиться начнетъ; прочитаетъ о джутовомъ мѣшкѣ — не знаетъ, какъ быть. И всѣмъ объявляетъ: „теперь меня хоть на куски рѣжь!“ А [illegible] время впалъ въ такое забвеніе чувствъ, что прямо на себя въ благопріятномъ свѣтѣ клевещетъ: „у меня, говоритъ, ни чувства, ни ума — ничего не осталось! весь я, и съ головой, и съ потрохами, насквозь приспособился!“

Само собою разумѣется, что усердіе это даромъ ему не прошло. Не успѣли мы оглянуться, какъ онъ ужъ и мѣстечко хорошенькое ненарокомъ заполучилъ. Прежде, вотъ видите ли, его поодаль держали, опасались, какъ бы „онъ не отмочилъ“, а теперь убѣдились, что въ немъ даже мочи — кромѣ необходимаго, для облегченія, количества — не осталось, и въ соотвѣтствіе сему отвели гдѣ-то въ провинціи прехорошенькій кіоскъ. Сидитъ онъ тамъ да приспособляется, а временемъ и въ Петербургъ наѣдетъ. Справится, какіе новые фасоны приспособленій вышли, и — опять домой, въ кіоскъ.

Въ одинъ изъ такихъ наѣздовъ онъ и обо мнѣ вспомнилъ. У курьера, по сосѣдству, младенца отъ купели воспринималъ, да и надумался: „дай, думаетъ, зайду! я вѣдь теперь ужъ такъ приспособился, что и заподозрить меня нельзя!“ Взялъ да и пришелъ. Разумѣется, у подъѣзда не сразу за ручку схватился, а потоптался-таки минуту-другую, но наконецъ съ шумомъ распахнулъ дверь, взлетѣлъ въ третій этажъ: съ нами крестная сила... урррра!

Радостнымъ изліяніямъ конца не было.—Какъ дѣла? все ли у тебя по кіоску благополучно?—„Все, кажется, слава Богу, благополучно!“—Ну, слава Богу лучше всего, и т. д. Словомъ сказать, обычный дружески-свѣтскій разговоръ.

— Ну, а ты какъ?—обратился онъ ко мнѣ.

— Да что... нехорошо, братъ, мнѣ!

— Что такъ?

Да вотъ, молъ, такъ и такъ. Началъ я ему излагать, и что больше, то хуже выходитъ. Тайный, молъ, совѣтникъ Крокодиловъ на новый судъ ударилъ; лѣвое крыло ужъ перебилъ пополамъ, а правымъ хоть судъ еще и помахиваетъ, однако увѣренности на полное возстановленіе полета ужъ нѣтъ.

Не успѣлъ я докончить, какъ уже лицо Глумова потемнѣло.

— Ну?

А еще молъ, прибылъ сюда „свѣдущій“ корнетъ Отлетаевъ и говоритъ, нимало не стѣсняясь: все, молъ, надобно уничтожить: и земство, и суды, а отыскать, вмѣсто всего, благонадежнаго отставного прапорщика и ему препоручить: пускай всѣмъ помыкаетъ. А Крокодиловъ ему въ отвѣтъ: ахъ, какъ это хорошо!

— Ну?

— Помилуй, любезный другъ! чего же еще нужно?

— А тебѣ что̀ за дѣло?

Я такъ и ахнулъ: вотъ этого-то именно вопроса я и не ожидалъ. Удивительно это, право. Всю жизнь только и чувствуешь, какъ этотъ вопросъ долбитъ тебѣ голову, а вотъ когда надобно, чтобы онъ возъимѣлъ практическое дѣйствіе,—тутъ-то именно его и нѣтъ какъ нѣтъ. Существуютъ, должно быть, такіе вопросы, относительно которыхъ и опытъ вѣковъ, и воспитательные афоризмы—все оказывается всуе и втунѣ. Никогда они не укладываются такъ плотно въ сознаніи, чтобы не было совѣстно сразу ихъ формулировать.

— Послушай, голубчикъ, да вѣдь необходимо же, до извѣстной степени, принимать въ разсчетъ, что существуютъ разговоры, которые изнурительнымъ образомъ вліяютъ на мозги...

— Мозги? какіе мозги? по какому случаю? на какой предметъ? Взять его подъ сумленіе!

Глумовъ всталъ въ позу Любима Торцова и при послѣдней фразѣ вытянулъ правую руку съ устремленнымъ указательнымъ перстомъ, какъ дѣлывалъ актеръ Садовскій. Глумовъ, сколько я помню, и прежде любилъ копировать Садовскаго въ роли Торцова; но теперь онъ по-видимому сдѣлалъ изъ этого копированія приспособительный пріемъ. Вотъ, молъ, господа милостивцы, я каковъ! всякое колѣнце для вашего увеселенія отколоть готовъ! Хотите—сцену изъ народной жизни сейчасъ разскажу!

— Глумовъ! да выслушай же меня!—взмолился я:—вѣдь Крокодиловъ проходу не даетъ! поймаетъ, возьметъ за пуговицу и держитъ. И говоритъ... ахъ, что̀ онъ говоритъ! А въ заключеніе: „надѣюсь, что вы вполнѣ съ моимъ мнѣніемъ согласны?“

— А ты что̀ на это?

— Я???!

И этого вопроса я не ожидалъ. Я? что, бишь, я такое дѣлалъ, покуда Крокодиловъ разглагольствовалъ? Кажется, я... Но позвольте однакожъ... я!! что такое я?

— Но что же такое я? — пробормоталъ я въ отвѣтъ: — что я могу? Съ одной стороны — Крокодиловъ, съ другой... я!!! согласись...

— Понимаю и соглашаюсь. Собесѣдованія съ Крокодиловымъ, особливо ежели онъ держитъ тебя за пуговицу, дѣйствительно нельзя назвать безопасными. Это — вѣрно. Но затѣмъ возникаетъ вопросъ: можешь ли ты избѣжать этихъ собесѣдованій, или не можешь?

— Какъ же ихъ избѣжишь? Вѣдь Крокодиловъ — имя собирательное: уйдешь отъ одного, попадешь къ другому...

— И это вѣрно. Дѣйствующая практика именно въ такомъ смыслѣ и разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Я, братецъ, и самъ, какъ увидѣлъ себя въ плѣну у Крокодиловыхъ, то воскликнулъ: экъ ихъ изъ всѣхъ щелей наползло! ну, теперь ужъ не выкарабкаешься! Но тутъ же впрочемъ веселѣнько прибавилъ: ничего, наше дѣло привычное: жили въ плѣну у Покатиловыхъ, жили въ плѣну у Гвоздиловыхъ; поживемъ и у Крокодиловыхъ!

— Зачѣмъ же однако ты это прибавилъ, да еще „веселѣнько“?

— Да такъ, любезный другъ, должно быть, само собой, по старой привычкѣ прибавилось. Чудно словно: столько плѣновъ перетерпѣли, и все-таки никакъ отъ плѣновъ не отвертимся!

— И силу Крокодиловскую одолѣть не можемъ; но объясни же, по крайней мѣрѣ, откуда эта сила взялась?

— Вотъ — вотъ — вотъ. Именно этотъ самый вопросъ я себѣ въ ту пору и предложилъ. Откуда, молъ? что за причина? И по нѣкоторомъ размышленіи рѣшилъ такъ. Прежде всего съ того Крокодиловская сила взялась, что мы, простецы, „сладкую привычку жить“ никакъ въ себѣ ограничить не можемъ. Ругаемъ мы эту жизнь распостылую, а у самихъ только и есть одна мысль въ головѣ: ахъ, хоть бы чуточку намъ пожить позволили! Вотъ Крокодиловъ этимъ и пользуется. Возьметъ тебя за пуговицу, растабарываетъ, а ты передъ нимъ осклабляешься, подтанцовываешь. Это значитъ, что ты „живешь“. Или увидитъ тебя Крокодиловъ по другую сторону улицы — не успѣетъ пальцемъ поманить, а ты ужъ стремглавъ на встрѣчу его тайнымъ помышленіямъ летишь. И это значитъ, что ты „живешь“.

Ты могъ бы пройти мимо, могъ бы притвориться невидящимъ, могъ бы, наконецъ, въ проходныя ворота шмыгнуть, а ты вмѣсто того останавливаешься, нарочно въ глаза лѣзешь: позвольте въ присутствіи вашемъ пожить! Неужто же онъ не видитъ этого?—Ахъ, голубчикъ, не только онъ *это* видитъ, но и тебя самого, со всѣми твоими потрохами, насквозь видитъ!—Эге, говоритъ онъ, такъ вотъ его на чемъ подловить можно!—И напираетъ, и напираетъ, до тѣхъ поръ, покуда не уткнетъ носомъ въ самый оный кіоскъ: живи!

— Глумовъ! но развѣ можно ставить людямъ въ вину, что „сладкая привычка жить“,—въ существѣ своемъ вполнѣ законная,—сопрягается для нихъ съ такими осложненіями?

— Я не обвиняю, а только объясняю. И говорю: Крокодиловъ только до нѣкоторой степени силу свою самолично создаетъ; въ значительной же мѣрѣ онъ отъ насъ, простецовъ, ее получаетъ. Все въ насъ наиблагопріятнѣйшимъ образомъ для него сложилось. „Сладкая привычка жить“ — это само по себѣ; но рядомъ съ нею, и какъ отличнѣйшее къ ней дополненіе, еще другая особенность: необыкновенная готовность къ приспособленіямъ. Вспомнилось мнѣ на дняхъ, случайно, какъ меня въ дѣтствѣ у папаши прощенья просить заставляли, такъ повѣришь ли—такъ я и ахнулъ: вотъ они съ которыхъ поръ, приспособленья-то наши начались! Огорчишь, бывало, папашу, а прощенья просить не хочется. Вотъ мамаша съ тетеньками и похаживаютъ около тебя. „Развѣ тебя убудетъ оттого, что ты скажешь папенькѣ: пардонъ, папа?“ уговариваетъ мамаша. „Развѣ у тебя языкъ отвалится?“ убѣждаетъ одна тетенька. „Развѣ у тебя заболитъ головка?“ подбадриваетъ другая тетенька. Слушаешь-слушаешь эти предики, возьмешь да и выпалишь: „пардонъ, папа!“ И что-жъ, дѣйствительно, какъ по писанному, такъ и сбывалось. Ни самого меня не убывало, ни языкъ не отваливался, ни голова не болѣла... Прошло дѣтство, настала настоящая жизнь, и чтò дальше, тò больше. Стонъ кругомъ стоитъ: развѣ тебя убудетъ? развѣ языкъ у тебя отвалится? Тутъ и литература, и наука, и нравственный кодексъ—все тутъ. А вдали, въ перспективѣ, дилемма: съ одной стороны, храмъ славы съ надписью: „Не убудетъ“; съ другой — волчье существованіе среди науськиваній и шипѣній. Спрашивается: какъ съ этимъ быть? какъ безъ срама устроиться съ „сладкой привычкой жить“, которая, какъ ты самъ сейчасъ сказалъ, въ существѣ своемъ вполнѣ за-

конна? Тутъ-то вотъ Крокодиловы и подстерегаютъ тебя, цыпъ, цыпъ, цыпъ...

На этомъ наша бесѣда и кончилась. Вызвана она была вопросомъ: какъ съ этимъ быть? и разрѣшилась... тѣмъ же вопросомъ.

Письмо восьмое.

Еслибы не одно дѣльце да дядя Захаръ Иванычъ во-время удержался, то былъ бы онъ воротилою наравнѣ съ прочими.

Дядя Захаръ Иванычъ Стрѣловъ — старикъ старый. Родился онъ въ 1812 году, во время француза, и слѣдовательно теперь ему слишкомъ семьдесятъ лѣтъ. Однако онъ еще довольно проворно сѣменитъ ногами, да и руки у него еще цѣпкія, такъ что еслибы попала въ нихъ взятка, то, мнѣ кажется, онъ могъ бы ее ухватить. Сверхъ того онъ сохранилъ вкусъ къ жизни, любитъ поѣсть и выпить, но лицо у него начинаетъ уже походить на лицо младенца, который только-что началъ понимать зажженную свѣчу и радуется, когда ею передъ глазами машутъ. Этому сходству много способствуетъ лысина во всю голову, напоминающая голое колѣно. Новыхъ порядковъ онъ не любитъ, не исключая даже новаго обмундированія. Въ шкафу у него виситъ старинный путейскій мундиръ, съ расходящимися сзади фалдочками, и онъ отъ времени до времени надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу, поиграетъ фалдами и вздохнетъ.

Во время коронаціи императора Николая онъ былъ уже кадетомъ, а въ началѣ тридцатыхъ годовъ получилъ первый офицерскій чинъ и въ качествѣ инженера рылъ канавы въ Шлюшинѣ *).

Хищникомъ, въ современномъ значеніи этого слова, онъ не былъ —въ то время люди были для этого слишкомъ безхитростны — но взятки бралъ болѣе чѣмъ охотно и въ казнѣ чернилъ неупустительно. Уже въ Шлюшинѣ онъ изыскивалъ недурные въ этомъ смыслѣ случаи. Выроетъ, бывало, одинъ кубикъ, а напишетъ два: одинъ—ке-

---

*) Народное названіе Шлиссельбурга.

сарю, другой — себѣ. Скопивши такимъ образомъ сокровище, онъ не только самъ жилъ въ свое удовольствіе, но и доставлялъ удовольствіе другимъ. Съѣздитъ на лодкѣ въ Петербургъ, накупитъ конфектъ, апельсиновъ и угощаетъ шлюшинскихъ дамъ. Сверхъ того былъ мастеръ устраивать вечеринки, пикники; словомъ сказать, былъ душою общества. Поэтому дамы говорили о немъ: „точь-въ-точь кавалергардъ!“ Онъ же, придя въ умиленіе отъ такой похвалы, сравнивалъ исправничиху съ княгиней Шептаевой, а предводительшу — съ графиней Подстаканниковой, которыя, по его словамъ, составляли цвѣтъ тогдашняго петербургскаго бомонда и принимали его въ своихъ салонахъ за то, что онъ имъ привозилъ въ презентъ конченыхъ ладожскихъ сиговъ.

Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже штабсъ-капитанъ и почувствовалъ у себя въ карманѣ такія деньги, что хоть подполковнику не стыдно. Сороковые годы вообще были странные годы. Съ одной стороны Грановскій, Бѣлинскій и ихъ кружокъ (обратившійся потомъ въ стадо свиней), съ другой стороны — Стрѣловъ, крѣпостныя дѣла и цѣлая армія исправниковъ и становыхъ. Смѣшеніе человѣческаго образа съ звѣринымъ. Кстати, въ это время уже началъ ходить слухъ, что Петербургъ намѣреваются соединить съ Москвой желѣзнымъ путемъ. Надѣялись, что въ Петербургѣ подешевѣетъ икра. Дядя Захаръ нюхнулъ въ воздухѣ, и унюхалъ, что тутъ уже не шлюшинскими кубиками пахнетъ. Причислился къ главному управленію и началъ похаживать по корридорамъ, въ надеждѣ попасть на глаза власть имущему. Стрѣловъ былъ подвиженъ, изворотливъ и юрокъ, имѣлъ хорошенькое брюшко и веселую турнюру, что при тогдашней аммуниціи выходило очень мило. Станетъ дяденька передомъ — у него пуночекъ играетъ; станетъ задомъ — играютъ фалдочки; неудивительно, что зоркій глазъ начальника, при первой же встрѣчѣ въ корридорѣ, замѣтилъ его.

— Кто этотъ расторопный офицеръ?—спросилъ генералъ.

Назвали Стрѣлова.

— Мнѣ такіе люди нужны!

Объяснились. Начальникъ возложилъ его на лоно, подчиненный —такъ и прилипъ къ лону. Въ скоромъ времени Стрѣловъ очутился въ самомъ сердцѣ желѣзнодорожныхъ вожделѣній, и какъ только почувствовалъ, что на встрѣчу ему ходитъ лафа, то съѣздилъ въ

Муромскіе лѣса, набралъ тамъ шайку и держалъ атаманамъ такую рѣчь:

— Вы будете у меня замѣсто подрядчиковъ и строителей. Если кто у васъ спроситъ: кто ты таковъ?—то не отвѣчайте: я муромскій разбойникъ, а говорите: десятникъ, поставщикъ и т. п. Слушайте теперь. Вотъ, примѣрно, передъ вами рельсъ; стоитъ онъ, положимъ, хоть двадцать рублей, а мы запишемъ сорокъ. Если спросятъ: кто ставилъ?—говорите: разбойникъ... то, бишь, подрядчикъ Кудимычъ. Вотъ и все. А когда уйдутъ спрашиватели, мы возьмемъ да двадцать рублей отдадимъ кесарю, а изъ другихъ двадцати десять возьму я себѣ за выдумку, а остальные десять—вамъ на вино. Любо ли?

— Любо! любо!—крикнули въ отвѣтъ атаманы-молодцы.

— Или: вотъ вамъ глина, вотъ камень, шпалы, песокъ, рабочія силы,—продолжалъ дядя, припоминая строительные элементы.—И вездѣ одна половина—кесарева, другая—наша. Любо ли?

— Любо! любо!

И дѣятельность по дорогѣ закипѣла. Дядя Захаръ бѣгалъ и ѣздилъ днемъ по работамъ, а ночью металъ разбойникамъ банкъ. Денегъ появилась такая масса, что не знали, куда дѣвать. Выписывали изъ Петербурга прелестницъ и гдѣ-нибудь въ селѣ Едровѣ устраивали аѳинскіе вечера. На одномъ такомъ вечерѣ цыганку Стёшку ощипали такъ, что для того, чтобъ замять дѣло, потребовалось отдать табору не меньше двадцати тысячъ рублей. Поливали другъ друга шампанскимъ, поили шампанскимъ рѣку, загоняли на станціи лошадей, чтобъ побывать вечеромъ въ Александринкѣ, съ рискомъ попасть на гауптвахту, или чтобъ какой-нибудь кралѣ, поселенной въ Едровѣ съ спеціальною цѣлью увеселять муромскихъ разбойниковъ, доставить букетъ. Словомъ сказать, груды денегъ извлекались изъ нѣдръ казначейскихъ кладовыхъ, распредѣлялись по карманамъ и исчезали невѣдомо куда.

Въ самый разгаръ этого распутства Стрѣловъ женился. Онъ уже настолько имѣлъ въ ломбардѣ, что могъ безъ боязни глядѣть впередъ. Партія ему представлялась прекраснѣйшая, даже знаменитая. Россіи, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, подчинился одинъ изъ касимовскихъ князей, Абдулка. Но искренности его подчиненія не сразу повѣрили, а посадили въ кибитку и приказали возить взадъ и впередъ по Касимовскому уѣзду, покуда онъ не познаетъ свѣта истин-

ной вѣры. Разумѣется, онъ познался очень скоро; его окрестили, наименовали Михаиломъ и оставили за нимъ княжескій титулъ съ фамиліей Мамалыгина. Тогда же окрестили его дочь, назвавъ Надеждой и помѣстивъ въ Екатерининскій институтъ. Тамъ ее выпоили, но училась она плохо, что̀ не помѣшало ей въ свое время придти въ совершенный возрастъ и сдѣлаться невѣстой. Вотъ на нее-то и обратилъ взоры дядя Захаръ Иванычъ. Съ мѣсяцъ времени кормилъ онъ Абдулку въ Палкинскомъ трактирѣ шашлыкомъ, а будущую невѣсту —шепталой, и наконецъ получилъ согласіе. Ему лестно было ѣздить съ визитами съ женой, у которой на карточкахъ было напечатано: „Надежда Михайловна Стрѣлова, рожденная княжна Мамалыгина“. При этомъ онъ намекалъ, что жена его происходитъ по прямой линіи отъ Мехмеда-Кула, „сибирскихъ странъ богатыря“, который первый воскликнулъ: „Нѣтъ, лучше смерть, чѣмъ жизнь поносна!“—а за нимъ этотъ возгласъ стали повторять и прочіе арміи и флоты.

Теперь бы маіору Стрѣлову остепениться и начать бы жить да поживать съ капитальцемъ и молодой женой, но его лукавый попуталъ. Дорога велась по ровному мѣсту, а онъ рапортовалъ, что срылъ гору, и потребовалъ сверхсмѣтнаго назначенія. На его несчастіе, мѣсто это было хорошо знакомо, и потому рапортъ его произвелъ изумленіе. Любостяжаніе его замѣтили гдѣ-то очень высоко, и послали фельдъегеря... Фельдъегерь, вмѣсто двадцати-четырехъ часовъ, судилъ всего двадцать-четыре минуты, посадилъ Стрѣлова въ телѣжку и привезъ въ Петербургъ. Покуда онъ сидѣлъ въ кутузкѣ и мыкался по мытарствамъ, Надежда Михайловна отчаянно вопіяла:

— Неужто я буду солдаткой?

Но дѣло кончилось благополучнѣе, нежели можно было ожидать. Начальство вспомнило прежнія заслуги маіора (онъ нѣсколько такихъ горъ прежде срылъ), и велѣло ему подать въ отставку, вмѣсто того чтобъ забрить лобъ.

Стрѣловъ поселился безвыѣздно въ деревнѣ и считалъ деньги. Очень рѣдко онъ заѣзжалъ въ Петербургъ, и именно только въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже. Жена его, отъ скуки, народила груду дѣтей, которыя впослѣдствіи всѣ сдѣлались инженерами. Наступило полное одиночество, которое еще болѣе отравлялось воспоминаніями о прошлыхъ блестящихъ дняхъ.

— И чортъ меня попуталъ,—жаловался маіоръ, раскладывая пасьянсъ: —въ другомъ мѣстѣ двѣ горы могъ бы срыть, а тутъ изъ-за одной горушки пропадаю!

Онъ видѣлъ окончаніе монументальной горы и строилъ воздушные замки. Теперь онъ былъ бы уже полковникомъ и навѣрное завѣдывалъ бы дистанціей. Нѣкоторое время онъ велъ переписку съ прежними друзьями, посылалъ имъ откормленныхъ индюковъ, просилъ похлопотать, но постоянно получалъ въ отвѣтъ: „Ничего не подѣлаешь!“ Наконецъ друзья совсѣмъ замолчали, и онъ мало-по-малу окунулся на самое дно рѣки забвенія.

Но вотъ въ воздухѣ почуялись новыя вѣянія. Сначала радовались, потомъ стали тужить. Наконецъ Подхалимовъ открылъ эпоху упраздненія хищничества и торжества покаянія...

Повторяю: дядя Захаръ не былъ хищникомъ въ современномъ значеніи этого слова. Въ его время было въ модѣ казнокрадство и взяточничество, и дядя слѣдовалъ общей модѣ. Хищничество же народилось позднѣе, совершенно неожиданно, и не устранило ни воровства, ни взяточничества (на всякій случай), а только презирало ихъ. Да и нельзя было не презирать, потому что съ этими явленіями сопрягались разные постыдные поступки. Тутъ встрѣчались и мертвыя тѣла, и подчистки, и преднамѣренныя описки, и взломъ сундуковъ. Все это можно было на картинкѣ написать. Въ хищничествѣ, напротивъ того, все такъ тонко, чисто и даже благородно, что о картинкахъ и рѣчи не можетъ быть.

Но и въ хищничествѣ имѣются подраздѣленія. Бываетъ хищничество простое и бываетъ сложное. Въ первомъ можно указать на дѣйствующихъ лицъ и на претерпѣвшихъ. Сверхъ того оно до извѣстной степени наказуемо и составъ его можно безъ труда опредѣлить. Разнствуетъ оно отъ воровства тѣмъ, что пошло далѣе сферы становыхъ приставовъ и обставило себя благороднѣе. Иногда оно надѣваетъ на себя даже личину государственнаго интереса: заселеніе отдаленнаго края, культура, обрусѣніе и т. д. Въ сложномъ хищничествѣ дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ, и только приходится удивляться, какимъ образомъ человѣкъ, котораго незадолго передъ симъ знали безъ штановъ, въ настоящую минуту ворочаетъ милліонами. Сложное хищничество есть порядокъ вещей, ничего больше.

Дядя съ грѣхомъ пополамъ могъ додуматься до простого хищничества; однако и тутъ онъ понималъ, что безъ связей ничего не подѣлаешь. Чтобъ захватить землицы по гривеннику за десятину, нужно имѣть „руку“, умѣть угадывать моментъ, кланяться, просить, что̀ требовало времени и изнурительныхъ хожденій. Что же касается до сложнаго хищничества, то онъ положительно его не постигалъ, и только наравнѣ съ другими простецами ахалъ:

— Безъ штановъ знаю! безъ штановъ! — восклицалъ онъ: — а теперь въ соболяхъ ѣздитъ! Лошади не лошади, экипажъ не экипажъ! Занимаетъ цѣлый дворецъ, задаетъ банкеты; во всѣхъ комнатахъ картины съ голыми женщинами! Жену — купилъ, а потомъ предоставилъ, а самъ двухъ француженокъ содержитъ! Ну, скажите на милость, зачѣмъ ему понадобились двѣ? И какимъ образомъ все это случилось?

Онъ забывалъ при этомъ и свое прошлое, и свои теперешнія вожделѣнія, и даже то, что онъ былъ бы несказанно счастливъ, еслибъ очутился на мѣстѣ этого голоштанника, который теперь въ соболяхъ ходитъ.

Тѣмъ не менѣе жажда хоть что-нибудь урвать заставляла его довольно чутко прислушиваться къ новымъ вѣяніямъ и отъ времени до времени посѣщать Петербургъ.

Что̀ такое „вѣяніе“? это — одно изъ выраженій той паскудной терминологіи, которая получила у насъ право гражданственности тридцать лѣтъ тому назадъ. Означаетъ оно: вотъ что̀ нужно дѣлать, чтобъ какъ можно больше напакостить.

Вся эта терминологія есть плодъ личной алчности и совершеннаго отсутствія представленій объ интересѣ общественномъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни объ отечествѣ, ни о согражданахъ, ни объ общемъ благѣ. Одна обнаженная алчность — только и всего.

Такихъ вѣяній въ нашемъ обществѣ было много, но я намѣчу лишь главнѣйшія. Во-первыхъ, вѣяніе радостныхъ ожиданій; во-вторыхъ, вѣяніе горестныхъ утратъ; въ-третьихъ, вѣяніе хищничества; въ-четвертыхъ, вѣяніе саногонъ въ смятку, и наконецъ...

Въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ воздержанія, дядя Захаръ посѣтилъ Петербургъ въ эпоху радостныхъ ожиданій. Тогда гово-

рили: земля наша обильна; и на поверхности, и въ нѣдрахъ — всего у насъ довольно, и для себя, и для Европы. Европа гніетъ и переживаетъ себя, а мы возрождаемся. До сихъ поръ мы жили какъ слѣпые, по милости крѣпостного права, а теперь вольный трудъ всѣ наши богатства откроетъ. Въ особенности отличался по части пророчествъ и предвидѣній публицистъ Кокоревъ, который даже въ кучахъ навоза открывалъ золотыя розсыпи.

Хорошее это было время, свѣтлое, хотя, какъ потомъ оказалось, не особенно умное. Но кто же могъ думать, что изъ всѣхъ этихъ чаяній ничего не выйдетъ путнаго, кромѣ переворачиванія давно истлѣвшаго хлама? Многіе скрывавшіеся въ завѣтныхъ кубышкахъ милліоны увидѣли тогда свѣтъ, побывали въ „Обществѣ жизненныхъ продуктовъ“, въ „Сельскомъ хозяинѣ“, и проч., и пропали невѣдомо куда. Гдѣ они теперь? Не можетъ же быть, чтобъ не нашли себѣ пристанища и хоть кого-нибудь да не оплодотворили. Не тогда ли было положено начало тому грандіозному финансовому распутству, которое впослѣдствіи дало такой пышный цвѣтъ?

То было время сѣвооборотовъ, покупки машинъ, продажи выкупныхъ свидѣтельствъ и преимущественно трактирныхъ безобразій. Денегъ появилось множество; почти вся Россія была вымѣпена на выкупныя свидѣтельства. Явились ростовщики и кровопійцы, которые скупали эти свидѣтельства за грошъ. Но владѣльцы не обращали на это вниманія, въ надеждѣ, что вольный трудъ вознаградитъ сторицею.

— Видѣли вы жнею, которую я купилъ у Бутенопа? Пріѣзжайте, батюшка, посмотрите, какъ чисто работаетъ! А моя сѣноворошилка? А мои плужки! Прелесть! — раздавалось изъ края въ край: — теперь мнѣ рабочихъ на двѣ трети меньше надо будетъ.

А черезъ недѣлю жнея и сѣноворошилка лежали въ сараѣ поломанныя и баба по старому копошилась въ морѣ ржи, которое сгоряча не по разуму насѣяли.

Крестьянинъ скоро раскусилъ помѣщика и втихомолку посмѣивался. Помѣщикъ, ни къ чему не приготовленный, лѣнивый и безпечный, способенъ былъ только питаться надеждами и зря бросать деньги. Онъ не понималъ, что для того, чтобъ извлекать изъ сельскаго хозяйства двугривенные, нужно вставать съ зарею, цѣлые дни бродить по полю и, придя вечеромъ домой, усчитывать себя.

Впрочемъ нѣкоторые (а въ томъ числѣ и дядя Захаръ) спохватились и пустили въ ходъ „прижимку“. Отрѣзывали хитросплетенные надѣлы, обрабатывали землю исполу, донимали крестьянъ штрафами и хожденіемъ по судамъ, и наконецъ занялись ростовщичествомъ.

Но вообще, несмотря на чаянія и упованія, общій голосъ былъ: „всего у насъ довольно“ — и несмѣтныя сокровища въ настоящемъ, и свѣтлыя перспективы въ будущемъ, — только людей нѣтъ. Публицистъ Кокоревъ говорилъ это громко, совѣтовалъ пустить въ ходъ добрую чарку вина, и цензура ему въ томъ не препятствовала.

Дядя Захаръ подслушалъ эти жалобы и явился на кличъ.

Разумѣется, онъ остановился у меня и не безъ увѣренности объявилъ:

— Теперь мое дѣло выигранное. Нужны люди, а я человѣкъ бывалый, опытный и не безъ царя въ головѣ; чего еще?

— Но вѣдь вы, дядя, не изъ сочувствующихъ?—возразилъ я.

— Что ты, что ты! Христосъ съ тобою! Я, братъ, всему сочувствую. Я и адресъ изъ первыхъ подписалъ. Пріѣхалъ въ ту пору въ собраніе губернаторъ: „господа, говоритъ, надо доказать“... Ну, я и доказалъ: обмакнулъ перо въ чернильницу — дай Богъ счастливо!

— Да, но съ мужичками-то вы все-таки не очень охотно разстались.

— Я-то? да я мужичка даже очень люблю. Дай только мнѣ...

Онъ выспросилъ у меня, передъ кѣмъ и въ какихъ канцеляріяхъ предстоятъ хожденія, и на другой же день начались поиски. Онъ ходатайствовалъ неутомимо, съ утра до ночи, возвращался домой измученный и часто разочарованный, но все-таки надѣющійся.

— Вотъ говорили, что людей нѣтъ!—восклицалъ онъ:—а ихъ тутъ, куда ни придешь, труба нетолченая!

Счастіе однакоже, повидимому, улыбнулось ему. Прошедшее его, за общей суматохой, было забыто; люди у дѣла стояли совсѣмъ новые и передъ ними предсталъ тоже новый человѣкъ, свѣжій деревенскій коренникъ, съ чувствомъ говорившій о меньшемъ братѣ. Его выслушивали съ видимымъ интересомъ, разспрашивали, сколько можетъ ужать въ день баба, сколько можетъ въ день скосить, вспахать и забороновать мужикъ, существуютъ ли у крестьянъ огороды, коно-

плянники, отхожіе промыслы, ремесла, самъ-сколько родится рожь, овесъ, ячмень, сколько требуется муки въ годъ на продовольствіе одного ѣдока, и т. д. Онъ отвѣчалъ на вопросы бойко, не спѣша. Докладывалъ, что если мужикъ чувствуетъ въ чемъ-нибудь недостатки, то этому всему виной крѣпостное право; что ежели нѣтъ травосѣянія, то этому виной тоже крѣпостное право; что ежели вообще сельское хозяйство въ упадкѣ, то и тутъ благодаря крѣпостному праву. При этомъ присовокуплялъ, что онъ уже въ то время мечталъ, когда мечтанія строго воспрещались... Словомъ сказать, отрекомендовалъ себя съ самой отрадной стороны.

Но тутъ онъ увидѣлъ вѣщій сонъ.

Я помню, онъ пришелъ къ чаю пасмурный и задумчивый. Едва дотронулся до калача и долгое время сидѣлъ молча и барабанилъ по столу пальцами. На вопросы мои отвѣчалъ односложно и невнятно.

— Что̀ съ вами, дядя?—наконецъ спросилъ я его.

— Сонъ видѣлъ, голубчикъ!

— Неужели сонъ можетъ такъ встревожить?

— Сонъ сну рознь; иной и можетъ встревожить. Представь себѣ: вижу я во снѣ громадную стаю собакъ, и я будто бы между ними въ собачьемъ видѣ. Только прочія собаки всѣ объ четырехъ ногахъ, а у меня будто бы только три, а четвертая оторвана. И будто бы я за стаей никакъ поспѣшить не могу, а ковыляю сзади всѣхъ... Вотъ!

— Такъ что̀ же такое?

— А то и есть, что не добиться мнѣ ничего: что-нибудь да случится.

— Эхъ, дядя, никто какъ Богъ! Можетъ быть, и на трехъ ногахъ вы скорѣе добѣжите, нежели другіе на четырехъ.

— Дай Богъ, дай Богъ! Но сомнительно. Повѣрь, что такіе сны не даромъ. Уѣхать, видно, мнѣ обратно въ Муромъ, несолоно хлебавши.

Прошло еще нѣсколько недѣль, а дядя не только ничего не терялъ въ глазахъ начальства, а, напротивъ, все больше и больше нравился. Онъ уже успѣлъ убѣдить, что какъ только наступитъ вольный трудъ, то мы однимъ овсомъ Европу побѣдимъ. Позабывъ о вѣщемъ снѣ, онъ ходилъ веселый и радостный, ѣлъ съ аппетитомъ, пилъ въ мѣру, вечеромъ ѣздилъ на Минеральныя и перемигивался съ

мамзель Сузеттой. Наконецъ однажды пришелъ къ обѣду домой и съ торжествомъ объявилъ:

— Ну, теперь можешь меня поздравить! Сегодня я получилъ вѣрное слово...

И вдругъ онъ поперхнулся: на столѣ лежалъ адресованный на его имя пакетъ.

Въ пакетѣ было приглашеніе пожаловать для личныхъ объясненій.

— Это вы срыли гору на ровномъ мѣстѣ? — спросилъ его начальникъ.

Дядя стукнулъ каблуками и отретировался.

Кто-то шепнулъ...

Возвратившись домой, дядя выпилъ сряду нѣсколько рюмокъ водки и поскрипѣлъ зубами, а дня черезъ два выѣхалъ въ Муромъ.

Увы! онъ навѣрное воспрянулъ бы духомъ, еслибъ зналъ, что въ ту же ночь я видѣлъ продолженіе его вѣщаго сна. Снилось мнѣ: добѣжала стая собакъ до пирога и въ колебаніи остановилась: однѣ предлагали сейчасъ же разнести пирогъ на части, другія пытались отстаивать и защищать. Но защитники дѣлали свое дѣло такъ неувѣренно и неумѣло, что нападающіе безъ труда одолѣли. Пирогъ былъ разорванъ мгновенно. Затѣмъ собаки смѣряли другъ друга глазами и стали грызться...

Польскій мятежъ дядя Захаръ какъ-то пропустилъ, и догадался только тогда, когда дѣло подошло къ концу и началось обрусеніе. Въ это же время и въ Петербургѣ что-то замутилось: начались пожары, покушенія, допросы, судбища, высылки; явились корни и нити. Кликнули кличъ. Обрусители, задешево получившіе куски конфискованныхъ земель, уже были готовы. Они отчасти продали земли, отчасти сдали ихъ въ аренду жидамъ, лѣса законтрактовали на срубъ и первые явились на кличъ. Разумѣется, это были избранники. Вслѣдъ за ними явился и маіоръ Стрѣловъ.

На этотъ разъ онъ остановился не у меня, а гдѣ-то въ номерахъ на Мѣщанской. Должно быть, онъ меня и заподозрилъ. Немедленно явился онъ къ генералу и имѣлъ съ нимъ непродолжительное объясненіе.

— Прежде чѣмъ удовлетворить вашей просьбѣ, я требую, чтобы вы были вполнѣ откровенны,—сказалъ генералъ, проницательнымъ окомъ взглянувъ на просителя.

Дядя смутился и совсѣмъ машинально отвѣтилъ:

— Срылъ гору...

— На ровномъ мѣстѣ?

— Точно такъ, вашество!—выпалилъ дядя.

— Это нехорошо: казну слѣдуетъ беречь, она царская. Но я вамъ не судья, и надѣюсь, что съ тѣхъ поръ вы исправились. Мнѣ люди нужны, и именно люди, готовые загладить... Василій Андреичъ! —обратился онъ къ секретарю:—запишите маіора Стрѣлова. Вамъ скажутъ, маіоръ, что̀ нужно дѣлать. Кстати: отчего вы не явились въ Западный край?

— Въ деревнѣ жилъ, вашество, не поспѣлъ, какъ, по вашему манію, все уже пришло въ настоящій видъ...

— Жаль-съ. Мнѣ и тогда нужны были люди.

Стрѣловъ бросился впередъ съ очевиднымъ намѣреніемъ поцѣловать генерала въ плечико, но генералъ уклонился.

Ахъ, какое это было время! Мрачное, наполненное привидѣніями и какимъ-то удушливымъ безмолвіемъ. Улицы были почти пусты. Немногіе встрѣчавшіеся люди смотрѣли испуганно, ничего не понимая. Въ окнахъ домовъ не было видно по вечерамъ огней, точно все живущее куда-то спряталось. Пріѣзжавшіе съ дачъ спѣшили скорѣе окончить дѣла и уѣзжали обратно. По ночамъ слышались оклики дворниковъ и бряцаніе оружія по тротуарамъ. Ночныя посѣщенія производились на-удачу, случайно, безъ малѣйшей системы. Больше всего пострадали либералы, такъ какъ предполагалось въ нихъ начало и корень всѣхъ послѣдующихъ бѣдъ. Кто могъ сжечь старую переписку — сжегъ; дорогія имена, дорогія рѣчи, все приносилось въ жертву. Кто не успѣлъ сжечь или жаль было разстаться съ дорогими собесѣдниками, тотъ впослѣдствіи горько раскаивался. Ужасно было, ужасно! Но необходимо...

— Нельзя-съ, — говорили оправдавшимся: — вы, положимъ, оказались жертвой ошибки, но, согласитесь, безъ этого нельзя. Такое теперь время, что нужно жертвовать собою.

И „жертвы ошибокъ“ уходили домой утѣшенныя.

Дядя дѣйствовалъ такъ усердно, что вскорѣ обратилъ на себя

вниманіе; онъ дѣйствительно кого-то „поймалъ“ и во всякомъ случаѣ каждый вечеръ таскалъ вороха бумагъ въ подлежащую канцелярію. Его переименовали въ штатскій чинъ и обѣщали подумать объ немъ.

— Мнѣ бы, вашество, хоть въ губернію! — умолялъ онъ: — жена, воспитаніе дѣтей...

— Да, но покамѣстъ и здѣсь дѣла много; прежде надо главное кончить; надо зло вырвать съ корнемъ, начавши съ самаго начала, съ заводчиковъ. Никого не жалѣйте, хотя бы... Главное зло — либералы; надо сорвать съ нихъ личину, потому что они заразили даже правящіе классы. Долгогривые — эти ужъ потомъ явились... это — жертвы орудія! Отъ либераловъ все пошло; еслибъ не они, государство наше было бы сильно и грозно по прежнему, и всѣ мы были бы благополучны...

— Точно такъ, вашество!

— Гм... да... но надѣюсь, что вы на будущее время горъ на ровныхъ мѣстахъ рыть не будете? — пошутилъ генералъ съ ангельской улыбкой.

— Никакъ нѣтъ-съ, вашество!

— Ну-съ, до свиданія. Сегодня вамъ предстоитъ трудовая ночь. Надѣюсь!

Я числился тогда въ либералахъ и проводилъ время въ самомъ деморализирующемъ страхѣ. Ночью за входною дверью и за стѣною сосѣдней квартиры чудились шорохи. Еще минута — и звонокъ... пожалуйте! На дачу я не поѣхалъ. Такая тоска сосала сердце, что, казалось, никуда не убѣжишь. Чтобъ заглушить ее, я ѣздилъ по вечерамъ въ „Демидронъ“, и, возвращаясь домой, подъѣзжалъ къ воротамъ въ гнетущемъ смущеніи. Даже дворники замѣтили это, и такъ какъ я совершенно ни съ того, ни съ сего увеличилъ имъ помѣсячную подачку, то они ободряли меня, говоря: — Ничего, Богъ милостивъ!

„Какъ-то они меня аттестуютъ въ кварталѣ?“ — думалось мнѣ. „Дворникъ! шутка сказать!“

Однако для меня все обошлось благополучно; я подозрѣвалъ, что тутъ помогъ мнѣ дядя. Мало-по-малу и кругомъ стихло. Ни корней, ни нитей не было найдено, а обнаружился полный сумбуръ и совершенная общественная несостоятельность. Много оказалось вздорнаго

хлама, а главное испуга, испуга—безъ конца. Наконецъ наступила осень, и всѣ вздохнули. Въ это же время, однимъ утромъ появился у меня и дядя Захаръ.

— Дядя! давно вы здѣсь?—воскликнул[illegible] изумленія.

— Давно, мѣсяца съ три. У тебя не остановился, потому что... ну, да ты самъ отлично понимаешь, почему...

— Понимаю... Ахъ, дядя, дядя! Что же вы дѣлали въ эти три мѣсяца?

— А поступалъ, какъ слѣдуетъ всякому сыну отечества поступать. Сколько, братецъ, я этихъ долгогривыхъ да стрижекъ перетаскалъ... страсть! Но главное — либералы. Отъ нихъ все зло. Я, душа моя, помню, какъ они меня въ ту пору травили.

— Ну, ужъ и травили! вѣдь у всѣхъ свои убѣжденія. Да и гдѣ же кого-нибудь травить—либераламъ! Даже въ лучшія времена ихъ травили, а не они.

— Нѣтъ, это аттàнде. Я помню, какъ „онъ“ меня на одну доску съ канальей-поваромъ ставилъ. И я стою, и поваръ стоитъ, а онъ... судитъ. Я, голубчикъ, тогда два дня со всей семьей безъ обѣда сидѣлъ, а потомъ вмѣсто повара судомойку нашли.

— Да вѣдь это было сдѣлано по закону?

— Какой законъ?—книжка какая-то. Неужто законъ только въ пользу хамовъ?—нѣтъ, законъ — такъ законъ, а кромѣ того и священное писаніе: рабы да повинуются—вотъ это законъ!

Дядя помолчалъ съ минуту и потомъ съ азартомъ продолжалъ:

— А сколько твоя тетя въ то время вытерпѣла! — представь себѣ, никто не кланяется! Да этого мало: какъ ни придешь, въ лакейскую ли, въ дѣвичью ли—нѣтъ никого! „Гдѣ ты, шельма, была?“ —Нужно же мнѣ погулять, человѣкъ тоже... Человѣкъ! Она—человѣкъ! мерзавка! А „онъ“ ѣздитъ по своему участку и популярничаетъ. „Прасковья Ивановна! здравствуйте“. — Это Пашкѣ-то! И вѣдь ни разу онъ ко мнѣ обѣдать не заѣхалъ: все на постоялый дворъ, а тутъ, кстати, и распивочная продажа... Пришлетъ мнѣ повѣстку — и я туда же бѣги! Наслякощено, нагажено, въ сосѣдней комнатѣ мужичье чай и водку пьетъ—срамъ! А онъ сидитъ и улыбается, и Прасковья Ивановна улыбается. Ахъ, что было, что было! Тяжело, мой другъ, и до сихъ поръ тяжело!

Дядя снова смолкъ и скорбно склонилъ голову подъ гнетомъ горькихъ воспоминаній.

— А вы вѣщихъ сновъ теперь не видите, дядя?—спросилъ я, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Нѣтъ, я нынче вообще сновъ не вижу. Теперь мое дѣло вѣрное. И я поревновалъ, и за меня поревнуютъ. Не только обѣщали, но даже вѣрное слово дали. И знаешь, куда? — въ нашу губернію! въ самое что ни на есть гнѣздо...

— Ну, дай вамъ Богъ!

Дядя позавтракалъ у меня и ушелъ. Недѣли двѣ я опять не видалъ его, какъ вдругъ онъ приходитъ, разстроенный и смущенный.

— Опять этотъ сонъ!—вымолвилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Дядя! вѣдь это несносно! Вы намѣренно разстраиваете себя! —разувѣрялъ я его.

— Вотъ увидишь!

Дѣйствительно, конкуррентовъ на злачныя мѣста явилось такое множество, что всѣхъ „достойныхъ“ было немыслимо удовлетворить. Пришлось принимать въ соображеніе стороннія ходатайства. За одного просила графиня Шассé-Круазé, за другого—баронесса Думкопфъ, за третьяго—самъ князь Сампантрé, за четвертаго—желѣзнодорожникъ Губошлеповъ и т. д. Среди этой общей травли дядя былъ незамѣтно оттертъ.

Онъ явился ко мнѣ и бросилъ на столъ бумагу.

— На, прочти!

Въ бумагѣ было изображено, что въ настоящую минуту для коллежскаго совѣтника Стрѣлова подходящаго мѣста въ виду не имѣется; но что заслуги его оцѣнены по достоинству, и вѣроятно въ неотдаленномъ будущемъ одна изъ первыхъ вакансій будетъ предоставлена ему.

— Да, держи карманъ! Нашли дурака!—воскликнулъ съ горечью дядя:—что же, по ихнему, я долженъ пропекаться въ Петербургѣ и ждать?.. кукишъ съ масломъ! Жить цѣлый годъ на Мѣщанской, въ протухлыхъ номерахъ, и каждый день шататься по канцеляріямъ... мерси боку! И безъ того кучу денегъ прожилъ, а теперь и еще. Нѣтъ, зло не въ либералахъ, а вотъ въ этихъ Сампантрé да Шассé-Круазé... Довольно съ меня. Я не ропщу, но... Ви-

дѣлъ къ себѣ милость генерала — ну, и будетъ! Надежду Михайловну жаль; она, бѣдняжка, думала хоть въ губерніи поселиться— и что-жъ!

Дядя опять надолго исчезъ, сообщивъ о своей канцеляріи свой адресъ. На всякій случай.

Къ сожалѣнію, на этотъ разъ я продолженія вѣщаго сна не видалъ.

Въ третій разъ дядя пріѣхалъ въ самый разгаръ желѣзнодорожной свалки.

Дѣятели того времени раздѣлялись на два разряда: на званыхъ, знавшихъ всѣ ходы и выходы, и на незваныхъ, явившихся внезапно, сбоку-припёку. Послѣдніе принадлежали къ числу деревенскихъ жантильомовъ, прожившихъ выкупныя свидѣтельства, продавшихъ „лишнія земли“ и жаждавшихъ поправиться. Въ особенности выдѣлялись тѣ изъ нихъ, которые имѣли въ Петербургѣ такъ-называемую „руку“: старыхъ сослуживцевъ, родственниковъ и т. д.

— А что, не попытать ли отъ Углича до Пошехонья дорожку провести?—мечтали они:—мнѣ тетя Анюта отхлопочетъ!

И жены принимали участіе въ этихъ мечтаніяхъ, и усиленно поощряли ихъ.

— Конечно, поѣзжай! — говорили онѣ: — надо пользоваться; тетя Анюта теперь—сила!

Пускались въ ходъ послѣдніе гроши. Петербургское населеніе значительно увеличилось отъ наплыва искателей; гостиницы были полны. Жаждущіе наживы сидѣли по номерамъ, ѣли шатобріаны и ожидали, предварительно исколесивъ весь городъ. Множество празднолюбцевъ ходило изъ дома въ домъ, изумляя тетенекъ и кузинъ неожиданностью проектовъ и повсюду суля участіе въ учредительскихъ паяхъ. Нѣкоторые даже успѣвали. Проекты ихъ, конечно, такъ и остались проектами, но тетя Анюта помогала пристегнуться къ какому-нибудь другому предпріятію, и, благодаря ея назойливости, празднолюбецъ уѣзжалъ домой не съ пустыми руками.

Многіе прожектеры изъ сосѣдей по деревнѣ и ко мнѣ тогда захаживали. Одни—съ готовыми проектами, другіе —такъ, послушать, что̀ умные люди говорятъ. Но изъ послѣднихъ рѣдкіе воздерживались. Посидятъ, поговорятъ, выпьютъ, закусятъ—и вдругъ:

— А что, ежели соединить Тверь съ Калугою желѣзнымъ путемъ? Вѣдь препитательная вышла бы дорожка!

Присядутъ къ столу—и черезъ полчаса проектъ готовъ, благо разграфленная бумага для статистическихъ свѣдѣній продавалась въ изобиліи. Тотчасъ же всѣ графы наполнялись словно волшебствомъ: сапоги, сапоги, сапоги! А изъ Корчевы—лапти.

Однажды, около одиннадцати часовъ утра, въ квартирѣ моей раздался звонокъ. Звонили громко, самоувѣренно, какъ звонятъ люди, у которыхъ въ карманѣ вѣрный проектъ.

Оказался дядя.

— Пріѣхали?—спросилъ я совсѣмъ некстати.

— Да, надоѣло хлопать глазами да облизываться. Вѣдь Губошлеповъ-то у меня десятникомъ на дорогѣ служилъ, а теперь, поди, какіе куски рветъ.

— Стало быть, проектецъ привезли?

— Такъ, лёгонькій. Но въ общей государственной сѣти необходимый. Отъ Нижняго въ Харьковъ, а можетъ быть и дальше, коли Богъ поможетъ. Въ Бахмутъ, Кременчугъ—мало ли мѣстъ найдется!

— Вотъ какъ!

— Да, это будетъ — дорога! Надо тебѣ сказать, что теперь главный торговый центръ не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ, а въ Нижнемъ. Тамъ сліяніе Оки съ Волгой, двухъ важнѣйшихъ водныхъ артерій; тамъ ярмарка, гдѣ встрѣчаются отдаленный Востокъ съ отдаленнымъ Западомъ, гдѣ можно найти все, чего только пожелаешь, отъ ювелирнаго украшенія, отъ тончайшей кашемировой шали и изысканнаго наряда, которому позавидуетъ любая блестящая красавица, до лаптя, котораго вожделѣетъ мужикъ. Оттуда наконецъ сибирскій трактъ. Скоро ли мы дождемся сибирской желѣзной дороги, а оттуда все везутъ да везутъ. Куда?—въ Москву, въ Петербургъ?—Но тамъ и безъ того своего довольно. Напротивъ того, Малороссія, съ Харьковомъ въ центрѣ, даже въ гвоздѣ нуждается. Вотъ самый естественный истокъ. А въ Харьковѣ, въ свою очередь, хлѣбныя богатства, сало, шерсть — опять истокъ на сѣверъ, гдѣ въ этомъ нуждаются.

— Скажите на милость!—изумился я.

— А при этомъ дорога пройдетъ черезъ мое имѣніе; стало быть, и я останусь не безъ выгоды. Я, братъ, умненько все это подстроилъ. Сначала Горбатовъ, потомъ Муромъ (питательная вѣтвь въ Арза-

масъ), Темниковъ, Шацкъ, Спасскъ-Тамбовскій (питательная вѣтвь въ Ардатовъ), Моршанскъ... А оттуда сдѣлаю въ Харьковъ. Кромѣ отправныхъ пунктовъ, сколько тутъ по дорогѣ добра найдется!..

— Да, пожалуй, и не увезете, ежели все...

— Увеземъ, не безпокойся! Пусть только разрѣшатъ. А не разрѣшить—нельзя: такъ все очевидно.

— Можно мнѣ полюбопытствовать?

— Съ удовольствіемъ, даже прошу. Я не дѣлаю изъ этого секрета, и ежели ты найдешь что-нибудь замѣтить, то говори прямо. Я буду даже благодаренъ. Ты прочтешь, другой прочтетъ — смотришь, кто-нибудь и заинтересуется.

Черезъ часъ мы уже сидѣли за бумагами.

— Вотъ это объяснительная записка, — говорилъ дядя:—мы ее послѣ прочтемъ, а вотъ тебѣ карта дороги. Видишь: Горбатовъ, Муромъ, Темниковъ, Шацкъ... Вотъ здѣсь Надежда Михайловна красный кружокъ поставила, а я его послѣ подчистилъ—это наша Куриловка. Здѣсь предполагается устроить станцію съ буфетомъ и остановку въ 20 минутъ. Поѣзды будутъ такъ расписаны, что каждый будетъ у насъ или завтракать, или обѣдать, или ужинать. А кому угодно чай или кофе пить—милости просимъ!.. Буфетъ будетъ содержать нашъ поваръ Акимъ, такъ что мы даже стола дома имѣть не будемъ, а все со станціи. Масло, молоко мы будемъ ставить на станцію свое; телятъ, индюшекъ, гусей, поросятъ — все тащи на станцію. У насъ въ прудѣ крупные караси водятся, и ихъ, стариковъ, туда же. А ягоды? овощи? фрукты?—всему найдется близкій и выгоднѣйшій рынокъ. Кромѣ того: дрова, шпалы—все изъ собственныхъ лѣсовъ. А со станціи мы будемъ получать отмѣннѣйшее удобреніе. Всякій поѣздъ что-нибудь унесетъ и что-нибудь оставитъ, не говоря уже о служащихъ. При станціи постоялый дворъ — опять сбытъ, опять удобреніе. Въ заключеніе, жетоны на даровой проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ цѣлаго міра—всему семейству. Я и тебѣ пришлю.

Я поблагодарилъ и невольно при этомъ облизнулся: такъ онъ отчетливо и вкусно все мнѣ объяснилъ.

— А теперь смотри: вотъ статистическія таблицы! — сказалъ онъ.

Онъ развернулъ листъ разграфленной бумаги, на которомъ я прочиталъ:

НИЖЕГОРОДСКО-ХАРЬКОВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА.

Названіе мѣстностей.	Предметы перевозки.	Пуды.	Фунты.	Особыя примѣчанія.
Нижній-Новгородъ съ ярмаркой . .	Рыбный товаръ: осетрина, бѣлужина, севрюжина, сельди, балыки, икра	000	00	
	Щепной товаръ	000	00	
	Кожевенный, сапожный и шубный товаръ	000	00	
	Дары Сибири и Урала: пушной товаръ, чай, золото, минералы, дичь и проч.	000	00	
	Произведенія Востока: халаты, шали, термаламы, ковры и проч.	000	00	
	Мануфактура: холсты, полотна, ситцы, набойки и проч.	000	00	
	Ювелирныя и модныя издѣлія .	000	00	
	Монументы, памятники старины и проч.	000	00	
Семеновскій и Макарьевскій уѣзды.	Пушныя: медвѣжьи, волчьи и заячьи шкуры.	000	00	
	Рогожи, цыновки, мочало, лыко, лапти	000	00	
	Старопечатныя книги и прочія принадлежности раскола . . .	000	00	
Горбатовскій уѣздъ.	Замки секретные и простые, отмычки, ножи перочинные, столовые и хлѣбные, сошники, гвозди, сундуки и проч.	000	00	
Муромскій уѣздъ.	Муромскіе огурцы	000	00	
	Муромскіе разбойники. . . .	000	00	
	Грибы всѣхъ сортовъ, сушеные, соленые, маринованные и проч. .	000	00	
Арзамасскій уѣздъ .	Гуси	000	00	
	Произведенія искусствъ . . .	000	00	
Темниковскій уѣздъ.	Телѣжные кузова, колеса, дерев иныя оси, мочало, рогожи и проч.	000	00	
Харьковъ и такъ далѣе.	Малороссійское сало, хлѣбъ всѣхъ сортовъ, скотъ	000	00	
Итого		000	00	

Съ минуту стоялъ я очарованный. Не можетъ быть, чтобы такого проекта не разрѣшили,—думалось мнѣ. Мало-по-малу однако разсудокъ вступилъ въ свои права.

— Ноль-ноль-ноль! Какая же это статистика?—вымолвилъ я.

— Это, любезный другъ, не есть важно. У меня въ самой статистикѣ служитъ человѣкъ, который какія угодно цифры проставитъ, да и особыя примѣчанія напишетъ. Эти цифры, можетъ, хотя и противорѣчатъ оффиціальнымъ даннымъ, но вѣдь всѣмъ извѣстно, какъ у насъ собирается оффиціальная статистика: здѣсь же проставленныя

цифры суть плодъ опытныхъ наблюденій, несомнѣнныхъ и вѣрныхъ... Вотъ онъ какъ напишетъ—и все будетъ прекрасно!

— О, коли такъ... Но почему же вы думаете,—Горбатовскій, напримѣръ, уѣздъ... почему вы предполагаете, что онъ *весь* свои замки повезетъ въ Харьковъ, а не въ Сибирь, не въ Алатырь, куда тоже, пожалуй, дорогу поведутъ?

— Непремѣнно въ Харьковъ. Торговля, душа моя, это такая вещь, что гдѣ вѣрнѣе и быстрѣе ожидается оборотъ, туда она и тянетъ. Вездѣ хоть гвоздь сдѣлать умѣютъ; вездѣ есть свои слесаря, а слѣдовательно и замки; въ Харьковѣ ничего и въ заводѣ нѣтъ. Есть только сало.

— Да, коли такъ, то дѣйствительно... Ну, а какъ насчетъ пассажирскаго движенія?

— Мужичья будетъ ѣздить пропасть. Вотъ первый и второй классы—эти будутъ прихрамывать. Видишь, я не скрываю отъ тебя и слабыхъ сторонъ моей дороги.

— Но въ такомъ случаѣ нельзя ли устроить такъ?.. Просить—такъ просить. Объявить, напримѣръ, обязательнымъ, чтобы однажды въ годъ *весь* Харьковъ побывалъ въ Нижнемъ, и *весь* Нижній—въ Харьковѣ. Ну, пикники, что-ли, такіе объ масляницѣ и святой устроить...

— А въ имѣніи у меня полчаса остановки: блины, куличи, яйца... Да, это ид-де-я! Только трудненько будетъ ее провести съ нашимъ русскимъ сквалыжничествомъ. У меня, впрочемъ, тоже проектецъ про запасъ припасенъ, но ужъ не знаю...

— Въ чемъ же онъ состоитъ?

— Да очень просто: обложить каждаго пассажира обязательно по двугривенничку на предметъ вознагражденія за увѣчья и смерть. Необременительно, а для пассажировъ—прямая выгода: обезпеченіе въ будущемъ. За увѣчья будемъ платить по таксѣ; за смерть—смотря по человѣку. За крестьянскую бабу и ста рублей за глаза довольно.

— И выгодно это для васъ будетъ?

— Ничего, дѣтишкамъ на молочишко останется. Предположить, что по дорогѣ проѣдетъ—ну, мало триста тысячъ человѣкъ въ годъ. Съ каждаго по двугривенному — это шестьдесятъ тысячъ рублей. А заплатимъ за увѣчья много-много пять тысячъ.

— Ахъ!

— Да, голубчикъ, на все требуется смѣтка, все нужно предвидѣть и взвѣсить заранѣе— тогда и будетъ все ладно. А впрочемъ соловья баснями не кормятъ. Пора и въ походъ.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ того дядя прожилъ въ Петербургѣ, и я его видѣлъ только урывками. Вставалъ спозаранокъ, пилъ чай одинъ и исчезалъ на цѣлый день. Сначала онъ мнѣ кое-что разсказывалъ, но потомъ замолкъ. Стороной я слышалъ, что онъ былъ у Губошлепова, но тотъ отвѣчалъ, что у него своихъ дѣловъ по горло, а чужими заниматься недосугъ. Тогда дядя напомнилъ ему про былое.

— Что было, то быльемъ поросло,—равнодушно отвѣтилъ ему Губошлеповъ:—вмѣстѣ горы рыли, и вы пользовались достаточно. А теперь я желаю.

Одинъ изъ бывшихъ сослуживцевъ,—теперь уже власть имущій,—къ которому онъ тоже явился, сказалъ:

— Проектъ твой превосходный, и я даже удивляюсь, какъ никому прежде не пришло на умъ... Харьковъ, Нижній—это именно... Къ сожалѣнію, ты опоздалъ. Наше казначейство такъ скудно средствами, что можетъ удѣлить намъ лишь нѣсколько милліоновъ въ годъ. Эти милліоны уже распредѣлены на нѣсколько лѣтъ впередъ, и сѣть утверждена окончательно. Но послѣ, когда все предположенное будетъ выполнено—милости просимъ!

— Но неужто жъ нельзя... сверхъ того?

— Невозможно. Не велѣно даже съ представленіями входить.

Дядя бросился къ евреямъ; но тамъ потребовали, чтобы онъ обрѣзался. Къ чести его я могу сказать, что онъ не согласился отступить отъ прародительскихъ вѣрованій.

Тогда онъ началъ искать, нельзя ли найти путь къ чьей-нибудь „любезненькой“. „Любезненькую“ нашелъ и даже порастрясъ тамъ немало денегъ. Надежды его оживились...

Но вдругъ онъ явился однажды утромъ къ чаю, махнулъ рукою и сказалъ:

— Сегодня уѣзжаю въ Муромъ!

— Что такъ?

— Сонъ видѣлъ...

Наконецъ, я видѣлся съ дядей на этихъ дняхъ. Онъ уже служитъ предводителемъ, извѣстенъ какъ человѣкъ, который держитъ свое знамя твердо и грозно, и слухи о его благонамѣренномъ нахальствѣ доходили даже до Петербурга. Къ тому же, на этотъ разъ онъ поступилъ толковѣе: не поѣхалъ прямо мозолить глаза своимъ проектомъ, а послалъ его куда слѣдуетъ заблаговременно, и успѣлъ заинтересовать. Послѣдовало приглашеніе прибыть въ Петербургъ.

— Тс... новость!—сказалъ онъ, являясь ко мнѣ на постой.

— Новости... изъ Мурома?

— А ты думалъ, откуда? Нынче и всѣ новости изъ Мурома да изъ Кирсанова. У насъ—источникъ всего, а вы, петербургскіе, только пережевываете.

Затѣмъ онъ свезъ просвирку отъ муромскихъ чудотворцевъ и началъ свою пропаганду.

Проектъ его носилъ заглавіе:

ВРЕМЯ НЕ ТЕРПИТЪ!!

Проектъ обновленія.

Въ сущности, это былъ проектъ всеобщаго упраздненія; но такъ какъ нынѣ всѣ уже согласны, что въ упраздненіи-то и заключается обновленіе, то терминологія его была принята безъ особенныхъ затрудненій.

Онъ предлагалъ упразднить все: суды, земство, крестьянское самоуправленіе. Даже исправниковъ и становыхъ приставовъ. О кабакахъ говорилъ съ оговоркой: вредны, но на нихъ зиждется... Всѣ уѣзды онъ дѣлилъ на попечительства, по числу наличныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ или ихъ довѣренныхъ, и съ подчиненіемъ всѣхъ попечителей предводителю. Въ рукахъ попечителей перепутана была власть судебная, административная и полицейская. Они завѣдывали народною нравственностью, образованіемъ, зрѣлищами, играми и забавами. Обязаны были устранять вредные обычаи и искоренять сквернословіе. Но преимущественно смотрѣть, чтобъ мужикъ не лѣнился. Своевременно созывать сходки и объяснять крестьянамъ ихъ обязанности и необходимость повиновенія. За хорошее поведеніе дарить мужикамъ кушаки, а бабамъ—платки.

Проектъ былъ простъ и ясенъ, какъ день, и потому неудивительно, что имѣлъ успѣхъ. Фамилія Стрѣлова повторялась въ салонахъ. Его приглашали, съ нимъ совѣщались. Дамочки называли его не иначе, какъ „le bourru bienfaisant“. Но, сверхъ того, ему и пообѣщали. Замѣчательно, что и тутъ не обошлось безъ завистниковъ: кто-то шепнулъ о срытой горѣ; но на этотъ разъ извѣтъ не имѣлъ успѣха и даже былъ встрѣченъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Всѣ въ свое время горы рыли!—отвѣчали извѣтчику:—то было время, а теперь — другое; господинъ Стрѣловъ понялъ это лучше, нежели кто-нибудь, и конечно...

Дядя ходилъ радостный и полный надеждъ. Проектъ его былъ пріобщенъ къ числу прочихъ, съ тѣмъ, что его примутъ въ соображеніе въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. Пройдутъ десятки лѣтъ, народится новое поколѣніе, и какой-нибудь трудолюбивый собиратель старинныхъ курьёзовъ прочтетъ его и напечатаетъ съ эпиграфомъ:

Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
Наши дѣды и отцы...

Словомъ сказать, жизнь вновь улыбнулась дядѣ, какъ въ эпоху ранней молодости. Ни одного вечера не видалъ я его дома—все на раутахъ среди дамъ или въ мудрой бесѣдѣ со старцами.

Но здѣсь я долженъ оговориться и поспѣшить приведеніемъ этой исторіи къ концу. Исторія вообще (въ томъ числѣ и настоящая) обязана относиться къ современности сдержанно. Нѣтъ ничего раздражительнѣе, какъ современность, и историкъ напрасно будетъ усиливаться въ соблюденіи справедливости при оцѣнкѣ фактовъ. Его всегда упрекнутъ въ пристрастіи. Еще Гоголь сказалъ: напиши что-нибудь про одного титулярнаго совѣтника—всѣ титулярные совѣтники примутъ на свой счетъ. Точно такъ и тутъ: напишите какую-угодно небылицу—всѣ современныя небылицы въ лицахъ примутъ на свой счетъ.

Кончаю. Въ заключеніе скажу только, что дядя Захаръ теперь фигурируетъ въ губерніи, величается вашествомъ, и солдаты на тюремной гауптвахтѣ выбѣгаютъ, когда онъ проѣзжаетъ мимо...

Вѣщихъ сновъ онъ не видитъ.

Письмо девятое.

Въ пестрыхъ письмахъ было бы ненатурально не упомянуть о пестрыхъ людяхъ, заполонившихъ въ настоящее время вселенную. Исправляю въ этомъ письмѣ сдѣланный мною пропускъ.

Пестрое время, пестрые люди. Оттого и жить трудно стало; не на кого положиться, не во что вѣрить; вездѣ шатаніе, пустодушіе, пестрота. Чего не ждешь, тѣ именно и случится; отъ кого не чаешь — тотъ именно и стукнетъ тебѣ по темени. Дурное, спутанное время. Проворовались людишки, остатки совѣсти потеряли.

Общій признакъ, по которому можно отличать пестрыхъ людей, состоитъ въ томъ, что они совѣсть свою до дыръ износили. А взамѣнъ выросло у нихъ во рту по два языка, и оба лгутъ иногда по очереди, а иногда — это еще постыднѣе — оба за-разъ. Жизнь ихъ представляетъ перепутанную, безсвязную и несогрѣтую внутреннимъ смысломъ театральную пьесу, содержаніе которой исключительно исчерпывается переодѣваніемъ. Всѣмъ они въ теченіе своей жизни были: и поборниками ежовой рукавицы, и либералами, и западниками, и народниками, даже „сицилистами“, какъ теперь говорятъ. Но нигдѣ не оставили ни скрупула своей души, потому что оставить было нечего. Все ихъ искусство всегда состояло въ томъ, чтобы выждать потребный моментъ и какъ можно проворнѣе переодѣться и загримироваться. Словомъ сказать, это вполнѣ оголтѣлые, въ нравственномъ отношеніи, люди, у которыхъ что ни слово, то обманъ, что ни шагъ, то вѣроломство, что ни поступокъ, то предательство и измѣна.

За всѣмъ тѣмъ необходимо различать три сорта пестрыхъ людей. Во-первыхъ, тѣ, которые сами себѣ выработали пестрое сердце и пестрый умъ и преднамѣренно освободили себя отъ всѣхъ стѣсненій совѣсти. Это коноводы и зачинщики. Они пишутъ передовыя статьи, ныряютъ по улицамъ, забираются въ публичныя мѣста, пишутъ доносы, проникаютъ въ переднія власть имѣющихъ лицъ, — и вездѣ каркаютъ, вездѣ призываютъ кару. И въ либеральномъ смыслѣ каркаютъ, и въ ежово-рукавичномъ, хотя въ послѣднемъ уже потому одному энергичнѣе, что самое представленіе о ежовой рукавицѣ необходимо сплетается съ представленіемъ объ энергіи. По наружному виду ихъ можно по временамъ принять за фанатиковъ убѣжденія, но они просто фанатики казеннаго или общественнаго пирога. Злы

они неимовѣрно, потому что хоть и въ формѣ робкаго шопота, а все-таки доходитъ до нихъ напоминаніе о предательствѣ. И вотъ, благодаря этимъ напоминаніямъ, рядомъ съ вожделѣніемъ къ пирогу въ нихъ возникаетъ потребность отомстить за всѣ прежнія переодѣванія. А на комъ же слаще излить месть отравленной души, какъ не на бывшихъ случайныхъ единомышленникахъ, свидѣтеляхъ этихъ переодѣваній?

Во-вторыхъ, люди, которые пестрятъ ради шкурнаго спасенія. Собственно говоря, ихъ даже нельзя причислить къ категоріи пестрыхъ людей. Это не пестрота, а истязаніе, вымученный отвѣтъ на допросъ съ пристрастіемъ. Ужасно несчастные эти люди. Помните, я однажды разсказалъ, какъ свинья Правду чавкала, а Правда передъ свиньей запиналась, изворачивалась и бормотала. Такъ вотъ это самое и есть тотъ же процессъ. Изъ всѣхъ истязаній чавканье живого тѣла — самое ужасное, и потому люди, которые ему подвергаются, пріобрѣтаютъ растерянный и испуганный видъ. По собственной иниціативѣ они не пестрятъ, а только поддакиваютъ. Но быть свидѣтелемъ этихъ поддакиваній—не дай Богъ никому.

Третій сортъ „пестрыхъ людей“ представляютъ собой тѣ, которымъ фея жизни, при рожденіи, пестрое ремесло, въ видѣ дара, въ колыбель положила. Таковы, напримѣръ, всѣ Молчалины. Всю жизнь они издерживаютъ на пестрыя дѣла, но что̀ означаетъ эта пестрота, полезна она или вредна, и даже сопровождается ли какими-нибудь осязательными послѣдствіями и для кого именно —ничего не знаютъ. Большинство такъ и умираетъ, не догадавшись. Жалко этихъ людей, со стороны глядя, но сами они неудобства такого существованія не сознаютъ. Они обязательно принимаютъ пестроту къ исполненію и, исполнивъ что̀ по программѣ слѣдуетъ, обязательно же сдаютъ свою работу другимъ безсознательно пестрымъ людямъ, а сами исчезаютъ въ могилѣ.

Первообразомъ пестрыхъ людей, разумѣется, служитъ индивидуумъ первой категоріи. Остальныя двѣ категоріи составляютъ только естественный и неизбѣжный придатокъ.

Первообразъ потому представляется наиболѣе мучительнымъ и опаснымъ, что онъ былъ нѣкогда нашимъ сочувствователемъ, и затѣмъ, совершивъ обрядъ переодѣванія, подкрался къ намъ внезапно

и исподтишка впился своими когтями. Правда, мы и прежде замѣчали въ немъ наклонность къ переодѣваніямъ, но добродушно подсмѣивались надъ нею, не придавая этому факту особеннаго значенія. Между тѣмъ эта наклонность росла и росла и наконецъ выросла въ мѣру совершеннолѣтія. А я увѣренъ, что онъ и теперь, заглядывая по временамъ въ будущее, думаетъ: ежели „вѣяніе“ и перемѣнится, то я всегда успѣю за-ново переодѣться и загримироваться.

И онъ загримируется, и опять все забудется, и опять мы отведемъ ему мѣсто среди „своихъ“. Мы, люди убѣжденія, люди естественнаго и логическаго преуспѣянія, люди, беззавѣтно отдавшіе своей странѣ всѣ свои душевные помыслы и силы. Я не однажды ратовалъ противъ этой повадливости; но предостереженія мои не имѣли успѣха. Это впрочемъ и понятно. Честнымъ и убѣжденнымъ сердцамъ столь же мало свойственны злопыхательство и мстительность, сколько они естественны въ людяхъ переодѣваній. Какъ я уже сказалъ выше, послѣдніе мстятъ не за обиды, которыхъ имъ никто не наносилъ, а за собственную душевную оголтѣлость, за то, что есть живые свидѣтели этой оголтѣлости.

Я живо помню время, когда впервые народилась идея хожденія въ народъ. Въ основѣ этой идеи лежала отнюдь не пропаганда „науки преступленій“, какъ ябедничали тогда взбудораженные и еще полные жизненности крѣпостники (да не живы ли они и теперь?), а внесеніе луча свѣта въ омертвѣлыя массы, подъемъ народнаго духа. Распространеніе грамотности и здравыхъ понятій о силахъ природы и отношеніяхъ къ нимъ человѣка — вотъ что стояло на первомъ планѣ. Разскажите эпизоды этой печальной исторіи и подробности возбужденной ею паники любому культурному нѣмцу, — и вы увидите на его лицѣ только недоумѣніе. Онъ вспомнитъ свою добрую молодость, вспомнитъ, какъ онъ цѣлымъ обществомъ, съ посохомъ въ рукахъ, исходилъ пѣшкомъ всѣ уголки Германіи, посѣтилъ ея горы и долины, изучая родную страну и входя въ непосредственное общеніе съ ея народомъ. И непремѣнно скажетъ, что все это послужило къ пользѣ народной, къ поднятію общаго уровня народнаго самосознанія и къ освѣженію самой культурной среды.

Вѣроятно изъ Германіи пришла и къ намъ идея хожденія въ народъ. И всѣ тогда сгруппировались вокругъ нея, всѣ горѣли не-

терпѣніемъ и энтузіазмомъ, и ежели не объявляли о своихъ намѣреніяхъ во всеуслышаніе, то единственно по привычкѣ опасаться, что всякое честное начинаніе искони является у насъ подозрительнымъ. Были въ числѣ энтузіастовъ и „переодѣвателн“, и наравнѣ съ прочими горѣли и плескали руками.

Я не принималъ въ этомъ движеніи непосредственнаго участія, —у меня было и есть свое собственное дѣло,—но всегда относился къ нему съ сочувствіемъ. Кромѣ прямой пользы для народа и для правящихъ классовъ, я не видѣлъ никакихъ угрозъ въ будущемъ. Находя по чистой совѣсти, что управлять народомъ, уже вступившимъ въ періодъ самосознанія, гораздо славнѣе и легче, нежели управлять полу-дикой толпой, гонимой страхомъ, я такъ, въ этомъ смыслѣ, и велъ мою бесѣду съ читателемъ. Я никогда не претендовалъ на роль вожака; я уклонялся отъ разговоровъ о распредѣленіи богатствъ, предоставляя рѣшеніе этого вопроса будущему; не говорилъ ни о нивеллированіи, ни о крамолѣ, и даже не выражался, что мы танцуемъ на вулканѣ. Никакихъ вулкановъ я не замѣчалъ, да и теперь не вижу, хотя времени прошло съ тѣхъ поръ достаточно. Я призывалъ къ справедливости—только и всего.

Тѣмъ не менѣе, извѣстно, какъ встрѣчены были мои бесѣды, и какихъ постыдныхъ издѣвокъ онѣ мнѣ стоили со стороны такъ-называемыхъ охранителей.

Но бодрые люди шли и шли. Въ числѣ ихъ внезапно, по повидимому вполнѣ искренно очутился и Семенъ Скорняковъ.

Скорняковъ былъ моимъ сверстникомъ по школьной скамьѣ. Въ школѣ онъ былъ скорѣе нелюбимъ, нежели любимъ, и нелюбимъ потому, что черезъ-чуръ ужъ ласково глядѣлъ въ глаза начальству. Послѣднее благоволило къ нему и ставило въ примѣръ, исключая впрочемъ учителя латинскаго языка, который почему-то называлъ его крокодиломъ.

— Что ты, крокодилъ, все хнычешь (дѣйствительно, когда его обижали, то онъ не плакалъ, а хныкалъ)?—говаривалъ онъ:—знаешь, какъ твои собратья изъ Нила купающихся ребятъ утаскиваютъ, глотаютъ ихъ и при семъ хнычутъ. Такъ и ты современемъ. Правду будешь глодать и хныкать.

И странное дѣло!—когда учитель это говорилъ, то всѣмъ казалось, что Скорняковъ вотъ-вотъ сейчасъ захнычетъ. Но онъ въ от-

вѣтъ только застѣнчиво опускалъ глаза, точно просилъ у учителя прощенія, что огорчилъ его.

По выходѣ изъ школы, Скорняковъ, благодаря своимъ скуднымъ средствамъ, не послѣдовалъ примѣру товарищей, отдавшихъ себя въ жертву портнымъ и лихачамъ-извозчикамъ. По крайней мѣрѣ этотъ угаръ ежели и былъ, то прошелъ въ немъ очень скоро. Напротивъ, онъ выработалъ въ себѣ вкусъ къ книжкѣ, поступилъ вольнослушателемъ въ университетъ, и черезъ два года сдалъ кандидатскій экзаменъ.

Вкусъ къ книжкѣ сблизилъ насъ, такъ что нѣкоторое время мы даже вмѣстѣ жили. Я тогда уже началъ пописывать, впрочемъ только мелкія рецензіи. И Скорнякову доставалъ работу. То было время самаго разгара распри между западниками и славянофилами. Разумѣется, мы не были не только первостепенными, но даже третьестепенными дѣятелями въ этомъ движеніи, но все-таки слѣдовали за общимъ литературно-полемическимъ потокомъ. Я былъ горячій и искренній поклонникъ Бѣлинскаго и Грановскаго; Скорняковъ тоже выдавалъ себя за западника, но съ оговорками и какъ бы оставляя себѣ лазейку въ будущемъ.

— А община?! — говорилъ онъ, многозначительно поднимая указательный перстъ.

Теперь все это до того стерлось, что самыя рубрики сдѣлались пустопорожними выраженіями. Теперь большинство славянофиловъ убѣдилось, что есть община и община; что община, на которой они созидали благополучіе и силу Россіи, не обезпечиваетъ ни отъ пролетаріата, ни отъ обидъ, приходящихъ извнѣ, что наконецъ будущая форма общежитія, наиболѣе удобная для народа, стоитъ еще для всѣхъ загадкою. Напротивъ, по странной случайности, бывшіе западники, ставши ближе къ кормилу, примирились съ общиной, потому что съ нею сопряжена круговая порука. Не нужно сложной мозговой работы, чтобы управлять.

Но тогда все кипѣло и рвалось сразиться...

Для Скорнякова, однакожъ, западническое кипѣніе получило очень скорый, хотя и случайный конецъ. Умеръ его отецъ, и онъ вынужденъ былъ поселиться въ Москвѣ. Съ этихъ поръ для меня онъ надолго исчезъ. Повидимому тутъ впервые у него зародилась мысль о карьерѣ. Въ Москвѣ онъ успѣлъ пріютиться подъ крылышко одной

изъ дамъ-патронессъ, очень еще интересной старушки, и черезъ нее пробился въ славянофильскій кружокъ. И тутъ онъ выдающейся роли себѣ не нашелъ, а былъ только „вхожъ“, — и за это спасибо. Славянофилы того времени были люди богатые, титулованные, имѣли въ Петербургѣ связи и родство, и жили подъ прикрытіемъ митрополичьей рясы. Скорнякову не понравились однакожъ ихъ напыщенность, чванство и семинарская надменность, но онъ рѣшился терпѣть во имя будущаго, и вскорѣ сдѣлался ревностнымъ прозелитомъ. Писалъ въ „Москвитянинѣ“ филиппики противъ западниковъ и громилъ послѣднихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Хомяковъ ему улыбался, Юрій Самаринъ подавалъ два пальца, Погодинъ показалъ свое книгохранилище (вмѣсто гонорара за статьи), Константинъ Аксаковъ цѣловалъ. Въ заключеніе патронесса опредѣлила его чиновникомъ особыхъ порученій къ важному лицу.

Здѣсь онъ чуть-было опять не сдѣлался западникомъ, потому что важное лицо не любило славянофиловъ и называло ихъ кутейниками. Но оно же не любило и западниковъ, подозрѣвая ихъ въ замыслахъ къ ниспроверженію порядка. Потому Скорняковъ рѣшился сдѣлаться простымъ здоровымъ русскимъ человѣкомъ, такимъ же, какимъ былъ его начальникъ. Съ этою цѣлью онъ выработалъ себѣ особую русскую точку зрѣнія, въ основѣ которой лежало исполненіе предписаній начальства.

Въ это время судьба завела меня въ одинъ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, гдѣ я пробылъ около восьми лѣтъ, забытый и оставленный. О Скорняковѣ, разумѣется, я никакихъ свѣдѣній не имѣлъ.

1856-й годъ опять насъ столкнулъ. Пошли слухи объ эмансипаціи, и оба мы ликовали, что наконецъ сравнялись съ Европой.

— Вотъ увидишь, какую роль будетъ играть наша община! — восклицалъ онъ.

Мнѣ впрочемъ и самому начинало казаться, что община скажетъ что-то новое. „Упраздните крѣпостное право, и сейчасъ же на сцену выступитъ община!“ — вотъ какъ тогда говорили всѣ и даже западники, которые стояли тогда во главѣ движенія и уже провидѣли удобство круговой поруки.

Когда все было кончено и новое „Положеніе“ издано, Скорняковъ сталъ задумываться. Онъ уже высмотрѣлъ исподволь людей, ко-

торые готовы были появиться на смѣну дѣятелямъ „Положенія“, и подъ рукой наводилъ справки.

— Знаешь ли что?—говорилъ онъ мнѣ:—не слишкомъ ли мы поспѣшили? То-есть, ты понимаешь, я сомнѣваюсь не въ томъ смыслѣ... Это дѣло святое, необходимое... но тѣмъ не менѣе годикъ, другой...

— Эй, Скорняковъ! Виляешь хвостомъ!—возражалъ я, впрочемъ нимало не сердясь.

— Нѣтъ, совсѣмъ не то. Я только говорю, что бѣдные помѣщики... Вѣдь это все-таки представители нашей культуры...

Вдругъ онъ опять исчезъ изъ Петербурга. Одновременно съ этимъ исчезновеніемъ, на столбцахъ одной „уважаемой“ московской газеты начали появляться размашистыя статьи, въ которыхъ проливались слезы въ пользу бѣдныхъ помѣщиковъ, а о мужикѣ разсказывались смѣшные, а отчасти и возмутительные анекдоты. Обвинялись по преимуществу мировые посредники, а за ними и всѣ вообще сочувствующіе новосозданному порядку вещей. Прямо говорилось, что они революціонеры, нивелляторы и подрыватели основъ. Прошли слухи, что въ составленіи этихъ статей, и не безъ косвеннаго поощренія, принимаетъ дѣятельное участіе Скорняковъ. Дѣйствительно, онъ былъ тамъ. Писалъ и спереди, и сзади; спереди—клеветалъ серьезно и убѣжденно, сзади—въ шутливомъ русскомъ тонѣ. Статьи эти были замѣчены.

— Вы имѣете перо,—прогудѣлъ ему нѣкоторый сановникъ:—держите его бодро на страхъ разрушителямъ и на пользу добрымъ порядкамъ. Это теперь нужнѣе, нежели когда-нибудь.

Прошла питейная реформа, но Скорняковъ не соблазнился ею. Онъ говорилъ, что дивидендъ—дѣло преходящее и немного даже зазорное, и что истинное его назначеніе—внутренняя политика, которая, конечно, вознаградитъ его превыше всякихъ дивидендовъ.

И онъ не ошибся. До тѣхъ поръ онъ былъ только многообѣщающимъ бутономъ, но невдолгѣ этотъ бутонъ распустился въ пышный и далеко разливающій ароматъ цвѣтокъ. Карьера его двинулась быстро и блестяще. Прежде всего онъ попалъ въ обрусители. Исполнялъ свято предначертанія, но въ то же время и самъ почтительно представлялъ соображенія. И дѣлалъ это такъ ловко, что предначертателю оставалось только сказать: „вотъ именно моя мысль! вы именно угадали ее“. За эту ловкость и скромность онъ получилъ,

кромѣ всего прочаго, хорошій кусокъ пирога и увѣренность, что на будущее время онъ „необходимъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ опять появился въ Петербургѣ, и тутъ уже прогремѣлъ не на шутку. Имя его сдѣлалось страшно, и даже наружность измѣнилась. Лицо обрюзгло и получило коричневый тонъ, глаза горѣли плотоядно; голосъ сдѣлался громкій и вылеталъ какъ изъ пустой бочки. Изъ крокодила благообразнаго выработалось настоящее чудовище. Онъ не перебѣгалъ съ одной стороны улицы на другую, какъ дѣлаютъ болѣе робкіе предатели, но шелъ прямо впередъ, выпячивая грудь, размахивая руками и изрыгая хулу. Однажды онъ встрѣтился со мной на Невскомъ, но даже не поздоровался, хотя мы много лѣтъ не видались, а только погрозилъ мнѣ пальцемъ. Стало быть, даже относительно стараго однокашника онъ уже не считалъ себя обязаннымъ стѣсняться. Любимою его поговоркою въ то время было: „насъ не обманешь, мы сами тамъ были“,—и онъ повторялъ ее съ неизреченнымъ нахальствомъ человѣка, который вполнѣ убѣжденъ, что онъ до того негодяй, что можетъ сказать себѣ: ну чтожъ! негодяй такъ негодяй!

Какую массу злыхъ, постыдныхъ и, въ сущности, безполезныхъ дѣлъ совершилъ онъ въ короткое время—это трудно перечислить. Плакали отцы, плакали матери, а онъ, сильный мѣднымъ лбомъ и съ камнемъ въ груди, шелъ дальше и дальше вглубь. Онъ достигъ того адскаго равновѣсія, что уже не мстилъ за свои прежнія переодѣванія, но указывалъ на нихъ какъ на подготовительный матеріалъ: вотъ, молъ, черезъ какую школу я прошелъ! Сами товарищи по ремеслу дивились ему; нѣкоторые его сдерживали, но большинство благоговѣло передъ нимъ.

— Всякій изъ насъ,—говорили они,—имѣетъ какую-нибудь личную исходную точку. Иной сводитъ счеты за прошлыя обиды, другой—ради семьи хлопочетъ, третій—сословный интересъ стережетъ. У Скорпякова—ничего назади нѣтъ. Онъ одинъ какъ перстъ; въ прошломъ никто его не обидѣлъ, никто ничего у него не отнялъ; о сословномъ интересѣ онъ и не знаетъ... Это единственный, въ своемъ родѣ, образецъ опричника безпримѣснаго, надрывающаго себя ради цѣлей, имѣющихъ только абстрактное значеніе.

Судебная реформа тоже не обошлась безъ него; но, разумѣется, онъ предпочелъ стоячую магистратуру сидячей. Отмежевавши себѣ

сферу внутренней политики, онъ обвинялъ безоговорочно, хотя болѣе бойко, нежели доказательно. Вмѣсто доказательства и разбора побудительныхъ причинъ, у него были въ запасѣ завѣтныя слова, которыя заграждали уста защитѣ. И чѣмъ чаще [illegible] онъ ихъ въ оборотъ, тѣмъ больше преуспѣвалъ.

— И ничего другого не нужно!—повторяли хоромъ всѣ единомышленники:—коли любишь — прикажи, а не любишь — откажи. Безъ разговоровъ.

Только одинъ выжившій изъ ума членъ англійскаго клуба, князь Селищевъ, ничего не уразумѣвъ изъ разсказовъ про успѣхи Скорнякова, выразился:

— Нынѣче, куда ни посмотришь — вездѣ хамы да крапивное сѣмя. Прежде были Кочубеи, Панины, Долгорукіе, Голицыны, а нынѣче—Скорняковы да Боголѣповы. Хамъ онъ, вашъ Скорняковъ, оттого ему и везетъ! А скоро придетъ пора—и санкюлоты явятся. Ça ira... Я ужъ десять лѣтъ въ деревню поэтому не ѣзжу и дѣтей за границей держу...

Конечно, Скорняковъ первый посмѣялся, услышавъ разсказъ объ этой княжеской бутадѣ; однако, на всякій случай, помѣстилъ въ своей записной книжкѣ замѣточку: „князь Селищевъ — выжившій изъ ума старикъ, но дѣти его“...

Въ послѣднее время Скорняковъ повидимому угомонился. Пріобрѣлъ прекраснѣйшее (хотя и не первенствующее) служебное положеніе и подаетъ мудрые совѣты. Но изъ всѣхъ его совѣтовъ самый ясный и отчетливый выражается въ двухъ словахъ: „искоренить и истребить“. И ему внимаютъ, и, быть можетъ, недалеко время, когда онъ...

Онъ помнилъ, что князь Селищевъ назвалъ его хамомъ, и крѣпко надѣется, что это званіе послужитъ ему рекомендательнымъ письмомъ. По временамъ глаза его источаютъ блуждающіе огни, и онъ безсознательно бормочетъ: „буду—не буду, буду—не буду“...

Будетъ?!

Вторая категорія нестрыхъ людей — это люди, замученные жизнью. Жизнь къ нимъ пришла въ видѣ западни, изъ которой они не имѣютъ ни силъ, ни умѣнья выбраться. Попались и бьются тамъ, не подавая голоса.

Въ послѣднее время такихъ людей развелось очень много. Всякій пестрый человѣкъ первой категоріи приводитъ за собой массу подневольныхъ. Живутъ они особнякомъ, и при встрѣчѣ съ старыми знакомыми мгновенно исчезаютъ. Но что они переживаютъ, оставаясь одни сами съ собой... что переживаютъ!!! Каждый день приноситъ имъ къ исполненію новую измѣну, и каждый день они должны вынести эту измѣну на своихъ плечахъ, зная, что это измѣна, проклиная ее и все-таки прикованные къ ней несокрушимою цѣпью. Отбывъ дневную жизненную повинность и подводя ей итоги, они должны сознавать, что все ими сдѣланное чуждо ихъ убѣжденію, что послѣднее затоптано въ грязь... какъ? почему?

А между тѣмъ это убѣжденіе несомнѣнно существовало и даже нѣкогда составляло гордость и радованіе жизни. И какъ нарочно, въ тѣ скорбныя минуты, когда прошлое уже затмилось настоящимъ, когда оно поругано и побито, памятливая совѣсть всего охотнѣе возвращается къ этому прошлому. Припоминаются былыя рѣчи, старые образы... все припоминается, все.

Ходитъ пестрый человѣкъ взадъ и впередъ по комнатѣ до усталости, до изнеможенія. Звонокъ. Пришелъ „посидѣть“ знакомецъ изъ „новыхъ“. Пришелъ, можетъ быть, для того, чтобы испытать сердце человѣческое и потомъ сфискалить.

— Ну, вотъ, и вы съ нами, — говоритъ онъ:—не правда ли, такъ-то лучше?

— Да, да, и я... конечно, конечно... Надо же.

— А читали вы записку, которую подалъ L.?

— Да, да, читалъ... прекрасно, прекрасно.

— И какъ тонко дано почувствовать! И въ то же время горячо, съ огонькомъ!

— Да! тонко и въ то же время дѣйствительно... но впрочемъ намъ-то что-жъ!

— Какъ что-жъ? Мы вѣдь тоже въ этой колесницѣ значимся! Дѣло, стало быть, общее.

И такъ далѣе.

Посидитъ знакомецъ, выпьетъ чашку чая и уйдетъ. А новообращенный сядетъ къ рабочему столу и начнетъ подготовлять работу къ завтрашнему дню. Изъ каждой строки этой работы явственно сочится одно слово: искоренить. Прежде онъ былъ сторонникомъ и ревни-

телемъ женскаго образованія, теперь — придумываетъ подвохи въ ущербъ ему; прежде онъ видѣлъ въ свободѣ величайшее благо человѣческихъ обществъ, теперь—онъ называетъ ее не иначе какъ разнузданностью; прежде онъ признавалъ судъ общественной совѣсти, какъ наилучшее мѣрило для оцѣнки человѣческихъ дѣяній, теперь —онъ утверждаетъ, что въ основѣ этого суда лежитъ одна анархія. И онъ излагаетъ это отчетисто, ясно, спѣша поспѣть къ сроку, ибо знаетъ, что завтра же всѣ эти новыя измышленія должны быть пущены въ ходъ. Одно только умѣряетъ его стыдъ — это нелѣпость написаннаго и надежда, что сама жизнь отвернется отъ нея.

Какимъ путемъ люди приходятъ къ такой раздвоенности мысли и чувства—все въ этомъ вопросѣ смутно и спутанно. Едва-ли впрочемъ тутъ не играетъ значительной роли недостатокъ матеріальныхъ средствъ и происходящая отъ того зависимость. Многіе не придаютъ этому факту никакого значенія и даже не безъ презрѣнія отзываются о немъ. И въ большинствѣ случаевъ это презрѣніе идетъ отъ тѣхъ, которые исподлобья пускаютъ жадные взоры на виднѣющійся вдали пирогъ. Но не нужно забывать, что бѣдность и недовольство выброшеннымъ судьбою кускомъ есть фактъ до того безспорный, что ради него возникаютъ не только частныя преступленія, но общественная рознь, междоусобія и всевозможныя неурядицы. А еще менѣе надо забывать, что большинство людей состоитъ не изъ героевъ, а изъ простыхъ смертныхъ. Тамъ, гдѣ герой возвышается до самоотверженія, простой смертный ограничивается однимъ сочувствіемъ, далѣе котораго его экспансивная сила не идетъ. Простой смертный есть зритель по преимуществу, и надо ужъ и то ставить ему въ заслугу, ежели зрѣлище самопожертвованья умиляетъ и согрѣваетъ его сердце любовью къ ближнему.

Затѣмъ въ дѣлѣ подневольной апостазіи имѣютъ громадное значеніе жизненныя ошибки. Служеніе убѣжденію не терпитъ суеты. Оно строго до неумолимости и въ своей логичности не пугается частныхъ крайнихъ выводовъ. Разъ допущенное уклоненіе уводитъ человѣка все дальше и дальше отъ предначертанной линіи, и возвратъ къ исходному пункту дѣлается не только труднымъ, но и немыслимымъ.

Всѣ, которые вышли вмѣстѣ, уже далеко, да и возвратный путь исковерканъ и заваленъ наноснымъ хламомъ до того, что нужны нечеловѣческія усилія, чтобъ пробраться сквозь трущобу. Приходится

или оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ застало самосознаніе, и горько сѣтовать на свое легкомысліе, или идти далѣе, все уклоняясь и уклоняясь, и совсѣмъ отдаться въ жертву мамонѣ.

Наконецъ есть и третья причина: это внезапно охватившая общество со всѣхъ сторонъ паника. Законы, порождающіе панику и управляющіе ею, до сихъ поръ неизвѣстны. Она представляется намъ въ формѣ обезумѣвшаго пса, случайно сорвавшагося съ цѣпи. Она бѣжитъ впередъ, брызжа бѣшеною слюною и изъязвляя всѣхъ, кто стоитъ на ея пути. Происходитъ общій переполохъ; со дна общества подымаются чудовища. Паренія мысли, идеалы будущаго, чистота души — все погибаетъ въ этомъ адскомъ водоворотѣ, уступая мѣсто бѣшеному лаю и наглому смѣху остервенившихся чудовищъ. И нужно громадную силу воли, чтобы устоять среди этой торжествующей душевной оголтѣлости и не сдѣлаться хотя невольнымъ ея сообщникомъ. Цѣлая масса сложившихъ оружіе идетъ за колесницей побѣдителей, осужденная на рабство. И еслибы исторія не указывала на просвѣтъ изъ этой кромѣшной тьмы, то міръ давно былъ бы отданъ въ жертву безнадежности и отчаянію.

Разумѣется, я указалъ здѣсь лишь на самыя характерпстическія черты процесса превращенія. Существуетъ множество другихъ, второстепенныхъ и третьестепенныхъ, которыя присущи каждому отдѣльному индивидууму. Но главнымъ двигателемъ все-таки является отсутствіе героизма.

Спрашивается: чтò такое героизмъ?

Позволяю себѣ думать, что героизмъ представляетъ собой явленіе вполнѣ безспорное лишь въ примѣненіи къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, которыя обнажаютъ тайны природы и дѣлаютъ ихъ доступными для человѣчества. Люди, совершающіе полярныя экспедиціи, проникающіе въ неизвѣданныя страны, люди, проливающіе свѣтъ и благосостояніе въ темныя народныя массы — вотъ герои, которые, такъ сказать, пишутъ исторію человѣчества и производятъ въ его судьбахъ дѣйствительные повороты. Что же касается до героизма политическаго, то это — явленіе преходящее, вызываемое данной минутой. И, быть можетъ, недалеко время, когда въ немъ не будетъ больше надобности. Исчезнутъ истязанія, умолкнутъ вопли — и тогда по истинѣ наступитъ „время, всѣхъ освѣщающее“.

Третья категорія—это plebs, или, какъ говорятъ въ сельскомъ хозяйствѣ, живой рабочій инвентарь. Это—матеріалъ, который всякое новое вѣяніе находитъ готовымъ. Люди эти всѣмъ восхищаются, особливо стилемъ бумагъ и остротою пера. „Вотъ такъ загнулъ!“ восклицаютъ они въ восторгѣ: „поди, расхлебай!“ Сплошной массой наполняя канцеляріи, они до того сродняются съ атмосферой „своего мѣста“, что перестаютъ даже различать, чѣмъ пахнетъ.

Грибоѣдовъ воспроизвелъ этотъ типъ въ своемъ безсмертномъ Молчалинѣ. Это человѣкъ, въ пеленкахъ познавшій натискъ судьбы и потому готовый отдать себя въ рабство кому угодно и куда угодно, готовый поклониться и истинному Богу, и пустому идолу, не имѣя ни способности, ни навыка проникать въ сущность вещей. Одно качество, которое до извѣстной степени смягчаетъ его суетливую готовность—это отсутствіе злостности. Все въ дѣятельности этихъ людей запечатлѣно неразумѣніемъ и твердой рѣшимостью удержать за собой тотъ нищенскій кусокъ, который имъ выбросила судьба. Это неразумѣніе, эта прирожденная, несознанная приниженность спасаетъ ихъ отъ проклятій.

Тѣмъ не менѣе, внѣшніе признаки, въ которыхъ выражается то или другое вѣяніе, они отличаютъ прекрасно. Знаютъ, что Петръ Иванычъ—не то, что Ѳедоръ Семенычъ, что каждый изъ нихъ „загибаетъ“ по своему, и что за каждымъ слѣдуетъ своя свита. Понимаютъ, что когда Петръ Иванычъ въ ходу, то Ѳедора Семеныча съ его свитой слѣдуетъ избѣгать—и наоборотъ. Умѣютъ опускать очи при встрѣчѣ, дѣлать видъ, что не узнаютъ или не замѣчаютъ, охотно прислушиваются къ слухамъ и въ особенности выказываютъ тревожное расположеніе духа передъ праздниками, когда Петры Иванычи смѣняютъ Ѳедоровъ Семенычей, а Ѳедоры Семенычи—Петровъ Иванычей. Не то чтобъ они видѣли впереди какую-нибудь угрозу—„безъ насъ не обойдутся!“—говорятъ они съ гордостью,—но все-таки надо хотя наканунѣ почиститься и перемѣнить бѣлье, чтобы хоть по наружности предстать въ новомъ образѣ.

Дѣятельной роли они не играютъ. Встаютъ съ мѣста, когда входитъ начальство, и садятся, когда оно уходитъ. Ежели начальникъ—бель-омъ, то они радуются; ежели начальникъ маленькій и мозгливый, то и тутъ не печалятся, а говорятъ: „птичка невеличка, да ноготокъ востёръ“. Всѣ начальники хороши и все идетъ прекрасно въ нан-

лучшемъ изъ міровъ. Нерѣдко имъ приходится совершать дѣла прямо вредныя; но такъ какъ сущность вещей закрыта для нихъ, то они всю свою дѣятельность вообще прикрываютъ словомъ: „мѣропріятіе“, и затѣмъ никакихъ душевныхъ тревогъ уже не ощущаютъ.

Ни въ обществѣ, ни въ публичныхъ мѣстахъ ихъ не встрѣтишь, кромѣ извѣстныхъ улицъ, которыя въ опредѣленные часы бываютъ запружены ими. Издали видно, какъ въ толпѣ людей всякаго наименованія спѣшитъ маленькій пестрый человѣкъ въ „свое мѣсто“, чтобы за утро пустить нѣсколько стрѣлъ въ невѣдомое пространство. Куда летятъ эти стрѣлы, кого они уязвляютъ—это тайна, въ которую онъ никогда не проникаетъ.

Дома онъ счастливъ. Разсказываетъ ходячіе канцелярскіе анекдоты и восхищается начальствомъ.

— Какая сегодня записка насчетъ либераловъ къ намъ отъ NN поступила—просто романъ!—сообщаетъ онъ женѣ.

— Расчухали наконецъ!—радуется и жена.

— Да, пора-таки, а не то... Вѣдь отъ нихъ все зло пошло!

И такъ далѣе.

По праздникамъ онъ рѣжетъ пирогъ той самой рукой, которая невѣдомо кому разбила существованіе. Ежели у него есть дѣти, то онъ радуется на нихъ и спрашиваетъ, хорошо ли учили уроки и довольны ли ими начальники. Этимъ людямъ никогда не приходитъ въ голову, что дѣти могутъ современемъ ужаснуться той обстановки и тѣхъ разговоровъ, среди которыхъ они выросли. Вообще никакого представленія о той грызущей семейной боли, которая сторожитъ ихъ впереди, они не имѣютъ. Идутъ безъ ясно опредѣленной цѣли до тѣхъ поръ, пока боль сама не подкрадется и не заставитъ изойти кровью сердца ихъ. Вмѣстѣ съ этою болью подкрадутся и старческія немощи, и они будутъ изнемогать подъ этимъ двойнымъ бременемъ... опять-таки безъ разумѣнія.

И благо имъ, ибо разумѣніе не устраняетъ и не утишаетъ болей, а только мучительнѣе и мучительнѣе растравляетъ сердечныя раны.

Въ сущности, это прирожденныя жертвы общественнаго темперамента. Общество искони воспитало въ себѣ особую среду и заранѣе обрекло ее. Выходъ изъ нея представляетъ рѣдкую случайность, область которой нѣсколько расширилась лишь въ послѣднее время,

благодаря большей доступности публичнаго образованія. Но въ то же время расширилась и область больныхъ мѣстъ.

Повторяю: всѣ три категоріи пестрыхъ людей одинаково вредны, каждая въ своей сферѣ; но люди двухъ последнихъ не могутъ не возбуждать сожалѣнія, хотя бы съ той точки зрѣнія, что въ качествѣ рабовъ они несутъ только иго апостазіи, не пользуясь ея осязаемыми благами. Въ награду за эту отрицательную заслугу судъ исторіи пройдетъ о нихъ молчаніемъ.

На этомъ я заканчиваю „Пестрыя Письма“.

III.

НЕДОКОНЧЕННЫЯ БЕСѢДЫ

[1873—1884 гг.]

Глава I.

Пріятель мой Глумовъ — человѣкъ очень добрый, но въ то же время до крайности мрачный. Ни одной веселой мысли у него никогда не бываетъ, ни одного такъ-называемаго упованія. Еще будучи въ школѣ, онъ не питалъ ни малѣйшаго довѣрія ни къ профессорамъ, ни къ воспитателямъ. По выходѣ изъ школы, онъ перенесъ тотъ же безнадежный взглядъ и на болѣе обширную сферу жизни. Самое отрадное явленіе жизни, отъ котораго всѣ публицисты приходятъ въ умиленіе, онъ умѣетъ ощипать и сократить до такихъ размѣровъ, что въ результатѣ оказывается или выѣденное яйцо, или накость. На самыя свѣтлыя чаянія онъ въ одно мгновеніе ока набрасываетъ такой сермяжный мундиръ, что просто хоть не уповай! Это до такой степени тяжело, что когда онъ приходитъ ко мнѣ, человѣку „упованій“ по преимуществу, то мнѣ положительно становится не по себѣ.

И не то чтобы Глумовъ былъ обойденъ судьбою, былъ бѣденъ или по службѣ терпѣлъ неудачи — нѣтъ, въ этомъ отношеніи онъ устроился очень удовлетворительно. А просто ропщетъ—и все тутъ. Придетъ, сядетъ, задумается, обопрется головой объ руку и начнетъ черезъ часъ по ложкѣ задавать самые неожиданные, можно сказать, даже щекотливые вопросы. — Куда дѣвалось наше молодое поколѣніе? Отчего въ настоящее время люди такъ охотно лишаютъ себя жизни? Отчего у насъ нѣтъ критики? Правда ли, что на дняхъ должно послѣдовать, въ административномъ порядкѣ, окончательное рѣшеніе женскаго вопроса? Правда ли, что въ газетѣ „Чего изволите?“ готовится рядъ статей объ учрежденіи единой и нераздѣльной желѣзно-

дорожной станціи? и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ онъ разсуждаетъ пространно и озлобленно, и хотя я не разъ пытался поворотить его на путь упованій, но долженъ сознаться, что всѣ мои усилія въ этомъ смыслѣ остались тщетными. Теперь я большею частью выслушиваю его молча, и только въ случаѣ крайней необходимости играю роль актера, подающаго реплику.

Но, несмотря на постоянно придирчивое настроеніе духа моего пріятеля, я считаю его человѣкомъ въ высшей степени для меня полезнымъ. Мы оба воспитывались въ одномъ и томъ же заведеніи, оба принадлежимъ къ школѣ сороковыхъ годовъ, но онъ пошелъ по пути озлобленія, а я — по пути упованій. Что-жъ! если намъ такъ нравится, то въ этомъ еще большой бѣды нѣтъ. Для меня даже удобно, что мы идемъ разными дорогами, потому что, при моемъ безпечномъ характерѣ, Глумовъ играетъ въ моей жизни роль memento mori, возвращающаго меня къ чувству дѣйствительности. Повидимому мое существованіе идетъ вполнѣ благополучно, ибо я постоянно живу въ сферѣ сладкой увѣренности, что современемъ все разъяснится. Вчера я былъ въ Михайловскомъ театрѣ — видѣлъ „La fille de m-me Angot“; сегодня иду въ театръ Буффъ — увижу „La fille de m-me Angot“; завтра отправляюсь въ Маріинскій театръ — и опять возобновляю въ своей памяти „La fille de m-me Angot“. Что можетъ быть благополучнѣе этого неразнообразнаго, но за то совершено вѣрнаго благополучія! Нѣтъ у меня ни митинговъ, ни парламентовъ, за то есть „La fille de m-me Angot“ въ трехъ интерпретаціяхъ; а быть можетъ — на милость образца нѣтъ! — будетъ и „Tymbale d'argent“. Хожу я безпечно по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта и напѣваю:

Pour qu'on admire tes appas,
Il faut que les miens ne se montrent pas!

— и вдругъ, несмотря на полнѣйшее благополучіе, чувствую, что мнѣ чего-то хочется. Чего именно хочется — этого, по безпечности характера, я и самъ съ достовѣрностью опредѣлить не могу. Можетъ быть, хочется парламента (съ жиру какія фантазіи не забредутъ въ голову?); можетъ быть, съѣсть чего-нибудь; можетъ быть, опять послушать „La fille de m-me Angot“ въ четвертой интерпретаціи; можетъ быть, забраться въ какую-нибудь канцелярскую коммиссію и тамъ заснуть... Но заснуть...

...не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,

а такъ, чтобъ и день, и ночь надо мною заливались канцелярскіе соловьи...

И вотъ, въ эту-то тяжкую минуту недоумѣнія, когда я отъ нечего-дѣлать готовъ освѣдомиться у перваго встрѣчнаго, на какой улицѣ помѣщается нашъ парламентъ, со мною равняется мой озлобленный другъ и озадачиваетъ меня вопросомъ:

— Да скоро ли же наконецъ начнется печатаніе ряда статей о единой и нераздѣльной желѣзнодорожной станціи? Что они мямлятъ!

Услышавши этотъ вопросъ, я вдругъ возвращаясь къ чувству дѣйствительности и начинаю понимать, чего мнѣ хочется. Да, говорю я себѣ, не нужно для моего благополучія ни парламентовъ, ни митинговъ, ни земскихъ собраній! А нужно только, чтобъ газета „Чего изволите?“ каждый день неупустительно твердила мнѣ, что Россія тогда только будетъ счастлива, когда вполнѣ исчерпается вопросъ о необходимости учрежденія единой и нераздѣльной желѣзнодорожной станціи.

„Господи!—думаю я:—сколько разнообразнѣйшихъ эпизодовъ заключаетъ въ себѣ этотъ повидимому бросовый вопросъ! у скольких читателей можно будетъ вымотать душу, если умненько развивать его и не торопясь довсдить до предѣловъ послѣдней ясности!“

Такъ вотъ объ этомъ-то пріятелѣ я и намѣреваюсь отъ времени до времени бесѣдовать, или, лучше сказать, не столько объ немъ самомъ, сколько о тѣхъ мрачныхъ вопросахъ, которыми онъ имѣетъ обыкновеніе возвращать меня къ чувству дѣйствительности. Если обстоятельства позволятъ, я постепенно переберу большую часть занимавшихъ насъ вопросовъ, а чтобъ не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, начинаю теперь же съ одного изъ капитальнѣйшихъ: куда дѣвалось наше молодое поколѣніе?

На дняхъ приходитъ ко мнѣ Глумовъ, какъ-то особенно-мрачно настроенный. Садится, подпираетъ рукой голову, закуриваетъ сигару и начинаетъ исподволь рычать.

— Чортъ знаетъ что дѣлается! Отвратительно становится жить! —разражается онъ наконецъ.

Я сижу какъ на иголкахъ, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ огорошитъ меня.

— Правда ли,—говоритъ онъ наконецъ, съ трудомъ сдерживая

свой гнѣвъ: — правда ли, что газета „Чего изволите?“ предполагаетъ въ будущемъ году украшать столбцы полнымъ переводомъ заграничныхъ путеводителей Бедекера?

— Послушай, мой другъ! отчего у тебя всегда такія унылыя мысли?

— Гм... унылыя! почему же ты называешь ихъ унылыми?

— Потому что это, наконецъ, Богъ знаетъ какой отчаянный скептицизмъ! Кто же когда-нибудь сомнѣвался, что подъ тою или другой формой, а „Чего изволите“ *непремѣнно* напечатаетъ полный переводъ *всѣхъ* „путеводителей“ Бедекера!

— Такъ, стало быть, правда?

— Столь же истинно, какъ и то, что вслѣдъ за Бедекеромъ предполагается перепечатать географію Ободовскаго со всѣми выпусками, сдѣланными цензурою въ первомъ ея изданіи!

Наступило нѣсколько минутъ тягостнѣйшаго молчанія, въ продолженіе котораго лицо моего друга дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. Ясно было, что эффектъ, произведенный на меня вопросомъ о Бедекерѣ, не удовлетворилъ его, и что онъ обдумываетъ средства такъ меня огорошить, чтобъ я, какъ говорится, не усидѣлъ, не устоялъ. Наконецъ идея созрѣла. Онъ поднялся съ кресла и почти угрожающимъ тономъ обратился ко мнѣ:

— Ну, чортъ съ нимъ, съ Бедекеромъ! Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что̀ скажи: куда дѣвалось наше молодое поколѣніе?

Переходъ былъ такъ неожиданъ, что по началу я не вдругъ собрался съ мыслями. Мнѣ показалось, что я не въ первый разъ слышу этотъ вопросъ, что и въ моей головѣ когда-то мелькало нѣчто подобное. Но отчего же вопросъ этотъ только мелькалъ и ни разу не нашелъ для себя ясной формулы? оттого ли, что мысль моя слишкомъ робка и лѣнива для разработки подобныхъ сюжетовъ, или оттого, что самый вопросъ неосновательенъ и не имѣетъ никакихъ корней въ современной дѣйствительности?

Вскорѣ однакожъ я оправился отъ смущенія. Обратившись къ своей памяти, я нашелъ въ ней такую безконечную вереницу молодыхъ адвокатовъ, молодыхъ земскихъ дѣятелей, молодыхъ бюрократовъ, молодыхъ фельетонистовъ (они же, по нуждѣ, и публицисты), что подозрительность моего друга-мизантропа показалась мнѣ просто смѣшнымъ парадоксомъ.

— А наши адвокаты?—началъ я:—надѣюсь, что ты не будешь отрицать...

— Адвокаты, ты говоришь? Но развѣ ихъ можно называть представителями, а тѣмъ болѣе руководителями интеллигенціи? Люди, которые занимаются отниманіемъ чужой собственности! развѣ это свойственное „молодому поколѣнію“ занятіе? развѣ это занятіе вообще?

— Позволь! ты сказалъ: люди, занимающіеся отниманіемъ чужой собственности! По моему, это не совсѣмъ вѣрно. Есть, конечно, адвокаты, которые свою дѣятельность посвящаютъ преимущественно отниманію; но я увѣренъ, что есть многіе, которые занимаются не отниманіемъ, а только возвращеніемъ собственности отъ незаконнаго владѣльца къ законному!

Во-первыхъ, разграничить это очень трудно, если не невозможно. Адвокатъ не исповѣдникъ, и самый честный изъ нихъ не можетъ поручиться, что ему извѣстна интимная сторона дѣла, а между тѣмъ она-то, собственно говоря, и составляетъ настоящую суть. Поэтому ни ты, ни онъ не въ состояніи опредѣлить, гдѣ кончается „отнятіе“ и гдѣ начинается „возвращеніе“. А во-вторыхъ это даже и не существенно для меня. Отнимаетъ ли адвокатъ собственность, или возвращаетъ ее,—все-таки онъ занимается ремесломъ, къ которому молодое поколѣніе, взятое въ смыслѣ двигающей интеллигенціи, должно относиться совершенно безразлично.

— Но вѣдь если гражданскій судъ существуетъ, нельзя же его игнорировать, душа моя! Есть истцы, есть отвѣтчики — не можетъ же общество...

— Обойтись безъ адвокатовъ? — Совершенно вѣрно. Общество нуждается въ самыхъ разнообразныхъ профессіяхъ, я это понимаю. Но вѣдь есть безчисленное множество молодыхъ сапожниковъ, молодыхъ слесарей, молодыхъ золотарей, — и никому однакожъ не приходитъ въ голову сопричислять ихъ къ „молодому поколѣнію“! А ежели говорить по совѣсти, такъ, пожалуй, эти почтенные ремесленники имѣютъ даже больше правъ на это названіе, нежели адвокаты. Ихъ мысль не изувѣчена, въ ихъ дѣйствіяхъ нѣтъ злостности. Если сапожникъ шьетъ тебѣ сапоги, то онъ дѣлаетъ это безъ предвзятаго намѣренія устроить у тебя на ногахъ мозоли, между тѣмъ какъ большинство адвокатовъ именно одну мозоль и имѣетъ въ виду.

— Какъ хочешь, но это парадоксъ, mon cher!

— Очень возможно; но я того мнѣнія, что слово: „парадоксъ“, глупые люди выдумали. Тѣ люди, которымъ непонутру истина и которые въ то же время не знаютъ, что̀ возразить противъ нея. А впрочемъ парадоксъ такъ парадоксъ: меня, братъ, жалкими словами не огорошишь! Постараемся быть еще парадоксальнѣе. Хочешь ли ты, напримѣръ, знать, какое старинное ремесло напоминаетъ мнѣ ремесло современныхъ русскихъ адвокатовъ?

— Любопытно...

— Ремесло непомнящихъ родства бродягъ. Эти люди никогда не могли опредѣлить себѣ заранѣе, гдѣ они проведутъ слѣдующій часъ или по крайней мѣрѣ слѣдующую ночь. Такъ точно и современный русскій адвокатъ: онъ никогда не можетъ сказать, въ какомъ вертепѣ проведетъ слѣдующій часъ своей жизни, въ вертепѣ ли „возвращенія“, или въ вертепѣ „отниманія“.

— И опять-таки парадоксъ! Блестящій... но парадоксъ!

Мой другъ взглянулъ на меня удивленными глазами и потянулся за шляпой.

— Блестящій... но парадоксъ! — передразнилъ онъ меня: — и откуда ты выражаться такъ выучился? Ему дѣло говорятъ, а онъ: „блестящій... но парадоксъ!“ И кто далъ тебѣ право думать, что я желаю блистать передъ тобой? Прощай.

— Постой! зачѣмъ уходить! Поговоримъ. Ты знаешь: du choc des opinions...

— Оставь!

— Ну, хорошо, хорошо! не буду! Но согласись, что и между адвокатами... вѣдь не всѣ же чужую собственность... возвращаютъ! Я знаю очень многихъ, которые даже къ мысли о вознагражденіи относятся безъ особенной страстности, а просто увлекаются тонкостями ремесла. Юридическая практика, душа моя, представляетъ такой разнообразный міръ, который самъ по себѣ можетъ увлечь... право, даже независимо отъ вознагражденія!

— Ну?!

— Есть, братецъ, такіе юридическіе вопросцы, разрѣшеніе которыхъ даже въ общечеловѣческомъ смыслѣ далеко не безполезно. Напримѣръ, представь себѣ, что я обѣщалъ тебѣ подарить что-нибудь — что̀ означаетъ это дѣйствіе? Представляетъ ли оно обяза-

тельство, или только обольщеніе? Въ законахъ-то, братъ, на этотъ счетъ бабушка на-двое сказала, а между тѣмъ для человѣчества... Какъ же тутъ не увлечься... даже помимо мысли о предстоящемъ вознагражденіи?

— А я, стало быть, долженъ разыгрывать роль anima vilis, на которой ты будешь упражнять свою юридическую любознательность? Прощай.

— Да постой же. Ну, пожалуй, уступлю тебѣ адвокатовъ. Коли хочешь, уступлю еще бюрократовъ...

— Славу Богу! еще на двугривенный уступилъ!

— Ну, да, уступаю тебѣ и адвокатовъ, и бюрократовъ! Que diable! Въ самомъ дѣлѣ, какое же это „молодое поколѣніе“! Какую двигающую мысль они собой представляютъ! Одни исполняютъ предначертанія начальства, другіе находятъ болѣе выгоднымъ исполнять предначертанія своихъ кліентовъ! Да, я согласенъ: тутъ даже интеллигенціи нѣтъ никакой! Но что ты скажешь, напримѣръ, о нашихъ земскихъ дѣятеляхъ?

— Это о тѣхъ, что-ли, что въ земскихъ-то собраніяхъ гудятъ?

— Гудятъ? опять-таки рѣзкое выраженіе, и ничего больше. Гудятъ или не гудятъ — это вѣдь безразлично, мой другъ! Для насъ важно одно: сила это или не сила?

— Сила... комариная!

— Комариная... позволь! Но вѣдь и комаръ иногда можетъ... вспомни-ка басню о комарѣ и львѣ!

— Такъ вѣдь тотъ комаръ умный былъ! онъ въ самую мякоть залѣзъ! а наши земскіе комары и мѣста-то такія излюбили, откуда ихъ всего удобнѣе смахнуть можно! Смахнулъ — и нѣтъ его! Да и какое это „молодое поколѣніе“! Я, братъ, прошлымъ лѣтомъ въ „своихъ мѣстахъ“ былъ, такъ на земское собраніе взглянуть полюбопытствовалъ: все подъ рядъ сивое мерины сидятъ.

— Ну, вотъ видишь! какъ же тебѣ не сказать, что ты парадоксы говоришь! Сивое мерины!.. Но развѣ у стариковъ не могутъ быть молодыя мысли?

Но Глумовъ даже не отвѣтилъ на мой вопросъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету, хмуря брови и что-то вполголоса напѣвая. По временамъ онъ останавливался противъ меня, вперялъ въ меня мутно-сосредоточенный взглядъ и какъ бы машинально произносилъ:

— Душка!

Однако я далеко не сознавалъ себя побѣжденнымъ. Мнѣ даже показалось нѣсколько обиднымъ, что онъ такъ легко относится къ моимъ мнѣніямъ. Душка! что̀ это за слово! развѣ это опроверженіе! И я пустилъ ему въ упоръ:

— Такъ и земскіе дѣятели не угодили тебѣ! Отлично! Люди, которые такъ охотно сами себя облагаютъ сборами... которые такъ смѣло выразились по вопросу о всеобщей воинской повинности... Это не интеллигенція! И не забудь, что независимо отъ сейчасъ названныхъ вопросовъ у нихъ на плечахъ всѣ мосты и перевозы! И это не интеллигенція... прекрасно! Что̀ же ты послѣ этого скажешь о нашей новой литературѣ? Надѣюсь...

— Надѣйся!

— Душа моя, это не отвѣтъ! Если ты хочешь диспутировать, то диспутируй серьезно! Прежде всего надо уважать мнѣнія своего противника!

— Хорошо. Хоть я и не согласенъ насчетъ „уваженія“ (вѣдь уваженіе достается само собой, а не предписывается), но пусть на этотъ разъ будетъ по твоему. Давай диспутировать. Хочешь ли ты знать, что̀ такое твоя *новая* литература?

— Желаю знать.

— Изволь. Это средней руки кокотка, которая утратила даже сознаніе, что женщинѣ легкаго поведенія больше, нежели всякой другой, необходимо соблюдать опрятность.

— Ого-го!

— Ты не думай однакожъ, что я говорю это въ видахъ защиты старой литературы нашей. Я знаю, что литература у насъ во всѣ времена занималась гимнастикою недомолвокъ и изнурительнымъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее. Но у старой литературы была извѣстная опрятность, безъ которой податливая женщина дѣлается просто отвратительною. Она умѣла вò-время остановиться, умѣла видѣть въ читателѣ честнаго человѣка. А нынѣче даже руководящій принципъ опрятности утратилъ свою обязательность.

— И опять-таки пара... — заикнулся-было я, но, вспомнивъ, что употребленіе слова: „парадоксъ“ строжайше воспрещено, продолжалъ: — подумай однакожъ, мой другъ! не отзывается ли такой

взглядъ на нашу новую литературу слишкомъ исключительнымъ ригоризмомъ? Воля твоя, а это ригоризмъ!

— И „парадоксъ“, и „ригоризмъ“ —два родные брата. Впрочемъ это я только къ слову, и если ты окончательно не можешь безъ того обойтись, то сдѣлай милость, уснащай свою рѣчь ригоризмами, парадоксами и вообще всѣми пустопорожними выраженіями, которыми такъ богатъ пѣнкоснимательный лексиконъ. Затѣмъ прошу тебя понять мою мысль. Я самъ не щепетиленъ, и ежели мнѣ приходится выбирать между славословіемъ и сквернословіемъ — я всегда предпочту послѣднее. Что дѣлать? таковъ, братецъ, духъ русскаго языка! Сквернословіе образнѣе, а образность — слабость моя. Поэтому я не о внѣшней опрятности говорю, которая можетъ нравиться и не нравиться, но которая ни въ какомъ случаѣ не задѣваетъ внутренняго человѣка. Я говорю о той внутренней опрятности, которая заставляетъ человѣка если не бороться съ нечистоплотными мыслями, то по крайней мѣрѣ не такъ свободно выбалтываться!

— Примѣровъ, душа моя, примѣровъ!

— Примѣровъ? а какой афоризмъ выработала новѣйшая русская литература, въ качествѣ руководящаго жизненнаго принципа? — этотъ афоризмъ: „наше время не время широкихъ задачъ“. Развѣ это не довольно погано? Съ какимъ словомъ обращалась литература къ нашему „молодому поколѣнію“?..

— Вотъ видишь, ты, стало быть, самъ признаешь, что у насъ есть молодое поколѣніе?—перебилъ я.

— Было, да сплыло... но не перебивай; объ этомъ рѣчь еще впереди... И такъ: съ какимъ словомъ обращалась литература къ „молодому поколѣнію“? съ словомъ глумленія и много-много съ словомъ дряблаго соболѣзнованія! Укажи мнѣ на то увлеченіе, которое не было бы въ нашей литературѣ забрызгано грязью и не возведено въ квадратъ! Скажи, когда въ другое время литература сколько-нибудь опрятная позволила бы себѣ остановиться на мысли, что жизнь есть непрерывная игра въ бирюльки, и кто больше бирюлекъ вытащитъ, тотъ больше и заслужитъ передъ любезнымъ отечествомъ. „Наше время — не время широкихъ задачъ“! И это говорится въ такую минуту, когда ни широкимъ, ни какимъ задачамъ доступа въ литературу нѣтъ! Растолкуй, что это такое: отупѣлость, подвиливаніе или просто глупость?

— Но вѣдь нельзя же, чортъ побери, запрещать людямъ высказывать свои убѣжденія! Если мое убѣжденіе таково, что наше время—не время широкихъ задачъ, то почему же я, изъ-за какихъ-то ложныхъ опасеній, стану воздерживаться и насиловать себя?

— Да по тому же закону приличія, по которому ты воздерживаешься отъ нѣкоторыхъ естественныхъ отправленій въ публичныхъ мѣстахъ. Но если таково твое *убѣжденіе*...

— Постой. Я совсѣмъ не говорю, что это мое убѣжденіе. Напротивъ, я самъ всегда говорилъ, что приведенная тобой фраза черезъчуръ уже рѣшительна. Я сознаюсь, что можно бы и другую форму употребить... а пожалуй даже и никакой формы не употреблять... Но вѣдь ежели отбросить форму, ежели взглянуть только на сущность... согласитесь, qu'au fond il y a du vrai dans tout cecі!

Но онъ опять оставилъ мое возраженіе безъ отвѣта и молча ходилъ по кабинету, такъ что я имѣлъ нелѣпый видъ человѣка, говорящаго „мысли вслухъ“, адресуемыя въ пространство. Можетъ быть, его разсердила моя заключительная французская фраза. Онъ всегда говорилъ мнѣ, что я съ своими французскими фразами, пересыпанными „парадоксами“, „ригоризмами“ и проч., представляю счастливое сочетаніе кокодеса и пѣнкоснимателя. Какъ бы то ни было, но черезъ минуту послѣ того онъ вновь остановился противъ меня, вперилъ въ меня не то безпредмѣтный, не то лукавый взглядъ, и, ущипнувъ меня за обѣ щеки (что дѣлать! ради стараго товарищества, я даже эту фамильярность прощаю ему), произнесъ:

— Душка!

Потомъ, проскакавъ на одной ножкѣ изъ одного конца въ другой (что было въ немъ признакомъ рѣдкаго прилива веселости), подпѣвалъ:

Ахъ! не могу я не сознаться!
Но и признаться не могу!

— Въ этихъ словахъ—вся суть современной русской литературы!—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—Тутъ есть все: и малодушіе, исправленное малоумiемъ, и малоуміе, ищущее для себя смягчающихъ обстоятельствъ въ малодушіи!

— Но развѣ ты не знаешь условій нашей литературы! Развѣ не ужаснѣйшее это положеніе: надобно говорить, а говорить нельзя!

— Или другими словами: хоть тресни, а говори! Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ будь же опрятенъ. Не забѣгай, не заискивай! Не гаркай во все горло афоризмовъ, которые ничего, даже состраданія въ литературныхъ меценатахъ, возбудить не могутъ!

— Согласись, однакожъ, что при необходимости говорить ежедневно не мудрено и провраться!

— У кого есть въ головѣ царь, кто выработалъ себѣ извѣстный взглядъ на общность жизненныхъ явленій, тотъ такимъ капитальнымъ образомъ не проврется. Но довольно объ литературѣ. Резюмируемъ нашъ споръ. Изъ трехъ образчиковъ современнаго молодого поколѣнія, на которые ты указалъ, одни занимаются отниманіемъ чужой собственности; другіе представляютъ собой принципъ безсодержательнаго гудѣнія и комариной силы; третьи наконецъ провозглашаютъ: не торопитесь! ждите разъясненій! наше время—не время широкихъ задачъ! Гдѣ же молодое-то поколѣніе?

На этотъ разъ задумался и я. Во мнѣ происходила борьба. Съ одной стороны, слова этого лишеннаго упованій человѣка дѣйствовали на меня заразительно; съ другой—я никакъ не могъ побѣдить въ себѣ мысли: какъ же это такъ? каждый день я гуляю по Невскому и вижу пропасть молодыхъ людей всевозможныхъ оружій,—и вдругъ вопросъ: куда дѣвалось наше молодое поколѣніе?

— Душа моя!—сказалъ я тоскливо: — да сообрази же ты, сдѣлай милость! вѣдь еслибы не существовало молодого поколѣнія, не прекратился ли бы человѣческій родъ?!

— Чудакъ? развѣ я въ жеребячьемъ смыслѣ съ тобой говорю! — отвѣтилъ онъ мнѣ съ нетерпѣніемъ: — я вѣдь знаю, что въ *производителяхъ* нигдѣ никогда недостатка не бывало!

Опять горькое сомнѣніе! ужели вся эта молодежь, гремящая саблями о тротуары, наполняющая воплями наши суды, изливающая на всю Россію потокъ циркуляровъ, увлекающаяся вопросами о дареніи, объ единоутробіи, объ истинныхъ признакахъ взлома, произносящая въ земскихъ собраніяхъ угнетающія рѣчи о неизбѣжности мостовъ и переправъ, добросовѣстно пережевывающая въ литературѣ вопросы о необходимости ожидать дальнѣйшихъ разъясненій — ужели все это только производители, способные лишь на то, чтобы производить другихъ такихъ же производителей?

Если это такъ, если Глумовъ говоритъ правду, то что же ожи-

даетъ насъ впереди? Не должна ли, при подобныхъ условіяхъ, самая исторія прекратить теченіе? Положимъ, что наше, то-есть нынѣ дѣйствующее молодое поколѣніе—отпѣтое; допустимъ, что за него, въ смыслѣ двигающей силы, нельзя дать полъ-гроша — но въ такомъ случаѣ какъ же мы живемъ? Вопросы о неизбѣжности мостовъ и перевозовъ, о необходимости ожидать разъясненій — все это вопросы безспорно полезные, но развѣ ими человѣчество живетъ и движется, развѣ они составляютъ содержаніе исторіи? Должна же быть гдѣ-нибудь эта необходимая двигающая сила! Быть можетъ, она скрывается въ школахъ; быть можетъ, разъединенная, но умудренная опытомъ, она продолжаетъ дѣло движенія, измѣнивъ лишь обстановку его и набросивъ на него, до поры до времени, пелену непроницаемости?

— Есть у насъ наконецъ цѣлый міръ учащихся! — рискнулъ замѣтить я.

— Да, есть; есть учащіе, должны быть и учащіеся.

— Неужели же ты и ихъ не причисляешь къ молодому поколѣнію?

— Вотъ видишь ли, любезный другъ! я имѣю привычку говорить только о томъ, что доподлинно знаю, а развѣ можно что-нибудь знать объ учащихся! Учащееся поколѣніе находится внѣ арены исторической жизни; въ массѣ это — матеріалъ, на которомъ такъ или иначе можетъ отразиться духъ современности, но не агентъ этого духа. Взгляни на каплуновъ-пѣнкоснимателей современной литературы! вѣдь и они были когда-то учащимся поколѣніемъ и даже, пожалуй, горѣли энтузіазмомъ къ Грановскому — а что изъ нихъ вышло?!

— Но если я не ошибаюсь, наша литература именно въ учащихся и видѣла „молодое поколѣніе“, когда указывала на нѣкоторыя особенности современной русской жизни?

— Да вѣдь это, братецъ, дѣлалось для того, чтобъ смѣшнѣе вышло. Въ послѣднее время наша литература поставила себѣ совершенно новую задачу: изобразить въ смѣшномъ видѣ всѣ цѣли, къ которымъ стремилась передовая мысль. Какимъ образомъ достичь этого? заставить начальника отдѣленія разсуждать „о пищѣ“ по Молешотту и „происхожденіи видовъ“ по Дарвину—пожалуй, выйдетъ и смѣшно, но смѣхъ надъ такими „особами“ нежелателенъ. За-

ставить дѣйствительнаго представителя молодого поколѣнія о тѣхъ же предметахъ бесѣдовать — того гляди, не будетъ смѣшно. Стало быть, лучше всего взять подростка и предоставить ему изъяснять своимъ родителямъ, что они отъ обезьяны происходятъ. И пронзительно, и смѣшно. Вѣдь я же говорилъ тебѣ, что новѣйшая русская литература есть средней руки кокотка, которая позабыла, что для нея прежде всего обязателенъ законъ чистоплотности!

— Однако нельзя же предполагать, чтобы литература такъ нагло лгала. Вѣроятно было же нѣчто подобное, если даже наша нечуткая литература о томъ засвидѣтельствовала?

— Еще бы не было! Дѣло дѣтское. Но вѣдь подобные факты доказываютъ только одно: что въ обществѣ въ данный моментъ господствуетъ извѣстное направленіе. Если въ обществѣ царствуетъ вкусъ къ военнымъ упражненіямъ — дѣти маршируютъ, играютъ въ солдатики и бьютъ въ барабаны; если общество озабочено только огражденіемъ общественной безопасности — дѣти фискалятъ, наушничаютъ и т. п.; если въ общество проникаетъ стремленіе провѣрить авторитеты, дотолѣ руководившіе имъ — дѣти начинаютъ объяснять родителямъ, что они происходятъ отъ обезьянъ. Это вопросъ педагогическій, а не политическій; а потому тотъ, кто хочетъ рисовать общество, а не каррикатуру на него, долженъ брать предметомъ для своихъ изслѣдованій взрослыхъ, а не дѣтей.

Такимъ образомъ и эта попытка отстоять существованіе „молодого поколѣнія“, въ качествѣ дѣйствующей, двигающей силы, рушилась. Нѣтъ молодого поколѣнія. Есть адвокаты, есть земскіе дѣятели, есть литераторы, сапожники, золотари, производители — все, что̀ угодно, исключая „молодого поколѣнія“!

— Да вѣдь ты сейчасъ же самъ обмолвился, что оно *было*, это искомое „молодое поколѣніе“? — обратился я къ Глумову.

— Не „обмолвился“, а говорилъ утвердительно, и теперь утвердительно повторяю: было!!

— Гдѣ же оно?

— Это, братъ, исторія длинная и горестная. Можетъ быть, разскажу ее тебѣ — но *въ другой разъ*...

Глава II.

Первый часъ утра; вслѣдъ за сильнымъ звонкомъ вбѣгаетъ въ мой кабинетъ Глумовъ, на лицѣ котораго я читаю, что онъ намѣренъ въ чемъ-то поймать или уличить меня.

Наканунѣ мы съ нимъ таки-поспорили. По обыкновенію онъ предложилъ загадку: отчего умственный уровень упалъ вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, исключая желѣзнодорожной?—и по обыкновенію же я отвѣчалъ, что прежде надобно еще доказать пониженіе умственнаго уровня, а потомъ ужъ искать причину, такъ какъ, по мнѣнію моему, умственный уровень не только не понизился, но съ Божьею помощью идетъ все въ гору и въ гору. Въ подтвержденіе я сослался на музыку и указалъ на блестящую плеяду молодыхъ русскихъ композиторовъ, на ея стремленіе осмыслить міръ звуковъ, приспособить его къ точному выраженію разнообразнѣйшихъ жизненныхъ функцій, начиная отъ самыхъ простѣйшихъ и кончая самыми сложными.

— Прежде,—говорилъ я:—музыка выражала только неясныя ощущенія печали и радости, да и тутъ все зависѣло не столько отъ содержанія звуковыхъ сочетаній, сколько отъ замедленія или ускоренія темпа. Теперь же найдены такія звуковыя сочетанія, въ которыхъ можно уложить даже полемику между Сѣченовымъ и Кавелинымъ. И ты ни разу не ошибешься опредѣлить: когда полемизируетъ Сѣченовъ и когда—Кавелинъ.

— То-есть, тебѣ скажетъ Неуважай-Корыто: вотъ это поетъ Сѣченовъ, а это—Кавелинъ,—и ты долженъ вѣрить.

— Нѣтъ, не Неуважай-Корыто, а ты самъ поймешь, что Сѣченовъ—basso profondo, а Кавелинъ—tenore di grazia.

— Да вѣдь и Катковъ, братецъ, basso profondo!

— Ну, нѣтъ, Катковъ—это симфонія особаго рода!

Тѣмъ бы, можетъ быть, разговоръ нашъ и кончился, но Глумовъ вдругъ запѣлъ. Сначала онъ прогремѣлъ коронаціонный маршъ изъ Мейерберова „Пророка“, а вслѣдъ за тѣмъ проурчалъ нѣсколько тактовъ изъ Vorspiel'я къ „Каменному Гостю“. Продѣлавши это, онъ какъ-то злорадно взглянулъ на меня.

Признаюсь: при всемъ несовершенствѣ голосовыхъ средствъ Глумова, разница была такъ ощутительна, что мнѣ сдѣлалось неловко.

Дѣйствительно, думалось мнѣ, есть въ этомъ Vorspiel'ѣ что-то такое, что скорѣе говоритъ о „посѣщеніи города Чебоксаръ холерою“, нежели о сказочной Севильѣ и о той теплой, благоухающей почвѣ, среди которой такъ загадочно и случайно подкашивается жизненная мощь Донъ-Жуана.

— Да ты Неуважай-Корыто знаешь?—вдругъ спросилъ меня Глумовъ.

— Немного знаю, а что?

— Ладно. Завтра скажу.

Онъ ушелъ, не произнеся больше ни слова. Теперь онъ явился.

— Идемъ!—сказалъ онъ, злорадно потирая руки.

— Куда? зачѣмъ?

— Говорю: идемъ!

Черезъ четверть часа мы были въ квартирѣ Неуважай-Корыта. Я съ любопытствомъ осматривался кругомъ, ибо здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, разрабатывался типъ той новой музыки, которой предстояло изобразить полемику Сѣченова съ Кавелинымъ. Лично Неуважай-Корыто не былъ композиторомъ (онъ впрочемъ сочинилъ музыкальную теорему, подъ названіемъ: „Похвала равнобедренному трехугольнику“), но былъ подстрекателемъ и укрывателемъ. Онъ осуществлялъ собой критика-реформатора, котораго день и ночь преслѣдовала мысль объ упраздненіи слова и о замѣнѣ его инструментальною и вокальною музыкой. Мы застали его въ халатѣ, пробующимъ какой-то невиданный инструментъ, купленный съ аукціона въ частномъ ломбардѣ (впослѣдствіи это оказалась балалайка, на которой нѣкогда игралъ Микула Селянинович). Это былъ длинный человѣкъ, съ длиннымъ лицомъ, длиннымъ носомъ, длинными волосами, прямыми прядями падавшими на длинную шею, длинными руками, длинными пальцами и длинными ногами. Халатъ у него былъ длинный, обхваченный кругомъ длиннымъ поясомъ съ длинными кистями. Это до такой степени было поразительно, что самый кабинетъ его и все, что въ немъ было, казалось необыкновенно длиннымъ.

— Вотъ тебѣ, Никифоръ Гавриловичъ, новый адептъ!—представилъ меня Глумовъ.

— Очень радъ! очень радъ! Мы немного знакомы, но на почвѣ музыки покуда еще не встрѣчались... позвольте привѣтствовать!

Онъ протянулъ мнѣ обѣ свои длинныя руки, и такъ сжалъ мои

въ своихъ костлявыхъ пальцахъ, что мнѣ показалось, словно я попалъ въ передѣлъ къ самому „Каменному гостю“.

— И скажу вамъ, — продолжалъ онъ: — что вы пожаловали очень кстати, потому что Василій Иванычъ здѣсь.

— Василій Иванычъ? кто же такой этотъ Василій Иванычъ?— легкомысленно спросилъ я.

Неуважай-Корыто сначала удивился и даже откинулся корпусомъ назадъ, но потомъ вспомнилъ нѣчто, ударилъ себя по лбу и снисходительно улыбнулся.

— Да! что-жъ я! — воскликнулъ онъ: — я и забылъ, что вы новичокъ! Вы знаете Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, Кюи — и думаете, что съ васъ этого будетъ! Но мы, батенька, — совсѣмъ другое дѣло! Мы такъ легко не удовлетворяемся! Мы не отдыхаемъ-съ! Мы ищемъ — и находимъ-съ! И находимъ — Василья Иваныча-съ!

Сказавши это, онъ троекратно вздрогнулъ отъ наслажденія и началъ длинными ногами шагать по длинному кабинету, ежеминутно длинными руками отбрасывая назадъ длинные волосы.

— Да-съ! — продолжалъ онъ: — Василій Иванычъ — это, доложу вамъ, своего рода аэролитъ-съ! Бываетъ это! Бываетъ, что вокругъ царствуетъ полнѣйшее и гнуснѣйшее затишье — и вдругъ словно камнемъ по лбу хватитъ! Это — Василій Иванычъ!

— Да что за Василій Иванычъ такой? откуда ты его выкопалъ! —заинтересовался Глумовъ.

— Ну, нѣтъ! Это покуда еще секретъ! Онъ у насъ еще подъ спудомъ! Вотъ мы его сначала выдержимъ, вышлифуемъ, а потомъ и отдадимъ Ларошамъ на поруганіе!

— По крайней мѣрѣ покажешь ты его намъ?

— Нѣтъ, и не покажу. Услышать вы его услышите, а видѣть —ни-ни. Вотъ онъ у меня здѣсь, въ этой комнатѣ, рядомъ. Съ полчаса тому назадъ онъ позавтракалъ, и теперь спитъ. Вообще онъ ведетъ удивительно правильную жизнь: половину дня ѣстъ и спитъ, другую половину на фортепьяно играетъ. Представьте себѣ, онъ никогда никакой книги не читалъ, кромѣ моихъ критическихъ статей да еще полнаго собранія либретто, изданнаго книгопродавцемъ Вольфомъ!

— Но ежели онъ ничего не читалъ, то вѣдь умственный его кругозоръ...

— Долженъ быть ограниченъ, хочешь ты сказать?—Я совершенно съ тобою согласенъ. Но мы нашли его такъ недавно, что ничего еще не успѣли сдѣлать для умственнаго его развитія: это придетъ со временемъ. Впрочемъ дѣло не въ томъ, откуда онъ почерпаетъ содержаніе для своего творчества, а въ томъ, что у него есть это содержаніе и онъ относится къ нему вполнѣ правильно. Жизнь цѣлой вселенной есть не что иное какъ безконечный контрапунктъ — вотъ исходная точка. До сихъ поръ онъ поднялъ только одинъ край завѣсы; онъ наблюлъ только простыя и несложныя явленія, но надобно видѣть, съ какою изумительною осязаемостью онъ ихъ воспроизвелъ! Засимъ, когда онъ отъ простыхъ задачъ постепенно будетъ переходить къ болѣе и болѣе сложнымъ, то самъ собою придетъ и къ воспроизведенію безконечнаго: это ужъ наша забота, какъ направить его!

При этихъ словахъ онъ инстинктивно оттопырилъ губы и испустилъ звукъ въ родѣ трубнаго. Вѣроятно подъ вліяніемъ идеи безконечнаго онъ вспомнилъ о страшномъ судѣ.

— Онъ скоро проснется! Вы услышите его!—продолжалъ онъ послѣ кратковременной остановки, подойдя къ спущенной портьерѣ и заглядывая въ сосѣднюю комнату.—Вотъ онъ уже плюнулъ—вѣрный знакъ, что скоро проснется!

И дѣйствительно, не прошло минуты, какъ мы услышали такое чудовищное зѣваніе, что я разомъ перенесся воображеніемъ въ зало Маріинскаго театра, въ одно изъ представленій „Псковитянки".

— Каковъ пошибъ зѣвоты!—воскликнулъ Неуважай-Корыто, и вдругъ ударилъ себя по лбу:—ба! идея!

Онъ подбѣжалъ къ письменному столу и что-то наскоро написалъ на листѣ бумаги. Потомъ онъ взялъ этотъ листъ и поднесъ его къ моимъ глазамъ. Я прочиталъ: „Симфоническая рапсодія (A-dur): чиновникъ департамента разныхъ податей и сборовъ, зѣвающій надъ чтеніемъ музыкальнаго обозрѣнія г. Ларош а".

— Департаментъ разныхъ податей и сборовъ уже не существуетъ,—сказалъ я:—онъ распался на-двое: на департаментъ окладныхъ сборовъ и департаментъ неокладныхъ сборовъ.

— Благодарю васъ! ваше замѣчаніе важнѣе, нежели вы полагаете! Мы обязаны изображать въ звуковыхъ сочетаніяхъ не только мысли и ощущенія, но и самую обстановку, среди которой они происходятъ, не исключая даже цвѣта и формы вицъ-мундировъ. Все

должно быть слажено такъ, чтобъ никто не могъ уличить насъ въ клеветѣ.

Въ это мгновеніе изъ сосѣдней комнаты донесся новый звукъ: Василій Иванычъ отдувался.

— Опять идея!—воскликнулъ Неуважай-Корыто, снова подбѣгая къ письменному столу.

Я прочиталъ: „Симфоническая идиллія (F-moll): Ной, послѣ извѣстнаго злоупотребленія виноградным сокомъ, просыпается и не понимаетъ, что̀ вокругъ него происходитъ“.

— Это для Василія Ивановича?

— Да, для него. Разумѣется, постепенно. Сначала онъ обработаетъ тему о чиновникѣ департамента окладныхъ сборовъ, а потомъ и къ Ною приступитъ. Кстати, не забыть бы! надо купить для Василія Ивановича Священную Исторію...

— Ты, братъ, съ картинками!—посовѣтовалъ Глумовъ.

— Господи! прости наши прегрѣшенія!—вдругъ раздалось въ сосѣдней комнатѣ.

— Слышите! слышите! кажется, онъ говоритъ!—какъ-то испуганно засуетился Неуважай-Корыто.

— Да; а что?

— Онъ никогда... никогда не говоритъ! Это новость! Василій Иванычъ! батюшка! что̀ съ вами?

— Му-у-у!

— Вотъ это — такъ! Онъ всегда выражаетъ свои ощущенія простыми звуками! Иногда это очень оригинально выходитъ. Однажды онъ вдругъ крикнулъ: „Ы-Ы!“ — и что̀ бы вы думали! сейчасъ же послѣ этого сѣлъ за фортепьяно и импровизировалъ свою безсмертную буффонаду: „Извозчикъ, въ темную ночь отыскивающій потерянный кнутъ“!

— И ты такъ-таки и не покажешь намъ автора этой безсмертной буффонады?—упрекнулъ Глумовъ:—Господи! хоть бы глазкомъ на него взглянуть!

— Нельзя, душа моя! Я тебѣ говорю: онъ подъ спудомъ у насъ! Пускай онъ тамъ, въ той комнатѣ для насъ поиграетъ, а мы его отсюда послушаемъ! Василій Иванычъ!—крикнулъ онъ:—пришли господа, которые желаютъ васъ послушать! Сыграйте, голубчикъ! И знаете ли что̀: сыграйте-ка сначала „Поленьку“!

— Го-го-го!— откликнулся Василій Иванычъ.

Мы сѣли всѣ трое на диванъ: Неуважай-Корыто по серединѣ, мы съ Глумовымъ—по бокамъ. Раздался аккордъ.

— Слушайте! слушайте! дишканты! замѣтьте работу дишкантовъ!—шепнулъ намъ Неуважай-Корыто, сдерживая дыханіе.

Дѣйствительно, дишканты работали сильно; Василій Иванычъ необыкновенно быстро перебиралъ пальцами по клавишамъ верхняго регистра, перебиралъ, перебиралъ—и вдругъ простукалъ нѣсколько нотъ въ басу.

— Это—няня Пафнутьевна!—шопотомъ объяснилъ Неуважай-Корыто.

Опять дишканты: щебечутъ, взвизгиваютъ, и все словно на одномъ мѣстѣ толкутся, и вдругъ—бумъ!—опять няня Пафнутьевна! Бумъ-бумъ-бумъ!—и снова дишканты! Защебетали, застрекотали—бумъ!—и затѣмъ хаосъ... Руки забѣгали по всей клавіатурѣ, отъ верхняго конца до нижняго—и наоборотъ...

— Поленька поссорилась съ Пафнутьевной...

Пауза. Неуважай-Корыто, не сводя глазъ съ портьеры, хватаетъ насъ обѣими руками за рукава сюртуковъ, какъ бы желаетъ воспрепятствовать, чтобы мы не ушли. Глумовъ открываетъ ротъ, чтобы сказать, но Неуважай-Корыто мгновенно закрываетъ ему ротъ рукою, и дѣлаетъ головою жестъ не то умоляющій, не то приказательный. Пауза длится пять минутъ, послѣ чего игра возобновляется. Въ дѣлѣ принимаютъ участіе уже только двѣ самыя верхнія октавы, на пространствѣ которыхъ пальцы Василія Ивановича безъ устали переливаютъ изъ пустого въ порожнее; темпъ постепенно замедляется и впадаетъ въ арпеджіо.

— Поленька проситъ прощенія!—чуть дыша, произноситъ Неуважай-Корыто.

Бумъ!—Пафнутьевна не прощаетъ! Звуки сливаются; дишканты, басы, средній регистръ—все смѣшалось. Руки Василія Ивановича аккордами забѣгали по клавишамъ... бацъ!—кто-то всѣмъ тѣломъ сѣлъ на клавіатуру и извлекъ...

— Это примиреніе!—воскликнулъ Неуважай-Корыто, и поднялъ такой громъ ладонями, что можно было подумать, что онѣ у него костяныя.

— Каково?—обратился онъ къ намъ, когда въ сосѣдней комнатѣ водворилась тишина.

— Хорошо, братецъ!—отвѣтилъ Глумовъ:—только вотъ чего я не понимаю: почему это „Поленька“, а не „Наденька“?

— Глумовъ! ты ничего не смыслишь! ты не понимаешь даже, что у Наденьки совсѣмъ другой музыкальный образъ, нежели у Поленьки! Наденька мечтательна и сантиментальна, Поленька—бойка и игрива. Наденька никогда не ссорится съ Пафнутьевной, Поленька—на каждомъ шагу! Наденька—F-moll, Поленька—C-dur. Неужели, наконецъ, это не ясно?

— Ясно-то ясно, а все-таки...

— Глумовъ! ты профанъ! Василій Иванычъ! душенька! Слышите, Глумовъ утверждаетъ, что это „Наденька“, а не Поленька“!

— Цыркъ!

— Вотъ видишь—онъ разсердился! И онъ не будетъ больше играть! Нельзя такъ, душа моя! Вѣдь онъ художникъ! онъ очень на эти вещи чувствителенъ!

— Цыркъ! цыркъ! цыркъ!—раздавалось за портьерой.

— Теперь—кончено! теперь—онъ ни за что не станетъ играть! А кто виноватъ? Нельзя такъ, мой другъ! Ежели ты ничего не смыслишь въ музыкѣ, то это тѣмъ меньше даетъ тебѣ правъ оскорблять человѣка... художника!

— Господи! да развѣ я намѣренно? развѣ я знаю ваши обычаи? Ты бы сказалъ, что сомнѣній не допускается! Хочешь, я у него прощенія попрошу?

— Хорошо, только это еще вопросъ! Онъ—художникъ, а для художника раскаянье—еще не все! Не въ томъ дѣло, что ты просишь забыть о своей опрометчивости, а въ томъ, что тутъ есть прискорбный фактъ, котораго уничтожить нельзя! Это не какой-нибудь Мендельсонъ-Бартольди, у котораго („Гебриды“) нельзя понять, море ли плещетъ, или пьяные матросы покачиваются (однако и у него есть уже представленіе о „качкѣ“!—прибавилъ онъ, приложивъ длинный палецъ къ длинному лбу): это Василій Иванычъ... понимаешь? Тотъ Василій Иванычъ, у котораго всякій звукъ такъ типиченъ, такъ ясенъ и реаленъ, что онъ имѣетъ полное право требовать, чтобъ слушатель, безъ всякаго предувѣдомленія, прямо, ска-

залъ: да! это она! это „Поленька“! И ежели нашелся слушатель, который этого не сказалъ, ежели...

— Постой! я все-таки попробую! можетъ быть, онъ и проститъ! —Василій Ивановичъ! батюшка! — обратился Глумовъ по направленію къ сосѣдней комнатѣ: — по глупости вѣдь я! Ну, какая же это „Наденька“, ежели вы говорите, что это „Поленька“! Простите же, голубчикъ, да сыграйте еще что-нибудь!

Но Василій Ивановичъ ни однимъ звукомъ не отвѣтилъ на мольбу Глумова. Мы приняли бы это молчаніе въ неблагопріятную сторону, еслибъ Неуважай-Корыто не успокоилъ насъ.

— Не цыркаетъ—значитъ, смягчается!—шепнулъ онъ:—самолюбивъ онъ у насъ — страшно! У всѣхъ этихъ художниковъ раны какія-то — точно подъ Севастополемъ они изувѣчены! Прикоснись только—бѣда! Просите, просите еще!

— Ты-то что-жъ стоишь! проси! —толкнулъ меня Глумовъ.

— Василій Иванычъ!—началъ я:—за что же я-то наказанъ! Я-то собственно вѣдь ни на минуту даже не усомнился, что это „Поленька“!

— Му-у-у!—слабо раздалось по ту сторону портьеры.

— Ну, вотъ! слава Богу! отлегло!—болѣе знаками, чѣмъ словами, объяснилъ намъ Неуважай-Корыто и, обратившись къ портьерѣ, громко прибавилъ: — Василій Иванычъ! милѣйшій! И въ самомъ дѣлѣ! сыграйте-ка... ну, что бы такое? ну, вотъ хоть вашъ „симфоническій tableau de genre“: „Торжество начальника отдѣленія департамента полиціи исполнительной по поводу полученія чина статскаго совѣтника“... сыграете?

— Го-го-го!

Мы опять въ томъ же порядкѣ усѣлись на диванъ; но Неуважай-Корыто выпятился нѣсколько впередъ и простеръ передъ нами руки.

— Начинается!—шепнулъ онъ.

Tremolo въ нижнемъ регистрѣ, потомъ tremolo въ среднемъ регистрѣ, наконецъ tremolo въ верхнемъ регистрѣ. Pianissimo, piano, sforzando, forte, fortissimo, потомъ diminuendo, piano, pianissimo —разъ десять одно и то же.

— Это *она* мечтаетъ. Что лучше? — спрашиваетъ онъ себя:— чинъ статскаго совѣтника или орденъ святыя Анны второй степени?..

Замѣтьте эту фразу: святы-ы-ы-ыя Анны-и! Замѣтьте, какъ онъ вдругъ обрубилъ: Анны-и!

Василій Иванычъ пальцемъ ударяетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по клавишамъ — это „переходъ“. Затѣмъ слѣдуетъ трель, которая поперемѣнно продѣлывается во всѣхъ регистрахъ и изъ-за которой смутно выступаетъ какой-то мотивъ. Не то „Во лузяхъ“, не то „По улицѣ мостовой“, не то „Шли наши ребята“...

— *Онъ* охорашивается передъ зеркаломъ... слышите: ззз?—Это щетка по головѣ ходитъ... А вотъ и пѣсни... слышите, русская пѣсня раздается?—это *онъ* дѣтство вспоминаетъ... *Онъ* —сынъ попа... слышите, эту трель въ дишканту—это ви́ца! ви́ца свиститъ!

Минутная пауза („онъ идетъ въ департаментъ!“). Нѣсколько разъ сряду повторяется звукъ, образуемый двумя сосѣдними клавишами, ударяемыми одновременно („онъ пришелъ въ департаментъ и снимаетъ калоши... слышите, шленаютъ!“), потомъ — рррр... („это сторожъ Михеичъ харкаетъ!“) и вдругъ — бумъ! буми-бумъ! бумъ-бумъ!

— Директоръ звонитъ!—въ ужасѣ шепчетъ Неуважай-Корыто.

Coda; отдаленные звуки альпійскаго рожка и тирольской пѣсни... чокъ-чокъ-чокъ!

— Директоръ цѣлуетъ *его*!

Sforzando, forte, fortissimo... Дишканты звенятъ, средній регистръ подзваниваетъ, басы рокочутъ... Общій торжественный гимнъ —во вся. Раздаются нѣсколько аккордовъ „Славься!“ —и утопаютъ въ невыразимой трескотнѣ.

— Слышите: какофонія? — это поздравляютъ его разомъ всѣ прочіе начальники отдѣленія, а также сослуживцы и подчиненные. Слышите: оттолчка въ басу? —это экзекуторъ! Но такъ какъ всѣ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о правильной постройкѣ звуковыхъ сочетаній, то понятное дѣло, что хоръ выходитъ, какъ говорится, кто въ лѣсъ, кто по дрова...

Первая часть кончена. Послѣ пятиминутнаго антракта начинается вторая часть. Я не буду впрочемъ слѣдить за игрой Василія Иваныча, а подѣлюсь съ читателемъ только объясненіями Неуважай-Корыта.

— *Онъ* возвращается домой и передаетъ женѣ о случившемся. Allegro energico, въ которомъ выражается *его* признательность на

чальству. Слышите? слышите! дишканты! дишканты! Это дѣти веселой гурьбой врываются въ комнату и поздравляютъ отца. Но вотъ и дѣти, и жена уходятъ; *онъ* остается одинъ. Чу! звуки частушекъ свирѣли! Lentamente con tranquillezza. Опять отзывается прошлое. Воспоминанія плывутъ, плывутъ... Сѣрый домъ, нетопленная печь, отецъ—попъ, мать—попадья, на столѣ—полштофъ сивухи... Слышите: буль-буль—это они наливаютъ вино .. А на дворѣ—*онъ*! *Онъ* засучилъ рубашонку и шлепаетъ по грязи... шлепъ! шлепъ! шлепъ! Трахъ! полетѣли брызги — *онъ* упалъ въ лужу... слышите: въ дишкантахъ! —это брызги! Вотъ онъ барахтается, а въ это время издали доносится удалая пѣсень дьячка, возвращающагося изъ кабака... Ближе, ближе—и вотъ...

Цѣлый громъ льется на насъ изъ-за портьеры. Я прислушиваюсь и узнаю „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“... Но подъ пальцами Василія Иваныча она скорѣе похожа на „херувимскую“ Львова, нежели на разгульную бурлацкую пѣсню.

— Чи-рикъ! чи-рикъ! — продолжаетъ объяснять Неуважай-Корыто:—allegro giocoso... Это поздравляютъ департаментскіе сторожа. Слышите, какъ отбиваютъ нижнее do—это Михеичъ; а тамъ вверху, словно брызгами вторитъ ему si-bemol—это разливается директорскій курьеръ Семенчукъ... Пятирублевая бумажка — замѣтьте, какъ мимоходомъ удивительно обрисованъ Дмитрій Донской! —полагаетъ предѣлъ этимъ восторгамъ. Общій гимнъ, на манеръ „Тебе Бога хвалимъ“...

Вторая часть кончена.

Часть третья. Содержаніе ея: пирушка по случаю полученія чина статскаго совѣтника. Подаютъ пирогъ („съ сигомъ и съ капустой! слышите! слышите, какъ запахло! слышите, какъ звякаютъ ножи и вилки, какъ сыплются на тарелки крошки сига, какъ чавкаетъ экзекуторъ Иванъ Михайлычъ?“) Чи-рикъ! чи-рикъ! Agitato. Входитъ отставной, похожій на старинной формы подсвѣчникъ, губернаторъ, находящійся двадцать лѣтъ подъ судомъ и пользующійся лишь половинной пенсіей. Выпивъ предварительно рюмку очищенной, онъ начинаетъ „разсказъ“ о претерпѣнныхъ имъ бѣдствіяхъ. —Двадцать лѣтъ, говоритъ онъ, я былъ губернаторомъ и двадцать же (tremolo) лѣтъ нахожусь подъ судомъ! Самое дѣло о моихъ гнусныхъ преступленіяхъ пропало въ сенатѣ, а меня все не

рѣша-а-а-а-ютъ, и я все нахожусь на половинной пенсіи! И вотъ теперь, вмѣстѣ съ многими другими генералами, я состою въ качествѣ загонщика при Самуилѣ Соломонычѣ Поляковѣ! („Замѣтьте этотъ разсказъ! онъ весь держится на одной нотѣ, то замедляемой, то ускоряемой!“ —Милости просимъ, ваше прево-о-о-о-сходительство!—говоритъ виновникъ торжества: — хоть я и забылъ васъ пригласить, однако въ такой день и для незваныхъ кусокъ пирога найдется. („Замѣтьте эту фразу: „х'ть я и забы-ы-лъ ва-асъ пригл'сить“... а какова язвительность этого sol-dièze! замѣтьте, какъ отодвигаются стулья, чтобы дать мѣсто новому гостю... трррр... трр... изумительно!“) Опять ѣда; ножи звякаютъ, крошки пирога сыплются. Подаютъ шампанское. Василій Иванычъ по ту сторону, а Неуважай-Корыто по сю сторону портьеры, подражаютъ губами хлопанью пробокъ. Входитъ еврей. „Насе вамъ поцтеніе!“ подпѣваетъ Неуважай-Корыто: „кольцы, броски хороси! и помада, и духи!“ („Понимаете? это, собственно говоря, полемическій пріемъ! Это Мендельсонъ-Бартольди и Мейерберъ... жиды!“) Жида обступаютъ, торгуются съ нимъ и въ заключеніе показываютъ свиное ухо. Жидъ убѣгаетъ. Общій хоръ (alla capella), оканчивающійся приглашеніемъ на преферансъ.

Четвертая часть. Иванъ Михайлычъ объявляетъ семь въ червяхъ. Отставной губернаторъ подсматриваетъ въ карты, и, видя, что Иванъ Михайлычъ принялъ туза пикъ за туза червей, провозглашаетъ: „вистую и приглашаю—въ темную!“ Мгновенно обнаруживается роковая ошибка: Тріо: „онъ (я) безъ трехъ?“ —къ которому незамѣтно присоединяются голоса прочихъ.—Тррахъ!—раздается раздирающій уши звукъ...

— Конецъ еще не додѣланъ,—объясняетъ Неуважай-Корыто: —мы даже не знаемъ, слѣдуетъ ли остановиться на четвертой части, или написать еще съ десятокъ частей. Нѣкоторые изъ „нашихъ“ говорятъ, что надо ограничиться четвертой частью, но Василій Иванычъ, а вмѣстѣ съ нимъ и я, полагаемъ, что необходимо продолжать. Не забудьте, что вслѣдъ за праздникомъ у виновника торжества должно послѣдовать приглашеніе отъ Ивана Михайлыча, у котораго кстати жена родила, потомъ приглашеніе (на селедку) отъ находящагося подъ судомъ губернатора, гдѣ гости уличаютъ хозяина въ нечистой игрѣ въ карты; потомъ нашъ герой ѣдетъ благо-

дарить директора (который знакомитъ его съ своею женою), потомъ — министра, и наконецъ, поблагодаривъ всѣхъ, убѣждается, что ему ничего больше не остается, какъ благодарить Создателя. Ежели ограничиться только четырьмя частями, то придется все это оставить. Не правдо ли, жалко?

— Да еще какъ жалко-то! Не оставляй! — Слушай! у него поясница... надежная?

— Поясница у него—удивительная!

— Пусть продолжаетъ! пускай пишетъ всѣ десять частей!

— Василій Иванычъ! голубчикъ! вотъ и Глумовъ на нашей сторонѣ! онъ тоже говоритъ, что надо продолжать!

— Му-у-у!

— Итакъ, будемъ продолжать!—говоритъ Неуважай-Корыто, весело потирая руки.—А теперь, господа, хотите ли чего-нибудь легонькаго, буффонаду какую-нибудь... напримѣръ: „Извозчикъ, отыскивающій въ темную ночь потерянный кнутъ“?

Но мы уже ничего не слушали. Мы наскоро простились съ гостепріимнымъ хозяиномъ, наскоро накинули шубы на плечи и выбѣжали на улицу.

Нѣкоторое время мы шли подавленные, ошеломленные.

— И ты не хочешь понять, отчего нынче такъ много самоубійствъ!—вдругъ обратился ко мнѣ Глумовъ.—Вотъ хоть бы этотъ самый Василій Иванычъ... Какъ освободится онъ отъ этихъ звуковъ, которые со всѣхъ сторонъ осаждаютъ его, которые, какъ онъ ни бѣги отъ нихъ, все-таки настигнутъ его. Одно средство... прорубь!

Глава III.

На этотъ разъ Глумовъ пришелъ въ настроеніи самообличенія.

— Да, братъ,—сказалъ онъ:—всѣ мы только по наружности объ какихъ-то новыхъ порядкахъ разглагольствуемъ, а разбери-ка хорошенько: вѣдь мы только и дышемъ тѣмъ, что въ насъ отъ старой закваски осталось, да еще тѣми лазейками, которыя эта закваска отыскиваетъ для себя въ такъ-называемыхъ новыхъ порядкахъ.

— Не черезъ край ли ты однакожъ хватилъ?—возразилъ я:—вѣдь жить тѣмъ, что̀ мы прячемъ, въ чемъ не можемъ открыто сознаться—право, дѣло довольно трудное. Какъ бы ни сильно говорила въ насъ старая закваска, мы все-таки чувствуемъ, что обнаруживать ее не совсѣмъ для насъ удобно: какъ же жить, опираясь на такой сомнительный матеріалъ? Да и сама формальная обстановка современной жизни такъ ужъ сложилась, что волей-неволей приходится оставить старую закваску.

— Что̀ касается до того, что мы не имѣемъ смѣлости открыто обнаруживать живущую въ насъ старую закваску, то это обязываетъ насъ совсѣмъ не къ тому, чтобы разстаться съ нею, а только къ тому, чтобы дѣйствовать исподтишка. Поэтому для своего прикрытія мы выдумали цѣлую безсодержательную фразеологію; мы изобрѣтаемъ каждый день новыя обстановки, въ которыхъ новое представляютъ собственно только формы; однимъ словомъ, потихоньку блудимъ и пакостимъ въ руку старинѣ. И ежели все это, взятое вмѣстѣ, дѣйствительно представляетъ очень сомнительный жизненный матеріалъ, то усилія, которыя мы употребляемъ для огражденія его отъ погибели, все-таки доказываютъ, что онъ намъ дорогъ, несмотря на свою негодность. А что касается до вліянія формальной обстановки современной жизни, то само собой разумѣется, что я не полѣзу въ уѣздный судъ съ просьбой, коль скоро знаю, что уѣздные суды упразднены. Это такъ, это вліяніе я признаю.

— Послушай! вѣдь это у тебя ужъ привычка такая—все въ странномъ свѣтѣ представлять. Не одни уѣздные суды, а кой-что и другое. И даже не кой-что, а очень многое. Разумѣется, старики, вотъ какъ мы съ тобой...

— Да я объ старикахъ-то собственно и говорю, потому что покуда они одни и стоятъ на виду. Что̀ будетъ съ подростающимъ поколѣніемъ, какъ будетъ оно дѣйствовать и какія чувства проявлять — этого я не знаю, хотя приблизительно и могу догадываться, что оно будетъ лучше, да и ему будетъ лучше. Я говорю о дѣятеляхъ минуты—кто эти дѣятели? Вѣдь это, братъ, мы съ тобой, мы, пропитанные насквозь преданіями крѣпостного права, мы, для которыхъ упраздненіе старыхъ судовъ, напримѣръ, означаетъ только, что отнынѣ до такой-то суммы человѣкъ мировому судьѣ подсуденъ, а свыше этой суммы—окружному суду.

— Нѣтъ, съ этимъ я положительно согласиться не могу. Не говоря уже о томъ, что, кромѣ насъ и нашихъ сверстниковъ, въ числѣ современныхъ дѣятелей найдется достаточно и молодыхъ людей, почти чуждыхъ преданіямъ крѣпостного права, я утверждаю, что даже мы, старики, — да, и мы измѣнились къ лучшему. Скажу, напримѣръ, про себя. Конечно, отмѣна крѣпостного права встрѣчена была мною съ сочувствіемъ преимущественно съ точки зрѣнія идеальной, какъ величайшая и либеральнѣйшая мѣра нашего времени; конечно, личные матеріальные мои интересы были настолько задѣты ею, что я... ну, да, я сознаюсь въ этомъ... я не могъ не *почувствовать* послѣдствій ея... Но вѣдь въ человѣкѣ есть умъ, душа моя, умъ, который доказываетъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ возврата не можетъ быть. Я понялъ, что личное чувство мое должно подчиниться... я убѣдилъ себя, я дѣлалъ въ этомъ смыслѣ усилія...

— И успѣлъ въ этихъ усиліяхъ?

— Да, успѣлъ.

— И никогда тебя не подмывало дать подножку новымъ порядкамъ? Никогда, даже инстинктивно, ты не старался утянуть что-нибудь, устроить какую-нибудь возможность... ну, хоть возможность тыкать впередъ руками?

— Никогда!

Глумовъ посмотрѣлъ на меня не то проницательно, не то съ укоромъ, какъ смотрятъ на человѣка, отъ котораго не ждали, чтобъ онъ солгалъ.

— Ну, исполать тебѣ!—произнесъ онъ:—а вотъ я, постепенно объ себѣ размышляючи, знаешь ли, на какое открытіе я набрелъ?

— На какое?

— А на такое, что и до сихъ поръ, несмотря ни на какіе новые порядки, нѣтъ для меня удовольствія выше, какъ на травлю смотрѣть.

— Какъ такъ?

— Да такъ вотъ. Люблю, братецъ, видѣть, какъ связаннаго человѣка бьютъ. Нѣтъ для моего нутра усладительнѣе этого зрѣлища! Искаженія человѣческаго лица, корчи, подавленные вздохи... прелесть!

— Да гдѣ же ты ухитряешься нынѣче отыскивать подобныя зрѣлища?

— Вездѣ, голубчикъ, на каждомъ шагу; а чтобъ не захватывать слишкомъ широко, ограничимся хоть камерою суда.

— Помилуй! отправленіе правосудія...

— Отправленіе правосудія—само собой, а травля—сама собой. Въ томъ-то и вещь, душа моя, что отправленіе-то правосудія интересуетъ меня на золотникъ, а отъ травли—у меня дыханіе въ зобу спирается. И я тоже думалъ, какъ крѣпостное-то право рухнуло: ну, думаю, пропали мы теперь! Теперь и досуговъ нашихъ дѣвать намъ некуда, потому что отнынѣ все на тонкой деликатности пойдетъ. И вдругъ меня словно озарило: сѣмъ-ка на уголовное судоговореніе схожу. Пришелъ — и духомъ обновился: такъ на меня изъ старой кладовой и пахну́ло. Боже ты мой! какъ они его били! Сперва вышелъ одинъ молодой человѣкъ—и смаху по щекѣ ударилъ; потомъ разбѣжался другой молодой человѣкъ—и вырвалъ клокъ волосъ; потомъ выступилъ развязнымъ шагомъ третій молодой человѣкъ—и запустилъ живого ежа въ глотку; четвертый молодой человѣкъ, ради шутки, всталъ сбоку—и облилъ помоями. Бойко, весело, остроумно, съ полной увѣренностью въ безнаказанности... ахъ, молодые люди!

Я молча выслушалъ эту діатрибу и нѣкоторое время раздумывалъ, что̀ бы такое возразить. Мысль Глумова поражала странностью, почти неожиданностью. Я зналъ очень хорошо, что въ современномъ уголовномъ судопроизводствѣ дѣйствуютъ представители такъ-называемыхъ „сторонъ“, которые и устраиваютъ промежъ себя обвинительно-защитительный турниръ, но чтобы можно было по этому случаю набрести на мысль о „травлѣ“ — это и въ голову мнѣ не приходило. Поэтому разоблаченье Глумова произвело на меня отупляющее впечатлѣніе. Провѣряя это впечатлѣніе, я не могъ впрочемъ не сознаться сейчасъ же, что и во мнѣ таится какое-то словно бы болѣзненное пристрастіе къ современному русскому уголовному процессу. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ я старался объяснить себѣ это явленіе нѣкоторыми сочувственными мнѣ формами, въ которыя этотъ процессъ облеченъ: публичностью, скоростью, равноправностью обвиненія и защиты, наконецъ присутствіемъ присяжныхъ засѣдателей, выражающихъ живую общественную совѣсть. И вотъ, является человѣкъ, который говоритъ мнѣ: не то! совсѣмъ не отправленіе правосудія тебя занимаетъ, а травля! Конечно, Глумовъ преувеличиваетъ, но почему же однако, когда я прочитывалъ стенографическіе

отчеты, напримѣръ, процессовъ супруговъ Непениныхъ или игуменьи Митрофаніи, у меня то-и-дѣло вырывались восклицанія: „молодецъ!“ „хорошенько его!“ „такъ его, такъ... катай!“ Какое отношеніе имѣли эти восклицанія къ „отправленію правосудія“? Не говорило ли во мнѣ въ этомъ случаѣ, напротивъ, то животное чувство травли, которое заставляетъ человѣка сосредоточивать вниманіе исключительно на защитительно-обвинительномъ турнирѣ, совершающемся по поводу процесса, а не на содержаніи самого процесса или на предполагаемомъ исходѣ его?

— Да, братъ, люблю видѣть, какъ связаннаго человѣка бьютъ! —продолжалъ между тѣмъ Глумовъ, какъ бы отвѣчая на мои тайныя размышленія:—да вѣдь и вообще вся наша публика это любитъ, и только іезуитствуетъ, ссылаясь на какой-то либерализмъ. Почему, изъ всѣхъ новшествъ современной жизни, она вполнѣ примирилась только съ преобразованнымъ уголовнымъ судопроизводствомъ? Почему ко всему прочему она отнеслась съ тревогой и даже съ желаніемъ подставить ножку, а къ публичной уголовщинѣ стремится съ ненасытной жадностью, и ежели по временамъ и поворачиваетъ, то потому только, что суды-де воровъ и убійцъ слишкомъ часто оправдываютъ: нужно бы ихъ, канальевъ, въ три кнута! А потому, мой другъ, что только уголовная реформа не произвела въ русскомъ человѣкѣ внутренней ломки, что она одна не нарушила его инстинктовъ, одна дозволила ему остаться самимъ собою, то-есть тѣмъ же любителемъ травли, какимъ онъ всегда былъ.

— Душа моя! —собрался я наконецъ съ духомъ: — очевидно ты смѣшиваешь травлю съ судоговореніемъ, и въ тѣхъ спасительныхъ обвинительно-защитительныхъ пререканіяхъ, безъ которыхъ немыслимо произнесеніе правильнаго приговора, видишь...

Но онъ только махнулъ рукой, словно бы отогналъ докучливую муху, и продолжалъ:

— Знаешь ли ты, что я не пропускаю ни одного засѣданія, въ которомъ есть надежда услышать, какъ связанному человѣку кинутъ публично въ глаза, что онъ воръ и злодѣй; что онъ былъ таковымъ въ утробѣ матери и пребудетъ таковымъ до могилы; что онъ попралъ законы божескіе и человѣческіе; что онъ святотатственной рукой подорвалъ основы, на которыхъ зиждется общественность; что онъ оскорбилъ человѣческую совѣсть; что украденный имъ рубль вопіетъ къ

небу; что нужно не медля, сейчасъ же, сію минуту отсѣчь этотъ омерзительный, гангренозный членъ, дабы оградить общественный организмъ отъ ежечасно угрожающаго ему разложенія! Знаешь ли, что, слыша эти горячія слова, я чувствую, что кровь бьетъ въ голову, что еще одна минута, еще одно обвинительное усиліе—и я зарычу, какъ скотина? Знаешь ли ты, что мнѣ даже этого мало, что я всѣ газеты перечитываю, чтобы быть, такъ сказать, очевидцемъ всякаго удара, наносимаго связанному человѣку по всему лицу нашего обширнаго отечества?

— Воля твоя, а ты на себя клеплешь!—прервалъ я:—ты вообще человѣкъ неумѣренный въ выраженіяхъ, и вотъ...

Но онъ, опять-таки не слушая, продолжалъ:

— И никогда,—говорилъ онъ: —зрѣлище травли не было сопряжено съ такими удобствами, какъ теперь. И прежде русскій человѣкъ любилъ взглянуть, какъ бьютъ связаннаго человѣка, но онъ дѣлалъ это келейно, гдѣ-нибудь на конномъ дворѣ, а подъ конецъ, когда уже стали показываться признаки освобожденія, то началъ понимать, что такого рода зрѣлища даже не безопасны. И прежде почтеннѣйшая публика охотно смотрѣла на развязку уголовной драмы, въ видѣ торговой казни на площади, но при этомъ она вынуждалась вытерпѣть множество неудобствъ: спозаранку встать, стоять и ждать на открытомъ воздухѣ, подвергаясь неблагопріятнымъ атмосферическимъ вліяніямъ, видѣть обнаженную спину осужденнаго, наблюдать, какъ плеть, свистя въ воздухѣ, симметрически укладываетъ одинъ рубецъ подлѣ другого, пока не образуется сплошной кровавый полумѣсяцъ, и проч. и проч. Все это воздерживало отъ зрѣлищъ, налагало на охотниковъ узду. Теперь это дѣло обставлено удивительнѣйшимъ комфортомъ. Утромъ ты встаешь въ свое время, не торопясь пьешь чай, прочитываешь газету и въ урочный часъ отправляешься въ судъ. Тамъ ты въ теплой комнатѣ, сидишь на скамьѣ, даешь своему тѣлу то положеніе, какое находишь для себя удобнѣйшимъ, ищешь въ толпѣ знакомыхъ, разсуждаешь, споришь, шутишь. Тсс... вдругъ все замерло! Это онъ... Это „связанный человѣкъ“! Онъ еще не осужденъ, онъ предполагается еще невиннымъ, но по унынію, разлитому въ его лицѣ, ты замѣчаешь, что онъ смутно о чемъ-то догадывается, нѣчто предчувствуетъ. И точно: подожди часъ-другой, и по тому, какъ онъ замечется и скорчится на скамьѣ своей, ты убѣдишься, что

самыя горькія его тревоги были ничто въ сравненіи съ огорошившею его дѣйствительностью. А! ты еще не осужденъ! ты еще предполагаешься невиннымъ! Такъ вотъ же тебѣ, вотъ! вотъ! вотъ!

— Но надобно же, чтобъ общество въ лицѣ...

— Постой! знаю я и „общество“, и „въ лицѣ“ — все знаю. Дай кончить. Корчится „связанный человѣкъ“, а между тѣмъ ты не видишь ничего рѣжущаго, ничего бьющаго въ глаза, ничего такого, что могло бы видимымъ, осязательнымъ образомъ быть причиной этихъ корчей. Передъ глазами твоими нѣтъ ни обнаженной спины, ни кроваваго полумѣсяца, ничего такого, что нѣкогда заставляло „даму пріятную во всѣхъ отношеніяхъ“ опускать стыдливо глаза. Теперь она можетъ дать волю и зрѣнію, и слуху, потому что дѣйствующимъ лицомъ въ новѣйшей травлѣ является не плеть, а психологія. Подъ дѣйствіемъ ея, обвиняемый (не обвиненный, а обвиняемый!) обливается потомъ, блѣднѣетъ, краснѣетъ, бросаетъ то умоляющіе, то дурацки-угрожающіе взгляды... „Что, если этой психологіи повѣрятъ?“ мерещится ему: „что, если мой защитникъ въ отвѣтъ на эту обвинительную психологію не выдумаетъ такой же защитительной психологіи?“ А ты, едва сдерживая дыханіе, не пропускаешь ни одного моментальнаго подергиванья мускуловъ лица, которое обличаетъ разнообразныя нравственныя судороги, *его* обуревающія, — и тебѣ не стыдно, и ты не опасаешься, что тебя уличатъ въ звѣрскихъ инстинктахъ, какъ уличали (хоть изрѣдка, да уличали!) нашихъ отцовъ, когда они злоупотребляли помѣщичьей властью. Вотъ видишь: прежде все-таки хоть особенный видъ преступленія былъ, называвшійся „злоупотребленіемъ помѣщичьей власти“ и именно означавшій неумѣренную страсть къ травлѣ, а нынче даже и этого нѣтъ. Да и кому же въ самомъ дѣлѣ придетъ на умъ выдумать такой видъ преступленія, который назывался бы „злоупотребленіемъ хожденія въ суды для присутствованія при уголовныхъ судоговореніяхъ“?

Онъ остановился наконецъ, чтобъ перевести духъ.

— Ну, вотъ видишь ли, — поспѣшилъ я воспользоваться этой паузой: — самъ же ты говоришь, что нѣтъ ни обнаженной спины, ни крови, и хоть, по словамъ твоимъ, все это съ избыткомъ возмѣщается психологіей, но я убѣжденъ, что внутренно ты все-таки согласишься, что тутъ есть разница...

— Разница, разумѣется. Во-первыхъ, психологія казнитъ об-

виняемаго, не выжидая его осужденія, а во-вторыхъ, она принимаетъ въ разсчетъ брезгливость „дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“ и освобождаетъ ее отъ обязанности выказывать хотя внѣшніе признаки стыда. Разница капитальная.

— Любезный другъ! я не объ дамѣ пріятной во всѣхъ отношеніяхъ говорю: и ей, и тебѣ вольно присутствовать или не присутствовать при уголовномъ судоговореніи. Но я утверждаю, что психологія, какъ средство разобраться въ многоразличіи признаковъ, сопровождающихъ преступленіе, есть все-таки прогрессъ сравнительно съ тѣмъ дѣйствіемъ дикаго самовластія или уединенной канцелярской казуистики, которыя еще такъ недавно творили судъ и расправу по всему лицу земли русской.

— И которыя... впрочемъ не будемъ вдаваться въ полемику съ „временами возрожденія“... Ты ошибаешься, мой другъ! Психологія въ смыслѣ орудія травли—не только не прогрессъ, но шагъ назадъ. Она менѣе убѣждаетъ, нежели плеть и пощечина, и больнѣе уязвляетъ, ибо захватываетъ не только тѣло человѣка, но и его внутреннее существо. Даже предки наши, вообще небольшіе психологи, понимали это и охотно допускали вмѣшательство психологіи въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было совершить что-нибудь дѣйствительно звѣрское, поражающее.

— Надѣюсь, что ты не докажешь этого!

— Не надѣйся. Разумѣется, я не объ тѣхъ временахъ говорю, когда наши предки были чистыми дикарями, когда они, вмѣстѣ съ татарами, печенѣгами, самозванцами и прочими охочими людьми—ихъ же имена Ты, Господи, вѣси!—предавали огню и мечу Россію. Тогда психологіи дѣйствительно не существовало. Подвиги этихъ людей были грубы, составляли, такъ сказать, modus vivendi тѣхъ временъ и свидѣтельствовали не о преднамѣренной жестокости, а о молодечествѣ и благородной жаждѣ славы. Но какъ только нравы начали смягчаться, такъ тотчасъ же отцы наши догадались, что безъ психологіи обойтись нельзя, и отъ огня и меча перешли къ „застѣнку“ и „дыбѣ“. Вѣдь допросъ-то съ пристрастіемъ немыслимъ безъ участія психологіи!

— Гм... хожденіе по спицамъ, вздержка на дыбу... хороша психологія!

— Не одна вздержка, а съ аккомпаниментомъ... съ аккомпани-

ментомъ психологіи, милый другъ! „Давно ли ты скверный свой замыселъ задумалъ? И кто тебѣ таковое противное дѣло внушилъ? и кому ты оныя скверныя слова говорилъ? И во время тѣхъ разговоровъ не было ли кого еще?“ — что это, какъ не психологія? Люди, чуждые психологіи, не допрашиваютъ: они просто бьютъ — и дѣло съ концомъ. Что психологія застѣнка была недостаточно упорная и недостаточно *бѣлая*—съ этимъ я, пожалуй, соглашусь; но причина ея слабости заключалась не въ ней самой, а въ тѣснотѣ арены и въ недостаткѣ публичности. Отцы наши сознавали себя слишкомъ властными господами, чтобы доводить истязаніе внутренняго человѣка до конца, при помощи одной, безкровной, бѣлой психологіи. Ихъ раздражало всякое препятствіе, имъ хотѣлось *поскорѣе*... Отсюда— внезапные переходы отъ психологіи къ дыбѣ и спицамъ. „А! психологія-то, видно, не пронимаетъ тебя, такъ попробуй-ка по спицамъ пройтись!“ —вотъ какъ разсуждали они. Но это нимало не устраняло идеи объ умѣстности психологическихъ пріемовъ, которые и призывались на помощь во всѣхъ случаяхъ, когда простое наказаніе по тѣлу оказывалось блѣднымъ и сознавалась необходимость болѣе утонченнаго уголовнаго фестиваля.

Итакъ, вотъ оно, вотъ откуда ведетъ начало психологія! — думалось мнѣ, покуда Глумовъ разъяснялъ свою теорію родства психологіи съ пыткой. Прекрасно, но почему же однако вмѣшательство психологическаго разслѣдованія въ сферу тѣлесныхъ истязаній все-таки повсюду принимается какъ признакъ смягченія нравовъ? Почему даже этотъ слабый проблескъ дѣятельности человѣческой мысли представляетъ уже успѣхъ сравнительно съ той темнотой, которая облекаетъ простыя, безсознательныя заушенія? Не потому ли, что мысль имѣетъ такія разлагающія свойства, передъ которыми все неустойчивое, дрянное обязывается непремѣнно сойти со сцены и пропасть? Вотъ она какъ будто на первыхъ порахъ и скрасила пытку, но, въ сущности, уничтожила ее. А затѣмъ, конечно, поведетъ свою разлагающую работу и дальше. Ужъ и теперь она изобрѣла чистую, безкровную, *бѣлую* психологію, и можетъ быть, современемъ, она же эту самую бѣлую психологію... ну, впрочемъ, тамъ еще что Богъ дастъ! Правда, Глумовъ говоритъ, что эта *бѣлая* психологія и есть самая язвительная... ну, нѣтъ, это онъ вретъ! Конечно, она уязвляетъ не тѣло, а внутреннее существо человѣка, — да какъ же иначе по-

ступить? Вѣдь надо же какъ-нибудь выяснить, выйти изъ лабиринта противорѣчій, которыя, какъ облако, окутываютъ преступленіе! Да и притомъ, ежели существуетъ психологія обвинительная, то рядомъ съ нею существуетъ и психологія защитительная, а слѣдовательно du choc des opinions (знаю я, что Глумовъ не долюбливаетъ этихъ афоризмовъ, да и безъ нихъ однако нельзя!)... Съ одной стороны, психологія обвинительная, съ другой—защитительная... нашла коса на камень! чья-то еще возьметъ! А между тѣмъ у меня рубль украли—надо удовлетворить и меня. Конечно, ущербъ не Богъ знаетъ какой, но для меня, какъ для человѣка развитого, важно не рубль отыскать, а то, чтобы идея правды и справедливости была отомщена. Ни я, ни другіе не знаютъ, кто укралъ мой рубль, а между тѣмъ открыть и обличить укравшаго—необходимо, потому что иначе почва ускользнетъ у насъ изъ-подъ ногъ, и никто не будетъ знать, гдѣ кончается пріобрѣтеніе и гдѣ начинается воровство. А какъ же обличить безъ психологіи, какъ доказать подозрѣваемому, что никто другой не можетъ быть воромъ, кромѣ его, не покопавшись въ его внутренностяхъ, не выяснивъ, передъ лицомъ почтеннѣйшей публики, его всегдашнее нравственное тятотѣніе къ воровству? Не спорю: въ этомъ случаѣ могутъ быть недоразумѣнія очень прискорбныя. Можетъ случиться такъ, что сперва обругаютъ человѣка, припомнятъ, что онъ, еще въ школѣ будучи, колбасу у товарища укралъ, а потомъ окажется, что въ данномъ случаѣ онъ совсѣмъ не виноватъ. Но, во-первыхъ, errare humanum est, а во-вторыхъ, „ошибка въ фальшь не ставится“. Это не мы выдумали, это сама мудрость вѣковъ говоритъ. А главное все-таки: какъ иначе поступить? Я увѣренъ, что Глумовъ не отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Вотъ то-то и есть! Всѣ эти желчные люди, страдающіе недугомъ самообличенія, недовольные ни собой, ни другими—всѣ они таковы! И то имъ не нравится, и другое непопутру, а спроси-ка: какимъ образомъ въ семъ случаѣ поступить?—они сейчасъ и въ кусты!

— Ужъ на что, кажется, было аляповато, грубо и пошло наше крѣпостничество, разбросавшееся по деревенскимъ захолустьямъ и медвѣжьимъ угламъ,—продолжалъ умствовать Глумовъ: — а и оно было не чуждо психологіи, какъ средства поставить травлю на извѣстную высоту. Не говоря уже о помѣщикахъ, даже между дворовыми встрѣчались психологи очень искусные. У насъ былъ, на-

примѣръ, поваръ Кузьма, который собаку Полкана избралъ предметомъ своихъ психологическихъ изслѣдованій. Онъ не бросалъ въ него мимоходомъ осколками кирпича, не ошпаривалъ зря кипяткомъ, какъ обыкновенно дворовые—не-психологи, но создалъ цѣлый мартирологъ, въ основаніи котораго лежала эксплуатація наклонностей и инстинктовъ Полкашки, или, говоря высокимъ слогомъ, истязаніе его внутренняго пса. Задача впрочемъ была не трудная, потому что у Полкашки, что̀ у малаго ребенка, всѣ инстинкты спали, кромѣ непреодолимаго стремленія къ ѣдѣ. И Кузьма воспользовался этимъ инстинктомъ широкой рукой. Каждый день, во время поварской работы, онъ по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Полкашкой, ласкалъ его, обольщалъ зрѣлищемъ всевозможныхъ мясныхъ обрѣзковъ, заставлялъ умиляться, взвизгивать, вилять хвостомъ, и вотъ въ тотъ моментъ, когда кушанье было уже отпущено, когда Полкашка уже съ увѣренностью взиралъ на кучу костей, красовавшуюся на столѣ—Кузьма мгновенно его ошпаривалъ, а кости и обрѣзки выбрасывалъ другимъ собакамъ. И что̀ всего замѣчательнѣе—несмотря на ежедневное повтореніе этой продѣлки, Полкашку такъ и тянуло къ Кузьмѣ. Каждое утро, въ одинъ и тотъ же часъ, онъ являлся на кухню, садился на заднія лапы, присутствовалъ при варенін и жаренін, облизывался, вилялъ хвостомъ, и каждый же день, безъ перемѣны, въ одинъ и тотъ же часъ, получалъ свою порцію кипятку. Надѣюсь, что это была психологія!

— Но надѣюсь также, что ты возмущался... этою психологіей!

— Не помню: я былъ въ то время слишкомъ малъ, чтобъ отдавать себѣ отчетъ въ получаемыхъ впечатлѣніяхъ. Но я знаю навѣрное, что подобная психологія имѣла въ наше время громадное воспитательное вліяніе. Кузьма былъ во истину праотцемъ нынѣшней уголовной психологіи, хотя совершилъ свою воспитательную задачу въ безвѣстности и исчезъ со сцены никѣмъ неоплаканный. Но я-то вѣдь помню его, и потому каждый разъ какъ мнѣ приходится присутствовать при современномъ обвинительно-защитительномъ турнирѣ—всякій разъ мнѣ словно живой представляется поваръ Кузьма, ведущій неустанную психологическую игру съ Полканомъ.

— Зачѣмъ же ты ходишь смотрѣть на эти турниры, коль скоро они для тебя омерзительны?

— То-то и есть, что не омерзительны. Разумомъ-то я, по-

жалуй, и смекаю, что зрѣлище травли не есть человѣка достойно, да нутро вотъ унять не могу. Вѣдь ни домашнее воспитаніе, ни публичная школа просто-на-просто не дали намъ никакихъ идеаловъ,— чѣмъ же тутъ жить? Съ дѣтскихъ лѣтъ нами управляло лишь представленіе о дозволенномъ и недозволенномъ, и такъ какъ понять, почему одно называлось дозволеннымъ, а другое недозволеннымъ, было очень трудно, то весьма естественно, что дисциплина являлась единственнымъ средствомъ, съ помощью котораго можно было регулировать поведеніе молодыхъ людей. Дисциплину эту мы ненавидѣли и употребляли всѣ усилія, чтобъ освободиться отъ нея. Къ чему же привели насъ эти усилія? — съ одной стороны, къ лицемѣрію, съ другой—къ подсматриванью и наматыванью на усъ. Мы рано подсмотрѣли, что въ дѣйствительной жизни первое мѣсто занимала травля. И она нравилась намъ, потому что представляла нѣчто положительное, широкое, возбуждающее, тогда какъ дисциплина вся состояла изъ недомолвокъ. Вспомни, душа моя, что даже наименѣе испорченные изъ нашихъ сверстниковъ—и тѣ только теоретически тяготились видомъ „связаннаго человѣка“. На практикѣ же „связанный человѣкъ“ до того вошелъ въ обиходъ, что не внушалъ ничего кромѣ инстинктивныхъ проявленій, свойственныхъ тому или другому темпераменту.

— Замѣть однако, что именно эти-то проявленія и сдѣлались невозможными въ настоящее время.

— Уступаю. Дѣйствительно нынѣче сфера заушеній матеріальныхъ значительно съузилась. Но, повторяю, все это отлично замѣнено психологіей. Послѣдняя до такой степени усовершенствовалась, что человѣкъ уже не чувствуетъ нужды ни въ матеріальной пыткѣ, ни въ заушеніяхъ. Она сама по себѣ представляетъ высшую пытку, и я увѣренъ, что человѣкъ умственно развитой охотнѣе предпочтетъ даже незаслуженное наказаніе, лишь бы не заставляли его проходить черезъ психологію, составляющую обязательное преддверіе къ краткому: „да, виновенъ“, или: „нѣтъ, невиновенъ“, изрекаемому старшиной присяжныхъ засѣдателей.

— Воля твоя, а тутъ есть что-то недосказанное. Положимъ, что та психологія, о которой ты говоришь, имѣетъ свои непріятныя стороны; но ежели это единственно-доступное средство обличить, доказать...

— Въ томъ-то и дѣло, что психологія только дѣлаетъ видъ, что доказываетъ, а въ дѣйствительности ничуть ничего не доказываетъ. Она только для формы признаетъ своимъ [illegible] пунктомъ суровый фактъ, называемый поличнымъ, но на дѣлѣ сейчасъ же оставляетъ его и сочиняетъ по поводу его романъ, романъ косвенныхъ уликъ, который по очереди принимаетъ то обвинительный, то защитительный характеръ. Призываютъ, напримѣръ, въ свидѣтели прошлое обвиняемаго и говорятъ: на основаніи такихъ-то и такихъ-то данныхъ, подтвержденныхъ достовѣрными свидѣтельскими показаніями, письмами, журналомъ подсудимаго, его отрывочными, невольно вырвавшимися признаніями — вы должны считать это прошлое не просто косвенною уликою, но уликой, имѣющей почти характеръ поличнаго. Съ помощью психологическихъ пріемовъ это сдѣлать очень удобно. Психологія или искусно скрываетъ тѣ первоначальныя положенія, изъ которыхъ она выходитъ, или же предлагаетъ ихъ какъ нѣчто непогрѣшимое и обязательное. Затѣмъ она начинаетъ группировать факты: одни оставляетъ въ тѣни, другіе подводитъ ближе къ свѣту. Въ результатѣ получается очень тонкая, почти кружевная работа, которая можетъ нравиться, но въ которой никакъ нельзя отличить, что правда и что налгано. Но, должно быть, налгано достаточно, потому что слѣдомъ приходитъ другой психологъ и начинаетъ именно съ того пункта, какъ и его предшественникъ. Этотъ новый психологъ тоже имѣетъ въ запасѣ цѣлый романъ, темою котораго служитъ нравственное перерожденіе. „Я, говоритъ онъ, нимало не отрицаю того интереса, который могутъ имѣть экскурсіи въ прошлое обвиняемаго, и съ наслажденіемъ слѣдилъ за превосходнымъ изслѣдованіемъ моего почтеннаго сопсихолога. Но въ данномъ случаѣ превосходная работа его оказывается сдѣланною втунѣ. Дѣло въ томъ, что незадолго до того момента, когда произошла кража со взломомъ рубля, составляющая предметъ настоящаго судоговоренія, въ подсудимомъ совершился полный нравственный переломъ, который дѣлаетъ немыслимымъ всякое предположеніе о вліяніи на него его порочнаго прошлаго. Онъ тосковалъ, пилъ, а многіе даже слышали, какъ онъ проклиналъ часъ своего рожденія. Мой сопсихологъ коснулся этого факта лишь слегка и для того только, чтобы видѣть въ немъ признакъ нераскаянности. Я же не только не вижу здѣсь нераскаянности, но, напротивъ того, усматриваю несомнѣнные признаки той

сердечной боли, которой не можетъ не ощущать человѣкъ, рѣшившійся окончательно разсчитаться съ заблужденіями прошлаго и идти по новой стезѣ". Затѣмъ опять начинается группированье, опять одни факты освѣщаются, другіе оставляются въ тѣни, словомъ сказать, развивается цѣлый романъ... Или вотъ тебѣ еще одинъ примѣръ: человѣкъ совершилъ убійство. Онъ самъ-ужъ призналъ себя убійцей, но для психологіи важно опредѣлить — и Христосъ ее знаетъ, зачѣмъ это такъ важно для нея!—съ обдуманнымъ ли намѣреніемъ, или безъ обдуманнаго намѣренія совершено преступленіе. Прежде всего она обращается къ орудію преступленія, которымъ оказывается тяжелая трость съ налитымъ свинцомъ набалдашникомъ. Этою тростью преступникъ прямо угодилъ въ темя своей жертвѣ. Вопросъ: мѣтилъ ли обвиняемый въ темя, или это сдѣлалось случайно, помимо его воли? Подсудимый говоритъ на это: „нѣтъ, я не цѣлился, я очень хорошо помню, что билъ его какъ попало, срывая свой гнѣвъ и не имѣя никакой мысли о нанесеніи смертельнаго удара". Но передъ этимъ тотъ же подсудимый, относительно множества обстоятельствъ, сопровождавшихъ совершеніе преступленія, показалъ, что совершенно ничего не помнитъ. Отсюда поводъ для психологической игры. Одинъ психологъ говоритъ: „какъ! вы *это* помните? вы забыли вотъ это, вотъ это, вотъ это, вы утеряли изъ памяти всѣ несущественные факты, и помните только одинъ фактъ, тотъ, который помогаетъ вамъ выпутаться изъ бѣды!" На это другой психологъ возражаетъ: „то, что кажется страннымъ моему сопсихологу, въ сущности представляется явленіемъ очень обыденнымъ въ области психологіи. Душевный міръ есть міръ пробѣловъ по преимуществу, и хотя существованіе ассоціаціи идей не подлежитъ сомнѣнію, но я думаю, что величайшій изъ психологовъ, Шекспиръ,—и тотъ отказался бы сослѣдить ее въ такомъ сложномъ, необычайномъ случаѣ. Онъ сказалъ бы: „да, подсудимый *все* забылъ; онъ только *это* помнилъ!" Представь себѣ теперь положеніе присяжныхъ при такомъ судоговореніи! что могутъ они вынести изъ этого разговора, кромѣ мысли, что подсудимый съ обѣихъ сторонъ оболганъ: и въ видахъ обвиненія, и въ видахъ защиты. А еще лучше,—представь себѣ, что и со стороны обвиненія, и со стороны защиты стоятъ лицомъ къ лицу два равносильныхъ Шекспира: каково должно быть положеніе подсудимаго, слышащаго, что его съ двухъ сторонъ возводятъ въ перлъ созданія и дѣлаютъ ге-

роемъ двухъ взаимно другъ друга уничтожающихъ романовъ, которые вдобавокъ не имѣютъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ романомъ его жизни?

— Гм... а хорошо бы Шекспира послушать—вотъ хоть бы на мѣстѣ г. Шайкевича. Какъ ты думаешь, обѣлилъ ли бы Шекспиръ мать Митрофанію, или не обѣлилъ бы?

— Полагаю, что обѣлилъ бы. Онъ съумѣлъ бы нарисовать и поставить фигуры. Но и за всѣмъ тѣмъ это было бы только произведеніе его личнаго художественнаго генія, которое, несмотря на свой оправдательный тонъ, быть можетъ, гораздо сильнѣе подавило бы мать Митрофанію, нежели даже восхожденіе на Синай, предпринятое г-мъ Плевако. Да знаешь ли впрочемъ! я думаю, что Шекспиръ одинаково отказался бы и отъ роли защитника, и отъ роли обвинителя. Вѣдь его психологія чувствовала себя гораздо свободнѣе и независимѣе, имѣя подъ руками Гамлета и Ричарда III, нежели тотъ уголовный матеріалъ, который украшаетъ скамьи подсудимыхъ въ современныхъ судахъ.

— Стало быть, по твоему, окончательный-то исходъ дѣла зависитъ отъ того, кто кого перевретъ?

— Понимай какъ знаешь.

— Такъ что ежели я, напримѣръ, совершая преступленіе, имѣю возможность разсчитывать на психологическую помощь Спасовича, то я рискую меньше, нежели другой, которому угрожаетъ психологическая помощь адвоката, назначаемаго отъ казны?

— Стало быть.

— Однако, братъ, очень печально!

— Печалься; не возбраняется.

— Ну, хорошо; оставимъ печаль въ сторонѣ и резюмируемъ нашъ разговоръ. Изъ сказаннаго тобой выходитъ: во-первыхъ, что мы не только не воспользовались благами возрожденія, но и до сихъ поръ продолжаемъ жить остатками старинной дикости; во-вторыхъ, что характеристическій выразитель этой дикости—травля не упразднилась, но при помощи психологіи получила характеръ болѣе утонченной жестокости и притомъ сдѣлалась, такъ сказать, à la portée de tout le monde. Такъ, кажется?

— Вѣрно.

— Теперь, спрашиваю тебя, отвѣть мнѣ по совѣсти: какъ же,

по твоему мнѣнію, въ этомъ случаѣ поступить? что нужно сдѣлать, чтобъ избѣжать этого?

Я формулировалъ этотъ вопросъ не безъ торжественности. По моему мнѣнію, всѣ человѣческія стремленія, негодованія, анализы, утопіи—все это приводится къ вопросу: прекрасно, но какъ въ семъ случаѣ поступить? Поэтому я надѣялся настигнуть Глумова въ послѣднемъ его убѣжищѣ, заставить его перенести дѣло на практическую почву, и затѣмъ ужъ поговорить по душѣ о перемѣщеніяхъ и увольненіяхъ, о разъясненіи такой-то статьи и дополненіи такой-то... Но, къ удивленію, Глумовъ не только не тронулся моею торжественностью, но даже отнесся къ ней какъ бы иронически.

— Прежде всего,—сказалъ онъ:—я не вижу никакой надобности „поступать“. А потомъ, вѣдь подъ словомъ „поступать“ нельзя же разумѣть исключительно: совершить мѣропріятіе, предписать, воспретить, дозволить. Констатировать фактъ—тоже значитъ „поступать“. Вотъ я и „поступаю“, то-есть констатирую фактъ.

Глава IV.

Я — русскій литераторъ, и потому имѣю двѣ рабскія привычки: во-первыхъ, писать иносказательно и, во-вторыхъ, трепетать.

Привычкѣ писать иносказательно я обязанъ до-реформенному цензурному вѣдомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, какъ будто поклялось стереть ее съ лица земли. Но литература упорствовала въ желаніи жить, и потому прибѣгала къ обманнымъ средствамъ. Она и сама преисполнилась рабьимъ духомъ, и заразила тѣмъ же духомъ читателей. Съ одной стороны, появились аллегоріи, съ другой — искусство понимать эти аллегоріи, искусство читать между строками. Создалась особенная, рабская манера писать, которая можетъ быть названа эзоповскою, —манера, обнаруживавшая замѣчательную изворотливость въ изобрѣтеніи оговорокъ, недомолвокъ, иносказаній и прочихъ обманныхъ средствъ. Цензурное вѣдомство скрежетало зубами, но, въ виду всеобщей мистификаціи, чувствовало себя безсильнымъ и дѣлало безпрерывныя по службѣ упущенія. Публика рабски-восторженно хохотала, хохотала даже тогда, когда цензоровъ сажали на гауптвахту и когда ихъ смѣняли. На мѣсто смѣнен-

ныхъ цензоровъ являлись другіе, которыхъ также смѣняли и сажали на гауптвахту. А публика вновь принималась хохотать и зачитывалась статьями, въ родѣ: „Китайскія ассигнаціи“ или „Французскій министръ финансовъ Брукъ“ (см. „Русскій Вѣстникъ“, издатель-редакторъ М. Катковъ). И существовала эта манера долго-долго, существуетъ и донынѣ, такъ что объявленіе въ 1866 году воли книгопечатанію почти совсѣмъ не повліяло на нее. Аллегорическій, рабій языкъ продолжаетъ пользоваться правомъ гражданственности, хотя справедливость требуетъ сказать, что современные молодые писатели стараются избѣгать его. Я не берусь опредѣлить, хорошо или дурно они поступаютъ, но думаю, что въ виду общей рабьей складки умовъ аллегорія все еще имѣетъ шансы быть болѣе понятной и убѣдительной и, главное, привлекательной, нежели самая понятная и убѣдительная рѣчь. Ясная рѣчь умѣстна тамъ, гдѣ уже народился читатель, котораго страшными словами не удивишь; но тамъ, гдѣ читатель съ повода и безъ повода привыкъ разѣвать ротъ, тамъ простая и безфигурная рѣчь можетъ только свидѣтельствовать о рабьемъ самомнѣніи и наложить еще новый балластъ на плечи писателя, то-есть ко всѣмъ прочимъ не легкимъ обязанностямъ прибавить еще новую и тягчайшую: обязанность ежемгновенно трепетать.

Привычкѣ трепетать я обязанъ послѣ-реформенному цензурному вѣдомству. Я не стану распространяться о томъ, что̀ именно сдѣлало это послѣднее, чтобы заставить меня трепетать — похвала живымъ можетъ быть принята за лесть — я только констатирую фактъ. Я знаю, что съ тѣхъ поръ, какъ мы получили свободу прессы — я трепещу. Покуда я пишу — я не боюсь. Иногда я даже дѣлаюсь храбръ; возьму да и напишу: напрасно-молъ думаютъ нѣкоторые, что благожелательное и ничѣмъ, кромѣ почтительности, нествсняемое обсужденіе дѣйствій (замѣтьте аллегорію: я даже умалчиваю, чьихъ и какихъ дѣйствій) равносильно нападенію съ оружіемъ въ рукахъ... Но какъ только процессъ писанія кончился, какъ только статья поступила въ наборъ, боязнь чего-то неопредѣленнаго немедленно вступаетъ въ свои права. И она усиливается и усиливается по мѣрѣ того, какъ исправляется корректура и наступаетъ часъ, съ котораго долженъ считаться четырехдневный для журналовъ и семидневный для книгъ срокъ нахожденія произведеній человѣческаго слова въ чревѣ китовомъ. Чудятся провинности, преступленія, чуть не уголовщина.

И въ то же время ласкаетъ рабская надежда: а можетъ быть и пройдетъ! Я знаю, что это надежда гнусная, неопрятная, что она есть не что̀ иное, какъ особое видоизмѣненіе трепета, но я знаю также, что она не только лично для меня, но и вообще представляетъ единственную руководящую нить въ современномъ литературномъ ремеслѣ. Избавиться отъ нея, правда, очень легко; стоитъ только забросить перо, распроститься съ корректурами и какъ чумы обѣгать типографіи— но вотъ подите же... Сдается, что не будь этой надежды—пожалуй, не было бы и русской литературы, а были бы однѣ „Московскія Вѣдомости“...

Само собой однакожъ разумѣется, что я всячески стараюсь скрывать и мой рабій трепетъ, и мои рабьи надежды. Я — либералъ, и потому прежде всего стараюсь выказать, что очень хорошо понимаю свои права. „Нѣтъ! теперь уже шалишь!—твержу я и устно, и письменно:—теперь цензору до меня какъ до звѣзды небесной далеко!“ И начинаю горячиться, начинаю разсказывать анекдоты изъ до-реформенной цензурной практики и доказывать, что сравнительно мое нынѣшнее положеніе... „Помилуйте! да теперь я сознаю себя господиномъ своего слова; хочу—скажу, хочу—не скажу; вспомните, что̀ мы были прежде, и чѣмъ сдѣлались теперь! Теперь ежели что̀, такъ вѣдь я и тово... Я вѣдь и самъ ногти покажу... нѣтъ, теперь не такъ-то ловко меня обездолить!“ Говорю я все это, даже кричу, чтобъ пуще себя ободрить и—о, ужасъ!—въ это же время чувствую, какъ невидимый трепетъ ползетъ по всему моему организму, ползетъ, ползетъ и незамѣтно разрѣшается сладкой надеждой, что, „можетъ быть, и пронесетъ“...

Но пріятели мои понимаютъ, что все это съ моей стороны не больше какъ напускное хвастовство, напоминающее тѣ „невидимыя міру слезы сквозь видимый міру смѣхъ“, о которыхъ упоминалъ еще Гоголь. И такъ какъ они — люди русскіе, веселые, то нерѣдко я служу для нихъ предметомъ довольно жестокихъ шутокъ, канвою которымъ служатъ: слухи о предначертаніяхъ и предначертаніяхъ, свѣдѣнія, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ источниковъ“, канцелярскія тайны и проч. Иногда разсказываются даже цѣлыя сцены, разсказываются въ лицахъ, такъ жизненно и съ такими характеристическими подробностями, не повѣрить которымъ нѣтъ никакой возможности. Какъ тутъ не вдаться въ обманъ, какъ не счесть себя погибшимъ,

когда и самъ ужъ заранѣе, такъ сказать, признаешь, что погибель есть только снисходительно-отсроченное возмездіе за тѣ неключимости, которыя съ помощью пера содѣяла правая рука твоя.

Но особенную озорливость въ этомъ смыслѣ являетъ пріятель мой Глумовъ. Онъ отлично знаетъ мою наклонность увлекаться трепетомъ и надеждами, и потому каждый разъ, какъ я попадаю въ чрево кита (а это случается почти ежемѣсячно), является ко мнѣ съ спеціальною цѣлью наблюсти, въ какой степени я боюсь. Изрѣдка онъ бываетъ и въ добромъ расположеніи духа, и тогда мы вмѣстѣ твердимъ: „небось! ничего! можетъ быть, и пронесетъ!“ Но чаще всего онъ приходитъ преисполненный глумливаго подстрекательства, въ которомъ я никогда не могу отличить искренности отъ неискренности, и которое поэтому еще болѣе увеличиваетъ мой страхъ.

Именно въ такомъ озорливомъ настроеніи явился онъ ко мнѣ на дняхъ. Уже три дня лежалъ я въ чревѣ; оставалось еще двадцать-четыре мучительныхъ часа... Пронесетъ или не пронесетъ?

— Да, братъ, видно, быть бычку на веревочкѣ!—сразу огорошилъ онъ меня, войдя въ кабинетъ.

— Что? что такое? развѣ что-нибудь слышно?—встрепенулся я.

— Какъ не слыхать! слухомъ земля полнится! Да, братъ, нельзя! Нельзя, мой другъ, такимъ образомъ... невозможно!

— Что такое случилось? Говори, сдѣлай милость, не мямли!

— Покуда еще ничего не случилось, но признаки есть, и признаки серьезные... Сейчасъ иду я къ тебѣ, и вдругъ на встрѣчу мнѣ человѣкъ одинъ... понимаешь? Идетъ этотъ человѣкъ къ мѣсту служенія, и на челѣ у него: нельзя!

— Господи!

— „Нельзя“ — только одно это слово! Но ты понимаешь: завтра тебѣ срокъ, а сегодня... понимаешь?

— Какъ не понимать! Но какъ же это однако... нельзя! И что это за слово „нельзя“? Нельзя! вѣдь это даже понять трудно!

— Нельзя—и все тутъ.

— Да ты, можетъ быть, ошибся! Можетъ быть...

— Неужто-жъ мнѣ въ первый разъ на лбахъ-то читать! Да и напроказничали же вы, должно быть! Идетъ „онъ“ и словно обдумываетъ: какую бы пытку на васъ изобрѣсти.

Затѣмъ мы начали горевать. Я, какъ истинный либералъ, огла-

шалъ стѣны кабинета возгласами: „за что же? Господи! за что?“ Глумовъ подавалъ мнѣ реплику, большею частью пословицами. Наконецъ, когда я достаточно высказалъ, что всѣ мои обычныя разглагольствованія о какихъ-то якобы правахъ разлетаются какъ дымъ отъ прикосновенія одного слова: „нельзя“, тогда Глумовъ сознался, что никого, „идущаго къ мѣсту служенія“, онъ не видалъ, ни на какихъ лбахъ ничего не читалъ и что вообще вся эта исторія была имъ выдумана въ видахъ испытанія, въ надлежащей ли степени я боюсь. И вновь сладкая надежда озарила мою душу, и вновь я сталъ предаваться работѣ проникновенія въ мракъ будущаго: пронесетъ или не пронесетъ?

— Нѣтъ, ты ужъ эти глупости-то оставь!—прервалъ меня Глумовъ:—это, братъ, дѣло изслѣдовать нужно!

— Какое дѣло?

— А вотъ хоть то, что вы, русскіе писатели, обязываетесь не только услаждать досуги публики вашими писаніями, но и періодически подвергаться унизительному трепету.

Но я, разувѣренный насчетъ предстоящей опасности, уже настолько ободрился, что взглянулъ на друга моего не только самоувѣренно, но почти нахально.

— Я не знаю,—сказалъ я:—о какомъ ты трепетѣ говоришь! Я думаю, что въ настоящее время положеніе мое, какъ русскаго писателя...

— Пхе!—вотъ твое положеніе! Дунуть на тебя—ты и погасъ!

— Ну, нѣтъ, любезный другъ, это не совсѣмъ такъ! Я свои права...

— А кто сейчасъ восклицалъ: за что, молъ, о, судьба прежестокая!.. кто восклицалъ?

— Еще бы! ты бы побольше выдумывалъ!

— Да какъ же иначе съ тобой поступать? Какъ иначе остепенить твое малодушіе? Взгляни ты на себя, сдѣлай милость! вѣдь даже понять нельзя, какимъ образомъ ты эту пытку выдерживаешь! Двадцать-шесть дней въ мѣсяцъ ты приготовляешься къ трепету, а четыре дня трепещешь! гдѣ, скажи, въ какой сферѣ дѣятельности возможно такое существованіе!

— Ну, хорошо! Положимъ, что въ настоящую минуту мое положеніе... ну, да, допустимъ это. Но дѣло вѣдь не въ одной той ми-

нутѣ, которую мы переживаемъ, а въ тѣхъ залогахъ, которые представляютъ намъ будущее...

— А ты про эти залоги слыхалъ?

— Не только слыхалъ, но даже изъ достовѣрныхъ источниковъ знаю...

— Срамникъ ты — вотъ что!

Сказавши это, Глумовъ такъ строго взглянулъ на меня, что я совершенно явственно почувствовалъ, какъ краска разлилась по моему лицу.

— Такъ ты до того доволенъ своимъ положеніемъ, — продолжалъ онъ: — что даже не хочешь подумать о томъ, почему ты всегда долженъ чего-то бояться, хотя, въ сущности, никакой вины за тобой нѣтъ?

— Ну, какъ никакой вины? Винъ-то, любезный другъ, за нами — слава Богу!

— И опять-таки срамникъ! Самъ на себя клеплетъ, да еще ломается! Никакихъ, понимаешь ты, *никакихъ* за тобой винъ нѣтъ, и ты на себя небылицъ не выдумывай! До такой степени нѣтъ никакихъ винъ, что тебѣ даже и въ голову не приходило разобрать, дурно или хорошо твое положеніе, и отчего оно такъ устроилось, а не иначе. Вѣдь еслибъ что-нибудь за тобой было — ужъ навѣрное ты хоть бы понять постарался, что тутъ такое есть!

— Да; дѣйствительно я какъ-то мало объ этомъ думалъ; корректура, знаешь, спѣшная работа...

— И это говоритъ человѣкъ, который весь по уши погрязъ въ литературное ремесло! Человѣкъ, у котораго не только умственные, но и матеріальные интересы, словомъ, вся жизнь, до такой степени связана съ литературой, что завтра отними у него возможность писать, и онъ исчезъ — безъ слѣда! И тебѣ не совѣстно сознаваться, что ты ни разу не подумалъ, отчего литературное ремесло у насъ такъ странно поставлено, что, занимаясь имъ, почти трудно оставаться порядочнымъ человѣкомъ! Вѣчно холостствовать, вѣчно думать о какихъ-то „обстановочкахъ“! — помилуй, да самый послѣдній мастеровой, и тотъ не выдержитъ этого! и тотъ прежде всего позаботится о томъ, чтобы сдѣлать свое положеніе по возможности независимымъ отъ случайностей! А вы, литераторы, вы, люди, называющіе себя выразителями умственнаго уровня страны — вы только и

дѣлаете, что бѣгаете какъ угорѣлые, обдумывая, какъ бы такъ схорониться, чтобы и найти васъ никто не могъ!

— И прибавь еще, что какъ ни хоронимся, а все-таки насъ умѣютъ найти!

— Да ужъ не думаешь ли, что васъ оттого находятъ, что видятъ въ васъ что-нибудь опасное? Какъ бы не такъ! Просто видятъ въ васъ, во всей русской литературѣ (даже исключенія, и тѣ допускаются нехотя, скрѣпя сердце), что-то омерзительное, какую-то пресмыкающуюся гадину, при видѣ которой безъ всякаго повода приходитъ на мысль: а дай-ка я ее раздавлю! Кто васъ читаетъ? скажи по совѣсти: кто читаетъ васъ?

— Ну, братъ, что касается до читателей, то это — фактъ несомнѣнный, что число покупающихъ книги и подписывающихся на журналы съ каждымъ годомъ все увеличивается и увеличивается.

— Да, это — явленіе дѣйствительно загадочное. Число читателей какъ будто и въ самомъ дѣлѣ увеличивается, если судить по расходу книгъ и журналовъ. Но скажи по совѣсти: знаешь ли ты своего читателя? Можешь ли ты указать, къ кому именно ты обращаешь свою рѣчь? Кого ты хочешь воспитывать? Нѣтъ, ты не отвѣтишь на эти вопросы, потому что современный русскій читатель до того разбросанъ, что дѣлается неуловимъ. Во всякомъ случаѣ, что касается до вліятельныхъ классовъ, до такъ-называемыхъ представителей культурнаго слоя, то они — честью тебя завѣряю — до такой степени игнорируютъ васъ, писателей, что единственное твердое свѣдѣніе, которое они имѣютъ о русской литературѣ, заключается въ томъ, что она омерзительна.

— Но какая же надобность литературѣ до этого! Что ее игнорируетъ, а пожалуй и презираетъ небольшая кучка выродившихся людей, размыкивающихъ свои досуги по Баденъ-Баденамъ, Висбаденамъ и Вильдбаденамъ, разорвавшихъ всякую связь съ Россіей, за исключеніемъ получки доходовъ, и составляющихъ себѣ библіотеки изъ Монтеневъ, Февалей и Самаровыхъ — такъ вѣдь это еще небольшая потеря!

— Постой! Покуда я назвалъ только одинъ изъ числа игнорирующихъ васъ классовъ — классъ людей, именующихъ себя культурными, — но можно вѣдь идти и дальше. Вообще, я думаю, гораздо легче отвѣтить на вопросъ, кто *не читаетъ* русскихъ книгъ, нежели

на вопросъ, кто ихъ *читаетъ*. Знаетъ ли васъ народъ? — Нѣтъ, онъ даже не подозрѣваетъ о существованіи русской литературы. Знаетъ ли васъ молодое поколѣніе? Нѣтъ, оно хуже нежели не знаетъ: оно относится къ современной русской литературѣ какъ къ чему-то недомысленному, лишенному какихъ бы то ни было правъ на воспитательный авторитетъ. Знаетъ ли васъ такъ-называемое ученое сословіе?—Нѣтъ, и оно смотритъ на литературу какъ на проявленіе легкомыслія, которое въ благопріятномъ случаѣ можно считать безполезно-невиннымъ, а въ бо́льшей части случаевъ имѣетъ характеръ раздражающій и, стало быть, вредный. Кто же, спрашивается, читаетъ васъ? Отъ кого вы ждете оцѣнки для себя? На кого думаете вліять?

— Согласись однако, что еслибы насъ не читали, еслибъ вліяніе русской литературы не существовало, то и вниманія никто бы на нее не обращалъ, и писателю не для чего было бы ни лукавить, ни бояться.

— И съ этимъ не соглашусь. Повторяю тебѣ: современный русскій читатель неуловимъ и разсѣянъ по лицу земли, какъ іуден. Онъ читаетъ въ одиночку; онъ ничего не ищетъ въ литературѣ и ни съ кѣмъ не дѣлится прочитаннымъ. Печатное русское слово не зажигаетъ сердецъ и не рождаетъ подвиговъ. Нигдѣ и ни на чемъ не увидишь ты слѣдовъ вліянія дѣйствующей русской литературы. И благонамѣренность, и неблагонамѣренность одинаково зрѣютъ и развиваются внѣ ея воздѣйствія. И ежели за всѣмъ тѣмъ на литературу обращаютъ вниманіе и заставляютъ васъ трепетать, то это отчасти по старой укоренившейся привычкѣ, а отчасти по недоразумѣнію...

— Однакожъ...

— Да, именно по недоразумѣнію, потому только, что культурный-то слой нашъ очень ужъ плохъ—и плохъ, и пуглив. Вотъ ты сейчасъ сказалъ, что для литературы еще небольшая потеря, что ее презираетъ шайка людей, которая шляется по Баденамъ да Висбаденамъ; но встань на практическую почву, да и отвѣчай мнѣ: отчего трепетъ-то твой происходитъ?

— Да оттого, полагаю, что строго нынче ужъ очень. Руководствъ надлежащихъ не изданно, которыя содержали бы отчетливую и для всѣхъ внятную классификацію предметовъ, которыми можетъ

или не можетъ заниматься литература—вотъ и путаются словно въ тенётахъ.

— Ты не остри, а вникнуть старайся. Строго, ты говоришь? да отчего строго-то? то-есть, даже и не строго, а просто-на-просто презрительно? А оттого, любезный другъ, что эти самые культурные люди, которые размыкиваютъ за границей свое отвращеніе къ Россіи, вотъ они-то ужъ слишкомъ большую силу взяли! Шипятъ они, душа моя, клевещутъ, сплетничаютъ, смуту сѣютъ! А ты вотъ тутъ сидишь да обдумываешь: какъ бы мнѣ такъ мою мысль выразить, чтобы никто не поймалъ!

— Ну, это ужъ ты преувеличиваешь! Конечно, когда происходитъ процессъ печатанія и выхода книжки—я не изъятъ отъ нѣкоторыхъ безпокойствъ; но пишу я всегда...

— Стой! сейчасъ же тебя поймаю! Вотъ хоть бы теперь: ты пишешь и хочешь выразить самую простую и отнюдь не зажигательную мысль. Ты желаешь сказать: безсиліе русской литературы зависитъ, во-первыхъ, оттого, что у нея нѣтъ достовѣрнаго читателя, на котораго она могла бы опереться; и, во-вторыхъ, оттого, что въ составленіи ея репутаціи слишкомъ большое участіе принимаютъ такъ-называемые культурные люди, то-есть бродяги, оторванные отъ всѣхъ интересовъ Россіи. Такова ли твоя мысль?

Я долженъ былъ сознаться, что такова.

— Ну, такъ смотри же, сколько ты обходовъ долженъ былъ сдѣлать, чтобы пустить въ ходъ эту совершенно простую мысль, на которую нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не обратили бы вниманія; да пожалуй, въ другомъ-то мѣстѣ она и у самого тебя, за неимѣніемъ повода, зародиться бы не могла... Во-первыхъ, ты долженъ былъ затѣять статью въ печатный листъ, тогда какъ все дѣло ясно изъ пяти-шести строкъ; во-вторыхъ, ты долженъ былъ выдумать, что у тебя есть какой-то пріятель Глумовъ, который періодически съ тобой бесѣдуетъ и пр. Сознайся, что ты этого Глумова выдумалъ только для реплики, чтобъ объективности принустить, на тотъ случай, что ежели что, такъ имѣть бы готовую отговорку: я, молъ, самъ по себѣ ничего, это все Глумовъ напуталъ!

И съ этимъ я долженъ былъ согласиться.

— Что касается до меня,—продолжалъ Глумовъ:—то я тебѣ извиняю. Потревожилъ ты меня, другъ любезный, ну, да это—еще

небольшая бѣда! Но зачѣмъ ты все это дѣлалъ? зачѣмъ ты мозги свои безпокоилъ? Вѣдь все-таки никто изъ культурныхъ людей мыслей твоихъ не узнаетъ и съ объективностью твоей не познакомится!

— Да, но вѣдь ты самъ же сейчасъ сказалъ, что ежели человѣкъ чувствуетъ себя нехорошо, то прежде всего онъ долженъ уяснить себѣ, отчего это нехорошее ощущеніе происходитъ. Ну, я и выбралъ для достиженія этого способъ, который мнѣ показался наиболѣе подходящимъ.

— И прекрасно. Стало быть, я послужилъ къ тому, что заставилъ тебя высказаться,—и то барышъ. Теперь ты знаешь источникъ твоего трепета; слѣдовательно, остается только разработать эту тему, и буде возможно, то идти и дальше. А такъ какъ безъ объективности ты все-таки не обойдешься, то я, съ своей стороны, всегда къ твоимъ услугамъ готовъ!

Итакъ, причина сказалась, хотя, быть можетъ, и не единственная, но во всякомъ случаѣ одна изъ причинъ. Глумовъ правъ: достовѣрнаго, вѣскаго читателя современная русская литература не имѣетъ, а между тѣмъ культурные Бобчинскіе и Добчинскіе до того ужъ расщебетались, что даже повидимому совсѣмъ забыли, что еще очень недавно Сквозникъ-Дмухановскій безъ церемоніи называлъ ихъ „сороками короткохвостыми“. Не будь короткохвостыхъ сорокъ, сплетничающихъ, стрекочущихъ, праздно порхающихъ—много безсмысленной кутерьмы умерло бы въ самомъ зародышѣ, не опутывая своими тенётами добропорядочныхъ людей. Но спрашивается: что же тутъ дѣлать? какъ унять сорочье племя? какъ по крайней мѣрѣ сдѣлать безвреднымъ его стрекотаніе? убѣждать ихъ? но развѣ можно имѣть дѣло съ сплетничающимъ племенемъ, которое прежде всего не знаетъ даже предмета своихъ сплетенъ? Сдѣлать ихъ сплетни безвредными? но вѣдь для этого нужно еще доказать, что сорока—ни больше, ни меньше, какъ дрянная и не заслуживающая довѣрія птица: а какая же возможность достигнуть этого, когда весь міръ склоненъ видѣть въ Бобчинскихъ представителей культуры и ужъ по малой мѣрѣ носителей благонадежныхъ элементовъ? Сколько разъ были дѣланы попытки въ этомъ родѣ! Сколько разъ я самъ и убѣждалъ, и удостовѣрялъ, и даже до начальства доходилъ!

— Ваше превосходительство, — говорилъ я: — вѣдь это — птица!

— Ну-съ, дальше-съ.

— Вѣдь птица, ваше превосходительство, глупа и робка. Ей, съ глупости да со страху, Богъ вѣсть что̀ привидѣться можетъ... Птицы—это, ваше превосходительство, птицы!

— Птицы да птицы—затвердили одно! Знаю, что—не люди, но есть случаи, когда птица... Птицы, милостивый государь, не волнуютъ общественнаго мнѣнія, не смущаютъ умовъ, а люди, а вы-съ...

Это—единственный результатъ, котораго я добился цѣною многолѣтнихъ усилій. Неужели же мнѣ предстоитъ опять приниматься за ту же работу убѣжденія, т.-е. возобновлять сейчасъ приведенный разговоръ? Но еслибы я и дѣйствительно могъ убѣдить, что не я волную и смущаю, а именно Бобчинскіе и Добчинскіе, которые своими безсмысленными сплетнями сѣютъ повсюду не менѣе безсмысленную панику, то развѣ его превосходительство поцеремонится отвѣтить мнѣ:

— Ну что-же-съ! пусть будетъ и такъ-съ! Они и смущаютъ, и волнуютъ—я съ вами согласенъ-съ! Но Бобчинскіе намъ милы, въ Добчинскихъ мы увѣрены, а въ васъ-съ...

И дѣло съ концомъ. Ужели я и тутъ еще не умолкну? „Они намъ милы“, „мы въ нихъ увѣрены“ – развѣ этого мало? кого же наконецъ и баловать, какъ не людей, относительно которыхъ существуетъ увѣренность, что ужъ они-то никакихъ затрудненій представить для насъ не могутъ?!

Ставши на эту почву, мнительное воображеніе уже не останавливалось въ созиданіи перспективъ, исполненныхъ всякаго рода препятствій. Мнѣ чудилось, что я стою среди безчисленной стаи сорокъ и держу имъ такую рѣчь: „Сороки короткохвостыя! понимаете ли вы, что̀ такое литература и что̀ такое, въ сравненіи съ нею, ваше сорочье стрекотанье? Литература—о, легкомысленнѣйшія изъ птицъ! – есть воплощеніе человѣческой мысли, воплощеніе вѣчное и непреходящее! Литература есть нѣчто такое, что̀, проходя черезъ вѣка и тысячелѣтія, заноситъ на скрижали свои и великія дѣянія, и безобразія, и подвиги самоотверженности, и гнусныя подстрекательства трусости и легкомыслія. И все однажды занесенное ею не пропадаетъ, но передается отъ потомковъ къ потомкамъ, вызывая благословенія на головы однихъ и глумленія на головы другихъ. Понимаете ли вы все безсиліе ваше въ виду этого неподкупнаго и непоколебимаго ве-

личія? Ежели вы этого не понимаете, то подумайте хоть то, что есть судъ вѣковъ и что у васъ есть дѣти; что если вы лично и равнодушны къ суду исторіи, то ваши дѣти могутъ [illegible] звенящаго срамословія, изнемочь подъ его тяжестью! Остановись же, Бобчинскій, и не извергай яда легкомыслія на то, что̀ недоступно твоему скудному пониманію! Ибо сынъ твой, который будетъ несомнѣнно лучше и прозорливѣе тебя, угадаетъ твои дѣянія—и, быть можетъ, устыдится признать въ тебѣ отца своего!“

Однимъ словомъ, я спускаюсь на почву чисто практическую, хватаюсь за самую живую струну — за дѣтей, хочу растолковать, что ради нихъ, этихъ многолюбимыхъ дѣтей, не безполезно держать языкъ за зубами, даже въ томъ случаѣ, ежели имѣется въ перспективѣ медаль за спасеніе погибающаго культурнаго общества. И что-жъ! сороки сначала смотрятъ на меня и другъ на друга недоумѣвающими глазами, но потомъ мало-по-малу осмѣливаются, щеголевато подскакиваютъ къ самымъ моимъ ногамъ, расправляютъ крылья, чистятъ носы и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаютъ прерванное стрекотаніе... „А наплевать намъ на исторію! наплевать на дѣтей! и мы—навозъ, и исторія—навозъ, и дѣти наши—навозъ!“ слышится мнѣ среди безнадежнаго хаоса звуковъ...

Ахъ! никогда я не зналъ ничего болѣе унизительнаго и до боли гнетущаго, какъ это праздное сорочье стрекотанье! Есть въ немъ что-то посрамляющее слухъ человѣческій и въ то же время дразнящее, подуськивающее. Бобчинскіе не вызываютъ гнѣва, а именно только дразнятъ, нахально опираясь при этомъ на свою сорочью невмѣняемость. Дѣлая пакости, иногда равносильныя злодѣяніямъ, они вовсе не сознаютъ неключимости своего творчества, но лишь выполняютъ провиденціальное свое назначеніе. И вотъ къ этому-то подневольному, невмѣняемому и вдобавокъ неопрятному виду человѣка я долженъ обращаться, долженъ думать объ немъ, объяснять его и обличать сорочье его щебетаніе! Гдѣ, въ какой странѣ возможенъ подобный подвигъ, исключая тѣхъ постылыхъ сорочьихъ угловъ, гдѣ Бобчинскіе и Добчинскіе даютъ тонъ жизни, гдѣ, быть можетъ, даже совсѣмъ погасла бы жизнь, еслибъ не будило ее ихъ назойливое стрекотаніе!

Да и съ какимъ правомъ я обращу свою проповѣдь къ Бобчинскимъ? гдѣ тотъ противовѣсъ, на которой я могъ бы опереться при-

этомъ? гдѣ онъ, гдѣ тотъ загадочный русскій читатель, отъ котораго я имѣлъ бы право ожидать оцѣнки и одобренія?

Покуда я такимъ образомъ размышлялъ, Глумовъ молча ходилъ по комнатѣ и повидимому тоже что-то обдумывалъ. Наконецъ онъ остановился противъ меня и сказалъ:

— Знаешь ли что? вѣдь я на дняхъ Петьку Износкова встрѣтилъ!

— Ну, и Богъ съ нимъ!

— Да ты слушай. Идетъ онъ по Морской, а въ глазахъ у него такъ и свѣтится культурность. Словомъ сказать, производитель во всѣхъ статьяхъ. Встрѣтились—ничего. Другихъ культурныхъ людей по близости не случилось—стало быть, и мнѣ втихомолку руку подать можно. Постояли, поглядѣли другъ на друга, школьную жизнь вспомнили. Выправился онъ, раздобрѣлъ—страсть! Въ плечахъ—косая сажень, грудь колесомъ, тѣло крупичатое, румянецъ такъ и хлещетъ во всю щеку. Такъ вотъ весь, всѣмъ нутромъ словно говоритъ: а хочешь, я сейчасъ тебѣ цѣлую десятину унавожу! А картавитъ какъ—заслушаешься!

— И охота тебѣ говорить объ немъ!

— Вотъ видишь, любезный, ты объ немъ и говорить не хочешь, а онъ объ тебѣ вспоминалъ! „Гдѣ, говоритъ, онъ? я, говоритъ, слышалъ, что онъ съ мерзавцами связался?“

— И ты, разумѣется, подтвердилъ?

— Еще бы! Да, говорю, жаль малаго! скружился!

Затѣмъ Глумовъ, по своему обыкновенію, засыпалъ меня анекдотами изъ жизнеописанія русскаго культурнаго человѣка, такъ что мало-по-малу и меня самого увлекъ въ область воспоминаній объ нашей совмѣстной школьной жизни.

— А помнишь ли,—сказалъ я:—какъ мы въ школѣ родословную Износкову сочинили: отецъ—Бычокъ, мать—Свѣтлана, бабка—Рѣзвая, отъ Громобоя и Гориславы, прапращуръ—самъ Синеусъ?

— А дядя, который въ то время полковникомъ въ гусарахъ служилъ — сѣрый въ яблокахъ Борисоѣнъ? А помнишь, какъ онъ разсказывалъ: „у меня maman такая слабенькая, что даже родить меня сама не рѣшилась, а тетенькѣ поручила“?

— Да, да, да! какъ давно однако все это было! и сколько воды съ тѣхъ поръ утекло!

— Такъ много утекло, что онъ даже поумнѣть успѣлъ. Серьезно говорю. Прежде, бывало, только зубы показывалъ, бѣлые-разбѣлые, а нынѣче и говорить началъ. „Пальто, говоритъ, у меня отъ Діагмега, панталоны—отъ Тедески, жилетка—отъ Жогжѣ"! И объ заграничномъ житьѣ тоже: „въ Германіи, говоритъ, горы зеленыя, въ Швейцаріи—горы голыя, въ Италіи—небо синее, а въ Римѣ—римскій папа сидитъ"! Словомъ сказать, ведетъ свѣтскій разговоръ да и шабашъ!

— Въ администраторы, чай, мѣтитъ?

— Нѣтъ, эта въ немъ благородная черта есть: безъ дѣла слоняться предпочитаетъ. А то какъ бы не попасть! вѣдь ему графиня Нахлесткина теткой родной приходится. Да ему и незачѣмъ: и безъ того его положеніе завидное. Нынче, братъ, такой особенный чинъ народился: всякій, кому голову приклонить некуда, представителемъ культурнаго слоя себя называетъ. Вотъ онъ приписался къ этому чину, да и щеголяетъ въ немъ по бѣлу свѣту. Лѣтомъ — на водахъ и въ Швейцаріи, осенью и весной — въ Парижѣ, на зиму — въ Петербургъ: ѣстъ и пьетъ онъ отлично, спитъ въ мѣру, желудокъ у него варитъ на славу, огорченій никакихъ—чего еще, какихъ еще почестей нужно!

— Да, братъ, хорошо бы хоть годокъ такъ пожить! А то маешься-маешься, словно бы и дѣло дѣлаешь, а результатъ одинъ: воочію видишь, какъ подтачивается и засыхаетъ твоя жизнь!

— А я тебѣ, знаешь ли, что̀ хотѣлъ предложить? Сходимъ-ка вмѣстѣ къ Износкову!

— Это зачѣмъ?

— Во-первыхъ, для разгоначія хандры. По моему мнѣнію, что̀ съ Износковымъ повидаться, что̀ на хорошій пирогъ съ начинкой посмотрѣть—одинаково сердцемъ расцвѣтешь. А во-вторыхъ, хотѣлось бы и предполагаемаго читателя твоего тебѣ показать—вѣдь ты говоришь, что у васъ ихъ много— чтобы ты самъ убѣдился, какъ онъ на тебя смотритъ и объ тебѣ разговариваетъ.

— Да вѣдь Износковъ, пожалуй, сдѣлаетъ видъ, что не узнаетъ меня! Или и узнаетъ, да какую-нибудь глупость брякнетъ!

— А мы, для предосторожности, такой часъ выберемъ, когда у него культурныхъ людей не бываетъ. Часовъ, этакъ, около половины двѣнадцатаго утра. Въ это время онъ всегда отлично себя чув-

ствуетъ. Выспался превосходно, пищевареніе совершилось благополучно... добръ онъ тогда! Много-много что легонькій репримандецъ сдѣлаетъ... Ну, да вѣдь ты насчетъ репримандовъ-то — травленый волкъ!

По обыкновенію я нѣкоторое время слегка противорѣчилъ и по обыкновенію же въ концѣ концовъ сдался.

Мы застали Износкова за занятіемъ, которому онъ повидимому придавалъ большую важность. Онъ сидѣлъ за туалетнымъ столомъ передъ зеркаломъ, въ брюкахъ безъ жилета, въ тончайшей и бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ, и повязывалъ на шею галстухъ. Подтяжки такъ и врѣзывались въ его пухлыя плечи. Я ужъ лѣтъ двадцать-пять не встрѣчался съ Износковымъ, и мнѣ вдругъ почудилось, что я вновь очутился въ школѣ и что Петька Износковъ показываетъ мнѣ свои ослѣпительно-бѣлые зубы. Высокій, широкогрудый, румяный и бѣлый, онъ подавлялъ своимъ могучимъ здоровьемъ, которое такъ и лучилось изъ всѣхъ его поръ. На лицѣ ни единой морщинки; глаза съ какимъ-то сизо-металлическимъ блескомъ, словно сейчасъ отчеканенные пятиалтынные сорокъ-второй пробы; губы пухлыя, алыя, осѣненныя тоненькими усиками, вытянутыми въ нитку; щеки чистыя, румяныя; тѣло, правда, нѣсколько тучное, но крѣпкое; грудь высокая, почти женская. Однимъ словомъ, время скользнуло по немъ, не оставивъ ни на одной части его организма никакого слѣда.

— Ба! литераторъ! — воскликнулъ онъ, протягивая руки съ тѣмъ порывистымъ жестомъ, который употребляютъ актеры Михайловскаго театра, когда хотятъ выразить радушіе: — какими судьбами?

— Да вотъ, какъ видишь!

— Постой! встань-ка ближе къ свѣту! вотъ такъ! Постарѣлъ, душа моя! Все стихи пишешь?

— Какіе же онъ стихи пишетъ!—вступился Глумовъ:—отродясь, я чай, ни одного стиха не сочинилъ!

— Ну, все равно—прозой пишетъ! Я, признаюсь откровенно, съ русской литературой не знакомъ. C'est à dire, я, конечно, знаю... Derjavine, Karamzine, Pouschkin, le comte Sollogoub... Но тебя, мой другъ,—каюсь! — не читалъ! Но какъ ты однакожъ непозво-

лительно постарѣлъ! Эта сѣдая борода, этотъ землистый тонъ лица, эти морщины... Я пари готовъ держать, что все это у тебя отъ стиховъ!

— Ну, а ты такъ совсѣмъ не измѣнился. какъ въ школѣ красавцемъ былъ, такъ и теперь молодцомъ глядишь!

— Да, но вѣдь это—цѣлая наука, mon cher! Конечно, не столь трудная, какъ, напримѣръ, стихи писать!

Онъ сѣлъ и усадилъ меня противъ себя, держа за руки и смотря мнѣ прямо въ глаза. При этомъ лицо его озарилось не то глупою, не то лукавою улыбкой, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: хоть я стиховъ и не пишу, но тебя вижу! и даже насквозь тебя, голубчикъ, понимаю!

Я помню, эта улыбка еще въ школѣ меня ужасно смущала, хотя я никогда не могъ хорошенько опредѣлить, въ чемъ собственно состоитъ ея смущающее свойство. Сидитъ передъ вами человѣкъ, смотритъ вамъ прямо въ глаза и улыбается. Хочетъ ли онъ этимъ сказать: „я глупъ несомнѣнно, но мнѣ нимало этого не совѣстно“—или желаетъ выразить мысль болѣе сложную: „посмотри, какъ я чистъ сердцемъ (у насъ сердечная чистота очень часто считается непремѣннымъ спутникомъ глупости); а ты?“ И начинаетъ вдругъ казаться, что этотъ улыбающійся человѣкъ, при всей его глупости, все-таки, себѣ на умѣ; что онъ знаетъ нѣчто больше, нежели можно ожидать отъ его простодушія, и знаетъ именно то, что пуще всего хотѣлось бы скрыть... А ну какъ онъ „ляпнетъ“! Умный человѣкъ — тотъ посовѣстится и не „ляпнетъ“, а дуракъ — вѣдь не даромъ же говорятъ, что дураку море по колѣна—ляпнетъ онъ, непремѣнно ляпнетъ!

— Постой, объ стихахъ говорить незачѣмъ, — сказалъ между тѣмъ Глумовъ: — а вотъ мы лучше объ чемъ поговоримъ. Сейчасъ ты промолвилъ, что есть какая-то наука, благодаря которой ты до сорока пяти лѣтъ прожилъ, а все еще тридцатилѣтнимъ мужчиной смотришь. Такъ объясни ты намъ, сдѣлай милость, что это за наука такая?

— Mon cher! Главный секретъ этой науки состоитъ въ томъ, чтобъ начертать себѣ извѣстный esprit de conduite и затѣмъ все дѣлать въ свое время и не упускать ни одной подробности изъ того режима, который ты однажды призналъ для себя полезнымъ,—отвѣ-

чалъ Износковъ:—если ты твердо рѣшился слѣдовать этой линіи—твое дѣло выиграно; если же ты хоть однажды что-нибудь пропустилъ или сдѣлалъ не во-время—все пропало!

— Да, но вѣдь ты понимаешь, что съ однимъ хорошимъ поведеніемъ...

— О! что касается до средствъ, то съ этой стороны мы совершенно обезпечены. Намъ остается только протянуть руку и черпать. Это даже невѣроятно, какіе громадные успѣхи сдѣлала въ послѣднее время туалетная химія, туалетная механика и туалетная гигіена! Нѣтъ самой ничтожной бездѣлицы, которая не была бы предусмотрѣна; нѣтъ того cosmétique, дѣйствіе котораго не было бы опредѣлено съ величайшею точностью! Конечно, ошибки могутъ быть и здѣсь... Такъ напримѣръ, въ газетахъ сплошь и рядомъ мы читаемъ объявленія объ разныхъ dentifrices, eaux de Vénus и такъ далѣе—ну, разумѣется, къ этимъ средствамъ необходимо относиться съ нѣкоторою предусмотрительностью...

— Какъ же тутъ быть предусмотрительнымъ!—какъ бы недоумѣвалъ Глумовъ:—ну, прочиталъ, напримѣръ, въ газетахъ: мазь для рощенія волосъ... взялъ, намазался ею на ночь—анъ на утро у тебя вмѣсто головы голое колѣно!

— Да, ежели ты только эмпирикъ—оно непремѣнно такъ и случится. Я самъ, когда вышелъ изъ школы, тоже сгоряча прибѣгнулъ къ одной crême d'odalisque, которая, судя по объявленію, должна была сообщить моей кожѣ „une velouté jusqu'ici inconnue“; но на повѣрку вышло, что я цѣлую ночь проспалъ со щеками, вымазанными какою-то мерзостью, а на утро у меня по всему лицу выступили прыщи. Ошибки, мой другъ, неизбѣжны; но онѣ-то и должны намъ указывать, до какой степени необходимо во всякомъ дѣлѣ быть осмотрительнымъ. Нужно пользоваться этими ошибками, но не для того, чтобы вновь впадать въ нихъ, а для того, чтобы ихъ не повторять.

— Это ты правду сказалъ насчетъ ошибокъ-то. Но легко вѣдь говорить: будь осмотрителенъ, а какъ ты будешь осмотрителенъ, когда передъ тобой все неизвѣстность и мракъ?

— Откровенно скажу тебѣ, что я въ этомъ случаѣ—консерваторъ! Литераторъ!—обратился онъ ко мнѣ:—можетъ быть, тебя это слово шокируетъ, но ужъ извини меня, душа моя: я вѣдь вездѣ и во всемъ—консерваторъ! Во всемъ, ты понимаешь?.. Я революцій не

терплю... никакихъ!.. А впрочемъ объ этомъ послѣ. Итакъ, я—консерваторъ, и потому въ большей части случаевъ прибѣгаю къ такимъ средствамъ, надежность которыхъ уже испытана. Конечно, я допускаю и новые пути; я не до такой степени упоренъ, чтобы не понимать, qu'il y a quelque chose à faire, но на этотъ конецъ я имѣю такихъ субъектовъ, которымъ я плачу и которые на себѣ испытываютъ дѣйствія средствъ, кажущихся мнѣ интересными. Сверхъ того, вездѣ существуютъ такіе шимисты и гіеніисты, которыхъ спеціальность составляютъ туалетная химія и туалетная гіена. Я, напримѣръ, имѣю на этотъ предметъ въ Петербургѣ годового доктора, котораго совѣты были всегда для меня драгоцѣнны. Но, кажется, разговоръ нашъ не занимаетъ тебя?—опять обратился онъ ко мнѣ съ тою же глупо-лукавою улыбкой:—вѣдь ты привыкъ говорить о предметахъ возвышенныхъ... объ революціяхъ, напримѣръ?

— Помилуй, любезный другъ!—испугался я:—да я и самъ...

— Оставь его!—вступился за меня Глумовъ:—нравится или не нравится ему нашъ разговоръ—какое намъ до этого дѣло! Главное, чтобы намъ нравился. Ну-съ, такъ продолжаемъ. И много у тебя времени беретъ эта туалетная гигіена?

— Да какъ тебѣ сказать?—почти что весь день! Нынѣче раздѣленіе труда доведено до такой степени, что каждая часть тѣла служитъ предметомъ особеннаго ухода, особенныхъ порученій. Вотъ хоть бы сегодня. Я всталъ въ восемь съ половиной часовъ и до сихъ поръ—теперь половина двѣнадцатаго—не успѣлъ еще окончить моего туалета. Разумѣется, главное уже кончено, а все-таки необходимо дать послѣдній coup de main. Съ вашего позволенія, господа!

— Сдѣлай одолженіе! мы и во время туалета можемъ вести разговоръ!

Износковъ позвонилъ француза-лакея и опять отправился къ туалетному столу. Послѣдовалъ обрядъ надѣванія жилета и жакетки, во время котораго Износковъ повертывался передъ зеркаломъ на собственной оси, подергивалъ плечами, слегка постукивалъ пальцами по груди, какъ бы взбивая ее, а французъ-лакей не ходилъ, а какъ-то беззвучно плавалъ вокругъ него, слѣдя за всѣми его движеніями и стараясь уловить налету всякую его мысль. Наконецъ все было слажено, все сидѣло какъ вылитое, хотя ничто не обличало мучительной работы, предшествовавшей послѣднему coup de main. Мы

отправились въ столовую, гдѣ ужъ былъ сервированъ завтракъ на три персоны.

— Ну, а насчетъ пищи и питія какъ?—поинтересовался Глумовъ.

— Увы! ты затронулъ самое больное мѣсто моего существованія!—отвѣтилъ Износковъ:—да, хромаетъ у меня эта часть, сильно хромаетъ! Хотя конечно, и въ этомъ отношеніи я дѣлаю все, что можно, tout ce qui est humainement possible!

— А напримѣръ?

— Вотъ видишь ли, чтобъ ты могъ понять меня вполнѣ, я разскажу тебѣ весь свой петербургскій день. Литераторъ! это не обезпокоитъ тебя?

— Да нѣтъ же! Я даже не понимаю, почему ты предполагаешь!—поспѣшилъ я разувѣрить его и при этомъ улыбнулся такъ глупо, такъ глупо, что, право, кажется, глупѣе самого Износкова.

— Ну, такъ слушайте же меня!—серьезно началъ Износковъ, предварительно наливъ намъ по стакану превосходнаго лафита.—Я пробуждаюсь утромъ всегда въ восемь съ половиной часовъ. Почему въ восемь съ половиной, а не въ восемь и не въ девять—это я вамъ сейчасъ объясню. Во-первыхъ, раньше восьми съ половиной въ Петербургѣ, зимой, рѣдко бываетъ достаточно свѣтло; во-вторыхъ, еслибъ я всталъ раньше, мой французъ былъ бы неготовъ, а безъ него я не могу сдѣлать шага; если бы же я всталъ позднѣе, то самъ непремѣнно бы вездѣ опоздалъ; въ-третьихъ, это—именно тотъ часъ, когда пищеваренiе у меня уже совершилось, а въ-четвертыхъ, съ восьми съ половиной часовъ передо мной по крайней мѣрѣ два съ половиной часа, въ продолженіе которыхъ никто—вы понимаете: *никто!*—не можетъ мнѣ помѣшать. Затѣмъ, сесі posé, continuons. Вставши съ постели, я сейчасъ же сажусь въ ванну. Въ ванну въ двадцать-два градуса, ни больше, ни меньше, и съ двумя фунтами savon dulciliant, предварительно распущеннаго въ водѣ. Въ ваннѣ я сижу ровно двадцать-двѣ минуты, и въ девять часовъ я уже тамъ, въ той комнатѣ, въ которой вы меня застали. Я начинаю свою работу съ того, что мою губкой лицо, руки, чищу ногти, прополаскиваю себѣ ротъ, чищу зубы, языкъ и проч. и, вытеревши себя досуха особаго рода впитывающимъ влажность полотенцемъ, прихожу на свой постъ, къ моему туалетному столу. Здѣсь я прежде всего начинаю съ

изслѣдованій: внимательно разсматриваю свое лицо, и ежели замѣчаю гдѣ-нибудь прыщъ или красноту, то стараюсь припомнить проведенный мною наканунѣ день, чтобы вполнѣ точно опредѣлить причину накожнаго раздраженія. Кончивши изслѣдованія, сообразивши тѣ средства, которыя мнѣ могутъ потребоваться, и расположивши стклянки такъ, чтобы онѣ были какъ можно ближе подъ рукою, я начинаю работу практическихъ примѣненій, то-есть дѣлаю все, что̀ нужно, чтобъ получить въ результатѣ лицо вполнѣ приличное. Ma foi messieurs! еслибъ вы пришли ко мнѣ часомъ раньше, то не ручаюсь, что вы не увидѣли бы меня съ лицомъ, засыпаннымъ пудрою и покрытымъ различными onguents! Затѣмъ, покуда все это сохнетъ, я начинаю отдѣлку ногтей. Ногти, messieurs, то-есть ногти порядочнаго человѣка — вещь очень важная и вполнѣ зависящая отъ насъ самихъ. Ни носа, ни глазъ, ни даже зубовъ мы ни удлинить, ни укоротить не можемъ; съ ногтями же мы можемъ сдѣлать все, что̀ только въ состояніи придумать изящный вкусъ, согласованный съ требованіями современности. Ногти порядочнаго человѣка должны быть ни очень коротки, ни очень длинны (при этомъ изреченіи Износкова я невольно взглянулъ на свои ногти: они были обгрызенные!). Слишкомъ длинный ноготь съ трудомъ поддается обдѣлкѣ и скоро принимаетъ неряшливый роговой цвѣтъ; слишкомъ короткій ноготь придаетъ пальцу неприличный мясистый тонъ. Et puis un ongle doit être effilé и имѣть розовый цвѣтъ — вотъ (онъ показалъ намъ *свои* ногти)! Отдѣлка ногтей беретъ у меня около двадцати минутъ и требуетъ въ практическомъ смыслѣ большой опытности. Я употребляю при этомъ до двадцати названій разныхъ ножницъ, ножичковъ, подпилковъ, щеточекъ — по этому одному вы можете судить о томъ, до какой степени въ этомъ дѣлѣ доведено раздѣленіе труда! Покончивши съ ногтями, я пью свой кофе и терпѣливо ожидаю дѣйствія тѣхъ средствъ, къ которымъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть передъ отдѣлкой ногтей. Въ одиннадцать часовъ я умываюсь вновь, обтираюсь съ особенною тщательностью и непремѣнно передъ зеркаломъ. Потому что еслибъ я вытирался не передъ зеркаломъ, то изъ этого могли бы выйти слѣдующія послѣдствія: во-первыхъ, не всѣ части моего лица и рукъ были бы вытерты равномѣрно и дo-суха, а во-вторыхъ, я могъ бы допустить нѣкоторые недосмотры, которые потомъ было бы гораздо труднѣе поправить, нежели теперь, по горячимъ слѣдамъ. Справив-

шись окончательно съ лицомъ и руками, я начинаю причесываться, приступаю къ одѣванію и завязыванію галстуха. Здѣсь—опять цѣлая наука. Вотъ эти панталоны—посмотрите, какъ онѣ схватываютъ ляжку и какъ потомъ незамѣтно, почти нечувствительно спускаются-спускаются и наконецъ... ложатся на сапогъ! Они—отъ Тедески. Въ Петербургѣ есть довольно хорошихъ портныхъ, но что касается панталонъ—это Тедески! Тедески—это ваятель, который создастъ ногу почти неожиданно, точно такъ же, какъ Микѣшинъ совсѣмъ неожиданно создалъ памятникъ тысячелѣтію Россіи. Затѣмъ жилетъ и фракъ должны быть отъ Жоржѣ. Но этого еще мало—одѣться! Нужно еще знать, во что одѣться, нужно понимать толкъ въ цвѣтахъ. Во всемъ необходима гармонія, и ежели, напримѣръ, при панталонахъ grisperle ты надѣлъ зеленый жилетъ, то какъ бы отлично все это ни сидѣло на тебѣ, ты никогда не будешь порядочнымъ человѣкомъ. Все это необходимо взвѣсить и сообразить, и вы поймете, почему я только теперь, въ двѣнадцать съ половиной часовъ, то-есть черезъ четыре часа послѣ пробужденія, могу принять васъ за завтракомъ. Не забудьте, что я опустилъ еще множество интересныхъ подробностей, которыя также требуютъ времени. Такъ напримѣръ, я утромъ *непремѣнно* осматриваю весь гардеробъ и распредѣляю мои костюмы на цѣлый день; утромъ же я реглирую мои счеты и т. д. Такъ что, говоря по совѣсти, еслибъ я захотѣлъ исполнить все какъ слѣдуетъ —мнѣ мало было бы и двадцати-четырехъ часовъ въ сутки. Но что же дѣлать! à l'impossible nul n'est tenu! Я—человѣкъ, я имѣю обязанности относительно общества, и потому...

— Ты покоряешься? понятное дѣло, душа моя!—прервалъ Глумовъ:—ахъ, голубчикъ! вѣдь то-то въ тебѣ и дорого, что отдѣлка наружности у тебя сама по себѣ, а обязанности относительно общества сами по себѣ!

— Благодарю, ты понялъ меня. Есть люди, господа (Износковъ взглянулъ строго, но ни на кого въ особенности), которые думаютъ сами и внушаютъ другимъ, что мы исключительно заняты разными mesquineries; но это доказываетъ только, что насъ совсѣмъ не знаютъ. Но оставимъ это. Итакъ, мы остановились на томъ, что въ половинѣ перваго я завтракаю и принимаю друзей. Въ часъ мой завтракъ уже конченъ, и я выхожу дѣлать мою первую прогулку, причемъ стараюсь какъ можно больше себя утомить. Въ это время въ гостиныхъ не при-

нимаютъ, слѣдовательно нѣтъ еще большой бѣды, если мое тѣло дастъ и испарину. Въ эти же часы я позволяю себѣ сдѣлать одинъ короткій дѣловой визитъ — одинъ заразъ, никакъ не больше — и въ два съ половиной часа я снова дома.

— Ты говоришь: одинъ визитъ? но отчего не два, напримѣръ? — заинтересовался Глумовъ.

— А потому, мой другъ, что два или больше дѣловыхъ визитовъ утомили бы меня. Вообще это — правило, которое почти не терпитъ исключеній: дѣловой элементъ долженъ входить въ жизнь лишь настолько, насколько этого требуютъ самыя-самыя нетерпящія обстоятельства.

— Помилуй, душа моя! Какъ же ты-то можешь это говорить, когда ты самъ — можно сказать — мученикъ дѣла! когда ты съ утра до вечера...

— Да, но это — совсѣмъ другое. То дѣло — моя спеціальность; тутъ я вполнѣ въ своей сферѣ. Тогда какъ подъ „дѣловыми визитами“ я разумѣю собственно тѣ, къ которымъ обязываютъ меня общественныя отношенія. Я — человѣкъ партіи, другъ мой! я — консерваторъ, и притомъ одинъ изъ представителей великаго культурнаго слоя Россіи. Одно это званіе уже налагаетъ на меня тьму обязанностей. Лично для себя я не ищу ничего — я не честолюбивъ, я вполнѣ обезпеченъ и люблю свободу; но во мнѣ имѣютъ нужду люди моей партіи, и тутъ — il faut que je m'exécute!

— Что и говорить! Тому мѣстечко, другому крестикъ или чинъ — культурные люди должны поддерживать другъ друга, благо обстоятельства сложились благопріятно для нихъ.

— Вотъ это и есть моя мысль. Но ты понимаешь, что всѣ эти ходатайства, просьбы и рекомендаціи не могутъ же быть особенно интересны. Тѣмъ больше, что нерѣдко насъ осаждаютъ такія шалопаи, которые впослѣдствіи ставятъ въ большое затрудненіе само правительство...

— А ты бы за такихъ не ходатайствовалъ!

— Нельзя, mon cher. Во-первыхъ, я, къ сожалѣнію, — не сердцевѣдецъ, а во-вторыхъ, намъ нужны люди. Необходимо, чтобы ряды наши были наполнены, чтобы мы всегда были въ состояніи противостоять. Но во всякомъ случаѣ эти ходатайства составляютъ одно изъ больныхъ мѣстъ моего существованія, и потому очень понятно,

что относительно дѣловыхъ визитовъ я не могу допустить болѣе одного въ день.

— Однако, братъ, и у тебя... шипы-то, вѣрно, у всякаго есть!

— И какіе еще шипы! На дняхъ Коля Персіяновъ, нашъ общій товарищъ и человѣкъ, котораго мнѣніемъ я больше всего на свѣтѣ дорожу, прямо въ глаза мнѣ сказалъ: „душа моя! ты всегда рекомендуешь или глупцовъ, или негодяевъ! одинъ изъ твоихъ protégés на дняхъ у Доминика пирогъ укралъ!“ Каково мнѣ было слышать это! Правда, онъ тутъ же поспѣшилъ прибавить: „а впрочемъ всѣ эти прекрасные незнакомцы, которые являются къ намъ подъ личиной консерваторовъ — всѣ они большой руки шалопаи“... но все-таки мнѣ было очень и очень непріятно!

— Еще бы! вѣдь мнѣніе Коли Персіянова...

— Ахъ, мой другъ! это — такой человѣкъ! такой человѣкъ! Нашъ ровесникъ—и ужъ правая рука! Ma tante, la comtesse Nakhliostkine, называетъ его „государственнымъ юношей“. Et avec ça, d'une bonté, d'une prévenance... ни одинъ проситель не уходитъ отъ него не очарованнымъ! Добръ и въ то же время твердъ, особливо если дѣло коснется принциповъ. Ужъ онъ по шёрсткѣ не погладитъ... ни-ни!

— Ну, объ Персіяновѣ послѣ. Ты такъ интересно разсказываешь свой день, что я, право, заслушался. Продолжай, пожалуйста.

— Къ половинѣ третьяго я возвращаюсь домой. Тутъ я опять освѣжаю себѣ лицо и руки; но, понятно, ужъ не съ тѣмъ вниманіемъ, какъ утромъ. Истинное достоинство моей системы въ томъ и состоитъ, что утромъ вся главная работа уже сдѣлана, и затѣмъ въ продолженіе дня я отдаюсь однѣмъ поправкамъ. Освѣжившись, я надѣваю костюмъ, предназначенный для визитовъ, и въ три часа, если погода благопріятствуетъ, выхожу на Невскій — это вторая моя прогулка, которую я дѣлаю, уже не утомляя себя. Тутъ я встрѣчаюсь съ знакомыми, узнаю новости дня и около четырехъ часовъ сажусь въ карету и отправляюсь съ визитами. И такъ какъ главныя новости дня мнѣ извѣстны, то понятное дѣло, что недостатка въ sujets de conversation не можетъ быть. Но ежели новости скудны, то у меня всегда есть въ запасѣ различныя impressions de voyage, которыя очень легко припоминаются и всегда какъ-то новы. Время проходитъ быстро, такъ что и не увидишь, какъ наступитъ половина

шестого, моментъ, когда я долженъ быть вновь на своемъ посту, т.-е. дома, за туалетнымъ столомъ. Здѣсь я опять освѣжаю лицо и руки и надѣваю фракъ или сюртукъ, смотря потому, куда отправляюсь обѣдать. Все это дѣлается быстро, очень быстро, потому что въ шесть часовъ я долженъ быть на мѣстѣ. Вотъ тутъ-то именно и начинаются тѣ затрудненія, о которыхъ я уже говорилъ.

— Насчетъ пищи и питія, что-ли?

— Именно. До сихъ поръ я былъ самъ себѣ господиномъ; я распоряжался и своимъ временемъ, и своими дѣйствіями по плану, мною самимъ составленному и обдуманному. Лично — я очень умѣренъ. Мой каждодневный завтракъ вы видите: это — добрый кусокъ мяса, блюдо сладкаго и полбутылки, много бутылка лафита. Этого, конечно, достаточно, чтобъ насытить, но пресыщенія тутъ быть не можетъ. Между тѣмъ внѣ дома я уже не завишу отъ себя. Я не пользуюсь достаточной суммой свободы, которая необходима, чтобы благоразуміе и строго разсчитанная система дѣйствій не переставали служить руководящею нитью моихъ жизненныхъ отправленій.

Износковъ задумался на минуту, потомъ взгрустнулъ и вдругъ впалъ въ сентиментальность.

— Да, господа, — сказалъ онъ: — иногда я завидую вамъ! Я завидую той умѣренности, которая такъ просто вамъ достается, завидую тѣмъ скромнымъ обѣдамъ, послѣ которыхъ чувствуется такъ легко на душѣ! Что вамъ! Вы зайдете въ какой-нибудь маленькій ресторанчикъ, спросите себѣ обѣдъ въ полтинникъ — и довольны. Вы счастливы, веселы, вы возвращаетесь домой, ни въ какомъ смыслѣ не чувствуя обремененія. Однажды въ Парижѣ я именно такимъ образомъ провелъ мой день. Насъ было трое, и мы условились отобѣдать самымъ простымъ и дешевымъ образомъ. Отправились въ одинъ изъ établissements de bouillon, заказали обѣдъ въ два съ половиной франка съ человѣка, и повѣрите ли — никогда я не чувствовалъ себя такъ хорошо, такъ свободно, какъ въ это памятное послѣ-обѣда! Потомъ мы отправились въ какую-то третью галерею театра Gaieté и оттуда въ Jardin Bullier, гдѣ до такой степени развеселились, что незамѣтно кончили ночь au violon. И вотъ тогда-то я сказалъ себѣ: если обстоятельства мои измѣнятся, если я сдѣлаюсь бѣденъ, comme Job, — я всегда буду жить такимъ образомъ. Да, господа, я вамъ завидую!

— Что и говорить! съ этой стороны мы дѣйствительно обезпечены, — сказалъ Глумовъ: — разумѣется, лучше имѣть спокойную совѣсть, нежели переполненное брюхо. А все-таки и еще было бы лучше, еслибъ совѣсть съ брюхомъ-то какъ-нибудь примирить!

— Да, но міръ такъ устроенъ... Entre nous soit dit, я вѣдь и самъ — немножко соціалистъ; я самъ не разъ задумывался объ этой „куриці въ супѣ", которую такъ желалъ Генрихъ IV для своихъ вѣрноподданныхъ. Но я убѣдился, что пути Провидѣнія ведутъ человѣчество иначе — и вотъ въ чемъ собственно заключается то громадное различіе, которое существуетъ между мною и распространителями превратныхъ идей. Мы, русскіе, всѣ болѣе или менѣе соціалисты, но я — я борюсь со страстями, а другіе — безпрекословно отдаютъ себя имъ въ плѣнъ. Вотъ и все.

— И хорошо дѣлаешь, что борешься. Потому что если каждый день всякому по куриці — сколько бы курицъ надо было! А потомъ, пожалуй, и курицами перестали бы удовлетворяться — захотѣли бы бифштексу!

— C'est ce que je me suis toujours dit. Мы, консерваторы, понимаемъ это ясно. Но вотъ... Литераторъ! ты какъ объ этомъ думаешь?

— Помилуй! Совершенно такъ же, какъ и ты!

— Là! la main sur la conscience?

— Ну, ей Богу! — поклялся я.

— Я тебѣ вѣрю. Итакъ, будемъ продолжать. Повторяю: самъ по себѣ я умѣренъ; но, къ сожалѣнію, обѣдъ безъ общества для меня немыслимъ. Я охотно обѣдалъ бы въ семействахъ, но — увы! — направленіе нашего вѣка таково, что объ семейныхъ обѣдахъ никто нынѣче не помышляетъ, и даже сами семейные люди находятъ, что эти обѣды годны только для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, отпускаемыхъ по праздникамъ домой. Тонкій обѣдъ въ ресторанѣ, обѣдъ съ немногими друзьями, оживленный непринужденнымъ и живымъ разговоромъ — вотъ идеалъ нашего времени. Но понятно, что въ смыслѣ menu такой обѣдъ долженъ быть совершенствомъ, а это — уже слишкомъ серьезное дѣло, чтобы можно было положиться единственно на самого себя. Menu обѣда должно быть дебатировано и резонировано, ибо только тогда получится дѣйствительный гастрономическій результатъ. Къ сожалѣнію, такого рода результатъ не

всегда согласуется съ результатомъ гигіеническимъ, и вотъ что, по мнѣнію моему, образуетъ ту страшную пропасть, которая раздѣляетъ l'homme de la nature et l'homme civilisé! L'homme de la nature se nourrit de matières premières! его кухня — вся вселенная. Онъ ловитъ рыбъ, птицъ и звѣрей — и съѣдаетъ ихъ почти живыми. En fait de légumes — у него подъ руками безчисленные корни и злаки. И при этомъ онъ ѣстъ и пьетъ, — и замѣтьте, пьетъ только воду! именно столько, сколько ему надо, чтобы утолить голодъ и жажду. Но по мѣрѣ того, какъ цивилизація прикасается къ человѣку, таинственная книга природы мало-по-малу закрывается для него. Уже нашъ мелкій петербургскій чиновникъ съ презрѣніемъ отворачивается отъ внутренностей какого-нибудь оленя и, какъ подспорье къ водѣ, изобрѣтаетъ квасъ. Но питаніе чиновника все-таки еще довольно близко подходитъ къ питанію человѣка природы, потому что главный характеръ его составляютъ умѣренность порцій и преобладаніе воды, хотя бы и замаскированной подъ фирмою кваса. Затѣмъ, чѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ состоянію культурности, тѣмъ больше онъ удаляется отъ первообраза питанія, предлагаемаго природой, и тѣмъ неудержимѣе стремится къ переполненію желудка. Являются комбинаціи, вслѣдствіе которыхъ matière première до того измѣняетъ свой интимный характеръ, что дѣлается почти неузнаваемою. Сначала говядина сортируется, причемъ сорты жесткіе и трудно проглатываемые достаются въ удѣлъ людямъ, питающимся въ греческихъ кухмистерскихъ, а сорты мягкіе и легко проглатываемые — культурному человѣку. Но этого мало: вмѣсто говядины просто вареной или жареной выступаетъ на сцену бифштексъ, ростбифъ, languettes de boeuf, т.-е. говядина идеализированная, — говядина, которая однимъ наружнымъ видомъ свидѣтельствуетъ объ усиліяхъ человѣческаго разума, работавшаго надъ ея просвѣтленіемъ. Но и этого недостаточно: наступаетъ эпоха соуса. Соусъ — это высшее выраженіе современнаго кулинарнаго генія; соусъ — это преобразователь по преимуществу. И что всего важнѣе — заслуги его состоятъ не въ прошедшемъ, не въ томъ, что уже имъ совершено, а въ тѣхъ безчисленныхъ перспективахъ, которыя онъ позволяетъ предвидѣть въ кулинарномъ будущемъ. Ахъ, messieurs! вы не можете имѣть даже приблизительной идеи о томъ, что совершило кулинарное искусство въ послѣднее время! Карэмъ былъ великъ и вѣроятно не повторится

больше, но идея его жива и будетъ жить вѣчно. Ученики его разрабатываютъ эту идею такъ неутомимо и добросовѣстно, что каждый изъ нихъ въ своей спеціальности непремѣнно представилъ какое-нибудь изобрѣтеніе или пролилъ новый свѣтъ на какое-нибудь блюдо! Впрочемъ у насъ, въ Петербургѣ, еще нельзя имѣть полнаго представленія той неизмѣримой высоты, на которой стоитъ современное искусство хорошо ѣсть. Наши рестораны недурны — и только; но надобно быть въ Парижѣ, въ этой благословенной Франціи, которая со всѣхъ концовъ шлетъ что-нибудь съѣдомое, чтобъ убѣдиться, до какой степени развитія можетъ дойти кулинарный геній. Каждый французъ — природный поваръ, каждая француженка — природная повариха, въ самомъ возвышенномъ, благородномъ значеніи этихъ словъ. Ни одинъ французскій король не умеръ, не оставивъ потомкамъ какого-нибудь кулинарнаго изобрѣтенія, и весь народъ стремился подражать ему. Замѣтьте, что даже революціи имѣютъ у нихъ кулинарный характеръ, потому что всѣмъ хочется попробовать той „курицы въ супѣ“, которую такъ великодушно пообѣщалъ Henri IV! Каждый разъ, какъ я пріѣзжаю въ Парижъ, я не вѣрю глазамъ своимъ. Казалось, что уже найдены были геркулесовы столбы, что зданіе и увѣнчано, и переувѣнчано — ничуть не бывало! Oh! il y a encore immensément à faire! скажетъ вамъ всякій французъ, и скажетъ святую истину, потому что, напримѣръ, то, что вы въ прошломъ году ѣли подъ именемъ rognons sautés, — уже совсѣмъ не то, что вы ѣдите теперь подъ тѣмъ же именемъ. Въ прошломъ году вы должны были размалывать мясо почки зубами: теперь вы только присасываетесь къ почкѣ языкомъ — и она растаяла. А Бисмаркъ думалъ своими пятью милльярдами раздавить эту страну! Да она одними трюфелями уплатитъ сто такихъ контрибуцій, одними poulets de Mans подорветъ всю его жалкую политику! Правда, онъ отрѣзалъ у Франціи Страсбургъ... Strasbourg!

Онъ поникъ головой, какъ бы оплакивая участь Страсбурга.

— Да, братъ, Страсбургъ... не видать теперь французамъ страсбургскихъ пироговъ какъ своихъ ушей! — сказалъ Глумовъ: — но вотъ что, душа моя! Слушаю я тебя и удивляюсь: сколько ты долженъ былъ и поработать, и подумать, чтобы представить себѣ всю эту картину въ такой поразительной ясности! Прогрессъ человѣчества въ связи съ кулинарнымъ искусствомъ! — какая грандіозная

идея! Эти дикіе, которые ѣдятъ животныхъ сырьемъ, эти чиновники, которые питаются въ греческихъ кухмистерскихъ произведеніями кухни, такъ сказать, свайнаго типа, и наконецъ этотъ вѣнецъ созданій Божіихъ—культурный человѣкъ, который уже употребляетъ бифштексъ и постепенно возвышается до соуса... изумительно! Повѣришь ли, я даже сотой части того не подозрѣвалъ, что теперь, послѣ твоего изложенія, такъ ясно мнѣ представляется!

— Да, мой другъ, и поработалъ я, и подумалъ, а все-таки, въ концѣ концовъ, могу сказать только одно: я знаю, что я ничего не знаю. Или еще точнѣе: я знаю, что, благодаря развитію кулинарнаго искусства, у меня иногда въ одинъ вечеръ пропадаютъ цѣлыя недѣли упорныхъ гигіеническихъ усилій. Трудно быть осмотрительнымъ, когда все вокругъ приглашаетъ къ неосмотрительности, и хотя я никогда не позволялъ себѣ крайностей, но все-таки каждый разъ съ наступленіемъ лѣта чувствую потребность ремонтировать себя въ Карлсбадѣ! Но пора ужъ и кончить. Въ изложеніи остального я буду кратокъ, потому что приближается время моей первой прогулки. Вечеръ я обыкновенно провожу въ балетѣ или у французовъ и оканчиваю свой день на раутѣ или на балѣ. Я *никогда* не ужинаю—это принципъ, отъ котораго я не позволяю себѣ отступить ни на іоту. Домой я возвращаюсь отнюдь не позднѣе двухъ часовъ ночи. Ночной туалетъ беретъ у меня не меньше получаса, потому что это—время, когда я примѣняю тѣ средства, которыхъ дѣйствіе продолжительно. Но разъ въ постели—я засыпаю, какъ убитый. Въ этомъ отношеніи я съумѣлъ такъ дисциплинировать себя, что утромъ всѣ повязки на головѣ и лицѣ оказываются всегда на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыхъ онѣ были съ вечера. Затѣмъ опять начинается утро, и такимъ образомъ идутъ дни за днями, почти не измѣняясь даже въ подробностяхъ. Зная мой одинъ день, вы знаете всю мою жизнь. Что сказать вамъ еще? Я здоровъ, я мало состарѣлся, мнѣ никогда не бываетъ скучно, и я способенъ даже теперь совершать нѣкоторые exploits, которые впору человѣку лишь самой цвѣтущей молодости. Но повторяю: все это достается мнѣ далеко не легко.

— Еще бы!—воскликнулъ Глумовъ: — каждый шагъ разсчитанъ, каждое притираніе обдумано,—какая тутъ легкость! Но вотъ что: ты сказалъ сейчасъ, что тебѣ никогда не бываетъ скучно,—дѣйствительно ли это такъ?

— Никогда. L'ennui est l'ennemi de l'utile. Я боюсь скуки, потому что она производитъ на свѣтъ дурныя фантазіи. Вотъ вы, господа... Литераторы! я увѣренъ, напримѣръ, что ты даже теперь не знаешь, куда дѣваться отъ скуки!

— Теперь нѣтъ: не вообще не могу сказать, чтобъ жизнь была весела.

— Недоволенъ? революціи хочется! Да, à propos! скажи, пожалуйста, правда ли, что ты требовалъ cent mille têtes à couper?

— Опомнись! Христосъ съ тобой!

— Да, да, да: мнѣ сказывали. Я лично по-русски давно ничего не читаю,—я считаю нашу литературу помѣшной дамой, въ которую сваливаются всѣ общественныя нечистоты,—но знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ... Ахъ, голубчикъ! голубчикъ! зачѣмъ ты это дѣлаешь?

— Да что дѣлаю-то? говори!

— Постой! твоя рѣчь впереди. Неужели ты можешь думать, что *насъ* это меньше заботитъ, нежели тебя?

— Что заботитъ? Ничто меня не заботитъ!

— Неужто ты можешь думать, что мы не видимъ qu'il y a encore immensément à faire! Что мы сами отъ души не желали бы, чтобъ все шло къ общему удовольствію, чтобы эти широкія идеи, toutes ces idées généreuses enfin...

— Да что жъ это наконецъ! Глумовъ!— объясни ему, сдѣлай милость!

Но Износковъ уже ничего не слышалъ.

— Другъ мой!—продолжалъ онъ, беря меня за руки и сильно сжимая ихъ:—я, конечно, не имѣю никакого права... но ради бывшаго нашего товарищества убѣждаю тебя: оставь! Laisse, mon cher! Оставь другому заботу волновать общественное мнѣніе, а ты—будь съ нами! Право, Россія не такъ безобразна, какъ это кажется съ перваго взгляда! А если бы она и въ самомъ дѣлѣ была такъ непозволительно дурна, то, право, мы, русскіе, мы, люди культурные, должны пожалѣть объ ней!

Онъ говорилъ это такимъ дурацки-убѣжденнымъ тономъ, что я стоялъ какъ ошеломленный и, ничего не понимая, глядѣлъ ему въ лицо. Но тамъ было все загадочно. Ясно было только то, что въ эту минуту онъ и любилъ меня, и жалѣлъ: любилъ, не зная за что, и

жалѣлъ, не зная за что. Наконецъ онъ спохватился и взглянулъ на часы.

— Ба! пять минутъ второго!—воскликнулъ онъ торопливо: — ну, господа, прошу извинить! Надѣюсь, что мы видимся не въ послѣдній разъ! Литераторъ! вѣдь ты не сердишься на меня? Ты понимаешь, что я отъ души... Оставь, мой другъ! Право, жизнь не такъ дурна, какъ это кажется господамъ революціонерамъ, которые по природѣ своей склонны все видѣть въ черномъ свѣтѣ! До свиданія, господа!

Выходя, я готовъ былъ взять Глумова за горло: до такой степени изумила меня послѣдняя сцена.

— Это— все ты!—упрекалъ и его:—ты привелъ меня къ этому шалопаю! по твоей милости я наслушался его наставленій! Ты говорилъ мнѣ: пойдемъ на культурнаго человѣка посмотрѣть, а этотъ культурный человѣкъ, того и гляди...

— Не горячись! — прервалъ меня Глумовъ: — во-первыхъ, бѣды отъ Износкова не можетъ быть никакой. Онъ ужъ и въ настоящую минуту вѣроятно забылъ не только о своихъ наставленіяхъ, но и объ тебѣ самомъ. Во-вторыхъ, ты все-таки въ выигрышѣ, потому что видѣлъ лицомъ къ лицу подлиннаго русскаго культурнаго человѣка, и знаешь, какъ онъ относится къ твоему ремеслу.

Глава V.

1-й Золотарь. Давеча мнѣ дядя Николай говоритъ: „не понимаю я, дядя Павелъ, какъ вы, золотари, это дѣлаете? и должность свою справляете, и хлѣбъ ѣдите". А я ему: не твоего разума эта задача, дядя Николай! за то мы въ день цѣлковый получаемъ, а тебѣ и вся цѣна грошъ.

2-й Золотарь. Ну, а онъ что на это?

1-й Золотарь. Ничего. „Отчаянные!" говоритъ. „Инъ и вправду объ васъ забыть нужно!"

Изъ неизданной книги: «Житейскіе разговоры въ отходной ямѣ».

Отъ времени до времени наша печать оживляется, и поводомъ для этого оживленія служатъ уголовные скандалы. Много и безбоязненно было писано объ матери Митрофаніи; еще болѣе обильную пищу для литературныхъ изліяній далъ купецъ Овсянниковъ; наконецъ выступилъ на сцену уголовный процессъ г. Кронеберга...

Процессъ этотъ немногосложенъ: г. Кронебергъ сѣкъ свою дочь и давалъ ей пощечины. О существованіи этой дочери онъ узналъ уже спустя значительное время послѣ ея рожденія, и потому первоначально ея воспитаніе было болѣе чѣмъ небрежное. Немедленно по появленіи на свѣтъ, она была отдана своею матерью въ одно крестьянское семейство въ Швейцаріи, гдѣ и нашелъ ее г. Кронебергъ. Затѣмъ онъ отдалъ ее въ семью пастора въ Женевѣ, но и тутъ удовлетворительныхъ результатовъ не получилъ. Оставалось поселить ребенка вмѣстѣ съ собою и лично заняться его воспитаніемъ, что̀ г. Кронебергъ и исполнилъ. Но, задавшись мыслью сдѣлать изъ своей дочери „женщину не блестящую, но полезную“, молодой отецъ съ огорченіемъ замѣтилъ, что въ ребенкѣ уже укоренились нѣкоторыя дурныя привычки, при существованіи которыхъ женщина хотя и можетъ быть блестящею (въ благонамѣренномъ мірѣ кокотокъ), но ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права на названіе полезной. Надлежало воздѣйствовать на эти привычки, устроить такъ, чтобъ ребенокъ забылъ объ нихъ. Намѣреніе отличное, но, къ сожалѣнію, г. Кронебергъ педагогъ-самоучка, и притомъ человѣкъ раздражительный, пылкій и самонадѣянный. Онъ сказалъ себѣ: не нужно мнѣ никакихъ совѣтовъ, ничьей помощи! я сдѣлаю все самъ. Но такъ какъ человѣкъ, не приготовленный къ извѣстнаго рода дѣятельности, можетъ только производить путаницу, то весьма естественно, что самонадѣянный педагогъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ сознаться въ своей несостоятельности и, за недостаткомъ времени для изученія новѣйшихъ педагогическихъ системъ, прибѣгнуть къ тѣмъ воспитательнымъ пріемамъ, которые въ ходу въ той средѣ, гдѣ онъ живетъ. А въ средѣ этой педагогика одна: плюхи, ежели дѣло не терпитъ отлагательства, и розги, ежели можно вести дѣло искорененія пороковъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. И дѣйствительно, розги, пополняемыя плюхами, поступили на сцену.

Но система тѣлесныхъ воздѣйствій имѣетъ трояку̀ невыгоду. Во-первыхъ, она дѣйствуетъ медленно, ибо относится къ злой волѣ ребенка не непосредственно, а при участіи нѣкоторыхъ посредствующихъ членовъ, которыми являются: со стороны воспитывающаго — розги и кулакъ, а со стороны воспитываемаго — бренная оболочка безсмертной его души, и преимущественно заднія ея части. Понятно, что черезъ спину и притомъ при помощи розги, не имѣющей въ себѣ

ничего духовнаго, гораздо труднѣе проникнуть до души, нежели при помощи убѣжденія, которое, какъ начало тонкое, имѣетъ свойство дѣйствовать на душу непосредственно. Во-вторыхъ, тѣлесныя наказанія, не удовлетворяя условіямъ быстроты дѣйствія, — что собственно и ожидается отъ нихъ педагогами-самоучками, — раздражаютъ послѣднихъ и заставляютъ ихъ тѣмъ сильнѣе упорствовать въ избранной системѣ, чѣмъ сомнительнѣе получаемые отъ нихъ результаты. Въ-третьихъ, они вынуждаютъ наказываемыхъ свидѣтельствовать объ испытываемой ими боли болѣе или менѣе громкими криками, которые впослѣдствіи могутъ служить не совсѣмъ пріятнымъ для педагоговъ поводомъ для начатія противъ нихъ судебнаго преслѣдованія.

Это послѣднее обстоятельство въ особенности важно; оно оказалось и въ дѣлѣ г. Кронеберга. Марія Кронебергъ такъ сильно и часто кричала, что возбудила состраданіе въ двухъ сердобольныхъ женщинахъ (дворничихѣ и кухаркѣ), которыя и заявили въ участкѣ объ *истязаніяхъ*. Педагогическіе эксперименты были прерваны: на сцену явился участковый приставъ, затѣмъ прокуратура, врачъ, судебный слѣдователь, судебная палата и проч. А г. Кронебергъ поспѣшилъ обратиться къ помощи г. Спасовича, о которомъ даже стѣны судебныхъ зданій вопіютъ: vir bonus, dicendi peritus.

Судебное слѣдствіе состоялось и, какъ слѣдовало ожидать, было направлено къ разъясненію слѣдующихъ трехъ капитальныхъ пунктовъ: 1) Не было ли какихъ постороннихъ причинъ, заставившихъ упомянутыхъ выше двухъ сердобольныхъ женщинъ довести до участка дѣло объ истязаніяхъ? или, другими словами: заявили ли онѣ объ этомъ дѣлѣ безкорыстно, или же руководились какими-либо личными непохвальными побужденіями? 2) Заслуживала ли Марія Кронебергъ, чтобы на порочную волю ея воздѣйствовали при посредствѣ розогъ и оплеухъ, то-есть обладала ли она такими наклонностями, которыя могли ей впослѣдствіи воспрепятствовать сдѣлаться полезною женщиной? 3) Выходили ли употребленныя г. Кронебергомъ мѣры и исправленія изъ предѣловъ, очерченныхъ закономъ, настолько, чтобы потребовать вмѣшательства въ формѣ судебнаго преслѣдованія?

По первому вопросу на возбудительницъ была накинута сильная тѣнь. Дворничиха была замѣшана въ исторію о пропавшемъ цыпленкѣ, за что подвергнута г. Кронебергомъ вычету изъ жалованья, въ количествѣ 80-ти копѣекъ. Кухарка тоже состояла съ дѣвочкой

въ какихъ-то преступныхъ отношеніяхъ, которыя однакожъ на судоговореніи разъясненія не получили. Вообще этотъ вопросъ былъ поставленъ довольно ребячески, и защита поняла, что опираться на него нѣтъ надобности; но сомнѣніе все-таки было возбуждено, и чистый образъ сердобольной дворничихи значительно потемнѣлъ въ глазахъ людей, которые изъ всѣхъ побужденій, двигающихъ человѣкомъ, вѣрятъ только въ побужденіе, заставляющее ради 80-ти копѣекъ предавать своего ближняго.

По второму вопросу свидѣтельница, докторъ Суслова, показала, что дѣвочка занималась онанизмомъ и не умѣла управлять своими естественными нуждами. Да, именно такъ, въ этихъ словахъ и показалъ докторъ, четко и ясно, какъ будто боялся что-нибудь упустить изъ вида. Другіе показывали о „порокахъ“ Маріи Кронебергъ уклончиво, какъ бы не желая компрометтировать ребенка, и безъ того уже самымъ возмутительнымъ образомъ обвинившаго себя въ воровствѣ и лганьѣ, но докторъ Суслова показывала именно такъ, какъ „передъ Богомъ и страшнымъ Его судомъ показывать о семъ надлежитъ“. Тамъ, гдѣ другіе останавливались передъ мыслью, что дѣвочкѣ предстоитъ еще долгое поприще жизни, докторъ Суслова, съ солдатскою, можно сказать, откровенностью, не усомнилась выдать ей аттестатъ на всю жизнь. Затѣмъ, изъ другихъ показаній, хотя и не столь вѣскихъ, какъ Сусловское (ихъ давали: подсудимый Кронебергъ, г-жа Жезингъ и пасторъ Комби, который уже выказалъ свою несостоятельность въ дѣлѣ воспитанія), можно замѣтить, что Марія Кронебергъ позволяла себѣ лгать, и однажды даже подала поводъ заподозрить ее въ намѣреніи присвоить себѣ изъ запертаго помѣщенія (кража со взломомъ) принадлежащій г-жѣ Жезингъ черносливъ.

И такимъ образомъ передъ присяжными невольно возникла слѣдующая дилемма: ежели уже до начала судебнаго преслѣдованія Марія Кронебергъ не умѣла управлять своими естественными надобностями, то не будетъ ли вынесенный подсудимому обвинительный приговоръ косвеннымъ для нея поощреніемъ и впредь упорствовать въ томъ же ложномъ направленіи?

По третьему пункту свидѣтели неученые отчасти показывали, что наказанія были житейскія, отчасти отзывались невѣдѣніемъ. Свидѣтели ученые, т.-е. эксперты-врачи, путались. Врачъ Лапсбергъ сначала высказывался не въ пользу г. Кронеберга, но потомъ началъ

мало-по-малу отступать и кончилъ тѣмъ, что, собственно говоря, провести границу между легкими и тяжелыми поврежденіями „мы не можемъ“, и что иногда и отъ легкихъ поврежденій люди умираютъ, а другіе и отъ тяжкихъ выздоравливаютъ. Такъ что когда г. Спасовичъ обратился къ нему съ вопросомъ, нашелъ ли онъ на тѣлѣ прорѣзы кожи, или только пятна и полосы (этотъ вопросъ слѣдовало бы вырѣзать золотыми буквами на мраморной доскѣ и повѣсить послѣднюю въ залѣ засѣданій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ), то г. Лансбергъ отвѣтилъ уже совсѣмъ темно, что „поврежденія относятся къ тяжкимъ по отношенію наказанія, а не по отношенію нанесенныхъ ударовъ“, желая этимъ вѣроятно выразить, что солдатъ могъ бы вынести такія поврежденія безъ особеннаго вреда, но для ребенка они могли составить и вредъ. Врачъ Чербишевичъ свидѣтельствовалъ по части рубцовъ и выразилъ то мнѣніе, что поврежденія особеннаго вліянія на здоровье ребенка не имѣли, но рубцы остались на всю жизнь и, судя по формѣ ихъ, произошли не отъ ушибовъ, а отъ ударовъ прутьями. Давность же происхожденія рубцовъ г. Чербишевичъ опредѣлилъ такъ: можетъ быть за нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и за три недѣли. Экспертъ Флоринскій тоже отнесъ наказаніе не къ тяжкимъ, причемъ присовокупилъ, что Марія Кронебергъ принадлежитъ къ числу такихъ субъектовъ, у которыхъ раздраженіе кожи бываетъ рѣзче, чѣмъ у другихъ. Наконецъ экспертъ докторъ Корженевскій выразился, что дѣвочка принадлежитъ къ субъектамъ, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки. Словомъ сказать, экспертиза не только не внесла никакой ясности въ дѣло, но еще болѣе запутала въ лабиринтѣ противорѣчій и оговорокъ. Никто ничего не сказалъ прямо, по-суловски, такъ что для слушателей этого безплоднаго разговора защиты съ экспертами могъ даже возникать совсѣмъ особаго рода вопросъ: да ужъ не Марія ли Кронебергъ виновата тѣмъ, что принадлежитъ къ числу такихъ субъектовъ, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки! Хотя, съ другой стороны, слушателямъ болѣе сообразительнымъ могъ представиться и такой вопросъ: для чего же однако г. Кронебергъ предметомъ своихъ педагогическихъ воздѣйствій избралъ дочь, а не солдата, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу котораго навѣрное синяковъ не произведетъ?

Г. Спасовичъ безподобно воспользовался неопредѣленнымъ ха-

рактеромъ матеріала, добытаго на судебномъ слѣдствіи. Вообще, независимо отъ талантливости, это самый солидный и дѣльный изъ нынѣ дѣйствующихъ адвокатовъ. Онъ всегда стоитъ на почвѣ фактовъ, и прежде всего интересуется не тѣмъ, дѣйствительно ли преступленіе имѣло мѣсто, а тѣмъ, не имѣется ли для него оправданій въ законѣ, и могутъ ли быть опровергнуты представляющіяся въ дѣлѣ улики. Онъ не допускаетъ чувствительности и безплодныхъ набѣговъ въ область либеральнаго бормотанья. Онъ помнитъ, что онъ адвокатъ, только адвокатъ, а не философъ и не публицистъ, и приглашаетъ присяжныхъ засѣдателей помнить объ этомъ. Въ его глазахъ преступленіе не имѣетъ въ себѣ ничего чудовищнаго, изумляющаго, и онъ мало ожидаетъ, чтобы суды перестали дѣйствовать, за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій. Онъ знаетъ законы со всѣми продолженіями и дополненіями, умѣетъ толковать ихъ и всегда хранитъ про запасъ кассаціонный поводъ. Свидѣтеля онъ изучилъ до тонкости, и потому не учитъ его и не надоѣдаетъ назойливыми вопросами, а только слегка направляетъ, ибо знаетъ, что свидѣтель, предоставленный самому себѣ, гораздо скорѣе приподнесетъ ему сущій медъ, нежели свидѣтель, котораго адвокатъ беретъ подъ опеку. Присяжныхъ засѣдателей онъ тоже проникъ и нерѣдко упрощаетъ ихъ обязанности, объясняя (обыкновенно въ заключеніе), что о преступленіи уже по тому одному не можетъ быть рѣчи, что и самое судебное преслѣдованіе возбуждено несогласно съ такими-то и такими-то требованіями закона. Сверхъ того, судя по репутаціи, г. Спасовичъ принадлежитъ къ числу адвокатовъ, не обуреваемыхъ жаждой легкаго и быстраго стяжанія, что еще больше влечетъ къ нему сердца подсудимыхъ.

Таковъ адвокатъ, выступившій въ роли защитника г. Кронеберга на судоговореніи 23 января.

Сдѣлавши довольно краткій, хотя, нужно сознаться, не особенно замѣчательный очеркъ жизни и семейныхъ отношеній подсудимаго, г. Спасовичъ прежде всего приступаетъ къ вопросу: имѣютъ ли право родители наказывать своихъ дѣтей?—и разрѣшаетъ его не на основаніи какихъ-либо произвольныхъ умозаключеній, но ссылкою на статью закона, которая гласитъ прямо, что родители, недовольные поведеніемъ дѣтей, могутъ наказывать ихъ способами, не вредящими ихъ здоровью и не препятствующими успѣхамъ въ наукахъ. Отсюда

выводъ: да, г. Кронебергъ наказывалъ свою дочь, и имѣлъ на это право, гарантированное ему закономъ. Но, можетъ быть, онъ злоупотреблялъ этимъ правомъ и пускалъ въ ходъ такіе способы наказанія, которые могли вредить ея здоровью? — Чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, г. Спасовичъ входитъ въ подробное, хотя и утомительное разсмотрѣніе качества побоевъ, слѣды которыхъ найдены на тѣлѣ ребенка. Знаки отъ побоевъ раздѣляются на три категоріи. Прежде всего представляются *знаки на лицѣ*, которыхъ такъ много, что, по признанію самой защиты, „если пристально вглядѣться въ лицо ребенка, то это лицо точно исписано по всѣмъ направленіямъ тонкими шрамами". Но это ничего не значитъ, ибо показанія экспертовъ такъ неопредѣленны, что защитѣ нѣтъ никакого труда вывести заключеніе, что „нѣтъ ни одного знака, о которомъ можно было бы сказать, что онъ произошелъ отъ удара, нанесеннаго отцомъ". Жаль, что подсудимый самъ сознался въ пощечинахъ, а не будь этого сознанія, не было бы и пощечинъ, такъ какъ нѣтъ на лицѣ синихъ и синебагровыхъ пятенъ. Но ежели и были синяки, то развѣ присяжнымъ не памятно показаніе доктора Корженевскаго, который удостовѣрилъ, что существуютъ субъекты, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки? Ребенокъ золотушный, изобилующій лимфой — что же тутъ мудренаго, что тѣло его покрыто синяками! И такъ, знаки на лицѣ есть, но нѣтъ увѣренности, нѣтъ уликъ и доказательствъ, что они произошли отъ побоевъ, нанесенныхъ отцомъ. И притомъ эти знаки мелкіе, ничтожные, знаки, которыхъ не замѣтила даже докторъ Суслова, замѣтившая, что Марія Кронебергъ не умѣетъ справляться съ естественными надобностями. Затѣмъ слѣдуютъ знаки *на рукахъ и ногахъ*. Что касается до нихъ, то они произошли очень просто: дѣвочку держали за руки и за ноги во время сѣченія. Сѣченіе — было: этого никто не отрицаетъ; самъ подсудимый сознался въ этомъ, и на этомъ разъ сознался кстати, потому что иначе нельзя было бы объяснить происхожденіе знаковъ на рукахъ и на ногахъ. Tout se lie, tout s'enchaîne dans ce monde, сказалъ нѣкогда Ламартинъ, и прибавилъ: alea jacta est! т.-е. когда собираешься сѣчь, то имѣй въ виду, что сѣкомаго нужно будетъ держать за руки и за ноги, слѣдствіе чего у него несомнѣнно образуются синяки. Дальше, переходъ отъ знаковъ на рукахъ и на ногахъ къ знакамъ *на заднихъ частяхъ тѣла* — самый естественный. Эти знаки тоже есть; но

прежде всего самъ экспертъ Лансбергъ засвидѣтельствовалъ, что „прорѣзовъ кожи“ не было, а были только синебагровыя пятна и полосы; а коль скоро „прорѣзовъ кожи“ не было, то стоитъ ли о подобныхъ знакахъ и толковать! хотя же, сверхъ полосъ и пятенъ, найдены были на ягодицахъ слѣды струпьевъ, то струпья эти, по объясненію эксперта Корженевскаго, суть не что иное, какъ мѣстное омертвѣніе кожи, которая сходила и замѣнялась новой. Да и самый вопросъ этотъ не медицинскій, а педагогическій, ибо медикъ не можетъ опредѣлить ни предѣловъ власти отца, ни силы неправильнаго наказанія (?)—все это могутъ опредѣлить только инспекторы и учители гимназій. Но на столѣ, въ числѣ вещественныхъ доказательствъ, тѣмъ не менѣе лежитъ пукъ розогъ, которыя экспертъ Флоринскій назвалъ шпицрутенами, и несомнѣнно бывшій въ употребленіи и именно въ рукахъ г. Кронеберга—этого, конечно, отрицать нельзя! Нельзя однакожъ отрицать и того, что г. Кронебергъ пользовался этимъ педагогическимъ орудіемъ *только одинъ разъ*. Онъ сорвалъ эти рябиновые прутья за нѣсколько дней до наказанія, а срывая ихъ, *быть можетъ*, не зналъ, что придется употреблять ихъ въ дѣло. Правда, что случай не заставилъ себя ждать, но до тѣхъ поръ г. Кронебергъ наказывалъ свою дочь только „маленькими вѣтками“, да и то раза три, въ промежуткахъ времени довольно значительныхъ. Хотя же нѣкоторые и показываютъ, что дѣвочка кричала сильно и часто, но она вообще „кричать горазда, кричитъ и тогда, когда ее ставятъ въ уголъ или на колѣни“.

Итакъ, о происхожденіи знаковъ на лицѣ нельзя сказать ничего вѣрнаго; что же касается до сѣченія, то хотя оно и производилось, но при посредствѣ совсѣмъ „маленькихъ вѣтокъ“, за исключеніемъ лишь *одного раза*, когда употреблены были въ дѣло шпицрутены, срѣзанные за нѣсколько дней до наказанія, но безъ ясно-сознаннаго намѣренія употребить ихъ въ дѣло. Можно ли назвать тяжкимъ это *единократное* наказаніе, не сопровождавшееся даже прорѣзами кожи?—отвѣтъ на это дастъ кассаціонная судебная практика, изъ которой до очевидности ясно, что въ настоящемъ случаѣ самое возбужденіе подобнаго вопроса представляется немыслимымъ.

Совсѣмъ иное дѣло вопросъ: была ли достаточная причина для употребленія мѣры домашняго исправленія въ тѣхъ увеличенныхъ размѣрахъ, которые допущены были при томъ единократномъ нака-

заніи, когда г. Кронебергъ употребилъ шпицрутены? Само собою разумѣется, что была. Нужно отдать справедливость чистоплотности г. Спасовича: онъ ни на минуту не остановился на солдатски-откровенномъ показаніи доктора Суслова. Но въ этомъ не было и надобности, потому что дѣвочка имѣетъ много другихъ пороковъ, которые требуютъ педагогическаго воздѣйствія: она—лгунья и воровка... Пропадаетъ сахаръ, черносливъ и наконецъ является поползновеніе (слѣдствіемъ, впрочемъ, неподтвержденное) добраться и до денегъ. Равнодушно къ такимъ поступкамъ относиться нельзя. „Я полагаю, —сказалъ г. Спасовичъ,—что отъ чернослива до сахара, отъ сахара до денегъ, до банковыхъ билетовъ—путь прямой, открытая дорога". Слова сильныя, но неосновательныя, свойственныя тѣмъ остервенѣлымъ педагогамъ, которымъ до того опостылѣло воспитательное ремесло, что они въ каждомъ воспитываемомъ готовы усматривать будущаго злодѣя. Едва-ли также можно согласиться съ мнѣніемъ г. Спасовича, что отецъ, наказывая своего сына (какъ?), избавляетъ его отъ каторжныхъ работъ и поселенія, а наказывая дочь—избавляетъ ее отъ того, чтобъ она не сдѣлалась распутною женщиной; ибо можно указать на множество лицъ, которыя, никогда не бывъ сѣчены ни съ разсѣченіемъ кожи, ни безъ разсѣченія оной, не только не угодили на каторгу, но занимаютъ болѣе или менѣе значительныя общественныя должности. Тѣмъ не менѣе, несмотря на парадоксальность и ребяческую несостоятельность подобныхъ мнѣній, высказывать ихъ въ защитительной рѣчи, обращенной къ присяжнымъ засѣдателямъ, все-таки недурно. Хорошо поразить воображеніе присяжнаго, сказавъ: вотъ дѣвочка, которая была на пути къ банковымъ билетамъ, но г. Кронебергъ ее остановилъ! И еще: сѣки твоего сына, ибо это избавляетъ его отъ каторги! сѣки свою дочь, ибо это воспрепятствуетъ ей сдѣлаться жертвой распутства! Нужды нѣтъ, что все это вздоръ и галиматья, и что подобныя мнѣнія отзываются не то старческимъ безсиліемъ, не то ребяческими шалостями—г. Спасовичъ очень хорошо знаетъ, что существуютъ аудиторіи, въ средѣ которыхъ подобныя перспективы пользуются силою почти неотразимою, и покуда эти аудиторіи будутъ существовать, до тѣхъ поръ и онъ будетъ рисовать свои перспективы въ интересахъ подсудимыхъ, которые прибѣгнутъ къ его адвокатской помощи.

Изъ всего изложеннаго выше оказывается, что г. Кронебергъ

отнюдь не истязатель, а только плохой педагогъ. Наказывая дѣвочку сильно, больно, такъ что остались слѣды наказанія (вотъ кабы найти такой способъ, чтобы можно было наказывать сильно и больно, а слѣдовъ бы не оставалось!), онъ „сдѣлалъ двѣ логическія ошибки: во-первыхъ, поступилъ слишкомъ рьяно, предложивъ, что можно однимъ ударомъ искоренить все зло, которое годами посѣяно въ душу ребенка и годами же взрощено, и во-вторыхъ, онъ дѣйствовалъ не какъ осторожный судья и не вошелъ въ изслѣдованіе обстоятельствъ, которыя склоняли дѣвочку къ кражѣ".

Плохой педагогъ, неосторожный судья—и больше ничего. Вотъ еслибъ его за это предали суду, тогда былъ бы другой разговоръ! Тогда его можно было бы даже присудить къ высшей мѣрѣ наказанія, то-есть къ отдачѣ на покаяніе въ педагогическое общество (но тогда можно было бы также доказать, что сужденіе о достоинствѣ той или другой педагогической системы до присяжныхъ не относится), а то—помилуйте!—предаютъ человѣка суду за истязаніе! Да гдѣ же оно? гдѣ его признаки? Вотъ вамъ сводъ законовъ, вотъ кассаціонная судебная практика и вотъ наконецъ показанія экспертовъ-врачей! Истязанія! тяжкія поврежденія! И это говорится въ виду показаній, совершенно опредѣлительно установившихъ, что не было даже просѣченія кожи!

Однимъ словомъ, какъ адвокатъ, г. Спасовичъ исполнилъ свое дѣло вполнѣ исправно. Съ знаніемъ законовъ и кассаціонной судебной практики, съ тонкимъ пониманіемъ свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей. Съ своей стороны, и присяжные отнеслись къ его усиліямъ съ полнымъ довѣріемъ и вынесли г. Кронебергу оправдательный вердиктъ.

Собственно говоря, здѣсь бы и слѣдовало кончить настоящую статью. Всѣ сдѣлали свое дѣло. Г. Кронебергъ сѣкъ свою дочь, но безъ просѣченія кожи; а ежели она кричала, то потому только, что вообще „кричать горазда". Г. Спасовичъ исполнилъ свое провиденціальное назначеніе безподобно, то-есть доказалъ, что кліентъ его наказывалъ не произвольнымъ аллюромъ, но на точномъ основаніи указаній, представляемыхъ кассаціонною судебною практикой. Присяжные засѣдатели вынесли оправдательный вердиктъ. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего ни необычайнаго, ни удивительнаго. Неудивительно даже и то, что въ такомъ дѣлѣ фигурировалъ г. Спасовичъ, а не

адвокатъ чувствительной школы, г. Языковъ. Вѣдь г. Спасовичъ, помнится, уже заявилъ однажды, что адвокатская дѣятельность должна не посторонними какими-либо соображеніями руководствоваться, но преслѣдовать лишь тѣ чисто-художественно-юридическія цѣли, которыя непосредственно вытекаютъ изъ свода законовъ и кассаціонной судебной практики...

Но есть въ защитительной рѣчи г. Спасовича одна сторона, которая какъ-то не клеится съ идеаломъ чисто-художественно-юридическихъ цѣлей, рекомендуемымъ имъ адвокатскому сословію. Въ началѣ этой рѣчи существуетъ небольшое вступленіе, въ которомъ знаменитый адвокатъ желаетъ какъ бы выгородить свою личную солидарность съ розгами и пощечинами и внушить слушателямъ, что его личныя понятія насчетъ способовъ педагогическаго воздѣйствія далеко не сходны съ тѣми, которыя исповѣдуетъ г. Кронебергъ. Въ виду такого заявленія, конечно, всего естественнѣе было бы обратиться къ г. Спасовичу съ вопросомъ: если вы не одобряете ни пощечинъ, ни розогъ, то зачѣмъ же ввязываетесь въ такое дѣло, которое сплошь состоитъ изъ пощечинъ и розогъ? Но повидимому это нравственное и умственное двоегласіе имѣетъ особенную и вполнѣ уважительную причину, а именно: г. Спасовичъ, не будучи лично сторонникомъ пощечинъ и розогъ (и онъ родился въ Аркадіи, и онъ не чуждъ *посторонних соображеній*!), видитъ въ нихъ, тѣмъ не менѣе, своего рода воспитательный пантеонъ, къ которому надо приближаться съ осторожностью, а всего лучше ожидать съ терпѣніемъ, пока онъ самъ собой рухнетъ. — А не рухнетъ онъ никогда, — невольно проговаривается при этомъ уважаемый ораторъ и адвокатъ.

Вотъ объ этой-то сторонѣ защитительной рѣчи и предстоитъ теперь сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что она значительно подрываетъ солидно-дѣловую, изъятую отъ всякихъ мечтательностей, дѣятельность г. Спасовича, какъ адвоката.

Существуетъ въ Европѣ — и вѣроятно въ цѣломъ мірѣ — политическое и философское ученіе, извѣстное подъ именемъ ученія о компромиссахъ и сдѣлкахъ. Сущность этого ученія заключается въ томъ, что человѣчество должно подвигаться впередъ отступая. Нѣкоторые адепты этого ученія еще сохранили память о кое-какихъ идеалахъ, и собственно ради ихъ достиженія рекомендуютъ уступки и компромиссы; но другіе до того завертѣлись въ бѣличьемъ колесѣ

компромиссовъ, что уже ничего впереди не видятъ и ничего назади не помнятъ, а смотрятъ на жизнь какъ на исторически-организованную игру, въ которой никакой цѣли никогда не достигается, хотя всѣ формы неуклоннаго поступательнаго движенія имѣются на-лицо. Игра эта бываетъ болѣе или менѣе сложная, смотря по бо́льшей или мѐньшей сложности замысла и бо́льшему или ме́ньшему количеству силъ, которыя въ нее введены, но во всякомъ случаѣ она съ избыткомъ наполняетъ досуги людей.

Въ настоящее время въ Европѣ существуетъ какъ бы повѣтріе на компромиссы и сдѣлки. Всюду чувствуется смутная боязнь, и потому всюду раздаются клики: „Осторожнѣе! Не спѣшите! Отступайте! Заманивайте! Не раздражайте!“ На этой наклонности компромисса основанъ союзъ германскихъ національныхъ либераловъ съ Бисмаркомъ, и этимъ же явленіемъ объясняется и то́, что́ происходитъ теперь во Франціи.

Практика компромиссовъ до такой степени втягиваетъ, что заставляетъ забывать прежнія связи и прежнихъ друзей. Люди дѣлаются придирчивыми, подозрительными, приходятъ въ одичаніе, и въ концѣ концовъ до такой степени погрязаютъ въ мелочахъ, что начинаютъ все прикидывать на золотники и вершки, и отъ этихъ вершковъ ставить въ зависимость успѣхъ поступательнаго движенія въ бѣличьемъ колесѣ. Каждый открытый шагъ друзей-единомышленниковъ кажется компрометтирующимъ; каждое слово, разоблачающее дѣйствительныя цѣли стремленій партіи, представляется рискованнымъ, преждевременнымъ. Хотѣлось бы достигнуть этихъ цѣлей „потихоньку“, не въ смыслѣ большей или меньшей медленности процесса достиженія, а такъ, чтобы никто не замѣтилъ. Всѣ бы на минуту задремали, а мы бы взяли да и воспользовались. И такъ какъ при такомъ безпокойномъ состояніи ума послѣдній всѣ усилія направляетъ лишь къ устройству внѣшнихъ формъ движенія, т.-е. къ дисциплинѣ и субординаціи, то нерѣдко случается, что первоначальныя цѣли мало-по-малу стираются и отходятъ очень далеко назадъ. Такъ что не безъ удивленія можно видѣть, что человѣкъ, который первоначально ни о чемъ не хотѣлъ слышать, кромѣ maximum'а, преспокойно съѣзжаетъ себѣ на minimum и упорно сидитъ въ новосозданной имъ раковинѣ умѣренности до тѣхъ поръ, пока новая горячая волна жизни не вымоетъ его оттуда.

Вѣяніе времени, носящееся въ воздухѣ, сказывается до того рѣшительно, что подчиняетъ себѣ, напримѣръ, даже Луи Блана, который до сихъ поръ гораздо сочувственнѣе относился къ требованіямъ „мечтателей“, нежели къ „политикѣ застоя“ и „политикѣ результатовъ“. Въ письмѣ, обращенномъ въ 1875 г. къ избирателямъ XIII округа города Парижа, онъ уже прямо выражается, что уступки необходимы и что однимъ скачкомъ очутиться у цѣли невозможно...

То же явленіе встрѣчается и въ современной Россіи, хотя и въ иныхъ примѣненіяхъ. У насъ нѣтъ широкихъ интересовъ, волнующихъ Францію и Германію; у насъ человѣческая мысль можетъ отъ времени до времени высказываться лишь по поводу частныхъ случаевъ, проявляющихся преимущественно на судоговореніяхъ. Поэтому и въ дѣятеляхъ чувствуется нѣкоторая разница: во Франціи проводителями ученія о компромиссахъ являются Гамбетта и Луи Бланъ, у насъ — г. Спасовичъ. Съ этою оговоркой письмо Луи Блана безъ всякой натяжки можетъ стоять рядомъ съ рѣчью г. Спасовича, и читателю, при сравненіи ихъ, остается только уменьшить размѣры въ той степени, въ какой онъ самъ заблагоразсудитъ.

Изложивъ свою избирательную программу и установивъ тѣ политическіе общественные идеалы, торжеству которыхъ была всецѣло посвящена его жизнь и въ пользу коихъ онъ и впредь обязывается нелѣпостно ратовать, Луи Бланъ вдругъ дѣлаетъ переходъ, въ сущности ничѣмъ не мотивированный, кромѣ смутнаго представленія: а что̀ ежели честный солдатъ Макъ-Магонъ, за такія мои слова объ республиканскихъ идеалахъ, республику прихлопнетъ, а намъ всѣмъ „фельдфебеля въ Вольтеры дастъ“? Вотъ этотъ переходъ: „Мнѣ, конечно, не безъизвѣстно, любезные сограждане, что въ трудномъ шествіи человѣчества къ царству правды необходимы извѣстныя станціи; что побѣды прогресса не совершаются въ одинъ день; что нужно терпѣніе, нужна осторожность, нуженъ практическій смыслъ вещей; что, идя впередъ съ излишней быстротой, человѣчество рискуетъ быть поставленнымъ въ необходимость отступить“. То-есть, другими словами: ваше превосходительство! господинъ маршалъ Макъ-Магонъ! Вы слышали, что̀ я сейчасъ говорилъ о рабочемъ вопросѣ, о церкви, о народномъ образованіи, но вѣдь это *Умта пдетъ — когда-то будетъ*. Желая всѣмъ сердцемъ реформъ въ моемъ отечествѣ, я однакожъ понимаю, что на хотѣнье есть терпѣнье, и что въ настоящее

время мы уже и тѣмъ совершенно счастливы, что имѣемъ такого снисходительнаго начальника, какъ ваше превосходительство. Успокойтесь же насчетъ нашей благонамѣренности и имѣйте въ виду, что ежели въ 1880 году потребуется устроить для васъ новый сентеннатъ, мы хотя, быть можетъ, ради приличія, не будемъ дѣятельно участвовать въ этомъ торжествѣ, но и препятствовать оному не станемъ, такъ какъ идеалы наши трудные, и въ 1880 году пословица: „скорость потребна только блохъ ловить", будетъ существовать въ той же силѣ, какъ и въ настоящую минуту.

То же говоритъ и г. Спасовичъ въ той скромной сферѣ сѣченія, въ которой онъ, въ качествѣ адвоката, вынужденъ вращаться. „Я, гг. присяжные, — объясняетъ онъ, — не сторонникъ розги; я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена, но... нормальныя мѣры употребляются въ нормальномъ порядкѣ вещей". Или другими словами: хорошо воспитаніе безъ розги, но нужно запастись терпѣніемъ, осторожностью и практическимъ смысломъ вещей, и съ этимъ ждать нормальнаго порядка вещей. А до тѣхъ поръ слѣдуетъ довольствоваться необходимыми станціями, въ числѣ коихъ г. Кронебергъ составляетъ такую, на которой поѣздъ, стремящійся въ царство правды, останавливается для сѣченія до тѣхъ поръ, покуда объ этомъ не будетъ заявлено въ участкѣ.

Далѣе, Луи Бланъ продолжаетъ: „Было бы несомнѣнно неблагоразумно думать, что можно однимъ прыжкомъ очутиться у цѣли путешествія, для совершенія котораго потребно продолжительное время". А г. Спасовичъ, изъ скромной сферы розогъ, вступая въ еще болѣе скромную сферу пощечинъ, объясняется такъ: „Остается открытымъ вопросъ о пощечинахъ и о тѣхъ синякахъ, которые были, *можетъ быть* (г. Спасовичъ твердо держится показанія доктора Корженевскаго о принадлежности Маріи Кронебергъ къ такимъ субъектамъ, малѣйшее прикосновеніе къ тѣлу которыхъ производитъ синяки, и только по страсти къ компромиссамъ допускаетъ, что синяки, *можетъ быть*, произошли и отъ пощечинъ), послѣдствіемъ пощечинъ. Кронебергъ давалъ пощечины ребенку — это вѣрно: онъ самъ признаетъ, что ударилъ дѣвочку по лицу раза три или четыре. *Я признаю, что пощечина не можетъ считаться достойнымъ одобренія способомъ отношенія отца къ дитяти.* Но я знаю также, что

есть весьма уважаемые педагоги, которые считаютъ ударъ рукой по щекѣ нисколько не тяжелѣе, а можетъ быть и предпочтительнѣе, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, сѣченія розгами. Причины, почему пощечина считается особенно обиднымъ ударомъ, кроются въ нравахъ, въ прошедшемъ. Слѣдя въ исторіи за возникновеніемъ этого понятія, мы отыщемъ его въ тѣ рыцарскія времена, когда рыцари ходили въ шлемахъ съ забраломъ, когда ударять ихъ по лицу въ обыкновенномъ ихъ нарядѣ было невозможно, а подобные удары сыпались только на смердовъ, на вилановъ. Разбирая же власть родительскую, трудно сказать, чтобъ она не доходила ни въ какомъ случаѣ до пощечинъ: отъ посторонняго человѣка ударъ по лицу можетъ сдѣлаться кровной обидой, но не отъ отца". Иными словами, то же самое, что̀ говоритъ и Луи Бланъ, только переведенное на языкъ пощечинъ. Шествуйте впередъ къ царству, изъятому отъ пощечины, но знайте, что васъ ждетъ путь долгій и трудный, у цѣли котораго нельзя очутиться однимъ прыжкомъ, и что путь этотъ весь усѣянъ пощечинами. Конечно, Луи Бланъ былъ бы очень изумленъ, узнавъ, что существуетъ „открытый вопросъ" о пощечинахъ, по по нашему мѣсту и это сойдетъ съ рукъ.

Сходство, впрочемъ, на этомъ и оканчивается. Высказавъ изложенныя выше мысли насчетъ уступокъ, Луи Бланъ прибавляетъ: „Но необходимо имѣть идеалъ и никогда не терять его изъ вида, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда допускаются жертвы въ пользу дѣйствительности. Неразумно думать, что одинъ прыжокъ достаточенъ для того, чтобы достигнуть цѣли долгаго пути, но еще неразумнѣе пускаться въ путь, не зная, куда онъ ведетъ, и выбирать окольныя дороги, не будучи увѣреннымъ, что онѣ ведутъ именно къ тому пункту, котораго предполагаешь достигнуть". Г. Спасовичъ, напротивъ того, давъ сначала понять, что для него вполнѣ понятна система воспитанія безъ розогъ и безъ пощечинъ, и что, слѣдовательно, нельзя отрицать возможности и дѣйствительныхъ, вполнѣ безпощечинныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ, тѣмъ не менѣе, относится къ этому идеалу безпощечинности мрачно, почти безнадежно. „Я,—говоритъ онъ,—такъ же мало ожидаю совершеннаго и безусловнаго искорененія тѣлеснаго наказанія, *какъ мало ожидаю, чтобъ вы* (присяжные засѣдатели) *перестали въ судѣ дѣйствовать, за прекращеніемъ уголовныхъ преступленій и нарушеній той правды, которая*

должна существовать, какъ дома, въ семьѣ, такъ и въ государствѣ".

Люди придирчивые могутъ сказать, что послѣднія, подчеркнутыя сейчасъ, фразы или затѣмъ только пущены въ ходъ, чтобъ сдѣлать гг. судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ комплиментъ, внушивъ имъ, что царствію ихъ не будетъ конца, или же представляютъ собой наборъ пустыхъ и безсодержательныхъ словъ, высказанныхъ безъ всякаго соображенія съ исторіей тѣхъ усилій,—исторіей далеко не безплодною,—которыя дѣлаются въ видахъ ежели не окончательнаго и немедленнаго упраздненія преступленій, то по крайней мѣрѣ значительнаго сокращенія числа ихъ. Есть выраженія готовыя, къ которымъ уже изстари пріучено человѣческое ухо и къ которымъ, въ случаѣ отсутствія мысли, можно прибѣгать точно такъ же, какъ прибѣгаютъ къ магазину готовыхъ платьевъ, чтобы выйти оттуда франтомъ. Но пусть будетъ такъ, какъ утверждаетъ г. Спасовичъ: пусть розги не прекратятся; пусть пощечины господствуютъ вѣчно; пусть преступленія умножаются и процвѣтаютъ, на утѣшеніе адвокатамъ, in secula seculorum; спрашивается: зачѣмъ же было заводить разговоръ о педагогическихъ идеалахъ? Зачѣмъ было говорить: „Я вполнѣ понимаю, что можетъ быть проведена система воспитанія, изъ которой розга будетъ исключена"? Странное дѣло! объявлять себя „не сторонникомъ" розги — и въ то же время вступаться въ дѣло, въ основаніи котораго лежитъ исключительно розга! намекать на возможность какихъ-то безпощечинныхъ педагогическихъ идеаловъ—и вслѣдъ затѣмъ объявлять, что идеалы эти слѣдуетъ положить въ шкафъ и навсегда запереть на ключъ!

Ежели слова о возможности существованія безпощечинной педагогики были высказаны не ради щегольства (чего даже нельзя предположить со стороны г. Спасовича, зная его всегдашнюю трезвость въ этомъ смыслѣ), то ихъ не слѣдовало говорить совсѣмъ, особливо въ виду того, что вся остальная рѣчь представляетъ лишь категорическое опроверженіе этого опрометчиво выраженнаго афоризма. Правда, жалкія слова имѣютъ еще очень большое значеніе въ современномъ обществѣ, но все-таки туманъ, ими напускаемый, начинаетъ мало-по-малу разсѣиваться. Ясно, что г. Спасовичъ вышелъ изъ своей роли и сдѣлалъ ошибку. Его умъ, по преимуществу дѣловой, наклонный къ политикѣ результатовъ, долженъ тщательно отметать отъ себя

чувствительныя примѣси, которыя составляютъ удѣлъ тѣхъ, которые за прогоны готовы посѣтить какую угодно область теоретическихъ общностей. И навѣрное рѣчь г. Спасовича не утратила бы своей цѣнности и не сдѣлалась бы менѣе убѣдительною, еслибъ онъ, не выгораживая своей личности отъ подозрѣній въ солидарности съ пощечинами, выразилъ прямо и просто, чего онъ требуетъ отъ присяжныхъ засѣдателей. Скомпонованная такимъ образомъ рѣчь могла бы имѣть приблизительно слѣдующій видъ: „Гг. судьи! гг. присяжные засѣдатели! передъ вами на скамьѣ подсудимыхъ находится г. Кронебергъ, который обвиняется въ истязаніи своей дочери. Для того, чтобы вы могли судить правильно, дѣйствительно ли г. Кронебергъ виноватъ въ томъ преступленіи, *за которое онъ преслѣдуется* (всякій опытный адвокатъ долженъ подчеркнуть эти послѣднія слова, чтобъ присяжные не смѣшивали: подсудимый можетъ быть и виноватъ, но *не въ томъ* преступленіи, за которое судится), необходимо разрѣшить три вопроса: 1) имѣлъ ли г. Кронебергъ право подвергать свою дочь тѣлесному наказанію? — отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ такая-то статья свода законовъ, которая вполнѣ это право за нимъ подтверждаетъ; 2) подавала ли Марія Кронебергъ поводъ для педагогическихъ воздѣйствій на тѣлѣ? — на это служитъ отвѣтомъ энергическое показаніе доктора Сусловой, и 3) можно ли назвать употребленные г. Кронебергомъ педагогическіе пріемы истязаніемъ? — на это дастъ вамъ отвѣтъ, во-первыхъ, кассаціонная судебная практика и, во-вторыхъ, достаточно удовлетворительный видъ, который представляли ягодицы Маріи Кронебергъ при освидѣтельствованіи. Я кончилъ“.

И только.

Можно быть увѣреннымъ, что эта простая и безъискусственная рѣчь оказала бы на присяжныхъ засѣдателей по малой мѣрѣ такое же вліяніе, какъ и тѣ темные намеки, которые допустилъ г. Спасовичъ, чтобы установить свою личную непричастность къ педагогической практикѣ г. Кронеберга.

Кажется, не будетъ ошибки, ежели сказать, что всѣ указанныя выше оговорки и недомолвки суть плодъ неясныхъ отношеній, въ которыя стала русская адвокатура къ органамъ нашей печати, посящимъ названіе „либеральныхъ“. Адвокатура наша по началу довольно горячо заявила о своей солидарности съ вопросами жизни, и

потому весьма естественно встрѣтила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствіе. Но, симпатизируя защитнику вдовы и сироты, литература, какъ старшая сестра въ либерализмѣ, до того простерла свое усердіе, что, подвергая дѣйствія адвокатовъ неусыпному контролю, заявила претензію держать это сословіе въ постоянной опекѣ. Начались обличенія, взысканія, выговоры, почти угрозы, и долгое время сходило это съ рукъ, потому что въ самой средѣ адвокатовъ не установилось еще совершенно опредѣленныхъ понятій о тѣхъ цѣляхъ, которымъ она призвана служить.

Такое отношеніе литературы едва ли можетъ быть названо правильнымъ. Франція — классическая страна адвокатуры, представители которой со времени первой революціи играли въ ея исторіи очень значительную политическую роль, но и тамъ объ адвокатахъ, какъ объ адвокатахъ, въ литературѣ нѣтъ и рѣчи. Адвокатъ, за очень рѣдкими случаями, никого не занимаетъ, покуда изъ него не образуется политическій дѣятель, а разъ сдѣлавшись министромъ, сенаторомъ, депутатомъ — онъ уже и самъ забываетъ о первородномъ грѣхѣ, въ которомъ валялся до того времени. Въ послѣднее время, какъ политическіе дѣятели, адвокаты утратили много изъ прежняго обаянія. Перенося на политическую и административную арену изнурительныя привычки своего ремесла, они никогда не приходили къ дѣйствительно плодотворнымъ результатамъ, а только вертѣлись въ бѣличьемъ колесѣ, вслѣдствіе чего въ настоящее время Франція, послѣ четырехъ революцій, и находится подъ начальствомъ у Мак-Магона. Поэтому на избирательныхъ сходкахъ въ Парижѣ уже слышатся голоса, что адвокатовъ довольно. Но во всякомъ случаѣ, какъ служителей своего ремесла, и литература, и даже публика (кромѣ нуждающихся въ ихъ услугахъ) ихъ игнорируетъ, и, право, едва-ли можно указать на примѣръ, чтобы въ послѣднее время въ какомъ бы то ни было французскомъ органѣ печати было заявлено кому-либо изъ адвокатовъ, что онъ поступаетъ недостойно, защищая французскихъ Овсянниковыхъ и Мясниковыхъ. Единственное исключеніе составляетъ защита Базена адвокатомъ Лашо, но это статья особенная.

У насъ ремесленное значеніе адвокатуры, по настоящему, должно бы высказаться еще рѣзче, потому что наши адвокаты уже окончательно не имѣютъ никакого отношенія къ политической жизни государства. Не вопросы жизни стоятъ для нихъ на первомъ планѣ, а

вопросы, истекающіе изъ свода законовъ и изъ кассаціонной судебной практики. Ловкое обращеніе съ статьями законовъ—вотъ что имѣется прежде всего въ виду, точно такъ же, какъ въ нѣкоторыхъ ремеслахъ главную роль играетъ ловкое обращеніе съ [illegible], шиломъ, заступомъ и т. д. Спрашивается: почему никому не приходило въ голову обвинять въ недостоинствѣ башмачника, который шьетъ матери Митрофаніи башмаки, или портного, который одѣваетъ Овсянникова, и напротивъ того, отовсюду сыплются обвиненія на адвоката, который, видя Овсянникова покрытымъ сажею пожарища, взялся омыть его банею пакибытія?

Наша печать долгое время не рѣшалась принять этого взгляда, но въ послѣднее время сама адвокатура рѣшилась заявить, что онъ представляетъ единственное правильное мѣрило, съ которымъ можно относиться къ ней. Опекунскія замашки печати произвели неизбѣжную реакцію въ той самой средѣ, которая еще такъ недавно увлекалась желаніемъ доказать, что ничто человѣческое ей не чуждо, хотя на самомъ дѣлѣ всегда имѣла въ виду только то, какъ бы „слопать боженьку“, чтобъ никто этого не замѣтилъ. Возникъ бунтъ; долгое время онъ тлѣлъ, такъ что нельзя было разобрать, откуда гремитъ громъ, изъ тучи или изъ навозной кучи, но наконецъ въ адвокатскую похлёбку попалъ такой жирный кусъ, что долго сдерживаемыя страсти не устояли. Поводомъ къ разрыву съ литературой послужило знаменитое Овсянниковское дѣло, и, помнится, г. Спасовичъ (конечно, какъ добрый товарищъ, ибо лично онъ игралъ въ этомъ дѣлѣ роль противо-Овсянниковскую) первый поднялъ знамя бунта, сказавши на какомъ-то обѣдѣ, что адвокатура должна шествовать *своимъ* путемъ, независимо отъ внушеній и контроля печати. За нимъ послѣдовалъ и г. Потѣхинъ, который безъ церемоніи обвинилъ русскую литературу въ идіотствѣ.

Вѣроятно эти случаи измѣнятъ взглядъ нашей печати на русскую адвокатуру и укажутъ, какой долженъ быть характеръ ихъ взаимныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ это не могутъ быть отношенія товарищества, ибо общей почвы для этого здѣсь найти нельзя, кромѣ развѣ того, что и литераторъ, и адвокатъ обладаютъ однимъ и тѣмъ же орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей — словомъ. Затѣмъ, и объектъ дѣйствія, и характеръ его — все разное. Литература служитъ обществу, адвокатура—кліенту; честность литературы

состоитъ въ разработкѣ идеаловъ и перспективъ будущаго, честность адвокатуры—въ строгомъ согласіи съ дѣйствительностью и подчиненіи идеаламъ, выработаннымъ въ прошедшемъ и ввѣреннымъ охранѣ положительнаго закона. А что касается до общаго орудія—слова, то вѣдь оно раздается и на Сѣнной.

Коль скоро адвокатура выказала намѣреніе отмежеваться отъ области общихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, надо воспользоваться этими ея поползновеніями, не навязывать ей общенія и отвести то мѣсто, которое она должна дѣйствительно занимать въ кругу разнообразныхъ ремеслъ. Что адвокатура ничего не выиграетъ отъ этой эмансипаціи—это несомнѣнно. Тяготѣя все больше и больше къ независимости отъ общихъ интересовъ жизни, она скоро очутится въ томъ же незавидномъ положеніи, въ какомъ еще недавно находились ябедники и строчители просьбъ. Т.-е. настоящей независимости не достигнетъ, а только перемѣнитъ господина, и вмѣсто литературы пріобрѣтетъ себѣ такового въ лицѣ кліента, который до сихъ поръ сдерживалъ свои инстинкты именно благодаря тому, что думалъ, будто адвокатура и печать солидарны другъ съ другомъ. Что же касается печати, то, освободившись отъ кошмара кляузы, она несомнѣнно выиграетъ. Кляуза въ послѣднее время отнимала слишкомъ много досуга у публики и заслоняла отъ ея глазъ другіе интересы, гораздо болѣе важные. Это не соотвѣтствуетъ ея дѣйствительному значенію въ общей экономіи жизни общества, и, къ счастію для человѣчества, у него на очереди стоятъ вопросы, гораздо болѣе животрепещущіе, нежели вопросъ объ отношеніяхъ адвокатовъ къ кліентамъ и къ суду.

Глава VI.

На дворѣ знойно; Петербургъ опустѣлъ и наполнился смрадомъ. Съ „вопросами“ тихо; даже еврейскій вопросъ, надѣлавшій-было изрядную переполоху — и тотъ словно изнылъ. Но кой-гдѣ еще скребутъ перьями; вѣроятно это какая-нибудь, невзначай уцѣлѣвшая, коммиссія доскребываетъ свою послѣднюю пѣсню... Ну, что бы стоило окончательно сказать: оботрите перья, спрячьте въ ящикъ бумаги, заприте на ключъ и бѣгите куда глаза глядятъ — какой бы миръ

во всѣ души эти простыя слова пролили! Такъ нѣтъ, объ этомъ еще не слыхать: не приспѣло, знать, время. А тутъ, вдобавокъ, еще дернуло околоточнаго на Петербургской Сторонѣ двѣ души загубить! Думаешь: нѣтъ ли тутъ внутренней политики и не отразится ли это происшествіе на литературѣ, яко попустительницѣ и укрывательницѣ...

И всѣ эти сомнѣнія рождаются въ такую пору, когда неслыханный зной такъ и прожигаетъ насквозь, когда не только возиться съ вопросами, но и фривольныя мысли въ головѣ содержать тяжело. Говорятъ, будто въ такой зной хорошо сѣно убирать и хлѣбъ жать, но насколько это справедливо — сказать не умѣю. Не сѣялъ, не жалъ, а только въ ѣдѣ себѣ не отказывалъ. На дняхъ впрочемъ, видя, какъ дворникъ Иванъ ловко машетъ косой, обкашивая лужайку передъ дачей, я рискнулъ-таки полюбопытствовать:

— А что, братъ, Иванъ, я думаю, что въ такое благопріятное для уборки время и душа радуется косить-то?

Но онъ, вмѣсто того, чтобы по душѣ покалякать, процѣдилъ сквозь зубы:

— Попробуйте!

Такъ я и не узналъ, радуется или не радуется у человѣка душа, когда онъ машетъ косой при тридцати градусахъ по Реомюру.

Нынѣшнимъ лѣтомъ я не поѣхалъ за границу, а устроился на дачѣ подъ Петербургомъ. Въ сущности, пора бы свой собственный уголъ гдѣ-нибудь припасти: но столько нынѣче во всѣхъ мѣстахъ „вопросовъ“ развелось, что по-неволѣ беретъ оторопь. На югъ забрешься — тамъ еврейскій вопросъ у всѣхъ въ свѣжей памяти: на сѣверъ — тамъ о какихъ-то аграрныхъ вопросахъ поговариваютъ. Даже въ Петербургѣ нынѣче своимъ домкомъ завестись жутко: а ну какъ столица-то?... Катковъ съ Аксаковымъ въ Москву зовутъ, Булюбашъ — въ Полтаву, а потомъ, глядишь, и въ Саратовѣ свой собственный патріотъ объявится: пожалуйте въ Саратовъ!

Главнымъ образомъ я потому не поѣхалъ за границу, что вѣстей туда изъ Россіи доходитъ мало, а знать хочется. Думалъ, поселюсь-ка въ сорока верстахъ отъ Петербурга — всего наслушаюсь. И что же! въ сорока-то верстахъ еще меньше извѣстій изъ Россіи, нежели за границей! Точно она сквозь землю провалилась, голубушка. Тѣ же газетные листы, что и за границей, и тѣ же въ нихъ голые фак-

ты. А какія загадки скрываются за этими фактами, и какія загвоздки готовятъ они въ будущемъ—молчокъ.

Довольно поболтали. Налгали съ три короба, насуетились—и будетъ. Теперь попробуемъ, не лучше ли будетъ, если сядемъ и будемъ сидѣть, уставивъ брады. Но какой переходъ!

Какъ опознаться въ этомъ Concertstück, гдѣ мажорные тоны внезапно смѣняются минорными, а минорные—мольными, и наконецъ наступаетъ отсутствіе всякихъ тоновъ?..

Паровозы между тѣмъ чуть не ежечасно выбрасываютъ на дачную платформу цѣлыя массы людей, съ портфелями и безъ портфелей, людей, которые ежедневно, въ урочный часъ, уѣзжаютъ отъ насъ въ Петербургъ и, настряпавши тамъ цѣлые вороха внутренней политики, въ урочный же часъ пріѣзжаютъ обратно—глотнуть дачнаго воздуха. Вяло вылѣзаютъ эти люди изъ вагоновъ и, лѣниво перебирая по платформѣ ногами, направляются къ извозчикамъ. Глаза померкли, губы запеклись, въ носу залегло, голова пуста... Послѣ, въ портфелѣ, опять все безъ труда отыщется, и опять голова наполнится внутренней политикой, но покуда утренняя стряпня взяла всѣ силы, какія только могла взять. А тутъ, какъ на грѣхъ, зной, словно изъ ушата, такъ и льетъ на опустѣлую голову...

— Что новенькаго?—слышится гдѣ-то сонный вопросъ.

— А? что?—тоже словно сквозь сонъ раздается изъ чьей-то утробы.

Однимъ словомъ, предположенная цѣль: остаться въ Россіи, чтобы жить въ оной—оказывается недостигнутою. Живешь невѣдомо гдѣ, слышишь загадочные звуки, видишь протянутыя веревки, на которыхъ качается масса юбокъ и кальсонъ (вотъ фуфайка главы семейства, а вотъ кальсоны матери семейства!), и отъ времени до времени освѣжаешься мыслью, что, того гляди, явятся прекрасные незнакомцы и потребуютъ: пожалуйте паспорты! Паспорты, паспорты, паспорты — вотъ въ чемъ состоитъ прелесть нынѣшней дачной жизни...

— Кто вы, прекрасные незнакомцы? Дворникъ! слѣдуетъ ли отдавать имъ паспорты?

— Помилуйте, вашескородіе! стало быть, слѣдуетъ, коли требуютъ!

А впрочемъ въ послѣднее время наша жизнь уразнообразилась

еще слухами о воровствахъ. Здѣшніе воры довольно снисходительны. Придутъ и попробуютъ, подается ли окно, или не подается: ежели подается, то влѣзутъ; если же не подается, то, не настаивая, идутъ дальше. На ихъ счастіе, дачи ремонтируются рѣдко, и оконные переплеты почти всегда ветхи. Но и въ такомъ случаѣ здѣшніе воры не задерживаются, а возьмутъ первое, что̀ попадется подъ руки, и уйдутъ. Очевидно, что главнымъ мотивомъ тутъ является не ненависть къ людямъ и не протестъ противъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ, а выпивка. Хочется выпить, а денегъ нѣтъ—вотъ они и пробуютъ, прочны ли оконныя рамы. При этомъ всего чаще достается ложкамъ, которыя вездѣ, въ ягодный сезонъ, валяются неприбранныя. Иногда попадается нѣсколько настоящихъ серебряныхъ ложекъ—тогда воръ радуется и называетъ обворованнаго „хорошимъ господиномъ“; но иногда ложки попадаются мельхіоровыя—тогда воръ ропщетъ, называетъ обворованнаго обманщикомъ и сравниваетъ его поступокъ съ тою мельхіоровою внутренней политикой, которая суетится и сулитъ, но, кромѣ мельхіоровыхъ дѣлъ, ничего послѣ себя не оставляетъ.

Однако, покуда не было опубликовано происшествіе на Петербургской Сторонѣ, мы не очень тревожились. Но звѣрски-безсмысленный поступокъ околоточнаго Иванова заставилъ и насъ встрепенуться. Сейчасъ же у всѣхъ оконъ появились наружные ставни, сквозь которые просовываются желѣзные болты, и теперь, съ десяти часовъ вечера, мы сидимъ запершись и ничего не боимся. Сверхъ того, я лично, ложась спать, на каждое окно кладу по ложкѣ и по двѣ, въ разсчетѣ, что воръ прямо возьметъ что̀ слѣдуетъ, и затѣмъ ему уже не будетъ надобности убивать. А такъ какъ у насъ околоточнаго нѣтъ, а есть урядникъ, то я и съ нимъ на всякій случай имѣлъ разговоръ.

— Ужъ вы, Семенъ Пароенычъ, ежели вамъ нужно, лучше спросите!

— Я, вашескородіе, завсегда лучше спрошу!

— Пожалуйста. Я тоже лучше десять, двадцать-пять рублей отдамъ, нежели жизнь!

Устроившись такимъ образомъ, я сплю тѣмъ спокойнѣе, что на дняхъ намъ сдѣланъ сюрпризъ: напятъ ночной сторожъ. Сторожъ этотъ слѣпенькій, на оба уха не слышитъ, на одну ногу хромаетъ, а

другую волочитъ; однако еще дышетъ. А это все, что̀ нужно, потому что на здѣшняго простодушнаго вора одинъ видъ человѣка движущагося дѣйствуетъ спасительно. Иногда, въ просонкахъ, я слышу, какъ нашъ сторожъ зѣваетъ, а по временамъ—нѣтъ-нѣтъ да и потрещитъ въ трещетку: спите, молъ, я тутъ! А я ему въ отвѣтъ:—бди, калѣка, за восемь цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, бди!

Ахъ, этотъ Ивановъ! Мало того, что двѣ души загубилъ, но что̀ еще хуже—цѣлое вѣдомство своимъ поступкомъ скомпрометтировалъ. Вмѣсто того, чтобы держать знамя полиціи высоко, а онъ, смотрите, что̀ выдумалъ! И какъ нарочно, сряду два такихъ случая. Одинъ съ Ивановымъ, другой съ господиномъ—не помню ужъ фамиліи—который въ магазинѣ пять байковыхъ платковъ стянулъ. Поймали, привели къ мировому.

— Кто таковъ?

— Чиновникъ департамента государственной полиціи.

Ахъ!

Къ счастію, оказалось, что онъ совралъ. Никогда онъ въ департаментѣ государственной полиціи не служилъ, а только отъ времени до времени исполнялъ отдѣльныя порученія. Исполнитъ порученіе, а вслѣдъ затѣмъ воровать пойдетъ; потомъ опять порученіе исполнитъ—и опять воровать. Дѣлу время, а потѣхѣ часъ. А въ департаментѣ, по разсмотрѣніи его порученій, распоряженія идутъ: штандартъ скачетъ, андроны ѣдутъ, паровозъ свиститъ...

Кто-жъ ему однакожъ въ душу влѣзетъ! думали, что онъ просто курицынъ сынъ, а онъ оказался... орелъ!

Какъ бы то ни было, но въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ внутренней политики нѣтъ и слѣда, и тѣ, которые полагаютъ, что здѣсь примѣшанъ вопросъ о расширеніи полицейской компетенціи, очень грубо ошибаются. Равнымъ образомъ заблуждаются и тѣ, которые утверждаютъ, что ничего подобнаго не могло бы произойти при „правовомъ порядкѣ“ (псевдонимъ). Ибо псевдонимъ этотъ давно ужъ у насъ существуетъ, только мы, по недоразумѣнію, другими псевдонимами его называемъ. Ничего намъ не нужно: ни реформъ, ни упорядоченій, ни правовыхъ порядковъ. Все у насъ есть. А ежели есть, сверхъ того, и много лишняго, то стоитъ только построже предписать: чтобъ не было—и не будетъ.

Вѣдь справляются же съ литературой. Не писать о соборахъ, ни

объ Успенскомъ, ни объ Архангельскомъ, ни объ Исакіевскомъ—и не пишутъ. Вотъ объ колокольняхъ (псевдонимъ) писать—это можно, но я объ колокольняхъ писать не желаю. Богъ съ ними, съ псевдонимами вообще.

Встарину опытные губернаторы именно такъ и поступали. Прослышитъ, бывало, генералъ, что въ ввѣренномъ ему краѣ неблагополучно—сейчасъ циркуляръ: „Дошло до моего свѣдѣнія... чтобъ не было"! И разомъ всѣ воровства, грабежи, убійства—все какъ рукой сниметъ. А отчего? оттого, что встарину администраторы знали, чего хотятъ, и въ согласность съ симъ требовали; объ журавляхъ не разговаривали, а прямо указывали на синицу. За то ужъ если потребовалъ генералъ синицу, то хоть тресни, а подай; а не подалъ—умри!

А нынѣче, съ комитетами да съ коммиссіями, совсѣмъ мы спутались. Понадѣлали коммиссій, думали, что польза выйдетъ, а вышли псевдонимы. Реформа — псевдонимъ, упорядоченіе — псевдонимъ! правовой порядокъ—псевдонимъ. Понятно, что никакая коммиссія такого множества псевдонимовъ не выдержитъ, и вотъ они нарождаются и умираютъ, умираютъ и опять нарождаются. А мы ходимъ между ними словно по полю, усѣянному мертвыми тѣлами. Идешь и думаешь: почили, неисправимые празднословы! — смотришь, анъ между ними ужъ кудрявые купидоны рѣзвятся и тоже объ чемъ-то празднокартавятъ... Ахъ, дѣти, дѣти!

Жалко смотрѣть на этихъ дѣтей. Едва изъ колыбели, а ужъ не знаютъ иныхъ игрушекъ, кромѣ труповъ! И какихъ труповъ! такихъ, которые завѣдомо сдѣлались опыми отъ руки псевдонимовъ! Вѣдь псевдонимный-то ядъ силенъ; живые трупы давно стали мертвыми трупами, а ядъ и теперь витаетъ надъ полемъ смерти! И молодыя легкія вдыхаютъ испаренія его и постепенно заражаются ими. Не успѣетъ купидонъ подрости—глядь, ужъ новое мертвое тѣло присовокупляется къ числу прежнихъ таковыхъ... Бѣдныя, нераспвѣвшія дѣти!

Въ томъ-то и бѣда наша, что часто мы сами не знаемъ, чего хотимъ. По крайней мѣрѣ въ Москвѣ давно ужъ твердятъ, что только тогда мы будемъ благополучны, когда на фронтисписѣ нашей жизни будетъ написано: А = А. Вотъ это вѣрно. Все равно какъ въ ста-

рые годы кресты на дверяхъ мѣломъ писали, чтобъ холера въ домъ не входила. Но ежели и затѣмъ холера входила, то умирали.

Однако довольно о псевдонимахъ — еще бѣды съ ними наживешь. Поговоримъ лучше объ евреяхъ. Ибо хотя нынѣче съ этимъ вопросомъ и тихо, но, право, даже теперь, какъ вспомнишь, что̀ происходило мѣсяца три-четыре тому назадъ, морозъ по кожѣ подираетъ.

Но такъ давно, и въ печати, и въ обществѣ, въ большомъ ходу были толки „о народной политикѣ“ и о необходимости практическаго ея примѣненія. Но, къ удивленію, эти толки болѣе смущали, нежели радовали.

Не потому смущали, чтобы выраженіе: „народная политика“, представляло для кого бы то ни было загадку: у всѣхъ народовъ оно имѣетъ одно и то же значеніе и на всѣхъ языкахъ имѣетъ соотвѣтствующій терминъ. Означаетъ оно такую правительственную систему, въ результатѣ которой является здоровый ростъ народа, какъ физическій, такъ и духовный. Процвѣтаніе наукъ, промышленности, искусствъ, литературы, общее довольство, обезпеченность и довѣріе — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ программа „народной политики“. Ясно, что такого рода явленіе, въ глазахъ всякаго здравомыслящаго человѣка, можетъ быть только желательнымъ.

Но у насъ, вслѣдствіе укоренившейся привычки говорить псевдонимами, понятія самыя простыя и вразумительныя получаютъ загадочный смыслъ. У насъ выраженіе: „народная политика“ означаетъ совсѣмъ не общее довольство и преуспѣяніе, а во-первыхъ „жизнь духа“, во-вторыхъ — „духъ жизни“ и въ-третьихъ — „оздоровленіе корней“. Или, говоря другими словами: мели, Емеля, твоя недѣля.

Вотъ эта-то „народная политика“ и взялась покончить съ еврейскимъ вопросомъ. Она всегда и за все бралась съ легкостью изумительной. И „ключей“ требовала, и Босфору грозила, и въ Константинополѣ единство кассъ устроить сбиралась, и на кратчайшій путь въ Индію указывала. Но нельзя сказать, чтобы съ успѣхомъ. Еслибъ она меньше хвасталась, не такъ громко кричала, сбираясь на рать, поменьше говорила стихами и потрезвѣе смотрѣла на свою задачу — быть можетъ, она чего-нибудь и достигла бы. Но она всегда продавала шкуру медвѣдя, не убивши его — понятно, что ни „ключи“, ни „проливы“ не давались ей, какъ кладъ. И вотъ, послѣ цѣлаго ряда

проказъ по части оздоровленія корней, ей подвертывается пресловутый еврейскій вопросъ.

Читатель, помните ли вы сказку о „Дикомъ помѣщикѣ“? Содержаніе ея очень незамысловатое. Не весьма умный помѣщикъ, огорченный крестьянской реформой и начитавшійся розсказней о бѣлой кости и алой крови, взмолился къ Богу, прося, чтобъ Онъ освободилъ его отъ мужика. „Одной только милости прошу,—вопіялъ онъ: —чтобы мужичьимъ духомъ у меня во владѣніяхъ не пахло!“ И Богъ внялъ мольбѣ неразумнаго (конечно, съ тѣмъ, чтобы онъ впослѣдствіи самъ созналъ свое неразуміе): въ одно прекрасное утро поднялся вихрь и, въ глазахъ помѣщика, унесъ изъ его владѣній весь мякинно-мужичій рой...

Какіе плоды вкусилъ помѣщикъ отъ мужичьяго исчезновенія—это сюда не относится. Но очевидно, что легенда о легкомъ исполненіи помѣщичьей прихоти увлекла нашихъ народныхъ политиковъ. Стѣсняясь еврейскою назойливостью и видя, что тутъ ничего не подѣлаешь ни „жизнью духа“, ни „духомъ жизни“, ни даже „оздоровленіемъ корней“, они избрали легчайшій путь: попробовали примѣнить къ постылымъ евреямъ тотъ же летательный процессъ, какой былъ примѣненъ „Дикимъ помѣщикомъ“ къ постылымъ мужикамъ. И точно, поднялся вихрь, но при этомъ случилось нѣчто неожиданное: улетѣли народные политики, а евреи остались. До такой степени остались, что даже на дняхъ я видѣлъ: ходитъ еврей у насъ по дачамъ, какъ будто полотно продаетъ, а самъ подслушиваетъ, не наклёвывается ли гдѣ-нибудь революція—точь-въ-точь какъ полноправный русскій гражданинъ.

Итакъ, евреи остались, но вмѣстѣ съ тѣмъ остался нетронутымъ и еврейскій вопросъ.

Исторія никогда не начертывала на своихъ страницахъ вопроса болѣе тяжелаго, болѣе чуждаго человѣчности, болѣе мучительнаго, нежели вопросъ еврейскій. Исторія человѣчества вообще есть безконечный мартирологъ, но въ то же время она есть и безконечное просвѣтленіе. Въ сферѣ мартиролога еврейское племя занимаетъ первое мѣсто; въ сферѣ просвѣтленія оно стоитъ въ сторонѣ, какъ будто лучезарныя перспективы исторіи совсѣмъ до него не относятся. Нѣтъ болѣе надрывающей сердце повѣсти, какъ повѣсть этого безконечнаго истязанія человѣка надъ человѣкомъ. Даже исторія, которая для

самыхъ загадочныхъ уклоненій отъ свѣта къ тьмѣ находитъ соотвѣтствующую поправку въ дальнѣйшемъ ходѣ событій.—и та, излагая эту скорбную повѣсть, останавливается въ безсиліи и недоумѣніи.

Очевидно, что въ ненормальномъ положеніи еврейскаго вопроса играютъ фатальную роль такого рода запутанности, которыя съ теченіемъ времени не только не смягчаются, но даже больше и больше обостряются. Въ ряду этихъ запутанностей главное мѣсто несомнѣнно занимаетъ преданіе, давно уже утратившее смыслъ, но доселѣ сохранившее свою живость. Затѣмъ къ числу причинъ, содѣйствующихъ незыблемости преданія, слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, несознанные капризы расоваго темперамента, и, во-вторыхъ, совершенно произвольное представленіе объ еврейскомъ типѣ на основаніи образцовъ, взятыхъ не въ трудящихся массахъ еврейскаго племени, а въ сферахъ болѣе или менѣе досужихъ и эксплуатирующихъ.

Нѣтъ ничего безчеловѣчнѣе и безумнѣе преданія, выходящаго изъ темныхъ ущелій далекаго прошлаго и съ жестокостью, доходящей до идіотскаго самодовольства, изъ вѣка въ вѣкъ переносящаго клеймо позора, отчужденія и ненависти. Не говоря уже о непосредственныхъ жертвахъ преданія, замученныхъ и обезглавленныхъ, оно извращаетъ цѣлый циклъ общественныхъ отношеній и на самую исторію налагаетъ печать изувѣрской одичалости. Но безчеловѣчіе явится еще болѣе осязательнымъ, если припомнить, что нѣтъ вещи болѣе общедоступной, какъ преданіе, и что, слѣдовательно, послѣднее прежде всего становится достояніемъ толпы, и безъ того обезумѣвшей подъ игомъ собственнаго злосчастія. Именно этою-то общедоступностью и обладаетъ преданіе, поразившее отчужденіемъ еврейское племя. Когда я думаю о положеніи, созданномъ образами и стонами исконной легенды, преслѣдующей еврея изъ вѣка въ вѣкъ на всякомъ мѣстѣ—право, мнѣ представляется, что я съ ума схожу. Кажется, что за этой легендой зіяетъ бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и въ этой пропасти безнадежно агонизируетъ цѣлая масса людей, у которыхъ отнято все, даже право на смерть.

Ни одинъ человѣкъ въ цѣломъ мірѣ не найдетъ въ себѣ столько творческой силы, чтобы вообразить себя въ положеніи этой неумирающей агоніи, а еврей родится въ ней и для нея. Стигматизированный онъ является на свѣтъ, стигматизированный агонизируетъ въ жизни и стигматизированный же умираетъ. Или, лучше сказать, не

умираетъ, а видитъ себя и по смерти безсрочно-стигматизированнымъ въ лицѣ дѣтей и присныхъ. Нѣтъ выхода изъ кипящей смолы, нѣтъ иныхъ перспективъ, кромѣ зубовнаго скрежета. Что бы еврей ни предпринялъ, онъ всегда остается стигматизированнымъ. Дѣлается онъ христіаниномъ — онъ выкрестъ; остается при іудействѣ — онъ пёсъ смердящій. Можно ли представить себѣ мучительство болѣе безумное, болѣе безсовѣстное?

Мнѣ скажутъ, быть можетъ: однакожъ мы видимъ, что промышленные центры переполнены евреями, которые нимало не стѣсняются своимъ еврействомъ. Биржи, театры, рестораны, будуары самыхъ дорогихъ кокотокъ — все это кишитъ веселонравными семитами, которые удивляютъ вселенную наглою расточительностью и нелѣпою привередливостью прихотей и вкусовъ. Да, такихъ субъектовъ существуетъ достаточно (ихъ-то однихъ мы и знаемъ), но вѣдь въ нихъ еврейство играетъ уже далеко не существенную роль. Это обыкновенные гулящіе люди (многіе называютъ ихъ „татями“, но я не вижу надобности слѣдовать этой терминологіи), члены той международной аффиліаціи гулящихъ людей, въ которую каждая національность вноситъ свой посильный вкладъ. Объ еврействѣ въ этихъ людяхъ говорятъ только нѣкоторыя ухватки, но вѣдь ухватки самыя рѣзкія легко стушевываются въ пучинѣ всевозможныхъ интернаціональныхъ утонченностей. Тѣмъ не менѣе можно сказать съ увѣренностью, что даже подобныя личности по временамъ переживаютъ нестерпимо-горькія минуты. Ибо и во снѣ увидѣть себя евреемъ достаточно, чтобы самаго неунывающаго субъекта заставить метаться въ ужасѣ и посылать безсильныя проклятія судьбѣ.

Несмотря однакожъ на это организованное мучительство, евреи живутъ. Какая загадка таится за этимъ фактомъ — это вопросъ трудный. Одни объясняютъ еврейскую живучесть надеждой на отмщеніе, другіе — мудростью, третьи — просто привычкой. Но кажется, что главную роль тутъ играетъ тотъ общечеловѣческій законъ самосохраненія, въ силу котораго племя, однажды сознавшее себя племенемъ, никогда добровольно не налагаетъ на себя рукъ.

Какъ бы то ни было, но уничтожить силу преданія или даже ослабить ее — задача настолько сложная, что даже люди очень убѣжденные отступаютъ передъ нею. Преданіе наслоялось вѣками, и каждое новое наслоеніе прибавляло къ нему новую жестокую черту. Да

и кто всего упорнѣе хранитъ эти преданія? — ихъ хранитъ толпа, которая сама насквозь пропитана злосчастіемъ и въ отношеніи которой всякій укоръ былъ бы несправедливостью и всякое рѣшительное воздѣйствіе — дѣломъ въ высшей степени щекотливымъ. Даже поднятіе общаго уровня образованности, какъ это показываетъ современное антисемитское движеніе въ Германіи, не приноситъ въ этомъ вопросѣ осязательныхъ улучшеній, потому что до сихъ поръ мы были свидѣтелями только *относительнаго* поднятія этого уровня, которое не обладаетъ достаточной силой для водворенія принципа абсолютнаго равноправія. Слѣдовательно, чтобы упразднить преданіе, необходимо, чтобы человѣчество окончательно очеловѣчилось. А когда это произойдетъ?

Перспектива безсрочная и тѣмъ болѣе безнадежная, что въ союзѣ съ преданіемъ противъ еврейскаго племени дѣйствуютъ и несознанные капризы расовыхъ темпераментовъ. Эти капризы, переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ свою очередь образуютъ преданіе, столь же компактное и не менѣе преисполненное всякаго рода баснословій, какъ и изукрашенная вѣками легенда о несмываемомъ еврейскомъ клеймѣ.

И образъ жизни еврея, и внѣшняя его складка, его манера говорить, ходить, одѣваться — все даетъ пищу для неосмысленной досады, которая проявляетъ себя тѣмъ безпрепятственнѣе, что выраженіе ея почти всегда сопровождается безнаказанностью. Никто такъ мастерски не боится, какъ еврей; никто не создалъ для себя такого страннаго внѣшняго облика. Еврей самый солидный напоминаетъ внѣшнимъ своимъ видомъ подростка, путающагося въ отцовскихъ штанахъ. Для темной массы этого вполнѣ достаточно, чтобы видѣть въ евреѣ всегда готовый источникъ потѣхъ и издѣвокъ. Никому нѣтъ дѣла до причинъ, породившихъ „странности“, ибо въ глазахъ черезъ-чуръ ужъ живо мечется грубый фактъ, который заслоняетъ и проклятое прошлое, и презрѣнную обстановку настоящаго. Смѣшной ламбсердакъ, нелѣпые пейсы, заячья торопливость, ни на минуту не дающая еврею усидѣть на мѣстѣ — чего еще нужно? Еврей и ходитъ не такъ, какъ люди, и говоритъ не такъ, какъ люди, и смотритъ не такъ, какъ люди. Отъ еврея — пахнетъ; еврей не смотритъ, а глаза у него бѣгаютъ; онъ не живетъ, а блудитъ. А какъ смѣшно и даже гнусно онъ шепелявитъ!

— Что, еврей, губами мнешь?

— Дурака шашу!

То-ли дѣло Деруновъ съ Колупаевымъ! Никогда они не скажутъ: „шашу“, а прямо отчеканятъ: „сосу дурака“ — и шабашъ. И правильно, и для потѣхи резоновъ нѣтъ: слушай и трепещи!

Давно ли власть имѣющія лица стригли у евреевъ пейсы и снимали съ нихъ ламбсердаки? Давно ли какъ лакомства выслушивались разсказы о веселонравныхъ военныхъ людяхъ, ѣздившихъ на евреяхъ и верхомъ, и въ экипажахъ, занимавшихся травлей ихъ и не знавшихъ болѣе высокаго наслажденія, какъ подстеречь еврея съ какимъ-нибудь членовредительнымъ сюрпризомъ и потомъ покатываться отъ уморы при видѣ *смѣшного* ужаса, который являлся естественнымъ послѣдствіемъ сюрприза. И что же! развѣ это прошлое такъ и кануло въ вѣчность?—нѣтъ, оно только видоизмѣнило формы, а сущность передало неприкосновенною, такъ что въ настоящее время пропаганда еврейской травли едва-ли не идетъ шире и глубже, нежели когда-либо.

Говорятъ, будто выраженіе: „дурака шашу“ представляетъ девизъ, которымъ опредѣляются отношенія *всякаго* еврея къ окружающей средѣ. Но въ такомъ случаѣ отчего же не допустить подобнаго же толкованія и для выраженія: „сосу дурака“, которое на практикѣ имѣетъ отнюдь не менѣе обширное примѣненіе. По существу, они оба одинаково омерзительны, да и на практикѣ имѣютъ одинаковое примѣненіе. Но и въ томъ, и въ другомъ видѣ доступны совѣмъ не всякому встрѣчному, а только могущему вмѣстить.

Сосать простеца или „дурака“ (онъ же рохля, ротозѣй, мужикъ и проч.) очень лестно, но для этого надо имѣть случай, сноровку и талантъ. Деруновъ и Колупаевъ — сосутъ, а Малявкинъ и Казявкинъ хоть и живутъ съ ними по сосѣдству — *не* сосутъ. Первые обладаютъ всѣми нужными для сосанія приспособленіями; вторые — тѣми же приспособленіями обладаютъ наоборотъ. Тотъ же самый законъ имѣетъ силу и въ еврейской средѣ. И между евреями правомъ лакомиться „дуракомъ“ пользуются лишь сильные организмы, а Малявкинъ и Казявкинъ не только не лакомятся, а, напротивъ, представляютъ собой матеріалъ для лакомства.

Вся разница въ томъ, что коренной Деруновъ, присасываясь къ Малявкину, называетъ его „крестникомъ“ и не чуждается при-

баутокъ, въ родѣ: „по-милу да по-божецки, ты за меня, я за тебя, а Богъ за всѣхъ!“ А Деруновъ-еврей сосетъ безъ прибаутокъ, серьезно. Возьметъ дурака двумя пальцами, пососетъ и скорлупу выплюнетъ; потомъ возьметъ другого дурака и опять скорлупу выплюнетъ. Ужасно видѣть это серьезное выплевываніе скорлупокъ, но, право, и прибаутки слушать не слаще.

Кому же однако приходило въ голову указывать на Разуваева какъ на опредѣляющій типъ русскаго человѣка? А Разуваева-еврея непремѣнно навяжутъ всему еврейскому племени и будутъ при этомъ на все племя кричать: ату!

Но для Дерунова-еврея есть даже смягчающее обстоятельство: онъ чаще всего сосетъ вотще. Ибо какъ только онъ начинаетъ насасываться досыта, такъ тотчасъ на него налетаетъ ревизія: показывай, жидъ, что у тебя въ потрохахъ? И всякій, кому не лѣнь, беретъ оттуда часть. Какъ все-то разберутъ — много ли останется? И какую надобно имѣть силу воли, какую удачливость, чтобы, претерпѣвъ всѣ ревизіи, благополучно вынырнуть въ міръ концессій и банкирскихъ гешефтовъ, и тамъ, сбросивши съ себя узы еврейства, кормить обѣдами тайныхъ совѣтниковъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣть даже въ услуженіи...

Почему же однако мы съ такою легкостью отождествляемъ еврея сосущаго съ евреемъ *не*-сосущимъ, почему мы такъ охотно вымещаемъ на послѣднемъ досаду, которую пробуждаетъ въ насъ первый? Не потому ли, что сосущій еврей есть сила, за которою скрывается еще сила, и даже не одна, а цѣлый легіонъ? Весьма вѣроятно, что въ этомъ предположеніи есть очень значительная доля правды, хотя это и не приноситъ особенной чести нападающей сторонѣ. Но во всякомъ случаѣ, въ безчеловѣчной путаницѣ, которая на нашихъ глазахъ такъ трагически разыгралась, имѣетъ громадное значеніе то, что нападающая сторона, относительно еврейскаго вопроса, ходитъ въ совершенныхъ потемкахъ, не имѣя никакихъ твердыхъ фактовъ, кромѣ преданія (нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно преслѣдовать людей за то, что они носятъ пейсы и неправильно произносятъ русскую рѣчь!).

Въ самомъ дѣлѣ, что мы знаемъ объ еврействѣ, кромѣ концессіонерскихъ безобразій и продѣлокъ евреевъ-арендаторовъ и евреевъ-шинкарей? Имѣемъ ли мы хотя приблизительное понятіе о той без-

численной массѣ евреевъ-мастеровыхъ и евреевъ-мелкихъ торговцевъ, которая кишитъ въ грязи жидовскихъ мѣстечекъ и неистово плодится, несмотря на печать проклятія и на вѣчно присущую угрозу голодной смерти? Испуганныя, доведшія свои потребности до минимума, эти злосчастныя существа молятъ только забвенія и безвѣстности—и получаютъ въ отвѣтъ поруганіе...

Даже въ литературу нашу только съ недавняго времени начали проникать лучи, освѣщающіе этотъ агонизирующій міръ. Да и теперь едва-ли можно указать на что-нибудь подходящее, исключая прелестнаго разсказа г-жи Оржешко: „Могучій Самсонъ". Поэтому тѣ, которые хотятъ знать, сколько симпатичнаго таитъ въ себѣ замученное еврейство, и какая неистовая трагедія тяготѣетъ надъ его существованіемъ—пусть обратятся къ этому разсказу, каждое слово котораго дышетъ мучительною правдою. Навѣрное это чтеніе пробудитъ въ нихъ добрыя, здоровыя мысли и заставитъ ихъ задуматься въ лучшемъ, человѣчномъ значеніи этого слова.

Знать—вотъ что̀ нужно прежде всего, а знаніе несомнѣнно приведетъ за собой и чувство человѣчности. Въ этомъ чувствѣ, какъ въ гармоническомъ цѣломъ, сливаются тѣ качества, благодаря которымъ отношенія между людьми являются прочными и доброкачественными. А именно: справедливость, сознаніе братства и любовь.

Глава VII.

Пришелъ и новый годъ. Пришелъ и, по обыкновенію, новое счастіе принесъ. Счастіе пока еще не опредѣлилось, но надежды и увѣренностей — болѣе чѣмъ достаточно. Не было, я полагаю, того угла въ цѣломъ Петербургѣ, гдѣ бы, въ ночь съ 31-го декабря на 1-е января, не ободряли себя пріятными перспективами. Конечно, и въ прошломъ году въ этотъ моментъ точно такъ же всѣ поздравляли себя съ новымъ счастіемъ и льстили себя новыми надеждами (какъ встарину добрыя дѣти родителямъ писали: „льщу себя, милый папенька, надеждою, что новый годъ принесетъ новое счастіе, которое поможетъ намъ многія лѣта въ сей печальной юдоли благополучно провести"), но нынѣче пожеланія выражались какъ-то настойчивѣе и убѣжденнѣе, такъ что можно было догадываться, что поздравляющіе понимаютъ, съ чѣмъ поздравляютъ другъ друга.

Съ перваго же дня газеты предприняли ревизію стараго года. Разсматриваютъ его во всѣхъ смыслахъ и очень хвалятъ. Многое уже выполнено, а остальное—не замедлитъ. Во всякомъ случаѣ и того, что сдѣлано, уже достаточно, чтобы считать почву будущаго подготовленною. Все процвѣло и преуспѣло, кромѣ литературы, которой прошлый годъ принесъ однѣ утраты. И таковы эти утраты, что даже недавній юбилей россійской академіи *) не заставилъ объ нихъ позабыть.

Надо сказать правду: тонъ общественнаго мнѣнія за послѣдніе годы измѣнился къ лучшему. Вмѣсто прежнихъ колебаній—солидность, вмѣсто витанія въ эмпиреяхъ—стремленіе къ „настоящему“ дѣлу и увѣренность обрѣсти его. Встрѣчается множество людей, которые еще недавно легкомысленно восклицали: „sursum corda!“ и которые теперь видимо озабочены тѣмъ, чтобы ихъ недавніе возгласы были преданы забвенію. И надо думать, что усилія ихъ увѣнчаются успѣхомъ, потому что у насъ насчетъ возгласовъ просто: сотрясеніе воздуха—и больше ничего. Имѣющій уши — ихъ слышитъ, и сейчасъ же забываетъ; а неимѣющему ушей хоть всю литургію вѣрныхъ пропой—онъ все равно ничего не услышитъ.

Резонность и солидность — вотъ лозунгъ настоящаго. Это вѣроятно и при поздравленіяхъ съ новымъ годомъ имѣлось въ виду. Sursum corda! что это такое? зачѣмъ? по какому случаю? развѣ гдѣнибудь горитъ? То ли дѣло: посѣшишь—людей насмѣшишь! тутъ по крайней мѣрѣ реальный пріемъ слышится. Не воздухоплаваніе, а достовѣрная поѣздка вокругъ свѣта на сдаточныхъ. Давно ужъ мы эти sursum corda-то слышимъ, да путнаго мало изъ нихъ вышло. Стало быть, пора и образумиться; пора понять, что при извѣстныхъ условіяхъ прежде всего о томъ памятовать надлежитъ, что маленькая рыбка лучше, нежели большой тараканъ.

Это нынче всѣ говорятъ. И прежде говаривали, но машинально, по привычкѣ: а нынче—съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой. Точно порохъ выдумали. Иные при этомъ слегка краснѣютъ (но все-таки отчетливо всѣ слова выговариваютъ), но большинство говоритъ прямо, не краснѣючи. Совѣтую впрочемъ и первымъ какъ можно ско-

*) Замѣчательно, что редакціи русскихъ журналовъ не были на это торжество приглашены.

рѣе побѣдить пагубную привычку краснѣть, такъ какъ, чего добраго, ихъ, въ противномъ случаѣ, въ сонмище укрывателей эмпирейныхъ витаній зачислятъ. Потому что какъ ни искренне ихъ обращеніе, но все-таки на нихъ, какъ на новообращенныхъ, смотрятъ еще съ нѣкоторою подозрительностью. Все равно какъ съ вотяками бываетъ: есть вотяки „старокрѣщены“ и есть „новокрѣщены“. Въ „старокрѣщенахъ“ никто не сомнѣвается, но относительно „новокрѣщена“, хоть онъ всякій праздникъ что̀ слѣдуетъ попу отдаетъ, а все-таки кажется: вотъ-вотъ онъ сейчасъ въ кереметь убѣжитъ. И согласно съ симъ принимаются мѣры.

Итакъ, надо „дѣло“ дѣлать — вся задача въ этомъ состоитъ. Только „дѣло“ можетъ поднять нашъ духъ и возстановить насъ и въ собственномъ мнѣніи, и въ мнѣніи нашихъ сограждапъ. Объ этомъ и не споритъ никто. Спросите въ любой мелочной лавкѣ: что̀ лучше, дѣло или бездѣлье? — навѣрное вы получите въ отвѣтъ: какъ же возможно, бездѣлье или дѣло! И сейчасъ же вамъ назовутъ безчисленное множество дѣлъ, которыя тутъ же, въ стѣнахъ мелочной лавки, и совершаются. Отвѣшивать, отмѣривать, упаковывать, принимать, отпускать, слѣдить за выручкой, на половину гнилой лимонъ показать здоровою половиной и проч. Голова кругомъ идетъ. То же самое происходитъ въ кабакѣ, въ портерной и наконецъ въ каждой Богомъ хранимой хижинѣ. Вездѣ дѣла прямыя, ясныя, осязательныя. То же самое и намъ, людямъ интеллигенціи, для себя придумать предстоитъ.

Но на бѣду, чѣмъ выше сфера человѣческихъ отношеній, тѣмъ меньше замѣчается точности въ опредѣленіи признаковъ „дѣла“. Вмѣсто прямыхъ указаній, въ родѣ: отмѣривать, отрѣзывать (а въ иныхъ случаяхъ даже прямо „производить“), мы встрѣчаемся съ такими же отвлеченностями, какъ sursum corda, только низменнаго и даже глупаго свойства. Между тѣмъ именно для этой-то высшей сферы и требуется отыскать подходящее дѣло. Именно она, а не сфера хижинъ богохранимыхъ, страдала обиліемъ эмпиреевъ, и она же въ послѣднее время заговорила, что внѣ дѣла для насъ нѣтъ спасенія. И тутъ-то вотъ, несмотря на всѣми чувствуемую потребность, мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній ни насчетъ мѣста нахожденія „дѣла“, ни насчетъ подлиннаго его названія. Конечно, и здѣсь вы услышите отвѣтъ: „какъ можно сравнить, бездѣлье или дѣло!“ —

но вслушайтесь въ интонацію голоса, которымъ произносятся эти слова, и вы убѣдитесь, что въ ней звучитъ: „бездѣлье-то, пожалуй, лучше“...

Все затрудненіе оттого происходитъ, что интеллигентный человѣкъ думаетъ, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ „правящій классъ“, и потому для себя какого-то особеннаго дѣла требуетъ. Даже самые неинтеллигентные изъ интеллигентныхъ такъ объ себѣ полагаютъ. Скажу болѣе: чѣмъ глупѣе интеллигентный человѣкъ, тѣмъ онъ сильнѣе за титулъ „правящаго класса“ цѣпляется. Слышалъ, что гдѣ-то на теплыхъ водахъ правящіе классы въ свое удовольствіе живутъ, и себѣ того же желаетъ. Но какимъ образомъ попасть въ такіе „правящіе классы“, которые въ свое удовольствіе живутъ — не знаетъ. Ежели въ эмпиреяхъ витать, такъ опытъ практически доказалъ, сколь сіе вредно; ежели „дѣло“ дѣлать —такъ укажите, сдѣлайте милость, въ чемъ оное заключается. Вотъ кабы входъ въ крѣпостное право какимъ-нибудь чудомъ опять открылся—сейчасъ бы мы всѣ правящими классами сдѣлались! И „дѣло“ тогда само бы собой выскочило, а ты только знай жезломъ помахивай!

Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ начались толки объ „дѣлѣ“, противорѣчій не оберешься. Съ одной стороны несомнѣнно, что витанія и паренія приводятъ къ самообольщенію, но съ другой стороны, какъ только раздумаешься объ „дѣлѣ“—вдругъ, словно самъ собою, начнешь парить и витать. Не подъ носомъ у себя „дѣла“ ищешь, а въ сторону заглядываешь, и все какъ-то въ сторону „теплыхъ водъ“. Эта привычка у насъ еще отъ крѣпостныхъ временъ осталась; и тогда мы были убѣждены, что въ Россіи можно оброки и дани получать, а жить въ свое удовольствіе только на теплыхъ водахъ можно. Но нынѣче оказывается, что въ подобныхъ заглядываніяхъ спасенія не обрѣтешь. Почему оказывается — объ этомъ опять-таки никто не сказываетъ (сказывать-то, должно быть, нечего)... Оказывается— только и всего. Какъ бы то ни было, но для того, чтобы спастись, нужно не „чужое“, не „иностранное“, а „свое собственное“ и притомъ „настоящее“ дѣло найти... Что бы такое? ну, напримѣръ?

Такой это интересный вопросъ, что пѣтъ той минуты, чтобъ я не думалъ объ немъ. И все, что отъ меня зависѣло, въ видахъ его правильнаго разрѣшенія —все я предпринималъ. И къ говору трактирныхъ завсегдатаевъ прислушивался (vox populi), и въ участкѣ

справлялся, и съ свѣдущими людьми совѣщался—ничего не поймешь! заладили одно: „дѣло дѣлать!“ Господа! да вѣдь это то же, что „sursum corda!“ только наоборотъ...

Говорятъ, будто славянофиламъ что-то объ этомъ „самостоятельномъ“ дѣлѣ было извѣстно, но они свой секретъ въ могилы унесли. Теперь, на смѣну славянофиламъ, появились какіе-то выморочные бонапартисты, которые могутъ только въ трубы трубить, но секрета не знаютъ.

Говорятъ еще, будто въ газетахъ каждый день объ „дѣлахъ“ разговариваютъ—ну, да какія ужъ это „дѣла“!

Наконецъ я обратился съ вопросомъ къ моему другу Глумову:

— Не знаешь ли, другъ любезный, какимъ бы самостоятельнымъ „дѣломъ“ наши „правящіе классы“ угостить?

И что жъ! онъ въ ту же минуту всѣ мои сомнѣнія разрѣшилъ.

— Какъ „какими“! да вотъ въ одномъ со мной меблированныхъ комнатахъ отставной статскій совѣтникъ Культяпка живетъ, такъ онъ съ утра до вечера дѣло дѣлаетъ. Утромъ—проекты нравственнаго и умственнаго оздоровленія (да съ картинками, братецъ!) сочиняетъ; среди дня—извѣщенія пишетъ, а вечеромъ—по коридору ходитъ и къ дверямъ уши прикладываетъ. Однажды ему даже лобъ нечаянно дверью раскроили. Надѣюсь, что это достаточно „свое собственное“ дѣло.

И не успѣлъ я настоящимъ манеромъ его отвѣтъ обдумать, какъ онъ продолжалъ:

— А то еще молодой человѣкъ у насъ живетъ. Утромъ — коричневый галстухъ передъ зеркаломъ повязываетъ; передъ обѣдомъ—черный галстухъ; вечеромъ—бѣлый. Или возьметъ въ руки шляпу и самъ съ собой передъ зеркаломъ раскланивается. Чѣмъ не дѣло?

А въ заключеніе повѣствовалъ слѣдующее:

— Что же касается до особъ дамскаго сословія, то объ нихъ и заботиться нечего. Ихъ существованіе не только наполнено, но даже, можно сказать, биткомъ набито. Утромъ „она“ встаетъ—утренній костюмъ надѣваетъ; въ три часа по магазинамъ или гулять ѣдетъ или идетъ—гуляльный костюмъ надѣваетъ; передъ обѣдомъ—надъ обѣденнымъ костюмомъ думу думаетъ; вечеромъ, ежели въ театръ

ѣдетъ — театральный костюмъ, ежели на балъ — бальный. И всякій разъ передъ зеркаломъ цѣлая драма происходитъ. То подойдетъ, то отойдетъ, то сядетъ, то какъ ужаленная вскочитъ. Иная, коли на балъ ѣхать собралась и нужно опредѣлить мѣру декольте́, то даже особенную систему зеркалъ устраиваетъ и на колѣнки становится. И сверху, и съ боковъ, и сзади, и спереди — отовсюду разомъ видно. Сверху — это „les messieurs“ смотрятъ, съ боковъ — члены общества распространенія грамотности, братчики, отставные дипломаты и проч. А издали, совсѣмъ въ перспективѣ — мужъ. И ему взглянуть хочется. Тутъ, братъ, коли все-то въ точности исполнить, такъ и на балъ, пожалуй, къ шапочному разбору попадешь.

То-то я смотрю: давно ли всѣ на скуку жаловались, а нынѣче ея и въ поминѣ нѣтъ. Анъ оно вонъ что̀: „дѣло“ найдено.

Слухами о сезонныхъ увеселеніяхъ всѣ стогны петербургскіе полны. Извозчики только объ томъ и говорятъ, что господа опять веселиться начали. Въ газетахъ пишутъ: у одной дамы на балу, независимо отъ глубокаго декольте́, брилліантовую подкову на спинѣ видѣли. Теперь эта подкова нашихъ статскихъ совѣтницъ съ ума сведетъ. Будутъ онѣ — каждая къ своему статскому совѣтнику — до тѣхъ поръ приставать, покуда цѣлыхъ созвѣздій на спины не получатъ...

Придется-таки статскимъ совѣтникамъ изворачиваться; придется „дѣла“ изобрѣтать, евреямъ-гешефтмахерамъ душу продавать. И когда наконецъ ювелиръ вдѣнитъ въ поясницу статской совѣтницы цѣлое брилліантовое солнце, то въ лучахъ его будутъ играть кавалеры всѣхъ сортовъ оружій и пера, а соотвѣтствующій статскій совѣтникъ будетъ въ это время гешефтмахера обучать, какъ наилучшимъ манеромъ любезное отечество подкузьмить...

А какая новая эра занятій и дѣлъ для статскихъ совѣтницъ откроется! Ежели вечеромъ на балъ ѣхать, такъ вѣдь съ утра присѣдать передъ зеркаломъ придется! Солнце-то вѣдь не шутка, умѣючи надо его показать! Сунъ на столѣ, дѣти ѣсть просятъ, статскій совѣтникъ копытами землю въ нетерпѣніи роетъ, а статская совѣтница то вскочитъ, то опять присядетъ! „Да скоро ли, матушка?“ кричитъ разъяренный мужъ, стучась въ запертую на ключъ дверь.

—„Ахъ, да обѣдайте безъ меня... неспосный! я послѣ... одна!“ И дѣйствительно, между присѣданій чего-нибудь перехватитъ, но за то къ одиннадцати часамъ—готова!

Фактъ повидимому самъ по себѣ ничтожный, а между тѣмъ по милости его процвѣтаетъ промышленность. Мудрено какъ будто это согласовать, а между тѣмъ оно такъ. Въ Петербургѣ на балу у барона Гинсбурга, напримѣръ, статская совѣтница Коромыслова на брилліантовомъ солнцѣ сидѣла, а у крестьянина деревни Комаринской, Павла Антипьева, отъ этого ея дѣйствія въ мошнѣ два съ полтиной прибыло. И прибыло совершенно резонно. Еще докторъ Кенé, глава физіократовъ и другъ Тюргэ, говаривалъ: „дама, которая покупаетъ шаль, подастъ милостыню бѣдняку“. Вотъ эту-то истину и зарубили статскія совѣтницы у себя на носу. Подумайте, въ самомъ дѣлѣ: солнце-то, на которое статская совѣтница Коромыслова сѣла—гдѣ оно сдѣлано?—Оно сдѣлано въ мастерской, въ которой сынъ Павла Антипьева, комаринскій мужикъ Иванъ Павловъ, работалъ. На свой най онъ половину луча этого сдѣлалъ, и за это получилъ пять рублей, а изъ нихъ два съ полтиной домой въ село Комаринское послалъ. Такъ вотъ.

Но этого мало. Получивъ два съ полтиной, Павелъ Антипьевъ распорядился съ ними такъ: на рубль купилъ у другого комаринскаго мужика сѣна, на рубль—у третьяго комаринскаго мужика муки, да на полтину у четвертаго комаринскаго мужика—соли. Въ результатѣ оказалось: прислано было два съ полтиной, а процвѣли на нихъ: во-первыхъ, Павелъ Антипьевъ—полностью на всѣ два съ полтиной и, во-вторыхъ, трое его односельцевъ—всѣ вмѣстѣ тоже на два съ полтиной. Итого—на пять рублей. То же и съ остальными двумя съ полтиной случилось: во-первыхъ, Иванъ Павловъ полностью на всѣ процвѣлъ (пропилъ), да кабатчикъ, у котораго онъ вино пилъ—тоже на два съ полтиной. Опять на пять рублей. Вотъ она экономистическая ариѳметика-то какова: пущено въ оборотъ пять рублей, а въ процвѣтаніи оказалось десять. Это относительно только половины луча, а сколько у солнца полныхъ лучей—сочтите! Да фабрикантъ навѣрное вдесятеро, чѣмъ всѣ комаринскіе мужики въ совокупности, процвѣлъ. И все это статская совѣтница Коромыслова однимъ движеніемъ поясницы произвела!

Не знаю, шепнуло ли ей объ этомъ солнце, покуда она на немъ

сидѣла, по знаю, что къ началу шестой фигуры г-жа Коромыслова была вполнѣ убѣждена въ цѣлесообразности своихъ поступковъ и дѣйствій.

— Вы не подумайте,—сказала она млѣвшему подлѣ нея кавалеру:—что я легкомысленничаю, садясь на брилліантовое солнце. Я этимъ дѣйствіемъ на цѣлое комаринское село благоденствіе изливаю!

Очень возможно, что нѣчто въ родѣ этихъ соображеній приходило въ голову Нерону, когда передъ его глазами пылалъ Римъ. Или купцу Овсянникову, когда горѣла его фабрика. И они, каждый по своему, подавали милостыню бѣдному.

Вотъ почему, когда я вижу, какъ дамочка изнуряетъ себя передъ зеркаломъ, то никогда не осуждаю ее, но говорю: это она промышленность оживляетъ, цѣнность кредитнаго рубля поднимаетъ, милостыню бѣдняку подаетъ. Однимъ словомъ, по мѣрѣ своего дамскаго разумѣнія, „дѣло“ дѣлаетъ.

Вотъ и адвокатура наша собралась дѣло дѣлать. Правда, что она и прежде себя преимущественно съ этой стороны уже зарекомендовала, но лѣтъ пять-шесть сряду объ ней какъ-то совсѣмъ не было слышно, точно она сквозь землю провалилась. А теперь опять всплыла.

Я помню, что когда адвокатское сословіе впервые выступило на арену общественнаго служенія, я былъ очень этимъ обрадованъ. Какъ хотите, а чрезвычайно пріятно живое слово слышать, хотя бы оно раздавалось по поводу подтопа принадлежащихъ корнету Отлетаеву луговъ мельницею купца Подзатыльникова. Это слово казалось тогда какъ бы естественнымъ продолженіемъ другого слова, которое при помощи печатнаго станка посвящало себя пробужденію въ сердцахъ добрыхъ чувствъ. Подобно печатному тогдашнему слову, и адвокатское устное слово на первыхъ порахъ звучало такою убѣжденностью и страстностью, что Отлетаевъ и Подзатыльниковъ ничего не понимали, а только чувствовали, что слезы градомъ льются изъ ихъ глазъ; судъ же, по выслушаніи сторонъ, въ величайшемъ смущеніи удалялся въ совѣщательную камеру, не зная, кому присудить протори и убытки. И большею частью постановлялъ такія рѣшенія, которыя приводили за собой сначала апелляцію, потомъ кассацію, потомъ новое рѣшеніе и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь изъ тяжущихся не

пропуститъ срока. Тогда, дѣлать нечего: подтопляй, купецъ Подзатыльниковъ, Отлетаевскіе луга! А ты, Отлетаевъ, впередъ не зѣвай!

Но, озаряя новые суды блескомъ своего краснорѣчія, адвокаты, кромѣ того, были осмотрительны какъ въ выборѣ дѣлъ, такъ и въ исходатайствованіи исполнительныхъ листовъ и во взысканіяхъ по онымъ. Этого тогда не было, чтобъ адвокатъ говорилъ кліенту: „вашего дѣла ни по какой статьѣ выиграть нельзя, но попробуемъ: можетъ быть, кривая вывезетъ!“ Напротивъ того, одинъ адвокатъ своему кліенту (истцу) говорилъ: „ваше дѣло вотъ по такой-то статьѣ выиграть можно“; а другой адвокатъ—своему кліенту (отвѣтчику): „ваше дѣло вотъ по какой статьѣ выиграть можно!“ И каждый шелъ въ судъ, убѣжденный, что его статья побѣдитъ. Да и того тоже не было, чтобы деньги по исполнительному листу получить и въ свою пользу употребить; напротивъ того, всѣ силы-мѣры употреблялись, чтобы все до копѣечки кліенту предоставить,—разумѣется, за исключеніемъ процентовъ, заранѣе выговоренныхъ за безпокойство.

А безпокойствъ въ то время не мало набиралось, потому что большихъ баръ въ то время между адвокатами почти не было, и всякій свою работу самъ дѣлалъ: и имущество должника сослѣживалъ, и при описяхъ присутствовалъ; словомъ сказать, въ пользу кліента себя въ струнку вытягивалъ.

Помню я, какъ на моихъ глазахъ одинъ молодой адвокатъ карьеру свою обстроилъ. Взыскивалъ онъ съ меня въ то время должокъ, и взыскивалъ, надо сказать правду, чрезвычайно благородно, и до суда не доводилъ, и не тѣснилъ насчетъ уплаты. Есть деньги —возьметъ и расписку дастъ; нѣтъ денегъ — завтра придетъ. Частенько онъ ко мнѣ такимъ образомъ хаживалъ, и когда я совѣстился, что такъ много ему безпокойствъ доставляю, то говорилъ: „ничего! это наша обязанность!“ Даже отъ моихъ папиросъ отказывался, а вынетъ изъ серебрянаго портсигара („это мнѣ кліентъ подарилъ!“) собственную папироску и съ удовольствіемъ выкуритъ. Такъ вотъ, бывало, придетъ онъ ко мнѣ, полный рвенія, но блѣдный и утомленный.

— Что вы какъ будто нынче устали?—спросишь его.

— Да вотъ имущество отвѣтчика одного наконецъ сослѣдилъ! —отвѣтитъ онъ и по порядку разскажетъ, какую ему Богъ радость послалъ. Совсѣмъ-было на чужую квартиру должникъ имущество-то переправилъ, а онъ, адвокатъ, и на чужую квартиру проникъ. При-

шелъ, а его тамъ дама встрѣчаетъ: „Какъ вы смѣете, говоритъ, въ чужой квартирѣ распоряжаться! Это мое имущество!“ Однако нѣтъ, извините-съ! Вѣдь онъ, адвокатъ, не нахаломъ въ чужую квартиру пришелъ, а на законномъ основаніи. И даже привелъ съ собою свидѣтелей, которые тутъ же и удостовѣрили: „Помилуйте, сударыня! мы не разъ у Моисея Исаича (имя должника) на этомъ диванѣ сиживали!“

И такимъ образомъ онъ искъ своего довѣрителя обезпечилъ, а объ укрывательницѣ-дамѣ составилъ, при содѣйствіи полиціи, протоколъ.

А на другой день послѣ этой удачи опять придетъ, еще болѣе утомленный.

— Неужто вы и сегодня какого-нибудь должника сослѣдили? —спросишь его.

— Нѣтъ, сегодня я при описи и оцѣнкѣ имущества присутствовалъ. Представьте себѣ, девятьсотъ-шесть предметовъ, и между прочимъ тридцать стклянокъ изъ-подъ одеколона. А нельзя! каждую вещь надо особенно въ реестръ занести.

Такъ вотъ каковы были первые христіане... то-бишь, адвокаты! Чувствительные, скромные и притомъ непьющіе. Однакожъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и тогда ужъ писали, что они основы потрясаютъ; а объ томъ, что они въ эмпиреяхъ витаютъ и куда-то далеко уду закидываютъ—объ этомъ походя во всѣхъ харчевняхъ разсказывали.

Но эта идиллія была непродолжительна. Пришлось мнѣ года на полтора за границу уѣхать; возвращаюсь—и первое что̀ слышу: такія нынѣче адвокаты дѣла дѣлаютъ, такіе куши рвутъ, что даже евреи-желѣзнодорожники зубами скрипятъ. А чтобы кліенту помочь, какъ прежде бывало, имущество должника сослѣдить — объ этомъ нынѣче и не заикайся! Самъ ищи!

Дальше—хуже. Подошло Овсянниковское дѣло; разыгралось нѣсколько крупныхъ банковскихъ кражъ. Куши такъ и лились. И тоже торговля процвѣла, но не столько суровскимъ, сколько бакалейнымъ товаромъ. По фунту икры заразъ съѣдали опытные адвокаты, а неопытные—по ящику сардинокъ. А ужины у Бореля съ кокотками —само по себѣ. Однимъ словомъ, ни одинъ до-реформенный откупщикъ въ цѣлую недѣлю столько не проѣдалъ, сколько проѣдалъ въ одинъ вечеръ какой-нибудь Балалайкинъ.

Ужасно это меня огорчило. Я надѣялся, что, по возвращеніи въ отечество, храмъ славы увижу, а увидѣлъ—помойную яму. Вся литература того времени гремѣла адвокатскими безобразіями, но гремѣла безсильно. И безсиліе это совершенно естественно объяснялось тѣмъ, что адвокатура сознавала себя стоящею прочно на почвѣ „дѣла“. Многіе адвокаты такъ-таки прямо и заявляли: у насъ свое дѣло есть, а что думаетъ объ насъ литература и общественное мнѣніе—это для насъ безразлично.

Однакоже разъ адвокатура освободила себя отъ контроля литературы и общественнаго мнѣнія, разъ она признала для себя обязательнымъ только тотъ контроль, который приводитъ за собою больній или меньшій размѣръ гонорара—понятно, что она сдѣлалась съ нравственной стороны неуязвимою. Но въ то же время она утратила способность къ самосовершенствованію въ какой бы то ни было сферѣ, кромѣ процессуальной кляузы.

Затѣмъ слухи о подвигахъ адвокатуры какъ-то вдругъ замолкли. И сами адвокаты попритихли, перестали бакалейную торговлю оживлять, да и безмѣрно они всѣмъ своими апелляціями и кассаціями надоѣли. Но главное, обстоятельства такія пристигли, что не до адвокатовъ было.

Но нынѣче для адвокатовъ опять золотое время пришло. На сцену выступили толки объ „дѣлѣ“, а у нихъ оно ужъ давно готово. Теперь они, вмѣстѣ съ банкирами (купить-продать, продать-купить) и всѣхъ сортовъ оздоровителями, покажутъ намъ, какіе размѣры можетъ принять процвѣтаніе страны, ежели всѣ ея обитатели настоящимъ, трезвеннымъ дѣломъ заняты. Въ эмпиреяхъ они не витаютъ, широкихъ задачъ не преслѣдуютъ, а долбятъ скромненько съ утра до вечера: апелляція-кассація, кассація-апелляція...

И для начала выбрали дѣло о травлѣ городскихъ обывателей въ пользу общества водопроводовъ. Контрактъ, говорятъ, будто бы дозволяетъ обывателей негодной водой отравлять. Что-жъ, коли контрактъ, такъ, разумѣется, приходится пить воду по точному онаго пониманію. Видишь: § такой-то, пунктъ такой-то... читай! И пей отравленную воду, и молчи! Такъ это ясно, точно и даже свято (въ контрактѣ — святость прежде всего), что сказываютъ, будто цѣлое скопище адвокатовъ за общество водопроводовъ горой стоитъ,

и что ради этого дѣла забыты связи дружества и даже узы родства! Еще бы!

Но неужели и теперь еще будутъ говорить, что адвокаты основы потрясаютъ и въ эмпиреяхъ витаютъ?!

Такимъ образомъ всѣ „правящіе классы“ постепенно присасываются къ дѣламъ. Адвокаты, дамочки, банкиры, земцы, оздоровители и проч. Одна литература продолжаетъ ни-при-чемъ состоять. Дѣла для нея рѣшительно не отыскивается, а въ эмпиреяхъ витать—и не ко двору, и не ко времени.

Да и читающая публика нынѣче равнодушна къ эмпиреямъ стала. Ничего не хочетъ знать, кромѣ газетъ. Прочтетъ кое-какіе столбцы, а остальное время твердитъ: купить-продать, кассація-апелляція...

Впрочемъ это я объ той части литературы говорю, дѣятели которой называются „разбойниками печати“ и „мошенниками пера“ (клички эти непремѣнно надо сохранить въ назиданіе потомству, какъ историческій документъ). Что же касается до остальной литературы (преимущественно газетной), то она, наравнѣ съ прочими оздоровителями, нашла для себя „настоящее“ дѣло, и повидимому ведетъ его съ полнымъ успѣхомъ.

Глава VIII.

А вотъ и еще „дѣло“ нашлось.

„Мой собственный корреспондентъ“ прислалъ мнѣ изъ Одессы очень любопытное объявленіе. Къ сожалѣнію, онъ не сопроводилъ свою присылку никакимъ объяснительнымъ письмомъ, такъ что я не знаю ни личности самого корреспондента, ни его фамиліи, ни того, когда былъ изданъ доставленный имъ документъ. Изъ помѣтокъ, имѣющихся въ концѣ объявленія, видно, что оно разрѣшено къ печатанію полиціймейстеромъ Бупинымъ и тиснуто въ Одессѣ, въ типографіи „Трудъ“ В. Семенова. Ни года, ни мѣсяца, ни числа—не значится.

Во всякомъ случаѣ документъ этотъ въ педагогическомъ отношеніи настолько поучителенъ, что я рѣшаюсь привести его здѣсь дословно, не измѣняя и нѣсколько произвольной его орѳографіи. Вотъ онъ:

ШКОЛЬНЫЕ
ГИГІЕНИЧЕСКІЕ СТОЛЫ СИСТЕМЫ КУНЦА
и
КУШЕТКИ
ПО НОВОЙ СИСТЕМѢ.

Эти кушетки имѣютъ преимущество предъ скамьей старинныхъ школъ и въ гигіеническомъ, и экономическомъ отношеніяхъ. Кушетка гигіеническая состоитъ изъ скамьи въ аршинъ шириною. На одной ея сторонѣ находится подвижной на шалѳерахъ деревянный футляръ въ видѣ четвероугольной коробки дномъ кверху. Длина ея 6 четвертей и 4 ширина съ высотою въ 5 четвертей. Три боковыя наружныя стороны, а также и верхняя состоитъ изъ толстой проволочной рѣшетки съ крупными до 3 кв. в. промежутками. Со стороны, обращенной къ скамьѣ, вмѣсто рѣшетки вставляется подвижная сверху внизъ доска съ дугообразнымъ вырѣзомъ. Съ другой стороны скамьи такой же подвижной ящикъ въ 5 вер. вышины и до 17 длины. Когда подвигается 1-й ящикъ, то онъ закрываетъ голову, грудь и большую часть спины. Опускная доска съ вырѣзкой охватываетъ спину и не допускаетъ движеній наказываемаго ни впередъ, ни назадъ. Точно также 2-ой футляръ прикрываетъ ноги и не допускаетъ свернуться въ сторону. Такимъ образомъ избѣгается вреднаго держанія наказываемаго, когда училищная прислуга притискиваетъ обыкновенно голову наказываемаго мучительнымъ образомъ, такъ что онъ одной щекой и искривленной шеей плотно прижатъ къ скамьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, лакей давитъ всей силой мускуловъ на нѣжную грудь мальчика. Шея, наискось прижатая въ искривленномъ положеніи, производитъ полузадушеніе. Всѣ жилы головы паливаются кровью. Лицо и бѣлки глазъ краснѣютъ, начинается головокруженіе, а иногда и обморокъ. Этотъ приливъ крови къ мозгу надолго оставляетъ головныя боли и неспособность къ умственнымъ занятіямъ. Держащій сторожъ конечно въ это не вникаетъ и, раздосадованный обыкновенно конвульсивными движеніями наказываемаго въ припадкахъ жгучей боли въ оконечности позвоночнаго столба, начинаетъ какъ попало надавливать на голову и плечи, сжимая, какъ въ клещахъ, верхнюю часть туловища. Гигіеническая кушетка, оставляя

свободными шею, грудь и голову, мѣшаетъ въ то же время движеніямъ средней части тѣла, которую оставляетъ въ полное распоряженіе экзекутора почти неподвижною. Въ экономическомъ отношеніи она избавляетъ заведенія и пансіоны отъ содержанія лишнихъ двухъ человѣкъ прислуги для держанія. Имѣя эту скамью-кушетку, сторожъ каждаго училища можетъ служить дѣлу.

Удобства также заключаются и въ томъ, что голова наказываемаго закрыта, а то иногда страдальческое и умоляющее выраженіе лица мальчика подкупаетъ сѣкущаго и онъ невольно облегчаетъ удары и боль, что со стороны правдивой педагогики совсѣмъ нежелательно—напротивъ, наказаніе должно быть соединено съ болѣзненнымъ и продолжительнымъ страданіемъ безъ малѣйшаго послабленія и вниманія къ стонамъ и крикамъ, какъ единственная педагогическая.

Цѣны гигіеническихъ кушетокъ:

Ясеневаго дерева, раздвижная, годящаяся для всякаго возраста съ шалнерами и винтами изъ никеля и всѣхъ металлическихъ частей работы Фрелиха . .	50 р. — к.
Нераздвижная для младшаго возраста . . .	30 „ — „
„ „ старшаго „ . . .	40 „ — „
Для употребленія въ семействахъ, смотря по отдѣлкѣ, въ ненужное время могутъ замѣнять шкапы и столы отъ	25 „ — „
Простыя для народныхъ училищъ и т. п. . .	20 „ — „

Вотъ сколь несправедливы тѣ, которые ропщутъ, что у насъ „дѣла“ нѣтъ. Помилуйте! одне гигіеническія кушетки захватываютъ цѣлую массу заинтересованныхъ личностей. Родители, опекуны, попечители, всѣхъ сортовъ воспитатели и воспитательницы, члены общества гувернантокъ, педагоги и педагогички, директора, инспектора, ревизоры и наконецъ сами сѣкуторы, или экзекуторы, какъ ихъ вѣжливо величаетъ объявленіе. Ежели всѣ-то какъ слѣдуетъ поймутъ святость лежащихъ на нихъ обязанностей, тутъ такая уйма „дѣла“ найдется, что даже червь неусыпающій—и тотъ придетъ

въ отчаяніе. Одни—укладываютъ паціента на кушетку и прилаживаютъ ящики; другіе—воздѣйствуютъ на „среднюю часть тѣла“: третьи—присутствуютъ при воздѣйствіи и приговариваютъ „шибче!“; четвертые инспектируютъ самое орудіе гигіены, все ли въ исправности и не представляется ли возможности для поблажки. Словомъ сказать, хлопотъ полонъ ротъ.

Вѣдь если у насъ идетъ плохо воспитаніе дѣтей, то именно потому, что не серьезно слажены относящіяся къ тому орудія. Иной родитель или воспитатель и радъ бы сѣчь, да, кромѣ розогъ, всѣ прочія приспособленія находятся въ такомъ младенческомъ состояніи, что смотрѣть больно. Начать хоть бы съ того: какъ приступить къ дѣлу? Ежели ущемить ребенка между колѣнями, то онъ будетъ биться, не предоставитъ родителю „въ полное распоряженіе средней части тѣла“. Ежели позвать на помощь служителей, то, во-первыхъ, не у каждаго родителя таковые обрѣтаются, а во-вторыхъ, служители имѣютъ обычай „мучительнымъ образомъ притискиваютъ голову наказываемаго“. А многихъ, кромѣ того, „подкупаетъ страдальческое и умоляющее выраженіе лица наказываемаго“. Повозится-повозится родитель, два-три раза хлеснетъ лозой на удачу (ахъ, да и рубашонку-то Богъ знаетъ какъ подняли!) и броситъ: пускай родное дѣтище погибаетъ!

Тогда какъ, съ введеніемъ гигіеническихъ кушетокъ, все разомъ явится къ услугамъ, слаженное, соображенное, очищенное отъ всякихъ случайностей и даже отъ страдальческаго выраженія лица: бери въ руки розги и сѣки. Сѣки шибче, сѣки не смущаясь! ибо все то добро, все то на пользу. Смѣло пиши всяко лыко въ строку, ибо корни сѣченія горьки, но плоды его сладки. И знай, что, прибѣгая къ гигіенической кушеткѣ, ты не токмо дѣтищу своему счастіе въ будущемъ уготоваешь, но и для самого себя создаешь „дѣло“, вполнѣ по обстоятельствамъ достаточное.

Объявленіе украшено картинками. Изображена очень красивая кушетка, и ящики нарисованы въ такомъ видѣ, какъ въ моментъ сѣченія ихъ подобаетъ приладить. Только „средней части тѣла“ не изображено—ну, да вѣдь и воображенію почтеннѣйшей публики что-нибудь надо оставить. И дешево. Обыкновенная, „для употребленія въ семействахъ“, кушетка стоитъ всего 25 рублей, да притомъ еще можетъ „въ ненужное время“ замѣнять шканы и столы—обѣдать

можно. А для народныхъ училишъ и всего-то двадцать рублей за штуку. То-то народное образованіе процвѣтетъ!

Допустите, что населеніе Россіи простирается до 101.442.242 души („Русскій Календарь“ за 1884 г.); предположите, что на это населеніе въ настоящее время, при совершенствѣ современныхъ сѣкуторскихъ средствъ, производится въ день по 500.000 сѣкуцій (по одному человѣку на каждыхъ 200 обывателей — право, не много!) и что каждая сѣкуція (съ раздѣваніями, укладываніями и прочею церемоніей) длится не больше четверти часа—окажется, что 500 тысячъ сѣкуцій ежедневно требуютъ 125 тысячъ рабочихъ часовъ. Принимая же въ разсчетъ, что рабочій день состоитъ изъ десяти часовъ, мы придемъ къ тому выводу, что двѣнадцать тысячъ пятьсотъ человѣкъ имѣютъ опредѣленное „дѣло“, которое не даетъ имъ досуга парить въ эмпиреяхъ и тѣмъ навлекать на себя подозрѣніе въ вольномысліи. Это теперь, при отсутствіи гигіеническихъ кушетокъ—что же будетъ, когда, съ введеніемъ кушетокъ, сѣченіе сдѣлается почти общедоступнымъ? Очевидно, что сообразно съ симъ возростетъ и охота къ сѣченію, а въ то же время утроится, учетверится—отчего не удесятерится?—и масса людей, занятыхъ опредѣленнымъ дѣломъ, свободныхъ отъ пареній и ко всему равнодушныхъ, кромѣ той „средней части тѣла“, которая оставляется „въ полное распоряженіе экзекутора почти неподвижно“. Почему же однако „почти“ неподвижно? почему не „вполнѣ“? Совершенствовать такъ совершенствовать. Или, быть можетъ, въ дѣлѣ сѣченія вредны только впечатлѣнія, производимыя умоляющимъ выраженіемъ лица, а не тѣ, которыя производятся непроизвольными движеніями „средней части тѣла“?

Но, право, я все-таки очень радъ, что кушетки эти изобрѣлъ Кунцъ, а не Ивановъ. Почему радъ—я и самъ объяснить не могу; но мнѣ кажется, что еслибъ это изобрѣтеніе принадлежало Иванову, то каторги за него ему было бы мало. А Кунцу—какъ разъ въ пору. Даже пріятно было бы познакомиться. Herr Кунцъ! не угодно ли позавтракать на той самой кушеткѣ (обращенной въ столъ), на которой только сейчасъ Иванова, за неплатежъ недоимокъ, высѣкли?

Но еще больше я радъ тому, что изобрѣтеніе Кунца, несмотря на осязательную пользу, какъ будто у насъ не привилось. По крайней мѣрѣ я лично ничего о кушеткахъ не слыхалъ. Должно быть,

думалъ насъ удивить нѣмецъ, а мы взяли да еще больше его удивили: деремъ черезъ пень колоду, какъ въ древности драли, и горюшка намъ мало, какое выраженіе имѣетъ лицо наказуемаго и въ какомъ направленіи двигается „предоставляемая въ распоряженіе часть тѣла“.

Замѣчательно, но въ то же время и совершенно естественно, что всякій разъ, какъ идетъ рѣчь объ розгѣ, воспоминанія дѣтства такъ и встаютъ передъ глазами, словно живыя. Счастливое дѣтство!

Впрочемъ я не припомню, чтобъ лично я много страдалъ отъ розги; но свидѣтелемъ того, какъ терпѣла „средняя часть тѣла“ за дѣйствія и поступки, совсѣмъ не по ея иниціативѣ содѣянные, бывалъ неоднократно. Публичное воспитаніе я началъ въ Москвѣ, въ спеціально-дворянскомъ заведеніи, задача котораго состояла преимущественно въ подготовленіи „питомцевъ славы“. Заведеніе впрочемъ имѣло хорошія традиціи и пользовалось отличною репутаціей. Во главѣ его почти всегда стояли ежели не отличнѣйшіе педагоги, то люди, обладавшіе здравымъ смысломъ и человѣчностью. Въ первый годъ моего пребыванія въ заведеніи директоромъ его былъ старый морякъ, С. Я. У., о которомъ, я увѣренъ, ни одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ не вспомнитъ иначе, какъ съ уваженіемъ и любовью. Объ сѣченіи у насъ не было слышно, хотя оно несомнѣнно практиковалось, какъ и вездѣ въ то время. Но, во-первыхъ, практиковалось только въ крайнихъ случаяхъ и, во-вторыхъ, келейно, не задаваясь при этомъ ни теоріей устрашенія, ни теоріей правды и справедливости, якобы вопіющей объ отмщеніи именно на той части тѣла, которую г. Кунцъ именуетъ „среднею“. Присутствовалъ ли при этихъ экзекуціяхъ лично самъ директоръ — не знаю; но увѣренъ, что ежели и присутствовалъ, то не для того, чтобъ кричать: „шибче-съ!“ а для того, чтобы своевременно скомандовать: „довольно-съ!“

Черезъ годъ старый директоръ, однако, вынужденъ былъ удалиться. На его мѣсто былъ назначенъ бывшій инспекторъ, добрый человѣкъ, но несамостоятельный, а въ качествѣ инспектора явился молодой человѣкъ, до тонкости изучившій вопросъ о роли, которую должна играть „средняя часть тѣла“ въ дѣлѣ воспитанія юношества. Этотъ молодой человѣкъ почему-то вообразилъ себѣ, что заведеніе, отданное ему въ жертву, представляетъ собой авгіевы конюшни,

которыя ему предстоитъ вычистить, и, разъ задавшись этою мыслью, начерталъ для ея выполненія соотвѣтствующую программу.

Программа эта немногимъ отличалась отъ всѣхъ вообще воспитательныхъ программъ того времени и резюмировалась въ одномъ словѣ: сѣчь. Но у нея была язвительная особенность, заключавшаяся въ томъ, что она выводила сѣченіе изъ его изолированности и дѣлала его наглядным (a la portée de tout le monde). Каждую субботу, *по выходѣ отъ всенощной*, воспитанники выстраивались по обѣ стороны рекреаціонной залы, и въ глубокомъ молчаніи ожидали появленія инспектора. Многіе припоминали совершонные за недѣлю грѣхи, шептали молитвы и крестились; напротивъ того, воспитанники „травленные“ (въ заведеніи образовался особый контингентъ, какъ бы сословіе, для котораго „субботники“ вошли почти въ обычай) держали себя довольно развязно и интересовались только тѣмъ, которому изъ двоихъ урядниковъ въ данномъ случаѣ будетъ поручена экзекуція. Ежели дежурнымъ оказывался урядникъ Кочуринъ, то смотрѣли въ глаза будущему съ довѣріемъ; ежели же дежурнымъ былъ урядникъ Купцовъ, то даже самые храбрые задумывались. Кочуринъ былъ солдатъ добрый и сѣкъ больно, но безъ вычуръ; Купцовъ сѣкъ и въ то же время какъ бы мстилъ сѣкомому. По срединѣ залы между тѣмъ стояла простая, совершенно не-гигіеническая скамейка, около которой ожидали: дежурный сѣкуторъ и двое дядекъ, обязанныхъ держать наказываемаго за плечи и за ноги.

Наконецъ *онъ* появлялся въ глубинѣ залы. Прямой, какъ аршинъ, съ несгибающимися колѣнками и съ заложенными за спину руками, онъ медленнымъ шагомъ подходилъ къ скамьѣ и безстрастнымъ голосомъ выкрикивалъ по списку имена жертвъ (списокъ хранился въ секретѣ до самаго часа экзекуціи), приговаривая: „за лѣность! за дерзость! за буйство! за воровство!“ Вызывалось обыкновенно отъ 8 до 10 человѣкъ, но почти каждую субботу слышались однѣ и тѣ же фамиліи, и „посторонихъ“ бывало немного. Число розогъ опредѣлялось отъ пяти до шестидесяти (за самыя тяжкія вины, въ родѣ искалѣченія, воровства, повтореннаго пьянства и т. д.). „Травленные“ выступали твердо, сами спускали съ себя штаны и сами ложились, причемъ нѣкоторые доводили ухарство до того, что просили: „разрѣшите, господинъ инспекторъ, чтобъ меня не держали!“ Но все-таки, ложась на скамью, инстинктивно крестились. Напротивъ,

„посторонніе“ стонали и упирались, такъ что инспекторъ вынуждался напомнить: „хуже будетъ, господинъ такой-то, ежели я прикажу привести васъ силой!“ Затѣмъ дядьки овладѣвали плечами и ногами паціента, сѣкуторъ прицѣливался, и розги выполняли свое воспитательное назначеніе. Раздавались пронзительные крики, но выискивались и такіе воспитанники, которые, закусивъ нижнюю губу до крови, не испускали ни звука. Послѣднихъ называли „молодцами“.

Такъ длился цѣлый годъ, послѣ чего я оставилъ заведеніе, и свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ субботниковъ уже не имѣю.

Не знаю также, что сталось съ изобрѣтателемъ субботниковъ; но увѣренъ, что ежели онъ еще не пересталъ быть дѣятельнымъ членомъ общества, то навѣрное принадлежитъ къ контингенту тѣхъ, которые настойчиво требуютъ перехода отъ фразы къ дѣлу. Оно впрочемъ и естественно: кто съ младыхъ ногтей вращался въ сферѣ „дѣла“, тому сфера „фразы“ должна быть тяжела и противна.

Но вотъ вопросъ: не присутствовалъ ли, хоть невидимкою, педагогъ Кунцъ при нашихъ „субботникахъ“? И не тогда ли созрѣла въ немъ идея гигіеническихъ кушетокъ? Ибо, въ сущности, и субботники, и кушетки имѣли одну общую цѣль: сдѣлать сѣченіе общедоступнымъ (à la portée de tout le monde).

Съ окончаніемъ масляницы, прекратился и сезонъ зимнихъ утѣхъ. Многіе опасались, что промышленность опять упадетъ, но опасенія оказались преувеличенными. Торговцы шолковыми и галантерейными товарами дѣйствительно пріунылм, но барыши истекшаго сезона помогутъ имъ бодро перенести печальные дни великаго поста. Больше всѣхъ впрочемъ пострадаетъ Вортъ изъ Парижа (см. газетныя описанія баловъ) да берлинскіе псевдо-Ворты; но съ точки зрѣнія народной гордости это, пожалуй, и не дурно! пускай иностранные зазнайки почувствуютъ, что вся ихъ торговля находится въ рукахъ русскихъ женъ и дѣвъ! Но зато несомнѣнно процвѣла торговля грибами и моченою морошкой. Радуйся, Кола! ликуй, Судиславъ! А на Пасху грибамъ и морошкѣ скажемъ шабашъ, а на ихъ мѣстѣ процвѣтетъ торговля яйцами, куличами, молочнымъ товаромъ, ветчиной. И такимъ порядкомъ пойдетъ круглый годъ.

Вотъ какъ у насъ просто дѣлается. Тайный совѣтникъ щи со снѣтками ѣстъ—смотришь, кто-нибудь и процвѣлъ; супруга его съ

кузеномъ на тройкѣ на Острова поѣхала — опять кто-нибудь процвѣлъ; лакей его барскіе сапоги ваксой чиститъ — и еще кто-нибудь процвѣлъ! И непремѣнно процвѣлъ меньшій братъ, а старшій братъ только жуетъ да на тройкахъ катается.

При крѣпостномъ правѣ русская интеллигенція строго соблюдала посты, въ особенности великій и успенскій. Многіе даже раковъ и устрицъ не ѣли, не зная, какъ ихъ счесть, скоромными или постными. Соблюдая посты, правящіе классы и сами очищали души отъ грѣховныхъ помысловъ, и подавали примѣръ воздержанія меньшей братіи. Дни поста бывали днями тишины и успокоенія, и контрастъ между послѣднимъ, безумнымъ днемъ масляницы и чистымъ понедѣльникомъ даже въ столицахъ былъ поразителенъ. Сильные міра смирялись и изобрѣтали грибные соусы; меньшая братія довольствовалась толокномъ, но въ то же время, подъ вліяніемъ общаго молитвеннаго настроенія, чувствовала приливъ какихъ-то надеждъ.

Съ упраздненіемъ крѣпостного права, соблюденіе постовъ — да и то самыхъ кратковременныхъ — стало удѣломъ преимущественно женскаго пола; что же касается до интеллигентныхъ мужчинъ, то они предпочитали отдѣлываться по этому поводу парадоксами. Примѣръ подавать стало некому, а вопросъ о спасеніи души былъ до того затемненъ и запутанъ безпрерывными реформами, что даже изъ числа дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ многіе сомнѣвались, есть ли у нихъ душа или нѣтъ. При такомъ настроеніи общества постъ сдѣлался какъ бы продолженіемъ масляницы, съ тою лишь разницей, что блины замѣнялись ропотомъ на устарѣлость предразсудковъ, мѣшающихъ пользоваться жизнью „по-человѣчески“. Грибы осиротѣли; морошка плесневѣла и выкидывалась; бѣлозерскіе снѣтки совсѣмъ исчезли съ рынка. Цѣлыя мѣстности, которыхъ процвѣтаніе было тѣсно связано съ процвѣтаніемъ постовъ, увидали себя обездоленными.

Теперь смута устранена. Посты воспріяли прежнее дореформенное дѣйствіе, и тѣ же самые дѣйствительные статскіе совѣтники, которые не могли утвердительно отвѣтить на вопросъ, есть ли у нихъ душа?—нынѣ положительно, твердо и ясно восклицаютъ:

Ты правъ, Платонъ, ты правъ! нашъ духъ не умираетъ!
Самъ Богъ, живущій въ насъ, въ сей правдѣ увѣряетъ!

Я лично знаю тайнаго совѣтника, который въ теченіе всей первой недѣли поста говорилъ по-славянски, какъ бы опасаясь оскоромиться русскимъ языкомъ. А другой тайный совѣтникъ даже совсѣмъ отъ дара слова отказался, и проводилъ время въ томъ, что молча созерцалъ свой пупокъ. Но это, по моему, ужъ ригоризмъ.

Въ согласность съ этимъ новымъ вѣяніемъ и движеніе на улицахъ въ чистый понедѣльникъ значительно сократилось сравнительно съ реформеннымъ временемъ. Оживленіе замѣчалось только около бань и вблизи большихъ чиновническихъ центровъ. Давно такъ бойко не торговали баньщики, и никогда такъ исправно не посѣщали чиновники своихъ департаментовъ, никогда такъ свято не хранили канцелярской тайны. Придутъ ранехонько, возьмутся за перья, сдѣлаютъ свое дѣло, и затѣмъ — молчокъ. Слышно только, что плодомъ этой великопостной ретивости ожидается великое множество отрезвительныхъ проектовъ. Проекты эти къ будущему великому посту будутъ переписаны на-бѣло, а постомъ 1886 года ихъ положатъ подъ сукно. Suum cuique, или: нѣтъ худа безъ добра. Но какъ подспорье къ грибамъ, эти проекты неоцѣнимы; они оживляютъ умъ и утверждаютъ въ публикѣ убѣжденіе, что страна, въ которой съ такою легкостью принимаются всевозможныя оздоровленія, не оскудѣетъ.

Не только объ раутахъ, но даже о простыхъ вечеринкахъ не было слышно въ теченіе цѣлыхъ шести дней, такъ что и нѣмцы отпраздновали свою масляницу келейно, безъ публичныхъ оказательствъ. Рѣдко-рѣдко въ какомъ окнѣ мелькнетъ огонь, да и то скромный, трепещущій, при свѣтѣ котораго ничего другого и дѣлать нельзя, какъ сосредоточенно смотрѣть себѣ на пупокъ. Сквернословіе, столь обычное на улицахъ въ скоромные дни, уступило мѣсто скромнымъ и солиднымъ афоризмамъ, въ родѣ: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“, и т. д. Московскіе куранты цѣлыхъ два дня сряду появлялись въ Петербургѣ безъ передовой диффамаціи.

Однако со второй недѣли уже ощущается довольно замѣтное оживленіе. Освѣщенныя окна попадаются столь же часто, какъ въ сезонные дни; бани пустѣютъ, портерныя наполняются; выраженія: катанье на тройкахъ, раутъ, декольте́—слышатся чаще и чаще. Сквернословіе вступаетъ въ свои права; куранты свирѣпѣютъ.

Раутъ—это самая скучная изъ всѣхъ формъ общежитія, участ-

ники которой думаютъ только объ томъ, какъ бы отъ нея улизнуть. Люди собираются пестрые и подозрительные; разговоры ведутся шаблонные, неискренніе; пересказываются новости дня, которыя всѣми выслушиваются съ удовольствіемъ или негодованіемъ (смотря по содержанію новости), но никто ни въ это удовольствіе, ни въ это негодованіе не вѣритъ; старики изрекаютъ приличные обстоятельствамъ афоризмы и стараются проникнуть въ намѣренія Бисмарка; младшіе почтительно съ ними соглашаются, но внутренно думаютъ: да, братъ, порядкомъ-таки ты отъ старости ошалѣлъ! Разносятъ чай, прохладительныя; устроено нѣсколько буфетовъ; тамъ и сямъ разложены карточные столы; но никто ни къ чему не прикасается, точно боятся, что это можетъ задержать лишнюю минуту. Рѣдко кто даже садится, потому что всякому думается, что на ходу ловчѣе можно улетучиться. А хозяева стѣснены больше всѣхъ. Они стоя принимаютъ безпрерывно появляющихся гостей и съ тоскою взглядываютъ на входную дверь, откуда долженъ показаться тотъ „полезный человѣкъ“, ради котораго затѣяна вся эта исторія. Но „онъ“ не появляется, ибо знаетъ себѣ цѣну, а вмѣсто него дефилируютъ сотни неполезныхъ и неинтересныхъ людей. Словомъ сказать, всюду царствуетъ дѣланное оживленіе, дѣланный говоръ, дѣланныя поученія, дѣланное гостепріимство, дѣланная почтительность... И вдругъ, среди этой щемящей скуки и безцѣльной сутолоки появляется... декольтѐ! Но такое блестящее, ослѣпительное, съ такимъ изумительнымъ вырѣзомъ на спинѣ, что у тайныхъ совѣтниковъ мгновенно спирается въ зобу дыханіе. Смотрите! вотъ еле дышущій старецъ, который за минуту передъ тѣмъ мечталъ, какъ было бы хорошо намазаться на ночь оподельдокомъ, надѣть на голову бѣлый колпакъ и залечь съ Матреной Ивановной спать. Онъ уже заноситъ ногу, чтобъ привести этотъ проектъ въ исполненіе, онъ уже приближается къ лѣстницѣ и мысленно видитъ себя въ шубѣ и тепломъ картузѣ—какъ вдругъ останавливается какъ вкопанный и начинаетъ чихать. А ослѣпительное дѐкольте торжествующе смотритъ на это сонмище тщетно усиливающихся проникнуть намѣренія Бисмарка мудрецовъ и всѣми своими вырѣзами бросаетъ имъ въ лицо: ага! вы думали, что наступилъ великій постъ?—такъ вотъ же вамъ... масляница!

Но повторяю: рауты сами по себѣ такъ безмѣрно скучны, что даже наиболѣе возбуждающія декольтѐ могутъ сообщить имъ лишь

скоропреходящее оживленіе. Посѣщаютъ ихъ по преимуществу старцы, которые уже на яву сны видятъ, да подростки лѣтъ этакъ пятидесяти, изъ которыхъ одни уже овладѣли „дѣломъ“, а другіе стараются нетерпѣніемъ засвидѣтельствовать о готовности перейти отъ фразы къ дѣлу. Для подобныхъ засвидѣтельствованій раутъ самая подходящая арена; но и тутъ все зависитъ отъ того, успѣетъ ли жаждущій подростокъ попасть въ районъ зрѣнія подростка полезнаго, или не успѣетъ. И никакое искусство, никакіе подходы не принесутъ пользы, если не придетъ на помощь удача. Иной и очень старается, а его или другіе чающіе оттолкнутъ, или же самъ полезный подростокъ такъ помѣстится, что не видитъ своего обожателя да и шабашъ. Другой, напротивъ, не успѣлъ войти, какъ уже сорвалъ банкъ. Смотришь, черезъ четверть часа онъ уже ходитъ съ полезнымъ подросткомъ подъ руку, а прочіе передъ ними разступаются и ѣдятъ ихъ глазами. Это интимное хожденіе служитъ поводомъ для безконечныхъ комментаріевъ. Стараются угадать его смыслъ и опредѣлить результаты въ будущемъ. А наиболѣе прозорливые прямо прорицаютъ: „теперь только держись!“ Ежели у счастливца-подростка имѣется, кромѣ того, въ запасѣ программа, то комментаторы заранѣе пріискиваютъ компромиссы и соглашенія. Ежели нѣтъ программы или есть маленькая — чего изволите? — то комментаторы говорятъ: „во всякомъ случаѣ хуже не будетъ“. И вдругъ, подъ шумокъ этого переполоха, оба подростка дѣлаютъ внезапное фланговое движеніе, врѣзываются въ толпу и исчезаютъ въ ней. Туда-сюда — растаяли! Куда они направили бѣгъ свой? что знаменуетъ это внезапное исчезновеніе? какими новыми загадками разрѣшится завтрашній день? — Опять комментаріи, комментаріи безъ конца...

Какъ бы то ни было, но положеніе чающихъ подростковъ совсѣмъ незавидное. Удача достается въ удѣлъ немногимъ, а большинство толчется на одномъ мѣстѣ, ведетъ пустопорожніе разговоры и агонизируетъ. Поэтому нѣкоторые мудрецы предпочитаютъ дѣйствовать посредствомъ своихъ женъ, ежели послѣднія обладаютъ исправнымъ декольтѐ. Такого рода мудрецовъ называютъ дипломатами, и усилія ихъ нерѣдко даютъ хорошіе плоды. Но, по моему мнѣнію, это ужъ подлость.

Гораздо интереснѣе и веселѣе проводится время на простыхъ интимныхъ вечеринкахъ, которыхъ въ нынѣшнемъ посту особенно

много. Здѣсь на первомъ планѣ фигурируетъ молодежь, та особливая нынѣшняя молодежь, которая не страстностью рѣчей и тѣлодвиженій, а солиднымъ образомъ мыслей и скромнымъ поведеніемъ имѣетъ заслужить и довѣріе дѣвъ, и мимолетную ласку женъ, и покровительство мужей и отцовъ. Въ этой молодой средѣ стремленіе къ „дѣлу“ и забота объ его осуществленіи являются нынѣ преобладающимъ элементомъ. Чаще всего подъ словомъ „дѣло“ здѣсь разумѣется карьера, но карьера, пріобрѣтаемая не въ видахъ удовлетворенія эфемернаго честолюбія, а въ видахъ достиженія опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ. Нынѣче рѣдко можно встрѣтить людей, подобныхъ Кротикову и Козелкову, которые еще такъ недавно мечтали о губернаторскихъ и иныхъ мѣстахъ, единственно ради цѣлей любоначалія, осложненнаго любострастіемъ. Нынѣшніе молодые люди на первомъ планѣ ставятъ общую пользу, а потомъ уже—если время позволитъ—преслѣдуютъ и любовныя подспорья, помогающія не изнемочь подъ бременемъ служебнаго подвига. Подвигъ этотъ не легкій, хотя и не имѣющій реальнаго, обязательнаго содержанія. Дѣло, предстоящее этимъ людямъ, не въ томъ заключается, чтобы самимъ дѣло дѣлать, а въ томъ, чтобы заставить дѣлать дѣло другихъ, и въ случаѣ нужды облегчить переходъ отъ фразы къ дѣлу. А средства для выполненія этой программы общеизвѣстны. Это съ одной стороны неуклонность, а съ другой—строгость. И наоборотъ.

— У меня, дяденька, не зазѣваются!—говорилъ мнѣ на дняхъ одинъ изъ моихъ племянниковъ, молодой человѣкъ, на котораго можно вполнѣ положиться. И говоря это, онъ отлично понималъ, что, имѣя въ запасѣ такое испытанное средство, какъ строгость, можно всего достигнуть: и изобилія, и оживленія промышленности, и хорошаго денежнаго рынка, и элеваторовъ, и транзитовъ, словомъ, всего, что смущаетъ воображеніе современныхъ отощавшихъ празднослововъ.

Самую излюбленную принадлежность такихъ интимныхъ вечеровъ представляютъ такъ-называемые спиритическіе сеансы. Наше интеллигентное общество всегда было склонно къ волшебствамъ, но нынѣшнія спиритическія радѣнія имѣютъ совсѣмъ отличный характеръ отъ прежнихъ. Прежде молодые люди по преимуществу вызывали усопшихъ дамъ. Изъ древнихъ—Семирамиду, Клеопатру, Агриппину, Мессалину; изъ позднѣйшихъ—Монтеспаншу, Ментеноншу, Помпадуршу и др. Разумѣется, происходилъ игриваго свойства col-

loquium, отъ котораго молодыя адептки спиритизма алѣли, но не гнѣвались, и который адепты сопровождали еще болѣе игривыми комментаріями. Нынѣче усопшихъ дамъ оставляютъ въ покоѣ, а вмѣсто нихъ вызываютъ лицъ, оказавшихъ услуги благоустройству и благочинію. Напримѣръ: Шешковскаго, фонъ-Фока, Булгарина. Но должно сознаться, что отъ времени до времени тутъ не обходится безъ печальныхъ недоразумѣній.

Вызываютъ, напримѣръ, однажды Шешковскаго и предлагаютъ ему вопросы. Старикъ, конечно, очень радъ посодѣйствовать, хотя, изъ кокетства, и жалуется на ревматизмъ.

— Всего больше, — говоритъ онъ, — надо избѣгать путаницы. Затѣявши предпріятіе, необходимо зрѣло обдумать оное, не обращая вниманія на подстрекательства темперамента и въ особенности не дозволяя себѣ несвоевременной болтовни. Языкъ мой — врагъ мой, говорилъ я себѣ всякій разъ, когда собирался въ походъ, и никогда не раскаивался въ томъ, что содержалъ эту пословицу въ памяти. То же самое нужно сказать и относительно самаго выполненія предпріятій. Никогда не слѣдуетъ спѣшить и суетиться, ибо, спѣша и волнуясь, мы девяносто-девять разъ изъ ста рискуемъ попасть пальцемъ въ небо. Конечно, юридическая ошибка сама по себѣ не представляетъ важности, но часто она увлекаетъ насъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда надо. Многое даже не безполезно предоставить времени. Ибо ежели мы дѣйствуемъ благоразумно и притомъ воспитательно, то и время, или, лучше сказать духъ онаго, постепенно принимаетъ споспѣшествующій характеръ. По крайней мѣрѣ я всегда такъ поступалъ. Всякій разъ, какъ предпріятіе ставило меня въ тупикъ, я говорилъ себѣ: пускай лучше дѣло полежитъ! И никогда не раскаивался.

Высказавши это, Шешковскій вновь повторяетъ жалобы на ревматизмъ и улетаетъ.

— Какой у этого старика замѣчательный дѣловой смыслъ! — дивятся молодые люди.

— Да, былъ въ старые годы смыслъ! былъ смыслъ! — вздыхаетъ тайный совѣтникъ (изъ рощущихъ), который, за простоту, допущенъ въ среду молодой компаніи.

— Какая отчетливость! какое глубокое знаніе споспѣшествующихъ свойствъ времени!

Но въ другой разъ съ тѣмъ же Шешковскимъ случилась цѣлая исторія. Зовутъ его, стучатъ — не идетъ, да и полно. „Ужъ не позвалъ ли его на партію въ ламушъ графъ Ушаковъ?“ — догадываются нѣкоторые, какъ вдругъ появляется урядникъ Купцовъ (не тотъ, который въ тридцатыхъ годахъ стегалъ „питомцевъ славы“, а предокъ его, современникъ и сотрудникъ Шешковскаго), и докладываетъ, что Шешковскаго безплодно ждать, потому что душа у него была смертная и вмѣстѣ съ тѣломъ безъ остатка истлѣла...

Поднимается суматоха; дебатируется вопросъ: кто же являлся подъ именемъ Шешковскаго въ прошлый сеансъ? И что же открывается?—что въ прошлый сеансъ разговаривалъ чревовѣщатель, котораго любезный хозяинъ посадилъ въ сосѣднюю комнату.

Въ сей крайности рѣшаются вызвать фонъ-Фока. Послѣдній является и отсырѣлымъ голосомъ объявляетъ, что хотя душа у него и не вполнѣ смертная, но частица ея порядкомъ-таки попорчена...

— Однако, какая жестокая будущность! — провозглашаетъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Ежели впрочемъ и тутъ опять не замѣшался вантрилокъ,— прибавляетъ другой.

Смотрятъ одновременно и подъ столомъ, и въ сосѣднихъ комнатахъ — нѣтъ никого. Очевидно, на сей разъ являлся подлинный Купцовъ и подлинный фонъ-Фокъ. Остается послѣднее средство: послать за Булгаринымъ. И точно: Булгаринъ является на первый же стукъ и сразу начинаетъ хрюкать:

— Призываетъ меня однажды Леонтій Васильичъ. Прихожу — рветъ и мечетъ. Увидѣлъ меня, вскочилъ, подбѣжалъ, забрызгалъ. — Бездѣльникъ! — „Слушаю, отецъ-командиръ!“ — Репетатъ! — „Рады стараться, отецъ-командиръ!“ —Ужъ и на меня ябеды сочинять началъ?— „Виноватъ, отецъ-командиръ!“ —Пошелъ вонъ, сатана! — „Кубаремъ, отецъ-командиръ!“

Водворяется молчаніе, во время котораго однако слышится легкій шелестъ. То рѣетъ надъ собравшимися Булгаринская душа.

— Продолжайте!—предлагаетъ одинъ изъ участниковъ.

— Только и всего.

— Ничего другого вы сказать не имѣете?

— Все въ этомъ родѣ.

— Но было же что-нибудь...

— Вся жизнь—въ этомъ родѣ.

— Однако!

— Ахъ, господа, господа! Посмотрю я на васъ: слышите вы звонъ, и не знаете, откуда онъ! Да вѣдь это-то самое и нужно!

Съ этими словами душа Булгарина улетаетъ во-свояси, а въ комнатѣ распространяется легкій смрадъ. Большинство въ недоумѣніи оглядывается по сторонамъ, но у нѣкоторыхъ уже спадаетъ съ глазъ пелена.

— „Это-то самое и нужно“,—задумчиво повторяетъ одинъ изъ присутствующихъ (изъ молодыхъ да ранній) и прибавляетъ: — le vieux cochon a raison... peut être!

Возвѣщаютъ, что сервированъ ужинъ. Общество поднимается и въ сладкомъ сознаніи, что вечеръ проведенъ „дѣльно“, слѣдуетъ въ столовую.

А въ заключеніе и петербургская городская дума нашла себѣ дѣло. Чествуетъ пріѣздъ въ „здѣшнюю столицу“ нѣмецкаго романиста Шпильгагена, а когда получатся окончательныя подробности насчетъ взятія французами Бак-Нина, то, конечно, будетъ чествовать и взятіе Бак-Нина. Вина въ погребахъ много; „уры“ накопилось въ сердцахъ видимо-невидимо—надо же какъ-нибудь распорядиться и тѣмъ, и другимъ.

Что Шпильгагенъ очень талантливый писатель и въ шестидесятыхъ годахъ имѣлъ значительное вліяніе и на русскую литературу, и на русское общество — это безспорно; но дума-то петербургская тутъ при чемъ?

Шпильгагена чествуютъ, а вотъ про то, что въ Петербургѣ существуетъ общество для пособія русскимъ литераторамъ и ученымъ, которое на дняхъ втихомолку праздновало свое двадцатипятилѣтіе—никто знать не хочетъ. А, право, вѣдь это учрежденіе сотни Шпильгагеновъ стоитъ. Подумайте! оно одно поддерживаетъ (насколько можетъ) интересы нищаго пролетаріата, одно, которое безъ ужимокъ признаетъ свою солидарность съ русскою литературой! Какихъ еще больше правъ на вниманіе общества!

Бѣдный русскій литературный фондъ! Онъ всецѣло раздѣляетъ судьбы русской литературы. Подобно ей, онъ находится въ забвеніи; подобно ей, влачитъ унылое и скудное существованіе. Коли хотите,

это логично; но какъ-то горько мириться съ этою логикою. Все думается: куда было бы лучше, еслибъ благоденствовала литература и вмѣстѣ съ нею благоденствовалъ бы и литературный фондъ!

Въ русской литературѣ встрѣчаются имена, принадлежащія лицамъ вполнѣ обезпеченнымъ. Литература дала имъ все: и деньги, и славу, а вспомнили ли они объ ней! Удѣлили ли они литературному русскому фонду что-нибудь, кромѣ жалкихъ крупицъ! Многіе изъ нихъ такъ и сошли въ могилы, не вспомнивъ о своихъ бѣдствующихъ собратіяхъ по литературѣ.

А книгопродавцы? а тѣ, которые на костяхъ литературы создали свои болѣе или менѣе значительныя состоянія? Знаютъ ли они даже, что существуетъ русскій литературный фондъ, который, приходя на помощь къ бѣдствующему литературному дѣятелю, косвенно содѣйствуетъ созданію той самой „книжки“, которая легла въ основаніе всѣхъ этихъ капиталовъ въ видѣ многоэтажныхъ домовъ, акцій и облигацій.

Право, лучше *бросить* (вѣдь у насъ иначе жертва и не понимается, какъ въ формѣ *бросанья*) деньги на поддержаніе русскаго литературнаго фонда, нежели на чествованіе Шпильгагена, какъ бы ни почтенна была литературная дѣятельность послѣдняго. Подумайте объ этомъ, милостивые государи! и ежели вы полагаете, что встрѣча, устраиваемая вами Шпильгагену, есть въ своемъ родѣ оказательство въ смыслѣ сочувствія къ просвѣщенію, то поймите, что оказательство это выразится гораздо рѣшительнѣе, ежели оно явится въ формѣ сочувствія къ русскому литературному фонду.

Глава IX.

Я съ величайшимъ любопытствомъ слѣжу за тою частью нашей публицистики, которая сама себѣ присвоила названіе „охранительной“. Я знаю, что многіе ее не любятъ за ея продѣлки, и даже самъ вполнѣ раздѣляю эту нелюбовь. Она недобросовѣстна, назойлива, недальновидна, всегда находится подъ гнетомъ темперамента и любитъ, въ угоду ему, солгать, подсидѣть, подтасовать, извратить самый ясный фактъ. И при этомъ какъ-то безпардонно нагла, такъ что ни одной своей срамоты не скрываетъ: на, смотри! Читать гадко.

И все-таки надо читать, потому что это и любопытно, и отчасти даже утѣшительно. Любопытно потому, что извивы лукавой мысли, которая суетливо пѣнится въ пустомъ пространствѣ, сами по себѣ представляютъ очень замѣчательное психологическое явленіе; утѣшительно потому, что всѣ усилія этой мысли настолько проникнуты легкомысліемъ, что, въ сущности, и обмануть никого не могутъ. Не умѣетъ русская охранительная пресса шить свои диффамаціи иначе какъ бѣлыми нитками; не умѣетъ прятать концы въ воду. Сегодня она пуститъ въ ходъ агитацію по какому-нибудь небезъинтересному для нея дѣлу, будетъ ссылаться на ходатайства, постановленія, подписи и т. п., а завтра, натолкнувшись на другую, встрѣчную агитацію (тоже съ постановленіями, ходатайствами и подписями), станетъ утверждать, что агитаціи вообще ничего не доказываютъ, что онѣ скорѣе вредны, нежели полезны для дѣла. Даже лазейки для себя не будетъ пріискивать, а просто отопрется, солжетъ. И такъ какъ она каждый день повторяетъ эту исторію, каждый день только что не говоритъ: читатель! все, что̀ я ни предполагаю, можно видѣть только во снѣ!—то понятно, что и самому простодушному профану наконецъ надоѣстъ принимать сновидѣнія за дѣйствительность.

Я понимаю, что можетъ такой казусъ случиться, что, не имѣя за душой ничего, кромѣ праха, по-неволѣ приходится имъ однимъ торговать; но вѣдь и съ прахомъ слѣдуетъ обходиться бережно. Прахъ такъ прахъ; но пускай же онъ будетъ одинъ и тотъ же всегда и вездѣ, ибо только тогда онъ сдѣлается владыкой міра. Отрицайте разумъ, прогрессъ, правду, человѣческое право на счастье — прекрасно. Называйте все это опасной утопіей, источникомъ заблужденій и потрясеній—еще того лучше. Утверждайте, что завтрашняго дня нѣтъ, что перспективъ не полагается, а есть только то̀, что̀ торчитъ подъ носомъ — и это хорошо. Но держитесь этихъ отрицаній твердо и не призывайте разума, человѣчности и проч. ни на помощь, ни въ свидѣтельство. Совсѣмъ не произносите этихъ словъ, такъ какъ вы выхо̀дите изъ принципа, который признаетъ ихъ праздными. Не пишите въ смыслѣ порицанія: такое-то дѣйствіе противно разуму; ибо, согласно вашей программѣ, это-то и есть дѣйствіе, достойное похвалы. Не угрожайте завтрашнимъ днемъ, потому что вы разъ навсегда установили, что завтрашняго дня нѣтъ, а вмѣсто него зіяетъ черная дыра, о которой вы и будете калякать тогда, когда въ ней

очутитесь. Проводите вашъ прахъ логично, а не пестрите его поправками, не перескакивайте легкомысленно отъ одного праха къ другому. Ибо ничто такъ не вредитъ возведенію праха въ принципъ, какъ его пестрота.

Вспомните, читатель, что вопіяла охранительная публицистика года три тому назадъ по адресу такъ-называемой интеллигенціи. Всѣ кривды и беззаконія, какія только можно совмѣстить въ наиболѣе извращенной человѣческой личности, она, нимало не стѣсняясь, пріурочивала къ интеллигенціи. Пріурочивала, надрываясь, волнуясь и кипятясь, не считая даже нужнымъ пріискивать какіе-нибудь аргументы. И не къ той интеллигенціи пріурочивала, которая умѣетъ въ винтъ играть, которая устраиваетъ катанье на тройкахъ и пикники, и въ этомъ усматриваетъ свое провиденціальное назначеніе, а именно къ той, которая руководится какими-либо умственными и нравственными интересами. Именно на эти-то интересы и указывалось какъ на источникъ всякаго рода пагубы. Этого мало: она не ограничивалась платоническими воплями, но инсинуировала и практическое воздѣйствіе. Столбцы охранительныхъ газетъ пріятно пестрились корреспонденціями простецовъ-обывателей, которые простодушно предлагали топить интеллигентовъ, дѣлать имъ встряски. И все это говорилось и предлагалось во имя здраваго смысла народа, во имя „исконныхъ русскихъ началъ“. Любопытно бы знать: пуская въ обращеніе эти наивныя подстрекательства и ссылаясь на оныя какъ на документъ, спросилъ ли себя кто-либо изъ охранителей-публицистовъ: что же такое онъ самъ? Что онъ причисляетъ себя къ сонмищу интеллигентовъ — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; что онъ понимаетъ слово „интеллигентъ“ не въ смыслѣ умѣнія играть въ винтъ — это тоже не требуетъ доказательствъ. Ибо какимъ бы прахомъ ни было наполнено его существо, какъ бы мало интеллигентно ни велъ онъ свое дѣло, все-таки это дѣло и по формѣ, и по существу свойственное только интеллигенціи. А слѣдовательно...

Вотъ до этого-то „слѣдовательно“ никогда и не договариваются люди, которые называютъ себя охранителями, а въ сущности охраняютъ только прахъ. Многіе думаютъ, что они *не хотятъ* договориться, но я рѣшительно склоняюсь въ пользу выраженія: *не могутъ*. Въ минуты паники они теряютъ и память, и способность дѣлать обобщенія; а часто ли бываютъ такія минуты, когда бы они не находи-

лись подъ гнетомъ паники? Все пробуждаетъ въ нихъ панику, все приводитъ ихъ въ изступленіе. Не только политическая смута, но и спокойное отправленіе правосудія, и дѣйствія [illegible] чиновниковъ, и дѣло Зографа, и дѣло Мельницкаго, и элеваторы, и направленіе желѣзныхъ дорогъ, и транзитъ. Вездѣ они видятъ не сущность дѣла и даже не обстановку его, а какой-то блуждающій огонь, за которымъ скрывается измѣна. И ради этого огня забываютъ все. И себя, и предметъ, на защиту котораго вышли, и примѣненія, и выводы, къ которымъ подаютъ поводъ ихъ вопли.

И все-таки повторяю: это фаталистическое свойство, въ силу котораго прахъ на каждомъ шагу изобличаетъ и побѣждаетъ самого себя, есть своего рода благо, которое необходимо принимать въ разсчетъ. Я знаю, что бойкія слова подкупаютъ, но знаю также, что, пущенныя на вѣтеръ, утопленныя въ массѣ противорѣчій, они могутъ имѣть успѣхъ лишь минутный. Нельзя вѣрить публицисту, который никогда ни къ какому логическому выводу не приходитъ, который слоняется изъ угла въ уголъ, сегодня говоритъ *за*, а завтра *противъ*, не сознавая даже, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ о предметахъ вполнѣ однородныхъ, хотя бы и обозначенныхъ различными рубриками. И дѣйствительно, ему рѣдко кто довѣряетъ, хотя, къ сожалѣнію, еще слишкомъ часто говорятъ: „вотъ вѣдь какое перо!“

По моему мнѣнію, это результатъ далеко не безнадежный. Потому что еслибъ прахъ проводилъ себя вполнѣ логично, какъ въ былыя времена, напримѣръ въ Китаѣ, тогда нельзя было бы дышать. А теперь все-таки еще можно, хотя проворство, съ которымъ глаголемые охранители отыскиваютъ прахи и играютъ ими, во всякомъ случаѣ дѣлаетъ роль очевидца и современника этихъ игръ довольно тяжелою.

Но продолжимъ наши воспоминанія. Посылая прямыя и косвенныя укоризны въ догонку интеллигенціи, которая и безъ того въ авантажѣ никогда не обрѣталась, охранители указывали на „здравый смыслъ“ народа и въ немъ одномъ находили надежное убѣжище противъ подвоховъ растлѣвающей цивилизаціи. Въ народѣ, говорили они, сохранились во всей неприкосновенности исконныя русскія начала, которыя и помогутъ побѣдить умственную и нравственную смуту, угрожающую намъ окончательнымъ разложеніемъ. И такова,

дескать, живоносная сила этихъ началъ, что, разъ довѣрившись имъ, уже не представится надобности ни въ сложныхъ мѣропріятіяхъ, ни въ обременительныхъ затратахъ, которыя такія мѣропріятія неизбѣжно за собою ведутъ. Здравый смыслъ народа восторжествуетъ безъ всякой посторонней помощи. Все устроится само собой, мирно, но грозно, безъ притязаній на блескъ, но достаточно внушительно.

Казалось бы, чего лучше? Власть, довѣряющая здравому смыслу народа, и народъ, естественно, безъ предвзятой мысли, идущій на встрѣчу этому довѣрію! Отъ осуществленія такой перспективы, полагать нужно, и либералы не прочь. Никто не видитъ идеала въ антагонизмѣ для антагонизма; никто... кромѣ, быть можетъ, охранителей, которые никогда не смотрѣли на народъ иначе, какъ на помѣху въ дѣлѣ благоустройства и благочинія. Но на этотъ разъ даже они говорятъ намъ: „да, въ довѣріи къ народнымъ массамъ — единственное наше спасеніе!“ Стало быть, и дѣйствительно уже не откуда больше ждать помощи.

Но кто допускаетъ извѣстную цѣль, тотъ, конечно, долженъ допустить и соотвѣтствующія этой цѣли средства. Кто возлагаетъ на народъ всѣ упованія, тотъ, хотя бы и притворно, обязывается рисовать его образъ чертами не только вполнѣ сочувственными, но даже съ примѣсью нѣкоторой идилліи. Народъ, молъ,—это не какіе-нибудь рядскіе сорванцы, которые способны лишь на то, чтобы по сигналу: взы-взы! — набрасываться на всякаго встрѣчнаго, потому только, что онъ одѣтъ въ кургузку. Нѣтъ, это собраніе благомысленныхъ мужичковъ (что̀ ни мужичокъ, то хоть сейчасъ въ бурмистры... еслибъ крѣпостное право опять народилось!), которые за десятымъ самоваромъ истово калякаютъ о мірской крестьянской правдѣ да о поровёнкѣ, а о томъ, какимъ образомъ съ мошной поступить—помалчиваютъ. Вотъ это какой народъ!

Нужды-молъ нѣтъ, что „благомысленные“, между прочимъ, и о поровёнкѣ разговариваютъ — вѣдь это только издали страшно. Сегодня у нихъ поровёнка въ ходу, а завтра, „глядя по времю“, и другіе разговоры найдутся. „На то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ!“ — чѣмъ это не разговоръ? Или: „не плачь, казявка! только сокъ выжму!“ —хоть какому благомысленному не стыдно! Сначала поровёнку въ ходъ пустимъ, потомъ „сокъ выжмемъ“, а потомъ и опять, пожалуй, за поровенку примемся! А самовары между тѣмъ со стола

не сходятъ. Пьютъ себѣ благомысленные чашку за чашкой, въ усъ не дуютъ, да мошну поглаживаютъ! Мы, молъ, не горланы; не рядскіе сорванцы, не кулаки, не міроѣды, не захребетники — мы благомысленные!“ А ежели-молъ карась къ шукѣ въ хайло попалъ, такъ онъ самъ же и виноватъ: не зѣвай!

О, достолюбезныя дѣти природы! Какъ не довѣриться вамъ, коль скоро вы не только здравый смыслъ и русскія начала въ неприкосновенности сохранили, но при семъ и мошну изъ вида не упустили!

Вотъ въ какомъ видѣ слѣдовало бы консерваторамъ-публицистамъ живописать русскій народъ, еслибы они могли вести свое дѣло послѣдовательно. Положимъ, что это вышелъ бы не заправскій народъ, а харчевня, наполненная идиллическими міроѣдами; но вѣдь русская публика на этотъ счетъ невзыскательна: идиллія, въ соединеніи съ поровёнкой да съ мошною, и до сихъ поръ на нее безъ промаху дѣйствуетъ.

Да; это было бы съ ихъ стороны „очень ловкимъ шагомъ“ (спеціальное выраженіе охранителей-публицистовъ, когда они хотятъ охарактеризовать какой-нибудь подвохъ), и сразу отбило бы у либераловъ хлѣбъ, на который они разсчитываютъ. Ротозѣи! они воображаютъ, что они одни секретомъ „разсказовъ изъ народнаго быта“ обладаютъ... милости просимъ! Да мы, охранители, такую по этой части ахинею за пазухой держимъ, что въ носъ бросится... да! Мужички! милые! что вы такъ заробѣли-спрятались! Вылѣзайте, не бойтесь! Покажите, какія такія въ васъ русскія начала сидятъ? какой-такой здравый смыслъ? Ахъ, хорошъ здравый смыслъ!

Истинно говорю, что либералы не только остались бы ни-при-чемъ, но, можетъ быть, и въ поминѣ объ нихъ ужъ давнымъ-давно не было бы!

Но охранители наши не могутъ быть послѣдовательны. Малодушные, всецѣло угнетенные темпераментомъ, то необузданно-ликующіе, то сѣющіе безсознательный страхъ, они бросаютъ на вѣтеръ слово и сейчасъ же забываютъ объ немъ. Забываютъ, потому что въ данную минуту не видятъ въ немъ надобности: но ежели встрѣтятъ таковую, то и онять вспомнятъ. Увы! не понимаютъ они, что подогрѣтому слову цѣна уже грошъ...

Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же самый темпераментъ, который только-что продиктовалъ имъ теорію обращенія къ здравому смыслу народа,

тутъ же кряду, подсказываетъ и картины самаго несомнѣннаго отсутствія этого смысла. Тотъ народъ, который, за нѣсколько столбцовъ передъ тѣмъ, являлся вмѣстилищемъ исконныхъ русскихъ началъ, представляется теперь лишеннымъ всякаго нравственнаго инстинкта, почти безумнымъ. Прислушайтесь, напримѣръ, хоть къ такого рода фактамъ *).

„Лѣса рубятся безнаказанно, на лугахъ — перекосы и потравы; съ полей воруютъ снопы съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе; поджигаютъ другъ друга; доходитъ дѣло до того, что начинаютъ отравлять скотину другъ у друга“...

Такъ повѣствуетъ охранитель-корреспондентъ изъ нижегородской деревни. Кто же все это дѣлаетъ? не интеллигенты ли? Нѣтъ, это дѣлаетъ тотъ самый народъ, о здравомъ смыслѣ котораго, чуть ли не въ томъ же нумерѣ, охранитель-публицистъ начерталъ пространную и убѣдительную передовицу. Таковы понятія *этого* народа о собственности; а вотъ его понятія о справедливости:

„Ничего не подѣлаешь! некуда обратиться за помощью. Въ крестьянское общество? но въ немъ чинитъ судъ и расправу пропившаяся голь деревенская, которая и производитъ всѣ эти безобразія; степенный мужикъ давно уже потерялъ вѣсъ... хлопочетъ только о томъ, чтобъ его оставили въ сторонѣ... Въ волостной судъ? но и тамъ сопьютъ съ виноватаго и пустятъ на всѣ четыре стороны... Къ мировому? но выйдетъ еще хуже, оштрафуютъ на полтину, а конфузу тебѣ на рубль... Слѣдователь отвѣтитъ на твою жалобу, что ясныхъ уликъ нѣтъ... И деревенская вольница прекрасно понимаетъ силу своей безнаказанности и неуязвимости... Она такъ набаловалась тѣмъ, что все сходитъ ей съ рукъ, что, не стѣсняясь, говоритъ старшинѣ на сходѣ: развѣ ты не понимаешь, что понѣ вся сила въ насъ! дѣлай намъ въ угоду: насъ, братъ, много! Вдумайтесь въ эти слова: вольница, объединяемая, поддерживаемая и просвѣщаемая кабакомъ, поняла, что съ нею заигрываютъ, за нею ухаживаютъ, и подняла голову“.

Таковы понятія „народа“ о справедливости. Вотъ такъ подополёка! Но отношенія его къ собственному самоуправленію едва-ли еще не любопытнѣе.

*) Факты эти или, лучше сказать, разсказъ объ нихъ не вымышленъ мною, а заимствованъ въ подлинныхъ выраженіяхъ изъ одной охранительной газеты, которую второчемъ я не вижу надобности называть.

„Вотъ, напримѣръ, деревня выбираетъ старосту. Выборъ падаетъ на мужичонка-воришку, который, къ тому же, и деревенскій живодеръ, и пастухъ крестьянскаго стада, словомъ... послѣдній человѣкъ... Черезъ полгода — начетъ въ 60 рублей, удаленіе отъ должности и новый выборъ — на этотъ разъ горькаго пьяницы. Чѣмъ же объясняются эти изумительные выборы? а вотъ чѣмъ. „Нонѣ страху стало мало. Въ начальство идти путному человѣку — только казниться; ты съ него подать собирать, а онъ посмѣивается: ничего, говоритъ, за міръ посидишь. Правовъ не стало".

Такъ самоуправляются эти представители здраваго смысла. И замѣтьте объясненіе: „страху нѣтъ"! Страхъ — это альфа и омега нашихъ охранителей-публицистовъ. Будь страхъ — и все пойдетъ хорошо. Но вотъ, въ заключеніе, и самый здравый смыслъ на-лицо. Слушайте. „Лѣтомъ, среди горячей дѣловой поры, міръ постановляетъ: праздновать три-четыре дня подъ-рядъ. Въ первый день сходятъ въ церковь, а потомъ начинаютъ гулять. Вѣтеръ выхлестываетъ спѣлую рожь, и заботливый хозяинъ съ грустью смотритъ на свою трудовую ниву, но взять серпъ въ руки не смѣетъ: за нимъ зорко слѣдятъ десятки глазъ и только ждутъ, чтобы содрать четверть водки за нарушеніе мірского приговора. Вотъ другое дѣло „помочь" — тамъ за вино работать можно. Кулакъ, разумѣется, и пользуется этимъ; весело потираетъ руки и другъ его, кабатчикъ"...

Итакъ, вотъ каковъ этотъ народъ, который, въ случаѣ нужды, прославляютъ какъ носителя русскаго смысла и исконныхъ русскихъ началъ, и который, по миновапіи надобности, топчутъ въ грязь! Съ одной стороны — единственное убѣжище, оплотъ, купель силоамская; съ другой — обезумѣвшая отъ водки толпа, сборище воровъ, поджигателей, отравителей, не могущихъ управлять своими дѣйствіями, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о правдѣ, не понимающихъ даже той простой истины, что безъ пищи нельзя существовать. И все это рядомъ, черезъ нѣсколько столбцовъ, въ одной и той же охранительной газетѣ. Правда, въ послѣднемъ случаѣ народъ не называется народомъ, а говорится о какой-то вольницѣ; но вѣдь это только шутливая кличка, которая позволяетъ подойти къ предмету вольнымъ аллюромъ. Въ сущности эта вольница и есть именно „народъ": это та самая масса, которая знаетъ, что „нонѣ вся сила въ насъ", за которою ухаживаютъ, съ которою заигрываютъ...

Кто ухаживаетъ? кто заигрываетъ?—положительно не кто иной, какъ тѣ самые, которые и вкривь, и вкось именуютъ себя охранителями. Ибо невозможно себѣ представить, чтобы, надѣляя народъ „здравымъ смысломъ“, они разумѣли только „степенныхъ“ да „путныхъ“. Во-первыхъ, потому, что если даже прибавить къ этимъ „путнымъ“ кулаковъ и кабатчиковъ, то и тогда ихъ будетъ черезъ-чуръ мало, чтобы фигурировать въ качествѣ народа; а во-вторыхъ, и потому, что эти „степенные“, по наивному сознанію самихъ охранителей, хлопочутъ только о томъ, чтобъ ихъ оставили въ покоѣ. Какая же корысть обращаться къ здравому смыслу такихъ людей? Вѣдь онъ давно уже превратился у нихъ въ трусливое вожделѣніе покоя, которое впрочемъ нимало не препятствуетъ имъ разыгрывать въ своемъ мѣстѣ роль благомысленныхъ сельчанъ.

Нѣтъ, какъ хотите, а все это именно бредъ, ничего кромѣ бреда. И здравый смыслъ, и анти-здравый смыслъ, и „народъ“, и вольница—все это сказалось внезапно, невзначай, въ угоду темпераменту, безъ разумѣнія. Богъ справедливъ: онъ поражаетъ наглыхъ людей глухотою, слѣпотою, безумiемъ. Еслибъ не это, они несомнѣнно не только ближнихъ своихъ, но и самого Господа Бога давно бы сослали.

Повторяю и повторяю: хотя противорѣчія, въ которыхъ путается блудливая мысль псевдо-охранительной прессы, въ высшей степени посыдны, но въ данномъ случаѣ они весьма знаменательны, ибо поселяютъ увѣренность, что существуютъ извѣстные предѣлы, за которыми и бойкія слова оказываются просто-на-просто глупостью.

Въ послѣднее время особеннымъ вниманіемъ охранительно-публицистическаго лагеря пользовался вопросъ о расхищеніи власти. До свѣдѣнія публики доводилось, что рядомъ съ законнымъ самодержавіемъ возникло нѣсколько самочинныхъ самодержавій, которыя открыто отрицаютъ авторитетъ власти, нахально провозглашаютъ себя независимыми отъ нея и противодѣйствіе ея распоряженіямъ вмѣняютъ себѣ въ обязанность и въ заслугу. Стоитъ заправскому властителю думъ засадить Ивана Непомнящаго въ кутузку, какъ самочинный властитель думъ въ ту же минуту выростаетъ изъ-подъ земли и освобождаетъ Ивана изъ кутузки; и наоборотъ — не успѣетъ за-

правскій властелинъ поощрить Ивана Благонамѣреннаго, какъ самозванецъ уже тащитъ его на скамью подсудимыхъ. И все—нарочно.

Что всякій, кто хоть сколько-нибудь знаком[illegible] съ обычнымъ церемоніаломъ русской жизни (въ особенности провинціальной) имѣетъ вполнѣ достаточныя свѣдѣнія о явленіи, именуемомъ расхищеніемъ власти—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Лѣтописи наши изобилуютъ и прензобилуютъ подобными фактами. Кто не помнитъ цѣлой организованной шайки, благодаря которой произошло уфимско-оренбургское земельное расхищеніе? Кому не извѣстны лукавые рабы, которые подъ прикрытіемъ обаянія власти, обдѣлываютъ свои личныя дѣлишки? Кто, наконецъ, еще въ дѣтствѣ не слыхалъ о цѣлой массѣ мелкихъ самоуправцевъ, по милости которыхъ существованіе въ провинціи становится годъ отъ году болѣе и болѣе загадочнымъ? Всѣ эти люди, безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ полное право на кличку расхитителей власти. Они посѣваютъ вокругъ себя скудость матеріальную, умственную и нравственную; они вносятъ озлобленіе и смуту въ умы; они умерщвляютъ народную силу въ самомъ источникѣ и, совершая все это, въ качествѣ органовъ власти и ея именемъ, неизбѣжно подрываютъ довѣріе къ ней. Они хуже чѣмъ расхищаютъ власть — они безчестятъ ее. Указывать на подобныя расхищенія власти, предлагать способы къ ихъ устраненію—вотъ задача публицистики, сознающей себя дѣйствительно охранительною. Вотъ въ сторону какихъ расхитителей должны быть направлены ея самыя бойкія фразы, если ужъ безъ бойкости нельзя обойтись.

На дѣлѣ однакоже видится совершенно противное. О подлинныхъ расхитителяхъ охранительная публицистика въ большинствѣ случаевъ проходитъ молчаніемъ, а нѣкоторыхъ изъ нихъ — напримѣръ, самоуправцевъ—даже похваляетъ. Названіе же расхитителей власти присвоивается ею тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя, по самому свойству своихъ обязанностей, не могутъ имѣть никакой прикосновенности ни къ расхищеніямъ при помощи воровства, ни къ расхищеніямъ при помощи самоуправства...

Въ особенности часто прилагается нынѣ это клеймо къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ. И слѣпая ярость, и клевета, и раскатистый хохотъ—все по ихъ поводу считается пригоднымъ, дозволительнымъ и умѣстнымъ. Не странно ли видѣть, что въ сферѣ охранительной можетъ существовать пресса, которая слово: „легальность“, произ-

носить не иначе, какъ съ прибавленіемъ наскуднаго „risum teneatis, amici“? А между тѣмъ это не фантазія, а дѣйствительность. Надрываютъ охранители животы со смѣху да и полно. Судей такъ-таки прямо въ лицо и называютъ „несмѣняемыми“ и „независимыми“, а для присяжныхъ засѣдателей даже сугубо-уморительную кличку придумали: „непогрѣшимые“! И все вѣдь въ насмѣшку...

Я не къ тому заговорилъ о судахъ, чтобы произносить въ ихъ пользу защитительную рѣчь. Прежде всего я не сознаю себя достаточно компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ, а затѣмъ лично нахожу, что какъ бы ни были хороши суды, все-таки лучше совсѣмъ не имѣть въ нихъ хожденія, нежели состоять съ ними въ непрестанномъ общеніи. Такъ что ежели бы ко мнѣ явился адвокатъ Балалайкинъ и сталъ убѣждать, что я безъ всякихъ правъ могу навѣрняка оттягать у сосѣда каменный домъ (какой-нибудь охранительный Іудушка навѣрняка сказалъ бы по этому случаю: Богъ послалъ!), то я и тогда навѣрное отказался бы отъ предъявленія иска. Ибо и за всѣмъ тѣмъ, наравнѣ со всѣми неодержимыми „колеромъ“ членами русской семьи, я убѣжденъ: во-первыхъ, что судебная реформа исходитъ отъ той самой власти, на защиту которой выходятъ самозванные охранители; во-вторыхъ, что „легальность“ не только не подрываетъ власти, но, напротивъ, укрѣпляетъ ее, и что, слѣдовательно, если оба эти выраженія употребляются рядомъ, то смѣшного въ этомъ ничего нѣтъ; и въ-третьихъ, что въ практикѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, со времени ихъ преобразованія, рѣшительно ничего такого не произошло, что̀ угрожало бы опасностью государству или вызывало бы хохотъ. Такъ что даже кличка „непогрѣшимости“, присвоенная суду присяжныхъ, есть, въ сущности, только паясничество, ибо нигдѣ и никогда судъ присяжныхъ не признавался символомъ непогрѣшимости, а считался только выразителемъ извѣстнаго уровня общественнаго и народнаго самосознанія.

Вотъ еслибъ охранительная публицистика хлопотала о поднятіи этого уровня—это было бы съ ея стороны заслугой. Но въ томъ-то и дѣло, что интересы ея заключаются совсѣмъ не въ этомъ (пожалуй, чѣмъ ниже уровень, тѣмъ даже лучше, покойнѣе, благочиннѣе), а въ томъ, чтобы учинить подтасовку, которая помогла бы подлинныхъ расхитителей власти подмѣнить расхитителями мнимыми.

Подтасовка эта совершенно въ правахъ нашей охранительной

публицистики и могла бы представлять серьезную опасность, еслибъ послѣдняя не умѣрялась значительною примѣсью недомыслія и безтолковости. Благодаря этому обстоятельству, читатель, сколько бы наивный и терпѣливый начинаетъ уже видѣть въ подтасовкахъ только дурную привычку и больше ничего.

Въ сущности, по поводу вопроса о расхищеніи власти происходитъ такое же столпотвореніе, какъ и по поводу обращенія къ исконнымъ русскимъ началамъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ извергаются только бойкія слова, нимало не вяжущіяся съ предметомъ, о которомъ заведена рѣчь. О выводахъ или о пожеланіяхъ нѣтъ и въ поминѣ. Людямъ болѣе или менѣе подозрительнымъ можетъ показаться, что вотъ-вотъ сорвется съ языка что-нибудь рѣшительное, въ родѣ „закрѣпощенія“ или возстановленія старой судебной волокиты—отнюдь не бывало! Даже этихъ немудрыхъ словъ нѣтъ. Вообще никакихъ словъ, кромѣ бойкихъ, да и бойкія-то слова вырываются какъ-то внезапно, исключительно подъ вліяніемъ всполошившагося темперамента. И въ результатѣ—ни шествія впередъ, ни возврата назадъ, ничего, кромѣ безсодержательной пропаганды паники.

Еслибъ охранительная публицистика была способна формулировать свои вожделѣнія, еслибъ она ясно и отчетливо произнесла тѣ слова, вокругъ которыхъ она нынѣ только безсмысленно мечется—она навѣрное выполнила бы свое назначеніе съ успѣхомъ. У нея нашлись бы адепты—не особенно много, но кучка порядочная (вѣдь и до сихъ поръ встрѣчаются старички, которые облизываются при воспоминаніи о старыхъ порядкахъ)—съ помощью которыхъ она, чего добраго, провела бы въ жизнь и закрѣпощеніе, и судебную волокиту. Словомъ сказать, она могла бы принести вредъ дѣйствительный, грандіозный, могла бы уязвить не того или другого изъ своихъ противниковъ, а всѣхъ, всѣхъ вообще... Всѣхъ, кто носитъ человѣческій образъ, или, по крайней мѣрѣ, мыслитъ и чувствуетъ, какъ человѣку мыслить и чувствовать надлежитъ.

Къ счастію, этого нѣтъ. Какъ ни безпредѣльно злопыхательство охранительной прессы, но безсиліе ея мысли таково, что послѣднее непремѣнно положитъ конецъ и бойкимъ словамъ, и распространенному ими ошеломленію. Не передъ разумомъ сложитъ оружіе злопыхательство, а передъ собственною безсмыслицей. Это настолько вѣрно,

что тѣ изъ адептовъ, которые лучше другихъ понимаютъ, чье мясо кошка съѣла, начинаютъ уже недоумѣвать и сердиться.

— Тончется на одномъ мѣстѣ златоустъ-то нашъ—ни взадъ, ни впередъ!—жаловался мнѣ на дняхъ одинъ старичокъ, который съ 1862 года все ждетъ, что Богъ его проститъ:—мы было-надѣялись, что онъ „возвѣститъ“, а онъ только знай захлебывается.

Кстати о публицистикѣ. Въ одной изъ газетъ я вычиталъ, что въ одномъ изъ „Пошехонскихъ Разсказовъ“ изображена „довольно темная аллегорія, въ которой, между прочимъ, дѣйствуетъ „газетчикъ“, отыскивающій революціонеровъ для представленія по начальству“.

Это положительно невѣрно. Аллегорія разсказа, о которомъ идетъ рѣчь (если тутъ есть аллегорія) заключается въ томъ, что пошехонцы, застигнутые затрудненіями, не находятъ другого выхода, кромѣ личныхъ репрессалій, распри и взаимныхъ пререканій заднимъ числомъ. Вѣроятно они предполагаютъ, что если достаточно другъ друга перекалѣчатъ, то у нихъ, по щучьему велѣнью, явится и panis, и circenses. Однако же ничего кромѣ иконныхъ пустыхъ щей (panis) и синяковъ на тѣлѣ (circenses), не получаютъ; и не получаютъ по той простой причинѣ, что ни изъ разгромленія, ни изъ опустошенія, ни изъ калѣченія (сихъ излюбленныхъ пошехонскихъ панацей) никакого приварка не извлечешь, а извлечешь только безлюдье и всеобщую одичалость.

Эта особенность пошехонскихъ оздоровительныхъ пріемовъ и пошехонскаго міросозерцанія извѣстна не со вчерашняго дня: всѣ лѣтописные разсказы наполнены примѣрами усобицъ и пререканій. Искони пошехонцы любили заниматься разслѣдованіемъ корней и нитей, то-есть переборкой отдѣльныхъ персонъ, и искони же уклонялись отъ выясненія самимъ себѣ дѣйствительныхъ, а не персональныхъ причинъ постигшаго затрудненія. И потому-то, быть можетъ, какъ они ни надсаживаются, подсиживая другъ друга, а пустыя щи и до сегодня не сходятъ у нихъ со стола.

Безспорно, что отыскать для жизни новыя, болѣе плодотворныя основанія гораздо труднѣе, нежели дать ближнему оплеуху: но вѣдь, съ другой стороны, оплеуха, съ какой стороны на нее ни взгляни, все-таки не больше, какъ оплеуха. А дальше что?

Говорятъ, будто пошехонцы недостаточно подготовлены для того, чтобы думать о новыхъ основаніяхъ для жизни, такъ надо же, дескать, въ ожиданіи лучшаго хоть что-нибудь предпринимать... Помилуйте! да вѣдь есть же, наконецъ, честность, есть здравый смыслъ! Допустимъ, что безъ серьезной подготовки на прочное строительство надѣяться нельзя, но, право, и одной честности достаточно, чтобы произвести что-нибудь болѣе прочное, нежели этотъ паскудный обмѣнъ оплеухъ, который и заушающихся, и заушаемыхъ одинаково доводитъ до полнаго нравственнаго растлѣнія.

Вотъ мысль, которая положена въ основаніе разсказа о фантастическомъ пошехонскомъ отрезвленіи. Ежели это аллегорія, то необходимо допустить, что и вся вообще пошехонская жизнь есть не что иное, какъ аллегорія.

Что же касается до „газетчика“, то онъ привлеченъ къ разсказу вовсе не въ качествѣ „отыскивателя революціонеровъ для представленія по начальству“, а въ качествѣ подстрекателя въ томъ безплодно-самоѣдскомъ направленіи, благодаря которому пошехонцы мечутся, изнуряются и все-таки живутъ впроголодь. Хотя типъ такого газетчика и не встрѣчается въ пошехонскихъ лѣтописяхъ, однакожъ и онъ не представляетъ животрепещущей новости. Развелось этихъ газетчиковъ очень достаточно и муть отъ нихъ большая идетъ.

Право, небезполезно напоминать литературѣ (особливо въ виду неравномѣрной растяжимости правила: „audiatur et altera pars“), что сдержанность для нея обязательна, что существуютъ задачи болѣе ей приличествующія, нежели злая и притомъ явно-безплодная травля однихъ посредствомъ другихъ. Кругомъ то-и-дѣло раздаются вопли: „довольно фразъ! за дѣло пора, за дѣло!“—а вслушайтесь-ка попристальнѣе въ смыслъ этихъ воплей, и вы убѣдитесь, что, въ сущности, кромѣ травли, никакого дѣла и не предвидится. Стало быть, что-нибудь одно предстоитъ: или дознаться, въ чемъ же именно состоитъ это пресловутое, безпрерывно возвѣщаемое „дѣло“, или же положить предѣлъ лицемѣрному галдѣнью.

Я знаю впрочемъ, что ни „разсказами“, ни вообще литературнымъ воздѣйствіемъ ни того, ни другого добиться нельзя. Газетчики того типа, о которомъ идетъ рѣчь, никогда ничего не скажутъ о сущности „дѣла“, потому что они сами этой сущности не знаютъ, и никогда не перестанутъ галдѣть, потому что галдѣніе составляетъ ихъ

ремесло. Но вѣдь рѣчь писателя имѣетъ значеніе скорѣе воспитательное, нежели непосредственно-практическое. Онъ обращается къ обществу не за тѣмъ, чтобы пристигнуть такое-то лицо или такое-то дѣйствіе, а съ цѣлью воздѣйствовать на общественную совѣсть, на общественное самосознаніе.

Чтеніе газетъ наводитъ иногда на мысли совершенно неожиданныя, но въ то же время и не безполезныя. Въ жизни встрѣчается великое множество явленій, которыя пропускаются безъ вниманія единственно потому, что ужъ очень всѣмъ примелькались. И вдругъ о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ начинаетъ разговаривать газета. Разговариваетъ строго, съ наѳосомъ, съ примѣсью такъ-называемой аттической соли (нынѣ, благодаря безакцизности, она дешева) и даже какъ бы съ затаеннымъ опасеніемъ. Съ перваго взгляда никакъ не поймешь, что̀ именно случилось, и, только пристально вдумавшись, догадаешься: ба! да вѣдь это оно самое и есть!

Возьмемъ для примѣра хоть такой фактъ: какимъ образомъ зачинались наши Пошехонья? какъ и по какой причинѣ возникли въ нихъ каланчи?—Много ли найдется любознательныхъ людей, которыхъ интересовали бы подобные вопросы? Я по крайней мѣрѣ никогда, до послѣдняго времени, не думалъ объ нихъ. Проѣзжая мимо того или другого Пошехонья, я освѣдомлялся у ямщика, какъ оно называется, и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, мѣнялъ на станціи лошадей и слѣдовалъ дальше, по направленію къ слѣдующему Пошехонью. Проѣзжая мимо каланчи, я машинально восклицалъ: вотъ она, каланча-матушка! — и не давалъ этому восклицанію ни особливаго значенія, ни дальнѣйшаго развитія. И такимъ образомъ, чего̀ мудренаго, я и въ могилу сошелъ бы, не давши себѣ отчета въ собственныхъ впечатлѣніяхъ и восклицаніяхъ...

По необъяснимой случайности, вопросъ о происхожденіи русскихъ Пошехоній и о постройкѣ въ нихъ каланчей съ особенною настоятельностью предсталъ передо мной послѣ прочтенія газетныхъ статей о дѣлѣ волчанскаго исправника Зографа. Читалъ-читалъ—и вдругъ мысль: да кто же кому предшествовалъ, Зографъ ли Волчанску, или Волчанскъ Зографу? Вопросъ былъ поставленъ мною неправильно и даже неподлежательно (слѣдовало бы спросить такъ: Волчанскъ ли

для Зографа существуетъ, или Зографъ для Волчанска?—тогда навѣрное было бы ясно: конечно, съ одной стороны Волчанскъ... но съ другой стороны несомнѣнно, что и Зографъ...). и потому весьма естественно, что въ бодрственномъ состояніи я отвѣта на него дать не могъ. Тогда, по-неволѣ, пришлось прибѣгнуть къ сновидѣнію, и вдобавокъ аллегорическому.

Прилегъ, и такъ какъ дѣло было къ спѣху, то сейчасъ же увидѣлъ сонъ. И вотъ какую аллегорію развернуло предо мной сновидѣніе.

Вначалѣ, будто бы, появился исправникъ (точнѣе было бы, по старинному, сказать: городничій, но во снѣ за историческою точностью не угоняешься) и, памятуя, что ему предстоитъ, съ одной стороны, пожары тушить, а съ другой—бунты, съ помощью пожарной трубы, усмирять, выбралъ мѣстечко на берегу рѣки. Который исправникъ въ рубашкѣ родился—выбралъ рѣку многоводную, съ стерляжьей ухой, съ нагруженными хлѣбомъ расшивами, съ раскольниками; который безъ рубашки, въ одномъ вицъ-мундирѣ родился—удовольствовался рѣчкой Гнилушкой, въ надеждѣ, что малая рѣка, при усердіи, большой процентъ дастъ. Не успѣлъ онъ умомъ-разумомъ раскинуть—смотритъ, анъ у него ужъ, по щучьему велѣнью, помощникъ родился. А немного погодя—частный приставъ, а еще немного спустя—пара квартальныхъ. Сотворили совѣтъ, и на вопросъ: какъ въ семъ случаѣ поступить?—въ одинъ голосъ отвѣтили: выстроить каланчу! И только-что они это слово вымолвили—глядь, анъ каланча ужъ готова! Стоитъ, сердечная, и сама собой пожарные сигналы выкидываетъ. Обрадовался исправникъ, взобѣжалъ на вышку и, вспомнивъ Пушкина, произнесъ:

Отсель грозить мы будемъ Шведу...

И погрозилъ...

И что-жъ, какъ только онъ погрозилъ, такъ со всѣхъ сторонъ налетѣли полицейскіе и пожарные нижніе чины и начали кругомъ каланчи городъ завивать. А исправникъ засѣлъ въ каланчѣ, сидитъ да, подобно древнему Девкаліону, изъ окошка камешками пошвыриваетъ. Побольше камень броситъ—вскочитъ купчина и начнетъ торговать: поменьше—вскочитъ мѣщанинъ и начнетъ воровать. Наконецъ цѣлую глыбу выкатилъ—народился „вѣнецъ созданій божіихъ“,

откупщикъ. И тутъ же поздравилъ исправника съ окладомъ: тысяча рублей въ годъ — само собой, а четыре ведра водки въ мѣсяцъ — само собой.

Словомъ сказать, не прошло безъ году недѣли, а городъ ужъ во всѣхъ статьяхъ такъ и играетъ на солнышкѣ. И казначейство, и суды, и всякія управленія, и кабаки, и гостиный дворъ, и кутузка —чего хочешь, того просишь. И вдругъ исправникъ спохватился.

— А у кого же мы по праздникамъ пироги будемъ ѣсть? — обратился онъ къ сослуживцамъ.

— То-то что градского голову приходится сдѣлать...

Сказано — сдѣлано. Взялъ исправникъ глины комъ, замѣсилъ съ соломенной рѣзкой, дунулъ, плюнулъ — вышелъ голова! „Что, братъ, не чаялъ?—ласково молвилъ ему исправникъ:—то-то! смотри у меня! Я тебя изъ праха воззвалъ, я же тебя и обратно въ оный погружу!“

Сдѣлавши все какъ слѣдуетъ, пошелъ исправникъ съ помощникомъ своимъ по городу гулять. Гуляетъ и не нарадуется. Взойдетъ въ бакалейную лавку, зачерпнетъ въ пригоршню изюму и ѣстъ; взойдетъ въ суконную лавку—себѣ на мундиръ сукна отрѣжетъ, а женѣ на пальто драпу; зайдетъ къ откупщику—спроситъ: „скоро ли же на балъ звать будете? надо, сударь, общество веселить!“

Долго ли, коротко ли такъ дѣло шло, только началъ исправникъ мечтать.

— А знаете ли, Иванъ Иванычъ,—сказалъ онъ однажды помощнику:—какую я штуку придумалъ?

— Не могу знать, вашескородіе!

— Угадайте!

— И угадать не могу, вашескородіе!

— И не угадаете. А я между тѣмъ самую простую штуку придумалъ. Доселѣ я *ихъ*—создавалъ, а отнынѣ начну *ихъ*... уничтожать!

Помощникъ весь превратился въ слухъ. Стоитъ и не шелохнется. Зналъ онъ, что у исправника ума палата, но такой премудрости, признаться сказать, даже отъ него не чаялъ.

— На какой же собственно... предметъ?—очнулся онъ наконецъ.

— Какъ на какой предметъ!—разсердился исправникъ:—на службѣ вы, милостивый государь, состоите, а самыхъ элементарныхъ

вещей не понимаете; sic volo, sic jubeo — вотъ на какой предметъ! Исправникъ я или нѣтъ?

И затѣмъ, призвавъ градского голову, сказалъ ему такія слова:

— Я сей градъ, ради нѣкакой надобности, воздвигнулъ; я же его, ради той же надобности, и разрушить хочу.

Но голова хотя и одолженъ былъ исправнику жизнью, однакожъ на сей разъ не понялъ.

— На какой же собственно... предметъ? — осмѣлился онъ заикнуться.

— Не для того я тебя призвалъ, чтобы твои смѣха достойныя слова слушать! — разсердился на него исправникъ: — ступай и выполни! Съ завтрашняго же дня обязываются обыватели сами себя постепенно расточать, и когда всѣхъ расточатъ до единаго, тогда я и о тебѣ промыслю.

Дѣйствительно, на другой же день городъ оживился, точно во время дворянскихъ выборовъ. Насилу успѣвалъ секретарь думскій приговоры о расточеніи сочинять, насилу успѣвали полицейскіе тѣ приговоры по домамъ да по кабакамъ, для подписи, разносить! Обыватели подписывали ходко, не отнѣкивались:

— Мы люди привышные! — говорили они: — насъ хоть со щами хлебай, хоть съ кашей ѣшь!

Даже откупщикъ на первыхъ порахъ обрадовался, потому что расточаемыхъ провожали родные и каждые проводы сопровождались немалою выпивкой. „Пущай расточаютъ другъ дружку! — говорилъ себѣ откупщикъ: — исправникъ изъ щебёнки опять мнѣ цѣлую уйму пьяницъ надѣлаетъ!“ Но когда городъ замѣтно опустѣлъ и когда притомъ сказалось, что Левкаліоновъ секретъ исправникомъ былъ уже при закладкѣ города безъ остатка истраченъ, тогда и откупщикъ встрепенулся: ежели всѣхъ пьяницъ расточить — кто же въ кабакахъ водку пить будетъ! И шепнулъ онъ стрянчему: caveant consules! какъ бы-де для казны ущербу отъ исправницкой затѣи не произошло? А у стрянчаго два ока были, изъ коихъ одно — недреманное. До сихъ поръ онъ въ недреманномъ окѣ надобности не видѣлъ, а теперь вдругъ вздумалъ: дай-ка, посмотрю! И посмотрѣлъ.

И вотъ, когда ужъ обывателей осталась самая малая горсточка и городской голова съ грустью подумывалъ о томъ, что въ недолгомъ

времени ему придется расточить самого себя, вдругъ, по доносу стряпчаго, раздался трубный звукъ:

— Подъ судъ исправника!

И прослѣдовалъ исправникъ изъ города имъ созданнаго и имъ же расточеннаго прямо подъ судъ; прослѣдовалъ тихо, смирно, благородно. И кто ни встрѣчалъ его на пути къ суду — всякій говорилъ:

— Неужто сей человѣкъ прегрѣшилъ?

И начали его судить...

. . . . . .

Но тутъ я, конечно, проснулся и дальнѣйшаго развитія этой исторіи не знаю. Равнымъ образомъ не знаю и того, что̀ сталось съ расточеннымъ городомъ. Явился ли туда новый Девкаліонъ и населилъ его новыми пьяницами, или такъ до-днесь и остается онъ въ родѣ древней Ниневіи. Тамъ и сямъ встрѣчаются изящные портики, великолѣпныя колоннады, памятники и проч., а между тѣмъ базарная площадь, какъ была въ послѣдній базарный день, такъ и посейчасъ невыметенная стоитъ.

—

Мартъ мѣсяцъ ознаменовался тѣмъ, что адвокатское сословіе получило неожиданный реприманъ. Печальную эту обязанность принялъ на себя извѣстный юристъ и въ то же время членъ прокурорской семьи, Н. А. Неклюдовъ. Частые оправдательные вердикты, благодаря которымъ преступленія, несомнѣнно содѣянныя, остаются ненаказанными, обратили на себя его просвѣщенное вниманіе. Но въ особенности повидимому повліяли на его рѣшимость вопли охранительной печати, направленные противъ судебной реформы. По разсмотрѣніи, оказалось, что во всемъ виноваты адвокаты. Они вводятъ въ заблужденіе присяжныхъ засѣдателей; они сознательно извращаютъ факты; они — *распинаютъ* законъ...

Г. прокуроръ говорилъ горячо и убѣжденно, и притомъ при открытыхъ дверяхъ, въ присутствіи уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Жаль, что онъ не упомянулъ при этомъ, не распинали ли, при случаѣ, закона и прокуроры. Вѣдь и на нихъ въ этомъ смыслѣ кивастъ наша охранительная печать.

Вопросъ о лганьѣ на судѣ очень существенный. Но что касается до меня, то я далеко не убѣжденъ, можно ли разрѣшить его „съ

нылу, съ жару, по пятаку за пару". Страшно подумать, что исходъ дѣлъ, съ которыми неразрывно связываются честь и доброе имя обвиняемыхъ, зависитъ отъ того, кто кого перележетъ, но въ данномъ случаѣ и самыя крупныя слова едва ли могутъ что-нибудь разъяснить. Гораздо было бы полезнѣе отнестись къ дѣлу вполнѣ серьезно и обстоятельно. Но тутъ опять бѣда: нѣтъ въ насъ живого мѣста, къ которому мы могли бы прикоснуться безъ ощущенія боли. Непремѣнно какой-нибудь „неокрѣпшій молодой институтъ" задѣнешь. И пойдутъ потомъ аханья: „ахъ, что вы!" да „неужели же вы не понимаете?" Вотъ почему такъ много встрѣчается людей, которые на все махнули рукой и говорятъ: „а коли такъ, то прощайте какъ знаете, сами собой... институты!"

Адвокаты возражали г. Неклюдову печатно. Возраженіе вышло небезосновательное, хотя черезъ-чуръ растянутое. Любопытно однакожъ, могли ли бы адвокаты сдѣлать возраженіе на судѣ столь же горячо и откровенно, какъ это сдѣлалъ г. Неклюдовъ?

Глава X *).

Пасхальные праздники на время заслонили внутреннюю политику. Но такъ какъ общій складъ жизни за послѣдніе годы пріобрѣлъ характеръ серьезный, то и праздники вышли серьезные. Пили и ѣли, быть можетъ, даже болѣе, нежели когда-либо, но не ради угожденія мамонѣ (объ этомъ нынѣ и не помышляетъ никто!), а ради оживленія промышленности и поддержки курсовъ. Многіе безшабашные совѣтники насильно заставляли себя съѣдать по нѣскольку десятковъ крутыхъ яицъ въ день, лишь бы пустить въ народное обращеніе нѣсколько лишнихъ рублей. У всѣхъ на умѣ были: отечество, деревня и мужичокъ. „Деревню поддержать надо! мужичка!" раздавалось вездѣ, гдѣ зрѣетъ солидная мысль и ведутся солидные разговоры о переходѣ отъ фразы къ дѣлу. Даже неисправимые пьяницы — и тѣ нынѣ какъ бы сознаютъ, что на нихъ лежитъ какая-то серьезная обязанность, а потому пьютъ не для того, чтобы весело было, а чтобы

*) Эта глава осталась недоконченною.

поскорѣе остолбенѣть и тѣмъ принести пользу винокуренію. Я нѣсколько лѣтъ сряду живу противъ портерной, и слѣдовательно имѣю полную возможность наблюдать за проявленіями алкоголизма. Прежде, бывало, выйдетъ пьяница изъ портерной и сейчасъ же начнетъ пѣсни пѣть, къ прохожимъ приставать, писать мыслете; нынѣче, смотрю, въ самый первый день праздника, вышелъ пьяница изъ дверей — и сейчасъ же легъ на тротуаръ. Съ четверть часа онъ лежалъ на плитахъ какъ на пуховикѣ, не возбуждая ни въ комъ удивленія, пока не появилась въ воротахъ дома дворникова кума и не всплеснула руками. Тогда пришелъ дворникъ, поднялъ пьяницу и, прислонивъ его къ стѣнѣ — точно это былъ не человѣкъ, а деревянный шестъ, — не торопясь отправился за городовымъ. А городовой въ это время съ подчаскомъ христосовался, и когда кончилъ, то оказалось, что пьяница ему не подсуденъ, а подсуденъ вонъ тому кавалеру... вонъ, который подъ козырёкъ дѣлаетъ... Покуда городовые разрѣшали вопросъ о подсудности, откуда-то прибѣжалъ прокурорскій надзоръ, а слѣдомъ за нимъ — адвокатъ, и еще больше дѣло запутали. А пьяница все стоялъ у стѣны, стоялъ солидно и трезвенно, не сгибая колѣнъ и какъ бы сознавая, что ежели начальство прислонило его къ стѣнѣ, то онъ всѣмъ трезвымъ долженъ подавать примѣръ.

Но ежели пьяницы вели себя съ такимъ достоинствомъ, то безшабашные совѣтники тѣмъ больше должны были сознавать себя обязанными служить образцомъ для своихъ гражданъ. Я знаю цѣлыхъ троихъ, которые заранѣе согласились пріятно провести праздники, и дѣйствительно провели ихъ такъ благородно, какъ дай Богъ всякому. Первые два дня, разумѣется, посвятили поздравленіямъ, а остальные — тихимъ удовольствіямъ. Вставши утромъ, бесѣдовали за кофеемъ каждый со своею кухаркой, объясняя имъ, въ чемъ заключается различіе пасхальныхъ яицъ отъ обыкновенныхъ, а также почему въ теченіе пасхальной недѣли ѣдятъ куличи и пасхи, — а кому дозволятъ средства, то и ветчину. — А съ Ооминой недѣли начинается ѣда обыкновенная. Наговорившись до-сыта, навѣшивали на шеи новые орденскіе знаки и отправлялись на Николаевскій мостъ смотрѣть, какъ ломаетъ на Невѣ ледъ. Тамъ всѣ трое сходились и, объяснивъ другъ другу, что теперь идетъ ледъ невскій, а недѣли черезъ двѣ пойдетъ ладожскій, шли въ балаганы, гдѣ смотрѣли пьесу: „Ермакъ Тимоѳеевичъ или покореніе Сибири“, и ощущали подъемъ чувствъ. Выйдя изъ

балагана на площадь, обсуждали видѣнное и слышанное примѣнительно къ современнымъ обстоятельствамъ.

— Какъ вы думаете, вашество, еслибъ Ермакъ Тимоѳеевичъ да въ теперешнее время эту самую Сибирь покорилъ? сдобровать бы ему?—спрашивалъ безшабашный совѣтникъ, отличавшійся большею противъ другихъ пытливостью ума.

— Что ужъ ее покорять! и безъ того чуть жива!—уклончиво отвѣтствовалъ другой безшабашный совѣтникъ.

— Однако! еслибы?!

— Полагаю, что предварилки бы не миновать,—отзывался третій. —А можетъ быть, впрочемъ, подъ манифестъ бы подвели!

— То-то вотъ и оно. Съ одной стороны, конечно... отъ Петербурга до Верхнекамчатска въ два мѣсяца на курьерскихъ не доѣдешь —лестно этакой перлъ заполучить!.. Но съ другой стороны —строптивость... А впрочемъ, государи мои, такъ какъ съ третьей стороны Ермакъ Тимоѳеевичъ волею Божіей помре, то я полагалъ бы о поступкѣ его сужденія не имѣть, Сибирь же пріобщить къ числу прочихъ Россійской короны недвижимыхъ имуществъ... И затѣмъ шествовать въ Палкинъ трактиръ, гдѣ и совершить приличное сему случаю возліяніе. Такъ ли я говорю?

Неожиданность этого заключенія всѣхъ приводила въ восхищеніе. Безшабашные приходили къ Палкину, выпивали по рюмкѣ анисовки и заѣдали килькою. Причемъ пытливый безшабашный совѣтникъ объяснялъ буфетчику, съ которыхъ поръ и по какой причинѣ возникъ обычай красить яйца въ красную краску. Закусивши и полюбовавшись плавающими въ сажалкѣ стерлядями, друзья отправлялись на Невскій и молча дѣлали два-три конца взадъ и впередъ, отъ Аничкина моста до Адмиралтейской площади. На всѣхъ троихъ были новенькія ватныя пальто и новая шляпа отъ Чуркина (безъ наушниковъ); у всѣхъ въ рукахъ было по тросточкѣ. Шли они и всему дивились: и серебрянымъ рублямъ, выставленнымъ въ витринахъ мѣнялъ, и выставкѣ модныхъ и ювелирныхъ товаровъ, но всего больше—книжнымъ магазинамъ. Слышали они, якобы книгопечатаніе прекратилось, а между тѣмъ...

— Вотъ говорятъ, что у насъ свободы нѣтъ!—припоминалъ по этому случаю пытливый тайный совѣтникъ: —вотъ онѣ, книги-то... копни-ка въ нихъ какъ слѣдуетъ!

Въ заключеніе заходили къ Елисееву, покупали по апельсину и возвращались съ гостинцемъ каждый къ своей кухаркѣ домой, гдѣ ихъ ожидалъ готовый обѣдъ. Выспавшись послѣ обѣда, вспоминали происшествія дня, перебирали лицъ, получившихъ къ праздникамъ чины и ордена, напѣвали приличныя случаю пѣсни и терзались сомнѣніями, ежели къ кухаркамъ приходили въ гости земляки. А въ одиннадцать часовъ—спать.

Такъ провели праздники всѣ благонамѣренные и благородные люди. Такъ что ежели и въ будни дѣло пойдетъ столь же солидно, то можно сказать навѣрное, что мирное развитіе наше вскорѣ будетъ вполнѣ обезпечено. Пусть всякій выполняетъ свой долгъ по силѣ возможности, дѣлясь своимъ избыткомъ съ меньшимъ братомъ, не объѣдаясь, но и не отказывая себѣ въ лакомомъ кускѣ. Недостаточные пускай съѣдаютъ по одному куличу въ день, средняго состоянія люди—по два, богатые—по три и соотвѣтственно этому яицъ, пасхи и ветчины,—и увидите, что рубль самъ собой взыграетъ и никакихъ внѣшнихъ займовъ не потребуется.

Я тоже всѣми мѣрами старался выполнить эту программу, и, кажется, успѣлъ въ этомъ. Правда, что съ поздравленіями я не ходилъ, но не потому, чтобы восхищенное мое сердце не ощущало въ томъ потребности, а потому единственно, что ѣздить не къ кому. Въ послѣднее время одиночество—пожалуй, даже заброшенность—до такой степени охватило меня, что я почти исключительно разговариваю съ одними читателями. Ихъ я и поздравляю:—Христосъ воскресъ! поцѣлуемтесь!

Когда-то это былъ удивительно пріятный для меня праздникъ. Я говорю не про дѣтство, когда весь смыслъ праздника заключался въ томъ, что я каталъ съ луки яйца, качался на качеляхъ и скакалъ съ доски, а про позднѣйшее время, когда на первомъ планѣ стояли уже не яйца и куличи, а вся эта веселая, ликующая ночь. Я, крѣпостной до мозга костей, я, рабъ отъ верхняго конца до нижняго, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ чувствовалъ себя свободнымъ отъ узъ... И могу засвидѣтельствовать, что чувство это столь прекрасно, что можетъ сравняться только съ тѣмъ, которое испытываетъ человѣкъ, сознающій себя свободнымъ, кромѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, и въ прочіе дни. И замѣтьте, что я ощущалъ это

сладкое чувство, имѣя на плечахъ мундиръ, сбоку—шпагу и подъ мышкой—трехуголку.

Лучшую пору моей жизни я размыкалъ по губернскимъ городамъ, и съ особенною живостью принимаю пасхальный церемоніалъ. Нигдѣ такъ весело и такъ торжественно не служится великая утреня; нигдѣ такъ охотно не христосуются, такъ безкорыстно не радуются празднику. Правящіе классы радуются предстоящему недѣльному отдыху; управляемые — тому, что въ теченіе восьми дней объ нихъ не будутъ имѣть сужденія. Въ церкви читается слово Златоуста, *всѣхъ* призывающее къ жизни, *всѣмъ* предлагающее вкусить „тельца упитанна". Въ позднѣйшее время власти стали какъ будто побаиваться этихъ призывовъ—какъ бы, дескать, не вышло превратныхъ толкованій; но до-реформенныя власти не ощущали еще двоесмыслія въ своемъ міросозерцаніи, и потому относились къ церковнымъ поученіямъ гораздо проще. Я помню, какъ при упоминаніи о „тельцѣ упитанномъ" у губернатора Набрюшникова ротъ самъ собой раскрывался до ушей, и онъ торжествующе озирался, въ увѣренности, что рѣчь идетъ именно о той телятинѣ, которую весь оффиціальный губернскій міръ будетъ ѣсть у него послѣ ранней обѣдни. И не видѣлъ онъ ничего зазорнаго въ томъ, что въ такой великій день *всѣ* преисполнятся ликованіемъ, *всѣ* будутъ вкушать (разумѣется, ежели предшествующій годъ былъ урожайный). Напротивъ, онъ и городничимъ, и исправникамъ внушалъ: „не препятствуйте! показывайте примѣръ!" И всѣ начальники отдѣльныхъ частей оказывали ему содѣйствіе, почтительно соревнуя и даже соперничая. Ежели у губернатора ѣли изумительную телятину, то у управляющаго палатою государственныхъ имуществъ подавали двѣнадцать сортовъ сосисокъ и диковинное малороссійское сало, у предсѣдателя казенной палаты—фаршированныхъ каплуновъ, а начальникъ внутренней стражи откармливалъ къ празднику на батальонномъ дворѣ цѣлое стадо свиней. Однимъ словомъ, всѣ чины дѣйствовали въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, и сами ѣли достаточно, и другихъ потчивали, не предвидя никакихъ превратныхъ толкованій.

Къ счастію, нынѣче начинается вновь поворотъ въ этомъ смыслѣ. Продолжительное ожиданіе превратныхъ толкованій оказалось настолько безплоднымъ и до того всѣмъ опостылѣло, что даже безшабашные совѣтники начинаютъ понимать, что сытость не только въ

праздники, но и въ будни ничего угрожающаго не представляетъ. „Только тѣ народы счастливыми почитаться могутъ, кои тучны“, сказалъ не помню какой-то законодатель,—Соломонъ или Драконъ, —и сказалъ такую истину, которая у всѣхъ на глазахъ входитъ въ міровой административный обиходъ. А ежели прибавить къ этому изреченію, что всякій съѣденный окорокъ вотчины есть косвенная милостыня, подаваемая богатымъ бѣдному, то вотъ вамъ и цѣлая административная система готова. Хоть какому угодно директору департамента не стыдно.

. . . . . .

ПЕРЕПЛЕТНАЯ